

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskya
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://zhukovskiyvasily.ru/> Приятного чтения!

Собрание сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский

Одиссея*

Песнь первая

Первый день

Собрание богов. Они определяют, что Одиссей, преследуемый Посейдоном и против воли удерживаемый нимфой Калипсо на острове Огигии, должен наконец возвратиться в свое отечество Итаку. Афина, под видом Ментеса, является Телемаху и дает ему совет посетить Пилос и Спарту и выгнать женихов Пенелопы из Одиссеева дома. Телемах в первый раз говорит решительно с матерью и женихами. Ночь.

Муза, скажи мне о том многоопытном муже, который,
Странствуя долго со дня, как святой Илион им разрушен,
Многих людей города посетил и обычаи видел,
Много и сердцем скорбел на морях, о спасенье заботясь
Жизни своей и возврате в отчизну сопутников; тщетны
Были, однако, заботы, не спас он сопутников: сами
Гибель они на себя навлекли святотатством, безумцы,
Съевши быков Гелиоса, над нами ходящего бога, –
День возврата у них он похитил. Скажи же об этом
Что-нибудь нам, о Зевесова дочь, благосклонная Муза.
Все уж другие, погибели верной избегшие, были
Дома, избегнув и брани и моря; его лишь, разлукой
С милой женой и отчизной крушимого, в гроте глубоком
Светлая нимфа Калипсо, богиня богинь, произвольной
Силой держала, напрасно желая, чтоб был ей супругом.
Но когда наконец обращенъеи времен приведен был
Год, в который ему возвратиться назначили боги
В дом свой, в Итаку (но где и в объятиях верных друзей он
Все не избег от тревог), преисполнились жалостью боги
Все; Посейдон лишь единый упорствовал гнать Одиссея,
Богopodobного мужа, пока не достиг он отчизны.
Но в то время он был в отдаленной стране эфиопов
(Крайних людей, поселенных двояко: одни, где нисходит
Бог светоносный, другие, где всходит), чтоб там от народа
Пышную тучных быков и баранов принять гекатомбу.
Там он, сидя на пиру, веселился; другие же боги
Тою порою в чертогах Зевесовых собраны были.
С ними людей и бессмертных отец начинает беседу;
В мыслях его был Эгист беспорочный (его же Атридов
Сын, знаменитый Орест, умертвил); и о нем помышляя,
Слово к собранью богов обращает Зевес Олимпиец:
«Странно, как смертные люди за все нас, богов, обвиняют!
Зло от нас, утверждают они; но не сами ли часто
Гибель, судьбе вопреки, на себя навлекают безумством?
Так и Эгист: не судьбе ль вопреки он супругу Атрида
Взял, умертвивши его самого при возврате в отчизну?
Гибель он верную ведал; от нас был к нему остроокий
Эрмий, губитель Аргуса, ниспослан, чтоб он на убийство
Мужа не смел посягнуть и от брака с женой воздержался.
„Местъ за Атрида свершится рукою Ореста, когда он
В дом свой вступить, возмужав, как наследник, захочет“, – так было
Сказано Эрмием – тщетно! не тронул Эгистова сердца
Бог благосклонный советом, и разом за все заплатил он».
Тут светлоокая Зевсова дочь Афиня Паллада
Зевсу сказала: «Отец наш, Кронион, верховный владыка,
Правда твоя, заслужил он погибель, и так да погибнет
Каждый подобный злодей! Но теперь сокрушает мне сердце
Тяжкой своею судьбой Одиссей хитроумный; давно он
Страждет, в разлуке с своими, на острове, волнообъятном
Пупе широкого моря, лесистом, где властвует нимфа,
Дочь кознодея Атланта, которому ведомы моря
Все глубины и который один подпирает громаду
Длинноогромных столбов, раздвигающих небо и землю.

Силой Атлантова дочь Одиссея, лиющего слезы,
Держит, волшебством коварно-ласкательных слов об Итаке
Память надеясь в нем истребить. Но, напрасно желая
Видеть хоть дым, от родных берегов вдалеке восходящий,
Смерти единой он молит. Ужель не войдет состраданье
В сердце твое, Олимпиец? Тебя ль не довольно дарами
Чтил он в троянской земле, посреди кораблей там ахейских
Жертвы тебе совершая? За что ж ты разгневан, Кронион?»
Ей возражая, ответствовал туч собиратель Кронион:
«Странное, дочь моя, слово из уст у тебя излетело.
Я позабыл Одиссея, бессмертным подобного мужа,
Столь отличенного в сонме людей и умом и усердным
Жертв приношеньем богам, беспредельного неба владыкам?
Нет! Посейдон, обволнитель земли, с ним упорно враждует,
Все негодуя за то, что циклоп Полифем богоравный
Им ослеплен: из циклопов сильнейший, фоосою нимфой,
Дочерью Форка, владыки пустынно-соленого моря,
Был он рожден от ее с Посейдоном союза в глубоком
Гроте. Хотя колебатель земли Посейдон Одиссея
Смерти предать и не властен, но, по морю всюду гоняя,
Все от Итаки его он отводит. Размыслим же вместе,
Как бы отчизну ему возвратить. Посейдон отказаться
Должен от гнева: один со всеми бессмертными в споре,
Вечным богам вопреки, без успеха он злобствовать будет».
Тут светлоокая Зевсова дочь Афиня Паллада
Зевсу сказала: «Отец наш, Кронион, верховный владыка!
Если угодно блаженным богам, чтоб увидеть отчизну
Мог Одиссеей хитроумный, то Эрмий аргусоубийца,
Воли богов совершитель, пусть будет на остров Огигский
К нимфе прекраснокудрявой ниспослан от нас возвестить ей
Наш приговор неизменный, что срок наступил возвратиться
В землю свою Одиссею, в бедах постоянному. Я же
Прямо в Итаку пойду возбудить в Одиссеевом сыне
Гнев и отважностью сердце его преисполнить, чтоб созвал
Он на совет густовласых ахеян и в дом Одиссеев
Вход запретил женихам, у него беспощадно губящим
Мелкий скот и быков криворогих и медленноходных.
Спарту и Пилос песчаный потом посетит он, чтоб сведать,
Нет ли там слухов о милом отце и его возвращенье,
Также, чтоб в людях о нем утвердилась добрая слава».
Кончив, она привязала к ногам золотые подошвы,
Амвросиальные, всюду ее над водой и над твердым
Лоном земли беспредельныя легким носящие ветром;
После взяла боевое копье, заощренное медью,
Твердое, тяжкоогромное, им же во гневе сражает
Силы героев она, громоносного бога рожденье.
Бурно с вершины Олимпа в Итаку шагнула богиня.
Там на дворе, у порога дверей Одиссеева дома,
Стала она с медноострым копьем, облеченная в образ
Гостя, тафийцев властителя, Ментеса; собранных вместе
Всех женихов, многобуйных мужей, там богиня узрела;
В кости играя, сидели они перед входом на кожах
Ими убитых быков; а глашатаи, стол учреждая,
Вместе с рабами проворными бегали: те наливали
Воду с вином в пировые кратеры; а те, ноздреватой
Губкой омывши столы, их сдвигали и, разного мяса
Много нарезав, его разносили. Богиню Афины
Прежде других Телемах богоравный увидел. Прискорбен
Сердцем, в кругу женихов он сидел, об одном помышляя:
Где благородный отец и как, возвратясь в отчизну,
Хищников он по всему своему разгоняет жилищу,
Власть восприимет и будет опять у себя господином.
В мыслях таких с женихами сидя, он увидел Афины;
Тотчас он встал и ко входу поспешно пошел, негодуя
В сердце, что странник был ждать принужден за порогом; приближась,
Взял он за правую руку пришельца, копье его принял,
Голос потом свой возвысил и бросил крылатое слово:
«Радуйся, странник; войди к нам; радушно тебя угостим мы;

Нужду ж свою нам объявишь, насытившись нашею пищею».
Кончив, пошел впереди он, за ним Афиней Паллада,
С нею вступя в пировую палату, к колонне высокой
Прямо с копьем подошел он и спрятал его там в поставе
Гладкообтесанном, где запираемы в прежнее время
Копья царя Одиссея, в бедах постоянного, были.
К креслам богатым, искусной работы, подведши Афины,
Сесть в них ее пригласил он, покрыв наперед их узорной
Тканью; для ног же была там скамейка; потом он поставил
Стул резной для себя в отдаленье от прочих, чтоб гостю
Шум веселящейся буйно толпы не испортил обеда,
Также, чтоб втайне его расспросить об отце отдаленном.
Тут принесла на лохани серебряной руки умыть им
Полный студеной воды золотой рукомоиник рабыня,
Гладкий потом пододвинула стол; на него положила
Хлеб домовитая ключница с разным съестным, из запаса
Выданным ею охотно; на блюдах, подняв их высоко,
Мяса различного крайчий принес и, его предложив им,
Кубки златые на браном столе перед ними поставил;
Начал глашатай смотреть, чтоб вином наполнялися чаще
Кубки. Вошли женихи, многобуйные мужи, и сели
Чином на креслах и стульях; глашатаи подали воду
Руки умыть им; невольницы хлеб принесли им в корзинах;
Отроки светлым напитком до края им налили чаши.
Подняли руки они к приготовленной пище; когда же
Был удовольствован голод их лакомою пищею, вошло им
В сердце иное – желание сладкого пенья и пляски:
Пиру они украшение; и звонкую цитру глашатай
Фемью подал, певцу, перед ними во всякое время
Петь принужденному; в струны ударив, прекрасно запел он.
Тут осторожно сказал Телемах светлоокой Афине,
Голову к ней приклонив, чтоб его не слышали другие:
«Милый мой гость, не сердись на меня за мою откровенность;
Здесь веселятся; у них на уме лишь музыка да пенье;
Это легко: пожирают чужое, без платы, богатство
Мужа, которого белые кости, быть может, иль дождик
Где-нибудь мочит на бреге, иль волны по взморью катают.
Если б он вдруг перед ними явился в Итаке, то все бы,
Вместо того чтоб копить и одежды и золото, стали
Только о том лишь молиться, чтоб были их ноги быстрее.
Но погиб он, постигнутый гневной судьбой, и отрады
Нет нам, хотя и приходят порой от людей земнородных
Вести, что он возвратится, – ему уж возврата не будет.
Ты же теперь мне скажи, ничего от меня не скрывая:
Кто ты? Какого ты племени? Где ты живешь? Кто отец твой?
Кто твоя мать? На каком корабле и какую дорогой
Прибыл в Итаку и кто у тебя корабельщики? В край наш
(Это, конечно, я знаю и сам) не пешком же пришел ты.
Также скажи откровенно, чтоб мог я всю истину ведать:
В первый ли раз посетил ты Итаку иль здесь уж бывалый
Гость Одиссеев? В те дни иноземцев сбиралось много
В нашем доме: с людьми обхожденье любил мой родитель».
Дочь светлоокая Зевса Афина ему отвечала:
«Все откровенно тебе расскажу; я царя Анхиала
Мудрого сын, именуяся Ментесом, правлю народом
Веселюлюбивых тафийцев; и ныне корабль мой в Итаку
Вместе с моими людьми я привел, путешествуя темным
Морем к народам иного языка; хочу я в Темесе
Меди добыть, на нее обменявшись блестящим железом;
Свой же корабль я поставил под склоном Нейона лесистым
На поле, в пристани Ретре, далеко от города. Наши
Предки издавна гостями друг другу считаются; это,
Может быть, слышишь нередко и сам ты, когда посещаешь
Деда героя Лаэрта... а он, говорят, уж не ходит
Более в город, но в поле далеко живет, удрученный
Горем, с старушкой служанкой, которая, старца покоя,
Пищей его подкрепляет, когда устает он, влачася
По полю взад и вперед посреди своего винограда.

Я же у вас оттого, что сказали мне, будто отец твой
Дома... но видно, что боги его на пути задержали:
Ибо не умер еще на земле Одиссей благородный;
Где-нибудь, бездной морской окруженный, на волнообъётом
Острове заперт живой он иль, может быть, страждет в неволе
Хищников диких, насильственно им овладевших. Но слушай
То, что тебе предскажу я, что мне всемогущие боги
В сердце вложили, чему неминуемо сбыться, как сам я
Верю, хотя не пророк и по птицам гадать неискусен.
Будет недолго он с милой отчизной в разлуке, хотя бы
Связан железными узами был; но домой возвратиться
Верное средство отыщет: на вымыслы он хитроумен.
Ты же теперь мне скажи, ничего от меня не скрывая:
Подлинно ль вижу в тебе Одиссеева сына? Ты чудно
С ним головой и глазами прекрасными сходен; еще я
Помню его; в старину мы друг с другом видалися часто;
Было то прежде отплытия в Троию, куда из ахейян
Лучшие с ним в крутобоких своих кораблях устремились.
С той же поры ни со мной он, ни я с ним нигде не встречались».
«Добрый мой гость, – отвечал рассудительный сын Одиссеев, –
Все расскажу откровенно, чтоб мог ты всю истину ведать.
Мать уверяет, что сын я ему, но сам я не знаю:
Ведать о том, кто отец наш, наверное нам невозможно.
Лучше б, однако, желал я, чтоб мне не такой злополучный
Муж был отцом; во владеньях своих он до старости б поздней
Дожил. Но если уж ты вопрошаешь, то он, из живущих
Самый несчастливый ныне, отец мне, как думают люди».
Дочь светлоокая Зевса Афина ему отвечала:
«Видно, угодно бессмертным, чтоб был не без славы в грядущем
Дом твой, когда Пенелопе такого, как ты, даровали
Сына. Теперь мне скажи, ничего от меня не скрывая,
Что здесь у вас происходит? какое собрание? Даешь ли
Праздник иль свадьбу пируешь? Не складочный пир здесь, конечно.
Кажется только, что гости твои необузданно в вашем
Доме бесчинствуют: всякий порядочный в обществе с ними
Быть устыдится, позорное их поведение видя».
«Добрый мой гость, – отвечал рассудительный сын Одиссеев, –
Если ты ведать желаешь, то все расскажу откровенно.
Некогда полон богатства был дом наш; он был уважаем
Всеми в то время, как здесь неотлучно тот муж находился.
Ныне ж иначе решили враждебные боги, покрывши
Участь его неприступною тьмою для целого света;
Менее стал бы о нем я крушиться, когда бы он умер:
Если б в троянской земле меж товарищей бранных погиб он
Иль у друзей на руках, перенесши войну, здесь скончался,
Холм гробовой бы над ним был насыпан ахейским народом,
Сыну б великую славу на все времена он оставил...
Ныне же Гарпии взяли его, и безвестно пропал он,
Светом забытый, безгробный, одно сокрушение и вопли
Сыну в наследство оставив. Но я не о нем лишь едином
Плачу; другое великое горе мне боги послали:
Все, кто на разных у нас островах знамениты и сильны,
Первые люди Дулихия, Зама, лесного Закинфа,
Первые люди Итаки утесистой мать Пенелопу
Нудят упорно ко браку и наше имение грабят;
Мать же ни в брак ненавистный не хочет вступить, ни от брака
Средств не имеет спастись; а они пожирают нещадно
Наше добро и меня самого напоследок погубят».
С гневом великим ему отвечала богиня Афина:
«Горе! Я вижу, сколь ныне тебе твой отец отдаленный
Нужен, чтоб сильной рукой с женихами бесстыдными сладить.
О, когда б он в те двери вступил, возвратяся внезапно,
В шлеме, щитом покровенный, в руке два копьё медноострых!..
Так впервые увидел его я в то время, когда он
В доме у нас веселился вином, посетивши в Эфире
Ила, Мермерова сына (и той стороны отдаленной
Царь Одиссей достигал на своем корабле быстроходном;
Яда, смертельного людям, искал он, дабы напоить им

Стрелы свои, заощренные медью; но Ил отказался
Дать ему яда, всезрящих богов раздражить опасаясь;
Мой же отец им его наделил по великой с ним дружбе).
Если бы в виде таком Одиссеей женихам вдруг явился,
Сделался б брак им, судьбой неизбежной постигнутым, горек.
Но – того мы, конечно, не ведаем – в лоне бессмертных
Скрыто: назначено ль свыше ему, возвратясь, истребить их
В этом жилище иль нет. Мы размыслим теперь совокупно,
Как бы тебе самому от грабителей дом свой очистить.
Слушай же то, что скажу, и заметь про себя, что услышишь:
Завтра, созвав на совет благородных ахеян, пред ними
Все объяви ты, в свидетели правды призвавши бессмертных;
После потребуи, чтоб все женихи по домам разошлись;
Матери ж, если супружество сердцу ее не противно,
Ты предложи, чтоб к отцу многосильному в дом возвратилась,
Где, приготовив все нужное к браку, богатым приданым
Милую дочь, как прилично то сану, ее наделит он.
Также усердно советую, если совет мой ты примешь:
Прочный корабль с двадцатью снарядивши гребцами, отправься
Сам за своим отдаленным отцом, чтоб проведать, какая
В людях молва про него, иль услышать о нем прорицанье
Оссы, всегда повторяющей людям Зевесово слово.
Пилос сперва посетив, ты узнай, что божественный Нестор
Скажет; потом Менелая найди златовласого в Спарте:
Прибыл домой он последний из всех меднолатных ахеян.
Если услышишь, что жив твой родитель, что он возвратится,
Жди его год, терпеливо снося притесненья; когда же
Скажет молва, что погиб он, что нет уж его меж живыми,
То, незамедленно в милую землю отцов возвратясь,
В честь ему холм гробовой здесь насыпь и обычную пышно
Тризну по нем соверши; Пенелопу ж склони на замужство.
После, когда надлежащим порядком все дело устроишь,
Твердо решившись, умом осмотрительным выдумай средство,
Как бы тебе женихов, захвативших насильственно дом ваш,
В нем погубить иль обманом, иль явного силой; тебе же
Быть уж ребенком нельзя, ты из детского возраста вышел;
Знаешь, какую божественный отрок Орест перед целым
Светом украсился честью, отмстивши Эгисту, которым
Был умерщвлен злоковарно его многославный родитель?
Так и тебе, мой возлюбленный друг, столь прекрасно созревший,
Должно быть твердым, чтоб имя твое и потомки хвалили.
Время, однако, уж мне возвратиться на быстрый корабль мой
К спутникам, ждущим, конечно, меня с нетерпеньем и скукой.
Ты ж о себе позаботься, уваживши то, что сказал я».
«Милый мой гость, – отвечал рассудительный сын Одиссеев, –
Пользы желая моей, говоришь ты со мною, как с сыном
Добрый отец; я о том, что советовал ты, не забуду.
Но подожди же, хотя и торопишься в путь; здесь прохладной
Баней и члену и душу свою освежив, возвратишься
Ты на корабль, к удовольствию сердца богатый подарок
Взяв от меня, чтоб его мне на память беречь, как обычай
Есть меж людьми, чтоб, прощаясь, гости друг друга дарили».
Дочь светлоокая Зевса Афина ему отвечала:
«Нет! Не держи ты меня, тороплюсь я безмерно в дорогу;
Твой же подарок, обещанный мне так радушно тобою,
К вам возвратясь, приму и домой увезу благодарно,
В дар получив дорогое и сам дорогим отдаривши».
С сими словами Зевесова дочь светлоокая скрылась,
Быстрой невидимо птицею вдруг улетев. Поселила
Твердость и смелость она в Телемаховом сердце, живее
Вспомнить заставив его об отце; но проник он душою
Тайну и чувствовал страх, угадав, что беседовал с богом.
Тут к женихам он, божественный муж, подошел; перед ними
Пел знаменитый певец, и с глубоким вниманьем сидели
Молча они; о печальном ахеян из Трои возврате,
Некогда им учрежденном богиней Афиною, пел он.
В верхнем покое своем вдохновенное пенье услышав,
Вниз по ступеням высоким поспешно сошла Пенелопа,

Старца Икария дочь многоумная: вместе сошли с ней
Две из служанок ее; и она, божество меж женами,
В ту палату вступив, где ее женихи пировали,
Подле столба, потолок там высокий державшего, стала,
Щеки закрывши свои головным покрывалом блестящим;
Справа и слева почтительно стали служанки; царица
С плачем тогда обратила к певцу вдохновенному слово:
«Фемий, ты знаешь так много других, восхищающих душу
Песней, сложенных певцами во славу богов и героев;
Спой же из них, пред собранием сидя, одну; и в молчанье
Гости ей будут внимать за вином; но прерви начатую
Песню печальную; сердце в груди замирает, когда я
Слышу ее: мне из всех жесточайшее горе досталось;
Мужа такого лилась, я всечасно скорблю о погибшем,
Столь преисполнившим славой своей и Элладу и Аргос».
«Милая мать, – возразил рассудительный сын Одиссеев, –
Как же ты хочешь певцу запретить в удовольствие наше
То воспевать, что в его пробуждается сердце? Виновен
В том не певец, а виновен Зевес, посылающий свыше
Людям высокого духа по воле своей вдохновенье.
Нет, не препятствуй певцу о печальном возврате данаев
Петь – с похвалою великою люди той песне внимают,
Всякий раз ею, как новою, душу свою восхищая;
Ты же сама в ней найдешь не печаль, а печали усладу:
Был не один от богов осужден потерять день возврата
Царь Одиссей, и других знаменитых погибло немало.
Но удались: занимайся, как должно, порядком хозяйства,
Пряжей, тканьем; наблюдай, чтоб рабыни прилежны в работе
Были своей: говорить же не женское дело, а дело
Мужа, и ныне мое: у себя я один повелитель».
Так он сказал; изумясь, обратно пошла Пенелопа;
К сердцу слова многоумные сына приняв и в покое
Верхнем своем затворясь, в кругу приближенных служанок
Плакала горько она о своем Одиссее, покуда
Сладкого сна не свела ей на очи богиня Афина.
Тою порой женихи в потемневшей палате шумели,
Споря о том, кто из них с Пенелопой ложе разделит.
К ним обратясь, сказал рассудительный сын Одиссеев:
«Вы, женихи Пенелопы, надменные гордостью буйной,
Станем спокойно теперь веселиться; прервите ваш шумный
Спор; нам приличней вниманье склонить к песнопевцу, который,
Слух наш пленяя, богам вдохновеньем высоким подобен.
Завтра же утром вас всех приглашаю собраться на площадь.
Там всенародно в лицо вам скажу, чтоб очистили все вы
Дом мой; иные пиры учреждайте, свое, а не наше
Тратя на них и черед наблюдая в своих угощеньях.
Если ж находите вы, что для вас и приятней и легче
Всем одного разорять произвольно, без платы, – сожрите
Все; но на вас я богов призову; и Зевес не замедлит
Вас поразить за неправду: тогда неминуемо все вы,
Так же без платы, погибнете в доме, разграбленном вами».
Он замолчал. Женихи, закусивши с досадою губы,
Смелым его пораженные словом, ему удивлялись.
Но Антиной, сын Евпейтов, ему отвечал, возражая:
«Сами боги, конечно, тебя, Телемах, научили
Быть столь кичливым и дерзким в словах, и беда нам, когда ты
В волнообъятой Итаке, по воле Крониона, будешь
Нашим царем, уж имея на то рожденью и право!».
Кротко ему отвечал рассудительный сын Одиссеев:
«Друг Антиной, не сердись на меня за мою откровенность:
Если б владычество дал мне Зевес, я охотно бы принял.
Или ты мыслишь, что царская доля всех хуже на свете?
Нет, конечно, царем быть не худо; богатство в царевом
Доме скопляется скоро, и сам он в чести у народа.
Но меж ахейцами волнообъятой Итаки найдется
Много достойнейших власти и старых и юных; меж ними
Вы изберите, когда уж не стало царя Одиссея.
В доме ж своем я один повелитель; здесь мне подобает

Власть над рабами, для нас Одиссеем добытыми в битвах».
Тут Евримах, сын Полибиев, так отвечал Телемаху:
«О Телемах, мы не знаем – то в лоне бессмертных сокрыто, –
кто над ахейцами волнообъятой Итаки назначен
Царствовать; в доме ж своем ты, конечно, один повелитель;
Нет, не найдется, пока обитаема будет Итака,
Здесь никого, кто б дерзнул на твое посягнуть достоянье.
Но я желал бы узнать, мой любезный, о нынешнем госте.
Как его имя? Какую своим он отечеством славит
Землю? Какого он рода и племени? Где он родился?
С вестью ль к тебе о желанном возврате отца приходил он?
Иль посетил нас, по собственной нужде заехав в Итаку?
Вдруг он отсюда пропал, не дождавшись, чтоб с ним хоть немного
Мы ознакомились; был человек не простой он, конечно».
«Друг Евримах, – отвечал рассудительный сын Одиссея, –
День свиданья с отцом навсегда мной утрачен; не буду
Более верить ни слухам о скором его возвращенье,
Ниже напрасным о нем прорицаньям, к которым, сзывая
В дом свой гадателей, мать прибегает. А нынешний гость наш
Был Одиссеевым гостем; он родом из Тафоса, Ментес,
Сын Анхиала, царя многоумного, правит народом
Веслолюбивых тафийцев». Но, так говоря, убежден был
В сердце своем Телемах, что богиню бессмертную видел.
Те же, опять обратившись к пляске и сладкому пенью,
Начали снова шуметь в ожидании ночи; когда же
Черная ночь посреди их веселого шума настала,
Все разошлись по домам, чтоб предаться беспечно покою.
Скоро и сам Телемах в свой высокий чертог (на прекрасный
Двор обращен был лицом он с обширным пред окнами видом),
Всех проводивши, пошел, про себя размышляя о многом.
Факел зажженный неся, перед ним с осторожным усердьем
Шла Еврикля, разумная дочь Певсенорида Опса;
Куплена в летах цветущих Лаэртом она – заплатил он
Двадцать быков, и ее с благонравной своею супругой
В доме своем уважал наравне, и себе не позволил
Ложа коснуться ее, опасаясь ревности женской.
Факел неся, Еврикля вела Телемаха – за ним же
С детства ходила она и ему угождала усердней
Прочих невольниц. В богатую спальню она отворила
Двери; он сел на постель и, тонкую снявши сорочку,
В руки старушки заботливой бросил ее; осторожно
В складки сложив и угладив, на гвоздь Еврикля сорочку
Подле кровати, искусно точеной, повесила; тихо
Вышла из спальни; серебряной ручкою дверь затворила;
Крепко задвижку ремнем затянула; потом удалилась.
Он же всю ночь на постеле, покрытый овчиною мягкой,
В сердце обдумывал путь, учрежденный богиней Афиной.

Песнь вторая

Второй день – до рассвета третьего дня
Рано поутру Телемах повелевает глашатаям созвать граждан Итаки на площадь и
требует всенародно, чтоб женихи покинули дом его. Антиной дерзко ему
ответствует. Предвещательное явление орлов; его толкует Алиферс, которому грубо
возражает Евримах. Телемах требует корабля для отплытия в Пилос. Ментор упрекает
народ в равнодушии к сыну Одиссею; против него восстает Леокрит, который потом
самовольно распускает народное собрание. Афина, под видом Ментора, ободряет
молящегося ей Телемаха обещанием дать ему корабль и провожатых. Ключница
Еврикля готовит запас на дорогу. Афина, получив от Ноэмона корабль,
приготавливает его к отплытию; потом, усыпив женихов, пировавших в доме
Одиссеевом, уводит с собою Телемаха на берег моря, куда приносят и все
приготовленные на дорогу запасы. Телемах вместе с мнимым Ментором, не простясь с
Пенелопею, пускается в море.

Встала из мрака младая с перстами пурпурными Эос;
Ложу покинул тогда и возлюбленный сын Одиссея;
Платье надев, изощренный свой меч на плечо он повесил;
После, подошвы красивые к светлым ногам привязавши,
Вышел из спальни, лицом лучезарному богу подобный.
Звонкоголосых глашатаев царских созвав, повелел он

Кликнуть им клич, чтоб на площадь собрать густовласых ахеян;
Кликнули те; собралися на площадь другие; когда же
Все собралися они и собрание сделалось полным,
С медным в руке он копьем перед сонмом народным явился –
Был не один, две лихие за ним прибежали собаки.
Образ его несказанной красой озарила Афина,
Так что дивилися люди, его подходящего видя.
Старцы пред ним раздалися, и сел он на месте отцовом.
Первое слово тогда произнес благородный Египтий,
Старец, согбенный годами и в жизни изведавший много;
Сын же его Антифонт копьевержец с царем Одиссеем
В конеобильную Троию давно в корабле крутобоком
Поплыл; он был умерщвлен Полифемом свирепым в глубоком
Гроуте, последний, похищенный им для вечерняя пища.
Три оставалися старцу: один, Еврином, с женихами
Буйствовал; два помогали отцу обрабатывать поле;
Но о погибшем не мог позабыть он; об нем он все плакал,
Все сокрушался; и так, сокрушенный, сказал он народу:
«Выслушать слово мое приглашаю вас, люди Итаки;
Мы на совет не сходились ни разу с тех пор, как отсюда
Царь Одиссей в быстроходных своих кораблях удалился.
Кто же нас собрал теперь? Кому в том внезапная нужда?
Юноша ли расцветающий? Муж ли, годами созрелый?
Слышал ли весть о идущей на нас неприятельской силе?
Хочет ли нас остеречь, наперед все подробно разведав?
Или о пользе народной какой предложить нам намерен?
Должен быть честный он гражданин; слава ему! Да поможет
Зевс помышлениям добрым его совершиться успешно».
Кончил. Словами его был обрадован сын Одиссеев;
Встать и к собранию речь обратить он немедля решился;
Выступил он пред людей, и ему, к ним идущему, в руку
Скипетр вложил Певсенеор, глашатай, разумный советник.
К старцу сперва обратясь, ему он сказал: «Благородный
Старец, он близко (и скоро его ты узнаешь), кем здесь вы
Собраны, – это я сам, и печаль мне великая ныне.
Я не слыхал о идущей на нас неприятельской силе;
Вас остеречь не хочу, наперед все подробно разведав,
Также о пользах народных теперь предлагать не намерен.
Ныне о собственной, дом мой постигшей, беде говорю я.
Две мне напасти; одна: мной утрачен отец благородный,
Бывший над вами царем и всегда как детей вас любивший;
Более ж злая другая напасть, от которой весь дом наш
Скоро погибнет и все, что в нем есть, до конца истребится,
Та, что преследуют мать женихи неотступные, наших
Граждан знатнейших, собравшихся здесь, сыновья; им противно
Прямо в Икариев дом обратиться, чтоб их предложенье
Выслушал старец и дочь, наделенную щедро приданым,
Отдал по собственной воле тому, кто приятнее сердцу.
Нет; им удобней, вседневно врываяся в дом наш толпою,
Наших быков, и баранов, и коз откормленных резать,
Жрать до упаду и светлое наше вино беспощадно
Тратить. Наш дом разоряется, ибо уж нет в нем такого
Мужа, каков Одиссей, чтоб его от проклятья избавить.
Сами же мы беспомощны теперь, равномерно и после
Будем, достойные жалости, вовсе без всякой защиты.
Если бы сила была, то и сам я нашел бы управу;
Но нестерпимы обиды становятся; дом Одиссеев
Грабят бесстыдно. Ужель не тревожит вас совесть? По крайней
Мере чужих устыдитесь людей и народов окружных,
Нам сопредельных, богов устрашитесь мщенья, чтоб гневом
Вас не постигли самих, негодую на вашу неправду.
Я ж к олимпийскому Зевсу взываю, взываю к Фемиде,
Строгой богине, советы мужей учреждающей! Наше
Право признайте, друзья, и меня одного сокрушаться
Горем оставьте. Иль, может быть, мой благородный родитель
Чем оскорбил здесь умышленно меднообутых ахеян;
Может быть, то оскорбленье на мне вы умышленно мстите,
Грабить наш дом возбуждая других? Но желали бы лучше

Мы, чтоб и скот наш живой и лежачий запас наш вы сами
Силою взяли; тогда для нас сохранилась надежда:
Мы бы дотоле по улицам стали скитаться, моля вас
Наше отдать нам, покуда не все бы нам отдано было;
Ныне ж вы сердце мое безнадежным терзаете горем».
Так он во гневе сказал и повергнул на землю свой скипетр;
Слезы из глаз устремились: народ состраданье проникло;
Все неподвижно-безмолвны сидели; никто не решился
Дерзостным словом ответствовать сыну царя Одиссея.
Но Антиной поднялся и воскликнул, ему возражая:
«Что ты сказал, Телемах, необузданный, гордоречивый?
Нас оскорбив, ты на нас и вину возложить замышляешь?
Нет, обвинять ты не нас, женихов, пред ахейским народом
Должен теперь, а свою хитроумную мать Пенелопу.
Три совершилось года, уже наступил и четвертый
С тех пор, как, нами играя, она подает нам надежду,
Всем, и каждому порознь, себя обещает, и вести
Добрые шлет к нам, недоброе в сердце для нас замышляя.
Знайте, какую она вероломно придумала хитрость:
Стан превеликий в покоях поставя своих, начала там
Тонко-широкую ткань и, собравши нас всех, нам сказала:
„Юноши, ныне мои женихи, – поелику на свете
Нет Одиссея, – отложим наш брак до поры той, как будет
Кончен мой труд, чтоб начатая ткань не пропала мне даром;
Старцу Лаэрту покров гробовой приготовить хочу я
Прежде, чем будет он в руки навек усыпляющей смерти
Парками отдан, дабы не посмели ахейские жены
Мне попрекнуть, что богатый столь муж погребен без покрова“.
Так нам сказала, и мы покорились ей мужеским сердцем.
Что же? День целый она за тканьем проводила, а ночью,
Факел зажегши, сама все натканное днем распускала.
Три года длился обман, и она убеждать нас умела;
Но когда обращенем времен приведен был четвертый –
Все нам одна из служительниц, знавшая тайну, открыла;
Сами тогда ж мы застали ее за распушенной тканью;
Так и была приневолена нехотя труд свой окончить.
Ты же нас слушай; тебе отвечаем, чтоб мог ты все ведать
Сам и чтоб ведали все равномерно с тобой и ахейцы:
Мать отошли, повелев ей немедля, на брак согласившись,
Выбрать меж нами того, кто отцу и самой ей угоден.
Если же долее будет играть сыновьями ахеян...
Разумом щедро ее одарила Афина; не только
В разных она рукодельях искусна, но также и много
Хитростей знает, неслыханных в древние дни и ахейским
Женам прекрасноудрявым неведомых; что ни Алкмене
Древней, ни Тиро, ни пышно-венчанной царевне Микене
В ум не входило, то ныне увертливый ум Пенелопы
Нам ко вреду изобрел; но ее изобретенья тщетны;
Знай, не престанем твой дом разорять мы до тех пор, покуда
Будет упорна она в помышленьях своих, ей богами
В сердце вложенных; конечно, самой ей в великую славу
То обратится, но ты истребленье богатства оплачешь;
Мы, говорю, не пойдем от тебя ни домой, ни в иное
Место, пока Пенелопа меж нами не выберет мужа».
«О Антиной, – отвечал рассудительный сын Одиссеев, –
Я не дерзну и помыслить о том, чтоб велеть удалиться
Той, кто меня родила и вскормила; отец мой далеко;
Жив ли, погиб ли, – не знаю; но трудно с Икарием будет
Мне расплатиться, когда Пенелопу отсюда насильно
Вышлю – тогда я подвергнусь и гневу отца и гоненью
Демона: страшных Эринний, свой дом покидая, накличет
Мать на меня, и стыдом пред людьми я покроюсь вечным.
Нет, никогда не отважусь сказать ей подобного слова,
Вы же, когда хоть немного тревожит вас совесть, покиньте
Дом мой; иные пиры учреждайте, свое, а не наше
Тратя на них и черед наблюдая в своих угощеньях.
Если ж находите вы, что для вас и приятней и легче
Всем одного разорять произвольно, без платы, – сожрите

Все; но на вас я богов призову, и Зевес не замедлит
Вас поразить за неправду: тогда неминуемо все вы,
Так же без платы, погибнете в доме, разграбленном вами».
Так говорил Телемах. И внезапно Зевес Громовержец
Свыше к нему двух орлов ниспослал от горы каменистой;
Оба сначала, как будто несомые ветром, летели
Рядом они, широко распутивши огромные крылья;
Но, налетев на средину собрания, полного шумом,
Начали быстро кружить с непрестанными взмахами крыльев;
Очи их, сверху на головы глядя, сверкали бедою;
Сами потом, расцарапав друг другу и груди и шеи,
Вправо умчались они, пролетев над собраньем и градом.
Все, изумленные, птиц провожали глазами, и каждый
Думал о том, что явление их предвещало в грядущем.
Выступил тут пред народ Алиферс, многоопытный старец,
Сын Масторов; из сверстников всех он один по полету
Птиц был искусен гадать и пророчил грядущее; полный
Мыслей благих, обратясь к согражданам, так им сказал он:
«Выслушать слово мое приглашаю вас, люди Итаки.
Прежде, однако, дабы женихов образумить, скажу я
Им, что беда неизбежная мчится на них, что недолго
Будет в разлуке с семейством своим Одиссей, что уже он
Где-нибудь близко таится, и смерть и гибель готова
Всем им, что также и многим другим из живущих в Итаке
Горновозвышенной бедствие будет. Размыслим же, как бы
Вовремя нам обуздать их; но лучше, конечно, когда бы
Сами они усмирились; то ныне всего бы полезней
Было для них: не безопытно так говорю, но наверно
Зная, что будет; сбылось, утверждаю, и все, что ему я
Здесь предсказал перед тем, как пошли кораблями ахейцы
В Трою и с ними пошел Одиссей многоумный. По многих
Бедствиях (так говорил я) и спутников всех потерявши,
Всем незнакомый, в исходе двадцатого года в отчизну
Он возвратится. Мое предсказанье свершается ныне».
Кончил. Ему отвечал Евримах, сын Полибиев: «Лучше,
Старый рассказчик, домой возвратись и своим малолетним
Детям пророчествувай там, чтоб беды им какой не случилось.
В нашем же деле вернее тебя я пророк; мы довольно
Видим летающих на небе в светлых лучах Гелиоса
Птиц, но не все роковые. А царь Одиссей в отдаленном
Крае погиб. И тебе бы погибнуть с ним вместе! Тогда бы
Здесь ты не стал предсказаний таких вымышлять, возбуждая
Гнев в Телемахе, уже раздраженном, и, верно, надеясь
Что-нибудь в дар от него получить для себя и домашних.
Слушай, однако, – и то, что услышишь, исполнится верно, –
Если ты этого юношу с старым своим многознаньем
Будешь пустыми словами на гнев возбуждать, то, конечно,
Это в сугубое горе ему самому обратится;
Против нас всех он один ничего совершить не успеет.
Ты ж, безрассудный старик, навлечешь на себя наказание,
Тяжкое сердцу: мы горько заставим тебя сокрушаться.
Ныне я боле полезный совет предложу Телемаху:
Матери пусть повелит он к Икарию в дом возвратиться,
Где, приготовив все нужное к браку, богатым приданым
Милую дочь, как прилично то сану ее, наделит он.
Иначе, думаю, мы, сыновья благородных ахейян,
Мучить ее не престанем своим сватовством. Никого здесь
Мы не боимся, ни полного звучных речей Телемаха,
Ниже пророчеств, которыми ты, говорун поседелый,
Всем докучаешь, – ты нам оттого ненавистней; а дом их
Весь разорим мы на наши пиры, и от нас воздаянья
Им не иметь никакого, пока на желаемый нами
Брак не решится она; ожидая вседневню, кто будет
Ею из нас наконец предпочтен, мы к другим обратимся
Медлим невестам, чтоб выбрать, как следует, жен между ними».
Кротко ему отвечал рассудительный сын Одиссеев:
«О Евримах, и вы все, женихи знаменитые, боле
Вас убеждать не хочу и вперед не скажу вам ни слова;

Боги все ведают, все благородным ахейцам известно.
Вы же мне прочный корабль с двадцатью приобыкшими быстро
По морю плавать гребцами теперь снарядите: хочу я
Спарту и Пилос песчаный сперва посетить, чтоб проведать,
Есть ли там слухи какие о милом отце и какая
В людях молва про него, иль услышать о нем прорицанье
Оссы, всегда повторяющей людям Зевесово слово.
Если узнаю, что жив он, что он возвратится, то буду
Ждать его год, терпеливо снося притесненья; когда же
Скажет молва, что погиб он, что нет уж его меж живыми,
То, незамедленно в милую землю отцов возвратяся,
В честь ему холм гробовой здесь насыплю и должную пышно
Тризну по нем совершу; Пенелопу ж склоню на замужство».
Кончив, он сел и умолкнул. Тогда поднялся неизменный
Спутник и друг Одиссея, царя беспорочного, Ментор.
Вверил ему Одиссей при отплытии дом, быть покорным
Старцу Лаэрту и все сберегать повелевши. И полный
Мыслей благих, обратяся к согражданам, так им сказал он:
«Выслушать слово мое приглашаю вас, люди Итаки;
Кротким, блagam и приветливым быть уж вперед ни единый
Царь скиптроносный не должен, но, правду из сердца изгнавши,
Каждый пускай притесняет людей, беззаконствуя смело,
Если могли вы забыть Одиссея, который был нашим
Добрым царем и народ свой любил, как отец благодушный.
Нужды мне нет обвинять женихов необузданно-дерзких
В том, что они, самовластвуя здесь, замышляют худое.
Сами своєю играют они головой, разоряя
Дом Одиссея, которого, мыслят, уж мы не увидим.
Вас же, граждане Итаки, хочу пристыдить: здесь собравшись,
Вы равнодушно сидите и слова не скажете против
Малой толпы женихов, хоть самих вас число и большое».
Сын Евеноров тогда, Леокрыт, негодуя, воскликнул:
«Что ты сказал, безрассудный, зломышленный Ментор? Смирить нас
Гражданам ты предлагаешь; но сладить им с нами, которых
Также немало, на пиршестве трудно. Хотя бы внезапно
Сам Одиссей твой, Итаки властитель, явился и силой
Нас, женихов благородных, в его веселящихся доме,
Выгнать оттуда замыслил, его возвращенье в отчизну
Было б жене, тосковавшей так долго по нем, не на радость:
Злая погибель его бы постигла, когда бы нас многих
Вздумал один одолеть он; неумное слово сказал ты.
Вы ж разоидитесь, люди, и каждый займися домашним
Делом. А Ментор пускай и мудрец Алиферс, Одиссею
Верность свою сохранившие, в путь снарядят Телемаха;
Долго, однако, я думаю, здесь просидит он, собирая
Вести; пути же ему своего совершить не удастся».
Так он сказав, распустил самовольно собранье народа.
Все, удалясь, по своим разошлись домам; женихи же
В дом Одиссея, царя благородного, вновь возвратились.
Но Телемах одиноко пошел на песчаное взморье.
Руки соленою влагой умыв, возгласил он к Афине:
«Ты, посетившая дом мой вчера и в туманное море
Плыть повелевшая мне, чтоб разведал я, странствуя, нет ли
Слухов о милом отце и его возвращенье, богиня,
Мне помоги благосклонно; ахейцы мой путь затрудняют;
Паче ж других женихи многосильные, полные злобы».
Так говорил он, молясь, и пред ним во мгновение ока,
Сходная с Ментором видом и речью, предстала Афина.
Голос возвысив, богиня крылатое бросила слово:
«Смел, Телемах, и разумен ты будешь, когда обладаешь
Тою великою силой, с какою и словом и делом
Все твой отец, что хотел, совершал; и достигнешь желанной
Цели, свой путь беспрепятственно кончив; когда ж не прямой ты
Сын Одиссеев, не сын Пенелопин прямой, то надежды
Нет, чтоб успешно ты мог совершить предприятое дело.
Редко бывают подобны отцам сыновья; все большею
Частью хуже отцов и немногие лучше. Но будешь
Ты, Телемах, и разумен и смел, поелику не вовсе

Ты Одиссеевой силы великой лишен; и надежда
Есть для тебя, что успешно свершишь предприятое дело.
Пусть женихи, беззаконствуя, зло замышляют – оставь их;
Горе безумным! Они в слепоте, незнакомые с правдой,
Смерти своей не предвидят, ни черной судьбы, ежедневно
К ним подступающей ближе и ближе, чтоб вдруг погубить их.
Ты же свое предприять путешествие можешь немедля;
Будучи другом твоим по отцу твоему, снаряжу я
Быстрый корабль для тебя и последую сам за тобою.
Но возвратися теперь к женихам; а тебе на дорогу
Пусть приготовят съестное, пускай им наполнят сосуды;
Пусть и в амфоры вина нацедят и муки, мореходца
Снеди питательной, в кожанных, плотных мехах приготовят.
Тою порой я гребцов наберу; кораблей же в Итаке,
Морем объятый, немало и новых и старых; меж ними
Лучший я выберу сам; и немедленно будет он нами
В путь изготовлен, и спустим его на священное море».
Так говорила Афина, Зевесова дочь, Телемаху.
Голос богини услышав, он берег немедля покинул.
В дом возвратяся с печалию милого сердца, нашел он
Там женихов многосильных: одни обдирали в покоях
Коз, а другие, зарезав свиней, на дворе их палили.
С колкой усмешкой к нему подошел Антиной и, насильно
За руку взявши его и назвавши по имени, молвил:
«Юноша вспыльчивый, злой говорун, Телемах, не заботься
Боле о том, чтоб вредить нам иль словом, иль делом, а лучше
Дружески с нами без всяких забот веселись, как бывало.
Волю ж твою не замедлят ахейцы исполнить: получишь
Ты и корабль и отборных гребцов, чтоб скорее достигнуть
В Пилос, любезный богам, и узнать об отце отдаленном».
Кротко ему отвечал рассудительный сын Одиссеев:
«Нет, Антиной, неприлично мне с вами, надменными, вместе
Против желанья сидеть за столом, веселясь беззаботно;
Будьте довольны и тем, что имущество лучшее наше
Вы, женихи, разорили, покуда я был малолетен.
Ныне ж, когда, возмужав и советников слушая умных,
Все я узнал и когда уж во мне пробудилася бодрость,
Я попытаюсь на шею вам Парк неизбежных накликасть,
Так ли, иначе ли, съездив ли в Пилос иль здесь отыскавши
Средство. Я еду – и путь мой напрасен не будет, хотя я
Еду попутчиком, ибо (так было устроено вами)
Здесь мне иметь своего корабля и гребцов невозможно».
Так он сказал и свою из руки Антиноевой руку
Вырвал. Меж тем женихи, изобильный обед учреждая,
Многими колкими сердце его оскорбляли речами.
Так говорили одни из ругателей дерзко-надменных:
«Нас Телемах погубить не на шутку замыслил; быть может,
Многих он в помощь себе приведет из песчаного Пилоса, многих
Также из Спарты; о том он, мы видим, заботится сильно.
Может случиться и то, что богатую землю Эфиру
Он посетит, чтоб, добывши там яду, смертельного людям,
Здесь отравить им кратеры и разом нас всех уничтожить».
«Но, – отвечали другие насмешливо первым, – кто знает!
Может случиться легко, что и сам, как отец, он погибнет,
Долго бродив по морям далеко от друзей и домашних.
Тем он, конечно, и нас озаботит: тогда нам придется
Все разделить меж собой их имущество; дом же уступим
Мы Пенелопе и мужу, избранному ею меж нами».
Так женихи. Телемах же пошел в кладовую отцову,
Зданье пространное; злата и меди там кучи лежали;
Много там платья в ларях и душистого масла хранилось;
Куфы из глины с вином многолетним и сладким стояли
Рядом у стен, заключая божественно-чистый напиток
В недре глубоком, на случай, когда Одиссей возвратится
В дом, претерпевши тяжелых скорбей и превратностей много.
Двери двустворные, дважды замкнутые, в ту кладовую
Входом служили; почтенная ключница денно и ночью
Там с многоопытным, зорким усердьем в порядке держала

Все Еврикля, разумная дочь Певсенорида Опса.
В ту кладовую позвав Евриклю, сказал Телемах ей:
«Няня, амфоры наполни вином благовонным, вкуснейшим
После того дорогого, которое здесь бережешь ты,
Помня о нем, о несчастном, и все уповая, что в дом свой
Царь Одиссей возвратится, и смерти и Парк избежавши.
Им ты двенадцать наполни амфор и амфоры закупорь;
Так же и кожаных, плотных мехов приготовь, оржаную
Полных мукой; и чтоб в каждом из них заключалось двадцать
Мер; но об этом ты ведай одна; собери все припасы
В кучу; за ними приду ввечеру я, в то время, когда уж
В верхний покой свой уйдет Пенелопа, о сне помышляя.
Спарту и Пилос песчаный хочу посетить, чтоб проведать,
Нет ли там слухов о милом отце и его возвращенье».
Кончил. Ему Еврикля, усердная няня, заплакав,
С громким рыданьем крылатое бросила слово: «Зачем ты,
Милое наше дитя, отворяешь таким помышленьям
Сердце? Зачем в отдаленную, чуждую землю стремишься
Ты, утешение наше единое? Твой уж родитель
Встретил конец меж народов враждебных от дома далеко;
Здесь же, покуда ты странствовать будешь, коварно устроят
Ков, чтоб известь и тебя, и твое все богатство разделят.
Лучше останься у нас при своем; ни малейшей нет нужды
В страшное море тебе на беды и на бури пускаться».
Ей отвечая, сказал рассудительный сын Одиссеев:
«Няня, мой друг, не тревожься; не мимо богов я решился
В путь, но клянись мне, что мать от тебя ни о чем не узнает
Прежде, пока не свершится одиннадцать дней иль двенадцать,
Или покуда не спросит сама обо мне, иль другой кто
Тайны не скажет, – боюсь, чтоб от плача у ней не поблекла
Свежесть лица». Еврикля богами великими стала
Клясться; когда ж поклялася и клятву свою совершила,
Тотчас она, благовонным вином все амфоры наливши,
Кожаных плотных мехов приготовила, полных мукою.
Он же, домой возвратившись, там с женихами остался.
Умная мысль родилась тут в сердце Паллады Афины:
Вид Телемаха принявши, она обежала весь город;
К каждому встречному ласково речь обращая, собраться
Всех пригласила она ввечеру на корабль быстроходный.
После, пришед к Ноэмону, разумного Фрония сыну,
Дать ей просила корабль – Ноэмон согласился охотно.
Солнце тем временем село, и все потемнели дороги.
Легкий корабль на соленую влагу спустив и запасы,
Нужные каждому прочному судну, собравши, на самом
Выходе в море из бухты его поместила богиня.
Люди сошлись, и в каждом она возбудила отважность.
Новая мысль родилась тут в сердце Паллады Афины:
В дом Одиссея, царя благородного, вшедши, богиня
Сладкий сон на пирующих там женихов навела, помутила
Мысли у пьющих и вырвала кубки из рук их; влечению
Сна уступивши, они по домам разошлись и недолго
Ждали его, не замедлил он пасть на усталые вежды.
Тут светлоокая Зевсова дочь Телемаху сказала,
Вызвав его из устроенной пышно палаты столовой,
Сходная с Ментором видом и речью: «Пора, Телемах, нам;
Все собралися уж светлообутые спутники наши;
Сидя у весел, они ожидают тебя с нетерпеньем;
Время идти; не годится нам доле откладывать путь свой».
Кончив, Паллада Афина пошла впереди Телемаха
Быстрым шагом; поспешно пошел Телемах за богиней.
К морю и к ждавшему их кораблю подошедши, они там
Спутников густокудрявых нашли у песчаного берега.
К ним обратилась тогда Телемахова сила святая:
«Братья, принесть поспешим путевые запасы; они уж
Все приготовлены в доме, и мать ни о чем не слыхала;
Также ничто и рабыням не сказано; тайну одна лишь
Знает». И быстро пошел впереди он; за ним все другие.
Взявши запасы, они их на прочно устроенном судне

Склали, как то повелел им возлюбленный сын Одиссеев.
Скоро и сам он вступил на корабль за богиней Афиной;
Подле кормы корабельной она поместилась; с ней рядом
Сел Телемах, и гребцы, отвязавши поспешно канаты,
Также взошли на корабль и сели на лавках у весел.
Тут светлоокая Зевсова дочь даровала им ветер попутный,
Свежий повеял зефир, ошумляющий темное море.
Бодрых гребцов возбуждая, велел Телемах им скорее
Снасти устроить; ему повинуюсь, сосновую мачту
Подняли разом они и, глубоко в гнездо водрузивши,
В нем утвердили ее, а с боков натянули веревки;
Белый потом привязали ремнями плетеными парус;
Ветром наполнившись, он поднялся, и пурпурные волны
Звучно под килем потекшего в них корабля зашумели;
Он же бежал по волнам, разгребая себе в них дорогу.
Тут корабельщики, черное быстрое судно устроив,
Чаши наполнили сладким вином и, молясь, сотворили
Должное вечнорожденным, бессмертным богам возлиянье,
Паче ж других светлоокой богине, великой Палладе.
Судно всю ночь и все утро спокойно свой путь совершало.

Песнь третья

Третий и четвертый день, до вечера пятого

Прибытие Телемаха в Пилос. Он находит Нестора, приносящего на берегу моря жертву
Посейдону вместе с народом. Нестор, по просьбе Телемаха, рассказывает о том, что
случилось с ним, с Менелаем и некоторыми другими ахейскими вождями после
разрушения Трои. Он советует Телемаху посетить Менелая в Лакедемоне. Телемах
остается ночевать в доме Нестора. На другой день, по совершении жертвы,
обещанной Нестором Афине, Телемах вместе с младшим сыном Нестора Писистратом
отправляется в путь; они ночуют у Диоклеса и на следующий вечер приезжают в
Лакедемон.

Гелиос с моря прекрасного встал и явился на медном
Своде небес, чтоб сиять для бессмертных богов и для смертных,
Року подвластных людей, на земле плодоносной живущих.
Тюю порою достигнул корабль до Нелеева града
Пышного, Пилоса. В жертву народ приносил там на бреге
Черных быков Посейдону, лазурнокудрявому богу;
Было там девять скамей; на скамьях, по пяти сот на каждой,
Люди сидели, и девять быков перед каждою было.
Сладкой отведав утробы, уже сожигали пред богом
Бедра в то время, как в пристань вошли мореходцы. Убравши
Снасти и якорем шаткий корабль утвердивши, на землю
Вышли они; Телемах, за Афиною следуя, также
Вышел. К нему обратясь, богиня Афина сказала:
«Сын Одиссеев, теперь уж застенчивым быть ты не должен;
Ибо затем мы и в море пустились, чтоб сведать, в какую
Землю отец твой судьбиною брошен и что претерпел он.
Смело приблизься к коней обуздателю Нестору; знать нам
Должно, какие в душе у него заключаются мысли.
Смело его попроси, чтоб тебе объявил он всю правду;
Лжи он, конечно, не скажет, умом одаренный великим».
«Но, – отвечал рассудительный сын Одиссеев богине, –
Как подойти мне? Какое скажу я приветствие, Ментор?
Мало еще в разговорах разумных с людьми я искусен;
Также не знаю, прилично ли младшим расспрашивать старших?»
Дочь светлоокая Зевса Афина ему отвечала:
«Многое сам, Телемах, ты своим угадаешь рассудком;
Многое демон откроет тебе благосклонный; не против
Воли ж бессмертных, я думаю, был ты рожден и воспитан».
Кончив, богиня Афина пошла впереди Телемаха
Быстрым шагом; за нею пошел Телемах; и поспешно
К месту подходят они, где пилицы, собравшись, сидели;
Там с сыновьями и Нестор сидел; их друзья, учреждая
Пир, суетились, вздевали на вертелы, жарили мясо.
Все, иноземцев увидя, пошли к ним навстречу и, руки
Им подавая, просили их сесть дружелюбно с народом.
Первый, их встретивший, Несторов сын, Писистрат благородный,
Ласково за руки взявши обоих, на бреге песчаном

Место на мягких разостланных кожах занять пригласил их Между отцом престарелым и братом младым Фрасимедом. Сладкой утробы отведавать им дав, он вином благовонным кубок наполнил, вина отхлебнул и сказал светлоокой Дочери Зевса эгидодержавца Палладе Афине: «Странник, ты должен призвать Посейдона-владыку: вы ныне Прибыли к нам на великий праздник его; совершивши Здесь, как обычай велит, перед ним возлиянье с молитвой, Ты и товарищу кубок с напитком божественно-чистым Дай, он, я думаю, молится также богам, поелику Все мы, люди, имеем в богах благодетельных нужду. Он же моложе тебя и, конечно, ровесник со мною; Вот почему я и кубок тебе наперед предлагаю». Кончив, он передал кубок с вином благовонным Афине. Был ей приятен поступок разумного юноши, первой Ей предложившего кубок с вином благовонным; и стала Голосом громким она призывать Посейдона-владыку: «Царь Посейдон-земледержец, молюся тебе, не отвергни Нас, уповающих здесь, что желания наши исполнишь. Нестору славу с его сыновьями, во-первых, даруй ты; После богатую милость яви и другим, благосклонно Здесь от пилийцев великую ныне приняв гекатомбу; Дай нам потом, Телемаху и мне, возвратиться, окончив Все, для чего мы приплыли сюда в корабле крутобоком». Так помолясь, совершила сама возлиянье богиня; После двурусный кубок она подала Телемаху; В свой помолился черед и возлюбленный сын Одиссеев. Те же, изжарив и с вертелов снявши хребтовое мясо, Роздали части и начали пир многославный; когда же Был удовлетворен голод их сладким питьем и едою, Речь обратил к посетителям Нестор, герой геренейский: «Странники, мне уж теперь неприлично не будет спросить вас, Кто вы, понеже уж пищу вы насладились довольно. Кто ж вы, скажите? Откуда к нам прибыли влажной дорогой? Дело ль какое у вас? Иль без дела скитаетесь всюду, Взад и вперед по морям, как добычники вольные, мчась, Жизнью играя своей и беды приключая народам?» С духом собравшись, на то рассудительный сын Одиссеев Так, отвечая, сказал (и Афина ему ободрила Сердце, чтоб Нестора мог он спросить об отце отдаленном, Также, чтоб в людях о нем утвердилася добрая слава): «Сын Нелеев, о Нестор, великая слава ахеян, Знать ты желаешь, откуда и кто мы; всю правду скажу я: Мы из Итаки, под склоном лесистым Нейона лежащей; Прибыли ж к вам не за общим народным, за собственным делом; Странствую я, чтоб, молву об отце вопрошая, проведать, Где Одиссей благородный, в бедах постоянный, с которым Ратуя вместе, вы град Илион, говорят, сокрушили. Прочие ж, сколько их ни было, против троян воевавших, Бедственно, слышали мы, в стороне отдаленной погибли Все; а его и погибель от нас неприступно Кронион Скрыл; где нашел он конец свой, не знает никто: на земле ли Твердой он пал, пересиленный злыми врагами, в зыбях ли Моря погиб, поглощенный холодной волной Амфитриты. Я же колена твои обнимаю, чтоб ты благосклонно Участь отца моего мне открыл, объявив, что своими Видел глазами иль что от какого услышал случайно Странника. Матерью был он рожден на беды и на горе. Ты же, меня не щадя и из жалости слов не смягчая, Все Расскажи мне подробно, чему ты был сам очевидец. Если же чем для тебя мой отец, Одиссей благородный, Словом ли, делом ли, мог быть полезен в те дни, как с тобою В Трое он был, где столь много вы бед претерпели, ахейцы, Вспомни об этом теперь и по истине все Расскажи мне». Так Телемаху ответствовал Нестор, герой геренейский: «Сын мой, как сильно напомнил ты мне о напастях, в земле той Встреченных нами, ахейцами, твердыми в опыте строгом, Частью, когда в кораблях, предводимые бодрым Пелидом,

Мы за добычей по темно-туманному морю гонялись,
Частью, когда перед крепким Приамовым градом с врагами
Яростно бились. Из наших в то время все лучшие пали:
Лег там Аякс бедоносный, там лег Ахиллес и советов
Мудростью равный бессмертным Патрокл, и лежит там мой милый
Сын Антилох, беспорочный, отважный и столько же дивный
Легкостью бега, сколь был он бесстрашный боец. И немало
Разных других испытали мы бедствий великих, о них же
Может ли все рассказать хоть один из людей земнородных?
Если б и целые пять лет и шесть лет ты мог беспрестанно
Вести собирать о бедах, приключившихся бодрым ахейцам,
Ты бы, всего не узнав, недоволен домой возвратился.
Девять трудились лет мы, чтоб их погубить, вымышляя
Многие хитрости, – кончить насилу решился Кронион.
В умных советах никто там не мог наряду быть поставлен
С ним: далеко опереживал всех изобретеньем многих
Хитростей царь Одиссей, благородный родитель твой, если
Подлинно сын ты его. С изумленьем смотрю на тебя я;
С ним и речами ты сходен; но кто бы подумал, чтоб было
Юноше можно так много с ним сходствовать умною речью?
Я ж постоянно, покуда войну мы вели, на совете ль,
В сонме ль народном, всегда заодно говорил с Одиссеем;
В мненьях согласные, вместе всегда мы, обдумавши строго,
То лишь одно избирали, что было ахейцам полезней.
Но когда, ниспровергнувши город Приама великий,
Мы к кораблям возвратились, бог разлучил нас: Кронион
Бедственный путь по морям приготовить замыслил ахейцам.
Был не у каждого светел рассудок, не все справедливы
Были они – потому и постигнула злая судьбина
Многих, разгневавших дочь светлоокою страшного бога.
Сильную распрю богиня Афина зажгла меж Атридов:
Оба, созвать вознамерясь людей на совет, безрассудно
Собрали их не в обычное время, когда уж садилось
Солнце; ахейцы сошлись, вином охмеленные; те же
Стали один за другим объяснять им причину собрания:
Требовал царь Менелай, чтоб аргивские мужи в обратный
Путь по широкому моря хребту устремились немедля;
То Агамемнон отвергнул: ахейцев еще удержать он
Мыслил затем, чтоб они, совершив гекатомбу святую,
Гнев примирили ужасной богини... младенец! Еще он,
Видно, не знал, что уж быть не могло примирения с нею:
Вечные боги не скоро в своих изменяются мыслях.
Так, обращая друг к другу обидные речи, там оба
Брата стояли; собрание светлообурых ахейян
Воплем наполнилось яростным, на два разрознившись мненья.
Всю ту мы ночь провели в неприязненных друг против друга
Мыслях: уж нам, беззаконным, готовил Зевес наказание.
Утром одни на прекрасное море опять кораблями
(Взяв и добычу и дев, глубоко опоясанных) вышли.
Но половина другая ахейян осталась на бреге
Вместе с царем Агамемноном, пастырем многих народов.
Дали мы ход кораблям, и они по волнам побежали
Быстро: под ними углаживал бог многоводное море.
Скоро пришед в Тенедос, принесли мы там жертву бессмертным,
Дать нам отчизну моля их, но Дий непреклонный еще нам
Медлил дозволить возврат: он вторичной враждой возмутил нас.
Часть за царем Одиссеем, подателем мудрых советов,
В многовесельных пустяк кораблях, устремилась в обратный
Путь, чтоб Атриду царю Агамемнону вновь покориться.
Я же поспешно со всеми подвластными мне кораблями
Поплыл вперед, угадав, что готовил нам бедствие демон;
Поплыл со всеми своими и сын бедоносный Тидея;
Позже отправился в путь Менелай златовласый: в Лесбосе
Нас он нагнал, нерешимых, какую избрать нам дорогу:
Выше ль скалами обильного Хиоса путь свой на Псиру
Править, ее оставляя по левую руку, иль ниже
Хиоса, мимо открытого воющим ветрам Миманта?
Дия молили мы знаменье дать нам; и, знаменье давши,

Он повелел, чтоб, разрезавши море по самой середине,
Шли мы к Евбее для скорого близкой беды избежания;
Ветер попутный, свистя, зашумел, и, рыбообильный
Путь совершая легко, корабли до Гереста достигли
К ночи; от многих быков возложили мы тучные бедра
Там на алтарь Посейдонов, измерив великое море.
День совершился четвертый, когда, добжевав до Аргоса,
Все корабли Диомеда, коней обуздателя, стали
В пристани. Прямо тем временем в Пилос я плыл, и ни разу
Ветер попутный, вначале нам посланный Диомедом, не стихнул.
Так возвратился я, сын мой, без всяких вестей; и донныне
Сведать еще я не мог, кто погиб из ахейян, кто спасся.
Что ж от других мы узнали, живя под домашнею кровлей,
То вам как следует я расскажу, ничего не скрывая.
Слышали мы, что с младым Ахиллеса великого сыном
Все мирмидоны его, копьеносцы домой возвратились;
Жив, говорят, Филоктет, сын Пеанов возлюбленный; здраво
Идомей (никого из сопутников, с ним избежавших
Вместе войны, не утративши на море) Крита достигнул;
К вам же, конечно, и в дальнюю землю дошел об Атриде
Слух, как домой возвратился он, как умерщвлен был Эгистом,
Как и Эгист наконец по заслуге приял воздаянье.
Счастье, когда у погибшего мужа останется бодрый
Сын, чтоб отмстить, как Орест, поразивший Эгиста, которым
Был умерщвлен злоковарно его многославный родитель!
Так и тебе, мой возлюбленный друг, столь прекрасно созревший,
Должно быть твердым, чтоб имя твое и потомки хвалили».
Выслушав Нестора, так отвечал Телемах благородный:
«Сын Нелеев, о Нестор, великая слава ахейян,
Правда, отмстил он, и страшно отмстил, и ему от народов
Честь повсеместная будет и будет хвала от потомства.
О, когда б и меня одарили такую же силой
Боги, чтоб так же и я мог отмстить женихам, наносящим
Столько обид мне, коварно погибель мою замышляя!
Но благодати великой такой ниспослать не хотели
Боги ни мне, ни отцу – и удел мой отныне терпенье».
Так Телемаху ответствовал Нестор, герой геренейский:
«Сам ты, мой милый, о том мне своими словами напомнил;
Слышали мы, что, твою благородную мать притесняя,
В доме твоём женихи беззаконного делают много.
Знать бы желал я: ты сам ли то волею сносишь? Народ ли
Вашей земли ненавидит тебя, по внушению бога?
Мы же не ведаем; может случиться легко, что и сам он
Их, возвратясь, погубит, один ли, созвав ли ахейян...
О, когда б возлюбить светлоокая дева Паллада
Так же могла и тебя, как она Одиссея любила
В крае троянском, где много мы бед претерпели, ахейцы!
Нет, никогда не бывали столь боги в любви откровенны,
Сколь откровенна была с Одиссеем Паллада Афина!
Если бы ею с такою ж любовью и ты был присвоен,
Самая память о браке во многих из них бы пропала».
Нестору так отвечал рассудительный сын Одиссеев:
«Старец, несбыточно, думаю, слово твое; о великом
Ты говоришь, и ужасно мне слушать тебя; не случится
То никогда ни по просьбе моей, ни по воле бессмертных».
Дочь светлоокая Зевса Афина ему отвечала:
«Странное слово из уст у тебя, Телемах, излетело;
Богу легко защитить нас и издали, если захочет;
Я ж согласился б скорее и бедствия встретить, чтоб только
Сладостный день возвращенья увидеть, чем, бедствий избегнув,
В дом возвратиться, чтоб пасть пред своим очагом, как великий
Пал Агамемнон предательством хитрой жены и Эгиста.
Но и богам невозможно от общего смертного часа
Милого им человека избавить, когда он уж предан
В руки навек усыпляющей смерти судьбиною будет».
Так отвечал рассудительный сын Одиссеев богине:
«Ментор, не станем о том говорить мы, хотя и крушит нам
Сердце оно; уж его возвращения мы не увидим».

Черную участь и смерть для него приготовили боги.
Я же теперь, о ином вопрошая, хочу обратиться
К Нестору – правдой и мудростью всех он людей превосходит;
Был, говорят, он царем, повелителем трех поколений,
Образом светлым своим он бессмертному богу подобен –
Сын Нелеев, скажи, ничего от меня не скрывая,
Как умерщвлен был Атрид Агамемнон пространнодержавный?
Где Менелай находился? Какое губящее средство
Хитрый Эгист изобрел, чтоб удобнее сладить с сильнейшим?
Иль, не достигнув Аргоса, еще меж чужими людьми он
Был и врага своего тем отважил на злое убийство?»
«Друг, – Телемаху отвечив Нестор, герой геренейский, –
Все расскажу откровенно, чтоб мог ты всю истину ведать;
Подлинно так все случилось, как думаешь сам ты; но если б
В братнем жилище Эгиста живого застал, возвращаясь
В дом свой из брани троянской, Атрид Менелай златовласый,
Трупа его бы тогда не покрыла земля гробовая,
Хищные птицы и псы бы его растерзали, без чести
В поле, далеко за градом Аргосом лежащего, жены
Наши его б не оплакали – страшно дело свершил он.
Тою порою, как билися мы на полях илионских,
Он в безопасном углу многоконного града Аргоса
Сердце жены Агамемнона лестью опутывал хитрой.
Прежде самой Клитемнестре божественной было противно
Дело постыдное – мыслей порочных она не имела;
Был же при ней песнопевец, которому Агамемнон,
В Троию готовясь плыть, наблюдать повелел за супругой;
Но, как скоро судьбина ее предала преступленью,
Тот песнопевец был сослан Эгистом на остров бесплодный,
Где и оставлен; и хищные птицы его растерзали.
Он же ее, одного с ним желавшую, в дом пригласил свой;
Множество бедр на святых алтарях он сожег пред богами,
Множество вкладов, и златом и тканями, храмы украсил,
Дерзкое дело такое с неожиданным окончив успехом.
Мы же, покинувши землю троянскую, поплыли вместе,
Я и Атрид Менелай, сопряженные дружбою тесной.
Были уж мы пред священным Сунионом, мысом Аттийским;
Вдруг Менелаева кормщика Феб Аполлон невидимо
Тихой своею стрелой умертвил: управляя бегущим
Судном, кормило держал многоопытной, твердой рукою
Фронтис, Онеторов сын, наиболее из всех земнородных
Тайну проникший владеть кораблем в наступившую бурю.
Путь свой замедлил, хотя и спешил, Менелай, чтоб на берегу
Честь погребения другу воздать с торжеством надлежащим;
Но когда на своих кораблях крутобоких опять он
В темное море пошел и высокого мыса Малей
Быстро достиг – повсеместно гремящий Кронион, замыслив
Гибель, нагнал на него многошумное ветра дыханье,
Поднял могучие, тяжкие, гороогромные волны.
Вдруг корабли разлучив, половину их бросил он к Криту,
Где обитают кидоны у светлых потоков Ярдана.
Виден там гладкий утес, восходящий над влагой соленой,
В темное море вдвигаясь на крайних пределах Гортины;
Там, где великие волны на западный берег у Феста
Нот нагоняет и малый утес их дробит, отшибая,
Те корабли очутились; проворством спаслись от смерти
Люди; суда ж их погибли, разбившись об острые камни.
Пять остальных кораблей темноносых, похищенных бурей,
Ветер могучий и волны ко берегу Египта примчали.
Там Менелай, собирая сокровищ и золота много,
Странствовал между народов иного языка, и в то же
Время Эгист совершил беззаконное дело в Аргосе,
Смерти предавши Атрида, – народ покорился безмолвно.
Целые семь лет он властвовал в златообильной Микене;
Но на осьмой из Афин возвратился ему на погибель
Богopodobный Орест; и убийцу сразил он, которым
Был умерщвлен злоковарно его многославный родитель.
Пир учредив для аргивян великий, свершил погребенье

Он и преступнице матери вместе с Эгистом презренным.
В самый тот день и Атрид Менелай, вызыватель в сражение,
Прибыл, богатства собрав, сколь могло в кораблях уместиться.
Ты же недолго, мой сын, в отдаленье от родины странствуй,
Дом и наследье отца благородного бросив на жертву
Дерзких грабителей, жрущих твое беспощадно; расхитят
Все, и без пользы останется путь, совершенный тобою.
Но Менелая Атрида (советую, требую) должен
Ты посетить; он недавно в отечество прибыл из чуждых
Стран, от людей, от которых никто, занесенный однажды
К ним по широкому морю стремительным ветром, не мог бы
Жив возвратиться, откуда и в год долететь к нам не может
Быстрая птица, – столь страшно великой пучины пространство.
Ты же поедешь отсюда иль морем со всеми своими,
Или, когда пожелаешь, землю: коней с колесницей
Дам я, и сына с тобою пошлю, чтоб тебе указал он
Путь в Лакедемон божественный, где Менелай златовласый
Царствует; можешь ты сам обо всем расспросить Менелая;
Лжи он, конечно, не скажет, умом одаренный великим».
Кончил. Тем временем солнце померкло, и тьма наступила.
К Нестору слово свое обративши, сказала Афина:
«Старец, твои рассудительны речи, но медлить не станем;
Должно отрезать теперь языки, и царю Посейдону
Купно с другими богами вином сотворить возлиянье;
Время подумать о ложе покойном и сне миротворном;
День на закате угас, и уж боле не будет прилично
Здесь нам сидеть за трапезой богов; удалиться пора нам».
Так говорила богиня; почтительно все ей внимали.
Тут для умыванья рук им служители подали воду;
Отроки светлым кратеры до края наполнив напитком,
В чашах его разнесли, по обычаю справа начавши;
Бросив в огонь языки, сотворили они возлиянье,
Стоя; когда ж сотворили его и вином насладились,
Сколько желала душа, Телемах благородный с Афиной
Стали к ночлегу на свой быстроходный корабль собираться.
Нестор, гостей удержавши, сказал: «Да отнюдь не позволять
Вечный Зевес и другие бессмертные боги, чтоб ныне
Вы для ночлега отсюда ушли на корабль быстроходный!
Разве одежд не найдется у нас? Неужели я нищий?
Будто уж в доме моем ни покровов, ни мягких постелей
Нет, чтоб и сам я и гости мои насладились покойным
Сном? – Но покровов и мягких постелей найдется довольно.
Можно ль, чтоб сын столь великого мужа, чтоб сын Одиссеев
Выбрал себе корабельную палубу спальней, пока я
Жив и мои сыновья обитают со мной под одною
Кровлей, чтоб всех, кто пожалует к нам, угощать дружелюбно?»
Дочь светлоокая Зевса Афина ему отвечала:
«Умное слово сказал ты, возлюбленный старец, и должен
Волю исполнить твою Телемах: то, конечно, приличней.
Здесь я оставляю его, чтоб покойно под кровлей твоею
Ночь он провел. Самому ж мне на черный корабль возвратиться
Должно, чтоб наших людей ободрить и о многом сказать им:
Я из спутников наших старейший годами; они же
(Все молодые, ровесники все Телемаху) по доброй
Воле, из дружбы его в корабле проводить согласились;
Вот для чего и хочу я на черный корабль возвратиться.
Завтра ж с зарею пойти мне к народу отважных кавконов
Нужно, чтоб там заплатили мне люди старинный, немалый
Долг. Телемаха же, после того как у вас погостит он,
С сыном своим в колеснице отправь ты, коней повелевши
Дать им проворнейших в беге и силою самых отличных».
Так им сказав, светлоокая Зевсова дочь удалилась,
Быстрым орлом улетев; изумился народ; изумился,
Чудо такое своими глазами увидевши, Нестор.
За руку взяв Телемаха, ему дружелюбно сказал он:
«Друг, ты, конечно, и сердцем не робок и силою крепок,
Если тебе, молодому, так явно сопутствуют боги.
Здесь из бессмертных, живущих в обителях светлых Олимпа,

Был не иной кто, как Диева славная дочь Тритогена,
Столь и отца твоего отличавшая в сонме аргивян.
Будь благосклонна, богиня, и к нам и великую славу
Дай мне, и детям моим, и супруге моей благодетельной;
Я же телицу тебе однолетнюю, лбистую, в поле
Вольно бродящую, с игом еще не знакомую, в жертву
Здесь принесу, ей рога изукрасивши золотом чистым».
Так говорил он, молясь; и Палладою был он услышан.
Кончив, пошел впереди сыновей и зятьев благородных
В дом свой богато украшенный Нестор, герой геренейский;
С Нестором в царский богато украшенный дом и другие
Также вступили и сели порядком на креслах и стульях.
Старец тогда для собравшихся кубок наполнил до края
Светлым вином, чрез одиннадцать лет из амфоры налитым
Ключницей, снявшей впервые с заветной амфоры той кровлю.
Им он из кубка свое сотворил возлиянье великой
Дочери Зевса-эгидодержавца; когда ж и другие
Все, сотворив возлиянье, вином насладились довольно,
Каждый к себе возвратился, о ложе и сне помышляя.
Гостью желая спокойствия, Нестор, герой геренейский,
Сам Телемаху, разумному сыну царя Одиссея,
В звонко-пространном покое кровать указал прорезную;
Лег близ него Писистрат, копьевержец, мужей предводитель,
Бывший из братьев один неженатый в жилище отцовом.
Сам же, во внутренний царского дома покой удаляясь,
Лег на постели, перестланной мягко царицею, Нестор.
Встала из мрака младая с перстами пурпурными Эос;
С мягкой поднялся постели и Нестор, герой геренейский,
Вышед из спальни, он сел на обтесанных, гладких, широких
Камнях, у двери высокой служивших седалищем, белых,
Ярко сиявших, как будто помазанных маслом, на них же
Прежде Нелей восседал, многоумием богу подобный;
Но уж давно уведен был судьбой в обитель Аида.
Ныне ж на камнях Нелеевых Нестор воссел, скиптроносный
Пестун ахейн. К нему сыновья собрались, из спален
Вышед: Ехефрон, Персей, Стратион, и Аретос, и юный
Богу подобный красой Фрасимед; наконец и шестой к ним,
Младший из братьев пришел, Писистрат благородный. И рядом
С Нестором сесть приглашен был возлюбленный сын Одиссеев.
Речь обратил тут к собравшимся Нестор, герой геренейский:
«Милые дети, мое повеленье исполнить спешите:
Паче других преклонить я желаю на милость Афины,
Видимо, бывшую с нами на празднике бога великом.
В поле один за телицей беги, чтоб немедленно с поля
Выгнал ее к нам пастух, за стадами смотрящий; другой же
Должен на черный корабль Телемахов пойти и позвать к нам
Всех мореходных людей, там оставя лишь двух; напоследок
Третьим пусть будет немедленно златоискусник Лаэрокс
Призван, чтоб золотом чистым рога изукрасить телице.
Прочие ж все оставайтесь при мне, повелевши рабыням
В доме устроить обед изобильный, расставить порядком
Стулья, дрова приготовить и светлой воды принести нам».
Так он сказал; все заботиться начали: с поля телицу
Скоро пригнали; пришли с корабля Телемаховы люди,
С ним переплывшие море; явился и златоискусник,
Нужный дляковки металлов принесши снаряд: наковальню,
Молот, клещи драгоценной отделки и все, чем обычно
Дело свое совершал он; пришла и богиня Афина
Жертву принять. Тут художнику Нестор, коней обуздатель,
Золота чистого дал; оковал им рога он телицы,
Тщася усердно, чтоб жертвенный дар был угоден богине.
Взяли телицу тогда за рога Стратион и Ехефрон;
Воду им руки умыть в обложенной цветами лохани
Вынес из дома Аретос, в другой же руке он с ячменем
Короб держал; подошел Фрасимед, ратоборец могучий,
С острым в руке топором, поразить изготовясь жертву;
Чашу подставил Персей. Тут Нестор, коней обуздатель,
Руки умывши, ячменем телицу осыпал и, бросив

Шерсти с ее головы на огонь, помолился Афине;
Следом за ним и другие с молитвой телицу ячменем
Так же осыпали, Несторов сын, Фрасимед многосильный,
Мышцы напрягши, ударил, и, в шею глубоко вонзенный,
Жилы топор пересек; повалилась телица; вскричали
Дочери все, и невестки царицы, и с ними царица,
Кроткая сердцем, Клименова старшая дочь Евридика.
Те же телицу, прикишную к лону земли путеносной,
Подняли – разом зарезал ее Писистрат благородный.
После, когда истошилась черная кровь и не стало
Жизни в костях, разложивши на части ее, отделили
Бедрa и сверху их (дважды обвинивши, как следует, кости
Жиром) кровавого мяса кусками покрыли; все вместе
Нестор зажег на костре и вином оросил искрометным;
Те ж приступили, подставив ухваты с пятью остриями.
Бедрa сожегши и сладкой утробы вкусив, остальное
Всё разрубили на части и стали на вертелах жарить,
Острые вертелы тихо в руках над огнем обращая.
Тою порой Телемах Поликастою, дочерью младшей
Нестора, был отведен для омытия в баню; когда же
Дева его и омыла и чистым натерла елеем,
Легкий надевши хитон и богатой облекшись хламидой,
Вышел из бани он, богу лицом лучезарным подобный;
Место он занял близ Нестора, пастыря многих народов.
Те же, изжарив и с вертелов снявши хребтовое мясо,
Сели за вкусный обед, и заботливо начали слуги
Бегать, вино наливая в сосуды златые; когда же
Был удовлетворен голод их сладким питьем и едою,
Нестор, герой геренейский, сказал сыновьям благородным:
«Дети, коней густогривых запрячь в колесницу немедленно
Должно, чтоб мог Телемах по желанию в путь устремиться».
То повеление царское было исполнено скоро;
Двух густогривых коней запрягли в колесницу; в нее же
Ключница хлеб и вино на запас положила, с различной
Пищей, какая царям лишь, питомцам Зевеса, прилична.
Тут в колесницу блестящую стал Телемах благородный;
Рядом с ним Несторов сын Писистрат, предводитель народов,
Стал; натянувши могучей рукою бразды, он ударил
Сильным бичом по коням, и помчались быстрые кони
Полею, и Пилос блистательный скоро исчез позади их.
Целый день мчались кони, трясся колесничное дышло.
Солнце тем временем село, и все потемнели дороги.
Путники прибыли в феру, где сын Ортилоха, Алфеем
Светлым рожденного, дом свой имел Диоклес благородный:
Дав у себя им ночлег, Диоклес угостил их радушно.
Вышла из мрака молодая с перстами пурпурными Эос.
Путники, снова в свою колесницу блестящую ставши,
Быстро на ней со двора через портик помчались звонкий,
Часто коней погоняя, и кони скакали охотно.
Пышных равнин, изобильных пшеницей, достигнув, они там
Кончили путь, совершенный конями могучими быстро;
Солнце тем временем село, и все потемнели дороги.

Песнь четвертая

Вечер пятого дня и весь шестой день

Телемах и Писистрат, прибыв в Лакедемон, вступают во дворец царя Менелая, который, празднуя свадьбу сына и дочери, приглашает их на семейственный пир свой. И он и Елена узнают Телемаха. Средство, употребленное Еленой для развеселения гостей; она и Менелай рассказывают о подвигах Одиссея. На другое утро Менелай, по просьбе Телемаха, сообщает ему все то, что сам слышал от прорицателя Протея о судьбе вождя ахейских и о заключении Одиссея на острове Калипсо; потом он убеждает Телемаха погостить несколько времени в доме его. Тем временем женихи, узнав об отплытии Телемаха, приходят в ужас и замышляют умертвить его на возвратном пути. Скорь Пенелопы, узнавшей от глашатая Медонта о замысле их и об отплытии сына. Афина, тронутая молитвою горестной матери, посылает ей ободрительное сновидение. Антиной со своею дружиною пускается в море и останавливается близ острова Астера ждать Телемаха.

В царственный град Лакедемон, холмами объятый, прибывши,

К дому царя Менелая Атрида они обратились.
Пир он богатый давал многочисленным сродникам, свадьбу
Сына и дочери милья празднуя в царском жилище.
К сыну губителя ратей Пелида свою посылал он
Дочь, уж давно с ним в троянской земле договор заключивши
Выдать ее за него, и теперь сочетали их боги;
Много ей дав колесниц и коней, молодую невесту
В град мирмидонский, где царствовал светлый жених, снарядил он.
В Спарте же дочь он Алектора выбрал невестой для сына,
Крепкого силой, прижитого им с молодой рабыней
В поздних годах, Мегалента. Елене ж детей не хотели
Боги с тех пор даровать, как желанная ей родилася
Дочь Гермiona, подобная дивной красой Афродите.
Шумно пируя в богато украшенных царских палатах,
Сродники все и друзья Менелая, великого славой,
Полны веселия были; на лире певец вдохновенный
Громко звучал перед ними, и два прыгуна, соглашая
С звонкою лирой прыжки, посреди их проворно скакали.
Тою порой Телемах благородный с младым Писистратом,
К царскому дому прибыв, на дворе из своей колесницы
Вышли; им вступился прежде других Этеон многотимый,
Спальник проворный царя Менелая, великого славой.
С вестью о них по дворцу побежал он к владыке Атриду;
Близко к нему подошедши, он бросил крылатое слово:
«Царь Менелай, благородный питомец Зевеса, два гостя
Прибыли, два иноземца, конечно из племени Дия.
Что повелишь нам? Отпрячь ли их быстрых коней? Отказать ли
Им, чтоб они у других для себя угощенья искали?»
С гневом великим ему отвечал Менелай златовласый:
«Ты, Этеон, сын Возэфов, еще никогда малоумен
Не был, теперь же бессмысленно стал говорить, как младенец;
Сами не раз испытав гостелюбие в странствии нашем,
Мы напоследок покоимся дома, и Дий да положит
Бедствиям нашим конец. Отпрягите коней их; самих же
Странников к нам пригласить на семейственный пир наш обоим».
Так говорил Менелай. Этеон побежал, за собою
Следовать многим из царских проворных рабов повелевши.
Иго с ретивых коней, опененное потом, сложили;
К яслям в царевой конюшне голодных коней привязали;
В ясли же полбы насыпали, смешанной с ярким ячменем;
К светлой наружной стене прислонили потом колесницу.
Странники были в высокий дворец введены; озираясь,
Дому любезного Зевсу царя удивлялись оба:
Все лучезарно, как на небе светлое солнце иль месяца,
Было в палатах царя Менелая, великого славой.
Очи свои наконец удовольствовав сладостным зреньем,
Начали в гладких купальнях они омываться; когда же
Их и омыла и чистым елеем натерла рабыня,
В тонких хитонах, облекшись в косматые мантии, оба
Рядом они с Менелаем-властителем сели на стульях.
Тут поднесла на лохани серебряной руки умыть им
Полный студенной воды золотой рукойник рабыня;
Гладкий потом пододвинула стол; на него положила
Хлеб домовитая ключница с разным съестным, из запаса
Выданным ею охотно; на блюдах, подняв их высоко,
Мяса различного крайчий принес и, его предложив им,
Кубки златые на браном столе перед ними поставил.
Сделав рукою приветствие, светлый сказал им хозяин:
«Пищи откушайте нашей, друзья, на здоровье; когда же
Свой утолите вы голод, спрошу я, какие вы люди?
В вас не увяла, я вижу, порода родителей ваших;
Оба, конечно, вы дети царей, порожденных Зевесом,
Скиптродержавных; подобные вам не от низких родятся».
Тут он им подал бычатины жареной кус, из почетной
Собственной части его отделивши своею рукою.
Подняли руки они к предложенной им пище и голод
Свой утолили роскошной едой и питьем изобильным.
Голову к спутнику тут приклонив, чтоб подслушать другие

Речи его не могли, прошептал Телемах осторожно:
«Несторов сын, мой возлюбленный друг, Писистрат благородный,
Видишь, как много здесь меди сияющей в звонких покоех;
Блещет все золотом, серебром, янтарями, слонового костью;
Зевс лишь один на Олимпе имеет такую обитель;
Что за богатство! Как много всего! С изумленьем смотрю я».
Вслушался в тихую речь Телемаха Атрид златовласый;
Голос возвысив, обоим он бросил крылатое слово:
«Дети, нам, смертным, не можно равняться с владыкою Зевсом,
Ибо и дом и сокровища Зевса, как сам он, нетленны;
Люди ж иные поспорят богатством со мной, а иные
Нет; претерпевши немало, немало скитавшись, добра я
Много привез в кораблях, возвратясь на осьмой год в отчизну.
Видел я Кипр, посетил финикиян, достигнув Египта,
К черным проник эфиопам, гостил у сидонян, эрембов;
В Ливии был, наконец, где рогатыми агнцы рождаются,
Где ежегодно три раза и козы и овцы кидаются;
В той стороне и полей господин и пастух недостатка
В сыре, и мясе, и жирно-густом молоке не имеют;
Круглый там год изобильно бывают доимы коровы.
Той же порой, как в далеких землях я, собирая богатства,
Странствовал, милый в отечестве брат мой погиб от убийцы
Тайно, никем не предвиденно, хитрым предательством женским.
С тех пор и все уж мои мне сокровища стали постылы.
Но об этом, кто б ни были вы, уж, конечно, отцы вам
Все рассказали... О, горестно было мне зреть истребленье
Дома, столь светлого прежде, столь славного многим богатством!
Рад бы остаться я с третью того, чем владею, лишь только б
Были те мужи на свете, которые в Трое пространной
Кончили жизнь, далеко от Аргоса, питателя коней.
Часто, их всех поминая, об них сокрушаясь и плача,
Здесь я сижу одиноко под кровлей домашней; порою
Горем о них услаждаю я сердце, порой забываю
Горе, понеже нас скоро холодная скорбь утомляет.
Но сколь ни сетую в сердце своем я, их всех поминая,
Мысль об одном наиболее губит мой сон и лишает
Пищи меня, поелику никто из ахейн столь много
Бедствий не встретил, как царь Одиссей; на труды и печали
Был он рожден; на мою же досталось часть сокрушаться,
Видя, как долго отсутствие длится его; мы не знаем,
Жив ли он, умер ли; плачет о нем безутешный родитель
Старец Лаэрт, с Пенелопой разумной, с младым Телемахом,
Бывшим еще в пеленах при его удаленье из дома».
Так он сказав, неумышленно скорбь пробудил в Телемахе.
Крупная пала с ресницы сыновней слеза при отцовом
Имени; в обе схвативши пурпурную мантию руки,
Ею глаза он закрыл; то увидя, Атрид догадался;
Долго, рассудком и сердцем колеблясь, не знал он, что делать:
Ждать ли, чтоб сам говорить о родителе юноша начал,
Или вопросами выведать все от него понемногу?
Тою порой, как рассудком и сердцем колеблясь, молчал он,
К ним из своих благовонных, высоких покоев Елена
Вышла, подобная светлой с копьем золотым Артемиде.
Кресла богатой работы подвинула сестра ей Адреста;
Мягкий ковер шерстяной положила ей в ноги Алкиппа;
Фило пришла с драгоценной корзиной серебряной, даром
Умной Аלקандры, супруги Полиба, в египетских Фивах
Жившего, много сокровищ имея в обители пышной.
Две сребролитные дал он Атриду купальни и с ними
Два троеножных сосуда и золотом десять талантов;
Также царице Елене супруга его подарила
Прялку золотую с корзиной овальной; была та корзина
Вся из серебра, но края золотые; и эту корзину
Фило, пришедши, поставила подле царицы Елены,
Полную пряжи сученой; на ней же лежала и прялка
С шерстью волнистой пурпурного цвета. На креслах Елена
Села, прекрасные ноги свои на скамью протянувши.
Сев, с любопытством она у царя Менелая спросила:

«Мог ли узнать ты, Атрид благородный, питомец Зевеса,
кто иноземные гости, наш дом посетившие ныне?
Я же скажу – справедливо ли, нет ли, не знаю, – но сердце
Нудит сказать, что еще никогда (с изумленьем смотрю я)
Мне ни в жене не случилось, ни в муже подобного встретить
Сходства, какое наш гость с Телемахом, царя Одиссея
Сыном, имеет; младенцем его Одиссеей благородный
Дома оставил, когда за меня, недостойную, все вы,
Мужи ахейские, в Трою пошли истребительной ратью».
Царь Менелай отвечал благородной царице Елене:
«Что ты, жена, говоришь, то и я нахожу справедливым.
Дивное сходство! Такие же ноги, такие же руки,
То же в глазах выражение, та ж голова и такие ж
Кудри густые на ней; а когда, помянув Одиссея,
Стал говорить я о бедствиях, им за меня претерпенных,
Пала с ресницы его, я заметил, слеза, и, схвативши
В обе пурпурную мантию руки, он ею закрылся».
Тут Писистрат благородный сказал Менелаю Атриду:
«Царь многославный Атрид, богоизбранный пастырь народов,
Спутник мой подлинно сын Одиссеев, как думаешь сам ты;
Но, осторожный и скромный, он мнит, что ему неприлично,
Вас посетивши впервые, себя выставлять в разговоре
Смелом с тобою, пленяющим всех нас божественной речью.
Старец, родитель мой, Нестор его повелел в Лакедемон
Мне проводить; у тебя ж он затем, чтоб ему благосклонно
Дать наставление ты соизволил: что делать? Немало
Горя бывает в родительском доме для сына, когда он
Розно с отцом, не имея друзей, сиротствует, как ныне
Сын Одиссеев: отец благородный далеко; в народе ж
Нет никого, кто б ему от гонений помог защититься».
Царь Менелай, отвечая, сказал Писистрату младому:
«Боги! Так подлинно сын несказанно мне милого друга,
Столько тревог за меня претерпевшего, дом посетил мой.
Я ж самого Одиссея отличное прочих ахейян
Встретить надеждой ласкался, когда б в кораблях быстроходных
Путь нам домой по волнам отворил громовержец Кронион;
Град бы в Аргосе ему я построил с дворцом для жилища;
Взял бы его самого из Итаки с богатствами, с сыном,
С целым народом; и область для них бы очистил, моими
Близко людьми населенную, мой признающую скипетр;
Часто видались тогда бы, соседствуя, мы, и ничто бы
Нас разлучить не могло, веселящихся, дружных, до злого
Часа, в который бы скрыло нас черное облако смерти.
Но столь великого блага нам дать не хотел непреклонный
Бог, запретивший ему, несчастливцу, возврат вождеденный».
Так говоря, неумышленно всех Менелай опечалил;
Громко Елена аргивская, Диева дочь, зарыдала;
Сын Одиссеев заплакал, и с ними Атрид прослезился;
Плача не мог удержать и молодой Писистрат: он о брате
Вспомнил, о брате своем Антилохе прекрасном, который
Был умерщвлен лучезарной Денницы возлюбленным сыном.
Вспомнив о брате, Атриду он бросил крылатое слово:
«Подлинно, царь Менелай, ты разумнее всех земнородных.
Так говорит и отец престарелый наш Нестор, когда мы
Дома в семейных беседах своих о тебе вспоминаем.
Ныне ж послушайся, царь многоумный, меня; не люблю я
Слез за вечерней трапезою – скоро подымется Эос,
В раннем тумане рожденная. Мне же отнюдь не противен
Плач о возлюбленных мертвых, постигнутых общей судьбиной;
Нам, земнородным страдальцам, одна здесь надежная почесть:
Слезы с ланит и отрезанный локон волос на могиле.
Брата утратил и я; не последний меж бранных аргивян
Был он; его ты, конечно, видал; а со мной никогда здесь
Он не встречался; его я не знал; но от всех был отличен,
Слышали мы, он и легкостью ног и отважностью в битвах».
Царь Менелай златовласый ответствовал так Писистрату:
«Друг, основательно то, что сказал ты; один лишь разумный
Муж и годами старейший тебя говорить так способен.

Вижу из слов я твоих, что отца своего ты достойный
Сын; без труда познается порода мужей, для которых
Счастье и в браке и в племени их уготовал Кронион;
Так постоянно и Нестору он золотые свивает
Годы, чтоб весело в доме своем он старел, окруженный
Бодрой семьей сыновей, и разумных и с копьями первых.
Мы же, печаль отложив и отерши пролитые слезы,
Снова начнем пировать; для умытия рук подадут нам
Светлой воды, а наутро опять разговор с Телемахом
Я заведу, и окончим мы завтра начатое ныне».

Так он сказал, и умыться им подал воды Асфалион,
Спальник проворный царя Менелая, великого славою.
Подняли руки они к предложенной им лакомой пище.
Умная мысль пробудилась тогда в благородной Елене:
В чаши она круговые подлить вознамерилась соку,
Гореусладного, миротворящего, сердцу забвенью
Бедствий дающего; тот, кто вина выпивал, с благотворным
Слитого соком, был весел весь день и не мог бы заплакать,
Если б и мать и отца неожиданной смертью утратил,
Если б нечаянно брата лишился иль милого сына,
Вдруг пред очами его пораженного бранною медью.
Диева светлая дочь обладала тем соком чудесным;
Щедро в Египте ее Полидамна, супруга Фоона,
Им наделила; земля там богатообильная много
Злаков рождает и добрых, целебных, и злых, ядовитых;
Каждый в народе там врач, превышающий знаньем глубоким
Прочих людей, поелику там все из Пеанова рода.
Соку в вино подмешав и вино разнести повелевши,
Стала царица Елена беседовать снова с гостями:
«Царь Менелай благородный, питомец Зевеса, и все вы,
Дети отцов знаменитых, различное людям различным,
Злое и доброе, Дий посылает, все Дию возможно.
Радуйтесь ныне, сидя за трапезой вечерней и сладким
Сердце свое веселя разговором; а я о бывалом
Вам расскажу – хоть всего рассказать и припомнить нельзя мне, –
Как Одиссеей, непреклонный в бедах, подвизался и что он,
Дерзко-решительный муж, наконец предпринял и исполнил
В крае троянском, где много вы бед претерпели, ахейцы.
Тело свое беспощадно иссекши бичом недостойным,
Рубищем бедным покрывши плеча, как невольник, вошел он
В полный сияющих улиц народа враждебного город;
Образ принявши чужой, он в разодранном платье казался
Нищим, каким никогда меж ахейян его не видали.
Так посреди он троян укрывался; без смысла, как дети,
Были они; я одна догадалась, кто он; вопросы
Стала ему предлагать я – он хитро от них уклонился;
Но когда, и омывши его и натерши елеем,
Платье на плечи ему возложила я с клятвой великой:
Тайны его никому не открыть в Илионе враждебном
Прежде его возвращения в стан к кораблям крутобоким,
Все мне о замысле хитром ахейян тогда рассказал он.
Многих троян длинноострою медью меча умертвивши,
Выведал в городе все он и в стан невредим возвратился.
Многие вдовы троянские громко рыдали, в моем же
Сердце веселие было: давно уж стремилось в родную
Землю оно, и давно я скорбела, виной Афродиты
Вольно ушедшая в Трою из милого края отчизны,
Где я покинула брачное ложе, и дочь, и супруга,
Столь одаренного светлым умом и лица красотою».

Царь Менелай отвечал благородной царице Елене:
«Истинно то, что, жена, рассказала ты нам о бывалом;
Случай имел я узнать помышленья, поступки и нравы
Многих людей благородных, и много земель посетил я,
Но никогда и нигде мне досель человек, Одиссею,
Твердому в бедствиях мужу, подобный, еще не встречался.
Вот что, могучий, он там наконец предпринял и исполнил,
В чреве глубоком коня (где ахейцы избранные были
Скрыты) погибельный ков и убийство врагам приготовив;

К нам ты тогда подошла – по внушению злему, конечно,
Демона, дать замышлявшего славу враждебным троянам, –
Вслед за тобою туда же пришел Деифоб благородный;
Трижды громаду ты с ним обошла и, отвсюду ощупав
Ребра ее, начала вызывать поименно аргивян,
Голосу наших возлюбленных жен подражая искусно.
Мне ж с Диомедом и с бодрым царем Одиссеем, сокрытым
В темной утробе громады, знакомые слышались звуки.
Вдруг пробудилось желанье во мне и в Тидеевом сыне
Выйти наружу иль громко тебе извнутри отозваться;
Но Одиссей опрометчивых нас удержал; остальные ж,
В чреве коня притаяся, глубоко молчали ахейцы.
Только один Антиклес на призыв твой подать порывался
Голос; но царь Одиссей, многосильной рукою зажавши
Рот безрассудному, тем от гибели всех нас избавил;
С ним он боролся, пока не ушла ты по воле Афины».
Тут Менелаю сказал рассудительный сын Одиссеев:
«Царь благородный Атрид, богоизбранный пастырь народов,
Вдвое прискорбней, что он не избег от губящего рока;
Было ли в пользу ему, что имел он железное сердце?..
Время, однако, уж нам о постелях подумать, чтоб, сладко
В сон погружившись, на них успокоить усталые члены».
Так он сказал, и Елена велела немедля рабыням
В сенях кровати поставить, постлать тюфяки на кровати,
Пышнопурпурные сверху ковры положить, на ковры же
Мягким покровом для тела косматые мантии бросить.
Факелы взявши, пошли из столовой рабыни; когда же
Все приготовлено было гостям, проводил их глашатай;
В сенях легли на постелях и скоро покойно заснули
Сын Одиссеев и спутник его Писистрат благородный.
Скоро во внутренней спальне заснул и Атрид златовласый,
Подле царицы Елены, покрытой одеждою длинной.
Встала из мрака младая с перстами пурпурными Эос;
Ложе покинул и царь Менелай, вызыватель в сраженье;
Платье надев, изошренный свой меч на плечо он повесил;
После, подошвы красивые к светлым ногам привязавши,
Вышел из спальни, лицом лучезарному богу подобный.
Сев к Телемаху, его он поздравствовал; после спросил он:
«Что побудило тебя по хребту беспредельного моря
В царственный град Лакедемон прибыть, Телемах благородный?
Нужда какая? Своя иль народная? Правду скажи мне».
Сын Одиссеев возлюбленный так отвечал Менелаю:
«Царь многославный, Атрид, богоизбранный пастырь народов,
Здесь я затем, чтоб узнать от тебя о судьбе Одиссея.
Гибнет мое достоянье, мои разоряются земли,
Дом мой во власти грабителей жадных, безжалостно бьющих
Мелкий наш скот и быков криворогих и медленноходных;
Мать Пенелопу они сватовством неотступным терзают.
Я же колена твои обнимаю, чтоб ты благосклонно
Участь отца моего мне открыл, объявив, что своими
Видел глазами иль что от какого случайно услышал
Странника. Матерью был он рожден на беды и на горе.
Ты же, меня не щадя и из жалости слов не смягчая,
Все Расскажи мне подробно, чему ты был сам очевидец.
Если же чем для тебя мой отец Одиссей благородный,
Словом ли, делом ли, мог быть полезен в те дни, как с тобою
В Трое он был, где столь много вы бед претерпели, ахейцы,
Вспомни об этом теперь и по истине все Расскажи мне».
С гневом великим воскликнул Атрид Менелай златовласый:
«О, безрассудные! Мужа могучего брачное ложе,
Сами бессильные, мыслят они захватить произвольно!
Если бы в темном лесу у великого льва в логовище
Лань однодневных, сосущих птенцов положила, сама же
Стала б по горным лесам, по глубоким, травкою обильным
Долам бродить и обратно бы лев прибежал в логовище –
Разом бы страшная участь птенцов беспомощных постигла;
Страшная участь постигнет и их от руки Одиссея.
Если б, – о Дий Громовержец! о Феб Аполлон! о Афина! –

В виде таком, как в Лесбосе, обильно людьми населенном,
Где, с силачом Филомиледом выступив в бой рукопашный,
Он опрокинул врага на великую радость ахейцам, –
Если бы в виде таком женихам Одиссеей вдруг явился,
Сделался б брак им, судьбой неизбежной постигнутым, горек.
То же, о чем ты, меня вопрошая, услышать желаешь,
Я расскажу откровенно, и мною обманут не будешь;
Что самому возвестил мне морской пронизательный старец,
То и тебе я открою, чтоб мог ты всю истину ведать.
Все еще боги в отечество милое мне из Египта
Путь заграждали: обещанной я не свершил гекатомбы;
Боги же требуют строго, чтоб были мы верны обетам.
На море шумно-широком находится остров, лежащий
Против Египта; его именуют там жители Фарос;
Он от берегов на таком расстоянии, какое удобно
В день с благовеющим ветром попутным корабль пробегает.
Пристань находится верная там, из которой большие
В море выходят суда, запасенные темной водою.
Двадцать там дней я промедлил по воле богов, и ни разу
С берега мне не подул благосклонный отплытию ветер,
Спутник желанный пловцам по хребту многоводного моря.
Мы уж истратили все путевые запасы, и люди
Бодрость теряли, как, сжалась над нами, спасла нас богиня,
Хитрого старца морского цветущая дочь Эйдофея.
Сердцем она преклонилась ко мне, повстречавшись со мною,
Шедшим печально стезей одинокой, товарищей бросив:
Розно бродили они по зыбучему взморью и рыбу
Острогобенными крючьями удили – голод терзал их.
С ласковым видом ко мне подошедши, сказала богиня:
«Что же ты, странник? Дитя ль неразумное? Сердцем ли робок?
Лень ли тобой овладела? Иль сам ты своим веселишься
Горем, что долго так медлишь на острове нашем, не зная,
Что предпринять, и спутников всех повергая в унылость?»
Так говорила богиня, и так, отвечая, сказал я:
«Кто б ни была ты, богиня, всю правду тебе я открою:
Нехотя здесь я в бездействии медлю; быть может, нанес я
Чем оскорбленье богам, беспредельного неба владыкам.
Ты же скажи мне (все ведать должны вы, могучие боги),
Кто из бессмертных, меня оковав, запретил мне возвратный
Путь по хребту многоводного, рыбообильного моря?»
Так спросил я, и так, отвечая, сказала богиня:
«Все объявлю откровенно, чтоб мог ты всю истину ведать;
Здесь пребывает издавна морской пронизательный старец,
Равный бессмертным Протей, египтянин, изведавший моря
Все глубины и царя Посейдона державе подвластный;
Он, говорят, мой отец, от которого я родилася.
Если б какое ты средство нашел овладеть им внезапно,
Все б он открыл: и дорогу, и долог ли путь, и успешно ль
Рыбообильного моря путем ты домой возвратишься?
Если ж захочешь, божественный, скажет тебе и о том он,
Что у тебя и худого и доброго дома случилось
С тех пор, как странствуешь ты по морям неприютно-пустынным».
Так говорила богиня, и так, отвечая, сказал я:
«Нас ты сама научи овладеть хитромысленным старцем
Так, чтоб не мог наперед он намеренье наше проникнуть:
Трудно весьма одолеть человеку могучего бога».
Так говорил я, и так, отвечая, сказала богиня:
«Все объявлю откровенно, чтоб мог ты всю истину ведать;
Здесь ежедневно, лишь Гелиос неба пройдет половину,
В веянье ветра, с великим волнением темная влага,
Вод глубину покидает морской пронизательный старец;
Вышед из волн, отдыхать он ложится в пещере глубокой;
Вкруг тюлени хвостонogie, дети младой Алосидны,
Стаей ложатся, и спят, и, покрытые тиной соленой,
Смрад отвратительный моря на всю разливают окрестность.
Только что явится Эос, я место найду, где удобно
Спрячешься ты посреди тюленей; но товарищам сильным
Трем повели за собою прийти с кораблей крутобоких.

Я же тебе расскажу о волшебствах коварного старца:
Прежде всего тюленей он считать и осматривать станет;
Их осмотрев и сочтя по пяти, напоследок и сам он
Ляжет меж ними, как пастырь меж стада, и в сон погрузится.
Вы же, увидя, что лег и что в сон погрузился он, силы
Все соберите и им овладейте; жестоко начнет он
Биться и рваться – из рук вы его не пускайте; тогда он
Разные виды начнет принимать и являться вам станет
Всем, что ползет по земле, и водою, и пламенем жгучим;
Вы ж, не робея, тем крепче его, тем сильнее держите.
Но, как скоро тебе человеческий голос подаст он,
Снова принявши тот образ, в каком он заснул, – вы немедля
Бросьте его; и тогда, благородному старцу свободу
Давши, спроси ты, какой из богов раздражен и успешно ль
Рыбообильного моря путем ты домой возвратишься?»
Кончив, она погрузилась в морское глубокое лоно.
Я же пошел к кораблям, на песке неподвижно стоявшим,
Многими, сердце мое волновавшими, мыслями полный;
К морю пришед и к моим кораблям, на вечернюю пищу
Собрал людей я; божественно-темная ночь наступила;
Все мы заснули под говором волн, ударяющих в берег.
Встала из мрака младая с перстами багряными Эос;
Вдоль по отлогому влажно-песчаному берегу, с молитвой
Прежде колена склонив пред богами, пошел я; со мною
Были три спутника сильных, на всякое дело отважных.
Тюю порой, погрузившись в глубокое море, четыре
Кожи тюленьи из вод принесла нам богиня; недавно
Содраны были они. Чтоб отца обмануть, на песчаном
Береге ямы она приготовила нам и сидела,
Нас ожидая. Немедля все четверо к ней подошли мы.
В ямы укладши и кожами сверху покрыв нас, богиня
Там повелела нам ждать, притаясь; нестерпимо нас мучил
Смрад тюленей, напитавшихся горечью влаги соленой, –
Сносно ль меж чудами моря живому лежать человеку?
Но Эйдофея беде помогла и страдание наше
Кончила, ноздри амвросией нам благовонной помазав:
Был во мгновение запах чудовищ морских уничтожен.
Целое утро с мучительной мы пролежали тоскою.
Стаею вышли из вод наконец тюлени и рядами
Друг подле друга вдоль шумного берега все улеглись.
В полдень же с моря поднялся и старец. Своих тюленей он
Жирных увидя, пошел к ним, и начал считать их, и первых
Счел меж своими подводными чудами нас, не проникнув
Тайного кова; и сам напоследок меж ними улегся.
Кинувшись с криком на сонного, сильной рукою все вместе
Мы обхватили его; но старик не забыл чародейства;
Вдруг он в свирепого с гривой огромною льва обратился;
После предстал нам драконом, пантерой, вепрем великим,
Быстротекучей водою и деревом густовершинным;
Мы, не робея, тем крепче его, тем упорней держали.
Он напоследок, увидя, что все чародейства напрасны,
Сделался тих и ко мне наконец обратился с вопросом:
«Кто из бессмертных тебе указал, Менелай благородный,
Средство обманом меня пересилить? Чего ты желаешь?»
Так он спросил у меня, и, ему отвечая, сказал я:
«Старец, тебе уж известно (зачем притворяться?), что медлю
Здесь я давно поневоле, не зная, на что мне решиться,
Сердцем тревожась и спутников всех повергая в унылость.
Лучше скажи мне (все ведать должны вы, могучие боги),
Кто из бессмертных, меня оковав, запретил мне возвратный
Путь по хребту многоводного, рыбообильного моря?»
Так у него я спросил, и, ответствуя, так мне сказал он:
«Должен бы Зевсу-владыке и прочим богам гекатомбу
Ты, с кораблями пускаясь в путь, совершить, чтоб скорее,
Темное море измерив, в отчизну свою возвратиться.
Знай, что тебе суждено не видать ни возлюбленных ближних
В светлом жилище своем, ни желанного края отчизны
Прежде, пока ты к бегущему с неба потоку Египту

Вновь не придешь и обещанной там не свершишь гекатомбы
Зевсу и прочим богам, беспредельного неба владыкам.
Иначе боги увидят отчизну тебе не дозвоят».
Так он сказал, и во мне растерзалось милое сердце:
Было мне страшно, предавшись тревогам туманного моря,
Вновь продолжительно-трудным путем возвращаться в Египет.
Так напоследок, ответствуя, хитрому старцу сказал я:
«Что повелел ты, божественный старец, то все я исполню;
Ты же теперь объяви, ничего от меня не скрывая:
Все ль в кораблях неведимы ахейцы, с которыми в Трое
Мы разлучились, Нестор и я, возвратились в отчизну?
Кто злополучный из них на дороге погиб с кораблями?
Кто на руках у друзей, перенесши тревоги, скончался?»
Так я спросил у него, и, ответствуя, так мне сказал он:
«Царь Менелай! Не к добру ты меня вопрошаешь, и лучше б
Было тебе и не знать и меня не расспрашивать: горько
Плакать ты будешь, когда обо всем расскажу я подробно.
Многих уж нет; но и живы остались многие; двум лишь
Только вождям меднолатных аргивян домой возвратиться
Смерть запретила (кто пал на сраженье, то ведаешь сам ты);
Третий живой средь пустынного моря в неволе крушится.
С длинновесельными в бурю морскую погиб кораблями
Сын Оилеев Аякс; Посейдон их к великой Гирейской
Бросил скале; самого же Аякса из вод он исторгнул;
Спасся б от гибели он вопреки раздраженной Афине,
Если б в безумстве изречь не дерзнул святотатного слова:
Он похвалился, что против богов избежит потопленья.
Дерзкое слово царем Посейдоном услышано было;
Сильной рукой он во гневе схватил свой ужасный трезубец,
Им по Гирейской ударил скале, и скала раздвоилась;
Часть устояла; кусками рассыпавшись, в море другая
Рухнула вместе с висевшим на ней святотатным Аяксом;
С нею и он погрузился в широкошумящее море;
Так он погиб, злополучный, упившись соленою влагой.
Брат твой сначала судьбы избежал: неведимо ко берегу
Он с кораблями достиг, сохраненный владычицей Герой.
Но тогда, как в виду неприступных утесов Малей
Был он, внезапно воздвигнулась буря, и рыбообильным
Морем его, вопиющего жалобно, к крайним пределам
Области бросило той, где фиест обитал и где после
Царское было жилище фиестова сына Эгиста.
Скоро, однако, опять успокоилось море, и боги
Ветер попутный им дали: в отечество их проводил он.
Радостно вождь Агамемнон ступил на родительский берег.
Стал целовать он отечество милое; снова увидя
Землю желанную, пролил обильно он теплые слезы.
Но издали с подзорной стоянки увидел Атрида
Сторож, Эгистом поставленный (злое замысля, ему он
Дать обещал два таланта); и там наблюдал он уж целый
Год, чтоб Атрид не застал их врасплох, возвратяся внезапно.
С вестью о нем роковой побегал он в жилище Эгиста.
Ков смертоносный тогда хитроумный Эгист приготовил:
Двадцать отважных мужей из народа немедля он выбрав,
Скрыл их близ дома, где был приготовлен обед изобильный;
Взяв колесницы с конями, к царю он Атриду навстречу
С ласковым зовом пошел, замышляя недоброе в сердце;
Введши его, подозрению чуждого, в дом, на веселом
Пире его он убил, как быка убивают при яслях;
Люди, с Атридом пришедшие, все до единого пали,
Но и Эгистовы с ними сообщники также погибли».
Так он сказал, и во мне растерзалось милое сердце:
Горько заплакав, упал я на землю; мне стала противна
Жизнь, и на солнечный свет поглядеть не хотел я, и долго
Плакал, и долго лежал на земле, безутешно рыдая.
Но напоследок сказал мне морской пронизательный старец:
«Царь Менелай, сокрушать столь жестоко себя ты не должен;
Слезы твои ничему не помогут: а лучше подумай,
Как бы тебе самому возвратиться скорее в отчизну.

Или застанешь его ты живого, иль будет Орестом
Он уж убит; ты тогда подоспеешь к его погребенью».
Так он сказал, ободрился мой дух, и могучее снова
Сердце мое, несмотря на великую скорбь, оживилось.
Голос возвысив, я бросил Протею крылатое слово:
«Знаю теперь о двоих; объяви же, кто третий, который,
Морем объятый, живой, говоришь ты, в неволе крушится?
Или уж нет и его? Сколь ни горько, но слушать готов я».
Так я Протея спросил, и, ответствуя, так мне сказал он:
«Это Лаэртос божественный сын, обладатель Итаки.
Видел его я на острове, льющего слезы обильно
В светлом жилище Калипсо, богини богинь, произвольно
Им овладевшей; и путь для него уничтожен возвратный:
Нет корабля, ни людей мореходных, с которыми мог бы
Он безопасно пройти по хребту многоводного моря.
Но для тебя, Менелай, приготовили боги иное:
Ты не умрешь и не встретишь судьбы в многоконном Аргосе;
Ты за пределы земли, на поля Елисейские будешь
Послан богами – туда, где живет Радамант златовласый
(Где пробегает светло беспечальные дни человека,
Где ни метелей, ни ливней, ни хладов зимы не бывает;
Где сладкошумно летающий веет Зефир, Океаном
С легкой прохладой туда посылаемый людям блаженным),
Ибо супруг ты Елены и зять Громовержца Зевеса».
Так он сказав, погрузился в морское глубокое лоно.
Я же с друзьями отважными вновь к кораблям возвратился,
Многими, сердце мое волновавшими, мыслями полный;
К морю пришед и к моим кораблям, на вечернюю пищу
Собрал людей я; божественно-темная ночь наступила;
Все мы заснули под говором волн, ударяющих в берег.
Встала из мрака младая с перстами пурпурными Эос;
Сдвинули с берега мы корабли на священное море;
Мачты подняв и развев паруса, на судах собралися
Все мореходные люди и, севши у весел на лавках,
Разом могучими веслами вспенили темные воды.
Снова направил к бегущему с неба потоку Египту
Я корабли и успешно на бреге его совершил гекатомбу;
После ж, когда примирил я богов, совершив гекатомбу,
Холм гробовой Агамемнону брату на вечную память
Там я насыпал; и поплыли мы, и послали попутный
Ветер нам боги; в отечество милое нас проводил он.
Ты ж, Телемах, у меня погостишь и отсель не поедешь
Прежде, пока не свершится одиннадцать дней иль двенадцать;
После тебя отпущу с дорогими подарками; дам я
Трех быстроногих коней с колесницей блестящей и с ними
Редкой работы кувшин, из которого будешь вседневно
Ты, поминая меня, пред богами творить возлиянье».
«Царь Менелай, – отвечал рассудительный сын Одиссеев, –
Долго меня не держи, тороплюся домой я безмерно;
Здесь у тебя я с великою радостью мог бы и целый
Год провести, не подумав в отчизну к родным возвратиться,
Так несказанно твои разговоры и речи пленяют
Душу мою; но спутники в Пилосе ждут с нетерпением
Ныне меня: ты ж, напротив, желаешь, чтоб здесь я промедлил.
Дай мне в подарок такое, что мог бы удобно хранить я
Дома; коней же в Итаку мне взять невозможно: оставь их
Здесь утешеньем себе самому; ты владеешь землею
Тучных равнин, где родится обильно и лотос и галгант
С яркой пшеницей, и полбой, и густо цветущим ячменем.
Мы ж ни широких полей, ни лугов не имеем в Итаке;
Горные пажити наши для коз, не для коней привольны;
Редко лугами богат и коням легконогим приютен
Остров, объятый волнами; Итака же менее прочих».
Он замолчал. Улыбнулся Атрид, вызыватель в сраженье;
Ласково щеки ему потрепавши рукою, сказал он:
«Вижу из слов я твоих, что твоя благородна порода,
Сын мой; но вместо коней я могу подарить и другое,
Это легко мне; из многих сокровищ, которыми дом мой

Полон, я самое редкое, лучшее выберу ныне;
Дам пировую кратеру богатую; эта кратера
Вся из сребра, но края золотые, искусной работы
Бога Гефеста; ее подарил мне Федим благородный,
Царь сидонян, в то время когда, возвращаясь в отчизну,
В доме его я гостил, и ее от меня ты получишь».
Так говорили о многом они, беседа сладко.
В доме царя собрались тем временем званые гости,
Коз и овец приведя и вина дорогого принесши
(Хлеб же прислали их жены, ходящие в светлых повязках).
Так все готовилось к пиру в высоких палатах Атрида.
Тою порой женихи в Одиссеевом доме бросаньем
Дисков и дротиков острых себя забавляли, собравшись
Все на мощном дворе, где бывали их буйные игры.
Но Антиной с Евримахом прекрасным сидели особо,
Прочих вожди, перед всеми отличные мужеской силой.
Фрониев сын Ноэмон, подошед к ним, сидевшим особо,
Слово такое сказал, обратясь к Антиною с вопросом:
«Может ли кто мне из вас, Антиной, объявить иль не может,
Скоро ль назад Телемах из песчаного Пилоса будет?
Взят у меня им корабль – самому мне он надобен ныне:
Плыть мне в Элиду широкополянную нужно; двенадцать
Там у меня кобылиц и табун лошаков работающих;
Дикие все; я хотел бы поймать одного, чтоб объездить».
Так он сказал; женихи изумились; войти не могло им
В мысли, чтоб был он в Нелеевом Пилосе; мнили, напротив,
Все, что ушел он иль в поле к стадам, иль к своим свинопасам.
Строго тогда Антиной, сын Евпейтов, спросил Ноэмона:
«Все объяви нам по правде: когда он уехал? какие
Были с ним люди? Свободные ль, взятые им из народа?
Или наемники? Или рабы? Как успел он то сделать?
Также скажи откровенно, чтоб истину ведать могли мы:
Силою ль взял у тебя он корабль быстроходный иль сам ты
Отдал его произвольно, как скоро о том попросил он?»
Фрониев сын Ноэмон, отвечая, сказал Антиною:
«Отдал я сам произвольно, и всякий другой поступил бы
Так же, когда бы к нему обратился такой огорченный
С просьбою муж – ни один бы ему отказать не помыслил.
Люди ж, им взятые, все молодые, из самых отличных
Выбраны граждан; и их предводителем был, я заметил,
Ментор иль кто из бессмертных, облекшийся в Менторов образ:
Ибо я был изумлен несказанно – божественный Ментор
Встретился здесь мне вчера, хоть и сел на корабль он с другими».
Так он сказавши, пошел, чтоб к родителю в дом возвратиться.
Но Антиной с Евримахом исполнены были тревоги;
Бросив игру, женихи собрались и сели кругом их.
К ним обратясь, сказал Антиной, сын Евпейтов, кипящий
Гневом, – и грудь у него подымалась, теснимая черной
Злостью, и очи его, как огонь пламенеющий, рдели:
«Горе нам! Дело великое сделал, так смело пустившись
В путь, Телемах; от него мы подобной отваги не ждали:
Нам вопреки он, ребенок, отсюда ушел самовольно,
Прочный добывши корабль и отличнейших взяв из народа.
Будет вперед нам и зло и беда от него. Но погибни
Сам от Зевеса он прежде, чем бедствие наше созреет!
Вы ж мне корабль с двадцатью снарядите гребцами, чтоб мог я,
В море за ним устремившись, его на возвратной дороге
Между Итакой и Замом крутым подстеречь, чтоб в погибель
Плаванье вслед за отцом для него самого обратилось».
Так он сказал, изъявляя свое одобренье другие.
Вставши, все вместе они возвратились в дом Одиссеев.
Но Пенелопа недолго в незнанье осталась о хитром
Буйных ее женихов заговоре на жизнь Телемаха;
Все ей Медонт, благородный глашатай, открыл: недалеко
Был он, когда совещались они, и подслушал их речи.
С вестью немедленно он по дворцу побежал к Пенелопе.
Встретив его на пороге своем, Пенелопа спросила:
«С чем ты, Медонт, женихами сюда благородными прислан?

С тем ли, чтоб мне объявить, что рабыням царя Одиссея
Должно, оставив работы, обед им скорей приготовить?
О, когда бы они от меня отступились! Когда бы
Это их пиршество было последним в обители нашей!
Вы, разорители нашего дома, губящие жадно
Все достояние в нем Телемахово, или ни разу
В детских вам летах от ваших разумных отцов не случилось
Слышать, каков Одиссей был в своем обхождении с ними,
Как никому не нанес он ни словом, ни делом обиды
В целом народе; хотя многосильным царям и обычно
Тех из людей земнородных любить, а других ненавидеть,
Но от него не видал оскорбленья никто из живущих.
Здесь же лишь ваше бесстыдство, лишь буйные ваши поступки
Видны; а быть за добро благодарными вам неуместно».
Умные мысли имея, Медонт отвечал Пенелопе:
«О царица, когда бы лишь в этом все зло заключалось!
Но женихи величайшей, ужаснейшей нам угрожают
Ныне бедой – да успеха не даст им Зевес Громовержец!
Острым мечом замышляют они умертвить Телемаха,
Выждав его на возвратном пути: о родителе сведать
Поплыл он в Пилос божественный, в царственный град Лакедемон».
Так он сказал; задрожали колена и сердце у бедной
Матери; долго была бессловесна она, и слезами
Очи ее затмевались, и ей не покорствовал голос.
С духом собравшись, она наконец, отвечая, сказала:
«Что удалиться, Медонт, побудило дитя мое? Нужно ль
Было вверяться ему кораблям, водяными конями
Быстро носящим людей мореходных по влаге пространной?
Иль захотел он, чтоб в людях и имя его истребилось?»
Выслушав слово ее, благородный Медонт отвечал ей:
«Мне неизвестно, внушенью ль он бога последовал, сам ли
В сердце отплытие в Пилос замыслил, чтоб сведать, в какую
Землю родитель судьбиною брошен и что претерпел он».
Кончив, разумный Медонт удалился из царского дома.
Сердцегубящее горе объяло царицу; остаться
Доле на стуле она не могла; хоть и много их было
В светлых покоях ее, но она на пороге сидела,
Жалобно плача. С рыданием к ней собрались рабыни,
Сколько их ни было в царском жилище и юных и старых.
Сильно скорбя посреди их, сказала им так Пенелопа:
«Слушайте, милые; дал мне печали Зевес Олимпиец
Более всех, на земле современно со мною рожденных;
Прежде погиб мой супруг, одаренный могуществом львиным,
Всякой высокою доблестью в сонме данаев отличный,
Столь преисполнивший славой своей и Элладу и Аргос.
Ныне ж и милый мой сын не со мною; бесславно умчали
Бури отсюда его, и о том я не сведала прежде;
О вы, безумные, как ни одной, ни одной не пришло вам
Вовремя в мысли меня разбудить? А, конечно, уж знали
Все вы, что он собрался в корабле удалиться отсюда.
О, для чего не сказал мне никто, что отплыть он замыслил!
Или тогда б, отложивши отъезд, он остался со мною,
Или сама б я осталася мертвою в этом жилище.
Но позовите скорее ко мне старика Долиона;
Верный слуга он; в приданое дан мне отцом и усердно
Смотрит за садом моим плодоносным. К Лаэрту немедля
Должен пойти он и, сев близ него, о случившемся ныне
Старцу сказать; и Лаэрт, все разумно обдумав, быть может,
С плачем предстанет народу, который губить допускает
Внука его, Одиссеева богоподобного сына».
Тут Еврикля, усердная няня, сказала царице:
«Свет наш царица, казнить ли меня беспощадною медью
Ты повелишь иль помилуешь, я ничего не сокрою.
Было известно мне все; по его повеленью дала я
Хлеб и вино на дорогу; с меня же великую клятву
Взял он: молчать до двенадцати дней, иль пока ты не спросишь.
Где он, сама, иль другой кто отъезда его не откроет.
Свежесть лица твоего, он боялся, от плача поблекнет.

Ты же, царица, омывшись и чистой облекшись одеждой,
Вместе с рабынями в верхний покой свой пойдя и молитву
Там сотвори перед дочерью Зевса-эгидодержавца;
Ею, конечно, он будет спасен от грозящая смерти.
Но не печаль старика, уж печального; вечные боги,
Думаю я, не совсем отвратились еще от потомков
Аркесиада; и род их всегда обладателем будет
Царского дома, и нив, и полей плодоносных в Итаке».
Так Еврикля сказала; утихла печаль, осушились
Слезы царицы. Омывшись и чистой облекшись одеждой,
Вместе с рабынями в верхний покой свой пошла Пенелопа.
Чашу наполнив ячменем, она возгласила к Афине:
«Дочь непорочная Зевса-эгидодержавца, Афина,
Если когда Одиссей благородный в сем доме обильно
Тучные бедра быков и овец сожигал пред тобою,
Вспомни об этом теперь и спаси Одиссеева сына,
Козни моих женихов злонамеренных ныне разрушив».
Так помолилась она, и не втуне осталась молитва.
Тю порою женихи в потемневшей палате шумели.
Так говорили иные из них, безрассудно надменных:
«Верно, теперь многославная наша царица готовит
Свадьбу, не мысля о том, что от нас приготовлено сыну».
Так говорили они, не предвидя того, что и всем им
Было готово. Созвав их, сказал Антиной, негодуя:
«Буйные люди, советую вам от таких неразумных
Слов воздержаться, чтоб кто-нибудь здесь разгласить их не вздумал.
Лучше, отсель удаляясь в молчанье, исполним на деле
То, что теперь на совете согласном своем положили».
Выбрав отважнейших двадцать мужей из народа, поспешно
С ними пошел к кораблям он, стоявшим на бреге песчаном.
Сдвинув с песчаного берега корабль на глубокое море,
Мачту они утвердили на нем, все уладили снасти,
В крепкоремненные петли просунули длинные весла,
Должным порядком потом паруса натянули. Когда же
Смелые слуги с оружием их собрались, все вместе,
Сев на корабль и его отведя на открытое взморье,
Ужинать стали они в ожиданье пришествия ночи.
Той порою в высоком покое своем Пенелопа
Грустно лежала одна, ни еды, ни питья не вкушавши,
Мыслью о том лишь тревожась, спасется ли сын беспорочный
Или погибнет, сраженный рукою убийц вероломных?
Словно как лев, окружаемый мало-помалу стрелками,
С трепетом видит, что скоро их цепью он будет обхвачен,
Так от своих размышлений она трепетала. Но мирный
Сон прилетел и ее улелеял, и все в ней утихло.
Добрая мысль пробудилась тогда в благосклонной Палладе:
Призрак она сотворила, имевший наружность прекрасной
Дочери старца Икария, светлой Ифтимы, с которой
Царь фессалийския феры, могучий Евмел, сочетался.
В дом Одиссеев послала тот призрак Афина, дабы он
Там, подошед к погруженной в печаль Пенелопе, ей слезы
Легкой рукою отер и ее утолил сокрушенье.
В спальню проникнул, ремня у задвижки не тронув, бесплотный
Призрак, подкрался и, став над ее головою, промолвил:
«Спишь ли, сестра Пенелопа? Тоскует ли милое сердце?
Боги, живущие легкою жизнью, тебе запрещают
Плакать и сетовать: твой Телемах невредим возвратится
Скоро к тебе; он богов никакой не прогневал виною».
Мнимой сестре Пенелопа разумная так отвечала,
Полная сладкой дремоты в безмолвных вратах сновидений:
«Друг мой, сестра, как пришла ты сюда? Ты доньше так редко
Нас посещала, в далеком отсюда краю обитая.
Как же ты хочешь, чтоб я перестала скорбеть и крушиться,
Горе, объяввшее дух мой и сердце мое, позабывши?
Прежде погиб мой супруг, одаренный могуществом львиным,
Всякой высокою доблестью в сонме данаев отличный,
Столь преисполнивший славой своей и Элладу и Аргос;
Ныне ж и милый мой сын не со мной: он отважился в море,

Отрок, нужды не выдавший, с людьми говорить не обыкший.
Боле о нем я крушусь теперь, чем о бедном супруге;
Сердце дрожит за него, чтоб беды с ним какой не случилось
На море злом иль в чужой стороне у чужого народа.
Здесь же враждебные люди его стерегут, приготовив
В мыслях погибель ему на возвратной дороге в отчизну».
Темный призрак, ответственю, так прошептал Пенелопе:
«Будь же спокойна и сердца не мучь, безрассудно тревожась.
Спутница есть у него и такая, которой бы всякий
Смертный с надеждою вверил себя – для нее все возможно, –
Дочь Громовержца Афина сама. О тебе сожалея,
Добрую вестью твой дух ободрить мне велела богиня».
Мнимой сестре Пенелопа разумная так отвечала:
«Если ты вправду богиня и слышала голос богини,
То, умоляю, открой и его мне печальную участь.
Где он, злосчастный? Еще ли он видит сияние солнца?
Или его уж не стало и в область Аида сошел он?»
Темный призрак, ответственю, так прошептал Пенелопе:
«Я ничего не могу объявить о судьбе Одиссея;
Жив ли, погиб ли, сказать мне нельзя: пусторечие вредно».
Призрак тогда, сквозь замочную скважину двери провеяв
Воздухом легким, пропал. Пробудясь от сна, Пенелопа
Ложу покинула; сердцем она ожила, поелику
Явно в глубокую полночь предстал ей пророческий образ.
Тю порою женихи в корабле водяною дорогой
Шли, неизбежную мысленно смерть Телемаху готовя.
Есть на равнине соленого моря утесистый остров
Между Итакой и Замом гористым; его именуют
Астером; он невелик; корабли там приятная пристань
С двух берегов принимает. Там стали на страже ахейцы.
Песнь пятая

Седьмой день до конца тридцать первого
Совет богов. Они посылают Эрмию к нимфе Калипсо с повелением отпустить
немедленно Одиссея. Калипсо дает Одиссею орудия, нужные для постройки плота. В
четыре дня судно готово, и на пятый день Одиссей пускается в путь, получив от
Калипсо все нужное на дорогу. Семнадцать дней плавание продолжается
благополучно. На осьмнадцатый Посейдон, возвращаясь от эфиопов, узнает в море
Одиссея, плывущего на легком плоту своем; он посылает бурю, которая разрушает
плот; но Одиссей получает от Левкотеи покрывало, которое спасает его от
потопления; целые три дня носят его бурные волны; наконец ввечеру третьего дня
он выходит на берег феакийского острова Схерии.

Эос, покинувши рано Тифона прекрасного ложе,
На небо вышла сиять для блаженных богов и для смертных.
Боги тогда собрались на великий совет; председал им
В тучах гремющий Зевес, всемогущею властью первый.
Стала Афина рассказывать им о бедах Одиссея,
В сердце тревожась долгой неволей его у Калипсо:
«Зевс, наш отец и владыка, блаженные, вечные боги,
Кротким, благим и приветливым быть уж теперь ни единый
Царь скиптоносный не должен, но, правду из сердца изгнавши,
Каждый пускай притесняет людей, беззаконствуя смело, –
Если могли вы забыть Одиссея, который был добрым,
Мудрым царем и народ свой любил, как отец благодушный;
Брошенный бурей на остров, он горе великое терпит
В светлом жилище могучей богини Калипсо, насильно
Им овладевшей; и путь для него уничтожен возвратный:
Нет корабля, ни людей мореходных, с которыми мог бы
Он безопасно пройти по хребту многоводного моря.
Ныне ж враги и младого хотят умертвить Телемаха,
В море внезапно напав на него: о родителе сведать
Поплыл он в Пилос божественный, в царственный град Лакедемон».
Ей возражая, ответствовал туч собиратель Кронион:
«Странное, дочь моя, слово из уст у тебя излетело.
Ты не сама ли рассудком решила своим, что погубит
Некогда всех их, домой возвратись, Одиссей? Телемаха ж
Ты проводи осторожно сама – то, конечно, ты можешь;
Пусть невредимо он в милую землю отцов возвратится;

Пусть и они, не свершив злодеянья, придут в Итаку».
Так отвечав, обратился он к Эрмию, милому сыну:
«Эрмий, наш вестник заботливый, нимфе прекраснокудрявой
Ныне лети объявить от богов, что отчизну увидеть
Срок наступил Одиссею, в бедах постоянному; путь свой
Он совершит без участия свыше, без помощи смертных;
Морем, на крепком плоту, повстречавши опасного много,
В день двадцатый достигнет он берега Схерии тучной,
Где обитают родные богам феакийцы; и будет
Ими ему, как бессмертному богу, оказана почесть:
В милую землю отцов с кораблем их отплыв, он в подарок
Меди, и злата, и разных одежд драгоценных получит
Много, столь много, что даже из Трои подобной добычи
Он не привез бы, когда б беспрепятственно мог возвратиться.
Так, напоследок, по воле судьбы, он возлюбленных ближних,
Землю отцов и богато украшенный дом свой увидит».
Кончил. И медлить не стал благовестник, аргусоубийца.
К светлым ногам привязавши свои золотые подошвы,
Амвросиальные, всюду его над водой и над твердым
Лоном земли беспредельный легким носящие ветром,
Взял он и жезл свой, по воле его наводящий на бодрых
Сон, отверзающий сном затворенные очи у спящих.
В путь устремился с жезлом многосильный убийца Аргуса.
Скоро, достигнув Пиерии, к морю с эфира слетел он;
Быстро помчался потом по волнам рыболовом крылатым,
Жадно хватаящим рыб из отверстого бурю недр
Бездны бесплодно-соленой, купая в ней сильные крылья.
Легкою птицей морской пролетев над пучиною, Эрмий
Острова, морем вдали сокровенного, скоро достигнул.
С зыби широко-туманной на твердую землю поднявшись,
Берегом к темному гроту пошел он, где светлокудрявой
Нимфы обитель была, и ее самое там увидел.
Пламень трескучий сверкал на ее очаге, и весь остров
Был накурен благовонием кедра и дерева жизни,
Ярко пылавших. И голосом звонко-приятным богиня
Пела, сидя с челноком золотым за узорною тканью.
Густо разросшись, отвсюду пещеру ее окружали
Тополи, ольхи и сладкий лиющие дух кипарисы;
В лиственных сенях гнездились там длиннокрылые птицы,
Кобчики, совы, морские вороны крикливые, шумной
Стаей по взморью ходящие, пищи себе добывая;
Сетью зеленою стены глубокого грота окинув,
Рос виноград, и на ветвях тяжелые грозды висели;
Светлой струею четыре источника рядом бежали
Близко один от другого, туда и сюда извиваясь;
Вкруг зеленели густые луга, и фиалок и злаков
Полные сочных. Когда бы в то место зашел и бессмертный
Бог – изумился б, и радость в его бы проникнула сердце.
Был изумлен и богов благовестник, сразитель Аргуса;
Но, посмотревши на все с изумленьем и радостью сердца,
В грот он глубокий вступил напоследок; и с первого взгляда
Нимфа, богиня богинь, догадавшись, гостя узнала
(Быть незнакомы друг другу не могут бессмертные боги,
Даже когда б и великое их разлучало пространство).
Но Одиссея, могучего мужа, там Эрмий не встретил;
Он одиноко сидел на утесистом бреге и плакал;
Горем и вздохами душу питая, там дни проводил он,
Взор, помраченный слезами, вперив на пустынное море.
Эрмия сесть приглася на богато украшенных креслах,
Нимфа, богиня богинь, у него с любопытством спросила:
«Эрмий, носитель жезла золотого, почтенный и милый
Гость мой, зачем прилетел? У меня никогда не бывал ты
Прежде; скажи же, чего ты желаешь? Охотно исполню,
Если исполнить возможно и если властна я исполнить.
Прежде, однако, ты должен принять от меня угощенье».
С сими словами богиня, поставивши стол перед гостем,
С сладкой амвросией нектар ему подала пурпуровой.
Пищи охотно вкусил благовестник, убийца Аргуса.

Душу довольно свою насладивши божественной пищей,
Словом таким он ответствовал нимфе прекраснокудрявой:
«Знать от меня ты – от бога богиня – желаешь, зачем я
Здесь? Объявлю все по истине, волю твою исполняя.
Послан Зевесом, не сам произвольно сюда прилетел я, –
Кто произвольно захочет измерить бесплодного моря
Степь несказанную, где не увидишь жилищ человека,
Жертвами чтящего нас, приносящего нам гекатомбы?
Но повелений Зевеса-эгидодержавца не смеет
Между богов ни один от себя отклонить, ни нарушить.
Ведомо Дию, что скрыт у тебя злополучнейший самый
Муж из мужей, перед градом Приама сражавшихся девять
Лет, на десятый же, град ниспровергнув, отплывших в отчизну;
Но при отплытии дерзко они раздражили Афину:
Бури послала на них и великие волны богиня.
Он же, спутников верных своих потеряв, напоследок,
Схваченный бурей, сюда был волнами великими брошен.
Требуют боги, чтоб был он немедля тобою отослан;
Ибо ему не судьба умереть далеко от отчизны;
Воля, напротив, судьбы, чтоб возлюбленных ближних, родную
Землю и светло-устроенный дом свой опять он увидел».
Так он сказал ей. Калипсо, богиня богинь, содрогнувшись,
Голос возвысила свой и крылатое бросила слово:
«Боги ревнивые, сколь вы безжалостно к нам непреклонны!
Вас раздражает, когда мы, богини, приемлем на ложе
Смертного мужа и нам он становится милым супругом.
Так Орион светоносную Эос был некогда избран;
Гнали его вы, живущие легкою жизнью боги,
Гнали до тех пор, пока златотронная он Артемиды
Тихой стрелой в Ортигии не был внезапно застрелен.
Так Ясион был прекраснокудрявой Деметрой избран;
Сердцем его возлюбя, разделила с ним ложе богиня
На поле, три раза вспаханном; скоро о том извещен был
Зевс, и его умертвил он, низринувши пламенный гром свой.
Ныне и я вас прогневала, боги, дав смертному мужу
Помощь, когда, обхватив корабельную доску, в волнах он
Гибнул – корабль же его быстроходный был пламенным громом
Зевса разбит посреди беспредельно-пустынного моря:
Так он, спутников верных своих потеряв, напоследок,
Схваченный бурей, сюда был волнами великими брошен.
Здесь приютивши его и заботясь о нем, я хотела
Милому дать и бессмертье и вечно-цветущую младость.
Но повелений Зевеса-эгидодержавца не смеет
Между богов ни один отклонить от себя, ни нарушить;
Пусть он – когда уж того так упорно желает Кронион –
Морю неверному снова предастся; помочь я не в силах;
Нет корабля, ни людей мореходных, с которыми мог бы
Он безопасно пройти по хребту многоводного моря.
Дать лишь совет осторожный властна я, дабы он отсюда
Мог беспрепятственно в милую землю отцов возвратиться».
Ей отвечая, сказал благовестник, убийца Аргуса:
«Волю Зевеса уважив, немедля его отошли ты,
Или, богов раздражив, на себя навлечешь наказание».
Так отвечав, удалился бессмертных крылатый посланник.
Светлая нимфа пошла к Одиссею, могучему мужу,
Волю Зевеса принявши из уст благовестного бога.
Он одиноко сидел на утесистом бреге, и очи
Были в слезах; утекала медлительно капля за каплей
Жизнь для него в непрестанной тоске по отчизне; и, хладный
Сердцем к богине, с ней ночи свои он делил принужденно
В гроте глубоком, желанью ее непокорный желаньем.
Дни же свои проводил он, сидя на прибрежном утесе,
Горем, и плачем, и вздохами душу питая и очи,
Полные слез, обратив на пустыню бесплодного моря.
Близко к нему подошедши, сказала могучая нимфа:
«Слезы отри, злополучный, и боле не трать в сокрушенье
Сладостной жизни: тебя отпустить благосклонно хочу я.
Бревен больших нарубив топором медноострым и в крепкий

Плот их связав, по краям утверди ты перила на толстых
Бруснях, чтоб по морю темному плыть безопаснее было.
Хлебом, водой и вином пурпуровым снабжу изобильно
я на дорогу тебя, чтоб и голод и жажду легко ты
мог утолять; и одежды я дам; и пошлю за тобою
ветер попутный, чтоб милой отчизны своей ты достигнул,
если угодно богам, беспредельного неба владыкам, –
мне же ни разумом с ними, ни властью равняться не можно».
Так говорила она. Одиссей, постоянный в бедах, содрогнулся;
голос возвысив, он бросил богине крылатое слово:
«В мыслях твоих не отъезд мой, а нечто иное, богиня;
как же могу переплыть на плоту я широкую бездну
страшного, бурного моря, когда и корабль быстроходный
редко по ней пробегает с Зевесовым ветром попутным?
нет, против воли твоей не взойду я на плот ненадежный
прежде, куда сама ты, богиня, не дашь мне великой
клятвы, что мне никакого вреда не замыслила ныне».
Так говорил он. Калипсо, богиня богинь, улыбнулась;
щеки ему потрепавши рукою, она отвечала:
«Правду сказать, ты хитрец, и чрезмерно твой ум осторожен;
странное слово, однако, ответствуя мне, произнес ты.
но я клянусь и землей плодоносной и небом великим,
стикса подземной водою клянусь, ненарушимой, страшной
клятвой, которой и боги не могут изречь без боязни,
в том, что тебе никакого вреда не замыслила ныне,
нет, я советую то, что сама для себя избрала бы,
если б в таком же была, как и ты, затрудненье великом;
правда святая и мне дорога; не железное, верь мне,
бьется в груди у меня, а горячее, нежное сердце».
кончив, богиня богинь впереди Одиссея поспешным
шагом пошла, и поспешно пошел Одиссей за богиней.
с нею (с бессмертно смертный), достигнув глубокого грота,
сел Одиссей на богатых, оставленных Эрмием, креслах.
нимфа Калипсо, ему для еды и питья предложивши
пищи различной, какою всегда насыщаются люди,
место напротив его заняла за трапезой; рабыни
ей благовонной амвросии подали с нектаром сладким.
подняли руки они к приготовленной лакомой пище:
после ж, когда утолен был их голод питьем и едою,
нимфа Калипсо, богиня богинь, Одиссею сказала:
«О Лазэртид, многохитростный муж, Одиссей благородный,
в милую землю отцов наконец предприяв возвратиться,
хочешь немедля меня ты покинуть – прости! но когда бы
сердцем предчувствовать мог ты, какие судьба назначает
злые тревоги тебе испытать до прибытия в дом свой,
ты бы остался со мною в моем безмятежном жилище.
был бы тогда ты бессмертен. но сердцем ты жаждешь свиданья
с верной супругой, о ней ежечасно крушась и печалась.
думаю только, что я ни лица красотою, ни стройным
станом не хуже ее; да и могут ли смертные жены
с нами, богинями, спорить своею земной красотою?»
ей возражая, отвечивал так Одиссей многоумный:
«выслушай, светлая нимфа, без гнева меня; я довольно
знаю и сам, что не можно с тобой Пенелопе разумной,
смертной жене с вечною бессмертной богиней, ни стройным
станом своим, ни лица своего красотою равняться;
все я, однако, всечасно крушась и печалась, желаю
дом свой увидеть и сладостный день возвращения встретить,
если же кто из богов мне пошлет потопление в темной
бездне, я выдержу то отверделою в бедствиях грудью:
много встречал я напастей, немало трудов перенес я
в море и битвах, пусть будет и ныне со мной, что угодно
дию». Он кончил. тем временем солнце зашло, и ночная
тьма наступила. во внутренность грота они удалившись,
там насладились любовью, всю ночь проведя неразлучно.
вышла из мрака младая с перстами пурпурными Эос;
встал Одиссей и поспешно облекся в хитон и хламиду.
светлосеребряной ризой из тонковоздушных тканей

Плечи одела богиня свои, золотым драгоценным
Поясом стан обвила и покров с головы опустила.
Кончив, она собирать начала Одиссея в дорогу;
Выбрала прежде топор, по руке ему сделанный, крепкий,
Медный, с обеих сторон изощренный, насаженный плотно,
С ловкой, красиво из твердой оливы сработанной ручкой;
Острую скобель потом принесла и пошла с Одиссеем
Вместе во внутренность острова: множество там находилось
Тополей черных, и ольх, и высоких, дооблачных сосен,
Старых, иссохших на солнечном зное, для плавания легких.
Место ему показав, где была та великая роща,
В грот свой глубокий Калипсо, богиня богинь, возвратилась.
Начал рубить он деревья и скоро окончил работу;
Двадцать он бревен срубил, их очистил, их острою медью
Выскоблил гладко, потом уравнил, по снуру обтесавши.
Тою порою Калипсо к нему с буравом возвратилась.
Начал буравить он брусья и, все пробуравив, сплотил их,
Длинными болтами сшив и большими просунув шипами;
Дно ж на плоту он такое широкое сделал, какое
Муж, в корабельном искусстве опытный, строит на прочном
Судне, носящем товары купцов по морям беспредельным.
Плотными брусьями крепкие ребра связав, напоследок
В гладкую палубу сбил он дубовые толстые доски,
Мачту поставил, на ней утвердил поперечную райну,
Сделал кормило, дабы управлять поворотами судна,
Плот окружил для защиты от моря плетнем из раkitных
Сучьев, на дно же различного грузу для тяжести бросил.
Тою порою Калипсо, богиня богинь, парусины
Крепкой ему принесла. И, устроивши парус (к нему же
Все, что его развивать и свивать, прикрепивши веревки),
Он рычагами могучими сдвинул свой плот на священное море.
День совершился четвертый, когда он окончил работу.
В пятый его снарядила в дорогу богиня Калипсо.
Баней его освежив и душистой облекши одеждой,
Нимфа три меха на плот принесла; был один драгоценным
Полон напитком, другой ключевою водою, а третий
Хлебом, дорожным запасом и разною лакомой пищей.
Кончив, она призвала благовеющий ветер попутный.
Радостно парус напруг Одиссей и, попутному ветру
Вверившись, поплыл. Сидя на корме и могучей рукою
Руль обращая, он бодрствовал; сон на его не спускался
Очи, и их не сводил он с Плеяд, с нисходящего поздно
В море Воота, с Медведицы, в людях еще Колесницы
Имя носящей и близ Ориона свершающей вечно
Круг свой, себя никогда не купая в водах океана.
С нею богиня богинь повелела ему неусыпно
Путь соглашать свой, ее оставляя по левую руку.
Дней совершилось семнадцать с тех пор, как пустился он в море;
Вдруг на осьмнадцатый видимы стали вдали над водами
Горы тенистой земли феакиян, уже недалеко:
Черным щитом на туманистом море она простиралась.
В это мгновенье земли колебатель могучий, покинув
Край эфиопян, с далеких Солимских высот Одиссея
В море увидел; его он узнал; в нем разгневалось сердце;
Страшно лазурнокудрявой тряхнув головой, он воскликнул:
«Дерзкий! Неужели боги, пока я в земле эфиопян
Праздновал, мне вопреки согласились помочь Одиссею?
Чуть не достиг он земли феакиян, где встретить напастей,
Свыше ему предназначенных, должен конец; но еще я
Вдоволь успею его, ненавистного, горем насытить».
Так он сказал и, великие тучи поднявши, трезубцем
Воды взбуровил и бурю воздвиг, отовсюду прикликав
Ветры противные; облако темное вдруг обложило
Море и землю, и тяжкая с грозного неба сошла ночь.
Разом и Евр, и полуденный Нот, и Зефир, и могучий,
Светлым рожденный Эфиром, Борей взволновали пучину.
В ужас пришел Одиссей, задрожали колена и сердце.
Скорбью объятый, сказал своему он великому сердцу:

«Горе мне! Что претерпеть наконец мне назначило небо?
С трепетом вижу теперь, что богиня богинь не ошиблась,
Мне предсказав, что, пока не достигну отчизны, я в море
Встречу напасти великие: все исполняется ныне.
Страшными тучами вокруг обложил беспредельное небо
Зевс, и взбуровил он море, и бурю воздвиг, отовсюду
Ветры противные скливав. Погибель моя наступила.
О, троекратно, стократно счастливы данаи, в пространной
Трое нашедшие смерть, угождая Атридам! И лучше б
Было, когда б я погиб и судьбу неизбежную встретил
В день тот, как множество медноокованных копий трояне
Бросили разом в меня над бездыханным телом Пелида;
С честью б я был погребен, и была б от ахейн мне слава;
Ныне ж судьба мне бесславно-печальную смерть посылает...»
В это мгновенье большая волна поднялась и расшиблась
Вся над его головою; стремительно плот закружился;
Схваченный, с палубы в море упал он стремглав, упустивши
Руль из руки; повалилася мачта, сломаясь под тяжелым
Ветров противных, слетевшихся друг против друга, ударом;
В море далеко несло и развившийся парус и райну.
Долго его глубина поглощала, и сил не имел он
Выбиться кверху, давимый напором волны и стесненный
Платьем, богиней Калипсою данным ему на прощанье.
Вынырнул он напоследок, из уст извергая морскую
Горькую воду, с его бороды и кудрей изобильным
Током бежавшую; в этой тревоге, однако, он вспомнил
Плот свой, за ним по волнам погнался, за него ухватился,
Взлез на него и на палубе сел, избежав потопленья;
Плот же бросали туда и сюда взгроможденные волны:
Словно как шумный осенний Борей по широкой равнине
Носит повсюду иссохший, скатавшийся густо репейник,
По морю так беззащитное судно повсюду носили
Ветры; то быстро Борею его перебрасывал Нот, то шумящий
Евр, им играя, его предавал произволу Зефира.
Но Одиссея увидела Кадмова дочь Левкотея,
Некогда смертная дева, приветноречивая Ино,
После богиня, бессмертия честь восприявшая в море.
Стало ей жаль Одиссея, свирепой гонимого бурей.
С моря нырком легкокрылым она поднялася, взлетела
Легким полетом на твердо сколоченный плот и сказала:
«Бедный! За что Посейдон, колебатель земли, так ужасно
В сердце разгневан своим и с тобой так упорно враждует?
Вовсе, однако, тебя не погубит он, сколь бы ни тщился.
Сам на себя положишься теперь (ты, я вижу, разумен);
Скинувши эту одежду, свой плот уступи произволу
Ветров и, бросившись в волны, руками работая смело,
Вплавь до земли феакиян достигни: там встретишь спасенье.
Дам покрывало тебе чудотворное; им ты оденешь
Грудь, и тогда не страшишься ни бед, ни в волнах потопленья.
Но, лишь окончишь свой путь и к земле прикоснешься рукою,
Сняв покрывало, немедля его в многоводное море
Брось от земли далеко и, глаза отвратив, удались».
Кончив, богиня ему подала с головы покрывало.
После, спорхнув на шумящее море, она улетела
Быстрокрылатым нырком, и ее глубина поглотила.
Начал тогда про себя размышлять Одиссей богоравный;
Скорбью объятый, сказал своему он великому сердцу:
«Горе! Не новую ль хитрость замыслив, желает богиня
Гибель навлечь на меня, мне советуя плот мой оставить?
Нет, я того не исполню; не близок еще, я заметил,
Берег земли, где, сказала она, мне спасение будет.
Ждать я намерен по тех пор, покуда еще невредимо
Судно мое и шипами надежными связаны брусья;
С бурей сражаясь, по тех пор с него не сойду я.
Но, как скоро волненье могучее плот мой разрушит,
Брошуся вплавь: я иного теперь не придумаю средства».
Тою порою, как он колебался рассудком и сердцем,
Поднял из бездны волну Посейдон, потрясающий землю,

Страшную, тяжкую, гороогромную; сильно он грянул
Ею в него: как от быстрого вихря сухая солома,
Кучей лежащая, вся разлетается, вдруг разорвавшись,
Так от волны разорвалися брусья. Один, Одиссеем
Пойманный, был им, как конь, убежавший на волю, оседлан.
Сняв на прощанье богиней Калипсою данное платье,
Грудь он немедля свою покрывалом одел чудотворным.
Руки простерши и плыть изготоясь, потом он отважно
Кинулся в волны. Могуций земли колебатель при этом
Виде лазурнокудрявой тряхнул головой и воскликнул:
«По морю бурному плавай теперь на свободе, покуда
Люди, любезные Зевсу, тебя благосклонно не примут;
Будет с тебя! Не останешься, думаю, мной недоволен».
Так он сказавши, погнал длинногривых коней и умчался
В Эгию, где обитал в светлозданных, высоких чертогах.
Добрая мысль пробудилась тогда в благосклонной Палладе:
Ветрам другим заградивши дорогу, она повелела
Им, успокоясь, умолкнуть; позволила только Борейу
Бурно свирепствовать: волны ж сама укрощала, чтоб в землю
Веслолюбивых, угодных богам феакиан достигнуть
Мог Одиссеей благодородный, и смерти и Парк избежавши.
Так он два дня и две ночи носим был повсюду шумящим
Морем, и гибель не раз неизбежной казалась; когда же
С третьим явилася днем лучезарнокудрявая Эос,
Вдруг успокоилась буря, и на море все просветлело
В тихом безветрии. Поднятый кверху волной и взглянувши
Быстро вперед, невдала пред собою увидел он землю.
Сколь несказанного радостью детям бывает спасенье
Жизни отца, пораженного тяжким недугом, все силы
В нем истребившим (понеже злой демон к нему прикоснулся),
После ж на радость им всем исцеленного волей бессмертных, –
Столь Одиссеей был обрадован брега и леса явленьем.
Поплыл быстрее он, ступить торопяся на твердую землю.
Но, от нее на таком расстоянье, в каком человеческий
Внятен нам голос, он шум бурунов меж скалами услышал;
Волны кипели и выли, свирепо на берег высокий
С моря бросаясь, и весь он был облит соленою пеной;
Не было пристани там, ни залива, ни мелкого места,
Вкруть берега подымались; торчали утесы и рифы.
В ужас пришел Одиссей, задрожали колена и сердце;
Скорбью объятый, сказал своему он великому сердцу:
«Горе! На что мне дозволил увидеть нежданную землю
Зевс? И зачем до нее, пересиливши море, достиг я?
К острову с моря, я вижу, везде невозможен мне доступ;
Острые рифы повсюду; кругом, расшибаясь, блещут
Волны, и гладкой стеной воздвигается берег высокий;
Море ж вблизи глубоко, и нет места, где было б возможно
Твердой ногой опереться, чтоб гибели верной избегнуть.
Если пристать попытаюсь, то буду могуцей волною
Схвачен и брошен на камни зубчатые, тщетно истратив
Силы; а если кругом поплыву, чтоб узнать, не найдется ль
Где-нибудь берег отлогий иль пристань, страшуся, чтоб снова
Бурей морскою я не был похищен, чтоб рыбообильным
Морем меня, вопиющего жалобно, вдаль не умчало
Или чтоб демон враждебный какого из чуд, Амфитритой
В море питаемых, мне на погибель не выслал из бездны:
Знаю, как злобствует против меня Посейдон-земледержец».
Тою порой, как рассудком и сердцем он так колебался,
Быстрой волною помчало его на утесистый берег;
Тело б его изорвалось и кости б его сокрушились,
Если б он вовремя светлой богиней Афиной наставлен
Не был руками за ближний схватиться утес; и, к нему прицепившись,
Ждал он, со стоном на камне вися, чтоб волна пробежала
Мимо; она пробежала, но вдруг, отразясь, на возврате
Сшибла с утеса его и отбросила в темное море.
Если полипа из ложа ветвистого силою вырвешь,
Множество крупинок камня к его прилепляется ножкам;
К резкому так прилепилась утесу лоскутьями кожа

Рук Одиссеевых; вдруг поглощенный волною великой,
в бездне соленой, судьбе вопреки, неизбежно б погиб он,
Если б отважности в душу его не вложила Афина.
Вынырнув вбок из волны, устремившейся прыгнуть на камни,
Поплыл он в сторону, взором преследуя землю и тща
Где-нибудь берег отлогий иль мелкое место приметить.
Вдруг он увидел себя перед устьем реки светловодной.
Самым удобным то место ему показалось: там острых
Не было камней, там всюду от ветров являлась защита.
К мощному богу реки он тогда обратился с молитвой:
«Кто бы ты ни был, могучий, к тебе, столь желанному, ныне
я прибегаю, спасаясь от гроз Посейдонова моря.
Вечные боги всегда благосклонно внимают молитвам
Бедного странника, кто бы он ни был, когда он подобен
Мне, твой поток и колена объявшему, много великих
Бед претерпевшему; сжался, могучий, подай мне защиту».
Так он молился. И бог, укротив свой поток, успокоил
Волны и, на море тишь наведя, отворил Одиссею
Устье реки. Но под ним подкосились колена; повисли
Руки могучие: в море его изнурилось сердце;
Вспухло все тело его; извергая и ртом и ноздрями
Воду морскую, он пал наконец бездыханный, безгласный,
Память утратив, на землю; бесчувствие им овладело.
Но напоследок, когда возвратились и память и чувство,
С груди своей покрывало, богинею данное, снявши,
Бросил его он в широкую, с морем слиянную реку.
Быстро помчалась ткань по теченью назад, и богиня
В руки ее приняла. Одиссей, от реки отошедши,
Скрылся в тростник, и на землю, ее лобызая, простерся.
Скорбью объятый, сказал своему он великому сердцу:
«Горе мне! Что претерпеть я еще предназначен от неба!
Если на бреге потока бессонную ночь проведу я,
Утренний иней и хладный туман, от воды восходящий,
Вовсе меня, уж последних лишенного сил, уничтожат:
Воздух пронзительным холодом веет с реки перед утром.
Если же там, на пригорке, под кровом сенистого леса
В чаще кустов я засну, то, конечно, не буду проникнут
Хладом ночным, отдохну, и меня исцелит миротворный
Сон; но страшусь, не достаться б в добычу зверям плотоядным».
Так размышлял он; ему наконец показалось удобней
Выбрать последнее; в лес он пошел, от реки недалеко
Росший на холме открытом. Он там две сплетенные крепко
Выбрал оливы; одна плодоносна была, а другая
Дикая; в сень их проникнуть не мог ни холодный,
Сыростью дышащий ветер, ни Гелиос, знойно блестящий;
Даже и дождь не пронзал их ветвистого свода: так густо
Были они сплетены. Одиссей, угнездившись под ними,
Лег, наперед для себя приготовив своими руками
Мягкое ложе из листьев опалых, которых такая
Груда была, что и двое и трое могли бы удобно
В зимнюю бурю, как сильно б она ни шумела, там скрыться.
Грудю увидя, обрадован был Одиссей несказанно.
Бросясь в нее, он совсем закопался в слежавшихся листьях.
Как под золой головню неугасшую пахарь скрывает
В поле далеко от места жилого, чтоб пламени семя
В ней сохраниться могло безопасно от злого пожара,
Так Одиссей, под листьями зарывшись, грелся, и очи
Сладкой дремотой Афина смежила ему, чтоб скорее
В нем оживить изнуренные силы. И крепко заснул он.

Песнь шестая

Тридцать второй день

Афина в сновидении побуждает Навсикаю, дочь феакийского царя Алкиноя, идти вместе с подругами и рабынями мыть платя в потоке. Они собираются близ того места, где находится Одиссей, погруженный в глубокий сон. Их голоса пробуждают Одиссея. Он приближается к Навсикае и просит ее дать ему одежду и убежище; царевна приглашает его следовать за нею в город и дает ему нужные наставления. Он провожает Навсикаю до Палладиной рощи, находящейся недалеко от города.

Так постоянный в бедах Одиссей отдыхал, погруженный
в сон и усталость. Афина же тою порою низлетела
в пышноустроенный город любезных богам феакиан,
живших издавна в широкополяннй земле Гиперейской,
в близком соседстве с циклопами, диким и буйным народом,
с ними всегда враждовавшим, могуществом их превышая;
но напоследок божественный вождь Навсифой поселил их
в Схерии, тучной земле, далеко от людей промышленных.
Там он их город стенами обвел, им построил жилища,
храмы богам их воздвиг, разделил их поля на участки.
Но уж давно уведен был судьбой он в обитель Аида.
Властвовал царь Алкиной, многоумием богу подобный.
В дом Алкиноя вступила богиня Афина Паллада;
сердцем заботясь о скором возврате домой Одиссея,
в тайную девичью спальню проникла она, где покойно,
станом и видом богине подобясь молодой, почивала
дочь Алкиноя, любезного Зевсу царя, Навсикая.
Подле порога дверей с двух сторон две служанки, Харитам
юным подобные, спали, и накрепко заперты были
светлые двери. К царевне воздушной стопою приближась,
стала над самым ее изголовьем богиня Афина,
образ приявша девы молодой, мореходца Диманта
славного дочери, дружной с царевною, с ней однолетней.
В виде таком подошед к Навсикае, богиня сказала:
«Видно, тебя беззаботною мать родила, Навсикая!
ты не печешься о светлых одеждах; а скоро наступит
брачный твой день: ты должна и себе приготовить заране
платье и тем, кто тебя поведет к жениху молодому.
Доброе имя одежды опрятностью мы наживаем;
мать и отец веселятся, любуются нами. Проснись же,
встань, Навсикая, и на реку мыть соберитесь все вы
утром; сама я приду помогать вам, чтоб дело скорее
кончить. Недолго останешься ты незамужнею девою;
много тебе женихов меж людьми знаменитого рода
в нашей земле, где сама знаменитою ты родилася.
встань и явись немедля к отцу многославному с просьбой:
дать колесницу и мулов тебе, чтоб могла ты удобно
взять все повязки, покровы и разные платья, чтоб также
ты не пешком, как другие, пошла; то тебе неприлично –
путь к водоемам от стен городских утомительно долог».
Так ей сказав, светлоокая Зевсова дочь полетела
вновь на Олимп, где обитель свою, говорят, основали
боги, где ветры не дуют, где дождь не шумит хладоносный,
где не подъямлет метелей зима, где безоблачный воздух
легкой лазурью разлит и сладчайшим сияньем проникнут;
там для богов в несказанных утехах все дни пробегают.
Давши царевне совет свой, туда полетела Афина.
Эос тогда златотронная, встав, разбудила младую
светлоубранную деву. И, сну своему удивляясь,
тотчас она, чтоб родителей, мать и отца, о виденье
чудном своем известить, к ним пошла в их покои. Царица
близ очага там сидела в кругу приближенных служанок,
нити пурпурные тонко суча; а в дверях отворенных
встретился ей и отец: на совет он владык многоумных
шел, приглашенный туда от знатнейших мужей феакийских.
с видом приветным к отцу подошед, Навсикая сказала:
«Милый, вели колесницу большую на быстрых колесах
дать мне, чтоб я, в ней уклад все богатые платья, которых
много скопилось нечистых, отправилась на реку мыть их.
должно, чтоб ты, заседая в высоком совете почетных
наших вельмож, отличался своею опрятной одеждой;
пять сыновей воспитал ты и вырастил в этом жилище;
два уж женаты, другие три – юноши в летах цветущих;
в платьях, мытьем освеженных, они посещать хороводы
наши хотят. Но об этом одна я забочусь в семействе».
Так говорила она; о желанном же браке ей было
стыдно отцу помануть; догадался он сам и сказал ей:
«дочка, ни в мулах тебе и ни в чем нет отказа. Поди же;

Дам повеленье рабам заложить колесницу большую,
Быстроколесную; будет при ней для поклажи и короб».
Кончив, рабам повеление дал он. Ему повинуюсь,
Взяли они колесницу большую, ее снарядили,
Вывели мулов и к дышлу, как следует, их привязали.
Взяв из хранильницы платья и в короб уклад их, царевна
Все поместила на быстроколесной, большой колеснице,
Мать же корзину со всякой едой, утоляющей голод,
Ей принесла; отпустила с ней полный вином благородным
Мех; не забыла и лакомства дать. В колесницу царевна
Стала, приняв от царицы фиал золотой с благовонным
Маслом, чтоб после купанья себя и рабынь натереть им.
Бич и блестящие вожжи взяла Навсикая и звучно
Мулов стегнула; затопав, они побежали проворной
Рысью, везя нелениво и груз и царевну. За нею
Следом пошли молодые подруги ее и служанки.
К устью реки многоводной достигли они напоследок.
Были устроены там водоемы: вода в них обильно
Светлой струей лилася, нечистое все омывая.
К месту прибыв, отвязали от дышла они утомленных
Мулов и их по зеленому берегу потока пустили
Сочно-медвяной травой питаться; потом с колесницы
Сняли все платья и в полные их водоемы ногами
Крепко втоптали, проворным усердием споря друг с другом.
Начали платья они полоскать и потом, дочиста их
Вымыв, по взморью на мелко-блестящем хряще, наносимом
На берег плоский морскою волною, их все разостлали.
Кончив, они искупались в реке и, натершись елеем,
Весело сели на мягкой траве у реки за обед свой,
Влажные платья оставив сушить лучезарному солнцу.
Пищей насытив себя, и подруг, и служанок, царевна
Вызвала в мяч их играть, головные сложив покрывала;
Песню же стала сама белокурая петь Навсикая.
Так стрелоносная, ловлей в горах веселясь, Артемида
Многовершинный Тайгет и крутой Эримант обегают,
Смерть нанося кабанам и лесным легконогим оленям;
С нею, прекрасные дочери Зевса-эгидодержавца,
Бегают нимфы полей – и любитесь ими Латона;
Всех превышает она головой, и легко между ними,
Сколь ни прекрасны они, распознать в ней богиню Олимпа.
Так красотой девичьей подруг затмевала царевна.
Стали они наконец собираться домой; в колесницу
Мулов опять заложили и в короб уклали одежды.
Тут светлоокая дева Паллада придумала средство,
Как пробудить Одиссея, чтоб, с ним повстречавшись, царевна
В город людей феакийских ему указала дорогу:
Бросила мяч Навсикая в подружек, но, в них не попавши,
Он, отраженный Афиною, в волны шумящие прынул;
Громко они закричали; их крик пробудил Одиссея.
Он поднялся и, колеблясь рассудком и сердцем, воскликнул:
«Горе! К какому народу зашел я? Быть может, здесь область
Диких, не знающих правды людей? Иль, может быть, встречу
Смертных приветливых, богобоязненных, гостеприимных?
Кажется, девичий громкий вблизи мне послышался голос.
Или здесь нимфы, владелицы гор крутоглавых, душистых,
Влажных лугов и истоков речных потаенных, играют;
Или достиг наконец я жилища людей говорящих.
Встанем же; должно мне все самому испытать и разведать».
С сими словами из чащи кустов Одиссей осторожно
Выполз; потом жиловатой рукою покрытых листьями
Свежих ветвей наломал, чтоб одеть обнаженное тело.
Вышел он – так, на горах обитающий, силою гордый,
В ветер и дождь на добычу выходит, сверкая глазами,
Лев; на быков и овец он бросается в поле, хватает
Диких оленей в лесу и нередко, тревожимый голодом,
Мелкий скот похищать подбегает к пастушьим заградам.
Так Одиссей вознамерился к девам прекраснокудрявым
Наг подойти, приневолен к тому непреклонной нуждою.

Был он ужасен, покрытый морскою засохшею тиной;
В трепете все разбежались врозь по высокому берегу.
Но Алкиноева дочь не покинула места. Афина
Бодрость вселила ей в сердце и в нем уничтожила робость.
Стала она перед ним; Одиссей же не знал, что приличней:
Оба ль колена обнять у прекраснокудрявья девы?
Или, в почтительном став отдаленье, молить умиленным
Словом ее, чтоб одежду дала и приют указала?
Так размышляя, нашел наконец он, что было приличней
Словом молить умиленным, в почтительном став отдаленье
(Тронув колена ее, он прогневал бы чистую деву).
С словом приятно-ласкательным он обратился к царевне:
«Руки, богиня иль смертная дева, к тебе простираю.
Если одна из богинь ты, владычиц пространного неба,
То с Артемидою только, великою дочерью Зевса,
Можешь сходна быть лица красотою и станом высоким;
Если ж одна ты из смертных, под властью судьбины живущих,
То несказанно блаженны отец твой и мать, и блаженны
Братья твои, с наслаждением видя, как ты перед ними
В доме семейном столь мирно цветешь, иль свои восхищая
Очи тобою, когда в хороводах ты весело пляшешь.
Но из блаженных блаженнейшим будет тот смертный, который
В дом свой тебя уведет, одаренную веном богатым.
Нет, ничего столь прекрасного между людей земнородных
Взоры мои не встречали доньше; смотрю с изумленьем.
В Делосе только я – там, где алтарь Аполлонов воздвигнут, –
Юную стройно-высокую пальму однажды заметил
(В храм же зашел, окруженный толпою спутников верных,
Я по пути, на котором столь много мне встретилось бедствий).
Юную пальму заметив, я в сердце своем изумлен был
Долго: подобного ей благородного древа нигде не видал я.
Так и тебе я дивлюсь! Но, дивясь тебе, не дерзаю
Тронуть коленей твоих: несказанной бедой я постигнут.
Только вчера, на двадцатый мне день удалось избежать
Моря: столь долго игралцем был я губительной бури,
Гнавшей меня от Огиии острова. Ныне ж сюда я
Демоном брошен для новых напастей – еще не конец им;
Верно, немало еще претерпеть мне назначили боги.
Сжался, царевна; тебя, испытавши превратностей много,
Первую здесь я молитвою встретил; никто из живущих
В этой земле не знаком мне; скажи, где дорога
В город, и дай мне прикрыть обнаженное тело хоть лоскут
Грубой обвертки, в которой сюда привезла ты одежды.
О, да исполнят бессмертные боги твои все желанья,
Давши супруга по сердцу тебе с изобилием в доме,
С миром в семье! Несказанное там водворяется счастье,
Где однодушно живут, сохраняя домашний порядок,
Муж и жена, благомысленным людям на радость, недобрым
Людям на зависть и горе, себе на великую славу».
Дочь Алкиноя, отвечая, так Одиссею сказала:
«Странник, конечно твой род знаменит: ты, я вижу, разумен.
Дий же и низким и рода высокого людям с Олимпа
Счастье дает без разбора по воле своей прихотливой;
Что ниспослал он тебе, то прими с терпеливым смиреньем.
Если ж достигнуть ты мог и земли и обителей наших,
То ни в одежде от нас и ни в чем для молящего, много
Бед претерпевшего странника нужном не встретишь отказа.
Град наш тебе укажу; назову и людей, в нем живущих.
В граде живет и землей здесь владеет народ феакиян;
Я Алкиноя, царя благодушного, дочь; Алкиноя ж
Ныне державным владыкой своим признают феакийцы».
Тут обратилась царевна к подругам своим и служанкам:
«Стойте! Куда разбежались вы, устращась иноземца?
Он человек незломышленный; нет вам причины страшиться;
Не было прежде, вы знаете, нет и теперь и не может
Быть и вперед на земле никого, кто б на нас, феакиян,
Злое замыслил; нас боги бессмертные любят; живем мы
Здесь, от народов других в стороне, на последних пределах

Шумного моря, и редко нас кто из людей посещает.
Ныне же встретился нам злополучный, бездомный скиталец:
Помощь ему оказать мы должны – к нам Зевес посылает
Нищих и странников; дар и убогий Зевесу угоден.
Страннику пищи с питьем принести поспешите, подруги;
Прежде ж его искупайте, от ветров защитное место
Выбрав в потоке». Сказала; сошлись ободренные девы.
В месте, от ветров защитном, его посадив, как велела
Им Навсикая, прекраснокудрявая дочь Алкиноя,
Мантию с тонким хитоном они близ него положили.
После, принеши фиал золотой с благовонным елеем,
Стали его приглашать к омовению в светлом потоке.
Но Одиссей благородный отрекся и так отвечал им:
«Девы прекрасные, станьте поодаль: без помощи вашей
Смою с себя я соленую тину и сам наелею
Тело: давно уж елей благовонный к нему не касался.
Но перед вами купаться не стану я в светлом потоке;
Стыдно себя обнажить мне при вас, густовласые девы».
Так он сказал; и они, удаляся, о том известили
Царскую дочь. Одиссей же, в поток погрузившись, тину,
Грязно облекая плечи и спину его и густые
Кудри его облепившую, смыл освежительной влагой;
Чисто омывшись, он светлое тело умаслил елеем;
После украсился данным младою царственною платьем.
Дочь светлоокая Зевса Афина тогда Одиссея
Станом возвысила, сделала телом полней и густыми
Кольцами кудри, как цвет гиацинта, ему закрутила.
Так, серебро облекая сияющим золотом, мастер,
Девой Палладой и богом Гефестом наставленный в трудном
Деле своем, чудесами искусства людей изумляет;
Так красотой главу облекла Одиссею богиня.
Берегом моря пошел он и сел на песке, озаренный
Силой и прелестью мужества. Царская дочь изумилась.
Слово потом обратила она к густовласым подругам:
«Слушайте то, что скажу вам теперь, белорукие девы;
Думаю я, что не всеми богами Олимпа гонимый
Этот скиталец в страну феакийн божественных прибыл;
Прежде и мне человеком простым он казался; теперь же
Вижу, что свой он богам, беспредельного неба владыкам.
О, когда бы подобный супруг мне нашелся, который,
Здесь поселившись, у нас навсегда захотел бы остаться!
Вы ж чужеземцу еды и питья принесите, подруги».
Так говорила царевна. Ее повинуюся воле,
Девы немедля еды и питья принесли Одиссею.
С жадностью голод и жажду свою утолил богоравный,
Твердый в бедах Одиссей: уж давно не касался он пищи.
Добрая мысль пробудилась тут в сердце разумной царевны:
Чистые платья собрав, в колесницу она их уклада,
Мулов потом запрягла крепконогих и, став в колесницу,
Так Одиссею, его пригласая с собою, сказала:
«Время нам в город; вставай, чужеземец, и следуй за нами;
Дом, где живет мой отец, я тебе укажу; там, конечно,
Встретишь и всех знаменитых людей феакийских; но прежде
Мой ты исполни совет (ты, я вижу, разумен): покуда
Будем в полях мы, трудом человека удобренных, следуй
С девами вместе за быстрой моей колесницею ровным
С мулами шагом – у вас впереди я поеду; потом мы
В город прибудем... с бойницами стены его окружают;
Пристань его с двух сторон огибает глубокая; вход же
В пристань стеснен кораблями, которыми справа и слева
Берег уставлен, и каждый из них под защитною кровлей;
Там же и площадь торговая вокруг Посейдонова храма,
Твердо на тесаных камнях огромных стоящего; снасти
Всех кораблей там, запас парусов и канаты в пространных
Зданиях хранятся; там гладкие также готовятся весла.
Нам, феакийцам, не нужно ни луков, ни стрел; вся забота
Наша о мачтах, и веслах, и прочных судах мореходных;
Весело нам в кораблях обтекать мног шумное море.

Я ж от людей порицанья избегнуть хочу и обидных
Толков; народ наш весьма злоязычен; нам встретиться может
Где-нибудь дерзкий насмешник; увидя нас вместе, он скажет:
„С кем так сдружилась царица? Кто этот могучий, прекрасный
Странник? Откуда пришел? Не жених ли какой иноземный?
Что он? Морскою ли бурей к нам занесенный из дальних
Стран человек (никаких мы в соседстве не знаем народов)?
Или какой по ее неотступной молитве с Олимпа на землю
Бог низлетевший – и будет она обладать им отныне?
Лучше б самой ей покинуть наш край и в стране отдаленной
Мужа искать; меж людей феакийских никто не нашелся
Ей по душе, хоть и много у нас женихов, благородных“.
Вот что рассказывать могут в народе; мне будет обидно.
Я ж и сама бы, конечно, во всякой другой осудила,
Если б, имея и мать и отца, без согласья их стала,
В брак не вступивши, она обращаться с мужчинами вольно.
Ты же совет мой исполни (тогда и родитель мой помощь
Скорую даст и отечество ты не замедлишь увидеть):
Есть близ дороги священная роща Афины из черных
Тополей; светлый источник оттуда бежит на зеленый
Луг; там поместье царя Алкиноя с его плодоносным
Садом в таком расстоянье от града, в каком человеческий
Внятен нам голос. Там сев, подожди ты до тех пор, покуда
Мы не прибудем на место и царских палат не достигнем; когда же
Ты убедишься, что царских палат уж могли мы достигнуть,
Встань, и во внутренность града войди, и расспрашивай встречных,
Где обитает родитель мой, царь Алкиной многославный.
Дом же его ты узнаешь легко: бессловесный младенец
Может дорогу к нему указать; ни один феакиец
Здесь не имеет такого жилища, в каком обитает
Царь Алкиной. Окруженный строениями двор перешедши,
Шагом поспешным пройди ты сквозь залу к покоям царицы;
Там перед ярко блестящим ее очагом ты увидишь
С чудным искусством прядущую тонкопурпурные нити
Подле колонны высокой, в кругу приближенных служанок.
Там же и кресла царицы стоят у огня и, на них он
Сидя, вином утешается, светлому богу подобный.
Мимо царя ты пройди и, обнявши руками колена
Матери милой моей, умоляй, чтоб она поспешила
День возвращенья в отчизну тебе даровать, чужеземцу.
Если моленье твое с благосклонностью примет царица,
Будет тогда и надежда тебе, что возлюбленных ближних,
Светлый свой дом, и семью, и отечество скоро увидишь».
Кончив, ударила звучно блестящим бичом Навсикая
Мулов; затопав, они от реки побежали проворной
Рысью; другие же, пешие, следом пошли; но царица
Мулов держала на крепких вожжах, чтоб от них не отстали
Девы и странник, и хлопала звучным бичом осторожно.
Солнце садилось, когда к благовонной Палладиной роще
Вместе достигли они. Одиссей, там оставшись, начал
Дочери Зевса-эгидодержавца Палладе молиться:
«Дочь непорочная Зевса-эгидодержавца, Паллада,
Ныне вонми ты молитве, тобою не внятой, когда я
Гибнул в волнах, сокрушенный земли колебателя гневом;
Дай мне найти и покров и приязнь у людей феакийских».
Так говорил он, моляся; и был он Палладой услышан;
Но перед ним не явилась богиня сама, опасаясь
Мощного дяди, который упорствовал гнать Одиссея,
Богopodobного мужа, пока не достиг он отчизны.

Песнь седьмая

Вечер тридцать второго дня

Одиссей входит в город; у ворот встречается с ним Афина под видом феакийской
девы; она окружает его мглой, и он, никем не примеченный, приближается к
Алкиноеву дому. Описание царского дома и сада. Вошел в палату, где царь в то
время пировал с гостями, Одиссей приближается к царице Арете, и мгла, его
окружавшая, исчезает. Он молит царицу о даровании ему способа возвратиться в
отчизну. Царь приглашает его сесть за трапезу. По окончании пиршества гости
расходятся. Одиссей, оставшись один с Алкиноем и Аретою, рассказывает им, как он

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya покинул остров Огигию, как буря его бросила на берега Схерии и как получил он свою одежду от царевны Навсикая. Алкиной дает ему обещание отправить его на корабле феакийском в Итаку.

Так Одиссей богоравный, в бедах постоянный, молился.
Тою порою царевну везли крепконогие мулы
В город. Достигнув блестящих царевых палат, Навсикая
Въехала прямо на двор и сошла с колесницы; навстречу
Вышли ее молодые, бессмертным подобные, братья;
Мулов отпрягши, в покои они отнесли все одежды.
Царская дочь на свою половину пошла; развела там
Яркий огонь ей рабыня эфирская Евримедуса
(Некогда в быстром ее корабле увезли из Эпира,
В дар Алкиною почетный назначив, понеже, над всеми
Он феакийцами властвуя, чтим был как бог от народа.
Ею была Навсикая воспитана в царском жилище).
Яркий огонь разведя, приготовила ужин старушка.
В город направил тем временем путь Одиссей; но Афина
Облаком темным его окружила, чтоб не был замечен
Он никаким из надменных граждан феакийских, который
Мог бы его оскорбить, любопытствуя выведать, кто он.
Но, подошед ко вратам крепкозданным прекрасного града,
Встретил он дочь светлоокою Зевса богиню Афины
В виде несущей скудель молодой феакийския девы.
Встретившись с нею, спросил у нее Одиссей богоравный:
«Дочь моя, можешь ли мне указать те палаты, в которых
Ваш обладатель, божественный царь Алкиной, обитает?
Многоиспытанный странник, судьбою сюда издалека
Я заведен; мне никто не знаком здесь, никто из живущих
В городе вашем, никто из людей, обитающих в поле».
Дочь светлоокая Зевса Афина ему отвечала:
«Странник, с великой охотой палаты, которых ты ищешь,
Я укажу; там в соседстве живет мой отец беспорочный;
Следуй за мною в глубоком молчанье; пойду впереди я;
Ты же на встречных людей не гляди и не делан вопросов
Им: иноземцев не любит народ наш; он с ними неласков;
Люди радушно здесь гостелюбия вовсе не знают;
Быстрым вверяя себя кораблям, пробегают бесстрашно
Бездну морскую они, отворенную им Посейдоном;
Их корабли скоротечны, как легкие крылья иль мысли».
Кончив, богиня Афина пошла впереди Одиссея.
Быстрым шагом, пспешно пошел Одиссей за богиней.
Улицы с ней проходя, ни одним из людей феакийских,
На море славных, он не был замечен; того не хотела
Светлокудрявая дева Паллада: храня Одиссея,
Тьмой несказанной его отовсюду она окружила.
Он изумился, увидевши пристани, в них бесконечный
Ряд кораблей, и народную площадь, и крепкие стены
Чудной красы, неприступным извне огражденные тыном.
Но, подошед к многославному дому царя Алкиноя,
Дочь светлоокая Зевса богиня Афина сказала:
«Странник, с тобою пришли мы к палатам, которых искал ты;
В них ты увидишь любезного Зевсу царя Алкиноя
В сонме гостей за роскошной трапезой; войди, не страшся;
Мужу бесстрашному, кто бы он ни был, хотя б чужеземец,
Все по желанью вернее других исполнять удастся.
Прежде всего подойди ты, в палату вступивши, к царице;
Имя царицы Арета; она от одних происходит
Предков с высоким супругом своим Алкиноем; вначале
Сын Навсифой Посейдоном земли колебателем прижит
Был с Перибеей, всех дев затмевавшей своей красотой,
Младшею дочерью мужа могучего Евримедонта,
Бывшего прежде властителем буйных гигантов; но сам он
Свой погубил святотатный народ и себя самого с ним.
Дочь же его возлюбил колебатель земли; от союза
С ней он имел Навсифоя; и первым царем феакиян
Был Навсифой; от него родились Рексенор с Алкиноем;
Но Рексенор, сыновей не имев, сребролуким застрелен

Был Аполлоном на пире вторичного брака, оставив
Дочь сиротою, Арету; и, с ней Алкиной сочетавшись,
Так почитает ее, как еще никогда не бывала
В свете жена, свой любящая долг, почитаема мужем;
Нежную сердца любовь ей всечасно являют в семействе
Дети и царь Алкиной; в ней свое божество феакийцы
Видят, и в городе с радостно-шумным всегда к ней теснятся
Плеском, когда меж народа она там по улицам ходит.
Кроткая сердцем, имеет она и возвышенный разум,
Так что нередко и трудные споры мужей разрешает.
Если моленья твои с благосклонностью примет царица,
Будет тогда и надежда тебе, что возлюбленных ближних,
Светлый свой дом, и семью, и отечество скоро увидишь».
Так говоря, светлоокая Зевсова дочь удалилась;
Морем бесплодным от Схерии тучной помчавшись, достигла
Скоро она Марафона; потом в многолюдных Афинах
В дом крепкозданный царя Ерехтея вошла. Одиссей же
Тою порой подошел ко дворцу Алкиноя; он сильно
Сердцем тревожился, стоя в дверях перед медным порогом.
Все лучезарно, как на небе светлое солнце иль месяц,
Было в палатах любезного Зевсу царя Алкиноя;
Медные стены во внутренность шли от порога и были
Сверху увенчаны светлым карнизом лазоревой стали;
Вход затворен был дверями, литыми из чистого злата;
Притолки их из серебра утверждались на медном пороге;
Также и князь их серебряный был, а кольцо золотое.
Две – золотая с серебряной – справа и слева стояли,
Хитрой работы искусного бога Гефеста, собаки
Стражами дому любезного Зевсу царя Алкиноя:
Были бессмертны они и с течением лет не старели.
Стены кругом огибают, во внутренность шли от порога
Лавки богатой работы; на лавках лежали покровы,
Тканые дома искусной рукою прилежных работниц;
Мужи знатнейшие града садились чином на этих
Лавках питьем и едой наслаждаться за царской трапезой.
Зрелися там на высоких подножиях лики златые
Отроков: светочи в их пламенели руках, озаряя
Ночью палату и царских гостей на пирах многославных.
Жило в просторном дворце, пятьдесят рукодельных невольниц:
Рожь золотую мололи одни жерновами ручными,
Нити сучили другие и ткали, сидя за станками
Рядом, подобные листьям трепещущим тополя; ткани ж
Были так плотны, что в них не впиталось и тонкое масло.
Сколь феакийские мужи отличны в правлении были
Быстрых своих кораблей на морях, столь отличны их жены
Были в тканье: их богиня Афина сама научила
Всем рукодельным искусствам, открыв им и хитростей много.
Был за широким двором четырехдесятилетний богатый
Сад, обведенный отвсюду высокой оградой; росло там
Много дерев плодоносных, ветвистых, широковершинных,
Яблонь, и груш, и гранат, золотыми плодами обильных,
Также и сладких смоковниц и маслин, роскошно цветущих;
Круглый там год, и в холодную зиму и в знойное лето,
Видимы были на ветвях плоды; постоянно там веял
Теплый зефир, зарождая одни, наливая другие;
Груша за грушей, за яблоком яблоко, смоква за смоквой,
Грозд пурпуровый за гроздом сменялися там, созревая.
Там разведен был и сад виноградный богатый; и грозды
Частью на солнечном месте лежали, сушимые зноем,
Частью ждали, чтоб срезал их с лоз виноградарь; иные
Были давимы в чанах; а другие цвели иль, осыпав
Цвет, созревали и соком янтарно-густым наливались.
Саду границей служили красивые гряды, с которых
Овощ и вкусная зелень весь год собирались обильно.
Два там источника были; один обтекал, извиваясь,
Сад, а другой перед самым порогом царицы жилища
Светлой струею бежал, и граждане в нем черпали воду.
Так изобильно богами был дом одарен Алкиноев.

Долго, дивясь, стоял перед ним Одиссей богоравный;
Но, поглядевши на все с изумленьем великим, ступил он
Смелой ногой на порог и во внутренность дома проникнул.
Там он узрел феакийских вождей и старейшин, творящих
Зоркому богу, убийце Аргуса, вином возлиянье
(Он от грядущих ко сну был всегда призываем последний).
Быстро палату пиров перешел Одиссей богоравный;
Скрытый туманом, которым его окружила Афина,
Прямо к Арете приблизился он и к царю Алкиною,
Обнял руками колена царицы, и в это мгновенье
Вдруг расступилась его облакавшая тьма неземная.
Все замолчали, могучего мужа внезапно увидя;
Все в изумленье смотрели. Царице Арете сказал он:
«Дочь Рексенора, подобного силой бессмертным, Арета,
Ныне к коленам твоим, и к царю, и к пирующим с вами
Я прибегаю, плачевный скиталец. Да боги пошлют вам
Светлое счастье на долгие дни; да наследуют ваши
Дети ваш дом и народом вам данный ваш сан знаменитый.
Мне ж помогите, чтоб я беспрепятственно мог возвратиться
В землю отцов, столь давно сокрушенный разлукой с своими».
Кончив, к огню очага подошел он и сел там на пепле.
Все неподвижно молчали, и долго молчание длилось.
Но наконец Ехеней, благородного племени старец,
Ранее всех современных ему феакиян рожденный,
Сладкоречивый и старые были и многое знавший,
Добрых исполненный мыслей, сказал, обратясь к Алкиною:
«Царь Алкиной, неприлично тебе допускать, чтоб молящий
Странник на пепле сидел очага твоего перед нами.
Почесть ему оказать ожидаем твоих повелений;
С пепла поднявши, на стул среброкованный с нами его ты
Сесть пригласи и глашатаю в чаши вина золотого
Влить повели, чтоб могли Громолюбцу Зевесу, молящих
Странников всех покровителю, мы совершить возлиянье.
Гостю ж пускай из запаса даст ключница пищи вечерней».
Так он сказав, пробудил Алкиноеву силу святую.
За руку взяв Одиссея, объятого думой глубокой,
С пепла он поднял его и на креслах богатых с собою
Рядом за стол посадил, повелев уступить Лаодаму,
Сыну любимому, подле сидевшему, место пришельцу.
Тут для умыванья рук поднесла на богатой лохани
Полный студеной воды золотой рукойник рабыня;
Гладкий потом пододвинула стол; на него положила
Хлеб домовитая ключница с разным съестным, из запаса
Выданным ею охотно. Едой и питьем изобильным
Сердце свое насладил Одиссей, многославный страдалец.
Тут Понтоною-глашатаю бросил крылатое слово
Царь феакиян: «Наполни кратеры вином и подай с ним
Чаши гостям, чтоб могли Громолюбцу Зевесу, молящих
Странников всех покровителю, мы совершить возлиянье».
Так он сказал и, наполнив медвяным вином все кратеры,
В чашах пирующим подал его Понтоной; возлиянье
Стоя они совершили и вдоволь питьем насладились.
Царь Алкиной, обратившись к гостям, произнес: «Приглашаю
Выслушать слово мое вас, мужей феакийских, дабы я
Высказать мог вам все то, что велит мне рассудок и сердце.
Кончился пир наш; теперь по домам на покой разойдитесь;
Завтра же утром, с собою и прочих вельмож пригласивши,
Снова придите, чтоб странника здесь угостить и бессмертным
Вместе свершить гекатомбу. Потом учредим отправленье
Гостя почтенного так, чтоб под нашей надежной защитой
Он без тревог и препятствий поспешно и весело прибыл
В край, им желаемый, сколь бы отсюда он ни был далеко;
Также, чтоб он ни печали, ни зла на дороге не встретил
Прежде, пока не достигнет отчизны; когда же достигнет,
Пусть испытает все то, что судьба и могучие Парки
В нить бытия рокового вплели для него при рождение.
Если же кто из бессмертных под видом его посетил нас,
То на уме их, конечно, есть замысел, нам неизвестный;

Ибо всегда нам открыто являются боги, когда мы,
Их призывая, богатые им гекатомбы приносим;
С нами они пировать без чинов за трепезу садятся;
Даже когда кто из них и один на пути с феакийским
Странником встретится – он не скрывается; боги считают
Всех нас родными, как диких циклопов, как племя гигантов». .
Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
«Царь Алкиной, не тревожься напрасно таким помышленьем;
Вечным богам, беспредельного неба владыкам, ни видом
Я не подобен, ни станом: простой человек я, из всех вам
В мире известных людей земнородных, судьбою гонимых,
Самым злосчастнейшим бедственной жизнью моей я подобен.
Боле других бы я мог рассказать о великих напастях,
Мной претерпенных с трудом непомерным по воле бессмертных;
Но сказанным, хотя и прискорбен, я голодом мучусь;
Нет ничего нестерпимей грызущего голода: нами
Властвуя, он о себе вспоминать ежечасно неволит
Нас, и печальных и преданных скорби душой. Сколь ни сильно
Скорби душой я предан, но тощий желудок мой жадно
Требует пищи себе и меня забывать принуждает
Все претерпенное мной, о себе лишь упорно заботясь.
Вы же, молю вас, как скоро пробудится светлая Эос,
Мне, злополучному, путь учредите в отчизну возвратный;
Много я бед претерпел, но готов и погибнуть, лишь только б
Светлый свой дом, и семью, и рабов, и богатства увидеть». .
Кончил; они, изъявив одобренье, решили в отчизну
Гостя отправить, пленившего всех их столь умною речью.
После, свершив возлиянье и вкусным вином насладившись,
Каждый в свой дом удалился, о ложе и сне помышляя.
Но Одиссей богоравный остался в палате столовой;
Царь Алкиной и царица Арета остались с ним вместе; рабыни
Тою порой со столов всю посуду поспешно убрали.
Тут белорукая с гостем беседовать стала Арета.
Мантию с тонким хитоном, сотканные ею самую
Дома с рабынями, в платье пришельца узнавши, царица
Голос возвысила свой и крылатое бросила слово:
«Странник, сначала сама я тебя вопрошу; отвечай мне:
Кто ты? Откуда? И платье свое от кого получил ты?
Нам ты сказал, что сюда был морской непогодой брошен». .
Светлой царице отвечив так Одиссей хитроумный:
«Трудно, царица, мне будет тебе рассказать всю подробно
Повесть о бедствиях, встреченных мною по воле рожденных
Древним Ураном богов, – об одном расскажу откровенно:
В море находится остров Огигия; там обитает
Хитроковарная дочь кознодея Атланта Калипсо,
Светлокудрявая нимфа, богиня богинь. И не водят
Общества с нею ни вечные боги, ни смертные люди.
Я же один, злополучный, на остров ее был враждебным
Демоном брошен, когда мой корабль сокрушительным громом
Зевс поразил посреди беспредельно-пустынного моря.
Спутников всех (поглотила их бездна) тогда я утратил.
Сам же, на киле разбитого судна, обхваченном мною,
Девять носившись дней по волнам, на десятый с наставшей
Ночью на остров Огигию выброшен был, где Калипсо,
Светлокудрявая нимфа, живет. И, приют благосклонно
Дав мне, богиня меня угощала, кормила, хотела
Мне наконец даровать и бессмертье и вечную младость.
Сердца, однако, она моего обольстить не успела.
Целые семь лет утратил я там, и текли непрестанно
Слезы мои на одежды, мне данные нимфой бессмертной.
Год напоследок осьмой приведен был времен обращеньем;
Вдруг мне она повелела покинуть свой остров – не знаю,
Зевса ль она убоялась, сама ль изменилася в мыслях?
Сел я на крепкосколоченный плот, и она, наделивши
Хлебом меня, и душистым вином, и нетленной одеждой,
Следом послала за мной благовеющий ветер попутный.
Дней совершилось семнадцать с тех пор, как пустился я в море;
Вдруг на осьмнадцатый видима стала вдали над водами

Ваша земля, и во мне оживилось милое сердце,
Столь несказанно страдавшее. Много, однако, еще мне
Бед колебатель земли Посейдон непреклонный готовил:
Ветры подняв, заградил предо мной он дорогу, и море
Все беспредельное вдруг затревожилось; был я не в силах,
Жалобно стонущий, судном владеть на взволнованной бездне:
Буря его изломала в куски, и, в кипящую влагу
Бросясь, пустился я вплавь: напоследок примчали
К вашему берегу меня многошумные ветры и море;
Гибели б мне не избежать, когда б на утесистый берег
Был я волною, скалами его отшибаемой, кинут:
Силы напрягши, я в сторону поплыл и скоро достигнул
Устья реки – показалось то место приятным, там острых
Не было камней, там всюду от ветров являлась защита;
На берег вышед, в бессилие впал я; божественной ночи
Тьма наступила; тогда, удалясь от потока, небесным
Зевсом рожденного, я приютился в кустах и в опадших
Спрятался листьях; и сон бесконечный послали мне боги.
Там под защитою листьев, с печалию милого сердца,
Проспал всю ночь я, все утро и за полдень долго;
Солнце садилось, когда усладительный сон мой был прерван:
Дев, провожавших царевну твою, я увидел на бреге;
С нею, подобные нимфам, они, там резвяся, играли.
К ней обратил я молитву, и так поступила разумно
Юная царская дочь, как немногие с ней одинаких
Лет поступить бы могли, – молодежь рассудительна редко.
Сладкой едой и вином искрометным меня подкрепивши,
Мне искупаться в потоке велела она и одежду
Эту дала мне. Я кончил, по истине все рассказав вам». —
Он умолкнул. Ему Алкиной отвечал благосклонно:
«Странник, гораздо б приличнее было для дочери нашей,
Если б она пригласила тебя за собою немедля
Следовать в дом наш: к ней первой ты с просьбой своей обратился». —
Так он сказал, и ему возразил Одиссей хитроумный:
«Царь благородный, не делай упреков разумной царевне;
Следовать мне за собою она предложила немедля;
Я ж отказался – мне было бы стыдно; при том же подумал
Я, что, меня с ней увидя, на нас ты разгневаться мог бы:
Скоро всегда раздражаемся мы, земнородные люди». —
Царь Алкиной, возражая, отвечал так Одиссею:
«Странник, в груди у меня к безрассудному гневу такому
Сердце несклонно; приличие ж должно во всем наблюдать нам.
Если б – о Дий Громовержец! о Феб Аполлон! о Афина! –
Если б нашелся подобный тебе, в помышленьях со мною
Сходный, супруг Навсикае, возлюбленный зять мне, и если б
Здесь поселился он... Дом и богатства бы дал я, когда бы
Волей ты с нами остался; насильно же здесь иноземца
Мы не задержим, то было бы Зевсу-отцу неуютно.
Твой же отъезд я устрою, чтоб было тебе то известно,
Завтра: ты, сладкому отдыху мирно предавшись, будешь
Сонный в спокойном безветрии плыть и достигнешь
В землю отцов или в иную какую желанную землю,
Сколь бы она ни лежала далеко, хотя бы в Евбею,
Дале которой уж нет ничего, по сказанью отважных
Наших пловцов, с златовласым туда Радамантом ходивших, –
Тития, сына Земли, посетил он, и, сколь ни далек был
Путь по глубокому морю, его без труда совершили
В сутки они, до Евбеи доплыв и назад возвратившись.
Сам ты узнаешь, как быстры у нас корабли, как отважно
Веслами море браздят мореходцы мои молодые». —
Так он сказал; пролилось веселие в грудь Одиссея;
Голос возвысивши свой, произнес он такую молитву:
«Дий, наш отец, да исполнится все, что теперь обещал мне
Царь Алкиной, и да будет всегда на земле плодоносной
Слава ему! А меня проводи безопасно в отчизну». —
Так говорили о многом они, беседею сладко.
Тою порой повелела царица Арета рабыням
В сенях поставить кровать, на нее положить пурпуровый

Мягкий тюфяк и богатый ковер разостлать; на ковер же
Теплым покровом для тела косматую мантию бросить.
Факелы взявши, пошли из столовой рабыни; когда же
Было совсем приготовлено мягко-упругое ложе,
Близко они подошед к Одиссею, ему доложили:
«Странник, иди почивать; для тебя приготовлено ложе».
Радостно было усталому гостю призванье к покою;
Сладко-целительный сон наконец он вкусил безмятежно,
В звонко-просторных сенях на кровать прорезную возлегли.
Скоро и царь Алкиной, с ним простяся, во внутренней спальне
Лег на постель и заснул близ супруги своей благонравной.

Песнь осьмая

Тридцать третий день

Алкиной, предложив собравшимся на площади гражданам устроить отправление Одиссея
в его отечество, приглашает вельмож и людей корабельных к себе на обед. Пение
Демодока во время пира. Потом игры: бег, бросание диска, борьба, кулачный бой.
Одиссей, оскорбленный Евриалом, бросает камень и всех изумляет своею силою.
Пляска, во время которой Демодок поет об Арее и Афродите. Все возвращаются во
дворец. Одиссей одарен изобильно. За вечернею трапезою Демодок поет о коне
деревянном и подвигах вождей ахейских. Песнь его извлекает слезы из очей
Одиссея; царь Алкиной вопрошает плачущего о причине его скорби и просит, чтобы
он рассказал свои приключения.

Встала из мрака младая с перстами пурпурными Эос –
Мирный покинула сон Алкиноева сила святая;
Встал и божественный муж Одиссей, городов сокрушитель.
Царь Алкиной многовластный повел знаменитого гостя
На площадь, где невдали кораблей феакийцы сбирались.
Сели, пришедши, на гладко обтесанных камнях друг с другом
Рядом они. Той порою Паллада Афина по улицам града,
В образ облечись глашатая царского, быстро ходила;
Сердцем заботясь о скором возврате домой Одиссея,
К каждому встречному ласково речь обращала богиня:
«Вы, феакийские люди, вожди и владыки, скорее
На площадь все соберитесь, дабы иноземца, который
В дом Алкиной премудрого прибыл вчера, там увидеть:
Бурей к нам брошенный, богу он образом светлым подобен».
Так говоря, возбудила она любопытное рвенье
В каждом, и скоро наполнилась площадь народом; и сели
Все по местам. С удивленьем великим они обращали
Взор на Лаэрта сына: ему красотой несказанной
Плечи одела Паллада, главу и лицо озарила,
Стан возвеличила, сделала тело полнее, дабы он
Мог приобрести от людей феакийских приязнь и вселил в них
Трепет почтительный мужеской силой на играх, в которых
Им испытать надлежало его, отличась пред народом.
Все собралися они, и собрание сделалось полным.
Тут, обратясь к ним, царь Алкиной произнес: «Приглашаю
Выслушать слово мое вас, людей феакийских, дабы я
Высказать мог вам все то, что велит мне рассудок и сердце.
Гость иноземный – его я не знаю; бездомно скитаясь,
Он от восточных народов сюда иль от западных прибыл –
Молит о том, чтоб ему помогли мы достигнуть отчизны.
Мы, сохраняя обычай, молящему гостю поможем;
Ибо еще ни один чужеземец, мой дом посетивший,
Долго здесь, плача, не ждал, чтоб его я услышал молитву.
Должно спустить на священные воды корабль чернобокий,
В море еще не ходивший; потом изберем пятьдесят два
Самых отважных меж лучшими здесь молодыми гребцами;
Весла к скамьям прикрепив корабельным, пускай соберутся
В царских палатах они и поспешно себе на дорогу
Вкусный обед приготовят; я всех их к себе приглашаю
Так от меня объявите гребцам молодым; а самих вас,
Скиптродержавных владык и судей, я прошу в мой просторный
Дом, чтоб со мною как следует там угостить иноземца;
Всех вас прошу, отказаться не властен никто; позовите
Также певца Демодока: дар песней приял от богов он
Дивный, чтоб все воспевать, что в его пробуждается сердце».

Кончив, пошел впереди он; за ним все судьи и владыки
Скиптродержавные; звать Понтоной побежал Демодока.
Скоро по воле царя пятьдесят два гребца, на отлогом
Бреге бесплодносоленого моря собравшись, вместе
К ждавшему их на песке кораблю подошли, совокупной
Силою черный корабль на спущенные сдвинули воды,
Подняли мачты, устроили все корабельные снасти,
В крепкоременные петли просунули длинные весла,
Должным порядком потом паруса утвердили. Отведши
Легкий корабль на открытое взморье, они собрались
Все во дворце Алкиноя, царем приглашенные. Скоро
Все переходы палат, и дворы, и притворы народом
Сделались полны – там были и юноши, были и старцы.
Жирных двенадцать овец, двух быков криворогих и восемь
Остроклычистых свиней Алкиной повелел им зарезать;
Их ободрав, изобильный обед приготовили гости.
Тою порой с знаменитым певцом Понтоной возвратился;
Муза его при рождении злом и добром одарила:
Очи затмила его, даровала за то сладкопенье.
Стул среброкованный подал певцу Понтоной, и на нем он
Сел пред гостями, спиной прислонясь к колонне высокой.
Лиру слепца на гвозде над его головою повесив,
К ней прикоснуться рукою ему – чтоб ее мог найти он –
Дал Понтоной, и корзину с едою принес, и подвинул
Стол, и вина приготовил, чтоб пил он, когда пожелает.
Подняли руки они к предложенной им пище; когда же
Был удовольствован голод их сладким питьем и едою,
Муза внушила певцу возгласить о вождях знаменитых,
Выбрав из песни, в то время везде до небес возносимой,
Повесть о храбром Ахилле и мудром царе Одиссее,
Как между ними однажды на жертвенном пире великом
Распря в ужасных словах загорелась и как веселился
В духе своем Агамемнон враждой знаменитых ахеян:
Знаменьем добрым ему ту вражду предсказал Аполлонов
В храме Пифийском оракул, когда через каменный праг он
Бога спросить перешел, – а случилось то в самом начале
Бедствий, ниспосланных богом богов на троян и данаев.
Начал великую песнь Демодок; Одиссей же, свою
Сильной рукою широкопурпурную мантию взявши,
Голову ею облек и лицо благородное скрыл в ней.
Слез он своих не хотел показать феакийцам. Когда же,
Пенье прервав, сладкогласный на время умолк песнопевец,
Слезы отерши, он мантию снял с головы и, наполнив
Кубок двудонный вином, совершил возлиянье бессмертным.
Снова запел Демодок, от внимавших ему феакиян,
Гласом его очарованных, вызванный к пению вторично;
Голову мантией снова облек Одиссей, прослезясь.
Были другими его не замечены слезы, но мудрый
Царь Алкиной их заметил и понял причину их, сидя
Близ Одиссея и слыша скорбящего тяжкие вздохи.
Он феакиянам веселюбивым сказал: «Приглашаю
Выслушать слово мое вас, судей и вельмож феакийских;
Душу свою насладили довольно мы вкуснообильной
Пищей и звуками лиры, подруги пиров сладкогласной;
Время отсюда пойти нам и в мужеских подвигах крепость
Силы своей оказать, чтоб наш гость, возвратясь, домашним
Мог возвестить, сколь других мы людей превосходим в кулачном
Бое, в борьбе утомительной, в прыганье, в беге проворном».
Кончив, поспешно пошел впереди он, за ним все другие.
Звонкую лиру приняв и повесив на гвоздь Демодока
За руку взял Понтоной и из залы пиршественной вывел;
Вслед за другими, ведя песнопевца, пошел он, чтоб видеть
Игры, в которых хотели себя отличить феакийцы.
На площадь все собрались: толпой многочисленно-шумной
Там окружил их народ. Благородные юноши к бою
Вышли из сонма его: Акроней, Окиал с Элатреем,
Навтий, Примней, Анхиал, Эретмей с Анабесионом;
С ними явились Понтей, Прореон и Фоон с Амфиалом,

Сыном Полиния, внуком Тектона; пристал напоследок
К ним и младой Евриал, Навболит, равносильный Арею:
Всех феакян затмил бы чудесной своей красотой он,
Если б его самого не затмил Лаодам беспорочный.
К ним подошли, наконец, Лаодам, Галионт с богоравным
Клитонеоном – три бодрые сына царя Алкиноя.
Первые в беге себя испытали они. Устремившись
С места того, на котором стояли, пустились разом,
Пыль подымая, они через поприще: всех был проворней
Клитонеон благородный – какую по свежему полю
Борозду плугом два мула проводят, настолько оставив
Братьев своих назади, возвратился он первый к народу.
Стали другие в борьбе многотрудной испытывать силу:
Всех Евриал одолел, превзошедши искусством и лучших.
В прыганье был Анхиал победителем. Тяжкого диска
Легким бросаньем от всех Эретмей отличился. В кулачном
Бое взял верх Лаодам, сын царя Алкиноя прекрасный.
Тут, как у всех уж довольно насытилось играми сердце,
К юношам речь обративши, сказал Лаодам, Алкиноев
Сын: «Не прилично ли будет спросить нам у гостя, в каких он
Играх способен себя отличить? Он не низкого роста,
Голени, бедра и руки его преисполнены силы,
Шея его жиловата, он мышцами крепок; годами
Также не стар; но превратности жизни его изнурили.
Нет ничего, утверждаю, сильней и губительней моря;
Крепость и самого бодрого мужа оно сокрушает».
«Умным, – сказал, отвечая на то, Евриал Лаодаму, –
Кажется мне предложенье твое, Лаодам благородный.
Сам подойди к иноземному гостю и сделай свой вызов».
Сын молодой Алкиноя, слова Евриала услышав,
Вышел вперед и сказал, обратясь к царю Одиссею:
«Милости просим, отец иноземец; себя покажи нам
В играх, в каких ты искусен, – но, верно, во всех ты искусен, –
Бодрому мужу ничто на земле не дает столь великой
Славы, как легкие ноги и крепкие мышцы, яви же
Силу свою нам, изгнав из души все печальные думы.
Путь для тебя уж теперь недалек; уж корабль быстроходный
С берега сдвинут, и наши готовы к отплытию люди».
Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
«Друг, не обидеть ли хочешь меня ты своим предложеньем?
Мне не до игр: на душе несказанное горе; довольно
Бед испытал и немало великих трудов перенес я;
Ныне ж, крушимый тоской по отчизне, сижу перед вами,
Вас и царя умоляя помочь мне в мой дом возвратиться».
Но Евриал Одиссею отвечивал с колкой насмешкой:
«Странник, я вижу, что ты не подобисься людям, искусным
В играх, одним лишь могучим атлетам приличных; конечно,
Ты из числа промышленных людей, обтекающих море
В многовесельных своих кораблях для торговли, о том лишь
Мысля, чтоб, сбыв свой товар и опять корабли нагрузивши,
Боле нажить барыша: но с атлетом ты вовсе несходен».
Мрачно взглянув исподлобья, сказал Одиссей благородный:
«Слово обидно твое; человек ты, я вижу, злоумный.
Боги не всякого всем наделяют: не каждый имеет
Вдруг и пленительный образ, и ум, и могущество слова;
Тот по наружному виду внимания мало достоин –
Прелестью речи зато одарен от богов; веселятся
Люди, смотря на него, говорящего с мужеством твердым
Или с приветливой кротостью; он украшение собраний;
Бога в нем видят, когда он проходит по улицам града.
Тот же, напротив, бессмертным подобен лица красотой,
Прелести ж бедное слово его никакой не имеет.
Так и твоя красота беспорочна, тебя и Зевес бы
Краше не создал; зато не имеешь ты здравого смысла.
Милое сердце в груди у меня возмутил ты своею
Дерзкою речью. Но я не безопытен, должен ты ведать,
В мужеских играх; из первых бывал я в то время, когда мне
Свежая младость и крепкие мышцы служили надежно.

Ныне ж мои от трудов и печалей истрачены силы;
Видел немало я браней и долго среди бедоносных
Странствовал вод, но готов я себя испытать и лишенный
Сил; оскорблен я твоим безрассудно-ругательным словом».
Так отвечав, поднялся он и, мантии с плеч не сложивши,
Камень схватил – он огромней, плотней и тяжеле всех дисков,
Брошенных прежде людьми феакийскими, был; и с размаха
Кинул его Одиссей, жиловатую руку напрягши;
Камень, жужжа, полетел; и под ним до земли головами
Веслолюбивые, смелые гости морей, феакийцы
Все наклонились; а он далеко через все перемчался
Диски, легко улетев из руки; и Афина под видом
Старца, отметивши знаком его, Одиссею сказала:
«Странник, твой знак и слепой различит без ошибки, ощупав
Просто рукою; лежит он отдельно от прочих, гораздо
Далее всех их. Ты в этом бою победил; ни один здесь
Камня ни дале, ни так же далеко, как ты, не способен
Бросить». От слов сих веселье проникло во грудь Одиссея.
Радуясь тем, что ему хоть один благосклонный в собрание
Был судия, с обновленной душой он сказал предстоявшим:
«Юноши, прежде добросьте до этого камня; за вами
Брошу другой я, и столь же далеко, быть может и дале.
Пусть все другие, кого побуждает отважное сердце,
Выйдут и сделают опыт; при всех оскорбленный, я ныне
Всех вас на бой рукопашный, на бег, на борьбу вызываю;
С каждым сразиться готов я – с одним не могу Лаодамом:
Гость я его – подыму ли на друга любящего руку?
Тот неразумен, тот пользы своей различать не способен,
Кто на чужой стороне с дружелюбным хозяином выйти
Вздумает в бой; несомненно, себе самому повредит он.
Но меж другими никто для меня не презрителен, с каждым
Рад я схватиться, чтоб силу мою, грудь на грудь, испытать с ним.
Знайτε, что я ни в каком не безопытен мужеском бое.
Гладким луком и самым тугим я владею свободно;
Первой стрелой поражу я на выбор противника в тесном
Сонме врагов, хоть кругом бы меня и товарищей много
Было и меткую каждый стрелу на врага бы нацелил.
Только одним Филоктетом бывал я всегда побеждаем
В Трое, когда мы, ахейцы, там, споря, из лука стреляли.
Но утверждаю, что в этом искусстве со мной ни единый.
Смертный, себя насыщающий хлебом, сравниться не может;
Я не дерзнул бы, однако, бороться с героями древних
Лет, ни с Гераклом, ни с Евритом, метким стрелком эхалийским;
Спорить они и с богами в искусстве своем не страшились;
Еврит великий погиб от того; не достиг он глубокой
Старости в доме семейном своем; раздражив Аполлона
Вызовом в бой святотатным, он из лука был им застрелен.
Дале копьем я достигнуть могу, чем другие стрелюю;
Может случиться однако, что кто из людей феакийских
В беге меня победит: окруженный волнами, я силы
Все истощил, на неверном плоту не вкушая столь долго
Пищи, покоя и сна; и мои все разрушены члены».
Так он сказал; все кругом неподвижно хранили молчанье.
Но Алкиной, возражая, отвечивал так Одиссею:
«Странник, ты словом своим не обидеть нас хочешь; ты только
Всем показать нам желаешь, какая еще сохранилась
Крепость в тебе; ты разгневан безумцем, тебя оскорбившим
Дерзкой насмешкой, – зато ни один, говорить здесь привыкший
С здравым рассудком, ни в чем не помыслит тебя опорочить.
Выслушай слово, однако, мое со вниманьем, чтоб после
Дома его повторить при друзьях благородных, когда ты,
Сидя с женой и детьми за веселой семейной трапезой,
Вспомнишь о доблестях наших и тех дарованьях, какие
Нам от отцов благодатью Зевеса достались в наследство.
Мы, я скажу, ни в кулачном бою, ни в борьбе не отличны;
Быстры ногами зато несказанно и первые в море;
Любим обеды роскошные, пение, музыку, пляску,
Свежесть одежд, сладострастные бани и мягкое ложе.

Но пригласите сюда плясунов феакийских; зову я
Самых искусных, чтоб гости наш, увидя их, мог, возвратясь
В дом свой, там всем рассказать, как других мы людей превосходим
В плаванье по морю, в беге проворном, и в пляске, и пенье.
Пусть принесут Демодоку его звонкогласную лиру;
Где-нибудь в наших пространных палатах ее он оставил».
Так Алкиной говорил, и глашатай, его исполняя
Волю, поспешно пошел во дворец за желаемой лирой.
Судьи, в народе избранные, девять числом, на средину
Поприща, строгие в играх порядка блюстители, вышли,
Место для пляски угладили, поприще сделали шире.
Тою порой из дворца возвратился глашатай и лиру
Подал певцу: пред собранье он выступил; справа и слева
Стали цветущие юноши, в легкой искусные пляске.
Топали в меру ногами под песню они; с наслажденьем
Легкость сверкающих ног замечал Одиссей и дивился.
Лирой гремя сладкозвучною, пел Демодок вдохновенный
Песнь о прекраснокудрявой киприде и боге Арее:
Как их свидание первое в доме владыки Гефеста
Было; как, много истратив богатых даров, опозорил
Ложе Гефеста Арей, как открыл наконец все Гефесту
Гелиос зоркий, любовное их подстерегши свиданье.
Только достигла обидная весть до Гефестова слуха,
Мщение в сердце замыслив, он в кузнице плаху поставил,
Крепко свою наковальню уладил на ней и проворно
Сети сковал из железных, крепчайших, ничем не разрывных
Проволок. Хитрый окончивши труд и готовя Арею
Стыд, он пошел в тот покой, где богатое ложе стояло.
Там он, сетями своими опутав подножье кровати,
Их на нее опустил с потолка паутиною тонкой;
Были не только невидимы оку людей, но и взорам
Вечных богов неприметны они: так искусно сковал их,
Мщение готовя, Гефест. Западню перед ложем устроив,
Он притворился, что путь свой направил в Лемнос, крепкозданный
Город, всех боле других городов на земле им любимый.
Зорко за ним наблюдая, Арей златоуздный тогда же
Сведal, что в путь свой Гефест, многославный художник, пустился.
Сильной любовью к прекрасновенчанной Киприде влекомый,
В дом многославного бога художника тайно вступил он.
Зевса отца посетив на высоком Олимпе, в то время
Дома одна, отдыхая, сидела богиня. Арей, подошедши,
За руку взял, и по имени назвал ее, и сказал ей:
«Милая, час благосклонен, пойдем на роскошное ложе;
Муж твой Гефест далеко; он на остров Лемнос удалился,
Верно к суровым синтийям, наречия грубого людям».
Так он сказал, и на ложе охотно легла с ним Киприда.
Мало-помалу и он и она усypились. Вдруг сети
Хитрой Гефеста работы, упав, их схватили с такою
Силой, что не было средства ни встать им, ни тронуться членом;
Скоро они убедились, что бегство для них невозможно;
Скоро и сам, не свершив половины пути, возвратился
В дом свой Гефест многоумный, на обе хромающий ноги:
Гелиос зоркий его обо всем известить не замедлил.
В дом свой вступивши с печалию милого сердца, поспешно
Двери Гефест отворил, и душа в нем наполнилась гневом;
Громко он начал вопить, чтоб его все услышали боги:
«Дий-вседержитель, блаженные, вечные боги, сберитесь
Тяжкообидное, смеха достойное дело увидеть:
Как надо мной, хромоногим, Зевесова дочь Афродита
Гнусно ругается, с грозным Ареем, губительным богом,
Здесь сочetaвшись. Конечно, красавец и тверд на ногах он;
Я ж от рождения хром – но моею ль виною? Виновны
В том лишь родители. Горе мне, горе! Зачем я родился?
Вот посмотрите, как оба, обнявшись нежно друг с другом,
Спят на постели моей. Несказанно мне горько то видеть.
Знаю однако, что так им в другой раз заснуть не удастся;
Сколь ни сильна в них любовь, но, конечно, охота к такому
Сну в них теперь уж прошла; не сниму с них дотолe я этой

Сети, пока не отдаст мне отец всех богатых подарков, Им от меня за невесту, бесстыдную дочь, полученных. Правда, прекрасна она, но ее переменчиво сердце». Так он сказал. Той порой собрались в медностенных палатах Боги; пришел Посейдон-земледержец; пришел дароносец Эрмий; пришел Аполлон, издалека разящий стрелами; Но, сохраняя пристойность, богини остались дома. В двери вступили податели благ, всемогущие боги: Подняли все они смех несказанный, увидя, какое Хитрое дело ревнивый Гефест совершить умудрился. Глядя друг на друга, так меж собою они рассуждали: «Злое не впрок; над проворством здесь медленность верх одержала; Как ни хромает Гефест, но поймал он Арея, который Самый быстрейший из вечных богов, на Олимпе живущих. Хитростью взял он; достойная мзда посрамителю брака». Так говорили, друг с другом беседуя, вечные боги. К Эрмию тут обратившись, сказал Аполлон, сын Зевеса: «Эрмий, Кронионов сын, благодатный богов вестносец, Искренне мне отвечай, согласился ль бы ты под такую Сетью лежать на постели одной с золотою Кипридой?» Зоркий убийца Аргуса отвечал так Аполлону: «Если б могло то случиться, о царь Аполлон-стреловержец, Сетью тройной бы себя я охотно опутать дозволил, Пусть на меня бы, собравшись, богини и боги смотрели, Только б лежать на постели одной с золотою кипридой!» Так отвечал он; бессмертные подняли смех несказанный. Но Посейдон не смеялся; чтоб выручить бога Арея, К славному дивным искусством Гефесту он, голос возвысив, С просьбой своей обратился и бросил крылатое слово: «Дай им свободу; ручаюсь тебе за Арея; как сам ты Требуешь, все дополна при бессмертных богах он заплатит». Бог хромоногий Гефест, отвечая, сказал Посейдону: «Нет, от меня, Посейдон-земледержец, того ты не требуй. Знаешь ты сам, что всегда неверна за неверных порука. Чем же тебя, всемогущий, могу я к уплате принудить, Если свободный Арей убежит и платить отречется?» Богу Гефесту отвечал так Посейдон-земледержец: «Если могучий Арей, чтоб не быть принужденным к уплате, Скроется тайно, то все за него заплатить обязуюсь». Хромоногий Гефест отвечал Посейдону-владыке: «Воли твоей, Посейдон, не дерзну и не властен отвергнуть». С сими словами разрушила цепи Гефестова сила. Бог и богиня – лишь только их были разрушены цепи – Быстро вскочив, улетели. Во фракию он удалился; Скрылася в Кипр золотая с улыбкой приветной Киприда; Был там алтарь ей в Пафосском лесу благовонном воздвигнут; Там, искупавши ее и натерши душистым, святое Тело одних лишь богов орошающим маслом, Хариты Плечи ее облачили одеждою прелести чудной. Так воспевал вдохновенный певец. Одиссей благородный В сердце, внимая ему, веселился; и с ним веселились Веселюбивые, смелые гости морей, феакийцы. Но Алкиной повелел Галионту вдвоем с Лаодамом Пляску начать: в ней не мог превосходством никто победить их. Мяч разноцветный, для них рукодельным Полибием сшитый, Взяв, Лаодам с молодым Галионтом на ровную площадь Вышли; закинувши голову, мяч к облакам темно-светлым Бросил один; а другой разбежался и, прынув высоко, Мяч на лету подхватил, до земли не коснувшись ногами. Легким бросаньем мяча в высоту отличась пред народом, Начали оба по гладкому лону земли плодоносной Быстро плясать; и затопали юноши в меру ногами, Стоя кругом, и от топота ног их вся площадь гремела. Долго смотрев, напоследок сказал Одиссей Алкиной: «Царь Алкиной, благороднейший муж из мужей феакийских, Ты похвалился, что пляскою с вами никто не сравнится; Правда твоя; то глазами я видел; безмерно дивлюся». Так он сказав, возбудил Алкиноеву силу святую.

Царь феакиянам веслолюбивым сказал: «Приглашаю
Выслушать слово мое вас, судей и владык феакийских;
Разум великий имеет, я вижу, наш гость иноземный;
Должно ему, как обычай велит, предложить нам подарки;
Областью нашу правят двенадцать владык знаменитых,
Праведно-строгих судей; я тринадцатый, главный. Пусть каждый
Чистое верхнее платье с хитоном и с полным талантом
Золота нашему гостю в подарок назначит обычный.
Все повелите сюда принести и своими руками
Страннику сдайте, чтоб весел он был за трапезою нашей.
Ты ж, Евриал, удовольствуй его, перед ним повинившись,
Дав и подарок: его оскорбил неприличным ты словом».
Так он сказал, изъявили свое одобренье другие;
Каждый глашатая в дом свой послал, чтоб подарки принес он.
Но Евриал, повинуюсь, отвечивал так Алкиною:
«Царь Алкиной, благороднейший муж из мужей феакийских,
Я удовольствую гостя, желанье твое исполняя.
Медный свой меч с рукоятью серебряной в новых
Чудной работы ножах из слоновья кости охотно
Дам я ему, и, конечно, он дар мой высоко оценит».
Так говоря, среброкованный меч свой он снял, и возвысил
Голос, и бросил крылатое слово Лаэртovu сыну:
«Радуйся, добрый отец иноземец! И если сказал я
Дерзкое слово, пусть ветер его унесет и развеет;
Ты же, хранимый богами, да скоро увидишь супругу,
В дом возвратясь по долгопечальной разлуке с семьею».
Кончил; ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
«Радуйся также и ты и, хранимый богами, будь счастлив.
В сердце ж своем никогда не раскайся, что мне драгоценный
Меч подарил свой, повинным меня удовольствовав словом».
Так отвечав, среброкованный меч на плечо он повесил.
Солнце зашло; все богатые собраны были подарки;
Их поспешили глашатаи в дом отнести Алкиноев;
Там сыновья Алкиноя-владыки, принявши подарки,
Отдали матери их, многоумной царице Арете.
Царь же повел знаменитого гостя со всеми другими
В дом свой, и сели, пришедши, они на возвышенных креслах.
Тут, обратясь к царице Арете, сказал благородный
Царь: «Принеси нам, жена, драгоценнейший самый из многих
Наших ковчегов, в него положивши и верхнее платье
С тонким хитоном. Поставьте котел на огонь, вскипятите
Воду, чтоб гость наш омылся и, все осмотревши подарки,
Им полученные здесь от людей феакийских, был весел,
С нами сидя за вечерней трапезой и пенью внимая.
Я же еще драгоценный кувшин золотой на прощанье
Дам, чтоб, меня вспоминая, он мог из него ежедневно
Дома творить возлиянье Зевсу и прочим бессмертным».
Так он сказал, и царица Арета велела рабыням
Яркий огонь разложить под огромным котлом троеножным.
Тотчас котел троеножный на ярком огне был поставлен.
Налили воду в котел и усилили хворостом пламя;
Чрево сосуда оно обхватило, вода закипела.
Тою порою Арета прекрасный ковчег из покоев
Внутренних вынесла гостю; в ковчег положила подарки,
Золото, ризы и все, что ему феакийские мужи
Дали; сама ж к ним прибавила верхнее платье с хитоном.
Кончив, она Одиссею крылатое бросила слово:
«Кровлей накрыв и тесьмою опутав ковчег, завяжи ты
Узел, чтоб кто на дороге чего не похитил, покуда
Будешь покоиться сном ты, пlying в корабле чернобоком».
То Одиссей богоравный, в бедах постоянный, услышав,
Кровлей накрыв и тесьмою опутал ковчег и искусный
Узел (как был научен хитроумной Цирцеею) сделал.
Тут пригласила его домовитая ключница в баню
Члены свои оживить омовеньем; и теплой купальне
Рад был испытанный муж Одиссей, той услады лишенный
С самых тех пор, как покинул жилище Калипсо, в котором
Нимфы ему, как бессмертному богу, служили. Когда же

Тело омыла ему и елеем натерла рабыня,
Легкий надевши хитон и богатой облекшись хламидой,
Вышел он свежий из бани и к пьющим гостям в пировую
Залу вступил. Навсикая-царевна, богиня красою,
Подле столба, потолок подпиравшего залы, стояла.
Взор изумленный подняв на прекрасного гостя, царевна
Голос возвысила свой и крылатое бросила слово:
«Радуйся, странник, но, в милую землю отцов возвратяся,
Помни меня; ты спасением встрече со мною обязан».
Юной царевне ответствовал так Одиссей многоумный:
«О Навсикая, прекрасноцветущая дочь Алкиноя,
Если мне Геры супруг, громоносный Кронион, дозволит
В доме отеческом сладостный день возвращенья увидеть,
Буду там помнить тебя и тебе ежедневно, как богу,
Сердцем молиться: спасением встрече с тобой я обязан».
Так отвечав ей, на креслах он сел близ царя Алкиноя.
Было уж роздано мясо; уж чаши вином наполнялись.
Тою порой возвратился глашатай с певцом Демодокком,
Чтимым в народе. Певец посреди светлозданной палаты
Сел пред гостями, спиной прислонившись к колонне высокой.
Полную жира хребтовую часть острозубого вепря
Взявши с тарелки своей (для себя же оставя там боле),
Царь Одиссей многославный сказал, обратясь к Понтоною:
«Эту почетную часть изготовленной вкусно веприны
Дай Демодокку; его и печальный я чту несказанно,
Всем на обильной земле обитающим людям любезны,
Всеми высоко честимы певцы; их сама научила
Пению Муза; ей мило певцов благородное племя».
Так он сказал, и проворно отнес от него Демодокку
Мясо глашатай; певец благодарно даяние принял.
Подняли руки они к приготовленной пище; когда же
Был удовлетворен голод их сладким питьем и едою,
Так, обратясь к Демодокку, сказал Одиссей хитроумный:
«Выше всех смертных людей я тебя, Демодок, поставляю;
Музою, дочерью Дия, иль Фебом самим наученный,
Все ты поешь по порядку, что было с ахейцами в Трое,
Что совершили они и какие беды претерпели;
Можно подумать, что сам был участник всему иль от верных
Все очевидцев узнал ты. Теперь о коне деревянном,
Чудном Эпеоса с помощью девы Паллады создание,
Спой нам, как в город он был хитроумным введен Одиссеем,
Полный вождей, напоследок святой Илион сокрушивших.
Если об этом по истине все нам, как было, споешь ты,
Буду тогда перед всеми людьми повторять повсеместно
Я, что божественным пением боги тебя одарили».
Так он сказал, и запел Демодок, преисполненный бога:
Начал с того он, как все на своих кораблях крепкозданных
В море отплыли данаи, предавши на жертву пожару
Брошенный стан свой, как первые мужи из них с Одиссеем
Были оставлены в Трое, замкнутые в конской утробе,
Как напоследок коню Илион отворили трояне.
В граде стоял он; кругом, нерешимые в мыслях, сидели
Люди троянские, было меж ними троякое мненье:
Или губительной медью громаду пронзить и разрушить,
Или, ее докативши до замка, с утеса низвергнуть,
Или оставить среди Илиона мирительной жертвой
Вечным богам: на последнее все согласились, понеже
Было судьбой решено, что падет Илион, отворивши
Стены коню, где ахейцы избранные будут скрываться,
Черную участь и смерть приготовив троянам враждебным.
После воспел он, как мужи ахейские в град ворвались,
Чрево коня отворив и из темного выбежав sklepa;
Как, разъяренные, каждый по-своему град разоряли,
Как Одиссей к Деифобову дому, подобный Арею,
Бросился вместе с божественно-грозыным в бою Менелаем.
Там истребительный бой (продолжал песнопевец) возжегши,
Он наконец победил, подкрепленный великой Палладой.
Так об ахейцах пел Демодок; несказанно растроган

Был Одиссеей, и ресницы его орошались слезами.
Так сокрушенная плачет вдовица над телом супруга,
Павшего в битве упорной у всех впереди перед градом,
Силясь от дня рокового спасти сограждан и семейство.
Видя, как он содрогается в смертной борьбе, и прижавшись
Грудью к нему, злополучная стонет; враги же, нещадно
Древками копий ее по плечам и хребту поражая,
Бедную в плен увлекают на рабство и долгое горе;
Там от печали и плача ланиты ее увядают.
Так от печали текли из очей Одиссеевых слезы.
Всеми другими они не замечены были; но мудрый
Царь Алкиной их заметил и понял причину их, сидя
Близ Одиссея и слыша скорбящего тяжкие вздохи.
Он феакиянам веселюбивым сказал: «Приглашаю
Выслушать слово мое вас, судей и владык феакийских.
Пусть Демодок звонкострунную лиру заставит умолкнуть;
Здесь он не всех веселит нас ее сладкогласием дивным:
С тех пор, как пенье божественный начал певец на вечернем
Нашем пиру, непрестанно глубоко и тяжело вздыхает
Странник; конечно, прискорбие сердцем его овладело.
Должен умолкнуть певец, чтоб могли здесь равно веселиться
Гость наш и все мы; конечно, для нас то приятнее будет.
Здесь же давно к отправлению в путь иноземца готово
Все; и подарки уж собраны, данные дружбою нашей.
Странник молящий не менее брата родного любезен
Всякому, кто одарен от богов не безжалостным сердцем.
Ты же теперь, ничего не скрывая, ответствуй на то мне,
Гость наш, о чем я тебя вопрошу: откровенность похвальна.
Имя скажи мне, каким и отец твой, и мать, и другие
В граде твоём и отечестве милом тебя величают.
Между живущих людей безыменным никто не бывает
Вовсе; в минуту рождения каждый, и низкий и знатный,
Имя свое от родителей в сладостный дар получает;
Землю, и град, и народ свой потом назови, чтоб согласно
С волей твоей и корабль наш свое направление выбрал;
Кормщик не правит в морях кораблем феакийским; руля мы,
Нужного каждому судну, на наших судах не имеем;
Сами они понимают своих корабельщиков мысли;
Сами находят они и жилища людей и поля их
Тучнообильные; быстро они все моря обтекают,
Мглою и туманом одетые; нет никогда им боязни
Вред на волнах претерпеть иль от бури в пучине погибнуть.
Вот что, однако, в ребячестве я от отца Навсифоя
Слышал: не раз говорил он, что бог Посейдон недоволен
Нами за то, что развозим мы всех по морям безопасно.
Некогда, он утверждал, феакийский корабль, проводивший
Странника в землю его, возвращаясь морем туманным,
Будет разбит Посейдоном, который высокой горою
Град наш задвинет. Исполнит ли то Посейдон-земледержец
Иль не исполнит – пусть будет по воле великого бога!
Ты же скажи откровенно, чтоб мог я всю истину ведать,
Где по морям ты скитался? Каких человеков ты земли
Видел? Светлонаселенные их города опиши нам:
Были ль меж ними свирепые, дикие, чуждые правды?
Были ль благие для странника, чтящие волю бессмертных?
Также скажи, отчего ты так плачешь? Зачем так печально
Слушаешь повесть о битвах данаев, о Трое погибшей?
Им для того ниспослали и смерть и погибельный жребий
Боги, чтоб славною песнею были они для потомков.
Ты же, конечно, утратил родного у стен илионских,
Милого зятя иль тестя, которые нашему сердцу
Самые близкие после возлюбленных сродников кронных?
Или товарища нежноприветного, кроткого сердцем,
Там потерял ты? Не менее брата родного любезен
Нам наш товарищ, испытанный друг и разумный советник».

Песнь девятая

Вечер тридцать третьего дня

Одиссеей начинает рассказывать свои приключения. Отплытие от берегов троянских.

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya
Разрушение Исмара, города киконян, и гибель многих спутников Одиссея. Буря.
Посещение лотофагов. Прибытие в область циклопов. Одиссей, оставя у Козьего
острова свои корабли, с одним собственным кораблем пристает к недалекому берегу
циклопов. Выбрав двенадцать из своих корабельных товарищей, он входит с ними в
пещеру Полифема. Гибель шести из спутников Одиссеевых, сожранных циклопом.
Опьянив его, Одиссей пронзает ему глаз и потом хитростью спасает себя и
товарищей от его бешенства. Они похищают циклопово стадо и возвращаются на Козий
остров. Полифем призывает отца Посейдона и молит, чтобы он отмстил за него
Одиссею.

Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей богоравный:
«Царь Алкиной, благороднейший муж из мужей феакийских,
Сладко вниманье свое нам склонять к песнопевцу, который,
Слух наш пленяя, богам вдохновеньем высоким подобен.
Я же скажу, что великая нашему сердцу утеха
Видеть, как целой страной обладает веселье; как всюду
Сладко пируют в домах, песнопевцам внимая; как гости
Рядом по чину сидят за столами, и хлебом и мясом
Пышно покрытыми; как из кратер животворный напиток
Льет виночерпий и в кубках его опененных разносит.
Думаю я, что для сердца ничто быть утешней не может.
Но от меня о плачевных страданьях моих ты желаешь
Слышать, чтоб сердце мое преисполнилось плачем сильнейшим:
Что же я прежде, что после и что наконец расскажу вам?
Много Ураниды боги мне бедствий различных послали.
Прежде, однако, вам имя свое назову, чтоб могли вы
Знать обо мне, чтоб, покуда еще мной не встречен последний
День, и в далекой стране я считался вам гостем любезным.
Я Одиссей, сын Лаэртов, везде изобретеньем многих
Хитростей славных и громкой молвой до небес вознесенный.
В солнечносветлой Итаке живу я; там Нерион, всюду
Видимый с моря, подымлет вершину лесистую; много
Там и других островов, недалеких один от другого:
Зам, и Дулихий, и лесом богатый Закинф; и на самом
Западе плоско лежит окруженная морем Итака
(Прочие ж ближе к пределу, где Эос и Гелиос всходят);
Лоно ее каменисто, но юношей бодрых питает;
Я же не ведаю края прекраснее милой Итаки.
Тщетно Калипсо, богиня богинь, в заключении долгом
Силой держала меня, убеждая, чтоб был ей супругом;
Тщетно меня чародейка, владычица Эи, Цирцея
В доме держала своем, убеждая, чтоб был ей супругом, –
Хитрая лесть их в груди у меня не опутала сердца;
Сладостней нет ничего нам отчизны и сродников наших,
Даже когда б и роскошно в богатой обители жили
Мы на чужой стороне, далеко от родителей милых.
Если, однако, велишь, то о странствии трудном, какое
Зевс учредил мне, от Трои плывущему, все расскажу я.
Ветер от стен Илиона привел нас ко граду киконян,
Исмару: град мы разрушили, жителей всех истребили.
Жен сохранивши и всяких сокровищ награбивши много,
Стали добычу делить мы, чтоб каждый мог взять свой участок.
Я ж настоял, чтоб немедля стопою поспешною в бегство
Все обратились: но добрый совет мой отвергли безумцы;
Полные хмеля, они пировали на бреге песчаном,
Мелкого много скота и быков криворогих зарезав.
Тою порою киконян, из града бежавшие, многих
Собрали живших соседственно с ними в стране той киконян,
Сильных числом, приобыхших сражаться с коней и не мене
Смелых, когда им и пешим в сраженьи вступать надлежало.
Вдруг их явилось так много, как листьев древесных иль ранних
Вешних цветов; и тогда же нам сделалось явно, что злую
Участь и бедствия многие нам приготовил Кронион.
Сдвинувшись, начали бой мы вблизи кораблей быстроходных,
Острые копья, обитые медью, бросая друг в друга. Покуда
Длилось утро, пока продолжал подыматься священный
День, мы держались и их отбивали, сильнейших; когда же
Гелиос к позднему часу волов отпряженья склонился,

В бег обратили киконы осиленных ими ахеян.
С каждого я корабля по шести броненосцев отважных
Тут потерял; от судьбы и от смерти ушли остальные.
Далее поплыли мы в сокрушение великом о милых
Мертвых, но радуясь в сердце, что сами спаслись от смерти.
Я ж не отвел кораблей легкоходных от брега, покуда
Три раза не был по имени назван из наших несчастных
Спутников каждый, погибший в бою и оставленный в поле.
Вдруг собирающий тучи Зевес буреносца Борея,
Страшно ревущего, выслал на нас; облака обложили
Море и землю, и темная с грозного неба сошла ночь.
Мчались суда, погружаясь в волны носами; ветрила
Трижды, четырежды были разорваны силою бури.
Мы, избегая беды, в корабли их, свернув, уложили;
Сами же начали веслами к ближнему берегу править;
Там провели мы в бездействии скучном два дня и две ночи,
В силах своих изнуренные, с тяжелой печалию сердца.
Третий нам день привела светлозарнокудрявая Эос;
Мачты устроив и снова подняв паруса, на суда мы
Сели; они понеслись, повинувшись кормилу и ветру.
Мы невредимо бы в милую землю отцов возвратились,
Если б волнение моря и сила Борея не сбили
Нас, обходящих Малею, с пути, отдалив от Киферы.
Девять носила нас дней раздраженная буря по темным
Рыбообильным водам; на десятый к земле лотофагов,
Пищей цветочной себя насыщающих, ветер примчал нас.
Вышед на твердую землю и свежей водою запасшись,
Наскоро легкий обед мы у быстрых судов учредили.
Свой удовольствовав голод питьем и едою, избрал я
Двух расторопнейших самых товарищей наших (был третий
С ними глашатай) и сведать послал их, к каким мы достигли
Людам, вкушающим хлеб на земле, изобильной дарами.
Мирных они лотофагов нашли там; и посланным нашим
Зла лотофаги не сделали; их с дружелюбною лаской
Встретив, им лотоса дали отведать они; но лишь только
Сладко-медвяного лотоса каждый отведал, мгновенно
Все позабыл и, утратив желанье назад возвратиться,
Вдруг захотел в стороне лотофагов остаться, чтоб вкусный
Лотос собирать, навсегда от своей отказавшись отчизны.
Силой их, плачущих, к нашим судам притащив, повелел я
Крепко их там привязать к корабельным скамьям; остальным же
Верным товарищам дал приказанье, нимало не медля,
Всем на проворные сесть корабли, чтоб из них некоторый,
Лотосом сладким прельстясь, от возврата домой не отрекся.
Все на суда собралися и, севши на лавках у весел,
Разом могучими веслами вспенили темные воды.
Далее поплыли мы, сокрушенные сердцем, и в землю
Прибыли сильных, свирепых, не знающих правды циклопов.
Там беззаботно они, под защитой бессмертных имея
Все, ни руками не сеют, ни плугом не пашут; земля там
Тучная щедро сама без паханья и сева дает им
Рожь, и пшено, и ячмень, и роскошных кистей винограда
Полные лозы, и сам их Кронион дождем оплодждает.
Нет между ними ни сходбищ народных, ни общих советов;
В темных пещерах они иль на горных вершинах высоких
Вольно живут; над женой и детьми безотчетно там каждый
Властвует, зная себя одного, о других не заботясь.
Есть островок там пустынный и дикий; лежит он на темном
Лоне морском, ни далеко, ни близко от брега циклопов,
Лесом покрытый; в великом там множестве дикие козы
Водятся; их никогда не тревожил шагов человека
Шум; никогда не заглядывал к ним звероловец, за дичью
С тяжким трудом по горам крутобоким с псами бродящий;
Там не пасутся стада и земли не касаются плуги;
Там ни в какие дни года не сеют, не пашут; людей там
Нет; без боязни там ходят одни тонконогие козы,
Ибо циклопы еще кораблей красногрудых не знают;
Нет между ними искусников, опытных в хитром строенье

Крепких судов, из которых бы каждый, моря обтекая,
Разных народов страны посещал, как бывает, что ходят
По морю люди, с другими людьми дружелюбно знакомясь.
Дикий тот остров могли обратить бы в цветущий циклопы;
Он не бесплоден; там все бы роскошно рождалось к сроку;
Сходят широкой отлогостью к морю луга там густые,
Влажные, мягкие; много б везде разрослось винограда;
Плугу легко покоряся, поля бы покрылись высокой
Рожью, и жатва была бы на тучной земле изобильна.
Есть там надежная пристань, в которой не нужно ни тяжкий
Якорь бросать, ни канатом привязывать шаткое судно;
Может оно простоять безопасно там, сколько захочет
Плаватель сам иль пока не подымет ветер попутный.
В самой вершине залива прозрачно ввергается в море
Ключ, из пещеры бегущий под сению тополей черных.
В эту мы пристань вошли с кораблями; в ночной темноте нам
Путь указал благодетельный демон: был остров невидим;
Влажный туман окружал корабли; не светила Селена
С неба высокого; тучи его покрывали густые;
Острова было нельзя различить нам глазами во мраке;
Видеть и длинных, широко на берег отлогий бегущих
Волн не могли мы, пока корабли не коснулись брега.
Но лишь коснулись брега они, паруса мы свернули;
Сами же, вышед на брег, поражаемый шумно волнами,
Сну предались в ожиданье восхода на небо денницы.
Вышла из мрака младая с перстами пурпурными Эос;
Весь обошли с удивленьем великим мы остров пустынный;
Нимфы же, дочери Зевса-эгидодержавца, пригнали
Коз с обвеваемых ветрами гор, для богатой нам пищи;
Гибкие луки, охотничьи легкие копья немедля
Взяли с своих кораблей мы и, на три толпы разделяясь,
Начали битву; и бог благосклонный великой добычей
Нас наградил: все двенадцать моих кораблей запасли мы,
Девять на каждый досталось по жеребью коз; для себя же
Выбрал я десять. И целый мы день до вечернего мрака
Ели прекрасное мясо и сладким вином утешались,
Ибо еще на моих кораблях золотого довольно
Было вина: мы наполнили много скудельных сосудов
Сладким напитком, разрушивши город священный киконов.
С острова ж в области близкой циклопов нам ясно был виден
Дым; голоса их, блеянье их коз и баранов могли мы
Слышать. Тем временем солнце померкло, и тьма наступила.
Все мы заснули под говором волн, ударяющих в берег.
Вышла из мрака младая с перстами пурпурными Эос;
Верных товарищей я на совет пригласил и сказал им:
«Все вы, товарищи верные, здесь без меня оставайтесь;
Я же, с моим кораблем и моими людьми удалясь,
Сведать о том попытаюсь, какой там народ обитает.
Дикий ли, нравом свирепый, не знающий правды,
Или приветливый, богобоязненный, гостеприимный?»
Так я сказал и, вступив на корабль, повелел, чтоб за мною
Люди мои на него все взошли и канат отвязали;
Люди взошли на корабль и, севши на лавках у весел,
Разом могучими веслами вспенили темные воды.
К берегу близкому скоро пристав с кораблем, мы открыли
В крайнем, у самого моря стоявшем утесе пещеру,
Густо одетую лавром, пространную, где собирался
Мелкий во множестве скот; там высокой стеной из огромных,
Грубо набросанных камней был двор обведен, и стояли
Частым забором вокруг черноглавые дубы и сосны.
Муж великанского роста в пещере той жил; одиноко
Пас он баранов и коз и ни с кем из других не водился;
Был нелюдим он, свиреп, никакого не ведал закона;
Видом и ростом чудовищным в страх приводя, он несходен
Был с человеком, вкушающим хлеб, и казался лесистой,
Дикой вершиной горы, над другими воздвигшейся грозно.
Спутникам верным моим повелел я остаться на бреге
Близ корабля и его сторожить неусыпно; с собой же

Взявши двенадцать надежных и самых отважных, пошел я с ними; и мы запаслися вина драгоценного полным Мехом: Марон, Аполлона великого жрец, Еванфеев Сын, обитавший в разрушенном Исмаре, им наделил нас в дар благодарный за то, что его мы с женою и с сыном – Сан уважая жреца – пощадили во граде, где жил он в роще густой Аполлона; меня ж одарил он особо: Золота лучшей доброты он дал мне семь полных талантов; Дал сребролитную дивной работы кратеру и налил Целых двенадцать больших мне скуделей вином, драгоценным, Крепким, божественно-сладким напитком; о нем же не ведал в доме никто из рабов и рабынь и никто из домашних, Кроме хозяина, умной хозяйки и ключницы верной. Если когда тем пурпурно-медвяным вином насладиться в ком пробуждалось желанье, то, в чашу его нацедивши, в двадцать раз боле воды подбавляли, и запах из чаши был несказанный: не мог тут никто от питья воздержаться. Взял я с собой тем напитком наполненный мех и съестного Полный кошель: говорило мне вешее сердце, что встречу Страшного мужа чудовищной силы, свирепого нравом, Чуждого добрым обычаям, чуждого вере и правде. Шагом поспешным к пещере приблизились мы, но его в ней не было; коз и баранов он пас на лугу недалеком. Начали всё мы в пещере пространной осматривать; много было сыров в тростниковых корзинах; в отдельных закутах Заперты были козлята, барашки, по возрастам разным в порядке Там размещенные: старшие с старшими, средние подле Средних и с младшими младшие; ведра и чаши Были до самых краев налиты простоквашей густою. Спутники стали меня убеждать, чтоб, запасшись сырами, Боле я в страшной пещере не медлил, чтоб все мы скорее, Взявши в закутах отборных козлят и барашков, с добычей Нашей на быстрый корабль убежали и в море пустились. Я на беду отказался полезный совет их исполнить; Видеть его мне хотелось в надежде, что, нас угостивши, Даст нам подарок: но встретиться с ним не на радость нам было. Яркий огонь разложив, совершили мы жертву; добывши Сыру потом и насытив свой голод, остались в пещере Ждать, чтоб со стадом в нее возвратился хозяин. И скоро С ношею дров, для варенья вечерняя пищи, явился Он и со стуком на землю дрова перед входом пещеры Бросил; объятые страхом, мы спрятались в угол; пригнавши Стадо откормленных коз и волнистых баранов к пещере, Маток в нее он впустил, а самцов, и козлов и баранов, Прежде от них отделив, на дворе перед входом оставил. Кончив, чтоб вход заградить, несказанно великий с земли он Камень, который и двадцать два воза четырехколесных С места б не сдвинули, поднял: подобен скале необъятной Был он; его подхвативши и вход им пещеры задвинув, Сел он и маток доить принялся надлежащим порядком, Коз и овец; подоив же, под каждую матку ее он Клал сосуна. Половину отлив молока в плетенницы, В них он оставил его, чтоб оно огустело для сыра; Все ж молоко остальное разлил по сосудам, чтоб после Пить по утрам иль за ужином, с пажити стадо пригнавши. Кончив с заботливым спехом работу свою, наконец он Яркий огонь разложил, нас увидел и грубо сказал нам: «Странники, кто вы? Откуда пришли водяною дорогой? Дело ль какое у вас? Иль без дела скитаетесь всюду, Взад и вперед по морям, как добычники вольные, мчась, Жизнью играя своей и беды приключая народам?» Так он сказал нам; у каждого замерло милое сердце: Голос гремевший и образ чудовища в трепет привел нас. Но, ободрясь, напоследок отвечив так я циклопу: «Все мы ахейцы; плывем от далекия Трои; сюда же Бурею нас принесло по волнам беспредельного моря. В милую землю отцов возвращаясь, с прямого пути мы Сбились; так было, конечно, угодно могучему Зевсу.

Служим мы в войске Атрида, царя Агамемнона; он же всех земнородных людей превзошел несказанною славой, Город великий разрушив и много врагов истребивши. Ныне к коленам припавши твоим, мы тебя умоляем нас, бесприютных, к себе дружелюбно принять и подарок дать нам, каким завсегда на прощанье гостей наделяют. Ты же убойся богов; мы пришельцы, мы ищем покрова; Мстит за пришельцев отверженных строго небесный Кронион, Бог-гостелюбец, священного странника вождь и заступник». Так я сказал; с неописанной злостью циклоп отвечал мне: «Видно, что ты издалека, иль вовсе безумен, пришелец, Если мог вздумать, что я побоюсь иль уважу бессмертных. Нам, циклопам, нет нужды ни в боге Зевесе, ни в прочих Ваших блаженных богах; мы породой их всех знаменитей; Страх Громовержца Зевеса разгневать меня не принудит Вас пощадить; поступлю я, как мне самому то угодно. Ты же теперь мне скажи, где корабль, на котором пришли вы к нам? Далеко ли иль близко отсюда стоит он? То ведать Должен я». Так, искушая, он хитро спросил. Остерегшись, Хитрыми сам я словами ответствовал злому циклопу: «Бог Посейдон, колебатель земли, мой корабль уничтожил, Бросив его недалеко от здешнего берега на камни Мыса крутого, и бурное море обломки умчало. Мне ж и со мною немногим от смерти спастись удалось». Так я сказал, и, ответа не дав никакого, он быстро Прянул, как бешеный зверь, и, огромные вытянув руки, Разом меж нами двоих, как щенят, подхватил и ударил Оземь; их череп разбился; обрызгало мозгом пещеру. Он же, обоих рассекши на части, из них свой ужасный Ужин состряпал и жадно, как лев, разъяряемый гладом, Съел их, ни кости, ни мяса куска, ни утроб не оставив. Мы, святотатного дела свидетели, руки со стоном К Дию отцу подымали; наш ум помутился от скорби. Чрево наполнив свое человеческим мясом и свежим Страшную пищу запив молоком, людоед беззаботно Между козлов и баранов на голой земле растянулся. Тут подошел я к нему с дерзновенным намереньем сердца, Острый свой меч обнаживши, чудовищу мстящею медью Тело в том месте пронзить, где под грудью находится печень. Меч мой уж был занесен; но иное на мысли пришло мне: С ним неизбежно и нас бы постигнула верная гибель: Все совокупно мы были б не в силах от входа пещеры Слабою нашей рукою тяжелой скалы отодвинуть. С трепетом сердца мы ждали явления божественной Эос; Вышла из мрака младая с перстами пурпурными Эос. Встал он, огонь разложил и доить принялся по порядку Коз и овец; подоив же, под каждую матку ее он Клал сосуна; окончавши с заботливым спехом работу, Снова из нас он похитил двоих на ужасную пищу. Съев их, он выгнал шумящее стадо из темной пещеры. Мощной рукой оттолкнувши утес приворотный, им двери Снова он запер, как легкою кровлей колчан запирают. С свистом погнал он на горное пастбище тучное стадо. Я ж, в заключение оставленный, начал выдумывать средство, Как бы врагу отомстить, и молил о защите Палладу. Вот что, размыслив, нашел наконец я удобным и верным: В козьей закуте стояла дубина циклопова, свежий Ствол им обрубленной маслины дикой; его он, очистив, Сохнуть поставил в закуту, чтоб после гулять с ним; подобен Нам показался он мачте, какая на многовесельном, С грузом товаров моря обтекающем судне бывает; Был он, конечно, как мачта длиной, толщиной и весом. Взявши тот ствол и мечом от него отрубивши три локтя, Выгладить чисто отрубком велел я товарищам; скоро Выглажен был он; своею рукою его заострил я; После, обжегши на угольях острый конец, мы поспешно Кол, приготовленный к делу, зарыли в навозе, который Кучей огромной набросан был в смрадной пещере циклопа.

Кончив, своих пригласил я спутников жеребий кинуть,
кто между ними колом обожженным поможет пронзить мне
Глаз людоеду, как скоро глубокому сну он предастся.
жеребий дал четырех мне, и самых надежных, которых
Сам бы я выбрал, и к ним я пристал не по жеребью пятый.
Вечером, жирное стадо гоня, людоед возвратился;
Но, отворивши пещеру, в нее он уж полное стадо
Ввел, не оставив на внешнем дворе ни козла, ни барана
(Было ли в нем подозренье, иль демон его надоумил).
Снова пещеру задвинув скалой необъятно тяжелой,
Сел он и маток доить принялся надлежащим порядком,
Коз и овец; подоив же, под каждую матку ее он
Клал сосуна. И, окончив работу, рукой беспощадной
Снова двоих он из нас подхватил и по-прежнему съел их.
Тут подошел я отважно и речь обратил к людоеду,
Полную чашу вина золотого ему предлагая:
«Выпей, циклоп, золотого вина, человечьим насытись
Мясом; узнаешь, какой драгоценный напиток на нашем
Был корабле; для тебя я его сохранил, уповая
Милость в тебе обрести: но свирепствуешь ты нестерпимо.
Кто же вперед, беспощадный, тебя посетит из живущих
Многих людей, о твоих незаконных поступках услышав?»
Так говорил я; взяв чашу, ее осушил он, и вкусным
Крепкий напиток ему показался; другой попросил он
Чаши. «Налей мне, – сказал он, – еще и свое назови мне
Имя, чтоб мог приготовить тебе я приличный подарок.
Есть и у нас, у циклопов, роскошных кистей винограда
Полные лозы, и сам их Кронион дождем оплодждает;
Твой же напиток – амвросия чистая с нектаром сладким».
Так он сказал, и другую я чашу вином искрометным
Налил. Еще попросил он, и третью безумцу я подал.
Стало шуметь огневое вино в голове людоеда.
Я обратился к нему с обольстительно-сладкою речью:
«Славное имя мое ты, циклоп, любопытствуешь сведать,
С тем чтоб, меня угостив, и обычный мне сделать подарок?
Я называюсь Никто; мне такое название дали
Мать и отец, и товарищи так все меня величают».
С злобной насмешкою мне отвечал людоед зверонравный:
«Знай же, Никто, мой любезный, что будешь ты самый последний
Съеден, когда я разделаюсь с прочими; вот мой подарок».
Тут повалился он навзничь, совсем опьянелый; и набок
Свисла могучая шея, и всепобеждающей силой
Сон овладел им; вино и куски человеческого мяса
Выбросил он из разинутой пасти, не в меру напившись.
Кол свой достав, мы его острием на огонь положили;
Тотчас зардел он; тогда я, товарищей выбранных кликнув,
Их ободрил, чтоб со мною решительны были в опасном
Деле. Уже начинал положенный на уголья кол наш
Пламя давать, разгоревшись, хотя и сырой был; поспешно
Вынул его из огня я; товарищи смело с обоих
Стали боков – божество в них, конечно, вложило отважность;
Кол обхватили они и его острием раскаленным
Втиснули спящему в глаз; и, с конца приподнявши, его я
Начал вертеть, как вертит буравом корабельный строитель,
Толстую доску пронзая; другие ж ему помогают, ремнями
Острый бурав обращая, и, в доску вгрызаясь, визжит он.
Так мы, его с двух боков обхвативши руками, проворно
Кол свой вертели в пронзенном глазу: облился он горячей
Кровью; истлели ресницы, шершавые вспыхнули брови;
Яблоко лопнуло; выбрызгнул глаз, на огне зашипевши.
Так расторопный ковач, изготовив топор иль секиру,
В воду металл (на огне раскаливши его, чтоб двойную
Крепость имел) погружает, и звонко шипит он в холодной
Влаге: так глаз зашипел, острием раскаленным пронзенный.
Дико завыл людоед – застонала от воя пещера.
В страхе мы кинулись прочь; с несказанной свирепостью вырвав
Кол из пронзенного глаза, облитый кипучею кровью,
Сильной рукой от себя он его отшвырнул; в исступленье

Начал он криком циклопов сзывать, обитавших в глубоких
Гротах окрест и на горных, лобзаемых ветром, вершинах.
Громкие вопли услышав, отвсюду сбежались циклопы;
Вход обступили пещеры они и спросили: «Зачем ты
Созвал нас всех, Полифем? Что случилось? На что ты
Сладкий наш сон и спокойствие ночи божественной прервал?
Коз ли твоих и баранов кто дерзко похитил? Иль сам ты
Гибнешь? Но кто же тебя здесь обманом иль силою губит?»
Им отвечал он из темной пещеры отчаянно диким
Ревом: «Никто! Но своей я оплошностью гибну; Никто бы
Силой не мог повредить мне». В сердцах закричали циклопы:
«Если никто, для чего же один так ревешь ты? Но если
Болен, то воля на это Зевеса, ее не избежнешь.
В помощь отца своего призови, Посейдона-владыку».
Так говорили они, удаляясь. Во мне же смеялось
Сердце, что вымыслом имени всех мне спасти удалось.
Охая тяжело, с кряхтеньем и стоном ошарив руками
Стены, циклоп отодвинул от входа скалу, перед нею
Сел и огромные вытянул руки, надеясь, что в стаде,
Мимо его проходящем, нас всех переловит; конечно,
Думал свирепый глупец, что и я был, как он, без рассудка.
Я ж осторожным умом вымышлял и обдумывал средство,
Как бы себя и товарищей бодрых избавить от верной
Гибели; многие хитрости, разные способы тщетно
Мыслям моим представлялись, а бедствие было уж близко.
Вот что, по думанье долгим, удобнейшим мне показалось:
Были бараны большие, покрытые длинною шерстью,
Жирные, мощные в стаде; руно их, как шелк, волновалось.
Я потихоньку сплетенными крепкими лыками, вырвав
Их из рогожи, служившей постелею злему циклопу,
По три барана связал; человек был подвязан под каждым
Средним, другими двумя по бокам защищенный; на каждом
Трех был один из товарищей наших; а сам я?.. Дебелый,
Рослый, с роскошною шерстью был в стаде баран; обхвативши
Мягкую спину его, я повис на руках под шершавым
Брюхом; а руки (в руно несказанно-густое впусив их)
Длинною шерстью обвил и на ней терпеливо держался.
С трепетом сердца мы ждали явления божественной Эос.
Встала из мрака младая с перстами пурпурными Эос:
К выходу все побежали самцы, и козлы и бараны;
Матки ж, еще недоенные, жалко блеяли в закутах,
Брызжа из длинных сосцов молоком; господин их, от боли
Охая, щупал руками у всех, пробегающих мимо,
Пышные спины; но, глупый, он был угадать не способен,
Что у иных под волнистой скрывалось грудью; последний
Шел мой баран; и медлительным шагом он шел, отягченный
Длинною шерстью и мной, размышлявшим в то время о многом.
Спину ощупав его, с ним циклоп разговаривать начал:
«Ты ль, мой прекрасный любимец? Зачем же пещеру последний
Ныне покинул? Ты прежде ленив и медлителен не был.
Первый всегда, величаво ступая, на луг выходил ты
Сладкоцветущей травкою питаться; ты в полдень к потоку
Первый бежал; и у всех впереди возвращался в пещеру
Вечером. Ныне ж идешь ты последний; знать, чувствуешь сам ты,
Бедный, что око мое за тобой уж не смотрит; лишен я
Светлого зренья гнусным бродягою; здесь он вином мне
Ум отуманил; его называют Никто; но еще он
Власти моей не избегнул! Когда бы, мой друг, говорить ты
Мог, ты сказал бы, где спрятался враг ненавистный; я череп
Вмиг раздробил бы ему и разбрызгал бы мозг по пещере,
Оземь ударив его и на части раздернув; отмстил бы
Я за обиду, какую Никто, злоковарный разбойник,
Здесь мне нанес». Так сказав, он барана пустил на свободу.
Я ж, недалеко от входа пещеры и внешней ограды
Первый став на ноги, путников всех отвязал, и немедля
С ними все стадо козлов тонконогих и жирных баранов
Собрал; обходами многими их мы погнали на взморье
К нашему судну. И сладко товарищам было нас встретить,

Гибели верной избегших; хотели о милых погибших
Плакать они; но, мигнув им глазами, чтоб плач удержали,
Стадо козлов и баранов взвести на корабль наш немедля
Я повелел: отойти мне от берега в море хотелось.
Люди мои собралися и, севши на лавках у весел,
Разом могучими веслами вспенили темные воды;
Но, на такое отплыв расстоянье, в каком человеческий
Явственно голос доходит до нас, закричал я циклопу:
«Слушай, циклоп беспощадный, вперед беззащитных гостей ты
В гроте глубоком своем не губи и не ешь; святотатным
Делом всегда на себя навлекаем мы верную гибель;
Ты, злочестивец, дерзнул иноземцев, твой дом посетивших,
Зверски сожрать – наказали тебя и Зевес и другие
Боги блаженные». Так я сказал; он, ужасно взбешенный,
Тяжкий утес от вершины горы отломил и с размаха
На голос кинул; утес, пролетевши над судном, в пучину
Рухнул так близко к нему, что его черноострого носа
Чуть не расшиб; всколыхалось море от падшей громады;
Хлынув, большая волна побежала стремительно к берегу;
Схваченный ею, обратно к земле и корабль наш помчался.
Длинною жердью я в берег песчаный уперся и судно
Прочь отвалил; а товарищам молча кивнул головою,
Их побуждая всей силой на весла налечь, чтоб избежать
Близкой беды; все, нагнувшись, разом ударили в весла.
Быв на двойном расстоянии от страшного берега, опять я
Начал кричать, вызывая циклопа. Товарищи в страхе
Все убеждали меня замолчать и его не тревожить.
«Дерзкий, – они говорили, – зачем ты чудовище дразнишь?
В море швырнувши утес, он едва с кораблем нас не бросил
На берег снова; едва не постигла нас верная гибель.
Если теперь он чей голос иль слово какое услышит,
Голову нам раздробит и корабль наш в куски изломает,
Бросив утес остробокий: до нас же он верно добросит».
Так говорили они; но, упорствуя дерзостным сердцем,
Я продолжал раздражать оскорбительной речью циклопа:
«Если, циклоп, у тебя из людей земнородных кто спросит,
Как истреблен твой единственный глаз, ты на это ответствуй:
Царь Одиссей, городов сокрушитель, героя Лаэрта
Сын, знаменитый властитель Итаки, мне выколол глаз мой».
Так я сказал. Заревел он от злости и громко воскликнул:
«Горе! Пророчество древнее ныне сбылось надо мною;
Некогда был здесь один предсказатель великий и мудрый,
Телам, Евримиев сын, знаменитейший в людях всевидец;
Жил и состарился он, прорицая, в земле у циклопов.
Ведая все, что должно совершиться в грядущем, предрек он
Мне, что рука Одиссеева зренье мое уничтожит.
Я же все думал, что явится муж благовидный, высокий
Ростом, божественной силою мышц обладающий смертный...
Что же? Меня малорослый урод, человечешко хилый
Зренья лишил, наперед вероломно вином опьянивши.
Если ж ты впрямь Одиссей, возвратись; я, тебя одаривши,
Стану молить Посейдона, чтоб путь совершил ты безбедно
По морю; сын я ему; он отцом мне слывет; и один он,
Если захочет, погибшее зренье мое возвратить мне
Может – один он, никто из людей и никто из бессмертных».
Так говорил Полифем. Я, ответствуя, громко воскликнул:
«О, когда бы я так же мог верно и гнусную вырвать
Душу твою из тебя и к Аиду низвергнуть, как верно
То, что тебе колебатель земли не воротит уж глаза!»
Так отвечал я; тут начал он, к звездному небу поднявши
Руки, молиться отцу своему, Посейдону-владыке:
«Царь Посейдон-земледержец, могучий, лазурнокудрявый,
Если я сын твой и ты мне отец, то не дай, чтоб достигнул
В землю свою Одиссей, городов сокрушитель, Лаэртос
Сын, обладатель Итаки, меня ослепивший. Когда же
Воля судьбы, чтоб увидел родных мой губитель, чтоб в дом свой
Царский достигнул, чтоб в милую землю отцов возвратился,
Дай, чтоб по многих напастях, утратив спутников, поздно

Прибыл туда на чужом корабле он и встретил там горе». Так говорил он, моляся, и был Посейдоном услышан. Тут он огромнейший первого камень схватил и с размаху в море его с непомерною силой швырнул; загудевши, Он позади корабля темноносого с шумом великим Грянулся в воду так близко к нему, что едва не расплюснул Нашей кормы; всколыхалось море от падшей громады; Судно ж волною помчалось вперед к недалекому берегу Острова Коз; и вошли мы обратно в ту пристань, где наши В месте защитном оставлены были суда, где печально Спутники в скуке сидели и ждали, чтоб мы воротились. К берегу пристав, быстроходный корабль на песок мы встали; Сами же вышли на берег, поражаемый шумно волнами. Тучных циклоповых коз и баранов собравши, добычу Стали делить мы, чтоб каждому должный достался участок; Мне же от светлообутых спутников в дар был особо Главный назначен баран, и его принесли мы на берег В жертву Крониону, туч собирателю, Зевсу-владыке. Тучные бедра пред ним мы сожгли. Но, отвергнув он жертву, Стал замышлять, чтоб, беды претерпев, напоследок и всех я Спутников верных и всех кораблей крепкозданных лишился. Жертву принеся, мы целый там день до вечернего мрака Ели прекрасное мясо и сладким вином утешались. Тою порою померкнуло солнце, и тьма наступила; Все мы заснули под говором волн, ударяющих в берег. Вышла из мрака молодая с перстами пурпурными Эос; Спутников верных созвав, я велел, чтоб они на проворных Все кораблях собрались и все отвязали канаты. Спутники все собрались и, севши на лавках у весел, Разом могучими веслами вспенили темные воды. Далее поплыли мы в сокрушенье великом о милых Мертвых, но радуясь в сердце, что сами спаслись от смерти.

Песнь десятая

Вечер тридцать третьего дня

Одиссей продолжает рассказывать свои приключения. Прибытие на остров Эолию. Эол, повелитель ветров, дает Одиссею проводником Зефира и вручает ему крепко завязанный мех с заключенными в нем прочими ветрами. Находясь уже в виду Итаки, Одиссей засыпает. Его спутники развязывают мех; подымается сильная буря, которая приносит их обратно к Эолову острову. Но раздраженный Эол повелевает Одиссею удалиться. Лестригоны истребляют одиннадцать кораблей Одиссеевых; с последним пристает он к острову Цирцеи. Волшебница превращает в свиней его спутников; но Эрмий дает ему средство нарушить ее чародейство. Одиссей, одолев Цирцею, убеждает ее возвратить человеческий образ его спутникам. Проведя год на ее острове, он требует наконец, чтобы она возвратила его в отечество; но Цирцея повелевает ему прежде посетить Океан и у входа в область Аида вопросить прорицателя Тиресия о судьбе своей. Смерть Ельпенора.

Скоро на остров Эолию прибыли мы; обитает Гиппотон сын там, Эол благородный, богами любимый. Остров плавучий его неприступною медной стеною весь обнесен; берега ж подымаются гладким утесом. Там от супруги двенадцать детей родилось Эолу, Шесть дочерей светлоликих и шесть сыновей многосильных. Вырастив их, сыновьям дочерей он в супружество отдал. Днем с благородным отцом и заботливой матерью вместе Все за трапезой, уставленной яствами, сладко пируют В зале они, благовонной от запаха пищи и пеньем флейт оглашаемой; ночью же, каждый с своею супругой, Спят на резных, дорогими коврами покрытых кроватях. В град их прибывши, мы в дом их богатый вступили; там целый Месяц Эол угощал нас радушно и с жадностью слушал Повесть о Трое, о битвах аргивян, о их возвращенье; Все любопытный заставил меня рассказать по порядку. Но напоследок, когда обратился я, в путь изготоваюсь, С просьбой к нему отпустить нас, на то согласясь благосклонно, Дал он мне сшитый из кожи быка девятиугового Мех с заключенными в нем буреносными ветрами; был он Их господином, по воле Крониона Дия, и всех их

Мог возбуждать иль обуздывать, как приходило желанье.
Мех на просторном моем корабле он серебряной нитью
Туго стянул, чтоб ни малого быть не могло дуновенья
Ветров; Зефиру лишь дал повеленье дыханьем попутным
Нас в кораблях по водам провожать; но домой возвратиться
Дий не судил нам: своей безрассудностью все мы погибли.
Девять мы суток и денно и ночью свой путь совершали;
Вдруг на десятые сутки явился нам берег отчизны.
Был он уж близко; на нем все огни уж могли различить мы.
В это мгновенье в глубокий я сон погрузился, понеже
Правил до тех пор кормилом один, никому не желая
Вверить его, чтоб успешней достигнуть отчизны любезной.
Спутники тою порой завели разговор; полагали
Все, что с собою имел серебра я и золота много,
Мне на прощание данных царем благородным Эолом.
Глядя друг на друга, так рассуждали они меж собою:
«Боги! Как всюду его одного уважают и любят
Люди, какую бы землю и чье бы жилище ни вздумал
Он посетить. Уж и в Трое он много сокровищ от разных
Собрал добыч; мы одно претерпели, один совершили
Путь с ним – а в дом свой должны возвратиться с пустыми руками.
Так и Эол; лишь ему одному он богатый подарок
Сделал; посмотрим же, что им так плотно завязано в этом
Мехе: уж верно найдем серебра там и золота много».
Так говорили одни; их одобрили все остальные.
Мех был развязан, и шумно исторглись ветры на волю;
Бурю воздвигнув, они с кораблями их, громко рыдавших,
Снова от берега отчизны умчали в открытое море.
Я пробудился и долго умом колебался, не зная,
Что мне избрать, самого ли себя уничтожить, в пучину
Бросясь, иль, молча судьбе покорясь, меж живыми остаться.
Я покорился судьбе и на дне корабля, завернувшись
В мантию, тихо лежал. К Эолийскому острову снова
Бурею наши суда принесло. Все товарищи с плачем
Вышли на твердую землю; запасшись водой ключевою,
Наскоро легкий обед мы у быстрых судов совершили.
Свой удовольствовав голод едой и питьем, я с собою
Взял одного из товарищей наших с глашатаем; прямо
К дому Эола-царя мы пошли и его там застали
Вместе с женой и со всеми детьми за семейным обедом.
В двери палаты вступив, я с своими людьми на пороге
Сел; изумилась царева семья; все воскликнули вместе:
«Ты ль, Одиссей? Не зловерный ли демон к тебе прикоснулся?
Здесь мы не всё ль учредили, чтоб ты беспрепятственно прибыл
В землю отцов иль в иную какую желанную землю?»
Так говорили они; с сокрушеньем души отвечал я:
«Сон роковой и безумие спутников мне приключили
Бедствие злое; друзья, помогите; вам это возможно».
Так я сказал, умоляющим словом смягчить их надеясь.
Все замолчали они; но отец мне ответствовал с гневом:
«Прочь, недостойный! Немедля мой остров покинь; неприлично
Нам под защиту свою принимать человека, который
Так очевидно бессмертным, блаженным богам ненавистен.
Прочь! Ненавистный блаженным богам и для нас ненавистен».
Кончив, меня он, рыдавшего жалобно, из дому выслал.
Далее поплыли мы в сокрушении сердца великом.
Люди мои, утомяся от гребли, утратили бодрость,
Помощи всякой лишены собственным жалким безумством.
Денно и ночью шесть суток носясь по водам, на седьмые
Прибыли мы к многовратному граду в стране лестригонов,
Ламосу. Там, возвращаясь с поля, пастух вызывает
На поле выйти другого; легко б несонливый работник
Плату двойную там мог получать, выгоняя пастись
Днем белоруных баранов, а ночью быков криворогих;
Ибо там паства дневная с ночью сблизается паствой.
В славную пристань вошли мы: ее образуют утесы,
Круто с обеих сторон подымаясь и сдвинувшись подле
Устья великими, друг против друга из темных бездн

Моря торчачими камнями, вход и исход заграждая.
Люди мои, с кораблями в просторную пристань проникнув,
Их утвердили в ее глубине и связали, у берега тесным
Рядом поставив: там волн никогда ни великих, ни малых
Нет, там равниною гладкою лоно морское сияет.
Я же свой черный корабль поместил в отдаленье от прочих,
Около устья, канатом его привязав под утесом.
После взшел на утес и стоял там, кругом озираясь:
Не было видно нигде ни быков, ни работников в поле;
Изредка только, взвиваясь, дым от земли подымался.
Двух расторопнейших самых товарищей наших я выбрал
(Третий был с ними глашатай) и сведать послал их, к каким мы
Людам, вкушающим хлеб на земле плодоносной, достигли?
Гладкая скоро дорога представилась им, по которой
В город дрова на возах с окружающих гор доставлялись.
Сильная дева им встретилась там; за водою с кувшином
За город вышла она; лестригон Антифат был отец ей;
Встретились с нею они при ключе Артакийском, в котором
Черпали светлую воду все жившие в городе близком.
К ней подошедши, они ей сказали: «Желаем узнать мы,
Дева, кто властвует здешним народом и здешней страной?»
Дом Антифата, отца своего, им она указала.
В дом тот высокий вступивши, они там супругу владыки
Встретили, ростом с великую гору – они ужаснулись.
Та же велела скорей из собранья царя Антифата
Вызвать; и он, прибежав на погибель товарищей наших,
Жадно схватил одного и сожрал; то увидя, другие
Бросились в бегство и быстро к судам возвратились; он же
Начал ужасно кричать и встревожил весь город; на громкий
Крик отовсюду сбежалась толпа лестригонов могучих;
Много сбежалось их, великанам, не людям подобных.
С крути утесов они через силу подъемные камни
Стали бросать; на судах поднялась тревога – ужасный
Крик убиваемых, треск от крушенья снастей; тут злосчастных
Спутников наших, как рыб, нанизали на кольца и в город
Всех унесли на съеденье. В то время как бедственно гибли
В пристани спутники, острый я меч обнажил и, отсеки
Крепкий канат, на котором стоял мой корабль темноносый,
Людам, собравшимся в ужасе, молча кивнул головою,
Их побуждая всей силой на весла налечь, чтоб избегнуть
Близкой беды: утраченные дружно ударили в весла.
Мимо стремнистых утесов в открытое море успешно
Выплыл корабль мой; другие же все невозвратно погибли.
Далее поплыли мы, в сокрушение великом о милых
Мертвых, но радуясь в сердце, что сами спаслись от смерти.
Мы напоследок достигли до острова Эи. Издавна
Сладкоречивая, светлокудрявая там обитает
Дева Цирцея, богиня, сестра кознодея Ээта.
Был их родителем Гелиос, бог, озаряющий смертных;
Мать же была их прекрасная дочь Океанова, Перса.
К берегу крутому пристав с кораблем, потаенно вошли мы
В тихую пристань: дорогу нам бог указал благосклонный.
На берег вышед, на нем мы остались два дня и две ночи,
В силах своих изнуренные, с тяжелой печалию сердца.
Третий нам день привела светозарнокудрявая Эос.
Взявши копье и двуострый свой меч опоясав, пошел я
С места, где был наш корабль, на утесистый берег, чтоб сведать,
Где мы? Не встречу ль людей? Не послышится ль чей-нибудь голос?
Став на вершине утеса, я взором окинул окрестность.
Дым, от земли путеносной вдали восходящий, увидел
Я за широко-разросшимся лесом в жилище Цирцеи.
Долго рассудком и сердцем колеблясь, не знал я, идти ли
К месту тому мне, где дым от земли подымался багровый?
Дело обдумав, уверился я наконец, что удобней
Было сначала на брег, где стоял наш корабль, возвратиться,
Там отобедать с людьми и, надежнейших выбрав, отправить
Их за вестями. Когда ж к кораблю своему подходил я,
Сжалился благостный бог надо мной, одиноким: навстречу

Мне он оленя богаторогатого, тучного выслал;
Пажить лесную покинув, к студеной реке с несказанной
Жаждой бежал он, измученный зноем полдневного солнца.
Меткое бросив копьё, поразил я бегущего зверя
В спину: её проколовши насквозь, острием на другой бок
Вышло копьё; застонав, он упал, и душа отлетела.
Ногу уперши в убитого, вынул копьё я из раны,
Подле него на земле положил и немедля болотных
Гибких тростинок нарвал, чтоб веревку в три локтя длиною
Свить, переплетши тростинки и плотно скрутив их. Веревку
Свивши, связал я оленю тяжелому длинные ноги;
Между ногами просунувши голову, взял я на плечи
Ношу и с нею пошел к кораблю, на копьё опираясь;
Просто ж её на плечах я не мог бы одною рукою
Снести: был чрезмерно огромен олень. Перед судном на землю
Бросил его я, людей разбудил и, приветствовав всех их,
Так им сказал: «Ободритесь, товарищи, в область Аида
Прежде, пока не наступит наш день роковой, не сойдем мы;
Станем же ныне (едой наш корабль запасен изобильно)
Пищей себя веселить, прогоняя мучительный голод».
Было немедля мое повеленье исполнено; снявши
Верхние платья, они собрались у бесплодного моря;
Всех их олень изумил, несказанно-великий и тучный;
Очи свои удовольствовав сладостным зреньем, умыли
Руки они и поспешно обед приготовили вкусный.
Целый мы день до вечернего сумрака, сидя на бреге,
Ели прекрасное мясо и сладким вином утешались;
Солнце тем временем село, и тьма наступила ночная;
Все мы заснули под говором волн, ударяющих в берег.
Вышла из мрака младая с перстами пурпурными Эос.
Спутников верных своих на совет пригласив, я сказал им:
«Спутники верные, слушайте то, что скажу вам, печальный:
Нам неизвестно, где запад лежит, где является Эос;
Где светonosный под землю спускается Гелиос, где он
На небо всходит; должны мы теперь совокупно размыслить,
Можно ли чем от беды нам спастись; я думаю, нечем.
С этой крутой высоты я окрестность окинул глазами:
Остров, безбрежною бездной морской, как венцом, окруженный,
Плоско на влаге лежащий, увидел я; дым подымался
Густо вдали из широко-растущего, темного леса».
Так я сказал; в их груди сокрушилось милое сердце:
В память пришли им и злой лестрион Антифат и надменный
Силой своею циклон Полифем, людоед святотатный;
Громко они застонали, обильным потоком проливши
Слезы, – напрасно: от слез и от стонов их не было пользы.
Тут разделить я решился товарищей меднообутых
На две дружины; одною дружиной начальствовал сам я;
Избран вождем был дружины другой Еврилох благородный.
Жеребья в медноокованном шлеме потом потрясли мы –
Вынулся жеребий твердому сердцем вождю Еврилоху.
В путь собрался он, и с ним двадцать два из товарищей наших.
С плачем они удалились, оставя нас, горем объятых.
Скоро они за горами увидели крепкий Цирцеин
Дом, сгроможденный из тесаных камней на месте открытом.
Около дома толпились горные львы и лесные
Волки: питьем очарованным их укротила Цирцея.
Вместо того чтоб напасть на пришельцев, они подбежали
К ним миролюбно и, их окруживши, махали хвостами.
Как к своему господину, хвостами махая, собаки
Ластятся – им же всегда он приносит остатки обеда, –
Так остролапые львы и шершавые волки к пришельцам
Ластились. Их появлением они, приведенные в ужас,
К дому прекраснокудрявой богини Цирцеи поспешно
Все устремились. Там голосом звонко-приятным богиня
Пела, сидя за широкой, прекрасной, божественно-тонкой
Тканью, какая из рук лишь богини бессмертной выходит.
К спутникам тут обратятся, Политос, мужей предводитель,
Мне меж другими вернейший, любезнейший друг мой, сказал им:

«Слышите ль голос приятный, товарищи? Кто-то, за тканью
Сидя, поет там, гармонией всю наполняя окрестность.
Кто же? Богиня иль смертная? Голос скорей подадим ей».
Так он сказал им; они закричали, чтоб вызвать певицу.
Вышла немедля она и, блестящую дверь растворивши,
В дом пригласила вступить их; забыв осторожность, вступили
Все; Еврилох лишь один назади, усомнившись, остался.
Чином гостей посадивши на кресла и стулья, Цирцея
Смеси из сыра и меду с ячменной мукой и с прамнейским
Светлым вином подала им, подсыпав волшебного зелья
В чашу, чтоб память у них об отчизне пропала; когда же
Ею был подан, а ими отведен напиток, ударом
Быстрым жезла загнала чародейка в свиную закуту
Всех; очутился там каждый с щетинистой кожей, с свиною
Мордой и с хрюком свиным, не утратив, однако, рассудка.
Плачущих всех заперла их в закуте волшебница, бросив
Им желудей, и свидины, и буковых диких орехов
В пищу, к которой так лакомы свиньи, любящие рылом
Землю копать. К кораблю Еврилох прибежал той порою
С вестью плачевной о бедствии, спутников наших постигшем.
Долго не мог, сколь ни силился, слова сказать он, могучим
Горем проникнутый в сердце; слезами наполнены были
Очи его, и душа в нем терзалась от скорби; когда же
Все мы его в изумленье великом расспрашивать стали,
Так рассказал он мне повесть о бедствии посланных наших:
«Лес перешедши, как ты повелел, Одиссей многославный,
Скоро мы там за горами увидели крепкий Цирцеин
Дом, сгроможденный из тесаных камней на месте открытом.
В нем, мы услышали, пела прекрасно певица, за тканью
Сидя, не знаю, богиня иль смертная. Тотчас мы голос
Подали; вышла она и, блестящую дверь растворивши,
В дом нас вступить пригласила; забыв осторожность, вступили
Все; я остался один назади, предузнавши гибель;
Все там исчезли они, и обратно никто уж не вышел.
Долго я ждал; напоследок ушел, ничего не узнавши».
Так он сказал; и немедля, надев на плечо среброгвоздный,
Медный, двуострый мой меч и схвативши свой туго согбенный
Лук, я велел Еврилоху меня проводить, возвратившись
Той же дорогой со мною; но он, на колена в великом
Страхе упав, мне с рыданием бросил крылатое слово:
«Нет, повелитель, позволь за тобой не ходить мне; уверен
Я, что ни сам ты назад не придешь, ни других не воротишь
Спутников наших; советую лучше, как можно скорее,
Бегством спастись, иль все мы ужасного дня не минуем».
Так говорил Еврилох, и, ему отвечая, сказал я:
«Друг Еврилох, принуждать я тебя не хочу; оставайся
Здесь, при моем корабле, утешаться питьем и едою;
Я же пойду; непреклонной нужде покориться мне должно».
Сими словами пошел я от моря, корабль там оставив.
Той же порой, как, в святую долину спустяся, уж был я
Близко высокого дома волшебницы хитрой Цирцеи,
Эрмий с жезлом золотым пред глазами моими, нежданный,
Стал, заступив мне дорогу; пленительный образ имел он
Юноши с девственным пухом на свежих ланитах, в прекрасном
Младости цвете. Мне ласково руку подавши, сказал он:
«Стой, злополучный, куда по горам ты бредешь одиноко,
Здешнего края не ведая? Люди твои у Цирцеи;
Всех обратила в свиней чародейка и в хлев заперла свой.
Их ты избавить спешись; но и сам, опасаясь, оттуда
Цел не уйдешь; и с тобою случится, что с ними случилось.
Слушай однако: тебя от беды я великой избавить
Средство имею; дам зелье тебе; ты в жилище Цирцеи
Смело поди с ним; оно охранит от ужасного часа.
Я же тебе расскажу о волшебствах коварной богини:
Пойло она приготовит и зелья в то пойло подсыплет.
Но над тобой не подействуют чары; чудесное средство,
Данное мною, их силу разрушит. Послушай: как скоро
Мощным жезлом чародейным Цирцея к тебе прикоснется,

Острый свой меч обнажив, на нее устремись ты немедля,
Быстро, как будто ее умертвить вознамерясь; в испуге
Станет на ложе с собою тебя призывать чародейка –
Ты не подумай отречься от ложа богини: избавишь
Спутников, будешь и сам гостелюбно богинею принят.
Только потребуй, чтоб прежде она поклялася великой
Клятвой, что вредного замысла против тебя не имеет:
Иначе мужество, ею расслабленный, все ты утратишь».
С сими словами растенье мне подал божественный Эрмий,
Вырвав его из земли и природу его объяснив мне:
Корень был черный, подобен был цвет молоку белизною;
Моли его называют бессмертные; людям опасно
С корнем его вырывать из земли, но богам все возможно.
Эрмий, подав мне растенье, на светлый Олимп удалился.
Я же пошел вдоль лесистого острова к дому Цирцеи,
Многими, сердце мое волновавшими, мыслями полный.
Став перед дверью прекраснокудрявой богини, я громко
Начал ее вызывать; и, услышав мой голос, немедля
Вышла она, отворила блестящие двери и в дом дружелюбно
Мне предложил вступить; с сокрушением сердца вступил я.
Введши в покои меня и на стул посадив среброгвоздный
Редкой работы (для ног же была там скамейка), богиня
В чашу златую влила для меня свой напиток; но прежде,
Злое замыслив, подсыпала зелье в него; и когда он
Ею был подан, а мною безвредно отведан, свершила
Чару она, дав удар мне жезлом и сказав мне такое
Слово: «Иди и свиньею валяйся в закуте с другими».
Я же свой меч изощренный извлек и его, подбежав к ней,
Поднял, как будто ее умертвить вознамерившись; громко
Вскрикнув, она от меча увернулась и, с плачем великим
Сжавши колена мои, мне крылатое бросила слово:
«Кто ты? Откуда? Каких ты родителей? Где обитаешь?
Я в изумленье; питья моего ты отведал и не был
Им превращен; а доселе никто не избег чародейства,
Даже и тот, кто, не пив, лишь губами к питью прикасался.
Сердце железное бьется в груди у тебя; и, конечно,
Ты Одиссей, многохитростный муж, о котором давно мне
Эрмий, носитель жезла золотого, сказал, что сюда он
Будет, на черном плывя корабле от разрушенной Трои.
Вдвинь же в ножны медноострый свой меч и со мною
Ложе мое раздели: сочетавшись любовью на сладком
Ложе, друг другу доверчиво сердце свое мы откроем».
Так говорила богиня, и так, отвечая, сказал я:
«Как же могу, о Цирцея, твоим быть доверчивым другом,
Если в свиней обратила моих ты спутников? Мне же,
Гибельный, верно, замысля обман, ты теперь предлагаешь
Ложе с тобой разделить, затворившись в твоей почивальне, –
Там у меня, безоружного, мужество все ты похитишь.
Нет, не надейся, чтоб ложе твое разделил я с тобою
Прежде, куда сама ты, богиня, не дашь мне великой
Клятвы, что вредного замысла против меня не имеешь».
Так я сказал, и Цирцея богами великими стала
Клясться; когда ж поклялася и клятву свою совершила,
С нею в ее почивальне я лег на прекрасное ложе.
Тою порою заботились в светлых покоях четыре
Девы, служанки проворные, все учреждавшие в доме;
Все они дочери были потоков, и рощ, и священных
Рек, в необъятное лоно глубокого моря бегущих.
Дева одна, положивши на кресла подушки, постлала
Пышные сверху ковры, на ковры ж полотняные ткани.
К каждым креслам другая серебряный чудной работы
Стол пододвинула с хлебом в златых драгоценных корзинах.
Третья смешала в кратере серебряной воду с медвяным,
Сладким вином; на столы же поставила кубки златые.
Светлой воды принесла напоследок четвертая дева:
Яркий огонь разложив под треножным котлом, вскипятила
Воду она; вскипятивши же воду в котле, осторожно
Стала сама, из котла подливая воды вскипяченной

В свежую воду, плеча орошать мне и голову теплой
Влагой: и тем прекратилось томившее дух расслабленье
Тела. Когда ж и омыт я и чистым натерт был елеем,
Легкий надевши хитон и косматую мантию, с девою
В светлый покой я вступил, и она к среброгвоздным, богатым
Креслам меня проводила, – была там для ног и скамейка.
Тут принесла на лохани серебряной руки умыть мне
Полный студеной воды золотой рукомоиник рабыня,
Гладкий потом пододвинула стол; на него положила
Хлеб домовитая ключница с разным съестным, из запаса,
Выданным ею охотно, и стала меня дружелюбно
Потчевать вкусною пищею; но пища была мне противна.
Думой объятый, сидел я с недобрым предчувствием в сердце.
Видя, что думой объятый сижу и что к лакомой пище
Рук не хочу протянуть я, печалью объятый, Цирцея,
Близко ко мне подошедши, крылатое бросила слово:
«Что у тебя на душе, Одиссей? Отчего так уныло
Здесь ты сидишь, как немой, ни еды, ни питья не вкушая?
Или еще ты страшишься какого коварства? Напрасен
Страх твой; ты слышал, тебе поклялась я великою клятвой».
Так говорила богиня, и так, отвечая, сказал я:
«О Цирцея, какой же, пристойность и правду любящий,
Муж согласится себя утешать и питьем и едою
Прежде, пока не увидит своими глазами спасенья
Спутников? Если желаешь, чтоб пищи твоей я коснулся,
Спутников дай мне спасенье своими глазами увидеть».
Так я сказал, и немедля с жезлом из покоев Цирцея
Вышла, к закуте свиной подошла и, ее отворивши,
Их, превращенных в свиней девятигодовалых, оттуда
Вывела; стали они перед нею; она ж, обошед их
Всех, поочередно помазала каждого мазью, и разом
Спала с их тела щетина, его покрывавшая густо
С самых тех пор, как Цирцея дала им волшебного зелья;
Прежний свой вид возвратив, во мгновенье все стали моложе,
Силами крепче, красивей лицом и возвышенной станом;
Все во мгновенье узнали меня и ко мне протянули
Радостно руки; потом зарыдали от скорби; их воплем
Дом огласился; проникнула жалость и в душу Цирцеи.
Близко ко мне подошедши, богиня богинь мне сказала:
«О Лаэртид, многохитростный муж, Одиссей благородный,
Медлить не должно; поди на песчаное взморье и верным
Спутникам всем совокупно втащить повели на зыбучий
Берег корабль твой; потом, все богатства и снасти в пещере
Скрыв и товарищей взявши с собою, сюда возвратися».
Так мне сказала, и я покорился ей мужеским сердцем.
Шагом поспешным пришед к кораблю на песчаное взморье,
Близ корабля я на бреге нашел всех товарищей верных,
Стонущих громко, из глаз изобильные слезы лиющих.
Как запертые в закутах телята, увидя идущих
С паствы коров, напитавшихся сочной травой луговой,
Все им навстречу бегут, из заград вырываяся тесных,
Все окружают, мыча, возвратившихся с пажити маток:
Так побежали толпою, увидя меня издалека,
Спутники все мне навстречу; и сильно проникла их сердце
Радость, как будто б в родную они возвратились Итаку,
В наше отечество милое, где родились и цвели мы.
Горько заплакав, они мне крылатое бросили слово:
«Радостно нам возвращенье твое, повелитель, как будто б
В наше отечество, в нашу Итаку мы вдруг возвратились.
Но не скрывайся, скажи, где товарищи? Что их постигло?»
Так говорили они, вопрошая; им так отвечал я:
«Прежде, друзья, совокупною силой корабль на зыбучий
Берег втащите; в пещере потом все богатства и снасти
Скройте; потом соберитесь и следуйте смело за мною.
К спутникам вас поведу я в святую обитель Цирцеи.
Всех их, питьем и едой веселящихся, там вы найдете».
Было немедля мое повеленье исполнено ими.
Но Еврилох, вопреки мне, хотел удержать их; он смело,

Голос возвысив, товарищам бросил крылатое слово:
«Стойте; куда вы, безумцы? За ним по следам вы хотите
В дом чародейки опасной идти? Но она превратит вас
Всех иль в свиней, иль в шершавых волков, иль в лесных густогривых
Львов, чтоб ее стерегли вы жилище; там с вами случится
То ж, что случилось в пещере циклопа, куда безрассудно
Наши товарищи следом за дерзким вошли Одиссеем.
Он, необузданный, был их погибели жалкой виною».
Так говорил Еврилох, и меня побуждало уж сердце
Меч длинноострый схватить и его обнаженною медью
Голову с плеч непокорного сбросить на землю, хотя он
Был мне и родственник близкий; но спутники все, удержавши
Руку мою, обратили ко мне миротворное слово:
«Если желаешь, божественный, пусть Еврилох остается
У моря здесь с кораблем и его сторожит неусыпно;
Мы же пойдем за тобою в святую обитель Цирцеи».
Всех их от моря повел я, корабль наш покинув на берегу;
Но Еврилох не остался один с кораблем и за нами
Следом пошел, приведенный моими угрозами в трепет.
Тою порой остальные товарищи в доме Цирцеи
Баней себя освежили; душистым натершись елеем,
В легкий хитон и косматую мантию каждый облекся.
Я, возвратясь, их нашел за роскошной трапезой сидящих.
Свидясь с друзьями и все рассказав о случившемся с ними,
Громко они зарыдали, их воплем весь дом огласился.
Близко ко мне подошедши, богиня Цирцея сказала:
«Царь Одиссей, многохитростный муж, Лаэртид благородный,
Все вы свою укротите печаль и от слез воздержитесь;
Знаю довольно я, что на водах многорыбного моря,
Что на земле от свирепых людей претерпели вы, – горе
Бросив теперь, наслаждайтесь питьем и едою, покуда
В вашей груди не родится то мужество снова, с которым
Некогда в путь вы пустились, расставшись с отчизною милой,
С вашей суровой Итакою. Ныне в бессилии робком,
Все помышляя о странствии бедственном, сердце веселью
Вы затворяете, – были велики страдания ваши».
Так нам сказала, и мы покорились ей мужеским сердцем.
С тех пор вседневно, в теченье мы целого года
Ели прекрасное мясо и сладким вином утешались.
Но когда наконец обращеньем времен совершен был
Круг годовой, миновались месяцы, дни пролетели,
Спутники все приступили ко мне с убедительной речью:
«Время, несчастный, тебе о возврате в Итаку подумать,
Если угодно богам, чтоб спаслись мы, чтоб мог ты увидеть
Светло-богатый свой дом, и отчизну, и милых домашних».
Так мне сказали, и я покорился им мужеским сердцем.
Весело весь мы тот день до вечернего позднего мрака
Ели прекрасное мясо и сладким вином утешались.
Солнце тем временем село, и тьма наступила ночная.
Спутники все предалась в потемневших палатах покою.
Я ж, возвратясь к Цирцее, с ней рядом на ложе роскошном
Лег, и колена ее обхватил, и богине, склонившей
Слух свой ко мне со вниманием, бросил крылатое слово:
«О Цирцея, исполни свое обещанье в отчизну
Нас возвратить; сокрушается сердце по ней; в сокрушенье
Спутники все приступают ко мне и мою раздирают
Душу (когда ты бываешь отсутственна) жалобным плачем».
Так говорил я, и так, отвечая, сказала богиня:
«О Лаэртид, многохитростный муж, Одиссей благородный,
В доме своем я тебя поневоле держать не желаю.
Прежде, однако, ты должен, с пути уклоняясь, проникнуть
В область Аида, где властвует страшная с ним Персефона.
Душу пророка, слепца, обладавшего разумом зорким,
Душу Тиресия фивского должно тебе спросить там.
Разум ему сохранен Персефоной и мертвому; в аде
Он лишь с умом; все другие безумными тенями веют».
Так говорила богиня; во мне растерзалось сердце;
Горько заплакал я, сидя на ложе; мне стала противна

Жизнь, и на солнечный свет поглядеть не хотел я, и долго
Рвался, и долго, простершись на ложе, рыдал безутешно.
Но напоследок, богине ответствуя, так я сказал ей:
«Кто ж, о Цирцея, на этом пути провожатым мне будет?
В аде еще не бывал с кораблем ни один земнородный».
Так спросил я богиню, и так мне она отвечала:
«О Лаэртид, многохитростный муж, Одиссей благородный,
Верь, кораблю твоему провожатый найдется; об этом
Ты не заботься; но, мачту поставив и парус поднявши,
Смело плыви; твой корабль передам я Борею; когда же
Ты, Океан в корабле поперек переплывши, достигнешь
Низкого берега, где дико растет Персефонин широкий
Лес из раки, свой теряющих плод, и из тополей черных,
Вздвинув на брег, под которым шумит Океан водовратный,
Черный корабль свой, вступи ты в Аидову мгlistую область.
Быстро бежит там Пирифлегетон в Ахероново лоно
Вместе с Коцитом, великою ветвию Стикса; утес там
Виден, и обе под ним многошумно сливаются реки.
Слушай теперь и о том, что скажу, не забудь: под утесом
Выкопав яму глубокою, в локоть один шириной и длиною,
Три соверши возлияния мертвым, всех вместе призвав их:
Первое смесью медвяной, другое вином благовонным,
Третье водою и, все пересыпав мукою ячменной,
Дай обещанье безжизненно-веющим теням усопших:
В дом возвратяся, корову, тельцов не имевшую, в жертву
Им принести и в зажженный костер драгоценностей много
Бросить, Тиресия ж более прочих уважить, особо
Черного, лучшего в стаде барана ему посвятивши.
После (когда обещание дашь многославным умершим)
Черную овцу и черного с нею барана, – к Эребу
Их обратив головою, а сам обратись к Океану, –
В жертву теням принеси; и к тебе тут немедля великой
Придут толпою отшедшие души умерших; тогда ты
Спутникам дай повеленье, содравши с овцы и с барана,
Острой зарезанных медью, лежащих в крови перед вами,
Кожу, их бросить немедля в огонь и призвать громогласно
Грозного бога Аида и страшную с ним Персефону;
Сам же ты, острый свой меч обнаживши и с ним перед ямой
Сев, запрещаай приближаться безжизненным теням усопших
К крови, куда ответа не даст вопрошенный Тиресий.
Скоро и сам он, представ пред тобой, повелитель народов,
Скажет тебе, где дорога, и долог ли путь, и успешно ль
Рыбообильного моря путем ты домой возвратишься».
Так говорила она; той порой златотронная Эос
Встала; богиня, в хитон и хламиду меня облачивши,
Светлосеребряной ризой из тонковоздушных ткани
Нежные плечи одела свои, золотым драгоценным
Поясом стан обвила и покров с головы опустила.
Я же, чертоги ее перешедши, товарищей верных
Всех разбудил и, приветствие каждому сделав, сказал им:
«Время, друзья, вам от сладкого сна пробудиться, покиньте
Ложе; пойдем; нас богиня сама побуждает к отъезду».
Так я сказал, и они покорились мне мужеским сердцем.
Но и оттуда не мог я отплыть без утраты печальной:
Младший из всех на моем корабле, Ельпенор, неотличный
Смелостью в битвах, нещедро умом от богов одаренный,
Спать для прохлады ушел на площадку возвышенной кровли
Дома Цирцеи священного, крепким вином охмеленный.
Шумные сборы товарищей, в путь уж готовых, услышав,
Вдруг он вскочил и, от хмеля забыв, что назад обратиться
Должен был прежде, чтоб с кровли высокой сойти по ступеням,
Прянул спросонья вперед, сорвался и, ударясь затылком
Оземь, сломил позвоночную кость, и душа отлетела
В область Аида. Тем временем спутникам так говорил я:
«Мыслите, верно, друзья, вы, что в милую землю отчизны
Мы возвращаемся? Путь нам иной указала Цирцея:
В царстве Аида, где властвует страшная с ним Персефона,
Душу Тиресия фивского должен сперва спросить я».

Так я сказал; в их груди сокрушилось милое сердце,
Пали на землю они, в исступлении волосы рвали,
Всё понапрасну – от слез и от воплей нам не было пользы.
Все к своему кораблю, на песчаном стоявшему берегу,
Вместе пошли мы, печальные, льющие слезы обильно.
Тою порою на брег привела чернорунную овцу
С черным бараном Цирцея и, там их оставя, меж нами
Тихо прошла, невидимая... Смертным увидеть не можно
Бога, когда, приходя к ним, он хочет остаться невидим.
Песнь одиннадцатая

Вечер тридцать третьего дня

Одиссей продолжает рассказывать свои приключения. Северный ветер приносит корабль его к берегам киммериян, где поток Океана ввергается в море; совершив жертву теням, Одиссей призывает их. Явление Ельпенора; он требует погребения. Тень Одиссеевой матери. Явление Тиресия и его предсказания. Беседа Одиссея с тенью матери. Тени древних жен выходят из Эреба и рассказывают о судьбе своей Одиссею. Он хочет прервать свою повесть, но Алкиной требует, чтобы он ее кончил, и Одиссей продолжает. Явление Агамемнона, Ахиллеса с Патроклом, Антилохом и Аяксом. Видение судящего Миноса, звероловствующего Ориона, казней Тития, Тантала и Сизифа, грозного Гераклова образа. Внезапный страх побуждает Одиссея возвратиться на корабль; и он плывет обратно по течению вод Океана.

К морю и к ждавшему нас на песке кораблю собрались
Все мы и, сдвинувши черный корабль на священные воды,
Мачту на нем утвердили и к ней паруса привязали.
Взявши барана и овцу с собой, на корабль совокупно
Все мы взошли, сокрушенные горем, лиющие слезы.
Был нам по темным волнам провожатым надежным попутный
Ветер, пловцам благовеющий друг, парусов надуватель,
Послан приветноречивою, светлокудрявой богиней;
Все корабельные снасти порядком убрав, мы спокойно
Плыли; корабль наш бежал, повинуюсь кормилу и ветру.
Были весь день паруса путеводным дыханием полны.
Солнце тем временем село, и все потемнели дороги.
Скоро пришли мы к глубокотекущим водам Океана;
Там киммериян печальная область, покрытая вечно
Влажным туманом и мглой облаков; никогда не являет
Оку людей там лица лучезарного Гелиос, землю ль
Он покидает, всходя на звездами обильное небо,
С неба ль, звездами обильного, сходит, к земле обращаясь;
Ночь безотрадная там искони окружает живущих.
Судно, прибыв, на песок мы встали; барана и овцу
Взяли с собой и пошли по течению вод Океана
Берегом к месту, которое мне указала Цирцея.
Дав Перимеду держать с Еврилохом зверей, обреченных
В жертву, я меч обнажил медноострый и, им ископавши
Яму глубокую, в локоть один шириной и длиною,
Три совершил возлияния мертвым, мной призванным вместе:
Первое смесью медвяной, второе вином благовонным,
Третье водой и, мукою ячменного все пересыпав,
Дал обещанье безжизненно-веющим теням усопших:
В дом возвратяся, корову, тельцов не имевшую, в жертву
Им принести и в зажженный костер драгоценностей много
Бросить; Тиресия ж более прочих уважить, особо
Черного, лучшего в стаде барана ему посвятивши.
Дав обещанье такое и сделав воззвание к мертвым,
Сам я барана и овцу над ямой глубокой зарезал;
Черная кровь полилася в нее, и слетелись толпою
Души усопших, из темных бездн Эреба поднявшись:
Души невест, малоопытных юношей, опытных старцев,
Дев молодых, о утрате недолгия жизни скорбящих,
Бранных мужей, медноострым копьем пораженных смертельно
В битве и брони, обрызганной кровью, еще не сложивших.
Все они, вылетев вместе бесчисленным роем из ямы,
Подняли крик несказанный; был схвачен я ужасом бледным.
Окликнув товарищей, им повелел я с овцы и с барана,
Острой зарезанных медью, лежавших в крови перед нами,
Кожу содрать и, огню их предавши, призвать громогласно

Грозного бога Аида и страшную с ним Персефону.
Сам же я меч обнажил изощренный и с ним перед ямой
Сел, чтоб мешать приближаться безжизненным теням усопших
К крови, пока мне ответа не даст вопрошенный Тиресий.
Прежде других предо мною явилась душа Ельпенора;
Бедный, еще не зарытый, лежал на земле путеносной.
Не был он нами оплакан; ему не свершив погребенья,
В доме Цирцеи его мы оставили: в путь мы спешили.
Слезы я пролил, увидя его; состраданье мне душу проникло.
Голос возвысив, я мертвому бросил крылатое слово:
«Скоро же, друг Ельпенор, очутился ты в царстве Аида!
Пеший проворнее был ты, чем мы в корабле быстроходном».
Так я сказал; простонавши печально, мне так отвечал он:
«О Лаэртид, многохитростный муж, Одиссей многославный,
Демоном злым погублен я и силой вина несказанной;
Крепко на кровле заснув, я забыл, что назад надлежало
Прежде пойти, чтоб по лестнице с кровли высокой спуститься;
Бросясь вперед, я упал и, затылком ударившись оземь,
Кость изломал позвоночную; в область Аида мгновенно
Дух отлетел мой. Тебя же любовью к отсутственным милым,
Верной женою, отцом, воспитавшим тебя, и цветущим
Сыном, тобой во младенческих летах оставленным дома,
Ныне молю (мне известно, что, область Аида покинув,
Ты в корабле возвратишься на остров Цирцеи) – о! вспомни,
Вспомни тогда обо мне, Одиссей благородный, чтоб не был
Там не оплаканный я и безгробный оставлен, чтоб гнева
Мстящих богов на себя не навлек ты моею бедою.
Бросивши труп мой со всеми моими доспехами в пламень,
Холм гробовой надо мною насыпьте близ моря седого;
В памятный знак же о гибели мужа для поздних потомков
В землю на холме моем то весло водрузите, которым
Некогда в жизни, ваш верный товарищ, я волны тревожил».
Так говорил Ельпенор, и, ему отвечая, сказал я:
«Все, злополучный, как требуешь, мною исполнено будет».
Так мы, печально беседуя, друг подле друга сидели,
Я, отгоняющий тени от крови мечом обнаженным,
Он, говорящий со мною, товарища прежнего призрак.
Вдруг подошло, я увидел, ко мне привиденье умершей
Матери милой моей Антиклеи, рожденной великим
Автоликоном, – ее меж живыми оставил я дома,
В Троию отплыв. Я заплакал, печаль мне проникнула душу;
Но и ее, сколь ни тяжело то было душе, не пустил я
К крови: мне не дал ответа еще прорицатель Тиресий.
Скоро предстал предо мной и Тиресия фивского образ;
Был он с жезлом золотым, и меня он узнал и сказал мне:
«Что, Лаэртид, многохитростный муж, Одиссей благородный,
Что, злополучный, тебя побудило, покинув пределы
Светлого дня, подойти к безотрадной обители мертвых?
Но отслонися от ямы и к крови мечом не препятствуй
Мне подойти, чтоб, напившись, мог я по правде пророчить».
Так он сказал; отслонися от ямы, я меч среброгвоздный
Вдвинул в ножны; а Тиресий, напившись черная крови,
Слово ко мне обратил и сказал мне, по правде пророча:
«Царь Одиссей, возвращения сладкого в дом свой ты жаждешь.
Бог раздраженный его затруднит несказанно, понеже
Гонит тебя колебатель земли Посейдон; ты жестоко
Душу разгневал его ослеплением милого сына.
Но, и ему вопреки, и беды повстречав, ты достигнуть
Можешь отечества, если себя обуздаешь и буйных
Спутников; с ними ты к острову знойной Тринакрии, бездну
Темно-лазурного моря измерив, корабль приведешь свой;
Тучных быков и волнистых баранов пасет там издавна
Гелиос светлый, который все видит, все слышит, все знает.
Будешь в Итаке, хотя и великие бедствия встретишь,
Если воздержишься руку поднять на стада Гелиоса;
Если же руку подымешь на них, то пророчу погибель
Всем вам: тебе, кораблю и спутникам; сам ты избегнешь
Смерти, но бедственно в дом возвратишься, товарищей в море

Всех потеряв, на чужом корабле, и не радость там встретишь:
Буйных людей там найдешь ты, твое достоянье губящих,
Мучащих дерзким своим сватовством Пенелопу, дарами
Брачными ей докучая; ты им отомстишь. Но когда ты,
Праведно мстя, женихов, захвативших насильственно дом твой,
В нем умертвишь иль обманом, иль явного силой – покинув
Царский свой дом и весло корабельное взявши, отправься
Странствовать снова и странствуй, покуда людей не увидишь,
Моря не знающих, пищи своей никогда не солящих,
Также не зревших еще ни в волнах кораблей быстроходных,
Пурпурногрудых, ни весел, носящих, как мощные крылья,
Их по морям, – от меня же узнай несомнительный признак:
Если дорогой ты путника встретишь и путник тот спросит:
„Что за лопату несешь на блестящем плече, иноземец?“ –
В землю весло водрузи – ты окончил свое роковое,
Долгое странствие. Мощному там Посейдону принесши
В жертву барана, быка и свиней оплодителя вепря,
В дом возвратись и великую дома сверши гекатомбу
Зевсу и прочим богам, беспредельного неба владыкам,
Всем по порядку. И смерть не застигнет тебя на туманном
Море; спокойно и медленно к ней подходя, ты кончину
Встретишь, украшенный старостью светлой, своим и народным
Счастьем богатый. И сбудется все, предреченное мною».
Так говорил мне Тиресий; ему отвечая, сказал я:
«Старец, пускай совершится, что мне предназначили боги.
Ты же теперь мне скажи, ничего от меня не скрывая;
Матери милой я вижу отшедшую душу; близ крови
Тихо сидит неподвижная тень и как будто не смеет
Сыну в лицо поглядеть и завести разговор с ним. Скажи мне,
Старец, как сделать, чтоб мертвая сына живого узнала?»
Так я его спросил, и, ответствуя, так мне сказал он:
«Легкое средство на это в немногих словах я открою:
Та из безжизненных теней, которой приблизиться к крови
Дашь ты, разумно с тобою начнет говорить; но безмолвно
Та от тебя удалится, которой ты к крови непустишь».
С сими словами обратно отшедши в обитель Аида,
Скрылась душа прорицателя, мне мой сказавшая жребий.
Я ж неподвижно остался на месте; но ждал я недолго;
К крови приблизилась мать, напилася и сына узнала.
С тяжким вздохом она мне крылатое бросила слово:
«Как же, мой сын, ты живой мог проникнуть в туманную область
Аида? Здесь все ужасает живущего; шумно бегут здесь
Страшные реки, потоки великие; здесь Океана
Воды глубокие льются; никто переплыть их не может
Сам; то одним кораблям крепкозданным возможно. Скажи же,
Прямо ль от Трои с своим кораблем и с своими людьми ты,
По морю долго скитавшись, прибыл сюда? Неужели
Все не видал ни Итаки, ни дома отцов, ни супруги?»
Так говорила она, и, ответствуя, так ей сказал я:
«Милая мать, приведен я к Аиду нуждой всемогущей;
Душу Тиресия фивского мне спросить надлежало.
В землю ахейян еще я не мог возвратиться; отчизны
Нашей еще не видал, бесприютно скитаюсь повсюду
С самых тех пор, как с великим царем Агамемноном поплыл
В град Илион, изобильный конями, на гибель троянам.
Ты ж мне скажи откровенно, какую из Парк непреклонных
В руки навек усыпляющей смерти была предана ты?
Медленно ль тяжким недугом? Иль вдруг Артемида-богиня
Тихой стрелой своею тебя без болезни убила?
Также скажи об отце и о сыне, покинутых мною:
Царский мой сан сохранился ли им? Иль другой уж на место
Избран мое и меня уж в народе считают погибшим?
Также скажи мне, что делает дома жена Пенелопа?
С сыном ли вместе живет, неизменная в верности мужу?
Иль уж с каким из ахейских владык сочеталася браком?»
Так я ее спросил; Антиклея мне так отвечала:
«Верность тебе сохраняя, в жилище твоём Пенелопа
Ждет твоего возвращенья с тоскою великой и тратит

Долгие дни и бессонные ночи в слезах и печали;
Царский твой сан никому от народа не отдан; бесспорно,
Дома своим Телемах достоянием владеет, пирами
Всех угощает, как то облеченному саном высоким
Следует; все и его угощают. Лаэрт же не ходит
Более в город; он в поле далеко живет, не имея
Там ни одра, ни богатых покровов, ни мягких подушек;
Дома в дождливое зимнее время он вместе с рабами
Спит на полу у огня, покровенный одеждой убогой;
В летнюю ж знойную пору иль поздней порою осенней
Всюду находит себе на земле он в саду виноградном
Ложу из листьев опалых, насыпанных мягкою грудой.
Там он лежит, и вздыхает, и сердцем крушится, и плачет,
Все о тебе помышляя; и старость его безотраднa.
Кончилась так и со мной; и моя совершилась судьбина.
Но не сестра Аполлонова с луком тугим Артемида
Тихой стрелою своею меня без болезни убила,
Также не медленный, мной овладевший недуг, растерзавши
Тело мое, из него изнуренную душу исторгнул:
Нет; но тоска о тебе, Одиссей, о твоём миролюбном
Нраве и разуме светлом до срока мою погубила
Сладостно-милую жизнь». И умолкла она. Увлеченный
Сердцем, обнять захотел я отшедшую матери душу;
Три раза руки свои к ней, любовью стремимый, простер я,
Три раза между руками моими она проскользнула
Тенью иль сонной мечтой, из меня вырывая стенанье.
Ей наконец, сокрушенный, я бросил крылатое слово:
«Милая мать, для чего, из объятий моих убегая,
Мне запрещаешь в жилище Аида прижаться к родному
Сердцу и скорбною сладостью плача с тобой поделиться?
Иль Персефона могучая вместо тебя мне прислала
Призрак пустой, чтоб мое усугубить великое горе?»
Так говорил я; мне мать благородная так отвечала:
«Милый мой сын, злополучнейший между людьми, Персефона,
Дочь Громовержца, тебя приводить в заблужденье не мыслит.
Но такова уж судьбина всех мертвых, расставшихся с жизнью.
Крепкие жилы уже не связуют ни мышц, ни костей их;
Вдруг истребляет пронзительной силой огонь погребальный
Все, лишь горячая жизнь охладельные кости покинет:
Вовсе тогда, улетевши, как сон, их душа исчезает.
Ты же на радостный свет поспеши возвратиться; но помни,
Что я сказала, чтоб все повторить при свиданье супруге».
Так, беседуя, мы говорили. Тогда мне явились
Призраки жен – их прислала сама Персефона; то были
В прежнее время супруги и дочери славных героев;
Черную кровь обступили они, подбежав к ней толпою;
Я же обдумывал, как бы мне их спросить поочередно
Каждую; вот что удобнейшим мне наконец показалось:
Меч длинноострый немедля схватил и, его обнаживши,
К крови приблизиться им не дозволил я всею толпою;
Друг за другом они по одной подходили и имя
Мне называли свое; и расспрашивать каждую мог я.
Прежде других подошла благороднорожденная Тиро,
Дочь Салмонеева, славная в мире супруга Крефея,
Сына Эолова; все о себе мне она рассказала:
Сердце свое Энипеем, рекою божественно-светлой,
Между реками земными прекраснейшей, Тиро пленила;
Часто она посещала прекрасный поток Энипея;
В образ облекся его Посейдон-земледержец, чтоб с нею
В устье волнисто-кипучем реки сочетаться любовью;
Воды пурпурные встали горой и, слившись прозрачным
Сводом над ними, сокрыли от взоров и бога и деву.
Девственный пояс ее развязал он, ей очи смеживши
Сном; и когда, распаленный, свое утолил вождельенье,
За руку взял, и по имени назвал ее, и сказал ей:
«Радуйся, богом любимая! Прежде чем полный свершится
Год, у тебя два прекрасные сына родятся (бесплоден
С богом союз не бывает), и их воспитай ты с любовью.

Но, возвратясь к домашним, мое называть им страшися
Имя; тебе же откроюся: я бог Посейдон-земледержец». Так он сказав, погрузился в морское глубокое лоно. В срок от нее близнецы Пелиас и Нелей родилися; Слуги могучие Зевса-эгидоносителя были Оба они; обладая стадами баранов, в Иолкосе Тучнополяннстом жил Пелиас; а Нелей жил в песчаном Пилосе. Но от Крефея еще родились у прекрасной Тиро Эсон, и Ферет, и могучий ездок Амифион. После нее мне предстала Асопова дочь Антиопа. Гордо хвалилась она, что объятия Дий отворил ей: Были плодом их любви Амфион и Зефос; положили Первое Фив семивратных они основанье и много Башен воздвигли кругом, поелику в широкоравнинных Фивах они, и могучие, жить не могли б без ограды. Амфитрионову после узрел я супругу Алкмену; Сына Геракла, столь славного силой и мужеством львиным, Зевсу она родила, целомудренно с ним сочетавшись. После явилась Мегара; Креон, необузданно-смелый, Был ей отцом; а супругом Геракл, в испытаниях твердый. Вслед за Мегарой предстала Эдипова мать Эпикаста; Страшно-преступное дело в незнанье она совершила, С сыном родным, умертвившим отца, сочетавшись браком. Скоро союз святотатный открыли бессмертные людям. Гибельно царствовать в Кадмовом доме, в возлюбленных Фивах Был осужден от Зевеса Эдип, безотрадный страдалец, Но Эпикаста Аидовы двери сама отворила: Петлю она роковую к бревну потолка прикрепивши, Ею плачевную жизнь прервала; одинок он остался Жертвой терзаний от скликанных матерью страшных Эринний. После явилась Хлорида; ее красотой пленясь, Некогда с ней сочетался Нелей, дорогими дарами Деву прельстивший; был царь Амфион Иасид, Орхомена Града Минийского славный властитель, отец ей; царица Пилоса, бодрых она сыновей даровала Нелею: Нестора, Хромия, жадного почестей Периклимена; После Хлорида и дочь родила, многославную Перу, Дивной красы; женихи отовсюду сошлись, но тому лишь Дочь непреклонный Нелей назначал, кто быков круторогих С поля Филакии сгонит, отняв у царя Ификлеса Силой все стадо его. Беспорочный взялся прорицатель Смелое дело свершить; но ему положили преграду Злая судьба, и темничные узы, и пастыри стада. Но когда миновались месяцы, дни пробежали и годы, Круг совершился и Оры весну привели, – Ификлесу Тайны богов он открыл; Ификлесева сила святая Узы его прервала, и исполнилась воля Зевеса. Славная Леда, супруга Тиндара, потом мне явилась; Ей родились от брака с Тиндаром могучим два сына: Коней смиритель Кастор и боец Полидевк многосильный. Оба землю они жизнедарною взяты живые; Оба и в мраке подземном честимы Зевесом; вседневно Братом сменяется брат; и вседневно, когда умирает Тот, воскресает другой; и к бессмертным причислены оба. Ифимедею, жену Алоея, потом я увидел; С ней сочетался, – хвалилась она, – Посейдон-земледержец; Были плодом их союза два сына (но краток был век их): Отос божественный с славным везде на земле Эфиальтом. Щедрая, станом всех выше людей их земля возрастила; Всех красотой затмевали они, одному Ориону В ней уступая; и оба, едва девяти лет достигнув, В девять локтей толщиной, вышиною же в тридевять были. Дерзкие стали бессмертным богам угрожать, что Олимп их Шумной войной потрясут и губительным боем взволнуют; Оссу на древний Олимп взгромоздить, Пелион многолесный Взбросить на Оссу они покушались, чтоб приступом небо Взять, и угрозу б они совершили, когда бы достигли Мужеской силы; но сын Громовержца, Латоной рожденный,

Прежде чем младости пух отенил их ланиты и первый
Волос пробилась на их подбородке, сразил их обоих.
Федру я видел, Прокриду; явилась потом Ариадна,
Дочь кознодея Миноса: из Крита бежать с ним в Афины
Деву прекрасную бодрый Тесей убедил; но не мог он
С ней насладиться любовью; убила ее Артемида
Тихой стрелой, наущенная Вакхом, на острове Дие.
Видел я Мойру, Климену, злодейку жену Эрифилу,
Гнусно предавшую мужа, прельстясь золотым ожерельем...
Всех их, однако, я счесть не могу; мне не вспомнить, какие
Там мне явились жены и дочери древних героев;
Целой бы ночи не стало на то; уж пора мне предаться
Сну, удаляясь ль на быстрый корабль ваш к товарищам бодрым,
Здесь ли оставшись; а вы мой отъезд учредите с богами.»
Так говорил Одиссей, – все другие сидели безмолвно
В светлой палате, и было у всех очаровано сердце.
Тут белорукая слово к гостям обратила Арета:
«Что, феакияне, скажете? Станом, и видом, и силой
Разума всех изумляет нас гость чужеземный. Хотя он,
Собственно, мой гость, но будет ему угощенье от всех нас;
В путь же его отсылать не спешите; нескучно дарами
Должно его, претерпевшего столько утрат, наделить нам:
Много у всех вас, по воле бессмертных, скопилось богатства».
Тут поднялся Эхеной, благородного племени старец,
Ранее всех современных ему феакиян рожденный.
«С нашим желаньем, друзья, – он сказал, – и намереньем нашим
Слово разумной царицы согласно; ему покориться
Должно, а царь Алкиной пусть на деле то слово исполнит».
Кончил. Ответствовал так Алкиной благородному старцу:
«Будет, что сказано, мною на деле исполнено так же
Верно, как то, что я жив и что царь я в земле феакиян
Веслолюбивых. Но странник, хотя и безмерно спешит он
В путь, подождет до утра, чтоб имели мы время подарки
Наши собрать; отправленье в отчизну его есть забота
Общая всем вам, моя ж наипаче: я здесь повелитель».
Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
«Царь Алкиной, благороднейший муж из мужей феакийских,
Если б и целый здесь год продержать вы меня захотели,
Мой учреждая отъезд и дары для меня собирая,
Я согласился б остаться, понеже мне выгодно будет
С полными в милую землю отцов возвратиться руками.
Больше почтен и с живейшею радостью принят я буду
Всеми, кто встретит меня при моем возвращенье в Итаку».
Он умолкнул; ему Алкиной отвечал дружелюбно:
«Царь Одиссей, мы, внимая тебе, не имеем обидной
Мысли, чтоб был ты хвастливый обманщик, подобный
Многим бродягам, которые землю обходят, повсюду
Ложь рассевая в нелепых рассказах о виденном ими.
Ты не таков; ты возвышен умом и пленителен речью.
Повесть прекрасна твоя; как разумный певец, рассказал ты
Нам об ахейских вождях и о собственных бедствиях; кончить
Должен, однако, ты повесть. Скажи ж, ничего не скрывая,
Видел ли там ты кого из могучих товарищей бранных,
Бывших с тобой в Илионе и черную встретивших участь?
Ночь несказанно долга; и останется времени много
Всем нам для сна безмятежного. Кончи ж начатую повесть;
Слушать тебя я готов до явления светлой денницы,
Если рассказывать нам о напастях своих согласишься».
Так говорил он; ответствовал так Одиссей хитроумный:
«Царь Алкиной, благороднейший муж из мужей феакийских,
Время на все есть; свой час для беседы, свой час для покоя;
Если, однако, желаешь теперь же дослушать рассказ мой,
Я повинюсь и все расскажу, что печального после
Я претерпел: как утратил последних спутников; также
Кто из аргивян, избегши гибели в битвах троянских,
Пал от убийцы, изменой жены, при возврате в отчизну.
После того как рассеяться призракам жен Персефона,
Ада царица, велела и все, разлетевшись, пропали –

Тень Агамемнона, сына Атревеева, тихо и грустно
Вышла; и следом за нею все тени товарищей, падших
В доме Эгиста с Атридом, с ним вместе постигнутых роком.
Крови напившись, меня во мгновение узнал Агамемнон.
Тяжко, глубоко вздохнул он; заплакали очи; простерши
Руки, он ими ко мне прикоснуться хотел, но напрасно:
Руки не слушались: не было в них уж ни сил, ни движенья.
Некогда члены могучего тела его оживлявших.
Слезы я пролил, увидя его; состраданье проникло
Душу мне; мертвому другу я бросил крылатое слово:
«Сын Атревеев, владыка людей, государь Агамемнон,
Паркой какою ты в руки навек усыпляющей смерти
Предан? В волнах ли тебя погубил Посейдон с кораблями,
Бурею бездну великую всю всколебавши? На суше ль
Был умерщвлен ты рукою врага, им захваченный в поле,
Где напал на его криворогих быков и баранов,
Или во граде, где жен похищал и сокровища грабил?»
Так спросил я его, и, ответствуя, так мне сказал он:
«О Лаэртид, многохитростный муж, Одиссей благородный!
Нет, не в волнах с кораблями я был погублен Посейдоном,
Бурные волны воздвигшим на бездне морской; не на суше
Был умерщвлен я рукою противника явного в битве;
Тайно Эгист приготовил мне смерть и плачевную участь;
С гнусной женою моею заодно, у себя на веселом
Пире убил он меня, как быка убивают при яслях;
Так я погиб, и товарищи верные вместе со мною
Были зарезаны все, как клычистые вепри, которых
В пышном доме гостелюбца, скопившего много богатства,
Режут на складочный пир, на роскошный обед иль на свадьбу.
Часто без страха видал ты, как гибли могучие мужи
В битве, иной одиноко, иной в многолюдстве сраженья, –
Здесь же пришел бы ты в трепет, от страха бы обмер, увидя,
Как меж кратер пировых, меж столами, покрытыми брашном,
Все на полу мы, дымящемся нашею кровью, лежали.
Громкие крики Приамовой дочери, юной Кассандры,
Близко услышал я: нож ей во грудь Клитемнестра вонзала
Подле меня; полумертвый лежа на земле, попытался
Хладную руку к мечу протянуть я: она равнодушно
Взор отвратила и мне, отходящему в область Аида,
Тусклых очей и мертвеющих уст запереть не хотела.
Нет ничего отвратительней, нет ничего ненавистней
Дерзко-бесстыдной жены, замышляющей хитро такое
Дело, каким всегда осрамилась она, приготовив
Мужу, богами ей данному, гибель. В отечество думал
Я возвратиться на радость возлюбленным детям и ближним –
Злое, напротив, замысля, кровавым убийством злодейка
Стыд на себя навлекла и на все времена посрамила
Пол свой и даже всех жен, поведением своим беспорочных».
Так говорил Агамемнон; ему отвечая, сказал я:
«Горе! Конечно, Зевес Громовержец потомству Атрея
Быть навсегда предназначил игралищем бедственных женских
Козней; погибло немало могучих мужей от Елены;
Так и тебе издалека устроила смерть Клитемнестра».
Выслушав слово мое, мне отвечал царь Агамемнон:
«Слишком доверчивым быть, Одиссей, берегись с женою;
Ей открывать простодушно всего, что ты знаешь, не должно;
Вверх ей одно, про себя сохрани осторожно другое.
Но для тебя, Одиссей, от жены не опасна гибель;
Слишком разумна и слишком незлобна твоя Пенелопа,
Старца Икария дочь благонравная; в самых цветущих
Летах, едва сопряженный с ней браком, ее ты покинул,
В Тройю отплыв, и грудной, лепетать не умевший, младенец
С ней был оставлен тогда; он, конечно, теперь заседает
В сонме мужей; и отец, возвратясь, с ним увидится; нежно
К сердцу родителя сам он, как следует сыну, прижмется...
Мне ж кознодейка жена не дала ни одним насладиться
Взглядом на милого сына; я был во мгновение зарезан.
Выслушай, друг, мой совет и заметь про себя, что скажу я:

Скрой возвращенье свое и войди с кораблем неприметно
В пристань Итаки: на верность жены полагаться опасно.
Сам же теперь мне скажи, ничего от меня не скрывая:
Мог ли ты что-нибудь сведать о сыне моем? Не слыхал ли,
Где он живет? В Орхомене ль? В песчаном ли Пилосе? В Спарте ль
Светлопространной у славного дяди, царя Менелая?
Ибо не умер еще на земле мой Орест благородный». —
Так спросил Агамемнон; ему отвечая, сказал я:
«Царь Агамемнон, о сыне твоём ничего я не знаю;
Где он и жив ли, сказать не могу; пустословие вредно». —
Так мы, о многом минувшем беседуя, друг подле друга
Грустно сидели, и слезы лилися по нашим ланитам.
Тень Ахиллеса, Пелеева сына, потом мне явилась;
С ним был Патрокл, Антилох беспорочный и сын Теламонов
Бодрый Аякс, меж ахейцами мужеским видом и силой
После Пелеева сына великого всех превзошедший.
Тень быстроногого внука Эакова, став предо мною,
Мне, возрыдавши, крылатое бросила слово: «Зачем ты
Здесь, Лаэртид, многохитростный муж, Одиссей благородный?
Что, дерзновенный, какое великое дело замыслил?
Как проникнул в пределы Аида, где мертвые только
Тени отшедших, лишённые чувства, безжизненно веют?» —
Так он спросил у меня, и, ему отвечая, сказал я:
«О Ахиллес, сын Пелеев, меж всеми данаями первый,
Здесь я за тем, чтоб Тиресий, слепец прорицатель, открыл мне
Способ вернейший моей каменистой Итаки достигнуть;
В землю ахейян еще я не мог возвратиться; отчизны
Милой еще не видал; я скитаюсь и бедствую. Ты же
Между людьми и минувших времен и грядущих был счастьем
Первый: живого тебя мы как бога бессмертного чтили;
Здесь же, над мертвыми царствуя, столь же велик ты, как в жизни
Некогда был; не ропщи же на смерть, Ахиллес богоравный». —
Так говорил я, и так он отвечал, тяжело вздыхая:
«О Одиссей, утешения в смерти мне дать не надейся;
Лучше б хотел я живой, как поденщик, работая в поле,
Службой у бедного пахаря хлеб добывать свой насущный,
Нежели здесь над бездушными мертвыми царствовать мертвый.
Ты же о сыне известием душу теперь мне порадуи.
Был ли в сраженье мой сын? Впереди ли у всех он сражался?
Также скажи, Одиссей, не слыхал ли о старце Пелее?
Все ли по-прежнему он повелитель земли мирмидонской?
Иль уж его и в Элладе и Фтии честить перестали,
Дряхлого старца, без рук и без ног, изнуренного в силах?
В области дня уж защитником быть для него не могу я;
Ныне уж я не таков, как бывало, когда в отдаленной
Трое губил ополченья и грудью стоял за ахейян.
Если б таким хоть на миг я в жилище отцовом явился,
Ужас бы сильная эта рука навела там на многих,
Власти Пелеев не чтящих и старость его оскорбивших». —
Так говорил Ахиллес, и, ему отвечая, сказал я:
«Сведать не мог ничего я о старце Пелее великом;
Но о твоём благородном, возлюбленном Неоптолеме
Все, Ахиллес, как желаешь, тебе расскажу я подробно.
Сам я его в корабле крутобоком моем от Скироса
Морем привез к меднолатным данаям в троянскую землю;
Там на советах вождей о судьбе Илиона всегда он
Голос свой прежде других подавал и в разумных сужденьях
Мною одним лишь и Нестором мудрым бывал побеждаем.
В поле ж троянском широком, где гибельной медью мы бились,
Он никогда близ дружин и в толпе не хотел оставаться;
Быстро вперед выбегал он один, упреждая храбрейших;
Много врагов от него в истребительной битве погибло;
Я ж не могу ни назвать, ни исчислить, сколь много народа
В крае троянском побил он, где грудью стоял за аргивян.
Так Еврипила, Телефова сына, губительной медью
Он ниспроверг, и кругом молодого вождя все кетейцы
Пали его, златолюбия женского бедственной жертвой.
После Мемнона, подобного богу, был всех он прекрасней.

В чрево коня, сотворенного чудно Эпеосом, скрыться
Был он с другими вождями назначен; а двери громады
Мне отворять, затворять и стеречь поручили ахейцы.
Все, при вступлении в конские недра, вожди отирали
Слезы с ланит, и у каждого руки и ноги тряслися;
В нем же едином мои никогда не подметили очи
Страха; не помню, чтоб он от чего побледнел, содрогнулся
Или заплакал. Не раз убеждал он меня из затвора
Дать ему выйти и, стиснув одною рукою двуострый
Меч, а другою обитое медью копье, порывался
В бой на троян. А когда был разрушен Приамов великий
Град, он с богатой добычей, с дарами почетными поплыл
В край свой, ни издали метким копьем, ни вблизи длинноострой
Медью меча не пронзенный ни разу, как часто бывает
В жарком бою, где убийство кипит и Арей веселится».
Так говорил я: душа Ахиллесова с гордой осанкой
Шагом широким, по ровному Асфодилонскому лугу
Тихо пошла, веселяся великою славою сына.
Души других знаменитых умерших явились; со мною
Грустно они говорили о том, что тревожило сердце
Каждому; только душа Теламонова сына Аякса
Молча стояла вдали, одинокая, все на победу
Злобясь мою, мне отдавшую в стане аргивян доспехи
Сына Пелеева. Лучшему между вождей повелела
Дать их Фемида; судили трояне; их суд им Афина
Тайно внушила... Зачем, о, зачем одержал я победу.
Мужа такого низведшую в недра земные? Погиб он,
Бодрый Аякс, и лица красотою и подвигов славою
После великого сына Пелеева всех превзошедший.
Голос возвысив, ему я сказал миротворное слово:
«Сын Теламонов, Аякс знаменитый, не должен ты, мертвый,
Доле со мной враждовать, сокрушаясь о гибельных, взятых
Мною оружиях; ими данаям жестокое боги
Зло приключили: ты, наша твердыня, погиб; о тебе мы
Все, как о сыне могучем Пелея, всечасно крушились,
Раннюю смерть поминая твою; в ней никто не виновен,
Кроме Зевеса, постигшего рать копыеносных данаев
Страшной бедою; тебя он судьбине безвременно предал.
Но подойди же, Аякс; на мгновенье беседой с тобою
Дай насладиться мне; гнев изгони из великого сердца».
Так я сказал; не отвечал он; за другими тенями
Мрачно пошел; напоследок сокрылся в глубоком Эребе.
Может быть, стал бы и гневный со мной говорить он иль я с ним,
Если б меня не стремилو желание милого сердца
Души других знаменитых умерших увидеть. И скоро
В аде узрел я Зевесова мудрого сына Миноса;
Скипетр в деснице держа золотой, там умерших судил он,
Сидя; они же его приговора, кто сидя, кто стоя,
Ждали в просторном с вратами широкими доме Аида.
После Миноса явилась гигантская тень Ориона;
Гнал по широкому Асфодилонскому лугу зверей он –
Их же своею железной ничем не крушимой дубиной
Некогда сам он убил на горах неприступно-пустынных.
Тития также увидел я, сына прославленной Геи;
Девять заняв десятин под огромное тело, недвижим
Там он лежал; по бокам же сидели два коршуна, рвали
Печень его и терзали когтями утробу. И руки
Тщетно на них подымал он. Латону, супругу Зевеса,
Шедшую к Пифию, он осрамил на лугу Панопейском.
Видел потом я Тантала, казнимого страшною казнью:
В озере светлом стоял он по горло в воде и, томимый
Жаркою жаждой, напрасно воды захлебнуть порывался.
Только что голову к ней он склонял, уповая напиться,
С шумом она убежала; внизу ж под ногами являлось
Черное дно, и его осушал во мгновение демон.
Много росло плодоносных дерев над его головою,
Яблонь, и груш, и гранат, золотыми плодами обильных,
Также и сладких смоковниц и маслин, роскошно цветущих.

Голодом мучась, лишь только к плодам он протягивал руку,
Разом все ветви дерев к облакам подымались темным.
Видел я также Сизифа, казнимого страшною казнию:
Тяжкий камень снизу обеими влек он руками
В гору; напрягши мышцы, ногами в землю упершись,
Камень двигал он вверх; но едва достигал до вершины
С тяжкою ношей, назад устремленный невидимой силой
Вниз по горе на равнину катился обманчивый камень.
Снова силится вздвинуть тяжесть он, мышцы напрягши,
Тело в поту, голова вся покрытая черною пылью.
Видел я там, наконец, и Гераклову силу, один лишь
Призрак воздушный; а сам он с богами на светлом Олимпе
Сладость блаженства вкушал близ супруги Гебеи, цветущей
Дочери Зевса от златообутой владычицы Геры.
Мертвые шумно летали над ним, как летают в испуге
Хищные птицы; и, темной подобясь ночи, держал он
Лук напряженный с стрелой на тугой тетиве и ужасно
Вдруг озирался, как будто готовясь выстрелить; страшный
Перевязь блеск издавала, ему поперек перерезав
Грудь златолитным ремнем, на котором с чудесным искусством
Львы грозноokie, дикие вепри, лесные медведи,
Битвы, убийства, людей истребленье изваяны были:
Тот, кто свершил бы подобное чудо искусства, не мог бы,
Сам превзошедши себя, ничего уж создать совершенней.
Взор на меня устремив, угадал он немедленно, кто я;
Жалобно, тяжко вздохнул и крылатое бросил мне слово:
«О Лазэртид, многохитростный муж, Одиссеей благородный,
Иль и тобой, злополучный, судьба непреклонно играет
Так же, как мной под лучами всезрящего солнца играла?
Сын я Крониона Зевса; но тем от безмерных страданий
Не был спасен; покориться под власть недостойного мужа
Мне повелела судьба. И труды на меня возлагал он
Тяжкие. Так и отсюда был пса троеглавого должен
Я увести: уповал он, что будет мне труд не по силам.
Я же его совершил, и похищен был пес у Аида;
Помощь мне подали Эрмий и дочь Громовержца Афина».
Так мне сказав, удалился в обитель Аидову призрак.
Я ж неподвижно остался на месте и ждал, чтоб явился
Кто из могучих героев, давно знаменитых и мертвых.
Видеть хотел я великих мужей, в отдаленные веки
Славных, богами рожденных, Тесея царя, Пирифоя,
Многих других; но, толпою бесчисленной души слетевшись,
Подняли крик несказанный; был схвачен я ужасом бледным,
В мыслях, что хочет чудовище, голову страшной Горгоны,
Выслать из мрака Аидова против меня Персефона.
Я побежал на корабль и велел, чтоб, не медля нимало,
Люди мои на него собрались и канат отвязали.
Все на корабль собрались и сели на лавках у весел.
Судно спокойно пошло по течению вод Океана,
Прежде на веслах, потом с благовеющим ветром попутным.

Песнь двенадцатая

Вечер тридцать третьего дня

Одиссеей оканчивает свое повествование. Возвращение на остров Эю. Погребение Ельпенора. Цирцея описывает Одиссею опасности, ему на пути предстоящие. Он покидает ее остров. Сирены. Бродящие скалы. Плавание между утесов Харибды и Скиллы, которая разом похищает шестерых из спутников Одиссея. Вопреки Одиссею, корабль его останавливается у берегов Тринакрии. Спутники его, задержанные на острове противными ветрами, истощив все свои запасы, терпят голод и наконец, нарушив данную ими клятву, убивают быков Гелиоса. Раздраженный бог требует, чтобы Зевес наказал святотатство, и корабль Одиссеев, вышедший снова в море, разбит Зевесовым громом. Все погибают в волнах, кроме Одиссея, который, снова избегнув Харибды и Скиллы, брошен наконец на берег Калипсина острова.

Быстро своим кораблем Океана поток перерезав,
Снова по многоиспытному морю пришли мы на остров
Эю, туда, где в жилище туманнорожденные Эос
Легкие Оры ведут хороводы, где Гелиос всходит;
К брегу пристав, на песок мы корабль быстроходный встали;

Сами же, вышед на брег, поражаемый шумно волнами,
Сну предались в ожиданье восхода на небо денницы.
Встала из мрака младая с перстами пурпурными Эос.
Спутников скливав, послал я их к дому Цирцеи, чтоб взять там
Труп Ельпеноров, его принести и свершить погребенье.
Много дерев нарубив, мы на самом возвышенном месте
Берега предали тело земле с сокрушеньем и плачем.
После ж того как сожжен был со всеми доспехами мертвый,
Холм гробовой мы насыпали, памятный столб утвердили,
Гладкое в землю на холме воткнули весло; и священный
Долг погребения был совершен. Но Цирцея узнала
Скоро о нашем прибытии к ней от пределов Аида.
Светлой одеждой облекшись, она к нам пришла; и за нею
С хлебом, и мясом, и пеннопурпурным вином молодые
Девы пришли; и богиня богинь, к нам приблизась, сказала:
«Люди железные, заживо зревшие область Аида,
Дважды узнавшие смерть, всем доступную только однажды,
Бросьте печаль и беспечно едой и питьем утешайтесь
Ныне, во все продолжение дня; с наступлением же утра
Далее вы поплывете; я путь укажу и благое
Дам наставленья, чтоб снова какая безумием вашим
Вас не постигла напасть ни на суше, ни на море темном».
Так нам сказала, и мы покорились ей мужеским сердцем.
Жертву принеся, мы целый там день до вечернего мрака
Ели прекрасное мясо и сладким вином утешались.
Солнце тем временем скрылось, и тьма наступила ночная.
Люди в том месте легли, где корабль утвержден был канатом;
Мне же Цирцея приветливо руку дала; и когда я
Сел в отдаленье от прочих, легла близ меня и вопросы
Стала мне делать; и ей обо всем рассказал я подробно.
Светлая так напоследок сама мне сказала богиня:
«Дело одно совершил ты успешно; теперь со вниманьем
Выслушай то, что скажу, что потом и от бога услышишь.
Прежде всего ты увидишь сирен; неизбежную чарой
Ловят они подходящих к ним близко людей мореходных.
Кто, по незнанию, к тем двум чародейкам приблизась, их сладкий
Голос услышит, тому ни жены, ни детей малолетних
В доме своем никогда не утешить желанным возвратом:
Пением сладким сирены его очаруют, на светлом
Сидя лугу; а на этом лугу человеческих белеет
Много костей, и разбросаны тлеющих кож там лохмотья.
Ты ж, заклеивши товарищам уши смягченным медвяным
Воском, чтоб слышать они не могли, проплыви без оглядки
Мимо; но ежели сам роковой пожелаешь услышать
Голос, вели, чтоб тебя по рукам и ногам привязали
К мачте твоей корабельной крепчайшей веревкой; тогда ты
Можешь свой слух без вреда удовольствовать гибельным пеньем.
Если ж просить ты начнешь иль приказывать станешь, чтоб сняли
Узы твои, то двойными тебя пусть немедленно свяжут.
После, когда вы минуете остров сирен смертоносный,
Две вам дороги представятся; дать же совет здесь, какую
Выбрать из двух безопаснее, мне невозможно; своим ты
Должен рассудком решить. Опишу я и ту и другую.
Прежде увидишь стоящие в море утесы; кругом их
Шумно волнуется зыбь Амфитриты лазоревоокой;
Имя бродящих дано им богами; близ них никакая
Птица не смеет промчатся, ни даже амбросию Зевсу
Легким полетом носящие робкие голуби; каждый
Раз пропадает из них там один, об утес убиваясь;
Каждый раз и Зевес заменяет убитого новым.
Все корабли, к тем скалам подходившие, гибли с пловцами;
Доски одни оставались от них и бездушные трупы,
Шумной волною и пламенным вихрем носимые в море.
Только один, все моря обежавший, корабль невредимо
Их миновал – посетитель Эета, прославленный Арго;
Но и его на утесы бы кинуло море, когда б он
Там не прошел, провожаемый Герой, любившей Ясона.
После ты две повстречаешь скалы: до широкого неба

Острой вершиной восходит одна, облака окружают
Темносгущенные ту высоту, никогда не редая.
Там никогда не бывает, ни летом, ни осенью, светел
Воздух; туда не взойдет и оттоль не сойдет ни единый
Смертный, хотя б с двадцатью был руками и двадцать
Ног бы имел, – столь ужасно, как будто обтесанный, гладок
Камень скалы; и на самой ее середине пещера,
Темным жерлом обращенная к мраку Эреба на запад;
Мимо ее ты пройдешь с кораблем, Одиссей многославный;
Даже и сильный стрелок не достигнет направленной с моря
Быстролетящей стрелою до входа высокой пещеры;
Страшная Скилла живет искони там. Без умолку лая,
Визгом пронзительным, визгу щенка молодого подобным,
Всю оглашает окрестность чудовище. К ней приближаться
Страшно не людям одним, но и самым бессмертным. Двенадцать
Двигается спереди лап у нее; на плечах же косматых
Шесть подымается длинных, изгибистых шей; и на каждой
Шее торчит голова, а на челюстях в три ряда зубы,
Частые, острые, полные черною смертью, сверкают;
Вдвинувшись задом в пещеру и выдвинув грудь из пещеры,
Всеми глядит головами из лога ужасная Скилла.
Лапами шаря кругом по скале, обливаемой морем,
Ловит дельфинов она, тюленей и могучих подводных
Чуд, без числа населяющих хладную зыбь Амфитриты.
Мимо ее ни один мореходец не мог невредимо
С легким пройти кораблем: все зубастые пасти разинув,
Разом она по шести человек с корабля похищает.
Близко увидишь другую скалу, Одиссей многославный:
Ниже она; отстоит же от первой на выстрел из лука.
Дико растет на скале той смоковница с сенью широкой.
Страшно все море под тою скалою тревожит Харибда,
Три раза в день поглощая и три раза в день извергая
Черную влагу. Не смей приближаться, когда поглощает:
Сам Посейдон от гибели верной тогда не избавит.
К Скиллиной ближе держась скале, проведи без оглядки
Мимо корабль быстроходный: отраднее шесть потерять вам
Спутников, нежели вдруг и корабль потопить и погибнуть
Всем». Тут умолкла богиня; а я, отвечая, сказал ей:
«Будь откровенна, богиня, чтоб мог я всю истину ведать:
Если избегнуть удастся Харибды, могу ли отбиться
Силой, когда на спутников бросится жадная Скилла?»
Так я спросил, и, ответствуя, так мне сказала богиня:
«О необузданный, снова о подвигах бранных замыслил;
Снова о бое мечтаешь; ты рад и с богами сразиться.
Знай же: не смертное зло, а бессмертное Скилла. Свирепа,
Дико сильна, ненасытна, сражение с ней невозможно.
Мужество здесь не поможет; одно здесь спасение – бегство.
Горе, когда ты хоть миг там для тщетного боя промедлишь:
Высунет снова она из своей недоступной пещеры
Все шесть голов и опять с корабля шестерых на пожранье
Схватит; не медли ж; поспешно пройди; призови лишь Кратейю:
Скиллу она родила на погибель людей, и одна лишь
Дочь воздержат от второго на вас нападения может.
Скоро потом ты увидишь Тринакрию остров; издавна
Гелиос тучных быков и баранов пасет там на пышных,
Злачных равнинах; семь стад составляют быки; и бараны
Столько ж; и в каждом их стаде числом пятьдесят; и число то
Вечно одно; не плодятся они, и пасут неусыпно
Их фазтуса с Лампетией, пышнокудрявые нимфы.
Гелиос их Гиперион с божественной прижил Неерой.
Светлая мать, дочерей воспитавши, в Тринакрии знойной
Их поселила, чтоб там, от людей в удалении, девы
Тучных быков и баранов отцовых пасли неусыпно.
Будешь в Итаке, хотя и великие бедствия встретишь,
Если воздержишься руку поднять на стада Гелиоса;
Если же руку подымеешь на них, то пророчу погибель
Всем вам: тебе, кораблю и спутникам; сам ты избегнешь
Смерти; но, всех потеряв, одинок возвратишься в отчизну».

Так говорила она. Златотронная Эос явилась
На небе; в дом свой богиня пошла, разлучившись со мною.
Я ж, к своему кораблю возвратясь, повелел, чтоб немедля
Спутники все на него собрались и канат отвязали;
Все на него собрались и, севши на лавках у весел,
Разом могучими веслами вспенили темные воды.
Был нам на темных водах провожатым надежным попутный
Ветер, пловцам благовоющий друг, парусов надуватель,
Послан приветноречивою, светлокудрявой богиней.
Все корабельные снасти порядком убрав, мы спокойно
Плыли; корабль наш бежал, повинуясь кормилу и ветру.
Я ж, обратясь к сопутникам, так им сказал, сокрушенный:
«Должно не мне одному и не двум лишь, товарищи, ведать
То, что нам всем благосклонно богиня богинь предсказала:
Все вам открою, чтоб, зная свой жребий, могли вы бесстрашно
Или погибнуть, иль смерти и Керы могучей избегнуть.
Прежде всего от волшебного пенья сирен и от луга
Их цветоносного нам уклониться велела богиня;
Мне же их голос услышать позволила; прежде, однако,
К мачте меня корабельной веревкой надежною плотно
Вы привяжите, чтоб был я совсем неподвижен; когда же
Стану просить иль приказывать строго, чтоб сняли с меня вы
Узы, – двойными скрутите мне узами руки и ноги».
Так говорил я, лишь нужное людям моим открывая.
Тою порой крепкозданный корабль наш, пlying, приближался
К острову страшных сирен, провожаемый легким попутным
Ветром; но вдруг успокоился ветер, и тишь воцарилась
На море: демон уладил пучины зыбучее лоно.
Вставши, товарищи парус ненужный свернули, сцепили
С мачты его, уложили на палубе, снова на лавки
Сели и гладкими веслами вспенили тихие воды.
Я же, немедля медвяного воску округ изрубивши
В мелкие части мечом, раздавил на могучей ладони
Воск; и мгновенно он сделался мягким; его благосклонно
Гелиос, бог-жизнедатель, лучом разогрел теплоносным.
Уши товарищам воском тогда заклеил я; меня же
Плотной веревкой они по рукам и ногам привязали
К мачте так крепко, что было нельзя мне ничем шевельнуться.
Снова под сильными веслами вспенилась темная влага.
Но в расстоянье, в каком призывающий голос бывает
Внятен, сирены увидели мимо плывущий корабль наш.
С берегом он их поравнялся; они звонкогласно запели:
«К нам, Одиссей богоравный, великая слава ахеян,
К нам с кораблем подойди; сладкопеньем сирен насладися,
Здесь ни один не проходит с своим кораблем мореходец,
Сердцеуладного пенья на нашем лугу не послушав;
Кто же нас слышал, тот в дом возвращается, многое сведав.
Знаем мы все, что случилось в троянской земле и какая
Участь по воле бессмертных постигла троян и ахеян;
Знаем мы все, что на лоне земли многодарной творится».
Так нас они сладкопеньем пленительным звали. Влекомый
Сердцем их слушать, товарищам подал я знак, чтоб немедля
Узы мои разрешили; они же удвоенной силой
Начали грести; а, ко мне подошед, Перимед с Еврилохом
Узами новыми крепче мне руки и ноги стянули.
Но когда удалился корабль наш и более слышать
Мы не могли уж ни гласа, ни пенья сирен бедоносных,
Верные спутники вынули воск размягченный, которым
Уши я им заклеил, и меня отвязали от мачты.
Остров сирен потеряли мы из виду. Вдруг я увидел
Дым и волненья великого шум повсеместный услышал.
Выпали весла из рук у гребцов уstraшенных; повиснув
Праздно, они по волнам, колыхавшим их, бились; а судно
Стало, понеже не двигались весла, его принуждавшие к бегу.
Я же его обежал, чтоб людей ободрить оробелых;
Каждому сделал приветствие, ласково всем им сказал я:
«Спутники в бедствиях, мы небозопытны; всё мы сносили
Твердо; теперь же беда предстоит не страшнее постигшей

Нас, заключенных в пещере свирепой силой циклопа.
Мужеством, хитрым умом и советом разумным тогда я
Всех вас избавил; о том не забыли вы, думаю; будьте ж
Смелы и ныне, исполнив покорно все то, что велю вам.
Силу удвойте, гребцы, и дружнее по влаге зыбучей
Острыми веслами бейте; быть может, Зевес-покровитель
Нам от гибели близкой уйти невредимо поможет.
Ты же внимание, кормщик, удвой; на тебя попечение
Главное я возлагаю – ты правишь кормой корабельной:
В сторону должен ты судно отвести от волнения и дыма,
Видимых близко, держися на этот утес, чтоб не сбиться
Вбок по стремленью, – иначе корабль, несомненно, погибнет».
Так я сказал; все исполнилось точно и скоро; о Скилле ж
Я помянуть не хотел: неизбежно чудовище было;
Весла б они побросали от страха и, грести переставши,
Праздно б столпились внутри корабля в ожиданье напасти.
Сам же я, вовсе забыв повеление строгой Цирцеи,
Мне запретившей оружие брать для напрасного боя,
Славные латы на плечи накинул и, два медноострых
В руки схвативши копья, подошел к корабельному носу
В мыслях, что прежде туда из глубокого жадная Скилла
Бросится лога и там ей попавшихся первых похитит.
Тщетно искал я очами ее, утомил лишь напрасно
Очи, стараясь проникнуть в глубокое недра утеса.
В страхе великом тогда проходили мы тесным проливом;
Скилла грозила с одной стороны, а с другой пожирала
Жадно Харибда соленую влагу: когда извергались
Воды из чрева ее, как в котле, на огне раскаленном,
С свистом кипели они, клокоча и буровясь; и пена
Вихрем взлетала на обе вершины утесов; когда же
Волны соленого моря обратно глотала Харибда,
Внутренность вся открывалась ее: перед зевом ужасно
Волны сшибались, а в недрах утробы открыто кипели
Тина и черный песок. Мы, объятые ужасом бледным,
В трепете очи свои на грозящую гибель вперяли.
Тою порой с корабля шестерых, отличавшихся бодрой
Силой товарищей, разом схватя их, похитила Скилла;
Взор на корабль и на схваченных вдруг обративши, успел я
Только их руки и ноги вверху над своей головою
Мельком приметить: они в высоте призывающим гласом
Имя мое прокричали с последнею скорбью сердца.
Так рыболов, с каменистого берега длинносогбенной
Удой кидающий в воду коварную рыбам приманку,
Рогом быка лугового их ловит, потом, из воды их
Выхватив, на берег жалко трепещущих быстро бросает:
Так трепетали они в высоте, унесенные жадною Скиллой.
Там перед входом пещеры она сожрала их, кричащих
Громко и руки ко мне простирающих в лютом терзанье.
Страшно тут я очами узрел, и страшней ничего мне
Зреть никогда в продолжение странствий моих не случалось.
Скиллин утес миновав и избегнув свирепой Харибды,
Прибыли к острову мы наконец светоносного бога.
Там на зеленых равнинах быки криворогие мирно
С множеством тучных баранов паслись, Гелиосово стадо.
С моря уже, находясь на палубе, явственно мог я
Тяжкое слышать мычанье быков, на свободе гулявших,
С шумным блеяньем баранов; и тут же пришло мне на память
Слово слепого пророка Тиресия фивского с строгим
Словом Цирцеи, меня миновать убеждавшей опасный
Остров, где властвовал Гелиос, смертных людей утешитель.
Тут к сокрушенным спутникам речь обратил я такую:
«Верные спутники, слушайте то, что, печальный, скажу вам:
Сведать должны вы пророка Тиресия фивского слово
С словом Цирцеи, меня миновать убеждавшей опасный
Остров, где властвует Гелиос, смертных людей утешитель:
Там несказанное бедствие ждет нас, они утверждают.
Мимо, товарищи, черный корабль провести поспешите».
Так я сказал; в их груди сокрушилось милое сердце.

Мне ж, возражая, ответствовал так Еврилох непокорный:
«Ты, Одиссей, непреклонно-жесток; одарен ты великой
Силой; усталости нет для тебя, из железа ты скован.
Нам, изнуренным, бессильным и столь уж давно не вкушавшим
Сна, запрещаешь ты на берег выйти. Могли б приготовить
Ужин мы вкусный на острове, сладко на нем отдохнувши.
Ты ж нас иди наудачу в холодную ночь принуждаешь
Мимо приятного острова в темное, мглистое море.
Ночью противные ветры шумят, корабли истребляя.
Кто избежит потопления верного, если во мраке
Вдруг с неожиданной бурей на черное море примчится
Нот иль Зефир истребительно-быстрый? От них наиболее
В бездне морской, вопреки и богам, корабли погибают.
Лучше теперь, покоровшись велению темных ночи,
На берег выйдем и ужина вблизи корабля приготовим.
Завтра ж с денницею пустимся снова в пространное море».
Так говорил Еврилох, и товарищи с ним согласились.
Стало мне ясно тогда, что готовил нам бедствие демон.
Голос возвысив, безумцу я бросил крылатое слово:
«Здесь я один, оттого и ответ, Еврилох, твой так дерзок.
Слушайте ж: мне поклянитесь великою клятвой, что, если
Встретите стадо быков криворогих иль стадо баранов
Там, на зеленых лугах, святотатной рукой не коснетесь
К ним и убить ни быка, ни барана отнюдь не дерзнете.
Пищью нас на дорогу обильно снабдила Цирцея».
Спутники клятвой великою мне поклялись; когда же
Все поклялись и клятву свою совершили, в заливе
Острова тихом мы стали с своим кораблем крепкозданным.
Близко была ключевая вода; все товарищи, вышед
На берег, вкусный проворно на нем приготовили ужин;
Свой удовольствовав голод обильным питьем и едою,
Стали они поминать со слезами о милых погибших,
Схваченных вдруг с корабля и растерзанных Скиллой пред нами.
Скоро на плачущих сон, усладите ль печалей, спустился.
Треть совершилась ночи, и темного неба на онпол
Звезды склонилися – вдруг Громовержец Кронион Борея,
Страшно ревущего, выслал на нас, облака обложили
Море и землю, и темная с грозного неба сошла ночь.
Встала из мрака младая с перстами пурпурными Эос;
Черный корабль свой от бури мы скрыли под сводом пещеры,
Где в хороводы веселые нимфы полей собирались.
Тут я товарищей всех пригласил на совет и сказал им:
«Черный корабль наш, друзья, запасен и питьем и едою.
Бойтесь же здесь на стада подымать святотатную руку;
Бог обладает здесь всеми стадами быков и баранов,
Гелиос светлый, который все видит, все слышит, все знает».
Так я сказал, и они покорились мне мужеским сердцем.
Но беспрестанно весь месяц свирепствовал Нот; все другие
Ветры молчали; порою лишь Евр подымался восточный.
Спутники, хлеба довольно имея с вином пурпуровым,
Были спокойны; быков Гелиосовых трогать и в мысли
Им не входило; когда же съестной наш запас истощился,
Начали пищу охотой они промышлять, добывая
Что где случалось: стреляли дичину иль рыбу
Острогобными крючьями удили – голод томил их.
Раз, помолиться желая богам, чтоб они нам открыли
Путь, одинокой дорогой я шел через остров: неволью,
Тою дорогой идя, от товарищей я удалился;
В месте, защитном от ветра, я руки умыл и молитвой
Теплой к бессмертным владыкам Олимпа, к богам обратился.
Сладкий на вежды мне сон низвели нечувствительно боги.
Злое тогда Еврилох предложение спутникам сделал:
«Спутники верные, слушайте то, что скажу вам, печальный;
Всякий род смерти для нас, земнородных людей, ненавистен;
Но умереть голодною смертью всего ненавистней.
Выберем лучшим быков в Гелиосовом стаде и в жертву
Здесь принесем их богам, беспредельного неба владыкам.
После – когда возвратимся в родную Итаку, воздвигнем

В честь Гелиоса, над нами ходящего бога, богатый
Храм и его дорогами дарами обильно украсим;
Если ж, утратой своих круторогих быков раздраженный,
Он совокупно с другими богами корабль погубить наш
В море захочет, то легче, в волнах захлебнувшись, погибнуть
Вдруг, чем на острове диком от голода медленно таять».
Так говорил Еврилох, и спутники с ним согласились.
Лучших тогда из быков Гелиосовых, вольно бродивших,
Взяли они – невдали корабля темноносого стадо
Жирных, огромнорогатых и лбистых быков там гуляло, –
Их обступили, безумцы; воззвавши к богам олимпийским,
Листьев нарвали они с густоглавого дуба, ячменя
Боле в запасе на черном своем корабле не имея.
Кончив молитву, зарезав быков и содравши с них кожи,
Бедрa они все отсекли, а кости, обвитые дважды
Жиром, кровавыми свежего мяса кусками обклали.
Но, не имея вина, возлиянье они совершили
Просто водою и бросили в жертвенный пламень утробу,
Бедрa сожгли, остальное же, сладкой утробы отведав,
Все изрубили на части и стали на вертелах жарить.
Тут улетел усладительный сон, мне ресницы смыкавший.
Я, пробудившись, пошел к кораблю на песчаное взморье
Шагом поспешным; когда ж к кораблю подходил, благовонным
Запахом пара мясного я был поражен; содрогнувшись,
Жалобный голос упрека вознес я к богам олимпийским:
«Зевс, наш отец и владыка, блаженные, вечные боги,
Вы на беду обольстительный сон низвели мне на вежды;
Спутники там без меня святотатное дело свершили».
Тою порой о убийстве быков Гиперионов светлый
Сын извещен был Лампетией, длинноодеянной девой.
С гневом великим к бессмертным богам обратясь, он воскликнул:
«Зевс, наш отец и владыка, блаженные, вечные боги,
Жалуюсь вам на людей Одиссея, Лаэртова сына!
Дерзко они у меня умертвили быков, на которых
Так любовался всегда я – всходил ли на звездное небо,
С звездного ль неба сходил и к земле ниспускался.
Если же вами не будет наказано их святотатство,
В область Аида сойду я и буду светить для умерших».
Гневному богу отвечив так тученосец Кронион:
«Гелиос, смело сияй для бессмертных богов и для смертных,
Року подвластных людей, на земле плодоносной живущих.
Их я корабль чернобокий, низвергнувши пламенный гром свой,
В море широко на мелкие части разбить не замедлю».
(Это мне было открыто Калипсой божественной; ей же
Все рассказал вестносец крылатый Кронионов Эрмий.)
Я, возвратясь к кораблю своему на песчаное взморье,
Спутников собрал и всех одного за другим упрекал; но исправить
Зла нам уж было не можно; быки уж зарезаны были.
Боги притом же и знаменье, в страх нас приведшее, дали:
Кожи ползли, а сырое на вертелах мясо и мясо,
Снятое с вертелов, жалобно рев издавали бычачий.
Целые шесть дней мои непокорные спутники дерзко
Били отборных быков Гелиоса и ели их мясо;
Но на седьмой день, предызбранный тайно Кронионом Зевсом,
Ветер утих, и шуметь перестала сердитая буря.
Мачту поднявши и белый на мачте расправивши парус,
Все мы взошли на корабль и пустились в открытое море.
Но, когда в отдалении остров пропал и исчезла
Всюду земля и лишь небо, с водами слиянное, зрелось,
Бог Громовержец Кронион тяжелую темную тучу
Прямо над нашим сгустил кораблем, и под ним потемнело
Море. И краток был путь для него. От заката примчался
С воем Зефир, и восстала великая бури тревога;
Лопнули разом веревки, державшие мачту; и разом
Мачта, сломясь, с парусами своими, гремящая, пала
Вся на корму и в паденье тяжелым ударом разбила
Голову кормщику; череп его под упавшей громадой
Весь был расплюснут, и он, водолазу подобно, с высоких

Ребр корабля кувырнувшись вглубь, там пропал, и из тела
Дух улетел. Тут зовес, заблистав, на корабль громовую
Бросил стрелу; закружилось пронзенное судно, и дымом
Серным его обхватило. Все разом товарищи были
Сброшены в воду, и все, как вороны морские рассеясь,
В шумной исчезли пучине – возврата лишил их Кронион.
Я ж, уцелев, меж обломков остался до тех пор, покуда
Киль водой не отбило от ребр корабельных: он поплыл;
Мачта за ним поплыла; обвивался сплетенный из крепкой
Кожи воловьей ремень вокруг нее; за ремень уцепившись,
Мачту и киль им поспешно опутал и плотно связал я,
Их обхватил и отдался во власть беспредельного моря.
Стихнул Зефир, присмирела сердитая буря; но быстрый
Нот поднялся: он меня в несказанную ввергнул тревогу.
Снова обратной дорогой меня на Харибду помчал он.
Целую ночь был туда я несом; а когда воссияло
Солнце – себя я узрел меж скалами Харибды и Скиллы.
В это мгновение влагу соленую хлябь поглощала;
Я, ухватясь за смоковницу, росшую там, прицепился
К ветвям ее, как летучая мышь, и повис, и нельзя мне
Было ногой ни во что упереться – висел на руках я.
Корни смоковницы были далеко в скале и, расширясь,
Ветви объемом великим Харибду кругом осеняли;
Так там, вися без движения, ждал я, чтоб вынесли волны
Мачту и киль из жерла, и в тоске несказанной я долго
Ждал – и уж около часа, в который судья, разрешивши
Юношей тяжбу, домой вечерять, утомленный, уходит
С площади, – выплыли вдруг из Харибды желанные бревна.
Бросился вниз я, раскинувши руки и ноги, и прямо
Тяжестью всю упал на обломки, несомые морем.
Их оседлавши, я начал руками, как веслами, править.
Скилле ж владыка бессмертных Кронион меня не дозволил
В море приметить: иначе была б неизбежна погибель.
Девять носился я дней по водам; на десятый с наставшей
Ночью на остров Огигию выброшен был, где Калипсо
Царствует, светлокудрявая, сладкоречивая нимфа.
Принят я был благосклонно богиней. Об этом, однако,
Мне говорить уж не нужно: вчера описал я подробно
Все и тебе и царице; весьма неразумно и скучно
Снова рассказывать то, что уж мы рассказали однажды.»

Песнь тринадцатая

Тридцать четвертый день и утро тридцать пятого
Одиссей, одаренный щедро царем Алкиноем, царицею Аретою и феакийцами, покидает с
наступлением ночи их остров. Он засыпает. Тем временем корабль феакийский,
быстро совершив свое плавание, достигает Итаки. Вошедши в пристань Форкинскую,
мореходцы выносят Одиссея на берег сонного и там оставляют его со всеми
сокровищами, полученными им от феакийцев. Они удаляются. Раздраженный Посейдон
превращает корабль их в утес. Одиссей пробуждается, но не узнает земли своей,
которую Афина покрыла густым туманом. Богиня встречается с ним под видом юноши.
Он рассказывает ей о себе вымышленную повесть; тогда Афина открывается ему,
приняв на себя образ девы. Спрятав сокровища Одиссеевы в гроте наяд, богиня дает
ему наставление, как отмстить женихам, превращает его в старого нищего и,
повелев ему идти во внутренность острова к свинопасу Евмею, сама улетает в
Лакедемон к Телемаху.

Так Одиссей говорил; и ему в потемневшем чертоге
Молча внимали другие, и все очарованы были.
Тут обратилась к нему Алкиноева сила святая:
«Если мой дом меднокованный ты посетил, благородный
Царь Одиссей, то могу уповать, что препятствий не встретишь
Ныне, в отчизну от нас возвращаясь, хотя и немало
Бед испытал ты. А я обращусь теперь, феакийцы,
К вам, ежедневно вино искрометное пьющим со мною
В царских палатах, внимая струнам золотым песнопевца.
Все уж в ковчеге лежит драгоценном; и данные гостю
Ризы, и чудной работы златые сосуды, и много
Разных подарков других от владык феакийских; пускай же
К ним по большому котлу и треножнику прочной работы

Каждый прибавит; себя ж наградим за убытки богатым
Сбором с народа: столь щедро дарить одному не по силам».
Так Алкиной говорил; и, одоббив его предложение,
Все по домам разошлись, о ложе и сне помышляя.
Встала из мрака молодая с перстами пурпурными Эос.
Каждый поспешно отнес на корабль меднолитную утварь;
Как же ту утварь под лавками судна укласть (чтоб работать
Веслами в море могли, не вредя ей, гребцы молодые),
Сам Алкиной, обошедши корабль, осторожно устроил.
Все они в царских палатах потом учредили обед свой.
Тут собирателю туч, громоносцу Крониону Зевсу,
В жертву быка принесла Алкиноева сила святая.
Бедра предавши огню, насладились роскошною пищею
Гости; и, громко звуча вдохновенною лирой, пред ними
Пел Демодок, многотимый в народе. Но голову часто
Царь Одиссей обращал на всемирно-светящее солнце,
С неба его понуждая сойти, чтоб отъезд ускорить свой.
Так помышляет о сладостном вечере пахарь, день целый
Свежее поле с четою волов бороздивший могучим
Плугом, и весело день провожает он взором на запад –
Тащится тяжелой стогою домой он готовить свой ужин.
Так Одиссей веселился, увидя склоненье на запад
Дня. Обращаясь ко всем феакиянам вместе, такое
Слово сказал он, глаза устремив на царя Алкиноя:
«Царь Алкиной, благороднейший муж из мужей феакийских,
В путь снарядите меня, сотворив возлиянье бессмертным;
Сами же радуйтесь. Все уж готово, чего так желало
Милое сердце, корабль и дары; да пошлют благодать мне
Боги Ураниды ныне, чтоб я, возвратясь в отчизну,
Дома жену без порока нашел и возлюбленных ближних
Всех сохраненных; а вы благоденствуйте каждый с своею
Сердцем избранной супругой и с чадами; все да пошлют вам
Доброе боги; и зло никакое чтоб вас не коснулось».
Кончил; и все, изъявив одобренье, решили немедля
Гостя, пленившего их столь разумною речью, отправить
В путь. Обратясь тогда к Понтоною, сказал феакиянин
Царь благородный: «Наполни кратеры вином и подай с ним
Чаши, дабы, помолившись владыке Крониону Зевсу,
Странника в милую землю отцов отпустили мы с миром».
Так он сказал и, кратеры наполнив вином благовонным,
Подал с ним чаши гостям Понтоной; и они возлиянье
Им совершили богам, беспредельного неба владыкам,
Каждый на месте своем. Одиссей хитромысленный, вставши,
Подал царице Арете двурядный кубок; потом он,
Голос возвысив, ей бросил крылатое слово: «Царица,
Радуйся ныне и жизнь проводи беспечально, доколе
Старость и смерть не придут в обреченное каждому время.
Я возвращаюсь в отеческий дом свой; а ты благоденствуй
Дома с детьми, с домочадцами, с добрым царем Алкиноем».
Слово такое сказав, через медный порог перешел он.
С ним повелел Понтоною идти Алкиной, чтоб ему он
Путь указал к кораблю и к песчаному берегу морскому.
Также царица Арета послала за ним трех домашних служанок,
С вымытой чисто одеждой одну и с хитоном, другую
С отданным ей в сохраненье блестящим ковчегом, а третью
С светло-пурпурным вином и с запасом еды на дорогу.
К берегу морскому они подошли, и, принявши из рук их
Платье, ковчег, и вино, и дорожную пищу, немедля
Всё на корабль отнесли быстроходный гребцы и на гладкой
Палубе мягко-широкий ковер с простыней полотняной
Подле кормы разостлали, чтоб мог Одиссей бестревожно
Спать. И вступил Одиссей на корабль быстроходный; и молча
Лег он на мягко-широкий ковер. И на лавки порядком
Сели гребцы и, канат отвязав от причального камня,
Разом ударили в весла и взбрызнули темную влагу.
Тою порой миротворно слетал Одиссею на вежды
Сон непробудный, усладный, с безмолвною смертию сходный.
Быстро (как полем широким коней четверня, беспрестанно

Сильным гонимых бичом, поражающим всех совокупно,
Чуть до земли прикасаясь ногами, легко совершает
Путь свой) корабль, воздвигая корму, побежал, и, пурпурной
Сзади волной напирая, его многошумное море
Мчало вперед; беспрепятственно плыл он; и сокол, быстрейший
Между пернатыми неба, его не догнал бы в полете, –
Так он стремительно, зыбь рассекая, летел через море,
Мужа неся богоравного, полного мыслей высоких,
Много встречавшего бед, сокрушающих сердце, средь бурной
Странствуя зыби, и много великих видавшего браней –
Ныне же спал он, забыв претерпенное, сном беззаботным.
Но поднялася звезда лучезарная, вестница светлой,
В сумраке раннем родившейся Эос; и, путь свой окончив,
К берегу Итаки достигнул корабль, оббегающий море.
Пристань находится там, посвященная старцу морскому
Форку; ее образуют две длинные ветви крутого
Брега, скалами зубчатыми в море входящего; ветрам
Он возбраняет извне нагонять на спокойную пристань
Волны тревожные; могут внутри корабли на притонном
Месте без привязи вольно стоять, не страшась непогоды;
В самой вершине залива широкосенистая зрится
Маслина; близко ее полутемный с возвышенным сводом
Грот, посвященный прекрасным, сльвущим наядами нимфам;
Много в том гроте кратер и больших двоеручных кувшинов
Каменных: пчелы, гнездясь в их недрах, свой мед составляют;
Также там много и каменных длинных станов; за станами
Сидя, чудесно одежды пурпурные ткнут там наяды;
Вечно шумит там вода ключевая; и в гроте два входа:
Людям один лишь из них, обращенный к Борею, доступен;
К Ноту ж на юг обращенный богам посвящен – не дерзает
Смертный к нему приближаться, одним лишь бессмертным открыт он.
Зная то место, к нему подошли мореходцы; корабль их
Целой почти половиною на берег вспрянул – так быстро
Мчался он, веслами сильных гребцов понуждаемый к бегу.
Стал неподвижно у брега могучий корабль. Мореходцы
С палубы гладкой царя Одиссея рукой осторожной
Сняв с простынею и с мягким ковром, на которых лежал он,
Спящий глубоко, его положили на бреге песчаном;
После, богатства собрав, от разумных людей феакийских
Им полученные в дар по внушенью великой Афины,
Бережно склади у корня оливы широкосенистой
Все, от дороги поодаль, дабы никакой проходящий,
Пользуясь сном Одиссея глубоким, чего не похитил.
Кончив, пустились в море они. Но земли колебатель,
Помня во гневе о прежних угрозах своих Одиссею,
Твердому в бедствиях мужу, с такой обратился молитвой
К Зевсу: «О Зевс, наш отец и владыка, не буду богами
Боле честим я, когда мной ругаться начнут феакийцы,
Смертные люди, хотя и божественной нашей породы;
Ведал всегда я, что в дом свой, немало тревог испытавши,
Должен вступить Одиссей; я не мог у него возвращенья
Вовсе похитить: ты прежде уж суд произнес свой.
Ныне ж его феакийцы в своем корабле до Итаки
Спящего, мне вопреки, довели, наперед одаривши
Золотом, медью и множеством риз, драгоценно-сотканных,
Так изобильно, что даже из Трои подобной добычи
Он не привез бы, когда б беспрепятственно в дом возвратился».
Гневному богу отвечал туч собиратель Кронион:
«Странное слово сказал ты, могучий земли колебатель;
Ты ль не в чести у богов, и возможно ль, чтоб лучший,
Старший и силою первый не чтим был от младших и низших?
Если же кто из людей земнородных, с тобою не равных
Силой и властью, тебя не почитит, накажи беспощадно.
Действуй теперь, как желаешь ты сам, как приятнее сердцу».
Бог Посейдон, колебатель земли, отвечал Громовержцу:
«Смело б я действовать стал, о Зевес чернооблачный, если б
Силы великой твоей и тебя раздражить не страшился;
Ныне же мной феакийский прекрасный корабль, Одиссея

В землю его проводивший и морем обратно плывущий,
Будет разбит, чтоб вперед уж они по водам не дерзали
Всех провожать; и горою великой задвину их город». Гневному богу отвечал так Громовержец Кронион:
«Друг Посейдон, полагаю, что самое лучшее будет,
Если (когда подходящий корабль издалека увидят
жители града) его перед ними в утес обратишь ты,
Образ плывущего судна ему сохранивши, чтоб чудо
Всех изумило; потом ты горою задвинешь их город». Слово такое услышав, могучий земли колебатель
В Схерию, где обитал феакийский народ, устремился
Ждать корабля. И корабль, обтекатель морей, приближался
Быстро. К нему подошел, колебатель земли во мгновение
В камень его обратил и ударом ладони к морскому
Дну основанием крепко притиснул; потом удалился.
Шумно словами крылатыми спрашивать стали друг друга
Веселюбивые, смелые гости морей феакийцы,
Глядя один на другого и так меж собой рассуждая:
«Горе! Кто вдруг на водах оковал наш корабль быстроходный,
К берегу шедший? Его уж вдали различали мы ясно». Так говорили они, не постигнув того, что случилось.
К ним обратился тогда Алкиной и сказал: «феакийцы,
Горе! Я вижу, что ныне сбылось все то, что отец мой
Мне предсказал, говоря, как на нас Посейдон негодует
Сильно за то, что развозим мы всех по морям безопасно.
Некогда, он утверждал, феакийский корабль, проводивший
Странника в землю его, возвращая морем туманным,
Будет разбит Посейдоном, который высокою горою
Град наш задвинет. Так мне говорил он, и все совершилось.
Вы ж, феакийские люди, исполните то, что скажу вам:
С этой поры мы не станем уже по морям, как бывало,
Странников, наш посещающих град, провожать; Посейдону ж
В жертву немедля двенадцать быков принесем, чтоб на милость
Он преклонился и града горой не задвинул великой». Так он сказал, и быков приготовил на жертву объятый
Страхом народ; и, усердно молясь Посейдону-владыке,
Все феакийские старцы, вожди и вельможи стояли
Вкруг алтаря. Той пороки Одиссей, привезенный в отчизну
Сонный, проснулся, и милой отчизны своей не узнал он –
Так был отсутствен давно; да и сторону всю ту покрыла
Мглою туманною дочь Громовержца Афина, чтоб не был
Прежде, покуда всего от нее не услышит, кем встречен
Царь Одиссей, чтоб его ни жена, ни домашний, ни житель
Града какой не узнали, пока женихам не отмстит он;
Вот почему и явилось очам Одиссея столь чуждым
Все, и излучины длинных дорог, и залив меж стенами
Гладких утесов, и темные сени дерев черноглавых.
Вставши, с великим волненьем он начал кругом озираться;
Скорбь овладела душою его, по бедрам он могучим
Крепко ударив руками, в печали великой воскликнул:
«Горе! К какому народу зашел я! Здесь, может быть, область
Диких, не знающих правды, людей, иль, быть может, я встречу
Смертных приветливых, богобоязненных, гостеприимных.
Где же я скрою ботатства мои и куда обратиться
Мне самому? Для чего меж людьми феакийскими доле
Я не остался! К другому из сильных владык в их народе
Я бы прибегнул, и он бы помог мне достигнуть отчизны;
Ныне ж не знаю, что делать с своим мне добром; без хранения
Здесь не оставлю его, от прохожих расхищено будет.
Горе! Я вижу теперь, что не вовсе умны и правдивы
Были в поступках со мною и царь и вожди феакийцев:
Ими я брошен в краю, мне чужом; отвезти обещались
В милую прямо Итаку меня, и нарушили слово;
Их да накажет Зевес, покровитель лишенных покрова,
Зрящий на наши дела и карающий наши злодеяния.
Должно, однако, богатства мои перечесть, чтоб увидеть,
Цело ли все, не украли ль чего в корабле быстроходном». Он сосчитал все котлы, все треножники, все золотые

Утвари, все драгоценно-сотканные ризы, и целым
Все оказалось; но горько он плакал о милой отчизне,
Глядя на шумное море, бродя по песчаному берегу
В тяжелой печали. К нему подошла тут богиня Афина,
Образ приняв пастуха, за овечьим ходящего стадом,
Юного, нежной красою подобного царскому сыну;
Ей покрывала двойная широкая мантия плечи,
Ноги сияли в сандалиях, легким копьем подпиралась.
Радуясь встрече такой, Одиссеей подошел к светлоокой
Деве и, голос возвысив, ей бросил крылатое слово:
«Друг, ты в земле незнакомой мне, страннику, встретился первый;
Радуйся; сердце ж на милость свое преклони; сбереги мне
Это добро и меня самого защити; я как бога,
Друг, умоляю тебя и колена твои обнимаю:
Мне отвечай откровенно, чтоб мог я всю истину ведать,
Где я? В какой стороне? И какой здесь народ обитает?
Остров ли это гористый иль в море входящий, высокий
Берег земли матерой, покровенной крутыми горами?»
Дочь светлоокая Зевса Афина ему отвечала:
«Видно, что ты издалека пришелец иль вовсе бессмыслен,
Если об этом не ведаешь крае? Но он не бесславен
Между краями земными, народам земным он известен
Всем, как живущим к востоку, где Эос и Гелиос всходят,
Так и живущим на запад, где область туманная ночи;
Правда, горист и суров он, коням неприволен, но вовсе ж
Он и не дик, не бесплоден, хотя не широк и полями
Беден; он жатву сторицей дает, и на нем винограда
Много родится от частых дождей и от рос плодотворных;
Пажитей много на нем для быков и для коз, и богат он
Лесом и множеством вод, безущербно год целый текущих.
Странник, конечно, молва об Итаке дошла и к пределам
Трои, лежащей, как слышно, далеко от края ахейн».
Кончила. В грудь Одиссея веселье от слов сих проникло;
Рад был услышать он имя отчизны из уст светлоокой
Дочери Зевса-эгидодержавца Паллады Афины;
Голос возвысив, он бросил крылатое слово богине
(Правду, однако, он скрыл от нее хитроумною речью,
В сердце своем осторожно о пользе своей помышляя):
«Имя Итаки впервые услышал я в Крите обширном,
За морем; ныне ж и сам я пределов Итаки достигнул,
Много сокровищ с собою привезши и столько же дома
Детям оставив; бежал я оттуда, убив Орсилоха,
Идоменеева милого сына, который в обширном
Крите мужей предприимчивых всех побеждал быстротою
Ног; он хотел у меня всю добычу троянскую (столько
Злых мне тревог приключившую в те времена, как во многих
Бранях я был и среди бедоносного странствовал моря)
Силой отнять, поелику его я отцу отказался
В Трое служить и своими людьми предводил; но его я,
Шедшего с поля, с товарищем подле дороги укрывшись,
Метко направленным медным копьем умертвил из засады:
Темная ночь небеса покрывала тогда, никакой нас
Видеть не мог человек; и не сведал никто, что убийца
Я; но, копьем медноострым его умертвив, не замедлил
Я, к кораблю финикийских людей благородных пришедши,
Их убедить предложеньем даров, чтоб, меня на корабль свой
Взявши и в Пилос привезши, там на берег дали мне выйти
Или в Элиду, священную область эпеян, меня проводили;
Но берегов их достигнуть нам не дал враждующий ветер,
К горю самих мореходцев, меня обмануть не хотевших;
Сбившись с дороги, сюда мы приплыли ночью порою;
В пристань на веслах ввели мы корабль, и никто не помыслил,
Сколь ни стремил к тому нас желанье, об ужине; все мы,
Вместе сошед с корабля, улеглись на бреге песчаном;
В это мгновенье в глубокий я сон погрузился; они же,
Взявши пожитки мои с корабля, их сложили на землю
Там, где заснувший лежал на песке я; потом, возвратятся
Все на корабль, к берегам многолюдной Сидонии путь свой

Быстро направили. Я же остался один, сокрушенный».
Кончил. С улыбкой Афина ему светлоокая щеки
Нежной рукой потрепала, явившись прекрасною, с станом
Стройно-высоким, во всех рукодельях искусною девою.
Голос возвысив, богиня крылатое бросила слово:
«Должен быть скрытен и хитр несказанно, кто спорить с тобою
В вымыслах разных захочет; то было бы трудно и богу.
Ты, кознодей, на коварные выдумки дерзкий, не можешь,
Даже и в землю свою возвратясь, оторваться от темной
Лжи и от слов двоясмысленных, смолоду к ним приучившись;
Но об этом теперь говорить бесполезно; мы оба
Любим хитрить. На земле ты меж смертными разумом первый,
Также и сладкою речью; я первая между бессмертных
Мудрым умом и искусством на хитрые вымыслы. Как же
Мог не узнать ты Паллады Афины, тебя неизменно
В тяжких трудах подкреплявшей, хранившей в напастях и ныне
Всем феакиянам сердце к тебе на любовь преклонившей?
Знай же теперь: я пришла, чтоб, с тобой все разумно обдумав,
К месту прибрать здесь все то, что от щедрых людей феакийских
Ты получил при отъезде моим благосклонным внушеньем;
Также, чтоб знал ты, какие судьба в многославном жилище
Царском беды для тебя приготовила. Ты же мужайся;
Но берегись, чтоб никто там, ни муж, ни жена, не проникли
Тайны, что бедный скиталец – ты сам, возвратившийся; молча
Все оскорбленья сноси, наглецам уступая без гнева».
Светлой Афине отвечив так Одиссей богоравный:
«Смертный, и самый разумный, с тобою случайно, богиня,
Встретясь, тебя не узнает: во всех ты являешься видах.
Помню, однако, я, сколь ты бывала ко мне благосклонна
В те времена, как в троянской земле мы сражались, ахейцы.
Но когда, ниспровергнувши город Приамов великий,
Мы к кораблям возвратились, разгневанный бог разлучил нас.
С тех пор с тобой не встречался я, Диева дочь; не приметил
Также, чтоб ты, на корабль мой вступивши, меня от какого
Зла защитила. С разорванным сердцем, без всякой защиты,
Странствовал я: наконец от напастей избавили боги.
Только в стране плодоносной мужей феакийских меня ты
Словом своим ободрила и в город мне путь указала.
Ныне ж, колена объемля твои, умоляю Зевесом
(Я сомневаюсь, чтоб был я в Итаке; я в землю иную
Прибыл; ты, так говоря, без сомненья испытывать шуткой
Хочешь мне сердце; ты хочешь мой разум ввести в заблужденье),
Правду скажи мне, я подлинно ль милой отчизны достигнул?»
Дочь светлоокая Зевса Афина ему отвечала:
«В сердце моем благосклонность к тебе сохранилась та же;
Мне невозможно в несчастье покинуть тебя: ты приемлешь
Ласково каждый совет, ты понятлив, ты смел в исполненье;
Всякий, на чуже скитавшийся долго, достигнув отчизны,
Дом свой, жену и детей пламенеет желаньем увидеть;
Ты ж, Одиссей, не спеши узнавать, воздержись от расспросов;
Прежде ты должен жену испытать; неизменная сердцем,
Дома она ожидает тебя с нетерпением, тратя
Долгие дни и бессонные ночи в слезах и печали.
Я же сомнения в том никогда не имела – напротив.
Знала, что, спутников всех потеряв, ты домой возвратишься;
Но неприлично мне было вражду заводить с Посейдоном,
Братом родителя Зевса, тобой оскорбленным: ты сильно
Душу разгневал его умерщвлением милого сына.
Но, чтоб ты мог мне поверить, тебе я открою Итаку.
Здесь посвященная старцу морскому Форкинская пристань;
В самой вершине залива широкосенистую видишь
Маслину; близко ее полутемный с возвышенным сводом
Грот, посвященный прекрасным, слывающим наядами нимфам
(Самый тот хладный, в утесе таящийся грот, где столь часто
Ты приносил гекатомбы богатые чистым наядам).
Вот и гора Нерион, покровенная лесом широким».
Кончив, богиня туман разделила; окрестность явилась;
В грудь Одиссея при виде таком пролилося веселье;

Бросился он целовать плододарную землю отчизны;
Руки подняв, обратился потом он с молитвой к наядам:
«Нимфы наяды, Зевесовы дочери, я уж не думал
Здесь вас увидеть; теперь веселитесь моею веселой,
Нимфы, молитвой; и будут дары вам обычные, если
Дочь броненосная Зевса Афина и мне благосклонно
Жизнь сохранит и милого сына спасет от напасти».
Дочь светлоокая Зевса Афина ему отвечала:
«Будь беззаботен; не этим теперь ты тревожиться должен;
Должен, напротив, сокровища в недре просторного грота
Спрятать свои, чтоб из них ничего у тебя не пропало.
После, все дело обдумав, мы выберем то, что полезней».
Кончив, богиня во внутренность грота вошла и рукою
Темные стен закоулки ошупала; сын же Лаэртос
Все, и нетленную медь, и богатые платья, и злато,
Им от людей феакийской земли полученные, собрал;
В гроте их склав, перед входом его положила огромный
Камень дочь Зевса-эгидодержавца Паллада Афина.
Оба тогда, под широколиственною маслиною севши,
Стали обдумывать, как погубить женихов многобуйных.
Дочь светлоокая Зевса богиня Афина сказала:
«О Лаэртид, многохитростный муж, Одиссей благородный,
Выдумай, как бы тебе женихов наказать беззаконных,
Боле трех лет самовластно твоим обладающих домом,
Муча докучным своим сватовством Пенелопу; она же
Сердцем в разлуке с тобою крушась, подает им надежду
Всем, и каждому порознь себя обещает, и вести
Добрые шлет к ним, недоброе в сердце для них замышляя».
Светлой Афине отвечал так Одиссей многоумный:
«Горе! и мне б, как царю Агамемнону, сыну Атрея,
Жалостной гибели в царском жилище моем не избегнуть,
Если бы вовремя мне ты всего не открыла, богиня!
Дай мне теперь наставление, как отомстить им; сама же
Мне помоги и такую ж даруй мне отважность, как в Трое,
Где мы разрушили светлые стены Приамова града.
Стой за меня и теперь, как тогда, светлоокая; смело
Выйти готов и на триста мужей я, хранимый твоею
Силой божественной, если ко мне ты еще благосклонна».
Дочь светлоокая Зевса Афина ему отвечала:
«Буду стоять за тебя и теперь я, не будешь оставлен
Мной и тогда, как приступим мы к делу; и, думаю, скоро
Лоно земли беспредельной обрызжется кровью и мозгом
Многих из них, беззаконных, твое достоянье губящих.
Прежде, однако, тебя превращу я, чтоб не был никем ты
Узнан: наморщю блестящую кожу твою на могучих
Членах, сниму с головы златотемные кудри, покрою
Рубищем бедным плеча, чтоб глядел на тебя с отвращеньем
Каждый, и струпом глаза, столь прекрасные ныне, подерну;
В виде таком женихам ты, супруге и сыну (который
Дома тобой был оставлен), неузнанный, будешь противен.
Прежде, однако, отсюда ты должен пойти к свинопасу,
Главному здесь над стадами свиньями смотрителю; верен
Он и тебе, и разумной твоей Пенелопе, и сыну;
Встретишь его ты у стада свиной: близ утеса Коракса,
Подле ключа Аретусы лазоревой стадо пасется,
Жадно питаюсь там желудьми и водой запивая
Пищу, которая тушу свиную густым наливает
Жиром; с ним сидя, его обо всем ты подробно расспросишь.
Тою порою я в женопрекрасный пойду Лакедемон
Вызвать к тебе, Одиссей, твоего Телемаха оттуда:
Он же в широкоравнинную Спарту пошел, чтоб услышать
Весть о тебе от Атрида и, жив ли еще ты, проведать».
Светлой Афине отвечал так Одиссей многоумный:
«Ведая все, для чего же ему не сказала ты правды?
Странствуя, многим и он сокрушеньям подвергнуться может
На море бурном, во власти грабителей дом свой оставив».
Дочь светлоокая Зевса Афина ему отвечала:
«Много о том, Одиссей, ты тревожиться сердцем не должен.

Я проводила его, чтоб людей посмотрел и меж ними
Нажил великую славу; легко все окончив, теперь он
В доме Атреева сына сидит и роскошно пирует.
Правда, его женихи стерегут в корабле темногрудом,
Злую погибель готовя ему на возвратной дороге;
Я им, однако, того не позволю; и прежде могила
Многих из них, разоряющих дерзостно дом твой, поглотит».
С сими словами богиня к нему прикоснулася тростью.
Разом на членах его, вдруг иссохшее, сморщилось тело,
Спали с его головы златотемные кудри, сухою
Кожею дряхлого старца дрожащие кости покрылись,
Оба столь прежде прекрасные глаза подернулись струпом,
Плечи оделись тряпичей, в лохмотье разорванным, старым
Рубищем, грязным, совсем почерневшим от смрадного дыма;
Сверх же одежды оленья широкая кожа повисла,
Голая, вовсе без шерсти; дав посох ему и котомку,
Всю в заплатах, висящую вместо ремня на веревке,
С ним разлучилась богиня; что делать, его научивши,
К сыну его полетела она в Лакедемон священный.

Песнь четырнадцатая

Тридцать пятый день

Одиссей приходит к Евмею; позавтракав с ним, он уверяет старого свинопаса, что
господин его скоро возвратится, и подтверждает то клятвою; но Евмей ему не
верит. Одиссей рассказывает ему вымышленную о себе повесть. Ввечеру все другие
пастухи возвращаются с паствы. Евмей убивает откормленную свинью на ужин.
Холодная ночь; Одиссей вымышленным о себе рассказом побуждает Евмея дать ему
теплую мантию на ночь. Все засыпают в доме; один Евмей уходит наблюдать за
стадом, оставленным в поле.

Тю порою из пристани вокруг по тропинке нагорной
Лесом пошел он в ту сторону, где, по сказанью Афины,
Жил свинопас богоравный, который усерднее прочих
Царских рабов наблюдал за добром своего господина.
Он на дворе перед домом в то время сидел за работой;
Дом же стоял на высоком, открытом и кругообзорном
Месте, просторный, отсюда обходный; его для свинных там
Стад свинопас, не спросясь ни с царицей, ни с старцем Лаэртом,
Сам, поелику его господин был отсутствен, из твердых
Камней построил; ограда терновая стены венчала;
Тын из дубовых, обтесанных, близко один от другого
В землю вколоченных кольев его окружал; на дворе же
Целых двенадцать просторных закут для свиней находилось:
Каждую ночь в те закуты свиней загоняли, и в каждой
Их пятьдесят, на земле неподвижно лежащих, там было
Заперто – матки одни для расплода; самцы же во внешних
Спали закутах и в меньшем числе: убавляли, пируя,
Их женихи богоравные (сам свинопас принужден был
Лучших и самых откормленных им посылать ежедневно);
Триста их там шестьдесят боровов налицо оставалось;
Их сторожили четыре собаки, как дикие звери
Злобные: сам свинопас, повелитель мужей, для себя их
Выкормил. Сидя тогда перед домом, кроил он из крепкой
Кожи воловьей подошвы для ног; пастухи же другие
Были в отлучке: на пажити с стадом свиней находились
Трое, четвертый самим повелителем послан был в город
Лучшую в стаде свинью женихам необузданным против
Воли отдать, чтоб, зарезав ее, насладились едою.
Вдруг вдалеке Одиссея увидели злые собаки;
С лаем они на него побежали; к земле осторожно,
Видя опасность, присел Одиссей, но из рук уронил он
Посох, и жалкую гибель в своем бы он встретил владенье,
Если бы сам свинопас, за собаками бросаюсь поспешно,
Выбежать, кинув работу свою, не успел из заграды:
Крикнув на бешеных псов, чтоб пугнуть их, швырять он большими
Камнями начал; потом он сказал, обратясь к Одиссею:
«Был бы, старик, ты разорван, когда б опоздал я минуту;
Тяжким упреком легло б мне на сердце такое несчастье;
Мне же и так уж довольно печалей бессмертные дали:

Здесь, о моем господине божественном сетуя, должен
я для незваных гостей боровов Одиссеевых жирных
Прочитать, тогда как, быть может, он сам без покрова, без пищи
Странствует в чуждых землях меж народов иного языка
(Если он только еще где сиянием дня веселится).
В дом мой последуй за мною, старик; я тебя дружелюбно
Пищею там угощу и вином; отдохнувши, ты скажешь,
кто ты, откуда, какие беды и напасти где встретил».
Кончил и в дом с Одиссеем вошел свинопас богоравный;
Там он на кучу его посадил многолиственных, свежих
Сучьев, недавно нарубленных, прежде косматою кожей
Серны, на ней же он спал по ночам, их покрыв. Одиссею
Был по душе столь радушный прием; он сказал свинопасу:
«Зевса молю я и вечных богов, чтоб тебе ниспослали
Всякое благо за то, что меня ты так ласково принял».
Страннику так отвечал ты, Евмей, свинопас богоравный:
«Если бы, друг, кто и хуже тебя посетил нас, мы долг свой
Гостя почтить сохранили бы свято – Зевес к нам приводит
Нищих и странников; дар и убогий Зевесу угоден.
Слишком же щедрыми быть нам не можно, рабам, в беспрестанном
Страхе живущим, понеже теперь господа молодые
Властвуют нами. Кронион решил, чтоб лишен был возврата
Он, столь ко мне благосклонный; меня б он устроил, мне дал бы
Поле, и дом, и невесту с богатым приданым, и, словом,
Все, что служителям верным давать господин благодушный
Должен, когда справедливые боги успехом усердые
Их наградили, как здесь и меня за труды награждают;
Так бы со мною здесь милостив был он, когда б мог достигнуть
Старости дома; но нет уж его.. о! зачем не Еленин
Род истреблен! От нее сокрушились колена славнейших
Наших героев: и он за обиду Атрида с другими
В Троию неволей пошел истребить Илион многоконный».
Так говорил он и, поясом легкий хитон свой стянувши,
К той отделенной закуте пошел, где одни поросята
Заперты были; взяв двух пожирней, он обоих зарезал,
Их опалил, и на части рассек, и, на вертел наткнувши
Части, изжарил их; кончив, горячее мясо он подал
Гостью на вертеле, ячной мукою его пересыпав.
После, медвяным вином деревянный наполнивши кубок,
Сел против гостя за стол и, его приглашая к обеду:
«Странник, – сказал, – не угодно ль тебе поросятины, нашей
Пищи убогой, отведать – свиней же одни беспощадно
Жрут женихи, не страшась никакого за то наказания;
Дел беззаконных, однако, блаженные боги не любят:
Правда одна и благие поступки людей им угодны;
Даже разбойники, злые губители, разные земли
Грабят обыкшие, – многотой добычей, им данной Зевесом,
Свой нагруживши корабль и на нем возвращаясь в отчизну, –
Страх наказания великий в душе сохраняют; они же
(Видно, им бога какого пророческий слышался голос),
Вера, что гибель постигла его, ни свое, как прилично,
Весть сватовство не хотят, ни к себе возвратиться не мыслят,
В доме, напротив, пируют его и бесчинно все грабят;
Каждую Зевсову ночь там и каждый ниспосланный Зевсом
День не одну и не две мы свиньи на съеденье им режем;
Так же они и вино, неумеренно пьянствуя, тратят.
Дом же его несказанно богат был, никто из живущих
Здесь благородных мужей – на твердыне ли черного Зама
Или в Итаке – того не имел; получал он дохода
Боле, чем десять у нас богачей; я сочту по порядку:
Стад криворогих быков до двенадцати было, овечьих
Также, и столько ж свинных, и не менее козьих (пасут их
Здесь козоводы свои и наемные); также на разных
Паствах еще здесь гуляет одиннадцать козьих особых
Стад; и особые их стерегут на горах козоводы;
Каждый из тех козоводов вседневно, черед наблюдая,
В город с жирнейшей козою, меж лучшими выбранной, ходит;
Так же вседневно и я, над стадами свинными здесь главный,

Лучшего борова им на обед посылать приневолен».
Так говорил он, а гость той порою ел мясо, усердно
Пил и молчал, женихам истребление в мыслях готовя.
Пищей божественной душу свою насладивши довольно,
Кубок он свой, из которого сам пил, хозяину подал,
Полный вина, – и его свинопас с удовольствием принял:
Гость же, к нему обратившись, бросил крылатое слово:
«Друг, расскажи о купившем тебя господине, который
Был так несметно богат, так могуч и потом, говоришь ты,
В Трое погиб, за обиду отмщая Атревеева сына;
Знать я желаю: не встретился ль где он случайно со мною?
Зевсу и прочим бессмертным известно, могу ли в свою вам
Очередь что про него рассказать – я давно уж скитаюсь».
Так свинопас, повелитель мужей, отвечал Одиссею:
«Старец, теперь никакой уж из странников, много бродивших,
Радостной вестью об нем ни жены не обманет, ни сына.
Часто в надежде, что их, угостив, одарят, здесь бродяги
Лгут, небылицы и басни о нем вымышляя; и кто бы,
Странствуя в разных землях, ни зашел к нам в Итаку, уж верно
Явится к нашей царице с нелепою сказкой о муже;
Ласково всех принимает она и рассказы их жадно
Слушает все, и с ресниц у внимающей падают капли
Слез, как у всякой жены, у которой погиб в отдаленье
Муж. Да и ты нам, старик, небылицу расскажешь охотно,
Если хламиду тебе иль хитон за труды посулим мы.
Нет, уж конечно, ему иль собаки, иль хищные птицы
Кожу с костей оборвали – и с телом душа разлучилась,
Или он рыбами съеден морскими, иль кости на взморье
Где-нибудь, в зыбком песке глубоко погребенные, тлеют;
Так он погиб, в сокрушенье великом оставив домашних
Всех, наипаче меня; никогда, никогда не найти уж
Мне господина столь доброго, где бы я ни жил, хотя бы
Снова по воле бессмертных к отцу был и к матери милой
В дом приведен, где родился, где годы провел молодые.
Но не о том я крушусь, хотя и желал бы хоть раз их
Образ увидеть глазами, хоть раз посетить их в отчизне, –
Нет, об одном Одиссее далеко я плачу; ах, добрый
Гость мой, его и далекого здесь не могу называть я
Просто по имени (так он со мною был милостив); братом
Милым его я, хотя и в разлуке мы с ним, называю».
Царь Одиссеей хитроумный сказал, отвечая Евмею:
«Если, не веря вестям, утверждаешь ты, друг, что сюда он
Боле не будет, и если уж так ты упорен рассудком,
Я не скажу ничего; но лишь в том, что, наверно, скоро
К вам Одиссеей возвратится, дам клятву; а мне ты заплатишь
Только тогда, как входящего в дом свой его здесь увидишь:
Платье тогда подаришь мне, хитон и хламиду; до тех пор,
Сколь ни великую бедность терплю, ничего не приму я;
Мне самому ненавистней Аидовых врат ненавистных
Каждый обманщик, ко лжи приневоленный бедностью тяжелой;
Я же Зевесом-владыкой, твоей гостелюбной трапезой,
Также святым очагом Одиссеева дома клянусь
Здесь, что, наверно, и скоро исполнится то, что сказал я;
Прежде, чем солнце окончит свой круг, Одиссеей возвратится;
Прежде, чем месяц наставший сменен наступающим будет,
Вступит он в дом свой; и мщенье тогда совершится над каждым,
Кто Пенелопу и сына его дерзновенно обидел».
Страннику так отвечал ты, Евмей, свинопас богоравный:
«Нет, ни за вести свои ты от нас не получишь награды,
Добрый мой гость, ни сюда Одиссеей не придет; успокойся ж,
Пей, и начнем говорить о другом; мне и слышать об этом
Тяжко; и сердце всегда обливается кровью, когда мне
Кто здесь хоть словом напомним о добром моем господине.
Также и клятвы давать не трудись; возвратится ли, нет ли
К нам господин мой, как все бы желали мы – я, Пенелопа,
Старец Лаэрт и подобный богам телемах, – но о сыне
Боле теперь, чем о славном, родившем его Одиссее,
Я сокрушаюсь: как ветвь молодая, воспитан богами

Был он; я мнил, что со временем, мужеской силы достигнув,
Будет подобно отцу он прекрасен и видом и станом, –
Знать, неприязненный демон какой иль враждующий смертный
Разум его помутил: чтоб узнать об отце отдаленном,
В Пилос божественный поплыл он; здесь же, укрывшись в засаде,
Ждут женихи, чтоб, его умертвив на возвратной дороге,
В нем и потомство Аркесия все уничтожить в Итаке.
Мы же, однако, оставим его – попадетсЯ ль им в руки
Он, избежит ли их козней, спасенный Зевесом, – теперь ты
Мне расскажи, что с тобой и худого и доброго было
В свете? Скажи откровенно, чтоб мог я всю истину ведать:
Кто ты? Какого ты племени? Где ты живешь? Кто отец твой?
Кто твоя мать? На каком корабле и какою дорогой
Прибыл в Итаку? Кто были твои корабельщики? В край наш
(Это, конечно, я знаю и сам) не пешком же пришел ты».
Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
«Все расскажу откровенно, чтоб мог ты всю истину ведать.
Если б мы оба с тобой запаслися на долгое время
Пищей и сладким питьем и глаз на глаз остались двое
Здесь пировать на просторе, отправив других на работу,
То и тогда, ежедневно рассказ продолжая, едва ли
В год бы я кончил печальную повесть о многих напастях,
Мной претерпенных с трудом несказанным по воле бессмертных.
Славлюсь я быть уроженцем широкоравнинного Крита:
Сын я богатого мужа; и вместе со мною других он
Многих имел сыновей, им рожденных и выросших дома;
Были они от законной супруги; а я от рабыни,
Купленной им, родился, но в семействе почтен как законный
Сын был отцом благородным, Кастором, Гилаксовым сыном;
Он же от всех обитателей Крита, как бог, уважаем
Был за богатство, за власть и за доблесть сынов многославных;
Но приносящие смерть, беспощадно-могучие Керы
В область Аида его увели; сыновья же, богатства
Все разделив меж собою по жеребью, дали мне самый
Малый участок и дом небольшой для житья; за меня же
Вышла богатых родителей дочь; предпочтен был другим я
Всем женихам за великую доблесть; на многое годный,
Был я в деле военном неробок... но все миновалось;
Я лишь солома теперь, по соломе, однако, и прежний
Колос легко распознаешь ты; ныне ж я бедный бродяга.
С мужеством бодрым Арей и богиня Афина вселили
Мне боелюбие в сердце; не раз выходил я, созвавши
Самых отважнейших, против врагов злонамеренных в битву,
Мыслью о смерти мое никогда не тревожилось сердце;
Первый, напротив, всегда выбегал я с копьем, чтоб настигнуть
В поле противника, мне уступавшего ног быстротою;
Смелый в бою, полевого труда не любил я, ни тихой
Жизни домашней, где милым мы детям даем воспитанье;
Островесельные мне корабли привлекательней были;
Бой, и крылатые стрелы, и медноблестящие копья,
Грозные, в трепет великий и в страх приводящие многих,
Были по сердцу мне – боги любовь к ним вложили мне в сердце:
Люди не сходны, те любят одно, а другие другое.
Прежде чем в Трои пошло броненосное племя ахеян,
Девять я раз в корабле быстроходном с отважной дружиной
Против людей иноземных ходил – и была нам удача;
Лучшее брал я себе из добыч, и по жеребью также
Много на часть мне досталось; свое увеличив богатство,
Стал я могуч и почтен меж народами Крита; когда же
Грозно гремевший Зевес учредил роковой для ахеян
Путь, сокрушивший колена столь многих мужей знаменитых,
С Идоменеем, царем многославным, от критян был избран
Я с кораблями идти к Илиону; и было отречься
Нам невозможно: мы властью народа окованы были.
Девять там лет воевали упорно мы, чада ахеян;
Но на десятый, когда, ниспровергнув Приамов великий
Град, мы к своим кораблям возвратились, бог разлучил нас.
Мне, злополучному, бедствия многие Зевс приготовил.

Целый месяц провел я с детьми и с женою в семейном Доме, великим богатством моим веселясь; напоследок Сильно в Египет меня устремило желание; выбрав Смелых товарищей, я корабли изготовил; их девять Там мы оснастили новых; когда ж в корабли собралися Бодрые спутники, целых шесть дней до отплытия все мы Там пировали; я много зарезал быков и баранов В жертву богам, на роскошное людям моим угощенье; Но на седьмой день, покинувши Крит, мы в открытое море Вышли и с быстропопутным, пронзительнохладным Бореем Плыли, как будто по стремю, легко; и ничем ни один наш Не был корабль поврежден; нас, здоровых, веселых и бодрых, По морю мчали они, повинуюсь кормилу и ветру. Дней через пять мы к водам светлоструйным потока Египта Прибыли: в лоне потока легкоповоротные наши Все корабли утвердив, я велел, чтоб отборные люди Там на морском берегу сторожить их остались; другим же Дал приказание с ближних высот обозреть всю окрестность. Вдруг загорелось в них дикое буйство; они, обезумев, Грابتь поля плодоносные жителей мирных Египта Бросились, начали жен похищать и детей малолетних, Зверски мужей убивая, – тревога до жителей града Скоро достигла, и сильная ранней зарей собралася Рать; колесницами, пешими, яркою медью оружий Поле кругом закипело; Зевес, веселящийся громом, В жалкое бегство моих обратил, отразить ни единый Силы врага не посмел, и отвсяду нас смерть окружила; Многих тогда из товарищей медь умертвила, и многих Пленных насильственно в град увлекли на печальное рабство. Я благовременно был вразумлен всемогущим Зевесом. (О, для чего избегал я судьбины и верной не встретил Смерти в Египте! Мне злее беды приготовил Кронион.) Сняв с головы драгоценно-украшенный кожаный шлем мой, Щит мой сложивши с плеча и копье медноострое бросив, Я подбежал к колеснице царя и с молитвой колена Обнял его; он меня не отвергнул; но, сжалясь, с ним рядом Сесть в колесницу велел мне, лиющему слезы, и в дом свой Царский со мной удалился – а с копьями следом за нами Много бежало их, смертию мне угрожавших; избавлен Был я от смерти царем – он во гнев привести гостелюбца Зевса, карателя строгого дел злочестивых, страшился. Целых семь лет я провел в стороне той и много богатства Всякого собрал: египтяне щедро меня одарили; Год напоследок осьмой приведен был времен обращеньем; Прибыл в Египет тогда финикиец, обманщик коварный, Злой кознодей, от которого много людей пострадало; Он, увлекательной речью меня оболъстив, финикию, Где и поместье и дом он имел, убедил посетить с ним: Там я гостил у него до скончания года. Когда же Дни протекли, миновалися месяцы, полного года Круг совершился и Оры весну привели молодую, В Ливию с ним в корабле, облетателе моря, меня он Плыть пригласил, говоря, что товар свой там выгодно сбудем; Сам же, напротив, меня, не товар наш, продать там замыслил; С ним и поехал я, против желанья, добра не предвидя. Мы с благосклоннопопутным, пронзительнохладным Бореем Плыли; уж Крит был за нами... Но Дий нам готовил погибель; Остров из наших очей в отдаленье пропал, и исчезла Всяду земля, и лишь небо, с водами слиянное, зрелось; Бог Громовержец Кронион тяжелую темную тучу Прямо над нашим сгустил кораблем, и под ним потемнело Море; и вдруг, заблистав, он с небес на корабль громовую Бросил стрелу; закружилось пронзенное судно, и дымом Серным его обхватило; все разом товарищи были Сброшены в воду, и все, как вороны морские, рассеясь, В шумной исчезли пучине – возврата лишил их Кронион Всех; лишь объятаго горем великим меня недоумил Вовремя он корабля остроногого мачту руками

В бурной тревоге схватить, чтоб погибели верной избегнуть;
Ветрам губящим во власть отдался я, привязанный к мачте.
Девять носившись дней по волнам, на десятый с наставшей
Ночью ко берегу феспротов высокобегающей волною
Был принесен я; Федон, благомыслящий царь их, без платы
Долго меня у себя угощал, поелику я милым
Сыном его был, терзаемый голодом, встречен и в царский
Дом приведен: на его я, покуда мы шли, опирался
Руку; когда же пришли мы, он дал мне хитон и хламиду.
Там я впервые узнал о судьбе Одиссея; сказал мне
Царь, что гостил у него он, в отчизну свою возвращаясь;
Мне и богатство, какое скопил Одиссей, показал он:
Золото, медь и железную утварь чудесной работы;
Даже и внукам в десятом колене достанется много –
Столько сокровищ царю Одиссей в сохраненье оставил;
Сам же пошел, мне сказали, в Додону затем, чтоб оракул
Темно-сенистого Диева дуба его научил там,
Как по отсутствию долгом – открыто ли, тайно ли – в землю
Тучной Итаки ему возвратиться удобнее будет?
Мне самому, совершив возлияние в доме, поклялся
Царь, что и быстрый корабль уж устроен и собраны люди
В милую землю отцов проводить Одиссея; меня же
Он наперед отослал, поелику корабль приготовлен
Был для феспротов, в Дулихий, богатый пшеницею, шедших;
Он повелел, чтоб к Акасту-царю безопасно я ими
Был отвезен. Но они злонамеренным сердцем иное
Дело замыслили, в бедствие ввергнуть меня сговорившись.
Только от брега феспротов корабль отошел мореходный,
Час наступил, мне назначенный ими для жалкого рабства.
Силой сорвавши с меня и хитон и хламиду, они мне
Вместо их бедное рубище дали с нечистой рубашкой,
В жалких лохмотьях, как можешь своими глазами ты видеть.
Вечером прибыли мы к берегам многогорной Итаки.
Тут с корабля крепкозданного – прежде веревкою, плотно
Свитую, руки и ноги связав мне – все на берег вместе
Вышли, чтоб, сев на зыбучем песке, там поужинать сладко.
Я же от тягостных уз был самими богами избавлен.
Голову платьем, изорванным в тряпки, свою обернувши,
Бережно с судна я к морю, скользя по кормилу, спустился;
Бросясь в него, я поспешно, обеими правя руками,
Поплыл и силы свои напрягал, чтоб скорее из глаз их
Скрыться; в кустарнике, густо покрытом цветами, лежал я,
Клубом свернувшись; они ж в бесполезном искании с криком
Бежали мимо меня; напоследок, нашед неудобным
Доле напрасно бродить, возвратились назад и, собравшись
Все на корабль свой, пустились в путь; так самими богами
Был я спасен, и они же меня проводили в жилище
Многоразумного мужа: еще не судьба умереть мне».
Страннику так отвечал ты, Евмей, свинопас богоравный:
«Бедный скиталец, все сердце мое возмутил ты рассказом
Многих твоих приключений, печалей и странствий далеких.
Только одно не в порядке: зачем о царе Одиссее
Ты помянул? И зачем так на старости лет бесполезно,
На ветер лжешь? По несчастью, я слишком уверен, что мне уж
Здесь не видать моего господина; жестоко богами
Был он преследуем; если б он в Трое погиб на сраженье
Иль у друзей на руках, перенесши войну, здесь скончался,
Холм гробовой бы над ним был насыпан ахейским народом,
Сыну б великую славу на все времена он оставил...
Ныне же Гарпии взяли его, и безвестно пропал он.
Я же при стаде живу здесь печальным пустынным; в город
К ним не хожу я, как разве когда Пенелопой бываю
Призван, чтоб весть от какого пришельца услышать; они же
Гостя вопросами жадно, усевшись кругом, осыпают
Все – как и те, кто о нем, о возлюбленном, искренне плачут,
Так и все те, кто его здесь имущество грабят без платы.
Я ж не терплю ни вестей, ни расспросов о нем бесполезных
С тех пор, как был здесь обманут бродягой этольским, который,

Казни страшась за убийство, повсюду скитался и в дом мой
Случаем был заведен; я его с уважением принял;
„Видел я в Крите, в царевом дворце Одиссея, – сказал он: –
Там исправлял он свои корабли, потерпевшие в бурю.
Летом иль осенью (так говорил Одиссей мне) в Итаку
я и товарищи будем с несметно-великим богатством“.
Ты же, старик, испытавший столь много, нам посланный Дием,
Баснею мне угодить иль меня успокоить не думай;
Мной не за это уважен, не тем мне любезен ты будешь –
Нет, я Зевеса страшусь гостелюбца, и сам ты мне жалок».
Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
«Подлинно, слишком уж ты недоверчив, мой добрый хозяин,
Если и клятва моя не вселяет в тебя убежденья;
Можем, однако, мы сделать с тобой уговор, и пускай нам
Будут обоим поруками боги, владыки Олимпа:
Если домой возвратится, как я говорю, господин твой –
Дав мне хитон и хламиду, меня ты в Дулихий, который
Сердцем так жажду увидеть, отсюда отправишь; когда же,
Мне вопреки, господин твой домой не воротится – всех ты
Слуг соберешь и с утеса низвергнешь меня, чтоб вперед вам
Басен нелепых не смели рассказывать здесь побродяги».
Страннику так, отвечая, сказал свинопас богоравный:
«Друг, похвалу б повсеместную, имя бы славное нажил
я меж людьми и теперь и в грядущее время, когда бы,
В дом свой принявши тебя и тебя угостив, как прилично.
Жизнь дорожую твою беззаконным убийством похитил;
С сердцем веселым Крониону мог бы тогда я молиться.
Время, однако, нам ужинать; скоро воротятся люди
С паствы – тогда и желанную вечерю здесь мы устроим».
Так говорили о многом они, беседею сладко.
Скоро с стадами своими пришли пастухи свиноводы;
Стали свиней на ночлег их они загонять, и с ужасным
Визгом и хрюканьем свиньи, спираясь, ломились в закуты.
Тут пастухам подчиненным сказал свинопас богоравный:
«Лучшую выбрать свинью, чтоб, зарезав ее, дорогого
Гостя попотчевать, с ним и самим насладиться едою;
Много тяжелых забот нам от наших свиней светлозубых;
Плод же тяжелых забот пожирают без платы другие».
Так говоря, топором разрубал он большие полена;
Те же, свинью пятилетнюю, жирную, взяв и вогнавши
В горницу, с ней подошли к очагу: свинопас богоравный
(Сердцем он набожен был) наперед о бессмертных подумал;
Шерсти щепотку сорвав с головы у свиньи светлозубой,
Бросил ее он в огонь; и потом, всех богов призывая,
Стал их молить, чтоб они возвратили домой Одиссея.
Тут он ударил свинью сбереженным от рубки поленом;
Замертво пала она, и ее опалили, дорезав,
Тотчас другие, рассекли на части, и первый из каждой
Части кусок, отложенный на жир для богов, был Евмеем
Брошен в огонь, пересыпанный ячной мукой; остальные ж
Части, на острые вертелы вздев, на огне осторожно
Начали жарить, дожарив же, с вертелов сняли и кучей
Все на подносные доски сложили. И поровну начал
Пищею всех оделять свинопас: он приличие ведал.
На семь частей предложенное все разделив, он назначил
Первую нимфам, и Эрмию, Маину сыну, вторую;
Прочие ж каждому, как кто сидел, наблюдая порядок,
Роздал, но лучшей, хребтовою частью свиньи острозубой
Гостя почтил; и, вниманьем таким несказанно довольный,
Голос возвысив, сказал Одиссей хитроумный: «Да будет
Столь же, Евмей, и к тебе многомилостив вечный Кронион,
Сколь ты ко мне, сироте старику, был приветлив и ласков».
Страннику так отвечал ты, Евмей, свинопас богоравный:
«Ешь на здоровье, таинственный гость мой, и нашим доволен
Будь угощеньем; одно нам дарует, другого лишает
Нас своенравный в даяньях Кронион; ему все возможно».
С сими словами он, первый кусок отделивши бессмертным
В жертву, пурпурным наполненный кубок вином Одиссею –

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskya

Градорушителю подал; тот сел за прибор свой; и мягких
Хлебов принес им Месавлий, который, в то время как в Трое
Царь Одиссей находился, самим свинопасом из денег
Собственных был, без согласия царицы, без спроса с Лаэртом,
Куплен, для разных прислуг, у тафийских купцов мореходных.
Подняли руки они к приготовленной лакомой пище.
После ж, когда насладились довольно питьем и едою,
Хлеб со стола был проворным Месавлием снят; а другие,
Сытые хлебом и мясом, на ложе ко сну обратились.
Мрачно-безлунна была наступившая ночь, и Зевесов
Ливень холодный шумел, и Зефир бушевал дожденосный.
Начал тогда говорить Одиссей (он хотел, чтоб хозяин
Дал ему мантию, или свою, иль с кого из других им
Снятую; ибо о нем он с великим радушием пекся):
«Слушай, Евмей, и послушайте все вы: хочу перед вами
Делом одним я похвастать – вино мне язык развязало;
Сила вина несказанна: оно и умнейшего громко
Петь, и безмерно смеяться, и даже плясать заставляет;
Часто внушает и слово такое, которое лучше б
Было сберечь про себя. Но я начал и должен докончить.
О, для чего я не молод, как прежде, и той не имею
Силы, как в Трое, когда мы однажды сидели в засаде!
Были Атрид Менелай с Одиссеем вождями; и с ними
Третий начальствовал я, к ним приставший по их приглашенью;
К твердо-высоким стенам многославного града пришедши,
Все мы от них недалеко в кустарнике, сросшемся густо,
Между болотной осоки, щитами покрывшись, лежали
Тихо. Была неприязненна ночь, прилетел полуночный
Ветер с морозом, и сыпался шумно-холодной метелью
Снег, и щиты хрусталем от мороза подернулись тонким.
Теплые мантии были у всех и хитоны; и спали,
Ими одевшись, спокойно они под своими щитами;
Я ж, безрассудный, товарищу мантию отдал, собравшись
В путь, не подумав, что ночью дрожать от мороза придется;
Взял со щитом я лишь пояс один мой блестящий; когда же
Треть совершилася ночи и звезды склонились с неба,
Так я сказал Одиссею, со мною лежавшему рядом,
Локтем его подтолкнув (во мгновенье он понял, в чем дело):
„О Лаэртид, многохитростный муж, Одиссей благородный,
Смертная стужа, порывистый ветер и снег хладоносный
Мне нестерпимы; я мантию бросил; хитон лишь злой демон
Взять надумил меня; никакого нет средства согреться“.
Так я сказал. И недолго он думал, что делать: он первый
Был всегда и на умный совет и на храброе дело.
Шепотом на ухо мне отвечал он: „Молчи, чтоб не мог нас
Кто из ахеев, товарищей наших, здесь спящих, подслушать“.
Так отвечав мне, привстал он и, голову локтем подперши,
„Братья, – сказал, – мне приснился божественный сон; мы далеко,
Слишком далеко от наших зашли кораблей; не пойдёт ли
Кто к Агамемнону, пастырю многих народов, Атриду,
С просьбой, чтоб в помощь людей нам прислать с кораблей не замедлил“.
Так он сказал. Поднялся, пробудившись, Фоат Андремонид;
Сбросив для легкости с плеч пурпуровую мантию, быстро
Он побежал к кораблям; я ж, оставленным платьем одевшись,
Сладко проспал до явления златопрестольной денницы.
О, для чего я не молод, не силен, как в прежние годы!
Верно тогда бы и мантию дали твои свинопасы
Мне – из приязни ль, могучего ль мужа во мне уважая.
Ныне ж кто хилого нищего в рубище бедном уважит?»
Страннику так отвечал ты, Евмей, свинопас богоравный:
«Подлинно чудною повестью нас ты, мой гость, позабавил;
Нет ничего неприличного в ней, и на пользу рассказ твой
Будет: ни в платье ты здесь и ни в чем, для молящего, много
Бед испытывавшего странника нужном, отказа не встретишь;
Завтра, однако, в свое ты оденешься рубище снова;
Мантий у нас здесь запасных не водится, мы не богаты
Платьем; у каждого только одно: он его до износа
С плеч не скидает. Когда же возлюбленный сын Одиссеев

Будет домой, он и мантию даст и хитон, чтоб одеться
Мог ты, и в сердце желанную землю ты будешь отправлен».
Кончив, он встал и, пошед, близ огня приготовил постелю
Гостю, накрывши овчиной ее и косматою козьей
Шкурою; лег Одиссей на постель; на него он набросил
Теплую, толсто-сотканную мантию, ею ж во время
Зимней, бушующей дико метели он сам одевался;
Сладко на ложе своем отдыхал Одиссей; и другие
Все пастухи улеглись кругом. Но Евмей, разлучиться
С стадом свиней опасаясь, не лег, не заснул; он, поспешно
Взявши оружие, в поле идти изготовился. Видя,
Как он ему и далекому верен, в душе веселился
Тем Одиссей. Свинопас же, на крепкие плечи повесив
Меч свой, оделся косматою, от ветра защитной, широкой
Мантией, голову шкурой козы длинношерстной окутал,
После копье на собак и на встречу с ночным побродягой
Взял и в то место пошел ночевать, где клычистые свиньи
Спали под сводом скалы, недоступным дыханью Борея.

Песнь пятнадцатая

Тридцать пятый и тридцать шестой день. утро тридцать седьмого
Афина, являясь во сне Телемаху, побуждает его возвратиться в отечество. Одаренный
щедро Менелаем и Еленою, он покидает вместе с Писистратом Лакедемон. Ночлег у
Диоклеса. На другой день, миновав Пилос, Телемах садится на корабль, берет с
собою феоклимена и пускается в море. Тем временем Одиссей объявляет Евмею, что
он намерен идти в город просить подаяния и вступить в службу к женихам. Евмей
его удерживает у себя и советует ему дожидаться возвращения Телемахова. По
просьбе Одиссея он рассказывает ему о его отце и о его матери, наконец и о том,
что с ним самим в жизни случалось. Телемах, прибывши рано поутру к берегам
Итаки, посылает корабль свой в город, а сам идет к Евмею.

Тою порой в Лакедемон широкоравнинный достигла
Зевсова дочь, чтоб Лаэртова внука, ему об Итаке
Милой напомня, понудить скорей возвратиться в отцовский
Дом; и она там нашла Телемаха с возлюбленным сыном
Нестора, спящих в сенях Менелаева славного дома.
Сладостным сном побежденный, лежал Писистрат неподвижно.
Полон тревоги был сон Одиссеева сына: во мраке
Ночи божественной он об отце помышлял и крушился.
Близко к нему подошедши, богиня Афина сказала:
«Сын Одиссеев, напрасно так долго в чужой стороне ты
Медлишь, наследье отца благородного бросив на жертву
Дерзких грабителей, жрущих твою беспощадно; расхитят
Все, и без пользы останется путь, совершенный тобою.
Встань; пусть немедля отъезд Менелай, вызыватель в сраженье,
Вам учредит, чтоб еще без порока застать Пенелопу
Мог ты: ее и отец уж и братья вступить понуждают
В брак с Евримахом; числом и богатством подарков он прочих
Всех женихов превзошел и приносит дары беспрестанно.
Могут легко и твою там похитить добро; ты довольню
Знаешь, как женщина сердцем изменчива: в новый вступаю
Брак, лишь для нового мужа она помышляет устроить
Дом, но о детях от первого брака, о прежнем умершем
Муже не думает, даже и словом его не помянет.
В дом возвратяся, там все, что твое, поручи особливо
Самой надежной из ваших рабынь, чтоб хранила, покуда
Боги тебе самому не укажут достойной супруги.
Слушай теперь, что скажу, и заметь про себя, что услышишь:
Выбрав отважнейших в шайке своей, женихи им велели,
Между Итакой и Замом крутым притаются в засаде,
Злую погибель тебе на возвратном пути приготовить.
Я же того не дозволю; и прежде могила поглотит
Многих из них, беззаконно твое достоянье губящих;
Ты ж, с кораблем от обоих держась островов в отдаленье,
Мимо их ночью пройди; благовеющий ветер попутный
Бог благосклонный, тебя берегущий, пошлет за тобою.
Но, подошед к каменисто-высокому берегу Итаки,
В город со всеми людьми отпусти свой корабль быстроходный;
Сам же останься на бреге и после поди к свинопасу,

Главному там над свинными стадами смотрителю; верный
Твой он слуга; у него ты ночуешь; его же с известьем
В город пошлешь к Пенелопе разумной, дабы объявил ей
Он, что в отчизну из Пилоса ты невредим возвратился».
Кончив, богиня Паллада на светлый Олимп возвратилась.
Тут от покойного сна пробудил Телемах Писистрата,
Пяткой толкнувши его и сказавши ему: «Пробудися,
Несторов сын Писистрат; и коней громозвучнокопытных
В нашу скорее впряги колесницу; в дорогу пора нам».
Несторов сын благородный отвечив так Телемаху:
«Сын Одиссеев, хотя и спешить ты отъездом, но в путь нам
Темною ночью пускаться не должно; рассвет недалеко.
Должно притом подождать, чтоб Атрид благородный, метатель
Славный копья, Менелай, положив в колесницу подарки
Мне и тебе, отпустил нас с прощальным приветливым словом:
Сладостно гостю, простившись с хозяином дома, о нежной
Ласке, с какою он был угощен, вспоминать ежедневно».
Так он сказал. Воссияла с небес златотронная Эос.
К ним тут пришел Менелай, вызыватель в сраженье, поднявшись
С ложа от светлокудрявой супруги, прекрасной Елены.
Сын Одиссеев, его подходящего видя, поспешно
Тело блестящее чистым хитоном облек и широкой
Мантией крепкие плечи, герой многославный, украсил;
Встретив в дверях Менелая и ставши с ним рядом, сказал он,
Сын Одиссеев, подобный богам Телемах благородный:
«Царь многославный, Атрид, богоизбранный пастырь народов,
В милую землю отцов мне теперь возвратиться позволь ты;
Сердце мое несказанно по доме семейном тоскует».
Кончил. Ему отвечал Менелай, вызыватель в сраженье:
«Сын Одиссеев, тебя здесь удерживать боле не буду,
Если так сильно домой ты желаешь. И сам не одобрю
Я гостелюбца, который безмерно лаской безмерно
Людям скучает: во всем наблюдать нам умеренность должно;
Худо, если мы гостя, который хотел бы остаться,
Нудим в дорогу, а гостя, в дорогу спешащего, держим:
Будь с остающимся ласков, приветно прости с уходящим.
Но подожди, Телемах, чтоб в твою колесницу подарки
Я уложил, их тебе показав, и чтоб также рабыне
Сытный вам завтрак велел на отъезд во дворце приготовить:
Честь, похвала и услада хозяину, если гостей он,
Едущих в дальнюю землю, насыщенных в путь отпускает.
Если ж ты хочешь Аргос посетить и объехать Элладу, –
Сам я тебе проводник; дай коней лишь запрячь в колесницу;
Многих людей города покажу я; никто не откажет
Нам в угощенье, везде и подарок обычный получим:
Иль дорогой меднолитный треножник, иль чашу, иль крепких
Мулов чету, иль сосуд золотой двоеручный». Атриду
Так, отвечая, сказал рассудительный сын Одиссеев:
«Царь многославный, Атрид, богоизбранный пастырь народов,
Должно прямым мне скорей возвратиться путем – без надзора
Дом и богатства мои, отправляясь в путь, я оставил;
Может, пока за отцом я божественным буду скитаться,
Там приключится беда иль похитится что дорогое».
Царь Менелай, вызыватель в сраженье, при этом ответе
Тотчас Елене, супруге своей, и домашним рабыням
Завтрак велел для гостей на отъезд во дворце приготовить.
Близко к Атриду тогда подошел Этеон, сын Возфов,
Только что вставший с постели: он жил от царя недалеко.
Царь повелел Этеону огонь разложить и немедля
Мяса изжарить; и тот повеленье с покорностью принял.
Сам же в чертог кладовой благовонный сошел по ступеням
Царь, не один, но с Еленой и с сыном своим Мегапентом;
Вшед в благовонный чертог кладовой, где хранились богатства,
Выбрал Атрид там двурусный кубок, потом Мегапенту
Сыну кратеру велел сребролитную взять; а Елена
К тем подошла запертым на замок сундукам, где лежало
Множество пестрых, узорчатых платьев ее рукоделья.
Стала Елена, богиня меж смертными, пестрые платья

Все разбирать и шитьем богатейшее, блеском как солнце
Ярко, выбрала; было оно там на самом исподе
Спрятано. Кончив, они по дворцу к Телемаху навстречу
Вместе пошли; Менелай златовласый сказал: «Благородный
Сын Одиссеев, желанное сердцем твоим возвращенье
В дом твой тебе да устроит супруг громоогненный Геры!
Я же из многих сокровищ, которыми здесь обладаю,
Самое редкое выбрал тебе на прощальный подарок:
Дам пировую кратеру богатую; эта кратера
Вся из серебра, но края золотые, искусной работы
Бога Гефеста; ее подарил мне Федим благородный,
Царь сидонян, в то время, когда, возвращаясь в отчизну,
В доме его я гостил, и ее от меня ты получишь».
С сими словами вручил Телемаху двурусный кубок
Сын благородный Атрев; кратеру работы Гефеста
Подав, пришедши, ему Мегапент, Менелаев могучий
Сын, сребролитную. Светло-образная, с пестрым пришедши
Платьем, Елена его позвала и сказала: «Одежду
Эту, дитя мое милое, выбрала я, чтоб меня ты
Помнил, чтоб этой, мной шитой одеждой на брачном веселом
Пире невесту украсил свою; а дотоль пусть у милой
Матери будет храниться она; ты ж теперь возвратися
С сердцем веселым в Итаку, в отеческий дом многославный».
Кончив, одежду она подала; благодарно он принял.
Тут осторожно дары уложил Писистрат в колесничный
Короб, с большим удивленьем все порознь сперва осмотревши.
Всех в пировую палату повел Менелай златовласый;
Там поместились они по порядку на креслах и стульях.
Тут принесла на лохани серебряной руки умыть им
Полный студеной воды золотой рукомойник рабыня;
Гладкий потом пододвинула стол; на него положила
Хлеб домовитая ключница с разным съестным, из запаса
Выданным ею охотно, чтоб было для всех угощенье;
Мясо на части разрезал и подал гостям сын Возэфов;
Кубки златые наполнил вином Мегапент многославный;
Подняли руки они к приготовленной пище; когда же
Был удовлетвован голод их сладким питьем и едою,
Сын Одиссеев и Несторов сын Писистрат привязали
К дышлу коней и, в богатую ставши свою колесницу,
Выехать в ней со двора через звонкий готовились портик.
Вышел за ними Атрид Менелай златовласый, держащий
В правой руке драгоценный, вином благовонным налитый
Кубок, чтоб их на дорогу почтить возлияньем прощальным;
Стал впереди он коней и, вина отхлебнувши, воскликнул:
«Радуйтесь, дети, и Нестору, пестуну многих народов,
Мой отвезите поклон; как отец, был ко мне благосклонен
В те времена он, когда мы сражались в Трое, ахейцы».
Сын Одиссеев возлюбленный так отвечал Менелаю:
«Нестору все, что о нем ты сказал нам, Зевесов питомец,
Мы перескажем, прибывши к нему. О, когда б, возвратися
В дом мой, в Итаку, и я мог отцу моему Одиссею
Так же сказать, как любовно меня угощал ты, как много
Разных привез я сокровищ, тобою в подарок мне данных!»
Кончил; и в это мгновение справа орел темнокрылый
Шумно поднялся, большого домашнего белого гуся
В сильных когтях со двора унося; и толпою вся дворня
С криком бежала за хищником; он, подлетев к колеснице,
Мимо коней прошумел и ударился вправо. При этом
Виде у всех предвещанием радостным сердце взыграло.
Несторов сын, Писистрат благородный, сказал Менелаю:
«Царь Менелай, повелитель людей, для кого, изъясни нам,
Знаменья это Кронион послал, для тебя ли, для нас ли?»
Так он спросил; и, Арея любимец, задумался бодрый
Царь Менелай, чтоб ответ несомнительный дать Писистрату.
Длиннопокровная слово его упредила Елена:
«Слушайте то, что скажу вам, что мне всемогущие боги
В сердце вложили и что, утверждаю я, сбудется верно.
Так же, как этого белого гуся, вскормленного дома,

Сильный похитил орел, прилетевший с горы, где родился
Сам и где вывел могучих орлят, так, скитавшийся долго,
В дом возвратясь, Одиссей отомстит; но, быть может, уже он
Дома; и смерть женихам неизбежную в мыслях готовит».

Ей отвечая, сказал рассудительный сын Одиссеев:
«Если то Геры супруг, громоносный Кронион, позволит,
Буду, тебя поминая, тебе я как богу молиться».

Так отвечав ей, он сильным ударил бичом; понеслись
Быстро по улицам города в поле широкое кони.

Целый день мчались кони, тряся колесничное дышло.

Солнце тем временем село, и все потемнели дороги.

Путники прибыли в феру, где сын Ортилоха, Алфеем

Светлым рожденного, дом свой имел Диоклес благородный;

Дав у себя им ночлег, Диоклес угостил их радушно.

Вышла из мрака младая с перстами пурпурными Эос.

Путники, снова в свою колесницу блестящую ставши,

Быстро на ней со двора через портик помчались звонкий,

Часто коней погоняя, и кони скакали охотно.

Скоро достигли они до великого Пилоса града.

Сын Одиссеев сказал Писистрату, к нему обратясь:

«Можешь ли, Несторов сын, обещаю тебе дать, что исполнишь

Просьбу мою? Мы гостями друг другу считаемся с давних

Лет по наследству любви от отцов; мы ровесники; этот

Путь, совершенный вдвоем, неразрывнее дружбой связал нас.

Друг, не минуй моего корабля; но позволь мне остаться

Там, чтоб отец твой меня в изъявление любви не принудил

В доме промедлить своим – возвратиться безмерно спешу я».

Так он сказал; Писистрат колебался рассудком и сердцем,

Думая, как бы свое обещанье исполнить; обдумав

Все, напоследок уверился он, что удобнее будет

Звонкокопытных коней обратиться к кораблю и к морскому

Брегу. Вступя на корабль, положил на корме он подарки:

Золото, платье и все, чем Атрид одарил Телемаха.

После, его понуждая, он бросил крылатое слово:

«Медлить не должно; все люди твои собрались; уезжайте

Прежде, пока, возвратясь домой, не успел обо всем я

Старцу отцу рассказать; убежден я рассудком и сердцем

(Зная упрямство его), что тебя он не пустит, что сам он

Вслед за тобой с приглашеньем сюда прибежит и отсюда,

Верно, один не воротится, так он упорствовать будет».

Кончив, бичом он погнал долгогривых коней и помчался

В город пилийцев и славного города скоро достигнул.

К спутникам тут обратясь, сказал Телемах благородный:

«Братья, скорей корабля чернобокого снасти устройте,

Все соберитесь потом на корабль, и отправимся в путь свой».

То повеление было гребцами исполнено скоро;

Все на корабль собрались и сели на лавках у весел.

Тою порой Телемах приносил на корме корабельной

Жертву богине Палладе; к нему подошел, он увидел,

Странник. Убийство свершив, он покинул Аргос и скитался;

Был прорицатель; породу же вел от Мелампа, который

Некогда в Пилосе жил овцеводом. В роскошных палатах

Между пилийцев Меламп обитал, отличаясь богатством;

Был он потом принужден убежать из отчизны в иную

Землю, гонимый надменным Нелеем, из смертных сильнейшим

Мужем, который его всем богатством, пока продолжался

Круг годовой, обладал, между тем как в Филаковом доме

В тяжких оковах, в глубокой темнице был жестоко мучим

Он за Нелееву дочь, погруженный в слепое безумство,

Душу его омрачившее силою страшных Эриний.

Керы, однако, избегнул и громкомычащих коров он

В Пилос угнал из Филакии. Там, отомстивши за злое

Дело герою Нелею, желанную к брату родному

В дом проводил он супругу, потом удалился в иную

Землю, в Аргос многоконный, где был предназначен судьбою

Жить, многочисленным там обладая народом аргивян.

В брак там вступив, поселился он в пышноустроенном доме;

Двух он имел сыновей: Антифата и Мантия, славных

Силой. Родил Антифат Оиклея отважного. Сыном
Был Оikleевым Амфиарей, волнователь народов,
Милый эгидодержавцу Зевесу и сыну Латоны;
Но до порога дней старых ему не судили достигнуть
Боги: он в Фивах погиб златолюбия женского жертвой.
Были его сыновья Алкмаон с Амфилохом. Мелампов
Младший сын Мантий родил Полифейда-пророка и Клита.
Клита похитила, светлой его красотою пленяся,
Златопрестольная Эос, чтоб был он причислен к бессмертным.
Силу пророчества гордому дав Аполлон Полифейду,
Сделал его знаменитым меж смертных, когда уж не стало
Амфиарея; но он в Гипересию жить, раздраженный
Против отца, перешел; и, живя там, пророчил всем людям.
Тот же странник, которого сын Одиссеев увидел,
Был Полифейдов сын, называвшийся феоклименом;
Он Телемаху, Афине тогда приносившему жертву,
С просьбой к нему обратившись, бросил крылатое слово:
«Друг, я с тобой, совершающим жертву, встречаясь, твоею
жертвой тебя, и твоим божеством, и твоей головою,
Также и жизнью сопутников верных твоих умоляю:
Мне на вопрос отвечай, ничего от меня не скрывая,
Кто ты? Откуда? Каких ты родителей? Где обитаешь?»
Кончил. Ему отвечал рассудительный сын Одиссеев:
«Все расскажу откровенно, чтоб мог ты всю истину ведать;
я из Итаки; отцом же моим Одиссеем богоравный
Некогда был; но теперь он погибелью горькой постигнут;
Спутников верных созвав, в корабле чернобоком за ним я,
Долго отсутственным, странствую, вести о нем собирая».
Феоклимен богоравный ответствовал внуку Лаэрта:
«Странствую также и я – знаменитый был мною в отчизне
Муж умерщвлен; в многоконном Аргосе он много оставил
Сродников ближних и братьев, могучих в народе ахейском;
Гибель и мстящую Керу от них опасаясь встретить,
я убежал; меж людей бесприютно скитаться удел мой.
Ты ж, умоляю богами, скитальца прими на корабль свой,
Иначе будет мне смерть: я преследуем сильно их злобой».
Кончил. Ему отвечал рассудительный сын Одиссеев:
«Друг, я тебя на корабль мой принять соглашаюсь охотно.
Едем; и в доме у нас с гостелюбием будешь ты принят».
Так он сказал и, копье медноострое взяв у пришельца,
Подле перил корабельных его положил на помосте.
Сам же, вступив на корабль, оплывающий темное море,
Сел у кормы корабельной, с собою там сесть пригласивши
феоклимена. Гребцы той порой отвязали канаты.
Бодрых гребцов возбуждая, велел Телемах им немедля
Снасти убрать, и, ему повинуясь, сосновую мачту
Подняли разом они и, глубоко в гнездо водрузивши,
В нем утвердили ее, а с боков натянули веревки;
Белый потом привязали ремнями плетеными парус;
Тут светлоокая Зевсова дочь им послала попутный,
Зыби эфира пронзающий ветер, чтоб темносолоной
Бездною моря корабль их бежал, не встречая преграды.
Круны и Халкис они светловодный уже миновали;
Солнце тем временем село, и все потемнели дороги.
Феу корабль, провожаемый Зевсовым ветром, оставив
Сзади, прошел и священную область эпеян Элиду.
Острые тут острова Телемах в отдаленье увидел.
Плыл он туда, размышляя, погибнет ли там иль спасется.
Тою порой Одиссеем с свинопасом божественным пищу
Ели вечернюю, с ними и все пастухи вечеряли.
Свой удовольствием голод обильно-роскошной едою,
Так им сказал Одиссеем (он хотел испытать, благосклонно ль
Сердце Евмея к нему, пригласит ли его он остаться
В хижине с ним иль его отошлет неприязненно в город):
«Слушай, мой добрый Евмей, и послушайте все вы; намерен
Завтра поутру я в город идти, чтоб собирать подаянье
Там от людей и чтоб вашего хлеба не есть вам в убыток.
Дай мне, хозяин, совет и вели, чтоб дорогу мне в город

кто указал. Я по улицам буду бродить, и, конечно, кто-нибудь даст мне вина или краюшку мне вынесет хлеба; в дом многочисленный царя Одиссея пришедши, скажу там людям, что добрые вести о нем я принес Пенелопе. Также пойду и к ее женихам многобуйным; уж верно мне, так роскошно пируя, они не откажут в подаче. Я же и сам быть могу им на всякую службу пригоден; ведать ты должен и выслушай то, что скажу: благодатен Эрмий ко мне был, богов благовестник, который всем смертным людям успех, красоту и великую славу дарует; мало найдется таких, кто б со мною поспорил в искусстве скоро огонь разводил, и сухие дрова для варенья пища колотил, и вино подносить, и разрезывать мясо, словом, во всем, что обязанность низких на службе у знатных». С гневом на то отвечал ты, Евмей, свинопас богоравный: «Стыдно тебе, чужеземец; как мог ты такие дозволить странные мысли себе? Ты своей головы не жалеешь, в город собираясь идти к женихам беззаконным, которых буйство, бесстыдство и хищность дошли до железного неба: там не тебе, друг, чета им рабы подчиненные служат; нет! Но проворные, в платьях богатых, в красивых хитонах, юноши, светлокудрявые, каждый красавец – такие служат рабы им; и много на гладко-блестящих столах там хлеба, и мяса, и кубков с вином благовонным. Останься лучше у нас. Никому ты, конечно, меж нами не будешь в тягость: ни мне, ни товарищам, вместе со мною живущим. После ж, когда возвратится возлюбленный сын Одиссея, ты от него и хитон и другую одежду получишь; будешь им также и в сердце желанную землю отправлен». Голос возвысив, ему отвечал сын Лаэрт: «Да будешь, добрый хозяин мой, ты и великому Зевсу-владыке столь же любезен, как страннику мне, о котором с такою лаской печешься! Несносно бездомное странствие; тяжелой мучит заботой во всякое время голодный желудок бедных, которым бродить суждено по земле без приюта. Здесь я охотно дождусь Телемаха, а ты расскажи мне все, что о славной в женах Одиссеевой матери знаешь, все, что с отцом, на пороге оставленном старости, было – если еще Гелиосовым блеском они веселятся; или уж нет их, и оба они уж в Аидовом доме?» Сыну Лаэрт: так отвечал свинопас богоравный: «Все по порядку тебе расскажу, ничего не скрывая: жив благородный Лаэрт, но всечасно Зевеса он молит дома, чтоб душу его он исторгнул из дряхлого тела; горько он плачет о долго-отсутственном сыне, лишившись доброй, разумной и сердцем избранной супруги, которой смерть преждевременно в дряхлость его погрузила: о милом сыне крушась неутешно и сетуя, с светлой жизнью рано рассталась она. Да не встретит никто из любимых мною и мне оказавших любовь столь печальной кончины! Я же, покуда ее сокрушенная жизнь продолжалась, в город к ней часто ходил, чтоб ее навестить, поелику был я в ребячестве с дочерью доброй царицы, Клименой, самую младшею между другими, воспитан; я с нею рос и, почти как она, был любим в их семействе; когда же мы до желанного возраста младости зрелой достигли, выдали замуж в Самосу ее, взяв большие подарки. Был награжден я красивой хламидой и новым хитоном, также для ног получил и сандалии; после царица в поле к стадам отослала меня и со мной дружелюбней прежнего стала. Но все миновалось. Блаженные боги щедро, однако, успехом прилежный мой труд наградили; им я кормлюсь, да и добрых людей угощать мне возможно. Но от моей госпожи ничего уж веселого ныне мне не бывает, ни словом, ни делом, с тех пор как вломились в дом наш грабители: нам же, рабам, иногда так утешно было б ее навестить, про себя ей все высказать, сведать все про нее и, за царским столом отобедав, с подачей

Весело в поле домой на вседневный свой труд возвратиться».
Кончил; ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
«Чудно! Так в детстве еще ты, Евмей-свинопас, из отчизны
В землю далекую был увезен от родителей милых?
Все мне теперь расскажи, ничего от меня не скрывая:
Город ли тот, населенный обильно людьми, был разрушен,
Где твой отец и твоя благородная мать находились,
Или, оставшись у стада быков и баранов один, ты
Схвачен морским был разбойником; он же тебя здесь и продал
Мужу тому, от него дорогую потребовав цену?» –
«Друг, – отвечал свинопас богоравный, людей повелитель, –
Если ты ведать желаешь, то все расскажу откровенно;
Слушай, в молчании сладко-душистым вином утешаясь;
Ночи теперь бесконечны, есть время для сна, и довольно
Времени будет для нашей радушной беседы; не нужно
Рано ложиться в постелю нам: сон неумеренный вреден.
Все же другие, кого побуждает желанье, пусть идут
Спать, чтоб при первых лучах восходящей денницы на паству
В поле, позавтракав дома, с господскими выйти свиньями;
Мы на просторе здесь двое, вином, вином и едой веселясь,
Память минувших печалей веселым о них разговором
В сердце пробудим: о прошлых бедах поминает охотно
Муж, испытавший их много и долго бродивший на свете.
Я же о том, что желаешь ты знать, расскажу откровенно.
Есть (вероятно, ты ведаешь) остров, по имени Сира,
Выше Ортигии, где поворот совершает свой солнце;
Он необильно людьми населен, но удобен для жизни,
Тучен, приволен стадам, виноградом богат и пшеницей:
Там никогда не бывает губящего голода; люди
Там никакой не страшатся заразы; напротив, когда там
Хилая старость объемлет одно поколенье живущих,
Лук свой серебряный взяв, Аполлон с Артемидой нисходят
Тайно, чтоб тихой стрелой безболезненно смерть посылать им.
Два есть на острове города, каждый с своею отдельной
Областью: был же владельцем обоих родитель мой Ктесий,
Сын Орменонов, бессмертным подобный. Случилось, что в Сиру
Прибыли хитрые гости морей, финикийские люди,
Мелочи всякой привезши в своем корабле чернобоком.
В доме ж отцовом рабыня жила финикийская, станом
Стройная, редкой красоты, в рукодельях искусная женских.
Душу ее обольстить удалось финикийцам коварным:
Мыла она, невдали корабля их, белье; тут один с ней
Тайно в любви сочелась – любовь же всегда в заблужденье
Женщин, и самых невинных своим поведением, вводит.
Кто и откуда она, у рабыни спросил обольститель?
Дом указав своего господина, она отвечала:
„Я уроженница меднобогатого града Сидона;
Там мой отец Арибант знаменит был великим богатством;
Силой морские разбойники, злые тафийцы схватили
Шедшую с поля меня и сюда увезли на продажу
Мужу тому, от него дорогую потребовав цену“.
Ей отвечая, сказал финикиец, ее обольститель:
„Будешь, конечно, ты рада в отчизну свою возвратиться
С нами; опять там увидишь и мать и отца в их блестящем
Доме: они же, мы ведаем, живы и славны богатством“.
Выслушав то, что сказал он, ему отвечала рабыня:
„Я бы на все согласилась охотно, когда б, мореходцы,
Вы поклялись в отчизну меня отвезти без обиды“.
Так отвечала рабыня; и те поклялись; когда же
Все поклялись они и клятву свою совершили,
К ним обратясь, рабыня крылатое бросила слово:
„Будем теперь осторожны; молчите; из вас никоторый
Слова не молви со мной, где меня бы ему ни случилось
Встретить, на улице ль, подле колодца ль, чтоб кто господину,
Нас подсмотрев, на меня не донес: раздраженный, меня он
В цепи велит заключить, да и вам приготовит погибель.
Скуйте ж язык свой; окончите торг поскорей, и когда вы
В путь изготовитесь, нужным запасом корабль нагрузивши,

В доме царевом меня обо всем известите немедля;
Золота, сколько мне под руки там попадетсЯ, возьму я;
Будет при том от меня вам еще и особый подарок:
Знать вы должны, что смотрю я за сыном царя малолетним;
Мальчик смысленный; со мною гулять из дворца он вседневно
Ходит; я с ним на корабль ваш приду: за великую цену
Этот товар продадите вы людям иного языка“.
Так им сказавши, она возвратилась в палаты царевоы.
Те же, год целый оставшись на острове нашем, прилежно
Свой крутобокий корабль нагружали, торгуя, товаром;
Но когда изготовился в путь нагруженный корабль их,
Ими был вестник о том к финикийской рабыне отправлен;
В дом он отца моего дорогое принес ожерелье:
Крупный электрон, оправленный в золото с чудным искусством;
Тем ожерельем моя благородная мать и рабыни
Все любовались; оно по рукам их ходило, и цену
Разную все предлагали. А он, по условию, молча
Ей головою кивнул и потом на корабль возвратился.
Из дому, за руку взявши меня, поспешила со мною
Выйти она; проходя же палату, где множеством кубков
Стол был уставлен для царских вельмож, приглашенных к обеду
(Были в то время они на совете в собрание народном),
Три двоеручных сосуда проворно она, их под платьем
Скрыв, унесла; я за нею пошел, ничего не размышля.
Солнце тем временем село, и все потемнели дороги.
Пристани славной, поспешно идя, наконец мы достигли;
Там, оплыватель морей, ожидал нас корабль финикийский;
Все собрались на корабль, и пошел он дорогою влажной,
Взяв нас, меня и ее, и Зевес ниспослал нам попутный
Ветер; шесть суток и денно и ночью мы по морю плыли.
Но на седьмой день, как то предназначено было Зевесом,
Вдруг Артемида изменницу быстрой убила стрелою:
Мертвая на пол она корабельный упала морскою
Курицей – рыбам ее и морским тюленям на съеденье
Бросили в море; а я там остался один, сокрушенный.
Волны и ветер попутный корабль принесли наш в Итаку;
Здесь я Лаэртом на деньги его был у хищников куплен.
Так я Итаку впервые своими глазами увидел».
Выслушав повесть, Евмею сказал Одиссей богоравный:
«Добрый Евмей, несказанно всю душу мою ты растрогал,
Мне повествуя, какие с тобою беды приключились;
С горем, однако, и радость тебе ниспослал многодарный
Зевс, проводивший тебя, претерпевшего много, в жилище
Краткого мужа, который тебя и поит здесь и кормит
С нежной заботой; и жизнь ты проводишь веселую; мне же
Участь не та – без приюта брожу меж людей земнородных».
Так говоря о былых временах, напоследок и сами
В сон погрузились они, но на малое время; был краток
Сон их: взошла светлотронная Эос. В то время у брега,
Снасти убрав, Телемаховы спутники мачту спустили.
Быстро к причалу на веслах корабль привели и, закинув
Якорный камень, надежным канатом корабль утвердили у брега;
Сами же, вышед на брег, поражаемый шумно волною,
Вкусный обед приготовили с сладким вином пурпуровым.
Свой удовольствовав голод питьем и роскошной едою,
Так мореходцам сказал рассудительный сын Одиссеев:
«В город на веслах теперь отведите корабль чернобокий;
Сам же я в поле пойду навестить пастухов и порядком
Все осмотреть там; а вечером в город пешком возвращуся;
Завтра ж, друзья, в благодарность за ваше сопутствие, вас я
В дом наш со мной отобедать и выпить вина приглашаю».
Феоклимен богоравный тогда спросил Телемаха:
«Сын мой, куда же пойти присоветуешь мне ты? К какому
Жителю горно-суровой Итаки мне в дом обратиться?
Или прямою дорогою в ваш дом пойти к Пенелопе?» –
«Феоклимен, – отвечал рассудительный сын Одиссеев, –
В прежнее время тебя, не задумавшись, прямо бы в дом свой
я пригласил: мы тебя угостили б как должно; теперь же

Худо там будет тебе без меня; ты увидать не можешь
Матери милой; она, на глаза женихам не желая
Часто являться, сидит наверху за тканьем одиноко;
Но одного я из них назову, он доступнее прочих:
То Евримах благородный, Полибия умного сын; на него же
Смотрит в Итаке народ как на бога, с почтеньем великим.
Он, без сомнения, лучший меж ними; усердней других он
С матерью брака, чтоб место занять Одиссеево, ищет;
Но лишь единый в эфире живущий Зевес Олимпиец
Ведает, что им судьбой предназначено – брак иль погибель?»
Кончил; и в это мгновение справа поднялся огромный
Сокол, посол Аполлонов, с пронзительным криком; в когтях он
Дикого голубя мчал и ощипывал; перья упали
Между Лаэртовым внуком и судном его быстроходным.
Феоклимен, то увидя, отвел от других Телемаха,
За руку взял, и по имени назвал, и шепотом молвил:
«Знай, Телемах, не без воли Зевеса поднялся тот сокол
Справа; я вещью птицу, его рассмотрев, угадал в нем.
Царственной вашей царского рода не может в Итаке
Быть никакой; навсегда вам владычество там сохранится».
Феоклимену ответствовал сын Одиссеев разумный:
«Если твое предсказание, гость чужеземный, свершится,
Будешь от нас угощен ты как друг и дарами осыпан
Так изобильно, что каждый, с кем встретишься, счастью такому
Будет дивиться». Потом он сказал, обратясь к Пирею:
«Клитиев сын, благородный Пирей, из товарищей, в Пилос
Вместе со мною ходивших, ты самый ко мне был усердный.
Будь же таков и теперь, пригласи моего чужеземца
В дом свой, и пусть там живет он, покуда я сам не приду к вам».
Выслушав, так отвечал Телемаху Пирей-копьевержец:
«Сделаю все, и сколь долго бы в доме моем он ни прожил,
Буду его угощать, и ни в чем он отказа не встретит».
Кончил Пирей и, вступив на корабль, приказал, чтоб немедля
Люди взошли на него и причальный канат отвязали.
Люди, взошед на корабль, поместились на лавках у весел.
Тут, в золотые сандалии сын Одиссеев обувши
Ноги, свое боевое копье, заостренное медью,
С палубы взял; а гребцы отвязали канат и на веслах
К городу поплыли, судно отчалив, как то повелел им
Сын Одиссеев, подобный богам, Телемах благородный.
Сын Одиссеев тем временем шел и пришел напоследок
К дому, где множество было в закутах свиней и где с ними,
Сторож их, спал свинопас, Одиссеев слуга неизменный.
Песнь шестнадцатая
Тридцать седьмой день
Телемах приходит в жилище Евмея, который принимает его с несказанною радостью.
Он посылает Евмея в город возвестить Пенелопе о возвращении сына. Одиссей,
повинуясь Афине, открывается Телемаху; они обдумывают вместе, как умертвить
женихов. Сии последние тем временем, подстрекаемые Антиноем, составляют заговор
против Телемаховой жизни; но Амфином советует им наперед узнать волю Зевеса.
Пенелопа, сведав о их замысле, делает упреки Антиною; Евримах лицемерно
старается ее успокоить. Евмей возвращается в хижину.

Тою порой Одиссей с свинопасом божественным, рано
Встав и огонь разложив, приготовили завтрак. Насытись
Вдоволь, на паству погнали свиней пастухи. К Телемаху
Бросились дружно навстречу Евмеевы злые собаки;
Ластясь к идущему, прыгали дикие звери; услышав
Топот двух ног, подходящих поспешно, Лаэртов разумный
Сын, изумившийся, бросил крылатое слово Евмею:
«Слышишь ли, добрый хозяин? Там кто-то идет, твой товарищ
Или знакомец; собаки навстречу бегут и, не лая,
Машут хвостами; шаги подходящего явственно слышу».
Слов он еще не докончил, как в двери вошел, он увидел,
Сын; в изумленье вскочил свинопас; уронил из обеих
Рук он сосуды, в которых студеную смешивал воду
С светло-пурпурным вином. К своему господину навстречу
Бросясь, он голову, светлые очи и милые руки

Стал у него целовать, и из глаз полилися ручьями
Слезы; как нежный отец с несказанной любовью ласкает
Сына, который внезапно явился ему через двадцать
Лет по разлуке – единственный, поздно рожденный им, долго
Жданный в печали, – с такой свинопас Телемаха любовью,
Крепко обнявши, всего целовал, как воскресшего; плача
Взрыд, своему господину он бросил крылатое слово:
«Ты ль, ненаглядный мой свет, Телемах, возвратился? Тебя я,
В Пирос отплывшего, видеть уже не надеялся боле.
Милости просим, войди к нам, дитя мое милое; дай мне
Очи тобой насладить, возвратившимся в дом свой; доньше
В поле не часто к своим пастухам приходил ты; но боле
В городе жил меж народа: знать, было тебе не противно
Видеть, как в доме твоём без стыда женихи бунтовали».
Сын Одиссеев разумный отвечивал так свинопасу:
«Правду сказал ты, отец; но теперь для тебя самого я
Здесь: повидаться пришел я с тобою, Евмей, чтоб проведать,
Дома ль еще Пенелопа иль браком уже сочеталась
С кем из своих женихов, Одиссеево ж ложе пустое
В спальне стоит одиноко, покрытое злой паутиной?»
Кончил. Ему отвечая, сказал свинопас богоравный:
«Верность тебе сохраняя, в жилище твоём Пенелопа
Ждет твоего возвращенья с тоскою великой и тратит
Долгие дни и бессонные ночи в слезах и печали».
Так говоря, у него он копье медноострое принял;
В дом тут вступил Телемах, через гладкий порог перешедши.
С места поспешно вскочил перед ним Одиссей; Телемах же,
Место отрекшись принять, Одиссею сказал: «Не трудися,
Странник, сиди; для меня, уж конечно, найдется местечко
Здесь; мне очистить его не замедлит наш умный хозяин».
Так он сказал; Одиссей возвратился на место; Евмей же
Прутьев зеленых охалку принес и покрыл их овчиной;
Сын Одиссеев возлюбленный сел на нее; деревянный
С мясом, от прошлого дня сбереженным, поднос перед милым
Гостем поставил усердный Евмей-свинопас, и корзину
С хлебом большую принес, и наполнил до самого края
Вкусно-медвяным вином деревянную чашу. Потом он
Сел за готовый обед с Одиссеем божественным рядом.
Подняли руки они к приготовленной пище; когда же
Был удовлетворен голод их сладким питьем и едою,
Так свинопасу сказал Телемах богоравный: «Отец мой,
Кто чужеземный твой гость? На каком корабле он в Итаку
Прибыл? Какие его привезли корабельщики? В край наш
(Это, конечно, я знаю и сам) не пешком же пришел он».
Так отвечал Телемаху Евмей, свинопас богоравный:
«Все расскажу откровенно, чтоб мог ты всю истину ведать;
Он уроженец широкого острова Крита,
Многих людей города, говорит, посетил и немало
Странствовал: так для него уж судьбиною соткано было.
Ныне ж, бежав с корабля от феспротов, людей злоковарных,
В хижину нашу пришел он; тебе я его уступаю;
Делай что хочешь: твоей он защите себя поверяет».
Сын Одиссеев разумный отвечивал так свинопасу:
«Добрый Евмей, ты для сердца печальное слово сказал мне;
Как же могу я в свой дом пригласить твоего чужеземца?
Я еще молод; еще я своею рукой не пытался
Дерзость врага наказать, мне нанесшего злую обиду;
Мать же, рассудком и сердцем колеблясь, не знает, что выбрать,
Вместе ль со мною остаться и дом содержать наш в порядке,
Честь Одиссеева ложа храня и молву уважая,
Иль наконец предпочесть из ахейцев того, кто усердней
Ищет супружества с ней и дары ей щедрее приносит;
Но чужеземцу, которого гостем ты принял, охотно
Мантию я подарю, и красивый хитон, и подошвы
Ноги обушь; да и мечь от меня он получит двуострый;
После и в сердце желанную землю его я отправлю;
Пусть он покуда живет у тебя, угощаемый с лаской;
Платье ж сюда я немедля пришлю и с запасом для вашей

Пищи, дабы от убытка избавить тебя и домашних.
В город ходить к женихам я ему не советую; слишком
Буйны они и в поступках своих необузданно-дерзки;
Могут обидеть его, для меня бы то было прискорбно;
Сам же я их укротить не могу: против многих и самый
Сильный бессилён, когда он один; их число там велико».
Царь Одиссеей хитроумный отвечал так Телемаху:
«Если позволишь ты мне, мой прекрасный, сказать откровенно, –
Милым я сердцем жестоко досаую, слыша, как много
Вам женихи беззаконные здесь оскорблений наносят,
Дом захвативши такого, как ты, молодого героя:
Знать бы желал я, ты сам ли то волею сносишь? Народ ли
Вашей земли ненавидит тебя, по внушению бога?
Или, быть может, ты братьев винишь, на которых отважность
Муж полагается каждый при общем великом раздоре?
Если б имел я и свежую младость твою и отважность –
Или когда бы возлюбленный сын Одиссеев, иль сам он,
Странствуя, в дом возвратился (еще не пропала надежда) –
Первому встречному голову мне бы отсечь я позволил,
Если бы, им на погибель, один не решился проникнуть
В дом Одиссея, Лаэртова сына, чтоб выгнать оттуда
Шайку их. Если б один я с толпой и не сладил, то все же
Было бы лучше мне, в доме моем пораженному, встретить
Смерть, чем свидетелем быть там бесчинных поступков и видеть,
Как в нем они обижают гостей, как рабынь принуждают
Их угождать вожделям гнусным в обителях царских,
Как расточают и хлеб и вино, беспощадно запасы
Все истребляя и главного дела окончить не мысля».
«Добрый наш гость, – отвечал рассудительный сын Одиссеев, –
Все расскажу откровенно, чтоб мог ты всю истину ведать;
Нет, ни мятежный народ не враждует со мною, ни братьев
Также моих не могу я винить, на которых отважность
Муж полагается каждый при общем раздоре, понеже
В каждом колене у нас, как известно, всегда лишь один был
Сын; одного лишь Лаэрта имел прародитель Аркесий;
Сын у Лаэрта один Одиссеей; Одиссеей равномерно
Прижил меня одного с Пенелопой. И был я младенцем
Здесь им оставлен, а дом наш заграбили хищные люди.
Все, кто на разных у нас островах знамениты и сильны,
Первые люди Дулихия, Зама, лесного Закинфа,
Первые люди Итаки утесистой мать Пенелопу
Нудят упорно ко браку и наше имение грабят;
Мать же ни и брак ненавистный не хочет вступить, ни от брака
Средств не имеет спастись; а они пожирают нещадно
Наше добро и меня самого напоследок погубят.
Но, конечно, того мы не знаем, что в лоне бессмертных
Скрыто. Теперь побегу ты, Евмей, к Пенелопе разумной
С вестью о том, что из Пилоса я невредим возвратился.
Сам же останусь я здесь у тебя; приходи к нам скорее.
Но берегись, чтоб никто не проведал, опричь Пенелопы,
Там, что я дома: там многие смертию мне угрожают».
Так Телемаху сказал ты, Евмей, свинопас богоравный:
«Знаю, все знаю, и все мне понятно, и все, что велишь ты,
Будет исполнено; ты же еще мне скажи откровенно,
Хочешь ли также, чтоб с вестью пошел я и к деду Лаэрту?
Бедный старик! Он до сих пор, хотя и скорбел о далеком
Сыне, но все наблюдал за работами в поле и, голод
Чувствуя, ел за обедом и пил, как бывало, с рабами.
С той же поры как пошел в корабле чернобоком ты в Пилос,
Он, говорят, уж не ест и не пьет, и его никогда уж
В поле никто не встречает, но, охая тяжко и плача,
Дома сидит он, исчахлый, чуть дышащий, кожа да кости».
Сын Одиссеев разумный отвечал так свинопасу:
«Жаль! Но его, как ни горько мне это, оставить должны мы;
Если бы все по желанию смертных, судьбине подвластных,
Делалось, я пожелал бы, чтоб прибыл отец мой в Итаку.
Ты же, увидевши мать, возвратись, заходить не заботясь
В поле к Лаэрту, но матери можешь сказать, чтоб немедля,

Тайно от всех, и чужих и домашних, отправила к деду
Ключницу нашу обрадовать вестью неожиданною старца».
Кончив, велел он идти свинопасу. Взяв в руки подошвы,
Под ноги их подвязал он и в город пошел. От Афины
Не было скрыто, что дом свой Евмей, удаляся, покинул;
Тотчас явилась богиня, младую, прекрасною, с станом
Стройно-высоким, во всех рукодельях искусною девою;
В двери вступив, Одиссею предстала она; Телемаху ж
Видеть себя не дала, он ее не приметил: не всем нам
Боги открыто являються; но Одиссей мог очами
Ясно увидеть ее, и собаки увидели также:
Лаять не смея, они, завизжав, со двора побежали.
Знак головою она подала. Одиссей, догадавшись,
Вышел из хижины; подле высокой заграды богиню
Встретил он; слово к нему обращая, сказала Афина:
«Друг Лаэртид, многохитростный муж, Одиссей благородный,
Можешь теперь ты открыться и все рассказать Телемаху;
Оба, условяся, как женихам приготовить их гибель,
Вместе подите немедля вы в город; сама я за вами
Скоро там буду, и мстительный бой совершим совокупно».
Кончив, жезлом золотым прикоснулась она к Одиссею:
Тотчас опрятным и вымытым чисто хитоном покрылись
Плечи его; он возвышенной сделался станом, моложе
Светлым лицом, посмуглевшие щеки стали полнее;
Черной густой бородою покрылся его подбородок.
Собственный образ ему возвративши, богиня исчезла.
В хижину снова вступил Одиссей; Телемах, изумленный,
Очи потупил: он мыслил, что видит бессмертного бога.
В страхе к отцу обратяся, он бросил крылатое слово:
«Странник, не в прежнем теперь предо мной ты являешься виде;
Платье не то на тебе, и совсем изменился твой образ;
Верно, один из богов ты, владык беспредельного неба;
Будь же к нам благостен; золота много тебе принесем мы
Здесь с гекатомбой великой, а ты нас, могучий, помилуй».
Сыну ответствовал так Одиссей, в испытаниях твердый:
«Нет, я не бог; как дерзнул ты бессмертным меня уподобить?
Я Одиссей, твой отец, за которого с тяжким вздыханьем
Столько обид ты терпел, притеснителям злым уступая».
Кончив, с любовью сына он стал целовать, и с ресницы
Пала на землю слеза – удержать он ее был не в силах.
Но – что пред ним был желанный отец Одиссей, не поверя, –
Снова, ему возражая, сказал Телемах богоравный:
«Нет, не отец Одиссей ты, но демон, своим чародейством
Очи мои ослепивший, чтоб после я горестней плакал;
Смертному мужу подобных чудес совершать невозможно
Собственным разумом: может лишь бог превращать во мгновенье
Волей своей старика в молодого и юношу в старца;
Был ты сначала старик, неопратно одетый; теперь же
Вижу, что свой ты богам, беспредельного неба владыкам».
Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
«Нет, Телемах, не чуждайся отца, возвращенного в дом свой;
Также и бывшему чуду со мною не слишком дивися;
К вам никакой уж другой Одиссей, говорю я, не будет,
Кроме меня, претерпевшего в странствиях много и ныне
Волей богов приведенного в землю отцов через двадцать
Лет. А мое превращение было богини Афины,
Мощной добычницы, дело; возможно ей все; превращен был
Прежде я в старого нищего ею, потом в молодого,
Крепкого мужа, носящего чистое платье на теле;
Вечным богам, беспредельного неба владыкам, легко нас,
Смертных людей, наделять и красой и лицом безобразным».
Так он ответствовал, сел; Телемах в несказанном волненьи
Пламенно обнял отца благородного с громким рыданьем.
В сердце тогда им обоим проникло желание плача:
Подняли оба пронзительный вопль сокрушенья; как стонет
Сокол иль крутокогитый орел, у которых охотник
Выкрал еще некрылатых птенцов из родного гнезда их,
Так, заливаясь слезами, рыдали они и стонали

Громко; и в плаче могло б их застать заходящее солнце,
Если бы вдруг не спросил Телемах, обратись к Одиссею:
«Как же, отец, на каком корабле ты, какую дорогой
Прибыл в Итаку? кто были твои корабельщики? В край наш
(Это, конечно, я знаю и сам) не пешком же пришел ты».
Сыну отвечивал так Одиссей, в испытаниях твердый:
«Все я, мой сын, расскажу, ничего от тебя не скрывая;
Славные гости морей феакийцы меня привезли к вам;
Всех, кто их помощи просит, они по морям провожают.
Спал я, когда мы достигли Итаки, и сонный был ими
На берег вынесен (щедро меня, отпуская в дорогу,
Золотом, медью и платьем богатым они одарили:
Все то по воле бессмертных здесь спрятано в гроте глубоком).
Прислан сюда я богиней Афиной затем, чтоб с тобою
Вместе врагов истребление здесь на свободе устроить.
Ты же теперь назови женихов и число их скажи мне;
Должно, чтоб ведал я, кто, и откуда они, и как много
Там их, дабы, все подробно обдумав рассудком и сердцем,
Мы разрешили, возможно ль двоим, никого не призвавши
В помощь, их всех одолеть, иль другие помощники нужны?»
Кончил. Ему отвечая, сказал Телемах благородный:
«Слышал я много, отец, о деяньях твоих многославных;
Как ты разумен в совете, какой копьевержец могучий –
Но о несбыточном мне ты теперь говоришь, невозможно
Двум нам со всею толпой женихов многосильных бороться.
Должен ты знать, что числом их не десять, не двадцать; гораздо
Более; всех перечесть их тебе я могу по порядку;
Слушай: пришло их с Дулихия острова к нам пятьдесят два,
Знатны все родом они, шесть служителей с ними; с Закинфа
Острова прибыло двадцать; а с темнолесистого Зама
Двадцать четыре: все знатных отцов сыновья; напоследок
К ним мы и двадцать должны из Итаки причесть, при которых
Фемий, певец богоравный, глашатай Медонт и проворных
Двое рабов, соблюдать за обедом порядок искусных.
Если с такою толпою бороться одни мы замыслим,
Будет нам мщение горько, возврат твой погибелен будет;
Лучше подумай о том, не найдется ль помощник, который
Мог бы за нас постоять, благосклонно подавши нам руку?»
Сыну отвечивал так Одиссей, в испытаниях твердый:
«Выслушай то, что скажу, и в уме сохрани, что услышишь:
Если б Кронион-отец и Паллада великая были
Наши помощники, стали ль тогда б мы приискивать новых?»
Кончил. Ему отвечая, сказал Телемах богоравный:
«Подлинно ты мне надежных помощников назвал; высоко,
Правда, они в облаках обитают; но оба не нам лишь
Смертным одним, но и вечным богам всемогуществом страшны».
Сыну отвечивал так Одиссей, в испытаниях твердый:
«Оба они не останутся долго от нас в отдаленье
В час воздаянья, когда у меня с женихами в жилище
Царском последний Ареев расчет смертоносный начнется.
Завтра поутру, лишь только подыметя Эос, ты в город
Прямо пойдешь; там останься в толпе женихов многобуйных.
Позже туда я приду с свинопасом Евмеем под видом
Старого нищего в рубище бедном. Когда там ругаться
Станут они надо мною в жилище моем, не давай ты
Милому сердцу свободы, и что б ни терпел я, хотя бы
За ногу вытащен был из палаты и выброшен в двери,
Или хотя бы в меня чем швырнули – ты будь равнодушен.
Можешь, конечно, сказать иногда (чтоб унять их буянство)
Кроткое слово, тебя не послушают; будет напрасно
Все: предназначенный день их погибели близко; терпенье!
Слушай теперь, что скажу, и заметь про себя, что услышишь:
Я в ту минуту, когда свой совет мне на сердце положит
Втайне Афина, тебе головою кивну; то заметя,
Все из палаты, какие ни есть там, доспехи Арея
Вверх отнеси и оставь там, их кучею в угол сложивши;
Если ж, приметив, что нет уж в палате там бывших оружий,
Спросят о них женихи, ты тогда отвечай им: „В палате

Дымно; уж сделались вовсе они не такие, какими
Здесь их отец Одиссей, при отбытии в Троию, покинул:
Ржавчиной все от огня и от копоти смрадной покрылись.
Мне же и высшую в сердце влагает Зевес осторожность:
Может меж вами от хмеля вражда загореться лихая;
Кровью тогда сватовство и торжественный пир осквернится:
Само собой прилипает к руке роковое железо“.
Нам же двоим два копья, два меча ты отложишь и с ними
Два из воловьей кожи щита приготовишь, чтоб в руки
Взять их, когда нападение начнем; женихам же, конечно,
Ум ослепят всемогущий Зевес и Афина Паллада.
Слушай теперь, что скажу, и заметь про себя, что услышишь:
Если ты вправду мой сын и от крови моей происходишь,
Тайну храни, чтоб никто о моем возвращенье не сведал
Здесь, ни Лаэрт, мой отец, ни Евмей-свинопас, ни служитель
Царского дома какой, ни сама Пенелопа; мы двое –
Ты лишь да я – наблюдать за рабынями нашими будем;
Также и многих рабов испытанью подвергнем, чтоб сведать,
Кто между ними тебя и меня уважает и любит,
Кто, нас забыв, оскорбляет тебя, столь достойного чести».
Так, возражая отцу, отвечал Телемах многославный:
«Сердце мое ты, отец, уповаю я, скоро на самом
Деле узнаешь; и дух мой не слабым найдешь ты, конечно.
Думаю только, что опыту всех подвергать бесполезно
Будет для нас; я об этом тебя убеждаю размыслить:
Много истратится времени, если испытывать всех их,
Каждого порознь, начнем мы тогда, как враги беззаботно
Будут твой дом разорять и твое достояние грабить.
Но я желаю и сам, чтоб, подвергнувши опыту женщин,
Мог отличить ты порочных от честных и верных; рабов же
Трудно испытывать всех, одного за другим, на работе
Порознь живущих; то делаешь после в досужное время,
Если уж подлинно знак ты имел от владыки Зевеса».
Так говорили о многом они, беседею сладко.
Тою порой крепкозданный корабль, Телемаха носивший
В Пилос с дружиной, приблизился к берегу Итаки. Когда же
В пристань глубокую острова судно ввели мореходцы,
На берег вздвинуть они поспешили его совокупной
Силой; а слуги проворные, судно совсем разгрузивши,
В Клитиев дом отнесли все подарки царя Менелая.
В царский же дом Одиссеев был вестник пловцами немедля
Послан сказать Пенелопе разумной, что сын, возвратясь,
В поле пошел, кораблю же прямою дорогою в город
Плыть повелел (чтоб о сыне отсутственном в сердце тревожась,
Плакать напрасно о нем перестала царица). Тот вестник
Встретился, путь свой окончить спеша, с свинопасом, который
С вестью подобной к своей госпоже Телемахом был послан.
К дому царя многославного оба пришли напоследок.
Вслух перед всеми рабынями вестник сказал Пенелопе:
«Прибыл обратно в Итаку возлюбленный сын твой, царица».
Но свинопас подошел к Пенелопе и на ухо все ей,
Что Телемах повелел рассказать, прошептал осторожно.
Кончив рассказ и исполнив свое поручение, царский
Дом он оставил и в поле к свиньям возвратился поспешно.
Но женихи, пораженные, духом уняли; покинув
Залу, они у ограды высокого царского дома
Рядом на каменных гладких скамьях за воротами сели.
Так говорить им тогда Евримах, сын Полибиев, начал:
«Горе нам! Дело великое сделал, так смело отправясь
В путь, Телемах, от него мы подобной отваги не ждали.
Должно нам, черный, удобнейший к бегу, корабль изготавив,
В нем мореходных отправить людей, чтоб они убедили
Наших товарищей в город как можно скорей возвратиться».
Кончить еще не успел он, как, с места на пристань взглянувши,
Только что к берегу приставший корабль Амфином усмотрел там;
Снасти и весла на нем убирали пловцы. Обратясь
С радостным смехом к товарищам, так он сказал: «Не трудитесь
Вести своей посылать понапрасну: они возвратились.

Видно, их бог надумил какой иль увидели сами
Быстро бегущий корабль и настигнуть его не успели».
Так он сказал; те, поднявшись, пошли всей толпою на пристань.
На берег скоро был вздвинут корабль чернобокий пловцами,
Бодрые слуги немедля сгрузили с него всю поклажу;
Сами ж на площади все женихи собрались; но с собою
Там никому заседать не дозволили. Так напоследок,
К ним обратись, Антиной, сын Евпейтов надменный, сказал им:
«Горе! Бессмертные сами его от беды сохранили!
Каждый там день сторожа на лобзаемых ветром вершинах
Друг подле друга толпою сидели; когда ж заходило
Солнце, мы, берег покинув, всю ночь в корабле быстроходном
По морю плавали взад и вперед до восхода денницы,
Тщетно надеясь, что встретим его и немедля погубим.
Демон тем временем в пристань его проводил невредимо.
Мы же над ним совершить, что замыслили вместе, удобно
Можем и здесь; он от нас не уйдет; но до тех пор, покуда
Жив он, исполнить намеренье наше мы будем не в силах;
Он возмужал и рассудком созрел для совета и дела;
Люди ж Итаки не с прежней на нас благосклонностью смотрят.
Должно нам прежде – пока он народа не созвал на помощь –
Кончить, понеже он медлить, как я в том уверен, не станет.
Злобой на нас разразившись, при целом народе он скажет,
Как мы его погубить сговорились и в том не успели;
Тайного нашего замысла, верно, народ не одобрит;
Могут, озлобясь на наши поступки, и нас из отчизны
Выгнать, и все мы тогда по чужим сторонам разбредемся.
Можем напасть на него мы далеко от города в поле,
Можем близ города выждать его на дороге; тогда нам
Все разделить их придется имущество; дом же уступим
Мы Пенелопе и мужу, избранному ею меж нами.
Если же вам не угоден совет мой и если хотите
Жизнь вы ему сохранить, чтоб отцовским владел достояньем, –
То пировать нам по-прежнему, в доме его собираясь,
Будет нельзя, и уж каждый особо, в свой дом возвратясь,
Свататься станет, подарки свои присылая; она же
Выберет доброю волей того, кто щедрей и приятней».
Так говорил он; сидя неподвижно, внимали другие.
Тут, обратясь к собранью, сказал Амфином благородный,
Нисов блистательный сын, от Аретовой царственной крови;
Злачный Дулихий, пшеницей богатый, покинув, в Итаке
Он отличался от всех женихов и самой Пенелопе
Нравился умною речью, благими лишь мыслями полный.
Так, обратясь к собранью, сказал Амфином благородный:
«Нет! Посвягать я на жизнь Телемаха, друзья, не желаю;
Царского сына убийство есть страшно-безбожное дело;
Прежде богов спросите, чтоб сведать, какая их воля;
Если Зевесом одобрено будет намеренье наше,
Сам соглашусь я его поразить и других на убийство
Вызову; если ж Зевес запретит, мой совет: воздержитесь».
Так он сказал, подтвердили его предложенье другие.
Вставши, все вместе они возвратились в дом Одиссея;
В дом же вступив, там на стульях они поместились гладких.
Но Пенелопа разумная, дело иное придумав,
Вышла к своим женихам многобуйным из женских покоев;
Слух к ней достигнул о замысле тайном на жизнь Телемаха:
Все благородный глашатай Медонт ей открыл; и, поспешно,
Взявши с собой двух служанок, она, божество меж женами,
В ту палату вступив, где ее женихи пировали,
Подле столба, потолок там высокий державшего, стала,
Щеки закрывши свои головным покрывалом блестящим.
Речь к Антиною свою обратив, Пенелопа сказала:
«Злой кознодей, Антиной необузданный, словом и делом
Ты из товарищей самый разумнейший – так здесь в Итаке
Все утверждают. Но где же и в чем твой прославленный разум?
Бешены! Что побуждает тебя Телемаху готовить
Смерть ты погубишь? Зачем ты сирот притесняешь, любезных
Зевсу? Неправ человек, замышляющий ближнему злое.

Иль ты забыл, как отец твой сюда прибежал, уstraшенный
Гневом народа, которым гоним был за то, что, приставши
К шайке тафийских разбойников, с ними ограбил феспротов,
Наших союзников верных? Его здесь народ порывался
Смерти предать и готов у него был исторгнуть из груди
Сердце и все, что имел он в Итаке, предать истребленью;
Но Одиссей, за него заступившись, народ успокоил;
Ты ж Одиссеево грабишь богатство, жену Одиссея
Мучишь своим сватовством, Одиссееву сыну готовишь
Смерть. Удержись! Говорю и тебе и другим в осторожность».

Тут Евримах, сын Полибиев, так отвечал Пенелопе:

«О многоумная старца Икария дочь, Пенелопа,
Будь беззаботна; зачем ты такой предаешься тревоге?
Не было, нет и не будет из нас никого, кто б помыслил
Руку поднять на убийство любимца богов Телемаха.
Нет! И покуда я жив и покуда очами я землю
Вижу, тому не бывать, иль – скажу перед всеми, и верно
Сбудется слово мое – оболъется убийца своею
Кровью, моим пораженный копьем; Одиссей, не забыл я,
Брал здесь нередко меня на колени и мяса куски мне
Клал на ладонь и вина благовонного выпить давал мне.
Вот почему и всех боле людей я люблю Телемаха.
Нет! никогда он убийства не должен страшиться, по крайней
Мере от нас, женихов. Но судьбы избежать невозможно».

Так говорил он, ее утешая, а мыслил иное.

Но Пенелопа, к себе возвратясь, там в светлых покоях
Плакала горько о милом своем Одиссее, покуда
Сладкого сна не свела ей на очи богиня Афина.

Смерклось, когда к Одиссею и к сыну его возвратился
Старый Евмей. Он нашел их, готовящих ужин, зарезав
Взятую в стаде свинью годовалую. Прежде, однако,
Тайно пришед, Одиссея богиня Афина ударом
Трости своей превратила по-прежнему в хилого старца,
Рубищем жалким одевши его, чтоб Евмей благородный
С первого взгляда его не узнал и (сберечь неспособный
Тайну) не бросился в город обрадовать вестью царицу.
Встретив его на пороге, сказал Телемах: «Наконец ты,
Честный Евмей, возвратился. Скажи же, что видел? Что слышал?
В город обратно пришли ль наконец женихи из засады?
Или еще там сидят и меня стерегут на дороге?»

Так, отвечая, сказал Телемаху Евмей благородный:

«Сведать о них и расспрашивать мне не входило и в мысли;
В городе я об одном лишь заботился: как бы скорее
Данное мне порученье исполнить и к вам возвратиться.
Шедши ж туда, я с гонцом, от ходивших с тобой мореходцев
Посланным, встретился – первый он все объявил Пенелопе;
Только одно расскажу я, что видел своими глазами:
К городу близко уже, на вершине Эрмейского холма,
Был я, когда быстролетный, в глубокую нашу входящий
Пристань, корабль усмотрел; я приметил, что было в нем много
Ратных; щитами, двуострыми копьями ярко блистал он;
Это они, я подумал: но правда ли? Знать мне не можно».

Так он сказал. Телемахова сила святая блеснула
Легкой улыбкою в очи отцу, неприметно Евмею.
Кончив работу и пищу состряпав, они с свинопасом
Сели за стол, и порадовал душу им ужин; когда же
Был удовлетворен голод их сладкой едою, о ложе
Каждый подумал; и сна благодать ниспослали им боги.

Песнь семнадцатая

Тридцать осьмой день

Телемах уходит в город, повелев Евмею проводить туда и своего гостя. Встреченный
радостно матерью и домашними, он потом идет на площадь и приводит оттуда с собою
феоклимена. Пенелопа расспрашивает его о том, что с ним было во время
путешествия; феоклимен пророчествует ей возвращение Одиссея. Тем временем Евмей
отправляется с Одиссеем в город; дорогою встречают они Меланфия, который их
обоих оскорбляет. Пришед к своему дому, Одиссей видит на дворе свою старую
собаку, которая, узнавши его, умирает. Он входит в пировую палату, просит
милостыни у женихов; Антиной, ругаясь им, бросает в него скамейкой. Пенелопа

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskya
зовет его к себе, желая расспросить об Одиссее; он обещается прийти к ней
вечеру.

Вышла из мрака младая с перстами пурпурными Эос.
Сын Одиссеев, любезный богам, Телемах благородный,
К светлым ногам привязав золотые сандалии, в руку
Взял боевое копье, заощренное медью, которым
Ловко владел, и, готовый в дорогу, сказал свинопасу:
«В город иду я, отец, чтоб утешить свиданьем со мною
Милую мать: без сомненья, дотоле крушиться и горько
Плакать она, безутешная, будет, пока не увидит
Сына своими глазами; тебе же, Евмей, поручаю
Этого странника; в город поди с ним, дабы подаяньем
Мог он себя прокормить; там подаст, кто захочет,
Хлеба ему иль вина. Мне нельзя на свое попеченье
Всякого нищего брать; и своих уж забот мне довольно;
Если же этим обидится твой чужеземец, тем хуже
Будет ему самому; я люблю говорить откровенно».
Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссеей хитроумный:
«Здесь неохотно и сам бы я, друг, согласился остаться;
Нашему брату обед добывать подаянием легче
В городе, нежели в поле: там каждый дает нам, что хочет.
Мне ж не по летам смотреть за скотиной и всякую службу
С тяжким трудом отправлять, пастухам повинуюся. Добрый
Путь, мой прекрасный; меня же проводит хозяин, когда я
Здесь у огня посогреюсь, когда на дворе потеплеет;
В рубище этом мне холодно; тело насквозь проникает
Утренник резкий; до города ж, вы говорите, не близко».
Так отвечал Одиссеей. Телемах благородный поспешным
Шагом пошел со двора, и недоброе в мыслях готовил
Он женихам. Наконец он пришел беспрепятственно в дом свой.
Там, боевое копье прислонивши к высокой колонне,
Он через двери высокий порог перешел и увидел
Первую в доме усердную няню свою Евриклею:
Мягкие клала на стулья овчины старушка. Поток
Слез облилася, увидя его, Евриклея; и скоро
Все собрались Одиссеева дома рабыни; и с плачем
Голову, плечи и руки они у него лобызали.
Вышла разумная тут из покоев своих Пенелопа,
Светлым лицом с золотой Афродитой, с младой Артемидой
Сходная; сына она обняла и с любовью нежной
Светлые очи, и руки, и голову стала, рыдая
Громко, ему целовать и крылатое бросила слово:
«Ты ль, ненаглядный мой, милый мой сын, возвратился? Тебя я
Видеть уже не надеялась боле, отплывшего в Пилос
Тайно, со мной не простясь, чтоб узнать об отце отдаленном.
Все расскажи мне теперь по порядку, что видел, что слышал».
Ласково ей отвечал рассудительный сын Одиссеев:
«Милая мать, не печаль мне души и тревоги напрасной
В грудь не вливай мне, спасенному чудно от гибели верной;
Но, сотворив омовенье и чистой облекшись одеждой,
Вместе с рабынями в верхний покой свой поди и с молитвой
Там обещание дай принести гекатомбу бессмертным,
Если врагов наказать нам поможет Зевес Олимпиец.
Сам я на площадь пойду, чтоб позвать чужеземца, который
Ныне со мною, когда возвращался я, прибыл в Итаку:
Вместе с моими людьми он сюда наперед был отправлен;
В город его проводить поручил я Пирею, дабы он
В доме его подождал моего возвращения с поля».
Так говорил он, и слово его не промчалось мимо
Слуха царицы. Омывшись и чистой облекшись одеждой,
Вечным богам обещала она принести гекатомбу,
Если врагов наказать им поможет Зевес Олимпиец.
Тою порой Телемах из высокого царского дома
Вышел с копьем; две лихие за ним побежали собаки;
Образ его несказанной красой озарила Афина
Так, что низкались люди, его подходящего видя.
Все вокруг него собрались женихи многобуйные; каждый

Доброе с ним говорил, замышляя недоброе в сердце.
Скоро, от их многолюдной толпы отделясь, подошел он
К месту, где Менотор сидел и при нем Антифат с Алиферсом,
В сердце своем сохранившие верность царю Одиссею.
Севши близ них, о себе он им все рассказал, что случилось.
Скоро явился Пирей-копьевержец, и Феоклимен с ним
Вместе пришел, погулявши по улицам города; не был
Долго к нему Телемах без вниманья; к нему подошел он.
Первое слово сказал тут Пирей Одиссееву сыну:
«В дом мой пошли, Телемах благородный, невольниц, чтоб взяли
Там все подарки, которые ты получил от Атрида».
Так, отвечая Пирею, сказал Телемах богоравный:
«Нам неизвестно, мой верный Пирей, чем окончится дело;
Если в жилище моем женихами надменными тайно
Буду убит я, они все имущество наше разделят;
Лучше тогда, чтоб твоим, а не их те подарки наследством
Были; но если на них обратится губящая Кера –
Все мне, веселому, сам веселящийся, в дом принесешь ты».
Кончив, повел за собою он многострадавшего гостя
В дом свой, и скоро туда беспрепятственно прибыли оба.
Там, положивши на кресла и стулья свои все одежды,
Начали в гладких купальнях они омываться. Когда же
Их и омыла и чистым елеем натерла рабыня,
В тонких хитонах, облекшись в косматые мантии, оба
Вышед из гладких купален, они поместились на стульях.
Тут принесла на лохани серебряной руки умыть им
Полный студенной воды золотой рукомойник рабыня,
Гладкий потом пододвинула стол; на него положила
Хлеб домовитая ключница с разным съестным, из запаса
Выданным ею охотно, чтоб пищей они насладились.
Против же них, невдали от двухстворных дверей, Пенелопа
В креслах за пряжей сидела и топкие нити сучила.
Подняли руки они к приготовленной пище; когда же
Был удовлетворен голод их сладкой едой, Пенелопа,
Старца Икария дочь многоумная, сыну сказала:
«Видно, мне лучше на верх мой уйти и лежать одиноко
Там на постели, печалью перестланной, горьким потоком
Слез обливаемой с самых тех пор, как в далекую Трою
Мстить за Атрида пошел Одиссей, – ты, я вижу, не хочешь,
Прежде чем здесь женихи многобуйные вновь соберутся,
Мне рассказать, что узнал об отце: возвратился ль он, жив ли?» –
«Милая мать, – отвечал рассудительный сын Одиссеев, –
Слушай, я все расскажу, ничего от тебя не скрывая.
Прежде мы прибыли в Пилос, где пастырь людей многославный
Нестор меня в благолепно-устроенном принял жилище,
Принял так нежно, как сына отец принимает, когда он
В дом возвращается, долго напрасно им жданный; так Нестор
Сам и его сыновья многославные были со мною
Ласковы. Но об отце ничего рассказать он не мог мне;
Жив ли, скитается ль где на земле иль погиб уж, об этом
Слухов к нему не дошло. К Менелаю Атриду меня он,
Дав мне коней с колесницею кованой, в Спарту отправил.
Там я увидел Елену Аргивскую, многих ахейян,
Многих троян погубившую, волей богов всемогущих.
Царь Менелай, вызыватель в сраженье, спросил, за какую
Нуждою прибыл к нему я в божественный град Лакедемон?
Все рассказал я подробно ему, ничего не скрывая.
Так на мои мне слова отвечал Менелай златовласый:
„О безрассудные! Мужа могучего брачное ложе,
Сами бессильные, мыслят они захватить произвольно!
Если бы в темном лесу у великого льва в логовище
Лань однодневных, сосущих птенцов положила, сама же
Стала по горным лесам, по глубоким, травую обильным
Долам бродить и обратно бы лев прибежал в логовище –
Разом бы страшная участь птенцов беспомощных постигла;
Страшная участь постигнет и их от руки Одиссея.
Если б, – о Дий Громовержец! о Феб Аполлон! о Афина! –
В виде таком, как в Лесбосе, обильно людьми населенном, –

Где, с силачом Филомиледом выступив в бой рукопашный,
Он опрокинул врага на великую радость ахейцам, –
Если бы в виде таком женихам Одиссеей вдруг явился,
Сделался б брак им, судьбой неизбежной постигнутым, горек.
То же, о чем ты, меня вопрошая, услышать желаешь,
Я расскажу откровенно, и мною обманут не будешь;
Что самому возвестил мне морской пронизательный старец,
То и тебе я открою, чтоб мог ты всю истину ведать.
Видел его на далеком он острове, льющего слезы
В светлом жилище Калипсо, богини богинь, произвольно
Им овладевшей; и путь для него уничтожен возвратный:
Нет корабля, ни людей мореходных, с которыми мог бы
Он безопасно пройти по хребту многоводного моря“.
Вот что сказал мне Атрид Менелай, вызыватель в сраженье.
Спарту покинув, я поплыл назад, и послали попутный
Ветер нам боги – в отечество милое нас проводил он».
Кончил рассказ Телемах: взволновалась душа Пенелопы.
Феоклимен богоравный тогда ей сказал: «Не крушися,
Многоразумная старца Икария дочь, Пенелопа,
Знает не все он; теперь на мое обратися вниманьем
Слово: я то, что случиться должно, предскажу вам наверно;
Сам же Зевесом-отцом, гостелюбною вашей трапезой,
Также святым очагом Одиссеева дома клянуся
В том, что в отечестве милом уже Одиссеей, что сокрыт он
Где-нибудь в доме иль ходит, незнаемый, все узнавая
Здесь, и беду женихам неизбежную в мыслях готовит.
Вещая птица, которую видел вблизи корабля я,
То мне открыла, и все я тогда ж объявил Телемаху».
Феоклимену разумная так отвечала царица:
«Если твое предсказание, гость чужеземный, свершится,
Будешь от нас угощен ты как друг и дарами осыпан
Столь изобильно, что счастьем такому все будут дивиться».
Так говорили о многом они, беседуя сладко.
Тою порой женихи в Одиссеевом доме бросаньем
Дисков и дротигов острых себя забавляли, собравшись
Все на мощеном дворе, где бывали их шумные игры.
Но когда отовсюду с полей на обед им пригнали
Мелкий скот пастухи, приводившие к ним ежедневно
Коз и баранов, их кликнул глашатай Медонт; был любимец
Он женихов, и вседневно к столу их его приглашали.
«Юноши, – он им сказал, – вы играли довольно; войдите
В дом, и начнем наш обед совокупною силой готовить:
Знаете сами, что вовремя пища нам вдвое вкуснее».
Так он сказал им. Они, покоряся его приглашенью,
Встали и к дому пошли всей толпою; когда же вступили
В дом, положивши на гладкие кресла и стулья одежды,
Начали крупных баранов, откормленных коз и огромных,
Жиром налитых свиней убивать; был зарезан и тучный
Бык. И за стряпанье все принялись они. Той порою
В город идти с Одиссеем Евмей собрался; и, готовый
В путь, он сказал наконец, обратясь к Лаэртову сыну:
«Добрый мой гость, ты желаешь, чтоб нынче ж тебя проводил я
В город, как нам повелел господин мой, – сказать откровенно,
Лучше хотел бы я сторожем дома тебя здесь оставить;
Но приказанья боюсь не исполнить; бранить господин мой
Будет за это меня; а господская брань неприятна.
Время, однако, идти нам; уж боле прошло половины
Дня; с наступлением вечера холод пронзителен будет».
Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссеей хитроумный:
«Знаю, все знаю, и все мне понятно, и все, как желаешь,
Точно исполню; пойдем же, и будь ты моим провожатым.
Только сыщи мне какой бы то ни было посох, чтоб мог я
Чем подпираться: дорога столь трудная, слышно, что шею
Можно сломить». Так сказав, на плеча он набросил котомку,
Всю в заплатах, висевшую вместо ремня на веревке.
Дал ему в руки Евмей суковатую палку; и оба
Вместе пошли, пастухов и собак сторожами оставив
Дома. И в город повел свинопас своего господина

В образе хилого старца, который чуть шел, подпираясь
Посохом, рубище в жалких лохмотьях набросив на плечи.
Тихо идя каменной, негладкой тропой, напоследок
К городу близко они подошли. Находился там светлый
Ключ; обложен был он камнем, и брали в нем граждане воду.
В старое время Итак, Нерион и Поликтор прекрасный
Создали там водоем; окружен он был рощею темных
Ольх, над водою растущих; и падал студеной струею
Ключ в водоем со скалы, на вершине которой воздвигнут
Нимфам алтарь был; всегда приносили там путники жертву.
Там козовод повстречался им – сын Долионов Меланфий;
Коз, меж отборными взятых из стада, откормленных жирно,
В город он гнал женихам на обед; с ним товарищей двое
Выло. Увидя идущих, он начал ругаться, и громко
Их поносил, и разгневал в груди Одиссеевой сердце.
«Подлинно здесь негодяй негодяя ведет, – говорил он, –
Права пословица: равного с равным бессмертные сводят.
Ты, свинопас бестолковый, куда путешествуешь с этим
Нищим, столов обирателем, грязным бродягой, который,
Стоя в дверях, неопрятные плечи об притолку чешет,
Крохи одни, не мечи, не котлы получая в подарок.
Мог бы у нас он, когда бы его к нам прислал ты, закуты
Наши стеречь, выметать их, козлятам подстилки готовить;
Скоро бы он раздобрел, простоквашей у нас обжираясь;
Это, однако, ему не по нраву, одно тунеядство
Любо ему; за работу не примется: лучше, таскаясь
По миру, хлебом чужим набивать ненасытный желудок.
Слушай, однако, и то, что услышишь, исполнится верно;
Если войти он отважится в дом Одиссея – скамеек
Много из рук женихов на его полетит там пустую
Голову; ребра, таская его, там ему обломают
Об пол». И, так говоря, Одиссея он, с ним поравнявшись,
Пяткою в ляжку толкнул, но с дороги не сбил, не принудил
Даже шатнуться. И в гневе своем уж готов был Лаэртос
Сын, побежавши за ним, суковатою палкою душу
Выбить из тела его иль, взорвавши на воздух, ударить
Оземь его головою. Но он удержался. Евмей же
Начал ругать оскорбителя; руки подняв, он воскликнул:
«Нимфы потока, Зевесовы дочери, если когда вам
Туком обвитые бедра козлов и баранов здесь в жертву
Царь Одиссей приносил, не отриньте мольбы, возвратите
Нам Одиссея; да благостный демон его нам проводит!
Выгнал тогда б из тебя он надменные мысли, забыл бы
Ты, как шальной по дорогам шататься и бегать без дела
В город, стада под надзором неопытных слуг оставляя».
Кончил. Меланфий, на то возражая, сказал свинопасу:
«Что ты, собака, рычишь? Колдовство ли какое замыслил?
Дай срок, тебя, как товар, в корабле чернобоком отсюда
Я увезу и продам в иноземье за добрые деньги;
Здесь же иль сам Аполлон сребролукий сразит Телемаха
Тихой стрелой, иль, мечом женихов пораженный, погибнет
Он, как отец, на чужбине утративший день возвращенья».
Так он сказал и ушел, на дороге оставив обоих,
Медленней шедших; достигнув обители царской, он прямо
Там в пировую палату вступил и за стол с женихами
Сел Евримаха напротив, к которому был он усердней,
Нежели к прочим; ему предложил тут служитель мясного,
Ключница хлеба дала и еды из запаса; он начал
Есть. Той порой Одиссей подошел с свинопасом Евмеем
К царскому дому; и вдруг им оттуда послышались струны
Цитры глубокой, потом раздалось и пение; Фемий
Пел; Одиссей, ухватясь за Евмееву руку, воскликнул:
«Друг, мы, конечно, пришли к Одиссееву славному дому.
Может легко быть он узан меж всеми другими домами:
Длинный ряд горниц просторных, широкий и чисто мощеный
Двор, обведенный зубчатой стеною, двойные ворота
С крепким замком – в них ворваться насильно никто не помыслит.
Думаю я, что теперь там обедают; пар благовонный

Мяса я чувствую; слышу и стройно звучащие струны
Цитры, богами в спутницы пиру веселому данной».
Так отвечал Одиссею Евмей, свинопас богоравный:
«Правда, и все ты, как есть, угадал; человек ты разумный;
Прежде, однако, должны мы размыслить о том, что нам сделать
Лучше: тебе ли во внутренность дома вступить и явиться
Там на глаза женихов многобуйных, а мне здесь остаться?
Или тебе на дворе подождать одному, а войти к ним
Мне? Ты, однако, не медли, чтоб кто здесь с тобой не подрался
Или в тебя не швырнул чем, – я так говорю в осторожность».
Голос возвысив, ему отвечал Одиссей хитроумный:
«Знаю, все знаю, и мысли твои мне понятны; войди ты
Прежде один: я покуда остануся здесь; я довольно
В жизни тревожных ударов сносил; и швыряемо было
Многим в меня; мне терпеть не учиться; немало видал я
Бурь и сражений; пусть будет и ныне со мной, что угодно
Дию. Один лишь не может ничем побежден быть желудок,
Жадный, насильственный, множество бед приключающий смертным
Людям: ему в угожденье и крепкоробристые ходят
Морем пустым корабли, принося разоренье народам».
Так говорили о многом они в откровенной беседе.
Уши и голову, слушая их, подняла тут собака
Аргус; она Одиссеева прежде была, и ее он
Выкормил сам; но на лов с ней ходить не успел, принужденный
Плыть в Илион. Молодые охотники часто на диких
Коз, на оленей, на зайцев с собою ее уводили.
Ныне ж, забытый (его господин был далеко), он, бедный
Аргус, лежал у ворот на навозе, который от многих
Мулов и многих коров на запас там копили, чтоб после
Им Одиссеевы были поля унавожены тучно;
Там полумертвый лежал неподвижно покинутый Аргус.
Но Одиссею близость почувствовал он, шевельнулся,
Тронул хвостом и поджал в изъявление радости уши;
Близко ж подползть к господину и даже подняться он не был
В силах. И, вкось на него поглядевши, слезу, от Евмея
Скрытно, обтер Одиссей, и потом он сказал свинопасу:
«Странное дело, Евмей; там на куче навозной собаку
Вижу, прекрасной породы она, но сказать не умею,
Сила и легкость ее на бегу таковы ль, как наружность?
Или она лишь такая, каких у господ за столами
Часто мы видим: для роскоши держат их знатные люди».
Так, отвечая, сказал ты, Евмей-свинопас, Одиссею:
«Это собака погибшего в дальнем краю Одиссея;
Если б она и поныне была такова же, какою,
Плыть собираясь в троянскую землю, ее господин мой
Дома оставил, – ее быстроте и отважности верно б
Ты подивился; в лесу ни в каком захоlustье укрыться
Дичь от нее не могла; в ней чутье несказанное было.
Ныне же бедная брошена; нет уж ее господина,
Вчуже погиб он; служанки ж о ней и подумать ленятся;
Раб нерадив; не принудь господин повелением строгим
К делу его, за работу он сам не возьмется охотой:
Тягостный хребий печального рабства избрав человеку,
Лучшую доблестей в нем половину Зевес истребляет».
Кончил и, в двери светло-населенного дома вступивши,
Прямо вошел он в столовую, где женихи пировали.
В это мгновение Аргус, увидевший вдруг через двадцать
Лет Одиссея, был схвачен рукой смертоносной Мойры.
Прежде других Телемах богоравный Евмея, который,
Ходя кругом, озирался, увидел; ему головою
Подав он знак, чтоб к нему подошел; осмотревшись, пустую
Взяв он скамью, на которой всегда за столом раздаватель
Пищи сидел, чтоб ее рассылать женихам по порядку.
Эту скамью пододвинув к столу Телемахову, сел он
Против него; предложил тут, приблизившись с блюдом, глашатай
Мяса вареного часть им и хлеб, из корзины им взятый.
Вслед за Евмеем явился и сам Одиссей богоравный
В образе хилого старца, который чуть шел, подпираясь

Посохом, с бедной котомкою, рубище в жалких лохмотьях;
Сел он в дверях на пороге, спиной прислонясь к дубовой
Притолке (выскоблил острою скобелью плотник искусный
Гладко ее, наперед топором по шнуру обтесавши).
Тут свинопасу Евмею сказал Телемах, подавая
Хлеб, из корзины меж лучшими взятый, и вкусного мяса,
Сколько в обеих горстях уместиться могло: «Отнеси ты
Это, Евмей, старику и скажи, чтоб потом обошел он
Всех женихов и у них попросил подаянья – стыдливый
Нищему, тяжелой нуждой удрученному, быть неприлично».
Так он сказал, и Евмей, повинуясь, пошел к Одиссею.
Близко к нему приступивши, он бросил крылатое слово:
«Это прислал Телемах; и велел он сказать, чтоб потом ты,
Всех обойдя женихов, попросил подаянья – стыдливый
Нищему быть, говорит он, в жестокой нужде неприлично».
Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
«Зевс да пошлет благоденствие между людьми Телемаху,
Дав совершиться всему, что теперь замышляет он в сердце!»
Так он сказал и, обеими взявши руками подачу,
Мясо и хлеб близ себя положил на убогой котомке.
Начал он есть; той порой вдохновенно запел пред гостями
Фемий; когда же тот вдоволь наелся, а этот умолкнул –
Начали вновь женихи бушевать; но богиня Афина,
Тайно приблизясь к Лаэртову сыну, ему повелела
Встать и ходить вокруг столов их, прося подаянья: хотела
Видеть она, кто из них благодушен и кто беззаконник;
В мыслях же всех без изъятия смерти предать назначала.
Встав, он пошел и у каждого начал просить подаянья,
Руку к нему простирая, как нищий, скитаться обывший.
С жалостным сердцем они на него в изумленье смотрели,
Знать любопытствуя, кто и откуда пришел он. Сидевший
С ними пастух-козовод, забияка Меланфий, сказал им:
«Слушайте вы, женихи многославной царицы, я видел
Этого нищего, с ним на дороге сюда повстречавшись;
Думаю, был он сюда приведен свинопасом Евмеем;
Сам же не знаю я, кто и в какой стороне родился он».
Так он сказал. Антиной на Евмея с досадою крикнул:
«Ты, свинопас, негодяй всем известный, зачем ты приводишь
В город таких развращенных бродяг? Уж и здешняя сволочь
Этих столов обирателей нам нестерпимо докучна;
Мало, конечно, тебе, что от нищих домашних все ваши
Гибнут запасы – чужого еще ты привел к нам обжору».
Так, возражая, Евмей-свинопас отвечал Антиною:
«Ты, Антиной, неразумное мне и недоброе молвил
Слово теперь. Приглашает ли кто человека чужого
В дом свой без нужды? Лишь тех приглашают, кто нужен на дело:
Или гадателей, или врачей, иль искусников зодчих,
Или певцов, утешающих душу божественным словом, –
Их приглашают с охотою все земнородные люди;
Нищего ж, каждому скучного, кто пригласит произвольно?
Ты же из всех женихов Пенелопы к рабам Одиссея
Самый неласковый был завсегда, и ко мне особливо;
Я не печалюсь об этом, покуда моя здесь царица
Здравствует с сыном своим Телемахом, моим господином».
Кротко Евмею сказал рассудительный сын Одиссеев:
«Полно, Евмей, замолчи; говорить с ним не должен ты много;
Знаешь, как скор Антиной на обидное слово; он любит
Ссориться сам и других на раздор подбивает охотно».
Тут, обратясь к Антиною, он бросил крылатое слово:
«Ты обо мне, как о сыне отец благодушный, печешься,
Друг Антиной, выгоняя своим повелительным словом
Странников, в дом мой входящих, – но будет ли Дий тем доволен?
Дай что захочешь; не спорю я; сам приглашаю, напротив;
Матери также моей не страшися; тебя не осудит
Здесь и никто из рабов, в Одиссеевом доме живущих.
Но, конечно, подобные мысли тебе не приходят
В сердце: себе все берешь ты, другим же давать не охотник».
Кончил, и гневно ему возразил Антиной, сын Евпейтов:

«Что ты сказал, Телемах необузданный, гордоречивый? Если б вот это от каждого здесь жениха получил он – Верно сюда бы три месяца вновь заглянуть не подумал». Так говоря, он скамейку схватил, на которую ноги клал под столом, и, грозяся, ее показал Одиссею. Прочие ж все подавали, котомку его наполняя хлебом и мясом. И, много собрав, Одиссей уж готов был Сесть на порог свой, чтоб данной насытиться пищей; но прежде Он подошел к Антиною и бросил крылатое слово: «Дай мне и ты. Не последним тебя здесь считаю, но первым, Лучшим и самым знатнейшим; царю ты подобисься видом! Щедродаянье должно быть тебе и приличней и легче всех их; и славить тебя я отныне по всей беспредельной Буду земле. Я и сам меж людьми не всегда бесприютно жил; и богатоустроенным домом владел, и доступен всякому страннику был, и охотно давал неимущим; Много имел я невольников, много всего, чем роскошно Люди живут и за что величает их свет богачами. Все уничтожил Кронион – была, без сомненья, святая Воля его, чтоб с дружиной отважных добычников поплыл я в отдаленный Египет (он там приготовил мне гибель). В лоне потока Египта легкоповоротные наши Все корабли утвердив, я велел, чтоб отборные люди Там на морском берегу сторожить их остались; другим же Дал приказание с ближних высот обозреть всю окрестность. Вдруг загорелось в них дикое буйство; они, обезумев, Грابتь поля плодоносные жителей мирных Египта Бросились, начали жен похищать и детей малолетних, Зверски мужей убивая, – тревога до жителей града Скоро достигла, и сильная ранней зарей собралася Рать; колесницами, пешими, яркою медью оружий Поле кругом закипело; Зевес, веселящийся громом, В жалкое бегство моих обратил; отразить ни единый Силы врага не посмел, и отвсюду нас смерть окружила; Многих тогда из товарищей медь умертвила, и многих Пленных насильственно в град увлекли на печальное рабство. Я же был жителю Крита, в Египет прибывшему, продан Дметору, сыну Эсона, владевшего Кипром; в Итаку Прибыл из Кипра я, много имев на пути злоключений». Гневно сказал, отвечая ему, Антиной, сын Евпейтов; «Верно, нам демон такую чуму посылает, такую Порчу пиров! Отойди от стола моего; на середине Стой там, чтоб не было хуже тебе и Египта и Кипра. Что за наглец неотступный! какой побродяга бесстыдный! Всех поочередно ты здесь обошел; и тебе, что попало Под руки каждому, подали все, не из щедрости: здесь им Есть что подать; подавать же чужое легко. Убирайся ж Прочь». От стола отступив, отвечал Одиссей хитроумный: «Горе! Так, видно, с лицом у тебя твой рассудок несходен; В доме своем ты и соли шепотку мне дать пожалел бы, Если уж здесь, за обедом чужим прохладяся, хлеба Корку жалеешь мне бросить; а стол ваш, я вижу, обилен». Так он сказал. Антиной, рассердясь, на него исподлобья Грозно очами сверкнул и бросил крылатое слово: «Если еще грубиянить ты вздумал, бродяга, то даром Это тебе не пройдет и добром ты не выйдешь отсюда». Тут он скамейкой швырнул – и жестоко ударила в спину Подле плеча Одиссея она; как утес, не шатнувшись, Он устоял на ногах, не сраженный ударом; он только Молча потряс головою и страшное в сердце помыслил. К двери потом возвратяся, он сел на порог и, котомку На пол с едой положивши, сказал женихам: «Обратите Слух ваш ко мне, женихи многославной царицы, дабы я Высказать мог вам все то, что велит мне рассудок и сердце. Не было б в том ни беды, ни прискорбия тяжкого сердцу, Если бы кто, за именье свое, за быков, за блестящих Шерстью овец заступася, вытерпел злые побои; Мне ж от руки Антиноя побои достались за гнусный,

Жадный и множество бед приключаящий людям желудок.
Если же боги и мщенье Эриний живут и для бедных –
Смерть, Антиной, а не брак вожделенный ты встретишь, обидчик».
Гневно, ему возражая, сказал Антиной, сын Евпейтов:
«Ешь и молчи, негодяй; иль беги неоглядкой отсюда;
Иначе, так нагрубив мне, ты за ноги будешь рабами
Вытащен в дверь, и все кости твои обломаются об пол».
Кончил; угрозы его не одобрил никто; негодюя,
Так говорили иные из юношей дерзко-надменных:
«Ты, Антиной, поступил непохвально, обиду нанеши
Этому нищему; что же, когда он один из бессмертных?
Боги нередко, облекшись в образ людей чужестранных,
Входят в земные жилища, чтоб видеть своими очами,
Кто из людей беззаконствует, кто наблюдает их правду».
Так женихи говорили; но речи их были напрасны.
Злою обидой глубоко в душе Телемах сокрушался
Вместе с обиженным; слезы свои утаивши, он только
Молча потряс головою и страшное в сердце помыслил.
Но Пенелопа разумная, слыша, что был чужеземец
В доме их так оскорблен, обратясь к рабыням, сказала:
«О, когда бы его поразили Аполлон сребролукий!»
Ей Евринома, разумная ключница, так отвечала:
«Если бы все исполнялось согласно с желанием нашим,
Завтра же светлой денницы из них ни один бы не встретил».
Кончила. Ей Пенелопа разумная так возразила:
«Правда, мне все ненавистны они, нам от всех притеснение;
Но Антиной наиболее с черною Керою сходен:
Принят в наш дом чужеземец и, ходя кругом, подаянья
Просит у всех он гостей, приневоленный строгой нуждою, –
Подали все, и свою он наполнил котомку; лишь этот
Вместо подачи в него, как безумный, скамейкою бросил».
Так Пенелопа рабыням своим говорила в покоях
Верхних своих. Одиссеей же, сидя на пороге, обедал.
Кликнуть к себе повелев свинопаса, царица сказала:
«Слушай, Евмей благородный, скажи иноземцу, что я с ним
Здесь повидаться желаю, чтоб знать от него, не слыхал ли
Он о супруге моем и ему не случилось ли где с ним
Встретиться: кажется мне человеком он, много выдавшим».
Так Пенелопе ответствовал ты, свинопас богоравный:
«Если б твои женихи хоть на миг поутихли, царица,
Милое сердце твое он своим бы рассказом утешил.
Три дня и три ночи он уж гостит под моею убогой
Кровлей; пришел же ко мне, с корабля убежав от феспротов.
Мне о своих приключеньях еще он не кончил рассказа;
Но как внимают певцу, вдохновенному свыше богами,
Песнь о великом поющему людям, судьбине подвластным,
В них возбуждая желание слушать его непрестанно,
Так я внимал чужеземцу, сидя перед ним неподвижно;
С ним Одиссеей по отцу, говорит он, считается гостем;
В Крите широкоравнинном, отчизне Миноса, рожденный,
Прибыл оттоле сюда он и много превратностей встретил,
Скучно мирским подаяньем питаюсь; и слышал он, будто
Края феспротов, соседнего с нашей Итакой, достигнул
Царь Одиссеей, возвращаясь в дом свой с великим богатством».
Кончил. Разумная так отвечала ему Пенелопа:
«Клихни его самого; я желаю, чтоб сам рассказал он
Все мне подробно, покуда игрой на дворе перед дверью
Или во внутренних горницах будут они забавляться;
Дома они про себя сберегают свои все запасы,
Хлеб и вино золотое; их тратят домашние люди;
Им же удобней, вседневно врывался в дом наш толпою,
Наших быков, и баранов, и коз откормленных резать,
Жрать до упаду и светлое наше вино беспощадно
Тратить. Наш дом разоряется, ибо уж нет в нем такого
Мужа, каков Одиссеей, чтоб его от проклятья избавить.
Если же он возвратится и снова отчизну увидит,
С сыном своим он отмстит им за все». Так царица сказала.
В это мгновение чихнул Телемах, и так сильно, что в целом

Доме как гром раздалось; засмеявшись, Евмею, поспешно
Кликнув его, Пенелопа крылатое бросила слово:
«Добрый Евмей, приведи ты сюда чужеземца немедля;
Слово мое зачихнул Телемах; я теперь, несомненно,
Знаю, что злые мои женихи неизбежно погибнут
Все: ни один не уйдет от судьбы и от мстительной Керы.
Выслушай то, что скажу, и заметь про себя, что услышишь:
Если меня без обмана ты доброю вестью утешит,
Мантию дам я ему, и хитон, и красивую обувь».
Кончила. Ей повинувшись, пошел свинопас к Одиссею;
Близко к нему подошедши, он бросил крылатое слово:
«Слушай, отец чужеземец, разумная наша царица,
Мать Телемаха, тебя приглашает к себе; о супруге
Хочет она расспросить, сокрушаясь о нем беспрестанно.
Если ее без обмана ты доброю вестью утетишь,
Мантию ты, и хитон, и красивую обувь получишь.
Хлеб же, чтоб свой успокоить желудок, по улицам ходя,
В городе можешь собирать от людей – там подаст, кто захочет».
Так Одиссей хитроумный сказал, отвечая Евмею:
«Все без обмана я мог бы теперь рассказать Пенелопе,
Старца Икария дочери многоразумной; я много
Знаю о муже ее: мы одно с ним терпели на свете.
Но женихов я боюсь необузданно-дерзких, которых
Буйство, бесстыдство и хищность дошли до железного неба;
Видел ты сам, как в меня, там ходившего смирно и мысли
Злой не имевшего, этот неистовый бросил скамейкой –
Кто ж за меня заступился? Никто. Промолчал и прекрасный
Сын Одиссеев. Пускай же царица, хотя нетерпенье
В ней и велико, дождется, чтоб Гелиос скрылся; тогда я
Все, что узнать пожелает она о супруге далеком,
Ей расскажу, поместясь у огня, чтоб согреться: одет я
Плохо – то ведаешь сам ты, тебя я здесь первого встретил».
Так он сказал; и Евмей, повинувшись, пошел к Пенелопе;
Встретив его на пороге своем, Пенелопа спросила:
«Он не с тобою, Евмей? Для чего же прийти не хотел он,
Бедный? Боится ль обиды какой? На глаза ль показаться
Людям стыдится? Стыдливому нищему плохо на свете».
Так Пенелопе отвечествовал ты, свинопас богоравный:
«Нет; он умно рассуждает, и с ним ты должна согласиться;
Он, женихов необузданно-дерзких, царица, бояся,
Просит тебя терпеливо дожждаться, чтоб Гелиос скрылся;
Думаю также и я, что гораздо удобнее будет,
Если его ты одна обо всем на досуге расспросишь».
Выслушав, умная так отвечала Евмею царица:
«Странник твой, кто бы он ни был, умно рассуждает; и прав он:
В целом свете, нигде посреди земнородных неможно
Встретить людей, столь неистовых, столь беззаконно-развратных».
Так отвечала Евмею она. Свинопас богоравный,
Все передав ей, пошел к женихам; с Телемахом в столовой
Встретился он и, приблизившись, бросил крылатое слово
Шепотом в ухо ему, чтоб его не слышали другие:
«Милый, теперь я иду; за свиньями, за домом, за всеми
В доме запасами должно смотреть мне; а ты осторожен
Будь здесь, себя береги и смотри, чтоб с тобой никакого
Зла не случилось: зломысленных много тебя окружает.
Зевс да погубит их прежде, чем бедствие наше созреет!»
Кончил. Ему отвечал рассудительный сын Одиссеев:
«Добрый совет ты даешь мне, отец; но ты сам, ночевавши
Дома, сюда возвратися поутру с отборной свиньей.
Боги мой ум просветят и меня надоумят, что делать».
Так отвечал Телемах. Свинопас поместился на гладком
Стуле; поужинав сытно и свой удовольствовав голод,
В поле пошел он к свиньям острозубым, оставивши царский
Дом, оглашаемый шумом пирующих; пеньем и пляской
Там веселились. Тем временем темная ночь наступила.
Песнь осьмнадцатая
Тридцать восьмой день
Бой Одиссея с Иром. Он напрасно советует Амфиному расстаться с женихами.

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya
Пенелопа подает им надежду на скорый брак; они приносят ей подарки. Меланфо оскорбляет Одиссея. Евримах бросает в него скамейкою. Женихи расходятся по домам.

В двери вошел тут один всем известный бродяга; шатаюсь
По миру, скудным он жил подаяньем и в целой Итаке
Славен был жадным желудком своим, и нахальством, и пьянством;
Силы, однако, большой не имел он, хотя и высок был
Ростом. По имени слыл Арнеоном (так матерью назван
Был при рождении), но в городе вся молодежь величала
Иром его, потому что у всех он там был на посылках.
В двери вступив, Одиссея он стал принуждать, чтоб покинул
Дом свой; и бросил ему, раздраженный, крылатое слово:
«Прочь от дверей, старичишка, иль за ноги вытащен будешь;
Разве не видишь, что все мне мигают, меня понуждая
Вытолкать в двери тебя; но марать понапрасну своих я
Рук не хочу; убирайся, иль дело окончится дракой».
Мрачно взглянув исподлобья, сказал Одиссей благородный:
«Ты сумасброд, я не делаю зла никому здесь; и сколько б
Там кто ни подал тебе, я не стану завидовать; оба
Можем на этом пороге сидеть мы просторно; нет нужды
Спор заводить нам. Ты, вижу, такой же, как я, бесприютный
Странственник; бедны мы оба. Лишь боги даруют богатство.
Воли, однако, рукам не давай; не советую; стар я:
Но, рассердясь, я всю грудь у тебя разобью и все рыло
В кровь; и просторнее будет тогда мне на этом пороге
Завтра, понеже уж, думаю, ты не придешь во второй раз
Властвовать в доме царя Одиссея, Лаэртова сына».
Ир в несказанной досаде воскликнул, ему отвечая:
«Он же, прожора, и умничать вздумал! Не хуже стряпухи
Старой лепечет! Постой же; тебя проучить мне порядком
Должно, приняв в кулаки и из челюстей зубы повыбив
Все у тебя, как у жадной свиньи, истребляющей ниву.
Полно ж сидеть; выходи, покажи нам свое здесь уменье;
Вот поглядим мы, ты сладишь ли с тем, кто тебя посильнее».
Так меж обоими нищими в бранных словах загорелась
Ссора на гладком пороге дверей. То заметила прежде
Всех Антиноева сила святая. И с хохотом громким
Он, к женихам обратясь, воскликнул: «Друзья, поглядите,
Что там в дверях происходит. Подобного мне не случилось
Видеть нигде; нам чудесную Дий посылает забаву:
С старым бродягой поссорился Ир, и, конечно, уж скоро
Драка там будет; пойдём поскорее, нам должно стравить их».
Так он сказал; женихи, засмеявшись, вскочили поспешно
С мест и соперников, грязным одетых тряпьем, обступили.
Тут, обратясь к женихам, Антиной, сын Евпейтов, сказал им:
«Выслушать слово мое вас, товарищи, я приглашаю;
Козьи желудки лежат там на угольях; сами на ужин
Их для себя отложили мы, жиром и кровью наливши;
Я предлагаю, чтоб тот, кто из двух победителем будет,
Взял для себя из желудков обжаренных лучший; потом мы
Будем вседневно его приглашать и к обеду; другим же
Нищим собирать здесь столовые крохи вперед не дозволим».
Так предложил Антиной, и одобрили все предложение.
Хитрость замыслив, тогда им сказал Одиссей многоумный:
«В бой выходить с молодым старику, изнуренному в силах
Нищенской жизнью, трудно, друзья; но докучный желудок
Нудит меня согласиться, хотя б и стерпеть здесь побои.
Слушайте ж то, что скажу: поклянитесь великою клятвой
Мне, что, потворствуя Иру, никто на меня не подымет
Рук и сопернику верх надо мной одержать не поможет».
Так говорил Одиссей; женихи поклялись; когда же
Все поклялись они и клятву свою совершили,
Слово к отцу обративши, сказал Телемах богоравный:
«Если ты сам добровольно желаешь и смело решился
Выступить в бой с ним, то страха не должен иметь: кто посмеет
Руку поднять на тебя, тот с собою здесь многих поссорит.
Я здесь хозяин, защитник гостей, и, конечно, со мною

Будут теперь заодно Антиной, Евримах и другие». Так он сказал. Женихи согласились. Тогда сын Лаэртос Рубище снял и себя им, пристойность храня, опоясал. Тут обнаружались крепкие ляжки, широкие плечи, Твердая грудь, жилистые руки, и сделала выше Ростом его, не приметно к нему подошедши, Афина. Все женихи на него с изумленьем великим смотрели; Глядя друг на друга, так меж собою они рассуждали: «Иру беда; за нахальство теперь он заплатит. Какие крепкие мышцы под рубищем этого нищего скрыты!» Так говорили они. Обуяла великая трусость Ира. Его, опоясав, рабы притащили насильно; Бледный, дрожащий от страха, едва на ногах он держался. Слово к нему обративши, сказал Антиной, сын Евпейтов: «Лучше тебе, хвастуну, умереть иль совсем не родиться Было бы, если теперь так дрожишь, так бесстыдно робеешь Ты перед этим, измученным бедностью, старым бродягой. Слушай, однако, и то, что услышишь, исполнится верно: Если тебя победит он и силой своей одолеет, Будешь ты брошен на черный корабль и на твердую землю К злому Эхету-царю, всех людей истребителю, сослан. Уши и нос беспощадною медью тебе он обрежет, В крохи изрубит тебя и собакам отдаст на съеденье». Так говорил он. Ужасная робость проникнула Ира; Силою слуги его притащили; и подняли руки Оба. Себя самого тут спросил Одиссей богоравный: Сильно ль ударить его кулаком, чтоб издох он на месте? Или несильным ударом его опрокинуть? Обдумав Все, напоследок он выбрал несильный удар, поелику Иначе мог бы в сердцах женихов возбудить подозренье. Оба тут вышли; в плечо кулаком Одиссея ударил Ир. Одиссей же его по затылку близ уха: вдавилась Кость сокрушенная внутрь, и багровая кровь полилася Ртом; он, завыв, опрокинулся; зубы его скрежетали, Об пол он пятками бил. Женихи же, всплеснувши руками, Все помирали от смеха. А сын благородный Лаэртос, За ногу Ира схватив, через двери и портик к воротам Дома его через двор протащил; и, его приневолив Сесть там, спиною к стене прислонил, суковатую палку Втиснул ему, полумертвому, в руки и гневное бросил Слово: «Сиди здесь, собак и свиней отгоняй; и нахально Властвовать в доме чужом не пытайся вперед, высылая Нищих оттуда, сам нищий бродяга: иль будет с тобою Хуже беда». Он сказал и, на плечи набросив котомку, Всю в заплатках, висевшую вместо ремня на веревке, К двери своей возвратился и сел на пороге. А гости Встретили смехом его и, к нему подступивши, сказали: «Молим мы Зевса и вечных богов, чтоб они совершили Все то, чего наиболее теперь ты желаешь, о чем ты Молишь их сам; навсегда ты избавил от злого прожоры Край наш. Он нами немедленно будет на твердую землю К злому Эхету-царю, всех людей истребителю, сослан». Так женихи говорили; был рад Одиссей прорицанью. С угольев снявши желудок, наполненный жиром и кровью, Подал Лаэртосу сыну его Антиной; и, два хлеба Взяв из корзины, принес их ему Амфином; он наполнил Кубок вином и сказал Одиссею, его поздравляя: «Радуйся, добрый отец иноземец! Теперь нищетою Ты удручен; да пошлют наконец и тебе изобилье Боги!» Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный: «Ты, Амфином, благомысленный юноша, вижу я; знатен Твой благородный отец, повсеместно молвою хвалимый, Нис, уроженец Дулихия многобогатый; его ты Сын, мне сказали; и сам испытал я, сколь ты добродушен. Слушай же, друг, и размысли, размысли о том, что услышишь: Все на земле изменяется, все скоротечно; всего же, Что ни цветет, ни живет на земле, человек скоротечней; Он о возможной в грядущем беде не помыслит, покуда

Счастлием боги лелеют его и стоит на ногах он;
Если ж беду ниспошлют на него всемогущие боги,
Он негодует, но твердой душой неизбежное сносит:
Так суждено уж нам всем на земле обитающим людям,
Что б ни послал нам Кронион, владыка бессмертных и смертных.
Некогда славен и я меж людьми был великим богатством;
Силой своей увлеченный, тогда беззаконствовал много
Я, на отца и возлюбленных братьев полагаясь.
Горе тому, кто себе на земле позволяет неправду!
Должно в смиренье, напротив, дары от богов принимать нам.
Вижу, как здесь женихи, самовластно бесчинствуя, губят
Все достоянье царя и наносят обиды супруге
Мужа, который, я мыслю, недолго с семьей и с отчизной
Будет в разлуке. Он близко. О друг, да хранительный демон
Вовремя в дом твой тебя уведет, чтоб ему на глаза ты
Здесь не попался, когда возвратится в отеческий дом он.
Здесь не пройдет без пролития крови, когда с женихами
Станет вести свой расчет он, вступя под домашнюю кровлю».
Так он сказал и вина золотого, свершив возлиянье,
Выпил; и кубок потом возвратил Амфиному. И тихим
Шагом пошел Амфином, с головой наклоненной, с печалью
Милого сердца, как будто предчувствием бедствия полный;
Но не ушел от судьбы он; его оковала Паллада,
Пасть от копья Телемахова вместе с другими назначив.
Сел он на стул свой опять, к женихам возвратяся беспечно.
Тут светлоокая дочь Громовержца вложила желанье
В грудь Пенелопы, разумной супруги Лаэртова сына,
Выйти, дабы, женихам показавшись, сильнейшим желаньем
Сердце разжечь им, в очах же супруга и милого сына
Боле, чем прежде, явиться достойною их уваженья.
Так, улыбнуться уста приневолив, она Евриноме,
Ключнице старой, сказала: «Хочу я – чего не входило
Прежде мне в ум – женихам ненавистным моим показаться;
Также хочу и совет там подать Телемаху, чтоб боле
С шайкою их, многобуйных грабителей, он не водился;
Добры они на словах, но недобрые мысли в уме их».
Ей Евринома, усердная ключница, так отвечала:
«То, что, дитя, говоришь ты, и я нахожу справедливым.
Выдь к ним и милому сыну подай откровенно совет свой.
Прежде, однако, омойся, натри благовонным елеем
Щеки; тебе не годится с лицом, безобразным от плача,
К ним выходить; красота увядает от скорби всегдашней.
Сын же твой милый созрел, и тебе, как молила ты, боги
Дали увидеть его с бороною расцветшего мужа».
Ключнице верной ответствуя, так Пенелопа сказала:
«Нет, никогда, Евринома, для них, ненавистных, не буду
Я омываться и щек натирать благовонным елеем.
Боги, владыки Олимпа, мою красоту погубили
В самый тот час, как пошел Одиссей в отдаленную Трою.
Но позови Гипподамию, с нею пускай Автоноя
Также придет, чтоб меня проводить в пировую палату:
К ним не пойду я одна, то стыдливости женской противно».
Так говорила царица. Поспешно пошла Евринома
Кликнуть обеих служанок, чтоб тотчас послать к госпоже их.
Умная мысль родилась тут в сердце Афины Паллады:
Сну мирноносу велела богиня сойти к Пенелопе.
Сон прилетел и ее улелеял, и все в ней утихло.
В креслах она неподвижно сидела; и ей, усыпленной,
Все, чем пленяются очи мужей, даровала богиня:
Образ ее просиял той красой несказанной, какою
В пламенно-быстрой и в сладостно-томной с Харитами пляске
Образ Киприды, венком благовонным венчанной, сияет;
Стройный ее возвеличился стан, и все тело нежнее,
Чище, свежей и блистательней сделалось кости слоновой.
Так одаривши ее, удалилась богиня Афина.
Но белорукие обе рабыни, вбежавши поспешно
В горницу, шумом нарушили сладостный сон Пенелопы.
Щеки руками спросонья потерши, она им сказала:

«Как же я сладко заснула в моем сокрушеньи! О, если б Мне и такую же сладкую смерть принесла Артемида В это мгновенье, чтоб я непрерывной тоской перестала Жизнь сокрушать, все не ведая, где Одиссей, где супруг мой, Доблестью всякой украшенный, между ахейн славнейший». Кончив, по лестнице вниз Пенелопа сошла; вслед за нею Обе служанки сошли, и она, божество красотой, В ту палату вступив, где ее женихи пировали, Подле столба, потолок там высокий державшего, стала, Щеки закрывши свои головным покрывалом блестящим; Справа и слева почтительно стали служанки. Колена Их задрожали при виде ее красоты, и сильнее Вспыхнуло в каждом желание ложе ее разделить с ней. Сына к себе подозвавши, его Пенелопа спросила: «Сын мой, скажи мне, ты в полном ли разуме? В возрасте детском Был ты умней и приличие всякое более ведал. Ныне ж ты мужеской силы достигнул, и кто ни посмотрит Здесь на тебя, чужеземец ли, здешний ли, каждый породу Мужа великого в светлой твоей красоте угадает. Где же, однако, твой ум? Ты совсем позабыл справедливость. Дело бесчинное здесь у тебя на глазах совершилось; Этого странника в доме своем допустил ты обидеть; Что же? Когда чужеземец, доверчиво твой посетивший Дом, оскорбленный там будет сидеть и ругаться им станет Всякий – постыдный упрек от людей на себя навлечешь ты». Матери так отвечал благомысленный сын Одиссеев: «Милая мать, твой упрек справедлив; на него не могу я Сетовать. Ныне я все понимаю; и мне уж не трудно Зло отличать от добра; из ребячества вышел я, правда; Но не всегда и теперь удается мне лучшее выбрать: Наши незваные гости приводят мой ум в беспорядок; Злое одно замышляют они; у меня ж руководителя Нет. Но сражение странника с Иром не их самовольством Было устроено; высшая здесь обнаружилась воля. Если б – о Дий Громовержец! о Феб Аполлон! о Афина! – Все женихи многобуйные в нашей обители ныне, Кто на дворе, кто во внутренних дома покоях, сидели, Головы свесив на грудь, все избитые, так же, как этот Ир-побродяга, теперь за воротами дома сидящий! Трепетной он головою мотает, как пьяный; не может Прямо стоять на ногах, ни сидеть, ни подняться, чтоб в дом свой Медленным шагом добресть через силу; совсем он изломан». Так про себя говорили они, от других в отдаленье. Тут, обратясь к Пенелопе, сказал Евримах благородный: «О многоумная старца Икария дочь Пенелопа, Если б могли все ахейцы ясийского Аргоса ныне Видеть тебя, женихов бы двойное число собралось В доме твоём пировать. Превосходишь ты всех земнородных Жен красотой, и возвышенным станом, и разумом светлым». Так говорил Евримах. Пенелопа ему отвечала: «Нет, Евримах, красоту я утратила волей бессмертных С самых тех пор, как пошли в кораблях чернобоких ахейцы В Трои, и с ними пошел мой супруг, Одиссей богоравный. Если б он жизни моей покровителем был, возвратяся В дом, несказанно была б я тогда и славна и прекрасна. Ныне ж в печали я вяну; враждует злой демон со мною. В самый тот час, как отчизну свою он готов был покинуть, Взавши за правую руку меня, он сказал на прощанье: „Думать не должно, чтоб воинство меднообурых ахейн Все без урона из Трои в отчизну свою возвратилось; Слышно, что в бое отважны троянские мужи, что копья Метко бросают; в стрелянии из лука зорки; искусно Грозно-летучими, часто сраженьи меж двух равносильных Ратей решащими разом, конями владеют. Наверно Знать не могу я, позволит ли Дий возвратиться сюда мне, Или погибель я в Трое найду. На твое попеченье Все оставляю. Пекись об отце и об матери милой Так же усердно, как прежде, и даже усердней: понеже

Буду не здесь я; когда же наш сын возмужает, ты замуж
Выдь, за кого пожелаешь, и дом наш покинь“. На прощанье
Так говорил Одиссей мне; и все уж исполнилось. Скоро,
Скоро она, ненавистная ночь ненавистного сердцу
Брака, наступит для бедной меня, всех земных утешений
Зевсом лишенной. На сердце моем несказанное горе.
В прежнее время обычай бывал, что, когда начинали
Свататься, знатного рода вдову иль богатую деву
Выбрав, один пред другим женихи отличиться старались;
В дом приводя к нареченной невесте быков и баранов,
Там угощали они всех друзей; и невесту дарили
Щедро; чужое ж имущество тратить без платы стыдились».
Кончила. В грудь Одиссея проникло веселье, понеже
Было приятно ему, что от них пожелаала подарков,
Льстя им словами, душою же их ненавидя, царица.
Ей отвечая, сказал Антиной, сын Евпейтов надменный:
«О многоумная старца Икария дочь, Пенелопа,
Всякий подарок, тебе от твоих женихов подносимый,
Ты принимай: не позволено то отвергать, что дарят нам.
Мы же, ты знай, не пойдем от тебя ни домой, ни в иное
Место, пока ты из нас по желанью не выберешь мужа».
Так говорил Антиной; согласились все с ним другие.
Каждый потом за подарком глашатая в дом свой отправил.
Посланный длинную мантию с пестрым шитьем Антиною
Подав; двенадцать застежек ее золотых украшали,
Каждая с гибким крючком, чтоб, в кольцо задеваясь, держал он
Мантию. Цепь из обделанных в золото с чудным искусством,
Светлых, как солнце, больших янтарей принесли Евримаху.
Серьги – из трех, с шелковичной пурпурною ягодой сходных
Шариков каждая – подав проворный слуга Евридаму;
Был молодому Писандру, Поликтора умного сыну,
Женский убор принесен, ожерелье богатое; столь же
Были нескупы и прочие все на подарки. Приняв их,
Вверх по ступеням высоким обратно пошла Пенелопа.
С ней удалились, подарки неся, и младые рабыни.
Те же, опять обратившись к пляске и сладкому пенью,
Начали снова шуметь в ожидании ночи; когда же
Черная ночь посреди их веселого шума настала,
Три посредине палаты поставив жаровни, наклали
Много поленьев туда, изощренной нарубленных медью,
Мелких, сухих, и лучиною тонкой зажгли их, смолистых
Факелов к ним подложивши. Смотреть за огнем поочередно
Были должны Одиссея дома рабыни. И с ними
Так говорить Одиссеей хитромысленный начал: «Подите
Вы, Одиссея дома рабыни, отсюда в покои
Вашей царицы, Икария дочери многоразумной;
Сядьте с ней, тонкие нити сучите и волну руками
Дергайте, горе ее развлекая своим разговором.
Я же останусь смотреть за огнем, и светло здесь в палате
Будет, хотя бы они до утра пировать здесь остались;
Им не удастся меня утомить; я терпеть научился».
Так говорил он. Рабыни одна на другую взглянули
С громким смехом; и грубо ему отвечала Меланфо,
Дочь Долиона (ее воспитала сама Пенелопа
С детства и много игрушек и всяких ей лакомств давала;
Сердце ж ее нечувствительно было к печалям царицы;
Тайно любовный союз с Евримахом она заключила);
Так отвечала она Одиссею ругательным словом:
«Видно, совсем потерял ты рассудок, бродяга; не хочешь,
Видно, искать ты ночлега на кузнице, или в закуте,
Или в шинке; здесь, конечно, приятней тебе; на слова ты
Дерзок в присутствии знатных господ; и душою не робок;
Знать, от вина помутился твой ум, иль, быть может, такой уж
Ты от природы охотник без смысла болтать; иль, осилив
Бедного Ира, так поднял ты нос – берегись однако;
Может с тобою здесь встретиться кто-нибудь Ира сильнее;
Зубы твои все своим кулаком он железным повыбьет;
Вытолкнут в дверь по затылку им будешь ты, кровью облитый».

Мрачно взглянув исподлобья, сказал Одиссей хитроумный:
«Я на тебя Телемаху пожалуюсь, злая собака;
В мелкие части болтунью тебя искрошить он прикажет».
Слово его испугало рабынь; и они во мгновенье
Все из палаты ушли; их колена дрожали от страха;
Думали все, что на деле исполнится то, что сказал им
Странник. А он у жаровен стоял, наблюдая, чтоб ярче
Пламя горело; и глаз не сводил с женихов, им готовя
Мыслию все, что потом и на самом исполнилось деле.
Тою порой женихов и Афина сама возбуждала
К дерзко-обидным поступкам, дабы разгорелось сильнее
Мщение в гневной душе Одиссея, Лаэртова сына.
Так говорить Евримах, сын Полибиев, начал (обидеть
Словом своим Одиссея, других рассмешивши, хотел он):
«Слух ваш склоните ко мне, женихи Пенелопы, дабы я
Высказать мог вам все то, что велит мне рассудок и сердце.
Этот наш гость, без сомнения, демоном послан, чтоб было
Нам за трапезой светлей; не от факелов так все сияет
Здесь, но от плечи его, на которой нет волоса боле».
Так он сказал и потом, обратясь к Одиссею, примолвил:
«Странник, ты, верно, поденщиком будешь согласен наняться
В службу мою, чтоб работать за плату хорошую в поле,
Рвать для забора терновник, деревья сажать молодые;
Круглый бы год получал от меня ты обильную пищу,
Всякое нужное платье, для ног надлежащую обувь.
Думаю только, что будешь худой ты работник, привыкнув
К лени, без дела бродя и мирским подаяньем питаюсь:
Даром свой жадный желудок кормить для тебя веселее».
Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
«Если б с тобой, Евримах, привелось мне поспорить работой,
Если б весною, когда продолжительней быть начинают
Дни, по косе, одинаково острой, обоим нам дали
В руки, чтоб, вместе работая с самого раннего утра
Вплоть до вечерней зари, мы траву луговую косили,
Или, когда бы, запрягши нам в плуг двух быков круторогих,
Огненных, рослых, откормленных тучной травой, могучей
Силою равных, равно молодых, равно работающих,
Дали четыре нам поля вспахать для посева, тогда бы
Сам ты увидел, как быстро бы в длинные борозды плуг мой
Поле изрезал. А если б войну запалил здесь Кронион
Зевс и мне дали бы щит, два копья медноострых и медный
Кованный шлем, чтоб моей голове был надежной защитой,
Первым в сраженье меня ты тогда бы увидел; тогда бы
Мне ты не стал попрекать ненасытностью жадной желудка.
Но человек ты надменный; твое неприязненно сердце;
Сам же себя, Евримах, ты считаешь великим и сильным
Лишь потому, что находишься в обществе низких и слабых.
Если б, однако, не жданный никем, Одиссей вам явился –
Усколь ни проторная плотником сделана дверь здесь, она бы
Узкой тебе, неоглядкой бегущему, вдруг показалась».
Он замолчал. Евримах, рассердясь, на него исподлобья
Грозно очами сверкнул и слово крылатое бросил:
«Вот погоди, я с тобою разделаюсь, грязный бродяга:
Дерзок в присутствии знатных господ и не робок душой ты;
Видно, вино помutilо твой ум, иль, быть может, такой уж
Ты от природы охотник без смысла болтать, иль, осилив
Бедного Ира, так сделался горд – берегися однако».
Так он сказал и скамейку схватил, чтоб пустить в Одиссея;
Но Одиссей, отскочивши, к коленам припал Амфинома;
Мимо его прошумев, виночерпия сильно скамейка
В правую треснула руку, и чаша, в ней бывшая, на пол
Грянулась; тот, опрокинутый, навзничь упал, застонавши.
Начали громко шуметь женихи в потемневшей палате;
Глядя друг на друга, так меж собою они рассуждали:
«Лучше бы было, когда б, до прихода к нам, этот незванный
Гость на дороге издох, не завел бы у нас он такого
Шума. Теперь мы за нищего ссоримся; пир наш испорчен;
Кто при великом раздоре таком веселиться захочет?»

К ним обратилась тогда Телемахова сила святая:
«Буйные люди, вы все помешались; не можете боле
Скрыть вы, что хмель обуял вас. Знать, демон какой поджигает
Всех на раздор; пировали довольно вы, спать уж пора вам;
Может, кто хочет, уйти; принуждать никого я не буду».
Так он сказал. Женихи, закусивши с досадою губы,
Смелым его пораженные словом, ему удивлялись.
Тут, обратясь к собранью, сказал Амфином благородный,
Нисов блистательный сын, от Аретовой царственной крови:
«Правду сказал он, друзья; на разумное слово такое
Вы не должны отвечать оскорбленьем; не трогайте боле
Старого странника; также оставьте в покое и прочих
Слуг, обитающих в доме Лаэртова славного сына.
Пусть виночерпий опять нам наполнит вином благовонным
Кубки, чтоб мы, возлиав, на покой по домам разошлись;
Странника же здесь ночевать в Одиссеевом доме оставим,
На руки сдав Телемаху: он гость Телемахова дома».
Так Амфином говорил, и понравилось всем, что сказал он.
Тут Мулион, дулихийский глашатай, слуга Амфиномов,
Муж благородной породы, вина намешавши в кратеры,
Кубки наполнил до края и подал гостям; совершивши
Им возлиянье блаженным богам, осушили все кубки
Гости; когда ж, совершив возлиянье, вином насладились
Вдоволь они, все пошли по домам, чтоб предаться покою.

Песнь девятнадцатая

Вечер тридцать осьмого дня

Одиссей вместе с Телемахом выносит оружия из столовой, потом остается один.
Меланфо снова его оскорбляет. Он рассказывает Пенелопе вымышленную о себе
повесть и уверяет ее, что Одиссей скоро возвратится в дом свой. Евриклея узнает
его по рубцу на ноге; он повелевает ей молчать. Пенелопа рассказывает ему сон
свой, потом говорит, что отдаст руку свою тому из женихов, который победит
других стрельбою из Одиссеева лука; наконец Пенелопа удаляется.

Все разошлись; один Одиссей в опустевшей палате
Смерть замышлять женихам совокупно с Афиной остался.
С ним Телемах; и сказал он, к нему обратясь: «Мой милый
Сын, наперед надлежит все оружия вынести отсюда.
Если ж, приметив, что нет уж в палате, как прежде, оружий,
Спросят о них женихи, ты тогда отвечай им: „В палате
Дымно; уж сделались вовсе они не такие, какими
Здесь их отец Одиссей, при отбытии в Трою, покинул:
Ржавчиной все от огня и от копоти смрадной покрылись“.
Также и вышую в сердце вложил мне Зевес осторожность:
Может меж вами от хмеля вражда загореться лихая;
Кровью тогда сватовство и торжественный пир осквернится –
Само собой прилипает к руке роковое железо».
Так он сказал. Телемах, повинувшись родителя воле,
Кликнул старушку, усердную няню свою Евриклею;
«Няня, – сказал он, – смотри, чтоб служанки сюда не входили
Прежде, куда наверх не отнес я отцовых оружий;
Здесь без присмотра они; все испорчены дымом; отца же
Нет. Я доньше ребенок бессмысленный был, но теперь я
Знаю, что должно отнести их туда, где не может их портить
Копоть». Сказал. Евриклея-старушка ему отвечала:
«Дельно! Пора, мой прекрасный, за разум приняться, и дома
Быть господином, и знать обходиться с отцовым богатством.
Кто же, когда покидать не велишь ты служанкам их горниц,
Факелом будет зажженным тебе здесь светить за работой?»
Ей отвечая, сказал рассудительный сын Одиссеев:
«Этот старик; не трудясь, никто, и хотя б он чужой был,
В доме моем, получая наш корм, оставаться не должен».
Кончил. Не мимо ушей Евриклеи его пролетело
Слово. Все двери тех горниц, где жили служанки, замкнула
Тотчас она. Одиссей с Телемахом тогда принялись
Медные с гребнями шлемы, с горбами щиты, с остриями
Длинными копья наверх выносить; и Афина Паллада
Им невидимо, держа золотую лампаду, светила.
Тем изумленный, сказал Телемах Одиссею: «Родитель,

В наших очах происходит великое, думаю, чудо;
Гладкие стены палаты, сосновые средние брусья,
Все потолка перекладыны, все здесь колонны так ясно
Видны глазам, так блистают, как будто б пожар был кругом их –
Видно, здесь кто из богов олимпийских присутствует тайно».
Так он спросил; отвечая, сказал Одиссей хитроумный
Сыну: «Молчи, ни о чем не расспрашивай, бойся и мыслить:
Боги, владыки Олимпа, такой уж имеют обычай.
Время тебе на покой удалиться, а я здесь останусь;
Видеть хочу поведенье служанок; хочу в Пенелопе
Сердце встревожить, чтоб, плача, меня обо всем расспросила».
Так он сказал. Телемах из палаты немедленно вышел;
Факел зажженный неся, он пошел в тот покой почивальный,
Где по ночам миротворному сну предавался обычно.
В спальню пришедши, он лег и заснул в ожиданье денницы.
Тою порою один Одиссей в опустевшей палате
Смерть замышлять женихам совокупно с Палладой остался.
Вышла разумная тут из покоев своих Пенелопа,
Светлым лицом с золотой Афродитой, с младой Артемидой
Сходная. Сесть ей к огню пододвинули стул, из слоновой
Кости точеный, с оправой серебряной, чудной работы
Икмалиона (для ног и скамейку приделал художник
К дивному стулу). Он мягко-широкой покрыт был овчиной.
Многоразумная села на стул Пенелопа. Вступивши
С ней белорукие царского дома служанки в палату,
Начали всё убирать там: столы с недоеденным хлебом,
Кубки и множество чаш, из которых надменные гости
Пили; и, выбросив на пол золу из жаровен, наклали
Новых поленьев туда, чтоб нагрелась палата и был в ней
Свет. А Меланфо опять привязалась ругать Одиссея:
«Здесь ты еще, неотвязный? Не хочешь и ночью покоя
Дать нам, бродя здесь как тень, чтоб подметить, что в доме служанки
Делают. Вон! Говорю я тебе, побродяга; наелся
Здесь ты довольно! Уйди, иль швырну я в тебя головнею».
Мрачно взглянув исподлобья, сказал Одиссей хитроумный:
«Что ж так неистово ты на меня, сумасбродная, злишься?
Или противно тебе, что в грязи я, что, в рубище бедном
По миру ходя, прошу подаянья? Что ж делать? Я нищий.
Жребий такой уж нам всем, безотрадно бродящим скитальцам.
В прежние дни я и сам меж людьми не совсем бесприютно
Жил; и богатоустроенным домом владел, и доступен
Всякому страннику был, и охотно давал неимущим;
Много имел я невольников, много всего, чем роскошно
Люди живут и за что величает их свет богачами.
Все уничтожил Кронион – так было ему то угодно.
Ты, безрассудная, так же (кто знает, как скоро!) утратишь
Всю красоту молодую, которою так здесь гордишься;
Станешь тогда ты противна своей госпоже; да и может
Сам Одиссей возвратиться – надежда не вовсе пропала;
Если же он и погиб и возврата лишен, то еще здесь
Сын Одиссеев, младой Телемах, Аполлонов питомец,
Здравствует; знает он все поведенье служанок домашних,
Скрыться не может ничто от него; он из детства уж вышел».
Так он сказал. Пенелопа, услышав разумное слово.
Речь обратила свою, раздраженная, к дерзкой служанке:
«Ты, как собака, бесстыдница, злишься; меня ж не обманешь;
Знаю твоё поведенье; за все головою заплатишь.
Разве не слышала ты, как сюда пригласить я велела
Этого странника, мысля, что может сказать мне какую
Весть о супруге моем, о котором давно так я плачу?»
Тут, обратись к Евриноме, сказала она: «Евринома,
Стул пододвинь поскорее, покрытый овчиною мягкой;
Должно, чтоб здесь иноземец покойно сидел, и свои нам
Все рассказал приключенья, и мне отвечал на вопросы».
Так говорила она. Евринома немедленно гладкий
Стул принесла и покрыла его густошерстной овчиною;
Сесть приглашен был на стул Одиссей богоравный женою.
Так, обратясь к нему, начала говорить Пенелопа:

«Странник, сначала тебя я сама вопрошу, отвечай мне:
кто ты, мой добрый старик? кто отец твой? кто мать? Где родился?»

Так, отвечая, сказал Одиссей, в испытаниях твердый:

«О царица, повсюду и все на земле беспредельной
люди тебя превозносят, ты славой до неба достигла;
ты уподобиться можешь царю беспорочному; страха
Божия полный и многих людей повелитель могучий,
Правду творит он; в его областях изобильно родится
Рожь, и ячмень, и пшено, тяготееют плодами деревья,
Множится скот на полях и кипят многорыбием воды;
Праведно властвует он, и его благоденствуют люди.
Ты же, царица, меня вопрошай обо всем; не касайся
Только отчизны моей, и семьи, и семейного дома:
Горе мне душу глубоко проникнет, когда говорить здесь
Буду, о них вспоминая; страдал я немало. В чужом же
Доме, в беседе с людьми, предаваться слезам неприлично.
Слезы напрасны: бедам не приносят они исцеленья.
Может, притом, и на мысли прийти здесь рабыням, сама ты
Можешь подумать, что слезы от хмеля мои происходят».

Так Одиссею, ему отвечая, сказала царица:

«Странник, мою красоту я утратила волей бессмертных
С самых тех пор, как пошли в кораблях чернобоких ахейцы
В Трю, и с ними пошел мой супруг, Одиссей богоравный.
Если б он жизни моей покровителем был, возвратяся
В дом, несказанно была б я тогда и славна и прекрасна;
Ныне ж в печали я вяну; враждует злой демон со мною.
Все, кто на разных у нас островах знамениты и сильны,
Первые люди Дулихия, Зама, лесного Закинфа,
Первые люди утесистой, солнечно-светлой Итаки,
Нудят упорно ко браку меня и наш дом разоряют;
Мне ж не по сердцу никто: ни просящий защиты, ни странник,
Ниже глашатай, служитель народа; один есть желанный
Мной – Одиссей, лишь его неотступное требует сердце.
Те же твердят непрестанно о браке; прибегнуть к обману
Я попыталась однажды; и демон меня надоумил
Стан превеликий поставит в покоях моих; начала я
Темно-широкую ткань и, собрав женихов, им сказала:
„Юноши, ныне мои женихи – поелику на свете
Нет Одиссея, – отложим наш брак до поры той, как будет
Кончен мой труд, чтоб начатая ткань не пропала мне даром;
Старцу Лаэрту покров гробовой приготовить хочу я
Прежде, чем будет он в руки навек усыпляющей смерти
Парками отдан, дабы не посмели ахейские жены
Мне попрекнуть, что богатый столь муж погребен без покрова“.
Так я сказала; они покорились мне мужеским сердцем.
Целый я день за тканьем проводила; а ночью, зажегши
Факел, сама все, натканное днем, распускала. Три года
Длилася хитрость удачно, и я убеждать их умела.
Но когда, обращеньем времен приведенный, четвертый
Год совершился, промчались месяцы, дни пролетели –
Все им открыла одна из служанок, лихая собака;
Сами они тут застали меня за распущенной тканью:
Так и была приневолена ими я труд мой окончить.
Способа нет уж теперь избежать мне от гнусного брака;
Хитрости новой на ум не приходит: меня все родные
Нудят к замужеству; и сын огорчается, видя, как дом наш
Грабят; а он уж созрел и теперь за хозяйством способен
Сам наблюдать, и к нему уваженье Зевес пробуждает
В людях. Скажи ж откровенно мне, кто ты? Уж, верно, не отрасль
Славного в древности дуба, не камень от груди утеса».
Ей возражая, отвечивал так Одиссей богоравный:
«О многоумная старца Икария дочь Пенелопа,
Вижу, что ты о породе моей неотступно желаешь
Сведать. Я все расскажу, хоть печаль и усилит рассказ мой
В сердце моем. Так бывает со всяким, кто долго в разлуке
С милой семьей, сокрушенный, как я, меж людей земнородных
Странствует, их посещая обители, сам бесприютный.
Но отвечать на вопросы твои я с охотой буду.

Остров есть Крит посреди виноцветного моря, прекрасный,
Тучный, отвсюду объятый водами, людьми изобильный;
Там девяносто они городов населяют великих.
Разные слышатся там языки: там находишь ахеян
С первоплеменной породой воинственных критян; киконы
Там обитают, дорийцы кудрявые, племя пеласгов,
В городе Кносе живущих. Едва девяти лет достигнув,
Там уж царем был Минос, собеседник Крониона мудрый,
Дед мой, родитель великого Девкалиона, который
Идоменея родил и меня. В корабле крутоносом
Идоменей, многославный мой брат, в отдаленную Трою
Поплыл с Атридом; мое ж знаменитое имя Аитон;
После него родился я; он старший и властью сильнейший.
В Крите гостил Одиссей; и он мною как гость одарен был.
В Крит же его занесло буреносною силою ветра:
В Трою плывя и у мыса Малеи застигнутый бурей,
В устье Амисия ввел он свой быстрый корабль и в опасной
Пристани стал близ скалы илифийской, богами спасенный.
К Идоменею он в город пришел, утверждая, что гостем
Был он царю, что его почитал и любил несказанно.
Но уж дней десять прошло иль одиннадцать с тех пор, как поплыл
Царь в кораблях крутоносых в троянскую землю. Я принял
Вместо царя во дворце Одиссея, и мной угощен был
Он дружелюбно с великою роскошью; было запасов
Много у нас; и спутники все Одиссеевы хлебом,
Собранным с мира, и огненноцветным вином, и прекрасным
Мясом быков угощаемы досыта были; двенадцать
Дней провели богоравные люди ахейские с нами:
В море идти не пустил их Борей, бушевавший с такою
Силой, что было нельзя на ногах устоять и на суше;
Демон его разъярил; на тринадцатый день он утихнул.
В море пустились они». Так неправду за чистую правду
Он выдавал им. И слезы из глаз их лилися; как тает
Снег на вершинах высоких, заоблачных гор, теплоносным
Евром согретый и прежде туда нанесенный Зефиром, –
Им же растаенным реки полнеют и льются быстрее, –
Так по щекам Пенелопы прекрасным струею лилися
Слезы печали о милом, пред нею сидевшем, супруге.
Он же, глубоко проникнутый горьким ее сокрушеньем
(Очи свои, как железо иль рог неподвижные, крепко
В темных ресницах сковав и в нее их вперив, не мигая),
Воли слезам не давал. И, насытятся горестным плачем,
Так напоследок ему начала говорить Пенелопа:
«Странник, я способ имею, тебя испытанью подвергнув,
Выведать, подлинно ль ты Одиссея и спутников, бывших
С ним, угощал там в палатах царя, как теперь уверяешь.
Можешь ли мне описать ты, какое в то время носил он
Платье, каков он был видом и кто с ним спутники были?»
Ей отвечая, сказал Одиссей, в испытаниях твердый:
«Трудно ответствовать мне на вопрос твой, царица; уж много
Времени с этой поры протекло, и тому уж двадцатый
Год, как, мою посетивши отчизну, супруг твой пустился
В море; но то, что осталось в памяти, вам расскажу я:
В мантию был шерстяную, пурпурного цвета, двойную
Он облечен; золотою прекрасной с двойными крючками
Бляхой держалася мантия; мастер на бляхе искусно
Грозного пса и в могучих когтях у него молодую
Лань изваял; как живая, она трепетала; и страшно
Пес на нее разъяренный глядел, и, из лап порываясь
Выдраться, билась ногами она: в изумленье та бляха
Всех приводила. Хитон, я заметил, носил он из чудной
Ткани, как пленка, с головки сушеного снятая лука,
Тонкой и светлой, как яркое солнце; все женщины, видя
Эту чудесную ткань, удивлялись ей несказанно.
Я же – заметь ты – не ведаю, где он такую одежду
Взял? Надевал ли уж дома ее до отбытия в Трою?
В дар ли ее получил от кого из своих при отъезде?
Взял ли в подарок прощальный как гость? Одиссея любили

Многие люди; сравниться же мало могло с ним ахейн.
Меч медноострый, двояную пурпурную мантию, с тонким,
Сшитым по мерке хитонем ему подарив на прощанье,
С почестью в путь проводил я его в корабле крепкозданном.
С ним находился глашатай; немного постаре годами
Был он; его и теперь описать вам могу я: горбатый,
Смуглый, курчавые волосы, черная кожа на теле;
Звали его Еврибатом; его всех товарищей боле
Чтил Одиссей, поелику он ведал, сколь был он разумен».
Так говорил он. Усилилось горе в душе Пенелопы:
Все Одиссеевы признаки ей описал он подробно.
Горестным плачем о милом, далеком супруге насытясь,
Так напоследок опять начала говорить Пенелопа:
«Странник, до сих пор одно сожаленье к тебе я имела, –
Будешь отныне у нас ты любим и почтен несказанно.
Платье, которое мне описал ты, сама я сложила
В складки, достав из ларца, и ему подала, золотою
Бляхой украсив. И мне уж его никогда здесь не встретить
В доме семейном, в отечестве милом! Зачем он, зачем он
Нас покидал! Неприязненный демон его с кораблями
В море увел, к роковым, к несказанным стенам Илиона».
Ей возражая, отвечив так Одиссей богоравный:
«О многоумная старца Икария дочь Пенелопа,
Нежной своей красоты не губи сокрушеньем; не сетуй
Так безутешно о милом супруге. Тебя укорять я
В этом не буду: нельзя не крушиться жене об утрате
Сердцем избранного мужа, с которым в любви родились ей
Дети; красой же богам Одиссей, говорят, был подобен.
Ты успокойся, однако, и выслушай то, что скажу я:
Правду одну я скажу, ничего от тебя не скрывая,
Все объявив, что узнал о прибытии к вам Одиссея
В области тучной феспротов, от здешних берегов недалеко.
Жив он; и много везет на своем корабле к вам сокровищ,
Собранных им от различных народов; но спутников верных
Всех он утратил; его крутобокий корабль, виноцветным
Морем от знойной Тринакрии плывший, Зевес и блестящий
Гелиос громом разбили своим за пожранье священных,
Солнцу любезных быков – все погибли в волнах святотатцы.
Он же, схвативший оторванный киль корабля, был на остров
Выброшен, где обитают родные богам феакийцы;
Почесть ему оказали они, как бессмертному богу;
Щедро его одарили и даже сюда безопасно
Сами хотели его проводить. И давно б уж в Итаке
Был он; но, здраво размысливши, он убедился, что прежде
Разные земли ему для скопленья богатств надлежало
Видеть. Никто из людей земнородных не мог с ним сравниться
В знании выгод своих и в расчетливом, тонком рассудке –
Так говорил мне о нем царь Федон благодушный, который
После, бессмертным богам совершив возлиянье, поклялся
Мне, что и быстрый корабль уж устроен и собраны люди
В милую землю отцов проводить Одиссея; меня же
Он наперед отослал, поелику корабль приготовлен
Был для феспротов, в Дулихий, обильный пшеницею, шедших;
Мне и богатство, какое скопил Одиссей, показал он.
Даже и внукам в десятом колене достанется много –
Столько добра им оставлено было царю в сохраненье.
Сам же, сказали, пошел он в Додону затем, чтоб оракул
Темносенистого Диева дуба его научил там,
Как по отсутствию долгом в отчизну, в желанную землю
Милой Итаки ему возвратиться удобнее будет.
Жив он, ты видишь сама; и, конечно, здесь явится скоро;
Верно, теперь и от милых своих и от родины светлой
Он недалеко; могу подтвердить то и клятвой великой;
Зевсом, метателем грома, отцом и владыкой бессмертных,
Также святым очагом Одиссеева дома клянуся
Вам, что наверно и скоро исполнится то, что сказал я.
Прежде чем солнце окончит свой круг, Одиссей возвратится;
Прежде чем месяц наставший сменен наступающим будет,

Вступит он в дом свой». Ему отвечая, сказала царица:
«Если твое предсказание, гость чужеземный, свершится,
Будешь от нас угощен ты как друг и дарами осыпан
Столь изобильно, что счастьем такому все будут дивиться.
Мне же не то предвещает мое сокрушенное сердце:
Нет! И сюда Одиссей не придет и тебя не отправим
В путь мы отсюда: недобрые люди здесь властвуют в доме;
Здесь никого не найдется такого, каков Одиссей был,
Странников всех угощавший и всем на прощанье даривший
Много. Теперь вы, рабыни, омойте его и постелю,
Мантией теплой покрытую, здесь приготовьте, чтоб мог он
Спать, не озябнув, до первых лучей златотронной денницы.
Завтра ж поутру его вы, в купальне омывши, елеем
Чистым натрите, дабы он, опрятный, за стол с Телемахом
Сел и с гостями обедал. И горе тому, кто обидеть
Вновь покусится его непристойно: ему никакого
Места вперед здесь не будет, хотя б он и сильно озлился.
Иначе, странник, поверишь ли ты, чтоб хоть мало от прочих
Жен я возвышенным духом и светлым умом отличалась,
Если я грязным тебя и нечисто одетым за стол наш
Сесть допущу? Нам не надолго жизнь достается на свете;
Кто здесь и сам без любви и в поступках любви не являет,
Тот ненавистен, пока на земле он живет, и желают
Зла ему люди; от них поносим он нещадно и мертвый;
Кто ж, беспорочный душой, и в поступках своих беспорочен –
Имя его, с похвалой по земле разносимое, славят
Все племена и народы, все добрым его величают».
Ей возражая, ответствовал так Одиссей богоравный:
«О многоумная старца Икария дочь Пенелопа,
Теплая мантия мне и роскошное ложе противны
С тех пор, как Крита широкого снегом покрытые горы,
В длинновесельном плывя корабле, из очей потерял я.
Дай мне здесь спать, как давно уж привык я, на жесткой постели.
Много, много ночей провалялся в бессоннице тяжелой
Я, ожидал пришествия златопрестольной денницы;
Также и ног омовение мне не по сердцу; по крайней
Мере к моим прикоснуться ногам ни одной не позволю
Я из рабынь молодых, в Одиссеевом доме служащих.
Нет ли старушки, любящей заботливо службу и много
В жизни, как сам я, и зла и добра испытавшей? Охотно
Ей прикоснуться к моим с омовеньем ногам я дозволю».
Так Одиссею, ему отвечая, сказала царица:
«Странник, немало до сих пор гостей к нам из близких, из дальних
Стран приходило – умней же тебя никого не случилось
Встретить мне; речи твои все весьма рассудительны. Есть здесь
В доме старушка, советница умная, полная добрых
Мыслей; за ним, злополучным, ходила она; он был ею
Выкормлен, ею в минуту рождения на руки принят.
Ей, хоть она и слаба, о тебе поручу я заботу;
Встань, Евриклея, моя дорогая разумница, вымой
Ноги ему, твоего господина ровеснику; с ним же,
Может быть, сходен и видом уж стал Одиссей, изнуренный
Жизнью трудной: в несчастье люди стареются скоро».
Так говорила она; Евриклея закрыла руками
Очи, но слезы пробилась сквозь пальцы; она возопила:
«Свет мой, дитя мое милое! Где ты? За что же Кронион
Так на него, столь покорного воле богов, негодует?
Кто ж из людей перед громоигрателем Зевсом такие
Тучные бедра быков сожигал и ему гекатомбы
Так приносил изобильно, моля, чтоб он светлую старость
Дал ему дома проведать, расцветающим радуясь сыном?
Были напрасны молитвы; навеки утратил возврат он.
Горе! Быть может, теперь, никому не родной, на чужбине,
Где-нибудь, впущенный в дом богача, он от глупых служанок
Встречен такой же там бранью, какой был от этих собак ты,
Странник, обижен; зато и не хочешь им, дерзким, позволить
Ноги омыть у тебя. То, однако, порядком исполнить
Мне повелела моя госпожа Пенелопа. Охотно

Сделаю все, и не волю одну госпожи исполняя.
Нет, для тебя самого. Несказанно мою ты волнуешь
Душу. Послушай, я выскажу мысли мои откровенно:
Странников бедных немало в наш дом приходило; но сердце
Мне говорит, что из них ни один (с удивленьем смотрю я)
Не был так голосом, ростом, ногами, как ты, с Одиссеем
Сходен». Сказала. Ей так отвечал Одиссей хитроумный:
«Правда, старушка, и сам от людей я, которым обоих
Нас повстречать удавалось, слышал, что во многом друг с другом
Мы удивительно сходны, как то мне и ты говоришь здесь».
Так отвечал он. Сияющий таз, для мытья ей служивший
Ног, принесла Евриклея; и, свежей водою две трети
Таза наполнив, ее долила кипятком. Одиссей же
Сел к очагу; но лицом обернулся он к тени, понеже
Думал, что, за ногу взявши его, Евриклея знакомый
Может увидеть рубец, и тогда вся откроется разом
Тайна. Но только она подошла к господину, рубец ей
Бросился прямо в глаза. Разъяренного вепря клыком он
Ранен был в ногу тогда, как пришел посетить на Парнасе
Автоликона, по матери деда (с его сыновьями),
Славного хитрым притворством и клятв нарушением – Эрмий
Тем дарованьем его наградил, поелику он много
Бедр от овец и от коз приносил благосклонному богу.
Автоликон, посетив плодоносную землю Итаки,
Новорожденного сына у дочери милой нашел там.
Выждав, когда он окончит свой ужин, ему на колена
Внука пришла положить Евриклея. Она тут сказала:
«Автоликон, богоданному внуку ты выдумать должен
Имя, какое угодно тебе самому: ты усердно
Зевса о внуке молил». То приняв предложение, сказал он
Зятю и дочери: «Вашему сыну готово уж имя;
Вас посетить собираясь, я рассержен несказанно
Многими был из людей, населяющих тучную землю;
Пусть назовется мой внук Одиссеем; то значит: сердитый.
Если ж когда он, достигнув мужеских лет, пожелает
Дедовский дом посетить на Парнасе, где наша обитель,
Будет он мной угощен и с богатым отпущен подарком».
Внук возмужал и пришел за подарком обещанным к деду.
Автоликон с сыновьями своими его благосклонно
Встретил руки пожиманьем и сладко-ласкательным словом;
Бабка ж его Амфитея в слезах у него целовала
Очи, и руки, и голову, громко рыдая. Богатый
Пир приказал сыновьям многославным своим приготовить
Автоликон. И они, исполняя родителя волю,
Тотчас пригнать повелели быка пятилетнего с поля;
Голову снявши с быка и его распластавши, на части
Мясо они разрубили и части, взоткнув их на вертел,
Начали жарить; изжарив же, их разнесли по порядку.
Сидя они за ободом весь день до вечернего мрака
Ели прекрасное мясо и сладким вином утешались.
Солнце тем временем село, и ночь наступила; о ложе
Каждый подумал, и сна благодать ниспослали им боги.
Встала из мрака младая с перстами пурпурными Эос.
Автоликоновы все сыновья, на охоту собравшись,
Скликнули быстрых собак. Сын Лаэртотв отправился с ними.
Долго они по крутому, покрытому лесом, Парнасу
Шли; напоследок достигли глубоких, ветристых ущелий;
Гелиос только что начал поля озарять, подымаясь
Тихо с глубоких, лиющихся медленно вод Океана;
В дикую дебрь углубились охотники все; перед ними,
След открывая, бежали собаки; с собаками вместе
Автоликоновы дети и сын многославный Лаэртотв
Быстро бежали, имея в руках длиннотенные копья.
Страшно-огромный кабан там скрывался, в кустах закопавшись
Диких: в тенистую глубь их проникнуть не мог ни холодный,
Сыростью дышащий ветер, ни Гелиос, знойно блестящий,
Даже и дождь не пронзал их ветвистого свода – так густо
Были они сплетены; и скопилось там много опавших

Листьев. Когда же приблизился шум от собак и от ловчих,
Быстро бежавших, кабан им навстречу из дикого лога
Прянул; щетину встопорщив, ужасно сверкая глазами,
Он заступил им дорогу; и первый, к нему подбежавший,
Был Одиссеей. Он копье длинноострое поднял, готовый
Зверя пронзить; но успел Одиссею поранить колено
Острым клыком разъяренный кабан; и он выхватил много
Мяса, нагрывнувши бешено сбоку, но кость уцелела.
В правое зверю плечо боевое копье сын Лаэрттов
Сильно всадил; и, плечо проколов, острием на другой бок
Вышло копье; повалился кабан, и душа отлетела.
Автоликоновы дети убитого зверя велели
Должным порядком убрать и потом Одиссееву рану
Перевязали заботливо; кровь же, бежавшую сильно,
Заговорили. И все напоследок к отцу возвратились.
Автоликон и его сыновья Одиссея, от раны
Дав исцелиться ему и его одаривши богато,
Сердцем веселого, сами веселые, с миром послали
В землю Итаки; отец и разумная мать несказанно
Были его возвращению рады; они расспросили
Сына подробно о ране, и он рассказал по порядку,
Как, на Парнасе ловитвой зверей веселясь с сыновьями
Автоликона, он вопреки клычистым был ранен в колено.
Эту-то рану узнала старушка, ощупав руками
Ногу; отдернула руки она в изумленье; упала
В таз, опустившись, нога; от удара ее зазвенела
Медь, покачнулся водою наполненный таз, пролилася
На пол вода. И веселье и горе проникли старушку,
Очи от слез затуманились, ей не покорствовал голос.
Сжав Одиссею рукой подбородок, она возгласила:
«Ты Одиссеей! Ты мое золотое дитя! И тебя я
Прежде, пока не ощупала этой ноги, не узнала!»
Кончив, она на свою госпожу обратила поспешно
Взоры, чтоб ей возвестить возвращение милого мужа.
Та ж не могла ничего, обратясь глазами в другую
Сторону, видеть: Паллада ее овладела вниманьем.
Но Одиссеей, ухвативши одною рукою за горло
Няню свою, а другою ее подойти приневолив
Ближе к нему, прошептал ей: «Ни слова! Меня ты погубишь;
Я Одиссеей; ты вскормила меня; претерпевши немало,
Волей богов возвратился я в землю отцов через двадцать
Лет. Но – уж если твои для узнания тайны открылись
Очи – молчи! И чтоб в доме никто обо мне не проведал!
Иначе, слушай – и то, что услышишь, исполнится верно, –
Если мне Дий истребить женихов многобуйных поможет,
Здесь и тебя я щадить, хоть тобой и воспитан, не стану
В час тот, когда над рабынями строгий мой суд совершится».
Сыну Лаэрттову так, отвечая, сказала старушка:
«Странное слово из уст у тебя, Одиссеей, излетело;
Ведаешь сам ты, как сердцем тверда я, как волей упорна:
Все сохраню, постоянной, чем камень, целей, чем железо;
Выслушай, друг, мой совет и заметь про себя, что услышишь.
Если Зевес истребить женихов многобуйных поможет,
Всех назову я рабынь, обитающих здесь, чтоб меж ними
Мог отличить ты худых и порочных от добрых и честных».
Ей возражая, ответствовал так Одиссеей хитроумный:
«Нет, Евриклея, их мне называть не трудись понапрасну;
Сам все увижу и буду уметь все подробно разведать.
Только молчи. Произволу богов предадим остальное».
Так говорил Одиссеей; и поспешно пошла Евриклея
Теплой воды принести, поелику вся прежняя на пол
Вылилась. Вымыв и чистым елеем умастивши ноги,
Снова скамейку свою Одиссеей пододвинул к жаровне;
Сев к ней, чтоб греться, рубец свой отрепьями рубища скрыл он.
Умная так, обратясь к нему, Пенелопа сказала:
«Странник, сначала сама я тебя вопрошу, отвечай мне:
Скоро наступит пора насладиться покоем; и счастлив
Тот, на кого и печального сон миротворный слетает.

Мне ж несказанное горе послал неприязненный демон;
Днем, сокрушаясь и сетуя, душу свою подкрепляю
Я рукодельем, хозяйством, присмотром за делом служанок;
Ночью ж, когда все утихнет и все вокруг меня, погрузившись
Сладостно в сон, отдыхают беспечно, одна я, тревогой
Мучась, в бессоннице тяжелой сижу на постели и плачу;
Плачет Аида, Пандарова дочь бледноликая, плачет;
Звонкую песню она заунывно с началом весенних
Дней благовонных поет, одиноко таясь под густыми
Сенями рощи, и жалобно льется рыдающий голос;
Плача, Итилосо милого, сына Цетосова, медью
Острой нечаянно ею сраженного, мать поминает.
Так, сокрушенная, плачу и я и не знаю, что выбрать –
С сыном ли милым остаться, смотря за хозяйством, за светлым
Домом его, за работой служанок, за всем достойным,
Честь Одиссеева ложа храня и молву уважая?
Иль наконец предпочесть из ахейцев того, кто усердней
Брака желает со мной и щедрее дары мне приносит?
Сын же, куда он отроком был неразумным, расстаться
С матерью нежной не мог и супружеский дом мне покинуть
Сам запрещал; но теперь он, уж мужеской силы достигнув,
Требует сам от меня, чтоб из дома я вышла немедля;
Он огорчается, видя, как наше имущество грабят.
Ты же послушай: я видела сон; мне его растолкуй ты;
Двадцать гусей у меня есть домашних; кормлю их пшеницей;
Видеть люблю, как они, на воде полоскаясь, играют.
Снилось мне, что, с горы прилетевший, орел крутоносый,
Шею свернув им, их всех заклевал, что в просторной столовой
Мертвые были они на полу все разбросаны; сам же
В небо умчался орел. И во сне я стонала и горько
Плакала; вместе со мною и много прекрасных ахейских
Жен о гусях, умерщвленных могучим орлом, сокрушалось.
Он же, назад прилетев и спустясь на высокую кровлю
Царского дома, сказал человеческим голосом внятно:
„Старца Икария умная дочь, не крушись, Пенелопа.
Видишь не сон мимолетный, событие верное видишь;
Гуси – твои женихи, а орел, их убить прилетавший
Грозною птицей, не птица, а я, Одиссей твой, богами
Ныне тебе возвращенный твоим женихам на погибель“.
Так он сказал мне, и в это мгновенье мой сон прекратился;
Я осмотрелась кругом: на дворе, я увидела, гуси
Все налицо; и, толпясь к корыту, клюют там пшеницу».
Умной супруге своей отвечал Одиссей богоравный:
«Сон, государыня, твой толковать бесполезно: он ясен
Сам по себе; сокровенного нет в нем значенья; и если
Сам Одиссей предсказал женихам их погибель – погибнут
Все: ни один не уйдет от судьбы и от мстительной Керы».
Так, отвечая, сказала царица Лаэртову сыну:
«Странник, конечно бывают и темные сны, из которых
Смысла нельзя нам извлечь; и не всякий сбывается сон наш.
Создано двое ворот для вступления снам бестелесным
В мир наш: одни роговые, другие из кости слоновой;
Сны, проходящие к нам воротами из кости слоновой,
Лживы, несбыточны, верить никто из людей им не должен;
Те же, которые в мир роговыми воротами входят,
Верны; сбываются все приносимые ими виденья.
Но не из этих ворот мой чудесный, я думаю, вышел
Сон – сколь ни радостно было бы то для меня и для сына.
Слушай теперь, что скажу, и заметь про себя, что услышишь:
Завтра наступит он, день ненавистный, в который покинуть
Дом Одиссеев принудят меня; предложить им стрелянье
Из лука в кольца хочу я: супруг Одиссей здесь двенадцать
С кольцами ставил, бывало, жердей, и те жерди не близко
Ставил одну от другой, и стрелой он пронизывал кольца
Все. Ту игру женихам предложить я теперь замышляю;
Тот, кто согнет, навязав тетиву, Одиссеев могучий
Лук, чья стрела пролетит через все (их не тронув) двенадцать
Колец, я с тем удалюсь из этого милого дома,

Дома семейного, светлого, многобогатого, где я
Счастье нашла, о котором и сонная буду крушиться».
Ей возражая, отвечивал так Одиссей богоравный:
«О многоумная старца Икария дочь Пенелопа,
Этой игры, мой совет, не должна ты откладывать. Верь мне,
В доме своем Одиссей многохитростный явится прежде,
Нежели кто между ими, рукою ошупавши гладкий
Лук, тетивую натянет его и сквозь кольца прострелит».
Так, отвечая, сказала царица Лаэртovu сыну:
«Если б ты, странник, со мною всю ночь согласился в палате
Этой сидеть и меня веселить разговором, на ум бы
Сон не пришел мне; но вовсе без сна оставаться нам, слабым
Смертным, не должно. Здесь всем нам, землей многодарной кормимым,
Боги бессмертные меру, особую каждому, дали.
Время, однако, наверх мне уйти, чтоб лежать одиноко
Там на постели, печалью перестланной, горьким потоком
Слез обливаемой с самых тех пор, как супруг мой отсюда
Морем пошел к роковым, к несказанным стенам Илиона.
Там отдохну я, а ты ночевать, иноземец, останься
Здесь; и ложись на постели иль на пол, как сам пожелаешь».
Так Пенелопа сказавши, пошла по ступеням высоким
Вверх – не одна, все рабыни за нею пошли; и, в покое
Верхнем своем затворясь, в кругу приближенных служанок
Плакала горько она о своем Одиссее, покуда
Сладкого сна не свела ей на очи богиня Афина.

Песнь двадцатая

Ночь с тридцать осьмого на тридцать девятый день
Утро и полдень тридцать девятого дня
Одиссей ложится спать в сенях; жалобы Пенелопы его пробуждают. Добрые знамения.
Столовую готовят к пиру. Являются сперва Евмей, потом Меланфий, который
опять оскорбляет Одиссея, и, наконец, Филоитий, смотрящий за стадами коров.
Знамение удерживает женихов, имевших намерение умертвить Телемаха. За столом
Ктесипп оскорбляет Одиссея. Чувства женихов приходят в расстройство: Феоклимен
предсказывает им близкую гибель.

Тут приготовил в сенях для себя Одиссей богоравный
Ложе из кожи воловьей, еще недубленной; покрывши
Кожу овчинами многих овец, женихами убитых,
Лег он; и теплым покровом его Еврикляя одела.
Там Одиссей, женихам истребление в мыслях готовя,
Глаз не смыкая, лежал. В ворота, он увидел, служанки,
Жившие в тайной любви с женихами, толпой побежали,
С хохотом громким, болтая, шумя и крича непристойно.
Вся его внутренность пламенем гнева зажглась несказанным.
Долго не знал он, колеблясь рассудком и сердцем, что делать –
Встать ли и, вслед за бесстыдными бросившись, всех умертвить их?
Или остаться, дав волю в последний им раз с женихами
Свидетельству? Сердце же злилось его; как рычит, оценившись,
Злобная сука, щеняток своих защищая, когда их
Кто незнакомый берет, и за них покупаться готовясь,
Так на бесстыдниц его раздраженное сердце роптало.
В грудь он ударил себя и сказал раздраженному сердцу:
«Сердце, смирись; ты гнуснейшее вытерпеть силу имело
В логе циклопа, в то время, когда пожирал беспощадно
Спутников он злополучных моих, – и терпенье рассудку
Выход из страшной пещеры для нас, погибавших, открыло».
Так усмирять он себя, обращая к милому сердцу.
Милое сердце ему покорилось, и снова терпенье
В грудь пролилось его; но ворочался с боку он на бок.
Как на огне, разгоревшемся ярко, ворочают полный
Жиром и кровью желудок туда и сюда, чтоб отвсюду
Мог быть он сочно и вкусно обжарен, огнем не прижженный,
Так на постели ворочался он, беспрестанно тревожась
В мыслях о том, как ему одному с женихов многосильной
Шайкою сладить. К нему подошла тут Паллада Афина,
С неба слетевшая в виде молодой, расцветающей девы.
Тихо к его изголовью приблизясь, богиня сказала:
«Что же не спишь ты, из всех земнородных несчастнейший? Разве

Это не дом твой? Не верно ль в доме ты встречен женою?
Сын же таков твой, что всякий ему бы отцом захотел быть». Светлой богине ответствовал так Одиссей хитроумный:
«Истину ты говоришь мне, богиня; но сердцем я крепко (в том принужден пред тобой повиниться) тревожусь, не зная, Буду ли в силах один с женихов многочисленной шайкой Сладить? Они всей толпою всегда собираются в доме. Но и другою тревогой мое озабочено сердце:
Если по воле твоей и Крониона всех истреблю я – Как мне спастись от мщенья родни их? Подумай об этом». Дочь светлоокая Зевса Афина ему отвечала:
«Ты, маловерный! Надеются ж люди в беде и на слабых Смертных, ни делом помочь, ни совета подать не способных, – я же богиня, тебя неизменно всегда от напасти Всякой хранившая. Слушай, понятно и ясно скажу я: Если бы вдруг пятьдесят из засады на двух нас напало Ратей, чтоб нам совокупно погибель устроить, – при них же Мы бы похитили коз их, овец и быков круторогих. Спи, ни о чем не тревожась: несносно лежать на постели, Глаз не смыкая; твои же напасти окончатся скоро». С симми словами богиня ему затворила дремотой Очи, потом на Олимп улетела. И всех усладитель наших тревог, разрешающий сладко усталые члены, Сон овладел им. Супруга ж его, от тревоги проснувшись, Села, бессонная, в горьких слезах на постели; слезами Вдоволь свою сокрушенную грудь утолив, громогласно Стала она призывать Артемиду и так ей молилась:
«О Артемида, богиня великая, дочь Громовержца, Тихой стрелою твоею меня порази и из тела Выведи душу мою. О, когда бы меня ухватила Буря и мглстой дорогой со мною умчалась в край тот, Где начинается свой путь Океан, круговратно бегущий! Были ж Пандаровы дочери схвачены бурей. Боги Мать и отца погубили у них; сиротами остались В доме семейном они; Афродита-богиня питала Их молоком, сладкотающим медом, вином благовонным; Гера дала им, от всех отличая их дев земнородных, Ум и красу; Артемида пленительной стройностью стана Их одарила; Афина их всех научила искусствам. Но когда на высокий Олимп вознеслась Китерея Там умолять, чтоб супружества счастье дал непорочным Девам Зевес-громолюбец, который, все ведая в мире, Благо и зло земнородным по воле своей посылает, – Гнусные гарпии, дев беззащитных похитя, их в руки Предали грозных Эринний, чудовищам в рабство. О, если б Так и меня олимпийские боги с земли во мгновенье Сбросили! Если б меня, с Одиссеем в душе, Артемида Светлокудрявая в темную вдруг затворила могилу, Прежде чем быть мне подругою мужа, противного сердцу! Но и тяжелые скорби становятся легче, когда мы, В горьких слезах, в сокрушении сердца день целый проведши, Ночью в объятия сна предаемся – мы все забываем, Зло и добро, лишь коснется очей он целебной рукою; Мне же и сон мой терзает виденьями страшными демон; Виделось мне, что лежал близ меня несказанно с ним сходный, Самый тот образ имевший, какой он имел, удаляясь; Я веселилась; я думала: это не сон – и проснулась». Так говорила она. Поднялась златовласая Эос. Жалобы плачущей в слух Одиссеев входили; и, слыша Их, он подумал, что ею был узнан; ему показалось Даже, что образ ее над его изголовьем летает. Сбросив покров и овчины собрав, на которых лежал он, Все их сложил Одиссеем на скамейке, а кожу воловью Вынес на двор. Тут к Зевесу он поднял с молитвою руки:
«Если, Зевес, наш отец, ты меня и землей и водою В дом мой (хотя я подвергнул напастям) привел невредимо, Дай, чтоб от первого, кто здесь проснется, мной вещь слово Было услышано; сам же мне знаменьем сердце обрадуй».

Так говорил он, молясь, и Кронион молитву услышал:
Страшно ударившим громом из звездно-бестучного неба
Зевс отвечал. Преисполнилась радостью грудь Одиссея.
Слово же первое он от рабыни, молвшей на царской
мельнице близкой, услышал; на мельнице этой двенадцать
было рабынь, и вседневно от раннего утра до поздней
ночи ячмень и пшено там они для домашних мололи.
Спали другие, всю кончив работу; а эта, слабее
прочих, проснулась ране, чтоб труд довершить неготовый.
Жернов покинув, сказала она (и пророчество было
в слове ее Одиссею): «Зевес, наш отец и владыка,
на небе нет облаков, и его наполняют, сверкая,
звезды, а гром твой гремит, всемогущий! Кому посылаешь
знаменья грома? Услышь и меня, да исполнится ныне
слово мое: да последним в жилище царя Одиссея
будет сегодняшней пир женихов многобуйных! Колена
мы сокрушили своей непрестанной работой, обжорству
их угождая, – да нынешним кончатся все здесь пиры их!»
Так говорила рабыня, был рад Одиссей прорицанью
грома и слова, и в сердце его утвердилась надежда.
Тут Одиссеева дома рабыни сошлись из разных
горниц и жаркий огонь на большом очаге запалили,
ложе покинул свое и возлюбленный сын Одиссеев;
платье надев, изощренный свой меч на плечо он повесил;
после, подошвы красивые к светлым ногам привязавши,
взял боевое копье, лучезарно блестящее медью;
так он ступил на порог и сказал, обратясь к Евриклее:
«Няня, доволен ли был угощением странник? Покойно ль
спал он? Иль вы не хотели о нем и подумать? Обычай
матери милой я знаю; хотя и разумна, а часто
между людьми иноземными худшему почести всякой
много окажет, на лучшего ж вовсе и взгляда не бросит».
Так говорил Телемах. Евриклея ему отвечала:
«Ты понапрасну, дитя, невинную мать обвиняешь;
с нею сидя, здесь вином утешался он, сколько угодно
было душе; но не ел, хоть его и просили. По горло
сыт я, сказал. А когда он подумал о сне и постели,
мягкое ложе она приготовить велела рабыням.
Он же, напротив, как жалкий, судьбою забытый бродяга,
спать на пуховой постели, покрытой ковром, отказался;
кожу воловью постлал на полу и, овчин положивши
сверху, улегся в сенях; я покрыла его одеялом».
Так Евриклея сказала. Тогда Телемах из палаты
вышел с копьем; две лихие за ним побежали собаки.
на площадь, главное место соборья ахейян, пошел он.
Тут всех рабынь Одиссеева дома созвавши, сказала
им Евриклея, разумная дочь Пенсенорида Опса:
«Все на работу! Одни за метлы; и проворнее выместь
горницы, вспрыснув полы; на скамейки, на кресла и стулья
пестро-пурпурные ткани постлатъ; ноздреватую губкой
начисто вымыть столы; всполоснуть пировые кратеры;
чаши глубокие, кубки двудонные вымыть. Другие ж
все за водою к ключу и скорее назад, поелику
нынешний день женихи не замедлят приходом, напротив,
ранее все соберутся: мы праздник готовим великий».
Так Евриклея сказала. Ее повинуюся воле,
двадцать рабынь побежали на ключ темноводный; другие
начали горницы все прибирать и посуду всю чистить.
Скоро прислали и слуг женихи; за работу принявшись,
стали они топорами поленья колоть. Воротились
с свежей рабыни водой от ключа. Свинопасом Евмеем
пригнаны были три борова, самые жирные в стаде:
заперли их в окруженную частым забором заграду.
Сам же Евмей подошел к Одиссею, спросил дружелюбно:
«Странник, учтивее ль стали с тобой Телемаховы гости?
Иль по-вчерашнему в доме у нас на тебя нападают?»
Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
«Добрый Евмей, да пошлют всемогущие боги Олимпа

Им воздаянье за буйную жизнь и за дерзость, с какою
Здесь, не стыдяся, они расхищают чужое богатство!»
Так говорили о многом они в откровенной беседе.
К ним подошел козовод, за козами смотрящий, Меланфий;
Коз, меж отборными взятых из стада, откормленных жирно,
В город пригнал он, гостям на обед; с ним товарищей было
Двое. И, коз привязавши под кровлей сеней многозвучных,
Так Одиссею сказал, им ругаяся, дерзкий Меланфий:
«Здесь ты еще, неотвязный бродяга; не хочешь, я вижу,
Дать нам вздохнуть; мой совет: убирайся отсюда скорее;
Иль и со мной у тебя напоследок дойдет до расправы;
Можешь тогда и моих кулаков ты отведать; ты слишком
Стал уж докучен; не в этом лишь доме бывают обеды».
Кончил. Ему Одиссей ничего не ответствовал; только
Молча потряс головою и страшное в сердце помыслил.
Третий тут главный пастух подошел к ним, коровник Филойтий;
Коз он отборных привел с нетелившейся, жирной коровой.
В город же их привезли на судах перевозчики, всех там,
Кто нанимал их, возившие морем рабочие люди.
Коз и корову Филойтий оставил в сенях многозвучных;
Сам же, приблизясь к Евмею, спросил у него дружелюбно:
«Кто чужеземец, тобою недавно, Евмей, приведенный
В город? К какому себя причисляет он племени? Где он
Дом свой отцовский имеет? В какой стороне он родился?
С виду он бедный скиталец, но царственный образ имеет.
Боги бездомно-бродящих людей унижают жестоко;
Но и могучим царям испытанья они посылают».
Тут к Одиссею, приветствие правою сделав рукою,
Ласково он обратился и бросил крылатое слово:
«Радуйся, добрый отец чужеземец; теперь нищетою
Ты удручен – но пошлю наконец и тебе изобилье
Боги. О Зевс! Ты безжалостней всех, на Олимпе живущих!
Нет состраданья в тебе к человекам; ты сам, наш создатель,
Нас предаешь беспощадно беде и грызущему горю.
Потом прошибло меня и в глазах потемнело, когда я
Вспомнил, взглянув на тебя, о царе Одиссее: как ты, он,
Может быть, бродит в таких же лохмотьях, такой же бездомный.
Где он, несчастный? Еще ли он видит сияние солнца?
Или его уж не стало и в область Аида сошел он?
О благодущный, великий мой царь! Над стадами коров ты
Здесь в стороне кефаленской меня молодого поставил;
Много теперь расплодилось их; нет никого здесь другого,
Кто бы имел столь великое стадо коров крепколобых.
Горе! Я сам приневолен сюда их водить на пожранье
Этим грабителям. Сына они притесняют в отцовом
Доме; богов наказание не страшно им; между собою
Все разделить уж богатство царя отдаленного мыслят.
Часто мне замысел в милое сердце приходит (хотя он,
Правду сказать, и не вовсе похвален в доме наследник),
Замысел в землю чужую со стадом моим, к иноземным
Людям уйти. Несказанное горе мне, здесь оставаясь,
Царских прекрасных коров на убой отдавать им; давно бы
Эту покинул я землю, где столько неправды творится,
Стадо уведши с собою, к иному царю перешел бы
В службу – но верится все мне еще, что воротится в дом свой
Он, наш желанный, и всех их, грабителей, разом погубит».
Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
«Видно, порода твоя не простая, мой честный коровник;
Сердцем, я вижу, ты верен и здравый имеешь рассудок;
Радость за то объявляю тебе и клянуся великой
Клятвой, Зевесом-отцом, гостелюбною вашей трапезой,
Также святым очагом Одиссеева дома клянуся
Здесь, что еще ты отсюда уйти не успеешь, как сам он
Явится; можешь тогда ты своими глазами увидеть,
Если захочешь, какой с женихами расчет поведет он».
Кончил. Ему отвечал пастухов повелитель Филойтий:
«Если ты правду сказал, иноземец (и дий да исполнит
Слово твое), то и я, ты увидишь, не празден останусь».

Тут и Евмей, свинопас благородный, богов призывая,
Стал их молить, чтоб они возвратили домой Одиссея.
Так говорили о многом они, от других в отдаленье.
Тою порою женихи, согласившись предать Телемаха
Смерти, сходились; но в это мгновение слева поднялся
Быстрый орел, и в когтях у него трепетала голубка.
Знаменьем в страх приведенный, сказал Амфином благородный:
«Замысел наш умертвить Телемаха, друзья, по желанью
Нам не удастся исполнить. Подумаем лучше о пире».
Так он сказал; подтвердили его предложенье другие.
Все они вместе пошли и, когда в Одиссеев вступили
Дом, положивши на гладкие кресла и стулья одежды,
Начали крупных баранов, откормленных коз и огромных,
Жирных свиней убивать; и корову зарезали также.
Были изжарены прежде одни потроха, и в кратеры
Влило с водою вино. Свинопас двоеручные кубки
Подавал, потом и в прекрасных корзинах коровник филойтий
Хлебы разнес; а Меланфий вином благовонным наполнил
Кубки. И подняли руки они к приготовленной пище.
Но Одиссею, с намереньем хитрым в уме, на пороге
Двери широкой велел Телемах поместиться; подвинув
К ней небольшую простую скамейку и низенький столик,
Часть потрохов он принес, золотой благовонным наполнил
Кубок вином и, его подавая, сказал Одиссею:
«Здесь ты сиди и вином утешайся с моими гостями,
Новых обид не страшась; рукам женихов я не дам уж
Воли; мой дом не гостиница, где произвольно пирует
Всякая сволочь, а дом Одиссеев, царево жилище.
Вы ж, женихи, воздержите язык свой от слов непристойных,
Также и воли рукам не давайте; иль будет здесь ссора».
Так он сказал. Женихи, закусивши с досадою губы,
Смелым его пораженные словом, ему удивлялись.
Но, обратясь к женихам, Антиной, сын Евпейтов, воскликнул:
«Как ни досадно, друзья, Телемахово слово, не должно
К сердцу его принимать нам; пускай он грозится! Давно бы,
Если б тому не препятствовал вечный Кронион, его мы
Здесь упокоили – стал он теперь говорун нестерпимый».
Кончил; но слово его Телемах без вниманья оставил.
В это время народ через город с глашатаем жертву
Шел совершать: в многотенную рощу метателя верных
Стрел Аполлона был ход густовласых ахейн направлен.
Те же, изжарив и с вертелов снявши хребтовое мясо,
Роздали части и начали пир многославный. Особо
Тут принесли Одиссею проворные слуги такую ж
Мяса подачу, какую имели и сами; то было
Так им приказано сыном его, Телемахом разумным.
Тою порою Афина сама женихов возбуждала
К дерзко-обидным поступкам, дабы разгорелось сильнее
Мщение в гневной душе Одиссея, Лаэртова сына.
Там находился один, от других беззаконной отличный
Дерзостью, родом из Зама; его называли Ктесиппом.
Был он несметно богат и, гордясь богатством, замыслил
Спорить с другими о браке с женою Лаэртова сына.
Так, к женихам обратясь, сказал им Ктесипп многобуйный:
«Выслушать слово мое вас, товарищи, я приглашаю:
Мяса, как следует, добрую часть со стола получил уж
Этот старик – и весьма б непохвально, неправедно было,
Если б гостей Телемаховых кто их участка лишал здесь.
Я ж и свою для него приготовил подачу, чтоб мог он
Что-нибудь дать за купанье рабыне иль должный подарок
Сделать кому из рабов, в Одиссеевом доме живущих».
Тут он, схвативши коровью, в корзине лежавшую ногу,
Сильно ее в Одиссея швырнул; Одиссей, отклонивши
Голову вбок, избежал от удара; и страшной улыбкой
Стиснул он губы; нога ж, пролетевши, ударила в стену.
Грозно взглянув на Ктесиппа, сказал Телемах раздраженный:
«Будь благодарен Зевесу, Ктесипп, что удар не коснулся
Твоей головы чужеземца: он сам от него отклонился;

Иначе острым копьём повернее в тебя бы попал я;
Стал бы не брак для тебя – погребенье отец твой готовить.
Всем говорю вам: отныне себе непристойных поступков
В доме моем позволять вы не смейте; уж я не ребенок,
Все уж теперь понимаю; все знаю, что надобно делать.
Правда, еще принужден я свидетелем быть терпеливым
Здесь истребленья баранов, и коз, и вина, и богатых
Наших запасов, – я с целой толпою один не управлюсь;
Новых обид мне, однако, я вам не советую делать;
Если ж намеренье ваше меня умертвить, то, конечно,
Будет пристойней, чтоб, в доме моем пораженный, я встретил
Смерть там, чем зрителем был беззаконных поступков и видел,
Как обижают моих в нем гостей, как рабынь принуждают
Злым угождать вожделям в священных обителях царских».
Так он сказал; все кругом неподвижно хранили молчанье.
Но Агелай, сын Дамасторов, так отвечал напоследок:
«Правду сказал он, друзья; на разумное слово такое
Вы не должны отвечать оскорбленьем; не трогайте боле
Старого странника; также оставьте в покое и прочих
Слуг, обитающих в доме Лаэрта славного сына.
Я ж Телемаху и матери светлой его дружелюбно
Добрый и, верно, самим им угодный совет предложу здесь:
В сердце своем вы доньше питали надежду, что боги,
Вашим молитвам внимая, домой возвратят Одиссея;
Было доньше и нам невозможно на медленность вашу
Сетовать, так поступать вам советовал здравый рассудок
(Мог после брака внезапно в свой дом Одиссей возвратиться);
Ныне ж сомнения нет нам: мы знаем, что он невозвратен.
Матери умной своей ты теперь, Телемах благородный,
Должен сказать, чтоб меж нами того, кто щедрей на подарки,
Выбрала. Будешь тогда ты свободно в отеческом доме
Жить; а она о другом уж хозяйстве заботиться станет».
Кротко ему отвечал рассудительный сын Одиссеев:
«Нет, Агелай, я Зевесом-отцом и судьбой Одиссея
(Что бы с ним ни было: жив ли, погиб ли) клянусь перед всеми
Вами, что матери в брак не мешаю вступить, что напротив,
Сам убеждаю ее по желанию выбрать, и много
Дам ей подарков; но из дома выслать ее по неволе
Я и помыслить не смею – то Зевсу не будет угодно».
Так говорил Телемах. В женихах несказанный Афина
Смех пробудила, их сердце смутив и рассудок расстроив.
Дико они хохотали; и, лицами вдруг изменившись,
Ели сырое, кровавое мясо; глаза их слезами
Все затуманились; сердце их тяжелой зануло тоскою.
Феоклимен богоравный тогда поднялся и сказал им:
«Вы, злополучные, горе вам! Горе! Невидимы стали
Головы ваши во мгле и невидимы ваши колена;
Слышен мне стон ваш, слезами обрызганы ваши ланиты.
Стены, я вижу, в крови; с потолочных бежит перекладин
Кровь; привиденьями, в бездну Эреба бегущими, полны
Сени и двор, и на солнце небесное, вижу я, всходит
Страшная тень, и под ней вся земля покрывается мраком».
Так он сказал им. Безумно они хохотать продолжали.
Тут говорить женихам Евримах, сын Полибиев, начал:
«Видно, что этот, друзья, чужеземец в уме помешался;
На площадь должно его проводить нам, пусть выйдет на свежий
Воздух, когда уж ему так ужасно темно здесь в палате».
Феоклимен богоравный сказал, обратись к Евримаху:
«Нет, Евримах, в провожатых твоих не имею я нужды;
Две есть ноги у меня, и глаза есть и уши; рассудок
Мой не расстроен, и память свою я еще не утратил.
Сам убегу я отсюда; я к вам подходящую быстро
Слышу беду; ни один от нее не уйдет; не избегнет
Силы ее никоторый из вас, святотатцев, губящих
Дом Одиссеев и в нем беззаконного много творящих».
Так он сказал, и, поспешно палату покинув, к Пирею
Прямо пошел, и Пирею был с прежнею ласкою принят.
Тою порой, поглядевши с насмешкой один на другого,

Начали все Телемаха дразнить женихи, над гостями
Дома его издеваясь, и так говорили иные:
«Друг Телемах, на отбор негодяи тебя посещают;
Прежде вот этот нечистый пожаловал в дом твой бродяга,
Хищник обеденных крох, ни в какую работу не годный,
Слабый, гнилой старичишка, земли бесполезное бремя;
Гость же другой помешался и начал беспутно пророчить.
Выслушай лучше наш добрый совет, Телемах многомудрый:
Дай нам твоих благородных гостей на корабль крутобокий
Бросить, к сикелам отвезть и продать за хорошие деньги».
Так говорили они; Телемах, их словам не внимавший,
Молча смотрел на отца, дожидаясь спокойно, чтоб подал
Знак он, когда начинать с беззаконною шайкой расправу.
В горнице ближней на креслах богатых в то время сидела
Многоразумная старца Икария дочь Пенелопа;
Было ей слышно все то, что в собранье гостей говорилось.
Весел беспечно, и жив разговором, и хохотом шумен
Был их обед, для которого столько настряпали сами;
Но никогда, и нигде, и никто не готовил такого
Ужина людям, какой приготовил с Палладою грозный
Муж для незваных гостей, беззаконных ругателей правды.
Песнь двадцать первая

Тридцать девятый день
Пенелопа приносит лук и стрелы Одиссеевы; при виде их Евмей и Филойтий проливают
слезы; Антиной насмехается над ними. Телемах устанавливает жерди для стрельбы и
пытается натянуть лук; Одиссей подает ему знак, чтобы он его оставил. Женихи
напрасно стараются натянуть его. Одиссей открывает себя Евмею и Филойтию; они
приготавливаются к умерщвлению женихов. После неудачного Евримахова опыта натянуть
лук Антиной предлагает отложить стрельбу до другого дня. Одиссей просит, чтоб
ему позволили сделать опыт; женихи тому противятся; но, по приказанию Телемаха,
лук подан Одиссею; он его натягивает, стреляет и попадает в цель.

Дочь светлоокая Зевса Афина вселила желанье
В грудь Пенелопы, разумной супруги Лаэртова сына,
Лук женихам Одиссеев и грозные стрелы принесши,
Вызвать к стрельбам в цель их и тем приготовить им гибель.
Вверх по ступеням высоким поспешно взшла Пенелопа;
Мягкоодутлой рукою искусственно выгнутый медный
Ключ с рукояткою из кости слоновой доставши, царица
В дальнюю ту кладовую пошла (и рабыни за нею),
Где Одиссеевы все драгоценности были хранимы:
Золото, медь и железная утварь чудесной работы.
Там находился и тугосгибаемый лук и набитый
Множеством стрел бедоносных колчан. Подарен Одиссею
Этот был лук со стрелами давно в Лакедемоне гостем
Ифитом, богоподобного Еврита сыном. Они же
Встретились прежде друг с другом в Мессене, где нужно обоим
Дом посетить Ортилоха разумного было. В Мессене
Тяжбу с гражданами вел Одиссей. Из Итаки мессенцы
Мелкого много скота увели; с пастухами оттуда
Триста быков круторогих разбойничье судно украло.
Их Одиссей там отыскивал; юноша, свежести полный,
Был он в то время; его же послали отец и геронты.
Ифит отыскивал также пропажу: коней и двенадцать
Добрых жеребых кобыл и могучих работников мулов.
Ифиту иск удался; но погибелью стала удача:
К сыну Зевесову, славному крепостью силы великой
Мужу, Гераклу, свершителю подвигов чудных, пришел он, –
В доме своем умертвил им самим приглашенного гостя
Зверский Геракл, посрамивши Зевесов закон и накрытый
Им гостелюбно для странника стол, за которым убийство
Он совершил, чтоб коней громозвучнокопытных присвоить.
Ифит, в Мессену за ними пришед, Одиссея там встретил.
Евритов лук он ему подарил; умирая, великий
Еврит тот лук злополучному сыну в наследство оставил.
Ифита острым мечом и копьем одарив длиннотенным,
Гостем остался ему Одиссей; но за стол пригласить свой
Друга не мог: прекратил сын Зевесов, Геракл беспощадный,

Жизнь благородному Ифиту, Еврита славного сыну,
Давшему лук Одиссею и стрелы. И не брал с собою
Их никогда Одиссей на войну в корабле чернобоком:
Память о госте возлюбленном верно храня, их берег он
В доме своем; но в отечестве всюду имел при себе их.
Близко к дверям запертым кладовой подошед, Пенелопа
Стала на гладкий дубовый порог (по снуру обтесавши
Брус, тот порог там искусно уладил строитель, дверные
Притолки в нем утвердил и на притолки створы навесил);
С скважины снявши замочной ее покрывавшую кожу,
Ключ свой вложила царица в замок; отодвинув задвижку,
Дверь отперла; завизжали на петлях заржавевших створы
Двери блестящей; как дико мычит выгоняемый на луг
Бык круторогий – так дико тяжелые створы визжали.
Взлезши на гладкую полку (на ней же ларцы с благовонной
Были одеждой), царица, поднявшись на цыпочки, руку
Снять Одиссеев с гвоздя ненатянутый лук протянула;
Бережно был он обвернут блестящим чехлом; и, доставши
Лук, на колена свои положила его Пенелопа;
Сев с ним и вынув его из чехла, зарыдала, и долго,
Долго рыдала она; напоследок, насытившись плачем,
Медленным шагом пошла к женихам многобуйным в собрание,
Лук Одиссеев, сгибаемый туго, неся и великий
Тул, медноострыми быстросмертельными полный стрелами.
Следом за ней принесен был рабынями ящик с запасом
Меди, железа и с разного утварью бранной. Царица,
В ту палату вступив, где ее женихи пировали,
Подле столба, потолок там высокий державшего, стала,
Щеки закрывши свои головным покрывалом блестящим;
Справа и слева почтительно стали служанки. И, слово
К буйным своим женихам обратив, Пенелопа сказала:
«Слушайте все вы, мои женихи благородные: дом наш
Вы разоряете, в нем на пиры истребляя богатство
Мужа, давно разлученного с милой отчизною; права
Нет вам на то никакого; меня лишь хотите принудить
Выбрать меж вами, на брак согласясь ненавистный, супруга.
Можете сами теперь разрешить вы мой выбор. Готова
Быть я ценою победы. Смотрите, вот лук Одиссеев;
Тот, кто согнет, навязав тетиву, Одиссеев могучий
Лук, чья стрела пролетит через все (их не тронув) двенадцать
Колец, я с тем удалюсь из этого милого дома,
Дома семейного, светлого, многобогатого, где я
Счастье нашла, о котором и сонная буду крушиться».
С сими словами велела она свинопасу Евмею
Лук Одиссеев и стрелы подать женихам благородным.
Взрыд он заплакал, принявши его; к женихам он пошел с ним;
Лук Одиссеев узнав, зарыдал и коровник Филойтий.
К ним обратясь обоим, сказал Антиной, негодуя:
«Вы, деревенщина грубая, только одним ежедневным
Занят ваш ум! Отчего вы расплакались? Горе ль усилить
В сердце хотите своей госпожи? И без вас уж довольно
Скорбью томится она бесполезною в долгой разлуке
С мужем; сидите же тихо и ешьте; а если хотите
Плакать, уйдите отсюда, оставя и лук ваш и стрелы
Нам, женихам, на решительный бой. Сомневаюсь, однако,
Я, чтоб легко натянул кто такой несказанно упорный
Лук. Много сильного мужа такого, каков Одиссей был,
Нет между нами. Его я в то время видал – и поныне
Помню о нем, хоть тогда и ребенком еще был неумным».
Так говоря про других, про себя уповал он, что сладит
С луком, натянет легко тетиву и все кольца прострелит.
Бедный слепец, он не думал, что первую жертвою будет
Стрел Одиссея, который им в собственном доме так дерзко
Был оскорблен, на которого там и других возбуждал он.
Тут к женихам обратясь, им сказал Телемах богоравный:
«Горе! Конечно, мой разум привел в беспорядок Кронион!
Милая мать, столь великим умом одаренная, слышу,
Здесь говорит, что с супругом другим соглашается светлый

Дом мой покинуть; и я, тем довольный, смеюсь, как безумец.
Час наступил; женихи, приготовьтесь к последнему делу.
В целой ахейской земле вы такой не найдете невесты –
Где б ни искали, в священном ли Пилосе, или в Аргосе,
или в Микенах, или в нашей Итаке, или там, на пространстве
Черной земли матерой, – но хвала не нужна; вы довольно
Знаете сами; пора начинать нам свой опыт; берите
Лук Одиссеев и силу свою окажите на деле.

Я ж и себя самого испытанью хочу здесь подвергнуть.
Если удастся мне лук натянуть и стрелою все кольца
Метко пробить, удаление матери милой из дома
С мужем другим и мое одиночество будут сноснее
Мне, уж владеть небессильному луком отца Одиссея».
Кончив, он с плеч молодых пурпуровую мантию сбросил;
Встал и, с мечом медноострым блестящую перевязь снявши,
жерди в глубоких для каждой особенно вырытых ямках,
их по шнуру уравнивая, утвердил; основанья ж, чтоб прямо
Все, не шатаясь, стояли, землей отоптал. Все дивились,
как он искусно порядок, ему незнакомый, устроил.
Стал Телемах у порога дверей и, схватив Одиссеев
Лук, попытался на нем натянуть тетиву; и погнул он
Трижды его, но, упорствуя, трижды он вновь разогнулся.
Им овладеть, нацепив тетиву, уповая, в четвертый
Раз он готов был с удвоенной силой приняться за дело;
Но Одиссеем по слову кивнул головой; отложивши
Труд, обратился к отцу и сказал Телемах богоравный:
«Горе мне! Видно, я слабым рожден и останусь бессильным
Вечно; я молод еще и своею рукой не пытался
Дерзость врага наказать, мне нанесшего злую обиду.
Ваша теперь черед, женихи, вы сильнее; пусть каждый
Лук Одиссеев возьмет и свершить попытается подвиг».
Так говоря, ненатянутый лук опустил он на землю,
К гладкой дверной половинке его прислонивши; но рядом
С ним и стрелу перьяную он к ручке замочной приставил.
Сел он на стул свой потом, к женихам возвратяся беспечно.
Тут, обратись к женихам, Антиной, сын Евпейтов, сказал им:
«С правой руки подходите один за другим вы, начавши
С места, откуда вино подносить на пиру начинают».
Так Антиной предложил, и одобрили все предложение.
Первый, поднявшийся с места, пошел Леодей, сын Еинопов,
Жертвогадатель их был он и подле кратеры на самом
Кraе стола за обедом садился. Их буйство противно
Было ему; и нередко он их порицал, негодуя.
Первый он должен был взяться за лук роковой, наблюдая
Очередь. Став у порога дверей, он схватил Одиссеев
Лук; но его и погнуть он не мог; от напрасных усилий
Слабые руки его онемели. Он с горем воскликнул:
«Нет! Не по силам мне лук Одиссеев; другой попытайся
Крепость его одолеть; но у многих мужей знаменитых
Душу и жизнь он возьмет. И, конечно, желаннее встретить
Смерть, чем живому скорбеть о утрате того, что так сильно
Нас привлекало вседневно сюда чародейством надежды.
Все мы теперь уповаем, во всех нас пылает желанье
Брак заключить с Пенелопой, женой Одиссея; но каждый,
Лук испытывав Одиссеев и силу над ним утомивши,
С горем в душе принужден за другую ахейскую деву
Свататься будет, подарки свои расточая; она же
Выберет доброю волей того, кто щедрей и приятней».
Так говоря, ненатянутый лук опустил он на землю,
К гладкой дверной половинке его прислонивши; но рядом
С ним и стрелу перьяную он к ручке замочной приставил.
Сел он на стул свой потом, к женихам возвратяся беспечно.
Гневно к нему обратившись, сказал Антиной, сын Евпейтов:
«Странное слово из уст у тебя, Леодей, излетело,
Слово печальное, страшное; слышать его мне противно.
Душу и жизнь говоришь ты, у многих людей знаменитых
Лук Одиссеев возьмет, потому что его не способен
Ты натянуть. Но бессильным от матери был благородной

Ты, без сомненья, рожден, не могучим властителем лука;
Многие будут в числе женихов, без сомненья, способней
Сладить с ним». Кончил. Потом, козоведа Меланфия кликнув,
«Слушай, Меланфий, – сказал, – здесь огонь ты разложишь; к огню же
Близко поставишь покрытую мягкой овчиной скамейку;
Жирного сала потом принесешь нам укруг, чтоб могли мы
Им, на огне здесь его разогревши, помазывать крепкий
Лук Одиссеев: тогда он удобней натянут быть может». Так он сказал. И Меланфий, огонь разложив превеликий,
Близко поставил скамейку, покрытую мягкой овчиной;
Сала принес напоследок укруг; и, растаявши сало,
Начали мазать им лук женихи; но из них некоторый
Лука не мог и немного погнуть – несказанно был туг он;
Взяться за опыт тогда в свой черед Антиной с Евримахом
Были должны, меж другими отличные мужеской силой.
В это мгновение, разом поднявшись, из дома вместе
Вышли Евмей-свинопас и коровник Филойтий; за ними
Следуя, залу покинул и царь Одиссей; он, широкий
Двор перейдя, за ворота двустворные вышел. Позвавши
Там их обоим, он ласково-сладкую речь обратил к ним:
«Верные слуги, Евмей и Филойтий, могу ль вам открыться?
Или мне лучше смолчать? Но меня говорить побуждает
Сердце. Ответствуйте: что бы вы сделали, если б внезапно,
Демоном вдруг приведенный каким, Одиссей, господин ваш,
Здесь вам явился? К нему ль, к женихам ли тогда б вы пристали?
Прямо скажите мне все, что велит вам рассудок и сердце». Кончил. Ему отвечал простодушный коровник Филойтий:
«Царь наш Зевес, о, когда бы на наши молитвы ты отдал
Нам Одиссея! Да благостный демон его к нам проводит!
Сам ты увидишь тогда, что и я не остануся празден». Тут и Евмей, свинопас благородный, богов призывая,
Стал их молить, чтоб они возвратили домой Одиссея.
В верности сердца и в доброй их воле вполне убедясь,
Так им обоим сказал наконец Одиссей богоравный:
«Знайте же, я Одиссей, претерпевший столь много напастей,
В землю отцов приведенный по воле богов через двадцать
Лет. Но я вижу, что здесь из рабов моего возвращенья
Только вы двое желаете; я не слыхал, чтоб другой кто
Здесь помолился богам о свидании скором со мною.
Слушайте ж, вам расскажу обо всем, что случиться должно здесь:
Если мне Дий истребить женихов многобуйных поможет,
Вам я обоим найду по невесте, приданое каждой
Дам и построю вам дома вблизи моего, и, как братья,
Будете жить вы со мною и с сыном моим Телемахом.
Вам же и признак могу показать, по которому ясно
Вы убедитесь, что я Одиссей: вот рубец, вам знакомый;
Вепрем, вы помните, был я поранен, когда с сыновьями
Автоликона охотой себя забавлял на Парнасе». Так говоря, он колено открыл, распахнувши тряпицы
Рубища. Те ж, рассмотревши прилежно рубец, им знакомый,
Начали плакать; и, крепко обняв своего господина,
Голову, плечи, и руки, и ноги его целовали.
Головы их со слезами и он целовал, и за плачем
Их бы могло там застать захождение солнца, когда бы
Им не сказал Одиссей, успокоившись первый: «Отрите
Слезы, чтоб, из дому вышедши, кто не застал вас, так горько
Плачущих: тем преждевременно тайна откроется наша.
Должно, чтоб снова – один за другим, а не вместе – вошли мы
В залу, я первый, вы после. И ждите, чтоб мной был вам подан
Знак. Женихи многобуйные, думаю я, не позволят
В руки мне взять там мой лук и колчан мой, набитый стрелами;
Ты же, Евмей, не дождавшись приказа, и лук и колчан мне
Сам принеси. И потом ты велишь, чтоб рабыни немедля
Заперли в женские горницы двери на ключ и чтоб, если
Шум иль стенанье в столовой послышится им, не посмела
Тронуться с места из них ни одна, чтоб спокойно сидели
Все, ни о чем не заботясь и делом своим занимаясь.
Ты же, Филойтий, возьми ворота на свое попеченье.

Крепко запри их на ключ и ремнем затяни их задвижку». Так говорил Одиссей им. Он, в двери столовой вступивши, Сел там опять на оставленной им за минуту скамейке. После явились один за другим свинопас и Филойтий. Лук Одиссеев держал Евримах и его над пылавшим Жарко огнем поворачивал, грея. Не мог он, однако, Крепость его победить. Застонало могучее сердце; Голос возвысив, кипящий досадой, он громко воскликнул: «Горе мне! Я за себя и за вас, сокрушенный, стыжуся: Нет мне печали о том, что от брака я должен отречься, – Много найдется прекрасных ахейских невест и в Итаке, Морем объятой, и в разных других областях кефаленских. Но столь ничтожными крепостью быть с Одиссеем в сравненье – Так, что из нас ни один и немного погнуть был не в силах Лука его, – то стыдом нас покроет и в позднем потомстве». Но Антиной, сын Евпейтов, воскликнул, ему возражая: «Нет, Евримах благородный, того не случится, и в этом Сам ты уверен. Народ Аполлонов великий сего дня Празднует праздник: в такой день натягивать лук неприлично; Спрячем же лук; а жердей выносить нам не нужно отсюда. Пусть остаются; укрась их, конечно, никто из живущих В доме царя Одиссея рабов и рабынь не помыслит. Нам же опять благовонным вином пусть наполнит глашатай Кубки, а лук Одиссеев запрем, совершив возлиянье. Завтра поутру пускай козовод, наш разумный Меланфий, Коз приведет нам отборных, чтоб здесь принести Аполлону, Лука сгибателю, бедра их в жертву. Согнуть он поможет Лук Одиссеев; и силы над ним не истратим напрасно». Так предложил Антиной, и одобрили все предложенье. Тут для умывания рук им глашатаи подали воду; Отроки, светлым кратеры до края наполнив напитком, В чашах его разнесли, по обычаю справа начавши; Вкусным питьем насладились они, сотворив возлиянье. Хитрость замыслив, тогда им сказал Одиссей многоумный: «Слух ваш ко мне, женихи Пенелопы, склоните, дабы я Высказать мог вам все то, что велит мне рассудок и сердце. Вот вам – тебе, Евримах, и тебе, Антиной богоравный, Столь рассудительно дело решившие, – добрый совет мой: Лук отложите, на волю бессмертных предав остальное; Завтра решит Аполлон, кто из вас победителем будет; Мне же отведать позвольте чудесного лука; узнать мне Дайте, осталось ли в мышцах моих изнуренных хоть мало Силы, меня оживлявшей в давнишнее младости время, Или я вовсе нуждой и бродячим житьем уничтожен». Кончил. Но просьбы его не одобрил никто. Испугался Каждый при мысли, что с гладкоблистающим луком он сладит. Слово к нему обративши, сказал Антиной, сын Евпейтов: «Что ты, негодный бродяга? Не вовсе ль рассудка лишился? Мало тебе, что спокойно, допущенный в общество наше, Здесь ты пируешь, обедая с нами, и все разговоры Слушаешь наши, чего никогда здесь еще никакому Нищему не было нами позволено? Все недоволен! Видно, твой ум отуманен медвяным вином; от вина же Всякий, его неумеренно пьющий, безумеет. Был им Некогда Евритион, многославный кентавр, обезумлен. В дом Пирифоя, великою славного силой, вступивши, Праздновал там он с лапифами; разума пьянством лишенный, Буйствовать зверски он вдруг принялся в Пирифоевом доме. Все раздражались лапифы; покинув трапезу, из залы Силой его утащили на двор и нещадною медью Уши и нос обрубил они у него; и рассудка Вовсе лишенный, кентавр убежал, поношеньем покрытый. Злая зажглась от того у кентавров с лапифами распря; Он же от пьянства там первый плачевную встретил погибель. Так и с тобою случится, бродяга бессмысленный, если Этот осмелиться лук натянуть; не молвою прославлен Будешь ты в области нашей; на твердую землю ты будешь К злому Эхету-царю, всех людей истребителю, сослан;

Там уж ничем не спасешься от гибели жалкой. Сиди же
Смирно и пей; и на старости силой не спорь с молодыми».
Он замолчал. Возражая, сказала ему Пенелопа:
«Нет, Антиной, непохвально б весьма и несправедно было,
Если б гостей Телемаховых кто здесь лишал их участка.
Или ты мыслишь, что этот старик, натянувши великий
Лук Одиссеев, на силу свою полагаясь, помыслит
Мной завладеть и свою безрассудно мне руку предложит?
Это, конечно, ему не входило и сонному в мысли;
Будьте ж спокойны и доле таким опасеньем не мучьте
Сердца – ни вздумать того, ни на деле исполнить невозможно».
Тут Евримах, сын Полибиев, так отвечал Пенелопе:
«О многоумная старца Икария дочь Пенелопа,
Мы не боимся, чтоб дерзость такую замыслил он, – это
Вовсе несбыточно; мы лишь боимся стыда, мы боимся
Толков, чтоб кто не сказал меж ахейцами, низкий породой:
„Жалкие люди они! За жену беспорочного мужа
Вздумали свататься; лука ж его натянуть не умеют.
Вот посетил их наш брат побродяга, покрытый отрепьем;
Легкой рукой тетиву натянул и все кольца стрелю
Метко пробил он“. Так скажут. И будет нам стыд нестерпимый».
Кончил. Разумная старца Икария дочь возразила:
«Нет, Евримах, на себя порицанье и стыд навлекают
Люди, которые дом и богатства отсутственных грабят,
Правду забывши; а тут вам стыда никакого не будет;
Этот же странник, и ростом высокий и мышцами сильный,
Родом не низок: рожден, говорит он, отцом знаменитым.
Дайте же страннику лук Одиссеев – увидим, что будет.
Слушайте также (и то, что скажу я, исполнится верно),
Если натянет он лук и его Аполлон тем прославит,
Мантию дам я ему, и красивый хитон, и подошвы
Ноги обуть; дам копьё на собак и на встречу с бродягой;
Также и меч он получит, с обеих сторон заостренный,
После и в сердце желанную землю его я отправлю».
Ей возражая, сказал рассудительный сын Одиссеев:
«Милая мать, Одиссеевым луком не может никто здесь
Властвовать: дать ли, не дать ли его, я один лишь на это
Право имею – никто из живущих в гористой Итаке
Иль на каком острове, с многоконной Элидою смежном.
Если придет мне на ум, здесь никто запретить мне не может
Страннику стрелы и лук подарить и унести их позволить.
Но удались: занимайся, как должно, порядком хозяйства,
Пряжей, тканьем; наблюдай, чтоб рабыни прилежны в работе
Были; судить же о луке не женское дело, а дело
Мужа, и ныне мое: у себя я один повелитель».
Так он сказал; изумясь, обратно пошла Пенелопа;
К сердцу слова многоумные сына приняв и в покое
Верхнем своем затворяся, в кругу приближенных служанок
Плакала горько она о своем Одиссее, куда
Сладкого сна не свела ей на очи богиня Афина.
Тою порою, взяв стрелы и лук, свинопас к Одиссею
С ними пошел. На него всей толпой женихи закричали.
Так говорили одни из ругателей дерзко-надменных:
«Стой, свинопас бестолковый! Куда ты бредешь, как безумный,
С луком? Ты будешь своим же собакам, которых вскормил здесь
Сам, чтоб свиней сторожить, на съедение выброшен, если
Нам Аполлон и блаженные боги даруют победу».
Так говорили они. Свинопас, оглушенный их криком,
Лук, оробев, уж готов был поставить на прежнее место;
Но Телемах, на него погрозясь, разгневанный крикнул:
«С луком сюда! Ты, Евмей, ошалел; уж не хочешь ли воле
Всех угождать? Не трудись, иль тебя, хоть и стар ты, я в поле
Камнями сам провожу: молодой старика одолеет.
Если бы силой такой я один одарен был, какую
Все совокупно имеют они, женихи Пенелопы,
В страхе тогда по своим бы домам разбежались разом
Все они, в доме моем беззаконий творящие много».
Так он сказал им. Они неописанный подняли хохот.

В сердце, однако, у них на него присмирела досада. Волю его исполняя, Евмей, через залу прошедши, Лук и колчан со стрелами вручил Одиссею; потом он, кликнув усердную няню его Евриклею, сказал ей: «Слушай, тебе повелел Телемах, чтоб рабыни немедля Заперли в женские горницы двери на ключ и чтоб, если Шум иль стенанье в столовой послышится им, не посмела Тронуться с места из них ни одна, чтоб спокойно сидели Все, ни о чем не заботясь и делом своим занимаясь». Кончил. Не мимо ушей Евриклеи его пролетело Слово. Все двери тех горниц, где жили служанки, замкнула Тотчас она; а Филойтий, покинув украдкою залу, Вышел на двор, обнесенный оградой, и запер ворота; Был там в сенях корабельный пеньковый канат; им связал он Крепко затвор у ворот и, в столовую снова вступивши, Сел там опять на оставленной им за минуту скамейке, Очи вперив в Одиссея, который, в руках обращая Лук свой туда и сюда, осторожно рассматривал, целы ль Роги и не было ль что без него в них попорчено червем. Глядя друг на друга, так женихи меж собой рассуждали: «Видно, знаток он и с луком привык обходиться; быть может, Луки работает сам и, имея уж лук, начатой им Дома, намерен его по образчику этого сладить; Видите ль, как он, бродяга негодный, его разбирает?» «Но, – отвечали другие насмешливо первым, – удастся Опыт, уж верно, ему! И всегда пусть такую ж удачу Встретит во всем он, как здесь, с Одиссеевым сладивши луком». Так женихи говорили, а он, преисполненный страшных Мыслей, великий осматривал лук. Как певец, приобывший Цитрю звонкой владеть, начинать песнопенье готовясь, Строит ее и упругие струны на ней, из овечьих Свитые тонко-тягучих кишек, без труда напрягает – Так без труда во мгновение лук непокорный напруг он. Крепкую правой рукой тетиву потянувши, он ею Щелкнул: она провизжала, как ласточка звонкая в небе. Дрогнуло сердце в груди женихов, и в лице изменились Все – тут ужасно Зевес загремел с вышины, подавая Знак; и живое веселие в грудь Одиссея проникло: В громе Зевесовом он предвещанье благое услышал. Быструю взял он стрелу, на столе от него недалеко Вольно лежавшую; прочие ж заперты в тесном колчане Были – но скоро их шум женихам надлежало услышать. К луку притиснув стрелу, тетиву он концом оперенным, Сидя на месте своем, натянул и, прицеляясь, в кольца Выстрелил, – быстро от первого все до последнего кольца, Их не задев, пронизала стрела, заощренная медью. Тут, обратясь к Телемаху, воскликнул стрелец богоравный: «Видишь, что гость твой тебе, Телемах, не нанес посрамленья. В цель я попал; да и лук натянуть Одиссеев не много Было труда мне. Еще не совсем я, скитаясь, утратил Силы, хотя женихи и ругаются мной беспощадно. Должно, однако, покуда светло, угощенье иное Им приготовить; и пение с звонкою цитрой, душою Пира, на новый, теперь им приличнейший, лад перестроить». Так он сказал и бровями повел. Телемах богоравный Понял условленный знак; он немедля свой меч опоясал, В руки схватил боевое копье и за стулом отцовым Стал, ко всему изготоясь, оружием медным блестящий. Песнь двадцать вторая Тридцать девятый день Одиссей убивает Антиноя, открывается женихам и отвергает мирное предложение Евримаха. Телемах приносит сверху оружия; он забывает затворить дверь, и в нее входит Меланфий, который снабжает оружием женихов; но схвачен потом Евмеем и Филойтием; они запирают его, связанного, наверху. Явление Афины, сперва в виде Ментора, потом в виде ласточки; она приводит в расстройство чувства женихов. Все они, кроме глашатая Медонта и певца Фемия, умерщвлены. Одиссей повелевает вынести трупы из столовой. Казнь рабынь и Меланфия. Одиссей посылает Евриклею позвать Пенелопу.

Рубище сбросив поспешно с себя, Одиссей хитроумный
Прянул, держа свой колчан со стрелами и лук, на высокий
Двери порог; из колчана он острые высыпал стрелы
На пол у ног и потом, к женихам обратясь, воскликнул:
«Этот мне опыт, друзья женихи, удалось окончить;
Новую цель я, в какую никто не стрелял до сего дня,
Выбрал теперь; и в нее угодить Аполлон мне поможет».
Так говоря, он прицелился горькой стрелой в Антиноя.
Взяв со стола золотую с двумя рукоятями чашу,
Пить из нее Антиной уж готов был вино; беззаботно
Полную чашу к устам подносил он; и мысли о смерти
Не было в нем. И никто из гостей многочисленного пира
Вздумать не мог, чтоб один человек на толпу их замыслил
Дерзко ударить и разом предать их губительной кере.
Выстрелил, грудью подавшись вперед, Одиссей, и пронзила
Горло стрела; острие смертоносное вышло в затылок;
Набок упал Антиной; покатила по полу чаша,
Выпав из рук; и горячим ключом из ноздрей засвистала
Черная кровь; забрыкавши ногами, толкнул от себя он
Стол и его опрокинул; вся пища (горячее мясо,
Хлеб и другое), смешавшись, свалилась на пол. Ужасный
Подняли крик женихи, Антиноя узрев умерщвленным.
Всею толпою со стульев вскочили они и, глазами
Бегаючи по стенам обнаженным, искали оружия –
Не было там ни щита, ни копья, заощренного медью.
Гневными начали все упрекать Одиссея словами:
«Выстрел твой будет бедою тебе, чужеземец; последний
Сделал ты выстрел теперь; ты погиб неизбежно; убил ты
Мужа, из всех, обитающих в волнообъятой Итаке,
Самого знатного; будешь за то ястребами расклеван».
Мнили они, что случайно стрелой чужеземца товарищ
Их умерщвлен был. Безумцы! Они в слепоте не видали
Сети, которою близкая всех их опутала гибель.
Мрачно взглянув исподлобья, сказал Одиссей богоравный:
«А! Вы, собаки! Вам чудилось всем, что домой уж из Трои
Я не приду никогда, что вольны беспощадно вы грабить
Дом мой, насильствуя гнусно моих в нем служанок, тревожа
Душу моей благородной жены сватовством ненавистным,
Правду святую богов позабыв, не страшась ни гнева
Их, ни от смертных людей за дела беззаконные мести!
В сеть неизбежной гибели все наконец вы попали».
Так он сказал им, и были все ужасом схвачены бледным;
Все, озираясь, глазами искали дороги для бегства.
Тут Евримах, сын Полибиев, бросил крылатое слово:
«Если ты подлинно царь Одиссей, возвратившийся в дом свой,
Праведны все обвиненья твои. Беззаконного много
В доме твоём и в твоих областях совершилось; но здесь он,
Главный виновник всего, Антиной, пораженный тобою,
Мертвый лежит. Он один, зломыслений всегдашний зачинщик,
Нас поджигал: не о браке одном он с твоей Пенелопой
Думал; иное, чего не позволил Кронион, таилось
В сердце его: похищение власти царя; Телемаха,
Власти державной наследника, смерти предать замышлял он.
Ныне судьбой он постигнут; а ты, Одиссей, пощади нас,
Подданных; после назначишь нам цену, какую захочешь
Сам, за вино, за еду и за все, что истрачено нами;
То, что здесь стоят откормленных двадцать быков, даст охотно
Медью и золотом каждый из нас, чтоб склонить на пощаду
Гнев твой; теперь же твой праведен гнев; на него мы не ропщем».
Мрачно взглянув исподлобья, сказал Одиссей благородный:
«Нет, Евримах, – и хотя бы вы с вашим сполна все богатства
Ваших отцов принесли мне, прибавя к ним много чужого, –
Руки мои вас губить не уймутся до тех пор, покуда
Кровию вашей обиды моей дочиста не омою.
Выбор теперь вам один: иль со мной, защищаясь, бейтесь,
Или бегите отсюда, спасаясь от Кер и от смерти, –
Знайте, однако, что Керы вас всех на пути переловят».

Так говорил он; у них задрожали колена и сердца.
Тут Евримах, обратясь к женихам устранным, воскликнул:
«Этот свирепый безжалостных рук не уймет, завладевши
Луком могучим и полным стрелами колчаном; до тех пор
Будет с порога высокого стрелы пускать он, покуда
Всех не положит нас мертвых. Друзья, не дадимся ж без боя
В руки ему; обнажите мечи и столами закройте
Против налета убийственных стрел; всей толпою наперши,
Можем мы, сбивши с порога его и из притолок двери
Вытеснив, выбежать из дома, броситься в город и в помощь
Скликать людей; расстреляет он скоро ужасные стрелы».
Так он сказав, из ножен, ободрившийся, выхватил меч свой,
Медный, с обеих сторон заощренный, и с криком ужасным
Прянул вперед. Но навстречу ему Одиссей богоравный
Выстрелил; грудь близ сосца проколола и, в печень вонзившись,
Крепко засела в ней злая стрела. Из руки ослабевшей
Выронил меч он, за стол уцепиться хотел и, споткнувшись,
Вместе упал со столом; вся еда со стола и двудонный
Кубок свалились наземь; он об пол стучал головою,
Болью проникнутый; ноги от судорог бились; ударом
Пяток он стул опрокинул; его наконец потемнели
Очи. Тогда Амфином благородный, вскочив, устремился
В бой; уповая, что против него Одиссей не замедлит
Выйти, сошедши с порога, свой меч обнажил он; но сзади
Бросил копье Телемах, заощренное медью; вонзилось
Между плечами и грудь прокололо оно; застонавши,
Треснулся об пол лицом Амфином. Телемах же проворно
Прочь отскочил; он копья не хотел из убитого вырвать,
Сердцем тревожась, чтоб в это мгновение, сбоку напавши,
Кто из ахеев его, занятого копья исторженьем,
Острым мечом не пронзил неожиданно; свой совершивши
Смертный удар, под защиту отца поспешил он укрыться.
Близко к нему подбежавши, он бросил крылатое слово:
«Щит, два копья медноострых, родитель, и крепкий из твердой
Меди, к твоей голове приспособленный, шлем принесу я;
Сам же надену и латы; Евмею с Филойтием верным
Также надеть их велю; безопаснее в латах нам будет».
Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
«Дельно! Беги и, пока не истратил я стрел, возвратися;
Иначе буду, оставшись один, оттеснен от защитных
Притолок». Так он сказал; Телемах все исполнил поспешно:
Бросясь в ту верхнюю горницу, где находились доспехи,
Взял там четыре щита он, четыре с густыми хвостами
Конскими шлема и восемь блестящей окованных медью
Копий; и с ношей своей он к отцу возвратился немедля;
Прежде, однако, надел на себя меднолитные латы;
Медными латами также облекшись, Евмей и Филойтий
Стали с боков Одиссея, глубокою полного думой.
Он же, покуда еще оставались пернатые стрелы,
Каждой стрелой в одного из врагов попадал, не давая
Премаха; друг подле друга валяся, они издыхали.
Но напоследок, когда истожились стрелы, великий
Лук Одиссей опустил, не имея в нем более нужды,
К притолке светлой его прислонил и стоять там оставил.
Четверокожным щитом облачивши плеча, на могучей
Он голове укрепил меднокованный шлем, осененный
Конским хвостом, подымавшимся страшно на гребне, и в руку
Взял два копья боевых, заощренных смертельною медью.
Там недалеко от главных дверей находилась другая,
Тайная дверь; от высокого залы пространной порога
Тесный был эту дверь на улицу выход из дома;
Доступ желая к нему заградить, Одиссей свинопасу
Стать приказал перед дверью, чем всякий исход был отрезан.
Тут Агелай, к женихам обратясь, им крылатое слово
Бросил: «Друзья, не удастся ль кому потаенною дверью
Выбежать, крикнуть тревогу и нам поскорее на помощь
Вызвать людей? Уж свои расстрелял он последние стрелы».
Кончил. Меланфий, на то возражая, сказал Агелая:

«Нет, Агелай благородный, нельзя; потаенные двери
Слишком у них на виду, да и выход так тесен, что целой
Может толпе заградить там дорогу один небессильный.
Но погодите, оружие вам я найти не замедлю;
Горницу знаю, в которой доспехи, из этой палаты
Взятые, кучею склал Одиссей, помогаемый сыном».
Так Агелая сказав, злоковарный Меланфий обходом
В горницу тайно прокрался, где складены были доспехи.
Вынес оттуда двенадцать великих щитов он, двенадцать
Копий и столько же медных, хвостами украшенных шлемов.
С ними назад возвратясь, женихам их поспешно он роздал.
В ужас пришел Одиссей, задрожали колена, когда он,
Вдруг оглянувшись, увидел их в шлемах, с щитами, трясущих
Длинными копьями; гибель ему неизбежной явилась;
К сыну тогда обратившись, он бросил крылатое слово:
«Верно, какая из наших рабынь, Телемах, изменивши
Нам, помогает противникам нашим иль хитрый Меланфий?»
Робко на то отвечал рассудительный сын Одиссеев:
«Горе! Мое небрежение причиной всему; я виновник
Этой беды – заспешив, позабыл оружейной палаты
Дверь запереть; и лазутчик, хитрее меня, побывал там.
Слушай, мой честный Евмей, побегу ты туда и за дверью
Стань там и жди; кто придет, ты увидишь: служанка ль какая
Или Меланфий? Я сам на него подозренье имею».
Так говорили о многом они, беседуя тайно.
Тою порой за оружием хитрый Меланфий собрался
Снова прокрасться наверх. То приметив, Евмей богоравный
На ухо так прошептал Одиссею, стоявшему близко:
«О Лаэртид, многохитростный муж, Одиссей благородный,
Вот он, предатель; его угадал я; он крадется, видишь,
Снова туда за оружием; что, государь, повелишь мне
Сделать? Убить ли крамольника, если удастся с ним сладить?
Или насильно сюда притащить, чтоб над ним наказанье
Сам совершил ты за наглое в доме твоём поведенье?»
Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
«С сыном моим Телемахом я здесь женихов многобуйных
Буду удерживать, сколь бы ни сильно их бешенство было;
Ты ж и Филойтий предателю руки и ноги загните
На спину; после, скрутив на спине их, его на веревке
За руки вздерните вверх по столбу и вверху привяжите
Крепким узлом к потолочине; двери ж, ушедши, замкните;
В страшных мученьях пускай там висит ни живой он, ни мертвый».
То повеление царское было исполнено скоро:
Вместе пошли свинопас и Филойтий; подкравшись, стали
Справа и слева они у дверей дожидаться, чтоб вышел
Он к ним из горницы, где женихам во второй раз доспехи
Брал. И лишь только Меланфий ступил на порог (нес прекрасный
Гривистый шлем он одною рукой, а в другой находился
Старый, широкий, подернутый плесенью щит, в молодые,
Давние годы герою Лаэрту служивший, теперь же
Брошенный, вовсе худой, без ремней, с перегнившими швами),
Кинулись оба на вора они; в волоса уцепившись,
На пол его повалили, кричащего громко, и крепко
Руки и ноги ему, их с великою болью загнувши
На спину, сзади скрутили плетеным ремнем, как велел им
Сын Лаэртид, многохитростный муж, Одиссей благородный.
Вздернувши после веревкою вверх по столбу, привязали
К твердой его потолочине; там и остался висеть он.
С злобной насмешкой ему тут сказал свинопас богоравный:
«Будь здесь покуда заботливым сторожем, честный Меланфий;
Мы для тебя перестлали покойную, видишь, постелю.
Верно, теперь не проспишь златотронной, в тумане рожденной
Эос в ее восхождении с вод Океана и в пору
Коз на обед женихам многославным отборных пригонишь».
Кончил. И, бросив его там, висящего в страшных мученьях,
Оба с оружием, дверь за собой затворив, удалились.
К месту они подошли, где стоял Одиссей хитроумный.
Яростью все там кипели. В дверях на высоком пороге

Четверо грозно стояли; другие толпились в палате.
К первым тогда подошла светлоокая дочь Громовержца,
Сходная с Ментором видом и речью, богиня Афина.
Ей Одиссей, ободрившийся, бросил крылатое слово:
«Ментор, сюда! Помоги нам; бывалое дружество вспомни;
Много добра от меня ты имел, мой возлюбленный сверстник».
Так говорил он, а внутренне мыслил, что видит Афины.
Но женихи обратились на Ментора всю толпою.
Первый сказал Агелай, сын Дамасторов: «Будь осторожен,
Ментор, не слушай его убеждений, не думай в сраженье
С нами вступать, подавая ему безрассудную помощь.
С нами один он не сладит, свое мы возьмем; но, когда мы,
Их пересилив обоих, отца уничтожим и сына,
С ними тогда умертвим и тебя, ненавистного, если
Вздумаешь здесь к ним пристать; головою заплатишь за дерзость;
После ж, когда уничтожит вас медь беспощадная, всё мы,
Что ни имеешь ты дома иль в поле, возьмем и, смешавши
Вместе с добром Одиссеевым, между собою разделим;
Выгоним из дому ваших детей; сыновьям, дочерям здесь
Вашим не жить; и расстанутся ваши с Итакою жены».
Кончил он. Дерзость его раздражила богиню Афины.
Гневными стала она упрекать Одиссея словами:
«Нет уж в тебе, Одиссей, той отваги могучей, с которой
Ты за Елену Аргивскую, дочь светлорукою Зевса,
Девять с троянами лет так упорно сражался; в то время
Много погибло врагов от тебя в истребительной битве;
Хитрость твоя наконец и Приамов разрушила город.
Что ж? Отчего ты, домой возвратясь, Одиссей, с женихами
Так нерешительно, медленно к битве теперь приступаешь?
Друг, ободрись; на меня погляди, ты увидишь, как смело
Против врагов, на тебя нападающих здесь совокупно,
Выступит Ментор Алкимид, тебе за добро благодарный».
Кончив, она Одиссею не вдруг даровала победу:
Бодрость царя и разумного сына его Телемаха
Строгому опыту прежде желая подвергнуть, богиня
Вдруг превратилась, взвилась к потолку и на черной от дыма
Там перекладине легкою сизою ласточкой села.
Тою порою Агелаем, Дамастора сыном отважным,
Димоптолем, Еврином и Писандр, сын Поликторов бодрый,
С Амфимедоном и умным Политосом яростно были
В бой подстрекаемы (силой они отличались от прочих,
Сколько еще их там было живых и спастись уповавших
Боем; другие же, все умерщвленные, кучей лежали).
Так, обратясь к остальным, Агелай благородный воскликнул:
«Этот свирепый, я думаю, скоро от боя уимется;
Ментор покинул его, бесполезно нахвастав; один он
С ними теперь на высоком пороге стоит беззащитный.
Разом всех копий своих медноострых, друзья, не бросайте;
Бросьте сначала вы шесть; и великая будет нам слава,
Если его поразим, ненавистного, с помощью Зевса;
С прочими ж сладить нетрудно, лишь только б сломить Одиссея».
Так он сказал, и, ему повинясь, пустили другие
Разом шесть копий; но сделала тщетным удар их Афина:
Вкось полетевши, глубоко вонзилось в притолку гладкой
Двери одно; а другое в одну из дверных половинок
Втиснулось; третье воткнулось в дощатую стену; когда же
Всех женихами в них брошенных копий они избежали,
Так, обратясь к своим, Одиссей хитроумный сказал им:
«Очередь наша теперь; приступите, товарищи, к делу,
Копья нацельте и бросьте в толпу женихов, уничтожить
Нас замышляющих, прежде столь много обид нам нанесли».
Так он сказал. И, прицелясь, они медноострые копья
Кинули разом; и Димоптолема сразил многосильный
Сам Одиссей, Телемах – Евриада, Филойтий – Писандра,
Старый Евмей-свинопас поразил Элатопа: и разом
Все повалились они, с скрежетанием стиснув зубы.
Прочие, к дальней стене отбежавши толпой и поспешно
Вырвав из трупов кровавых вонзенные в недра их копья,

Снова их разом в противников, метко прицельясь, пустили;
Снова Афина могучая сделала тщетным удар их.
Вкось полетевши, глубоко вонзилось в притолку гладкой
Двери одно; а другое в одну из дверных половинок
Втиснулось; третье воткнулось в дощатую стену. Однако
Амфимедон Телемаха поранил, в ручную попавши
Кисть: пролетая, копье острием оцарапало кожу.
Тронул плечо над щитом у Евмея Ктесипп длинноострой
Медью; копье же, над ним прошумев, водрузилось в землю.
Стоя с боков Одиссея, ужасною полного думой,
Снова они в женихов неизбежные бросили копья.
Евридаманта сразил Одиссей, городов сокрушитель;
Амфимедон был пронзен Телемахом, Полиб – свинопасом;
Метко нацелив копьем медноострым, Филойтий Ктесиппу
Грудь просадил; и, удачным ударом хвалясь, он воскликнул:
«Сын Полиферсов, лихой на обидные речи, теперь ты
Дерзкий язык свой уймешь от ругательств нахальных; предайся
В волю богов; им одним подобает и слава и сила.
Я же тебя отдалил здесь за ногу коровью, которой
Так благосклонно попотчевал ты Одиссея-бродягу».
Так говорил криворогих быков сторожитель Филойтий.
Тою порой умерщвлен был Дамастор сын Одиссеем,
Сын Леокритов, младой Евенор, был убит Телемахом:
Острою медью в живот пораженный, лицом он, со всех ног
Грянувшись, об пол ударился, жалобно охнул и умер.
Тут с потолка наклонила над их головами Паллада
Страшную людям эгиду: и ужас расстроил их чувства.
Начали бегать они, ошалев, как коровы, когда их
Вешней порою (в то время, как дни прибывать начинают)
Густо осыплют на пажити слепни сердитые. Те ж их
Били, как соколы кривокогистые с выгнутым клевом,
С гор прилетевшие, бьют испугавшихся птиц, – и густыми
Стаями с неба на землю, спасаясь, бросаются птицы;
Соколы ж гонят их, ловят когтями, и нет им пощады,
Заперт и путь для спасенья, и травлею тешатся люди;
Так женихов (разогнав их по горнице) справа и слева,
Как ни попало, они убивали; поднялся ужасный
Крик; был разбрызган их мозг, был дымящейся кровью их залит
Пол. К Одиссею тогда подбежал Леодей, и колена
Обнял его, и, трепещущий, бросил крылатое слово:
«Ноги целую твои, Одиссей; пощади и помилуй.
В доме твоём ни одной из рабынь, в нём живущих, ни словом
Я не обидел, ни в дело не ввел непристойное; сам я
Многих, напротив, удерживать здесь от постыдных поступков
Тщился – напрасно! От зла не отвел я их рук святотатных;
Страшную участью все неизбежно постигнуты ныне.
Я же, их жертвогадатель, ни в чём не повинный, ужели
Лягу здесь мертвый? Такое ли добрым делам воздаянье?».
Мрачно взглянув исподлобья, сказал Одиссей богоравный:
«Если ты подлинно жертвогадателем был между ними,
То, без сомнения, часто в жилище моем ты молился
Дию, чтоб мне возвратиться домой запретил, чтоб с тобою
В дом твой моя удалилась жена и чтоб с нею детей ты
Прижил, – за это теперь и людей ужасающей смерти
Ты не избежнешь». Сказал. И, могучей рукою схвативши
Меч, из руки Агелая в минуту его умерщвленья
Выпавший, им он молящего сильно ударил по шее;
Крикнул он – в крике неконченном с плеч голова покати́лась.
Но от губительной Керы избегнул сын Терпиев, славный
Песнями Фемий, всегда женихов на пирах веселивший
Пеньем; с своею он цитрой в руках к потаенной прижавшись
Двери, стоял там, колеблясь рассудком, не зная, что выбрать,
Выйти ли в дверь и сидеть на дворе, обнимая великий
Зевсов алтарь, охраняющий дом, на котором так часто
Жирные бедра быков сожигал Одиссей многославный,
Или к коленам его с умоляющим броситься криком?
Дело обдумав, уверился он, что полезнее будет,
Став на колена, Лаэртова сына молить о пощаде.

Цитру свою положив звонкострунную бережно на пол
Между кратерой и стулом серебряновоздным, поспешно
К сыну Лаэртovu дивный певец подбежал, и колена
Обнял его, и, трепещущий, бросил крылатое слово:
«Ноги целую твои, Одиссей; пощади и помилуй.
Сам сожалеть ты и сетовать будешь, когда песнопевца,
Сладко бессмертным и смертным поющего, смерти предашь здесь;
Пению сам я себя научил; вдохновением боги
Душу согрели мою; и тебя, Одиссей, я, как бога,
Буду гармонией струн веселить. Не губи песнопевца.
Будет свидетелем мне и возлюбленный сын твой, что волей
В дом ваш входить никогда я не мыслил, что сам не просился
Песнями здесь на пиру забавлять женихов, что, напротив,
Силой сюда приводим был и пел здесь всегда принужденно».
Так он сказав, возбудил Телемахову силу святую.
Громко отцу закричал Телемах, находившийся близко:
«Стой! Не губи неповинного яростной медью, родитель!
С ним и к Медонту-глашатаю благостен будь: обо мне он
В детстве моем неусыпно имел попеченье. Но где он,
Честный Медонт? Не убили ль его свинопас иль филоитий?
Или он сам, злополучный, попал под удар твой смертельный?»
Так говорил Телемах; и дошло до Медонта благое
Слово; дугою согнувшись, под стулом лежал он, коровьей,
Только что содранной кожей покрытый, чтоб Керы избегнуть.
Выскочил он из-под стула и, сбросивши кожу коровью
С плеч, подбежал к Телемаху и, ноги его обхвативши,
Стал целовать их и в трепете бросил крылатое слово:
«Здесь я, душа Телемах; заступись за меня, чтоб отец твой
Грозно-могучий на мне не отмстил беспощадною медью
Злым женихам, столь давно, столь нахально его достоянье
Грабившим здесь и тебя самого оскорбившим безумно».
Мрачно взглянув исподлобья, сказал Одиссей богоравный:
«Будь благодарен ему; он тебя сохранил, чтоб отныне
Ведал и сам ты и людям другим говорил в поученье,
Сколь здесь благие дела нам спасительней дел беззаконных;
Слушай теперь: из палаты, убийством наполненной, вышед,
Сядь на дворе у ворот с песнопевцем, властителем слова;
Я же остануся в доме и все здесь устрою, что нужно».
Так он сказал; и Медонт с песнопевцем, из горницы вышед,
Оба вблизи алтаря, посвященного Зевсу-владыке,
Сели; но все озирались кругом, опасаясь убийства.
Очи водил вокруг себя Одиссей, чтоб узнать, не остался ль
кто неубитый, случайно избегший могущества Керы?
Мертвые все, он увидел, в крови и в пыли неподвижно
Кучей лежали они на полу там, как рыбы, которых,
На берег вытащив их из глубокозеленого моря
Неводом мелкопетлистым, рыбак высыпает на землю;
Там на песке раскаленном их, влаги соленой лишенных,
Гелиос пламенный душит, и все до одной умирают.
Мертвые так там один на другом неподвижно лежали.
К сыну сперва обратясь, сказал Одиссей хитроумный:
«Должен теперь, Телемах, ты сюда пригласить Евриклею;
Нужное слово желаю я молвить разумной старушке».
Так говорил Одиссей. Телемах, повинуюся, отпер
Двери, позвал Евриклею и так ей сказал: «Еврикля,
Добрая няня моя, так давно за рабынями в доме
Нашем смотрящая, все сохраняя усердно в порядке,
Кличет отец, говорить он с тобою намерен; поди к нам».
Кончил. Не мимо ушей Евриклеи его пролетело
Слово. И, двери отперши тех горниц, где жили служанки,
Вышла она; и старушку повел Телемах к Одиссею.
Взорам ее Одиссей посреди умерщвленных явился,
Потом и кровью покрытый; подобился льву он, который,
Съевши быка, подымается, сытый, и тихо из стада –
Грива в крови и вся страшная пасть, обагренная кровью, –
В лог свой идет, наводя на людей неописанный ужас.
Кровию так Одиссей с головы был до ног весь обрызган.
Трупы увидя и крови пролитой ручьи, Еврикля

Громко хотела воскликнуть, чудясь столь великому делу;
Но Одиссей повелел ей себя воздержать от восторга;
Голос потом свой возвысив, он бросил крылатое слово:
«Радуйся сердцем, старушка, но тихо, без всякого крика;
Радостный крик подымать неприлично при виде убитых.
Диев их суд поразил; от своих беззаконий погибли;
Правда была им чужда, никого из людей земнородных,
Знатный ли, низкий ли был он, уважить они не хотели.
Страшная участь их всех наконец, злополучных, постигла.
Ты же теперь назови мне рабынь, здесь живущих, дабы я
Мог отличить развращенных от честных и верных меж ними».
Так он сказал. Еврикля-старушка ему отвечала:
«Все я, мой сын, объявлю, ничего от тебя не скрывая;
В доме теперь пятьдесят мы имеем служанок, работниц
Разного возраста; заняты все рукодельем домашним;
Дергают волну; и каждая в доме свою отправляет
Службу. Двенадцать из них, поведением развратных, не только
Против меня, но и против царицы невежливы были.
Сын твой в хозяйство вступил; но разумно ему Пенелопа
В дело служанок мешаться до сих пор еще запрещала.
Я же наверх побегу объявить ей великую нашу
Радость: она почивает; знать, боги ей сон ниспослали».
Так, возражая, сказал Одиссей хитроумный старушке:
«Нет, не буди, Еврикля, жены; прикажи, чтоб рабыни –
Те, на которых ты мне донесла, – здесь немедленно явились».
Так говорил Одиссей, и поспешно пошла Еврикля
Кликнуть рабынь и велеть им идти к своему господину.
Он же, позвав Телемаха с Филойтием, с старым Евмеем,
Бросил крылатое слово, свою изъявляя им волю:
«Трупы теперь приберите; пускай вам помогут рабыни
Вынести их, а потом все столы, все богатые стулья
Дочиста здесь ноздреватою, мокрою вытрите губкой.
После ж, когда приберете совсем пировую палату,
Всех поведением развратных рабынь из нее уведите;
Там на дворе, меж стеною и житною круглою башней,
Смерти предайте беспутниц, мечом заколов длинноострым
Каждую; пусть, осрамивши развратом мой дом, наказание
Примут они за союз не позволенный свой с женихами».
Так говорил он. Тем временем все собрались рабыни,
Жалобно воя; из глаз их катились крупные слезы.
Начали трупы они выносить и в сенях многозвучных
Царского дома, стеной обведенного, клали их тесным
Рядом, один прислоняя к другому, как сам Одиссей им
Делать предписывал; дело ж не по сердцу было рабыням.
Вынеся трупы, они и столы и богатые стулья
Дочиста все ноздреватою мокрою вытерли губкой.
Заступом тою порой Телемах, свинопас и Филойтий
В зале просторной весь пол, обогранный пролитой кровью,
Выскребли чисто; оскребки же вынесли за дверь рабыни.
Залу очистив и все приведя там в обычный порядок,
Выйти оттуда они осужденным рабыням велели,
Собрали их на дворе меж стеною и житною башней
Всех и в безвыходном заперли месте, откуда спасенья
Быть не могло никакого. И сын Одиссеев сказал им:
«Честною смертью, развратницы, вы умереть недостойны,
Вы, столь меня и мою благородную мать Пенелопу
Здесь осрамившие, в доме моем с женихами слюбившись».
Кончив, канат корабля черноносого взял он и туго
Так натянул, укрепивши его на колоннах под сводом
Башни, что было ногой до земли им достать невозможно.
Там, как дрозды длиннокрылые или как голуби, в сети
Целою стаей летят на ночлег свой – попавшие (в тесных
Петлях трепещут они, и ночлег им становится гробом),
Все на канате они голова с головою повисли;
Петлями шею стянули у каждой; и смерть их постигла
Скоро: немного подергав ногами, все разом утихли.
Силою вытащен после на двор козод был Меланфий;
Медью нещадно вырвали ноздри, обрезали уши,

Руки и ноги отсекали ему; и потом, изрубивши
В крохи, его на съедение бросили жадным собакам.
Руки и ноги свои, обогранные кровью, омывши,
В дом возвратились они к Одиссею. Все кончено было.
Тут Одиссей, обратясь к Евриклее, сказал ей: «Немедля,
Няня, огня принеси и подай очистительной серы;
Залу нам должно скорей окурить. Ты потом Пенелопе
Скажешь, чтоб сверху сошла и с собою рабынь приближенных
Всех привела. Позови равномерно и прочих служанок».
Так повелел Одиссей. Евриклея ему отвечала:
«То, что, дитя, говоришь ты, и я нахожу справедливым.
Прежде, однако, тебе принесу я опрятное платье;
Этих нечистых отрепьев на крепких плечах ты не должен
В доме своем многоглавном носить: то тебе неприлично».
Ей возражая, отвечивал так Одиссей многоумный:
«Прежде всего мне огня для куренья подай, Евриклея».
Волю его исполняя, пошла Евриклея и скоро
С серой к нему и с огнем возвратилась; окуривать начал
Серой столовую он и широкий, стеной обнесенный
Двор. Евриклея, прошед через светлые дома покои,
Стала служанок собирать и немедленно всем им велела
В залу прийти; и немедленно, факелы взявши, рабыни
В залу пришли; обступивши веселой толпой Одиссея,
Голову, плечи и руки они у него целовали.
Он же дал волю слезам; он рыдал от веселья и скорби,
Всех при свидании милых домашних своих узнавая.

Песнь двадцать третья

Вечер тридцать девятого и утро сорокового дня
Евриклея приносит радостную весть Пенелопе, которая идет вместе с нею в пировую
палату. Пенелопа медлит узнать своего супруга. Одиссей, чтобы обмануть жителей
города, учреждает шумную пляску; омывшись в купальне, он возвращается к Пенелопе
и, сказав ей тайну, только им двум известную, уничтожает все ее сомнения. Все
ложатся спать. Одиссей и Пенелопа рассказывают друг другу свои приключения. С
наступлением утра Одиссей идет к отцу своему Лаэрту.

Сердцем ликуя и радуясь, вверх побежала старушка
Весть принести госпоже, что желанный супруг возвратился.
Были от радости тверже колена ее и проворней
Ноги. Подкравшись к спящей, старушка сказала: «Проснись,
Встань, Пенелопа, мое золотое дитя, чтоб очами
Все то увидеть, о чем ты скорбела душою вседневно.
Твой Одиссей возвратился; хоть поздно, но все наконец он
С нами и всех многобуйных убил женихов, разорвавших
Дом наш и тративших наши запасы назло Телемаху».
Доброй старушке разумная так Пенелопа сказала:
«Друг Евриклея, знать боги твой ум помutilи! Их волей
Самый разумнейший может лишиться мгновенно рассудка,
Может и слабый умом приобрести несказанную мудрость;
Ими и ты обезумлена; иначе в здравом рассудке
Ты бы не стала теперь над моею печалью ругаться,
Радостью ложной тревожа меня! И зачем прервала ты
Сладкий мой сон, благодатно усталые мне затворивший
Очи? Ни разу я так не спала с той поры, как супруг мой
Морем пошел к роковым к несказанным стенам Илиона.
Нет, Евриклея, поди, возвратися туда, где была ты.
Если б не ты, а другая из наших домашних служанок
С вестью такой сумасбродной пришла и меня разбудила, –
Я бы не ласковым словом, а бранью насмешницу злую
Встретила. Старости будь благодарна своей, Евриклея».
Так, возражая, старушка своей госпоже отвечала:
«Нет, не смеяться пришла, государыня, я над тобою;
Здесь Одиссей! Настоящую правду, не ложь я сказала.
Тот чужеземец, тот нищий, которым все так здесь ругались, –
Он Одиссей; Телемах о его уж давно возвращенье
Знал – но разумно молчал об отце он, который, скрываясь,
Здесь женихам истребление верное в мыслях готовил».
Так отвечала старушка. С постели вскочив, Пенелопа
Радостно кинулась няне на шею в слезах несказанных.

Голос возвысив, она ей крылатое бросила слово:
«Если ты правду сказала, сердечный мой друг Еврикля,
Если он подлинно в дом свой, как ты говоришь, возвратился,
Как же один он с такой женихов многочисленной шайкой
Сладил? Они всей толпою всегда собиралися в доме».
Так, отвечая, разумной царице сказала старушка:
«Сведать о том не могла я; мне только там слышался тяжкий
Вой убиваемых; в горнице нашей, забившись в угол,
Все мы сидели, на ключ запершись и не смея промолвить
Слова, покуда твой сын Телемах из столовой не вышел
Кликнуть меня: он за мною самим Одиссеем был послан.
Там Одиссей мне явился, меж мертвыми страшно стоящий;
Трупы их были один на другом на полу, обагренном
Кровью, набросаны; радостно было мне увидеть.
Потом и кровью покрытый, он грозному льву был подобен.
Трупы убитых теперь все лежат на дворе за дверями
Кучею. Он же, заботясь дом окурить благовонной
Серой, огонь разложил; а меня за тобою отправил.
Ждет он; пойдём; наконец вам обоим проникнет веселье
Душу, которая столько жестоких тревог претерпела:
Главное, долгое милого сердца желанье свершилось;
Жив он, домой невредим возвратился и дома супругу
С сыном живыми нашел, а врагов, истребителей дома,
В доме своем истребил; и обиды загладило мщенье».
Доброй старушке разумная так Пенелопа сказала:
«Друг Еврикля, не радуйся слишком до времени; всем нам
Было бы счастьем великим его возвращенье в отчизну –
Мне ж особливо и милому, нами рожденному сыну;
Все я, однако, тому, что о нем ты сказала, не верю;
Это не он, а один из бессмертных богов, раздраженный
Их беззаконным развратом и их наказавший злодейства.
Правда была им чужда; никого из людей земнородных –
Знатный ли, низкий ли к ним приходил – уважать не хотели;
Сами погибель они на себя навлекли; но супруг мой...
Нам уж его не видать; в отдаленье плачевном погиб он».
Ей Еврикля разумная так, возражая, сказала:
«Странное, дочь моя, слово из уст у тебя излетело.
Он, я твержу, возвратился; а ты утверждаешь, что вечно
Он не воротится; если же так ты упорна рассудком,
Верный он признак покажет: рубец на колене; свирепым
Вепрем, ты ведаешь, некогда был на охоте он ранен;
Ноги ему омывая, рубец я узнала; об этом
Тотчас хотела сказать и тебе; но, зажав мне рукою
Рот, он меня, осторожно разумный, принудил к молчанью.
Время, однако, идти; головой отвечаю за правду;
Если теперь солгала я, меня ты казни беспощадно».
Доброй старушке разумная так Пенелопа сказала:
«Трудно тебе, Еврикля, проникнуть, хотя и великий
Ум ты имеешь, бессмертных богов сокровенные мысли.
К сыну, однако, с тобою готова идти я; увидеть
Мертвых хочу и того, кто один всю толпу истребил их».
С сими словами она по ступеням пошла, размышляя,
Что ей приличнее: издали ль с ним говорить иль, приблизясь,
Голову, руки и плечи его целовать? Перешедши
Двери высокий порог и в палату вступив, Пенелопа
Села там против супруга, в сиянье огня, у противной
Светлой стены; на другом он конце у колонны, потупив
Очи, сидел, ожидая, какое разумная скажет
Слово супруга, его там своими глазами увидя.
Долго в молчанье сидела она; в ней тревожилось сердце;
То, на него подымая глаза, убеждалась, что вправду
Он перед ней; то противное мыслила, в рубище жалком
Видя его. Телемах напоследок воскликнул с досадой:
«Милая мать, что с тобой? Ты в своем ли уме? Для чего же
Так в отдаленье угрюмо сидишь, не подходишь, не хочешь
Слово супругу сказать и его ни о чем не расспросишь?
В свете жены не найдется, способной с такою нелаской,
Так недоверчиво встретить супруга, который, по многих

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya

Бедствиях, к ней через двадцать отсутствия лет возвратился.
Ты же не видишь, не слышишь; ты сердцем бесчувственной камня».
Сыну царица разумная так, отвечая, сказала:
«Сердце, дитя, у меня в несказанном волнении, слова
я произнести не могу, никакой мне вопрос не приходит
В ум, и в лицо поглядеть я не смею ему; но, когда он
Подлинно царь Одиссей, возвратившийся в дом свой, мы способ
Оба имеем надежный друг другу открыться: свои мы
Тайные, людям другим неизвестные, знаки имеем».
Кончила. Царь Одиссей, постоянный в бедах, улыбнулся;
К сыну потом обратясь, он бросил крылатое слово:
«Друг, не тревожь понапрасну ты мать и свободную волю
Дай ей меня расспросить. Не замедлит она убедиться
В истине; я же в изорванном рубище; трудно в таком ей
Виде меня Одиссеем признать и почтить, как прилично.
Нужно, однако, размыслив, решить нам: что сделать полезней?
Если когда и один кто убит кем бывает и мало
Ближих друзей и родных за убитого мстить остается –
Всё, избегая беды, покидает отчизну убийца.
Мы ж погубили защитников града, знатнейших и лучших
Юношей в целой Итаке: об этом должны мы подумать».
Так, отвечая, сказал рассудительный сын Одиссеев:
«Все ты умнее, родитель, придумаешь сам; прославляют
Люди твою повсеместно премудрость; с тобою сравниться
Разумом, все говорят, ни один земнородный не может;
Что повелишь, то и будет исполнено; сколько найдется
Силы во мне, я неробким твоим здесь помощником буду».
Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
«Слушай же; вот что мне кажется самым удобным и лучшим:
Все вы, омывшись, оденьтесь богато, как будто на праздник;
Так же одеться должны и рабыни домашние наши;
С звонкою цитрой в руках песнопевец божественный должен
Весть хоровод, управляя шумящею пляской, чтоб, слыша
Струны и пение в доме, соседи и всякий, идущий
Мимо по улице, думать могли, что пируют здесь свадьбу.
Должно, чтоб в городе слух не прошел о великом убийстве
Всех женихов многославных до тех пор, пока не уйдем мы
За город на поле наше, в наш сад плодovitый; там можем
Все на просторе устроить, на помощь призвав олимпийцев».
Кончил. Его повеление было исполнено скоро;
Чисто омывшись, оделись богато, как будто на праздник
Все; хоровод учредили рабыни; певец богоравный,
Цитру настроив глубокоую, в них пробудил вожделење
Сладостных песней и стройно-живой хороводныя пляски.
Дом весь от топанья ног их гремел и дрожал, и окрjжность
Вся оглашалася пением звучным рабов и служанок;
Всякий, по улице шедший, музыку и пение слыша,
Думал: «Решилась свою пировать напоследок царица
Свадьбу; неверная! Мужа, избранного сердцем, дожидаться,
Дом многославный его сохраняя, она не хотела».
Так говорили они, о случившемся в доме не зная.
Тою порой, Одиссея в купальне омыв, Евринома
Тело его благовонным оливным елеем натерла.
Легкий надел он хитон и богатой облекся хламидой.
Дочь же великая Зевса его красотой озарила;
Станом возвысила, сделала тело полней и густыми
Кольцами кудри, как цвет гиацинта, ему закрутила.
Так, серебро облекая сияющим золотом, мастер,
Девой Палладой и богом Гефестом наставленный в трудном
Деле своем, чудесами искусства людей изумляет;
Так Одиссея украсила дочь светлоокая Зевса.
Вышед из бани, лицом лучезарный, как бог, возвратился
Он в пировую палату и сел на оставленном стуле
Против супруги; глаза на нее устремив, он сказал ей:
«Ты, непонятная! Боги, владыки Олимпа, не женским
Нежно-уступчивым сердцем, но жестким тебя одарили;
В свете жены не найдется, способной с такою нелаской,
Так недоверчиво встретить супруга, который, по многих

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya

Бедствиях, к ней через двадцать отсутствия лет возвратился.
Слушай же, друг Евриклея; постель приготовь одному мне;
Лягу один я – когда в ней такое железное сердце».

Но Одиссею разумная так отвечала царица:
«Ты, непонятный! Не думай, чтоб я величалась, гордилась
Или в чрезмерном была изумлении. Живо я помню
Образ, какой ты имел, в корабле покидая Итаку.
Если ж того он желает, ему, Евриклея, постелю
Ты приготовь: но не в спальне, построенной им, а в другую
Горницу выставь большую кровать, на нее положивши
Мягких овчин, на овчины же полость с широким покровом».

Так говорила она, испытанью подвергнуть желая
Мужа. С досадою он, обратясь к Пенелопе, воскликнул:
«Сердцу печальное слово теперь ты, царица, сказала;
Кто же из спальни ту вынес кровать? Человеку свою
Силою сделать того невозможно без помощи свыше;
Богу, конечно, легко передвинуть ее на другое
Место, но между людьми и сильнейший, хотя б и рычаг он
Взял, не шатнул бы ее; заключалась тайна в устройстве
Этой кровати. И я, не иной кто, своими руками
Сделал ее. На дворе находилась маслина с темной
Сению, пышногустая, с большую колонну в объеме;
Маслину ту окружил я стенами из тесаных, плотно
Сложенных камней; и, свод на стенах утвердивши высокий,
Двери двустворные сбил из досок и на петли навесил;
После у маслины ветви обсек и поблизости к корню
Ствол отрубил топором, а отрубок у корня, отвсюду
Острою медью его по шнуру обтесав, основаньем
Сделал кровати, его пробуравил, и скобелью брусся
Выгладил, в раму связал и к отрубку приладил, богато
Золотом их, серебром и слоновою костью украсив;
Раму ж ремнями из кожи воловьей, обшив их пурпурной
Тканью, стянул. Таковы все приметы кровати. Цела ли
Эта кровать и на прежнем ли месте, не знаю; быть может,
Сняли ее, подпилив в основании масличный корень».

Так он сказал. У нее задрожали колена и сердце.
Признаки все Одиссеевы ей он исчислил; заплакав
Взрыд, поднялась Пенелопа и кинулась быстро на шею
Мужу и, милую голову нежно целуя, сказала:
«О, не сердись на меня, Одиссей! Меж людьми ты всегда был
Самый разумный и добрый. На скорбь осудили нас боги;
Было богам неугодно, чтоб, сладкую молодость нашу
Вместе вкусив, мы спокойно дошли до порога веселой
Старости. Друг, не сердись на меня и не делай упреков
Мне, что не тотчас, при виде твоём, я к тебе приласкалась;
Милое сердце мое, Одиссей, повергала в великий
Трепет боязнь, чтоб меня не прельстил здесь какой иноземный
Муж увлекательным словом: у многих коварное сердце.
Слуха Елена Аргивская, Зевсова дочь, не склонила б
К лести прищельца и с ним не бежала б, любви покорясь,
В Трою, когда бы предвидеть могла, что ахеяне ратью
Придут туда и ее возвратят принужденно в отчизну.
Демон враждебный Елену вовлек в непристойный поступок;
Собственным сердцем она не замыслила б гнусного дела,
Страшного, всех нас в великое бедствие ввергшего дела.
Ты мне подробно теперь, Одиссей, описал все приметы
Нашей кровати – о ней же никто из живущих не знает,
Кроме тебя, и меня, и рабыни одной приближенной,
Дочери Актора, данной родителем мне при замужестве;
Дверь заповеданной спальни она стерегла неусыпно.
Ты же мою, Одиссей, убедил непреклонную душу».

Кончила. Скорбью великой наполнилась грудь Одиссея.
Плача, приникнул он к сердцу испытанной, верной супруги.
В радость, увидевши берег, приходят пловцы, на обломке
Судна, разбитого в море грозой Посейдона, носяся
В шуме бунтующих волн, воздымаемых силою бури;
Мало из мутносоленной пучины на твердую землю
Их, утомленных, изъеденных острою влагой, выходит;

Радостно землю объемлют они, избежав потопленья.
Так веселилась она, возвращенным любуясь супругом,
Рук белонезных от шеи его оторвать не имея
Силы. В слезах бы могла их застать златотронная Эос,
Если б о том не подумала дочь светлоокая Зевса:
Ночь на пределах небес удержала Афина; деннице ж
Златопрестольной из вод океана коней легконогих,
С нею летающих, Лампа и брата его Фазтона
(Их в колесницу свою заложив), выводить запретила.
Так благонравной супруге сказал Одиссей хитроумный:
«О Пенелопа, еще не конец испытаниям нашим;
Много еще впереди предлежит мне трудов несказанных,
Много я подвигов тяжких еще совершить предназначен.
Так мне пророка Тиресия тенью предсказано было
Некогда в области темной Аида, куда нисходил я
Сведать, настанет ли мне и спутникам день возвращенья.
Время, однако, идти, Пенелопа, на ложе, чтоб, в сладкий
Сон погрузившись, свои успокоить усталые члены».
Умная так отвечала на то Одиссею царица:
«Ложе, возлюбленный, будет готово, когда пожелает
Сердце твое: ты по воле богов благодетельных снова
В светлом жилище своем и в возлюбленном крае отчизны;
Если же всё наконец по желанью исполнили боги,
Друг, расскажи мне о новых тебе предстоящих напастях;
Слышать и после могла б я о них; но мне лучше немедля
Сведать о том, что грозит впереди». Одиссей отвечал ей:
«Ты, неотступная! Странно твое для меня нетерпенье.
Если, однако, желаешь, я все расскажу; но не будет
Радостно то, что услышишь; и мне самому не на радость
Было оно. Прорицатель Тиресий сказал мне: „Покинув
Царский свой дом и весло корабельное взявши, отправься
Странствовать снова и странствуй, куда людей не увидишь,
Моря не знающих, пищи своей никогда не солящих,
Также не зревших еще на водах кораблей быстроходных,
Пурпурногрудых, ни весел, носящих, как мощные крылья,
Их по морям. От меня же узнай несомнительный признак;
Если дорогой ты путника встретишь и путник тот спросит:
„Что за лопату несешь на блестящем плече, иноземец?“ –
В землю весло водрузи – ты окончил свое роковое,
Долгое странствие. Мощному там Посейдону принесши
В жертву барана, быка и свиней оплодителя вепря,
В дом возвратись и великую дома сверши гекатомбу
Зевсу и прочим богам, беспредельного неба владыкам,
Всем по порядку. И смерть не застигнет тебя на туманном
Море; спокойно и медленно к ней подходя, ты кончину
Встретишь, украшенный старостью светлой, своим и народным
Счастьем богатый“. Вот то, что в Аиде сказал мне Тиресий».
Выслушав, умная так Пенелопа ему отвечала:
«Если достигнуть до старости нам дозволяют благие
Боги, то есть упованье, что наши беды прекратятся».
Так говорили о многом они, беседуя сладко.
Тою порой Евринома с кормилицей, факелы взявши,
Ложе пошли приготовить из многих постилок; когда же
Было совсем приготовлено мягкоупругое ложе,
Лечь на постелю свою, утомаясь, пошла Еврикля;
Факел пылающий в руки взяла Евринома и в спальню
Их повела, осторожно светя перед ними; с весельем
В спальню вступили они; Евринома ушла; а супруги
Старым обычаем вместе легли на покойное ложе.
Скоро потом Телемах, свинопас и Филойтий, окончить
Пляску велев, отослали служанок и сами по темным
Горницам, всех отпустив, разошлись, там легли и заснули.
Тою порою, утехой любви удовольствовав душу,
Нежно-веселый вели разговор Одиссей с Пенелопой.
Все рассказала она о жестоких, испытанных ею
Дома обидах: как грабили дом женихи беспощадно,
Сколько быков круторогих, и коз, и овец, и свиней там
Съедено ими, и сколько кувшинов вина дорогого

Выпито. Выслушав, все о себе в свой черед рассказал он.
Сколько напастей другим приключил и какие печали
Сам испытал. И внимала с весельем она, и до тех пор
Сон не сходил к ней на вежды, покуда не кончилась повесть.
Он рассказал: как в начале ограбил киконов; как прибыл
К людям, которые лотосом сладким себя насыщают;
Что потерпел от циклопа и как за товарищей, зверски
Сожранных им, отомстил и от гибели спасся плачевной;
Как посетил гостелюбца Эола, который радушно
Принял его, одарил и отправил домой; как в отчизну
Злая судьба возвратиться ему не дала; как обратно
В море его, вопиющего жалобно, буря умчала;
Как принесен был он к берегу лихих лестригонов: они же
Разом его корабли и спутников меднообутых
Всех истребили; а он с остальным кораблем чернобоким
Спасся. Потом рассказал он о хитрых волшебствах Цирцеи;
Также о том, как в туманную область Аида, в котором
Душу Тиресия велено было спросить, быстроходным
Был приведен кораблем, там умерших товарищей тени
Встретил и матери милой отшедшую душу увидел;
Как он подслушал сирен сладострастно-убийственный голос;
Как меж плавучих утесов, Харибдой и Скиллой, которых
Смертный еще ни один не избегнул, прошел невредимо;
Как святотатно товарищи съели быков Гелиоса;
Как в наказание за то был корабль их губительным громом
Зевса разрушен и всех злополучных спутников бездна
Вдруг поглотила, а он, избежав истребительной Керы,
К берегу Огигии острова был принесен, где Калипсо –
Нимфа его приняла и, желая, чтоб был ей супругом,
В гроте глубоком его угощала и даже хотела
Дать напоследок ему и бессмертье и вечную младость,
Верного сердца, однако, его обольстить не успела;
Как принесен был он бурей на остров людей феакийских,
С честью великой его, как бессмертного бога, принявших;
Как наконец в корабле их он прибыл домой, получивши
Множество меди, и злата, и риз драгоценных в подарок.
Это последнее он рассказал уж в дремоте, и скоро
Сон прилетел, чарователь тревог, успокоитель сладкий.
Добрая мысль родилась тут в уме светлоокой Паллады:
В сердце своем убедившись, что сном безмятежным на ложе
Подле супруги довольно уже Одиссей наслаждался,
Выйти из вод Океана велела она златотронной
Эос, чтоб светом людей озарить; Одиссей пробудился.
С мягкого ложа поднявшись, сказал он разумной супруге:
«Много с тобой, Пенелопа, донныне мы бед претерпели
Оба: ты здесь обо мне, ожидаемом тщетно, крушилась;
Я осужден был Зевесом-отцом и другими богами
Странствовать, надолго с милой отчизной моей разлученный.
Ныне опять мы на сладостном ложе покоимся вместе.
Ты наблюдай, Пенелопа, за всеми богатствами в доме,
Я же потщусь истребленное буйными здесь женихами
Все возвратить: завуюю одно; добровольно другое
Сами ахейцы дадут, и уплатится весь мой убыток.
Надобно прежде, однако, наш сад плодovitый и поле
Мне посетить, чтоб увидеть отца, сокрушенного горем.
Ты ж без меня осмотрительна будь, Пенелопа. С восходом
Солнца по городу быстро раздастся молва о убийстве,
Мной совершенном, о гибели всех женихов многобуйных.
Ты удалися с рабынями вместе наверх и седи там
Смирно, ни с кем не входя в разговор, никому не являйся».
Кончив, на плечи свои он накинул прекрасную броню,
Сына с Филойтием, с верным Евмеем позвал и велел им
Также Ареево в руки оружие взять и облечься
В брони; то было исполнено; крепкою медью покрывшись,
Вышли они, Одиссей впереди, из ворот. Восходила
В тихом сиянии Эос. Афина их, мглой окруженных,
Вывела тайно по улицам людного города в поле.
Песнь двадцать четвертая

Души женихов, приведенные Эрмием в Аид, встречаются там Ахиллеса и Агамемнона. Амфимедон рассказывает о гибели женихов Агамемнону, который воздает хвалу мужественному Одиссею и благонравной Пенелопе. Тем временем Одиссей открывает отцу; за обедом он узнан Долионом и его сыновьями. Весть о гибели женихов возбуждает в городе мятеж. Евпейт ведет своих сообщников против Одиссея. Одиссей остается победителем. Между враждующими заключается мир с помощью Афины.

Эрмий тем временем, бог килленийский, мужей умерщвленных
Души из трупов бесчувственных вызвал; имея в руке свой
Жезл золотой (по желанью его наводящий на бодрых
Сон, отверзающий сном затворенные очи у сонных),
Им он махнул, и, столпясь, полетели за Эрмием тени
С визгом; как мыши летучие, в недре глубокой пещеры,
Цепью к стенам прилепленные, если одна, оторвавшись,
Свалится наземь с утеса, визжат, в беспорядке порхая, –
Так, завизжав, полетели за Эрмием тени; и вел их
Эрмий, в бедах покровитель, к пределам тумана и тленья;
Мимо Левкада-скалы и стремительных вод Океана,
Мимо ворот Гелиосовых, мимо пределов, где боги
Сна обитают, провеяли тени на асфодилонский
Луг, где воздушными стаями души усопших летают.
Первая им повстречалась тень Ахиллеса Пелида;
С ним был Патрокл, Антилох беспорочный и сын Теламонов
Бодрый Аякс, красотою, и мужеством бранным, и силой,
После Пелеева сына, ахейн других затмевавший.
Легкой толпою они окружили их. Тихо и грустно
Тень Агамемнона, сына Атреева, тут подошла к ним;
Следом за ней подошли и все тени товарищей, падших
В доме Эгиста с Атридом, с ним вместе постигнутых роком.
Слово душа Ахиллеса к душе Агамемнона прежде
Всех обратила: «Атрид, нам казалось, что Зевс-громолюбец
Боле к тебе, чем к героям другим, благосклонствовал; им ты
Был над владыками сильными первовластителем сделан
В крае троянском, где много мы бед претерпели, ахейцы.
Но и тебе повстречать на земле предназначено было
Страшную Мойру, которой никто не избег из рожденных.
О, для чего, окруженный величием, властью и славой,
Ты не погиб меж товарищей бранных у стен Илиона!
Холм бы над прахом твоим был насыпан ахейцами, сыну
Славу великую ты навсегда бы в наследство оставил;
Ныне ж плачевною смертью по воле судьбины погиб ты».
Тень Агамемнона тени Пелидовой так отвечала:
«Сын Пелеев, избранник богов, ты завидно был счастлив;
Пал далеко от Аргоса в троянской земле ты, но пало
Много тобой умерщвленных троян вокруг тебя, и за труп твой
Бились ахейцы славнейшие; ты же под вихрями пыли,
Тихий, огромный и страшный, лежал там, забыв колесничный
Бой; и день целый мы бились все за тебя, и конца бы
Не было битве, когда бы Зевес не развел нас грозою.
Вынеся тело из боя твое, к кораблям возвратились
С ним мы; его положивши на одр и водою омывши,
Маслом натерли прекрасную голову; много рыдало
Вкруг бездыханного трупа ахейн, свои от печали
Волосы рвавших. И с нимфами моря из бездны глубокой
Вышла скорбящая мать; и раздался ее несказанный
По морю крик: трепетание страха проникло ахейн;
Все всколебались, и все б к кораблям убежали глубоким,
Если бы их не успел удержать многознающий старец
Нестор, всегда подававший советы разумные; полный
Мыслей благих, обратясь к товарищам, так им сказал он:
«Стойте, ахейцы! Куда вы бежите, аргивяне? Что вас
Так испугало? То с нимфами моря из бездны глубокой
Скорбная мать подымается мертвого сына увидеть».
Так он сказал: ободрились ахейские мужи. «И труп твой
Нимфы прекрасные, дочери старца морей, окружили
С плачем и светло-божественной ризой его облачили;
Музы – все девять – сменялся, голосом сладостным пели

Гимн похоронный; никто из аргивян с сухими глазами
Слушать не мог сладкопения муз, врачевательниц сердца;
Целых семнадцать там дней и ночей над тобой проливали
Горькие слезы бессмертные боги и смертные люди;
Но на осьмнадцатый день был огню ты торжественно предан;
Мелкого много скота и быков криворогих убили
В почесть твою; и в божественной ризе, помазанный сладким
Медом и мазью душистою, был ты сожжен; и ахейцы,
В медь облачась, у костра, на котором сгорал ты, кипели,
Конные, пешие, в быстрых блестя колесницах; великий
Говор и шум был; когда же Гефестово пламя пожрало
Труп твой, с восходом денницы мы собрали белые кости,
Чистым вином их омыли, умастили мазью; златую
Урну дала сокрушенная мать; Дионис ей, сказала,
Ту подарил драгоценную урну, созданье Гефеста.
Ныне хранятся в ней кости твои, Ахиллес лучезарный,
Вместе с костями Патрокла, погибшего прежде во брани,
Но далеко от костей Антилоха, который тобою,
После Патрокловой смерти, всех боле ахейн любим был.
Холод погребальный великий над вашими урнами был тут
Ратью святой копыеносных аргивян у светло-широких
Вод Геллеспонта на бреге, вперед выходящем, насыпан;
Будет далеко он на море видим пловцам мореходным
Наших времен и грядущего времени всем поколеньям.
Мать же твоя принесла тут дары, у ботов испрося их;
Были ценою победы на играх они для ахейн.
Часто бывал, Ахиллес, ты свидетелем игр похоронных,
В честь многославных, похищенных смертью, царей и героев;
Зрел ты, как юноши, алча венца, снаряжались к бою, –
Здесь же тебя привело в изумление в трепет при виде
Чудных даров, среброногой фетидой в награду победы
Нам от богов принесенных: ты был их избранный любимец.
Так и по смерти ты именем жив, Ахиллес, и навеки
Слава твоя сохранится во всех на земле поколеньях.
Мне ж послужило ль к чему окончание славное брани?
Страшное Зевс приготовил мне в землю отцов возвращенье:
Смерть от Эгиста предательством гнусным жены развращенной».
Так говорили о многом они в откровенной беседе.
Тут им явился, увидели, Эрмий Аргусоубийца,
Души в Аид женихов, Одиссеем убитых, ведущий.
Оба они, изумясь, приблизились к теням; в густом их
Сонме душа Агамемнона, сына Атреева, душу
Амфимедона, Мелантова славного сына, узнала.
Житель Итаки, он гостем издавна Атриду считался;
Амфимедонову душу душа Агамемнона грустным
Словом спросила: «Что сделалось с вами? Зачем вас так много,
Юных, прекрасных, в подземную область приходит? Никто бы
Лучших не выбрал, когда б надлежало меж первыми в граде
Выбрать. В пучине ли вас погубил Посейдон с кораблями,
Бурю пригнав и великие волны воздвигнув? На суше ль
Враг многосильный сразил вас внезапно, захваченных в поле,
Где вы ловили его криворогих быков и баранов,
Или во граде, где жен похищали и грабили дома
Дерзкой толпою? Ответствуй; мне гостем считался ты в жизни.
Помнишь ли время, когда твой отеческий дом посетил я,
Вызвать спеша Одиссея, чтоб с братом моим Менелаем
Шел в кораблях разрушать Илиона могучие стены?
Целый мы плавали месяц по темно-широкому морю,
Прежде чем был убежден Одиссей, городов сокрушитель».
Амфимедонова тень отвечала Атридовой тени:
«Сын Атреев, владыка людей, государь Агамемнон,
Памятно все мне, о чем говоришь ты, питомец Зевесов.
Если же ведать желаешь, тебе расскажу я подробно,
Как мы погибли, какую нам смерть приготовили боги.
Спорили все мы друг с другом о браке с женой Одиссея;
В брак не желая вступить и от брака спастись не имея
Средства, нам гибель и смерть замышляла в душе Пенелопа.
Слушай, какую она вероломно придумала хитрость.

Стан превеликий в покоях поставя своих, начала там
Тонко-широкую ткань и, собравши нас всех, нам сказала:
„Юноши, ныне мои женихи, – поелику на свете
Нет Одиссея, – отложим наш брак до поры той, как будет
Кончен мой труд, чтоб начатая ткань не пропала мне даром;
Старцу Лаэрту покров гробовой приготовить хочу я
Прежде, чем будет он в руки навек усыпляющей смерти
Парками отдан, дабы не посмели ахейские жены
Мне попрекнуть, что богатый столь муж погребен без покрова“.
Так нам сказала, и мы покорились ей мужеским сердцем.
Что же? День целый она за тканьем проводила, а ночью,
Факел зажегши, сама все, натканное днем, распускала.
Три года длился обман, и она убеждать нас умела;
Но когда обращенем времен приведенный четвертый
Год совершился, промчались месяцы, дни пролетели, –
Все нам одна из служительниц, знавшая тайну, открыла;
Сами тогда ж мы застали ее за распущенной тканью;
Так и была приневолена нехотя труд свой окончить.
Но лишь, окончив свой труд принужденный, она напоследок
Ткань, как луна иль как солнце блестящую, нам показала,
Демон враждебный внезапно привел Одиссея в Итаку;
В дом он сначала пришел к свинопасу Евмею; туда же
Был приведен и подобный богам Телемах, совершивший
Свой от песчаного Пилоса путь в корабле чернобоком.
Оба они, там замыслив ужасную нашу погибель,
В город вошли многославный; сперва Телемах, Одиссеев
Сын; а за ним напоследок и сам Одиссей хитроумный;
Он приведен был Евмеем, одетый в убогое платье,
В образе хилого старца, который чуть шел, подпираясь
Посохом, рубище в жалких лохмотьях набросив на плечи.
Нам же (и самым разумным из нас) не входило ни разу
В мысли, чтоб это был сам Одиссей, возвратившийся тайно
В дом свой: в него мы швыряли; его поносили словами;
Долгое время он в собственном доме с великим терпеньем
Молча сносил и швырянье и наши обидные речи.
Но, ободренный эгидоносителем, грозным Зевесом,
Он с Телемахом вдвоем все доспехи прекрасные собрал,
В дальний покой перенес их и там запертыми оставил;
После коварным советом своим побудил Пенелопу,
Страшные стрелы и лук Одиссеев тугой нам принесши,
Вызвать нас, бедных, к стрелянью и к верной погибели нашей.
Мы же (и самый сильнейший из нас) не могли непокорный
Лук натянуть тетивую: на то недостало в нас силы;
Но когда поднесен Одиссею был лук свинопасом,
Всею толпой на него закричали мы, лук Одиссеев
В руки давать запрещаая бродяге, хотя и просил он.
Нам вопреки Телемах богоравный на то согласился.
Взявши могучий свой лук, Одиссей, в испытаниях твердый,
Вмиг натянул тетиву, и сквозь кольца стрела пролетела.
Прянув тогда на порог, из колчана он высыпал стрелы,
Страшно кругом озираясь. И был Антиной им застрелен
Первый; и бешено стал посылать он стрелу за стрелю;
Не было промаха; падали все умерщвленные; было
Ясно, что кто-нибудь помощь ему подавал из бессмертных,
Бросясь на нашу толпу, он по всей разогнал нас палате.
Страшное тут началось убийство, раздался великий
Крик; был разбрызган наш мозг, и дымился затопленный кровью
Пол. Так плачевно погибли мы все, Агамемнон. Еще там
Наши лежат погребенья лишенные трупы; о нашей
Смерти не сведал еще ни один из родных и из ближних;
Наши кровавые раны еще не омыты, еще нас
Пламень не сжег, и никто не оплакал, и почести нет нам».
Амфимедоновой тени Атридова тень отвечала:
«Счастливы ты, друг, многохитростный муж, Одиссей богоравный!
Добрую, нравами чистую выбрал себе ты супругу;
Розно с тобою себя непорочно вела Пенелопа,
Дочь многоумная старца Икария; мужу, любящим
Сердцем избранному, верность она сохранила; и будет

Слава за то ей в потомстве; и в песнях Камен сохранится
Память о верной, прекрасной, разумной жене Пенелопе.
Участь иная коварной Тиндаровой дочери, гнусно
В руку убийцы супруга предавшей: об ней сохранится
Страшное в песнях потомков; она навсегда посрамила
Пол свой и даже всех жен, поведением своим беспорочных».
Так говорили о многом они, беседею грустно
В темных жилищах Аида, в глубоких пределах подземных.
Тою порой Одиссей и спутники, вышед из града,
Поля достигли, которое сам обрабатывал добрый
Старец Лаэрт с попеченьем великим, давно им владея.
Сад там и дом он имел; отовсюду широким навесом
Дом окружен был; и днем под навесом рабы собирались
Вместе работать и вместе обедать; а ночью там вместе
Спали; была между ними старушка породы сикельской;
Старцу служила она и пеклася о нем неусыпно.
Так Одиссей, обратясь к Телемаху и к прочим, сказал им:
«Все вы теперь совокупно войдите во внутренность дома.
Лучшую выбрав свинью, на обед наш ее там зарежьте;
Я же к родителю прямо пойду: испытать я намерен,
Буду ль им узнан, меня угадают ли старцевы очи,
Или от долгой разлуки я стал и отцу незнакомцем».
Так говоря, он оружие отдал рабам; и поспешно
В дом с Телемахом вступили они; Одиссей же направил
Путь к плодоносному саду, там встретить надеясь Лаэрта.
В сад он вступив, не нашел Долиона, и не было также
Там ни рабов, ни детей Долионовых; посланы были
Все они в поле терновник собирать для заграды садовой;
С ними пошел и старик Долион указать им дорогу.
Старца Лаэрта в саду одного Одиссей многоумный
Встретил; он там подчищал деревцо; был одет неопрятно;
Платье в заплатах; худыми ремнями из кожи бычачей,
Наживо сшитыми, были опутаны ноги, чтоб иглы
Их не царапали; руки от острых колючек терновых
Он защитил рукавицами; шлык из потерявшейся козьей
Шкуры покровом служил голове, наклоненной от горя.
Так Одиссею явился отец, сокрушенный и дряхлый.
Он притаился под грушей, дал волю слезам и, в молчанье
Стоя там, плакал. Не знал он, колеблясь рассудком, что сделать:
Вдруг ли открывшись, ко груди прижать старика и, целуя
Руки его, объявить о своем возвращенье в Итаку?
Или вопросами выведать все от него понемногу?
Дело обдумав, уверился он напоследок, что лучше
Опыту старца притворно-обидною речью подвергнуть.
Так рассудив, подошел Одиссей богоравный к Лаэрту.
Голову он наклонял, деревцо подчищая мотыгой.
Близко к нему подступивши, сказал Одиссей лучезарный:
«Старец, ты, вижу, искусен и опытен в деле садовом;
Сад твой в великом порядке; о каждом равно ты печешься
Дереве; смоквы, оливы, и груши, и сочные грозды
Лоз виноградных, и гряды цветочные – все здесь в приборе.
Но, не сердись на меня, не могу не сказать откровенно,
Старец, что сам о себе ты заботаешься плохо; угрюма
Старость твоя, ты нечист, ты одет неопрятно; уж верно,
Твой господин до тебя так недобр не за леность к работе.
Сам же ты образом вовсе не сходишь с рабом подчиненным;
Царское что-то и в виде и стане твоим нахожу я;
Боле подобен ты старцу, который, омывшись, насытись,
Спит на роскошной постели, как всякому старцу прилично.
Но отвечай мне теперь, ничего от меня не скрывая:
Кто господин твой? За чьим плодоносным ты садом здесь смотришь?
Также скажи откровенно, чтоб мог я всю истину ведать:
Вправду ль на остров Итаку я прибыл, как это сказал мне
Кто-то из здешних, меня на дороге сюда повстречавший?
Был он, однако, весьма неприветлив; со мной разговора
Весть не хотел и мне не дал ответа, когда я о госте,
Некогда принятом мною, его расспросить попытался:
Жив ли и здесь ли еще иль уж в область Аида сошел он?

Ведать ты должен, и выслушай то, что скажу я: давно уж
Мне угощать у себя посетившего дом мой случилось
Странника; много до тех пор гостей из далеких, из ближних
Стран приходило ко мне; но такой между ими разумный
Мне не встречался; он назвал себя уроженцем Итаки,
Аркесиада Лаэрта, молвою хвалимого, сыном.
Принял я в доме своем Одиссея; и мной угощен был
Он с дружелюбною роскошью – много запасов имел я
В доме; и много подарков мой гость получил на прощанье:
Золота дал я отличной доброты семь полных талантов;
Дал сребролитную чашу, венчанную чудно цветами,
С нею двенадцать покровов, двенадцать широких вседневных
Мантий и к верхним двенадцати ризам двенадцать хитонов;
Кроме того, подарил четырех рукодельных невольниц:
Были они молодые, красивые; сам он их выбрал».
Крупную старец слезу уронив отвечал Одиссею:
«Странник, ты подлинно прибыл в тот край, о котором желаешь
Сведать; но им уж давно завладели недобрые люди.
Ты понапрасну с таким гостелюбием истратил подарки;
Если б в Итаке живым своего ты давнишнего гостя
Встретил, тебя отдарил бы он так же богато, принявши
В дом свой: таков уж обычай, чтоб гости друг друга дарили.
Но отвечай мне теперь, ничего от меня не скрывая:
Сколько с тех пор миновалось лет, как в своем угощал ты
Доме несчастного странника? Странник же этот был сын мой,
Сын Одиссей – злополучный! Быть может, далеко от милой
Родины, рыбами съеден он в бездне морской иль на суше
Птицам пустынным, зверям плотоядным достался в добычу;
Матерью не был он, не был отцом погребен и оплакан;
Не был и дорогокупленной, верной женой Пенелопой
С плачем и криком на одр положен; и она не закрыла
Милых очей; и обычной ему не оказано чести.
Ты же скажи откровенно, чтоб мог я всю истину ведать:
Кто ты? Какого ты племени? Где ты живешь? Кто отец твой?
Кто твоя мать? Где корабль, на котором ты прибыл в Итаку?
Где ты покинул товарищей? Или чужим, как попутчик,
К нам привезен кораблем и, тебя здесь оставя, отплыл он?»
Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
«Если ты знать любопытствуешь, все расскажу по порядку:
Я родился в Алибанте; живу там в богатых палатах;
Полипимонид Афейд, той страны обладатель, отец мой;
Имя дано мне Еперит. Сюда неприяженный демон
Против желанья меня, от Сикании плывшего, бросил;
Свой же корабль я поставил под склоном Нейона лесистым.
Должен, однако, ты ведать, что с тех пор уж пять совершилось
Лет, как мое посетивши отечество, сын твой пустился
В море. Ему ж при отплытии счастливый путь предсказали
Птицы, взлетевшие справа; я весело с ним разлучился;
Весело поплыл и он; мы питались надеждою сладкой:
Часто видаться, друг другу подарками радуя сердце».
Так говорил Одиссей; и печаль отуманила образ
Старца; и, прахом наполнивши горсти, свою он седую
Голову всю им, вздохнув со стенаньем глубоким, осыпал.
Сердце у сына в груди повернулось, и, спершись, дыханье
Кинулось в ноздри его, – он сражен был родителя скорбью.
Бросаясь к нему, он, его обхватя и целуя, воскликнул:
«Здесь я, отец! Я твой сын, Одиссей, столь желанный тобою,
Волей богов возвратившийся в землю отцов через двадцать
Лет; воздержись от стенаний, оставь сокрушение и слезы.
Слушай однако: мгновенья нам тратить не должно, понеже
В доме моем истребил я уж всех женихов многобуйных,
Мстя им за все беззакония их и за наши обиды».
Кончил. Лаэрт изумленный ответствовал так Одиссею:
«Если ты подлинно сын Одиссей, возвратившийся в дом свой, –
Верный мне знак покажи, чтоб мое уничтожить сомненье».
Старцу Лаэрту ответствовал так Одиссей хитроумный:
«Прежде тебе укажу я на этот рубец; мне поранил
Ногу, ты помнишь, клыком разъяренный кабан на Парнасе;

Был же туда я тобою и милою матерью послан
К Автоликону, отцу благородному матери, много
(Нас посетив) посулившему дать мне богатых подарков.
Если ж желаешь, могу я тебе перечесть и деревья
В саде, которые ты подарил мне, когда я однажды,
Бывши малюткою, здесь за тобою бежал по дорожке.
Сам ты, деревья даря, поименно мне каждое назвал:
Дал мне тринадцать ты груш оцветившихся, десять отборных
Яблонь и сорок смоковниц; притом пятьдесят виноградных
Лоз обещал, приносящих весь год многосочные грозды:
Крупные ж ягоды их, как янтарь золотой иль пурпурный,
Блещут, когда созревают они благодатью Зевеса».
Так он сказал. Задрожали колена и сердце у старца;
Все сочтены Одиссеевы признаки были. Заплакав,
Милого сына он обнял, потом обеспамятел; в руки
Принял его, всех лишенного сил, Одиссеей богоравный;
Но напоследок, когда возвратились и память и силы,
Голос возвысив и взор устремивши на сына, сказал он:
«Слава Зевесу-отцу! Существуют еще на Олимпе
Мстящие боги, когда беззаконники вправду погибли.
Но, Одиссеей, я страшуся теперь, что подымется в граде
Скоро мятеж, и сюда соберется народ, и с ужасной
Вестью гонцы разошлются по всем городам кефаленским».
Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссеей хитроумный:
«Будь беззаботен; не этим теперь ты тревожиться должен.
Лучше пойдем мы в твой дом, находящийся близко отсюда;
Я уж туда Телемаха с Филойтием, с старым Евмеем
Прямо послал, им велев приготовить обед нам обильный».
С сими словами к красивому дому направили путь свой
Сын и отец; и, когда напоследок вступили в красивый
Дом, Телемах там с Филойтием, с старым Евмеем, состряпав
Пищу, уж резали мясо и в кубки вино разливали.
Тою порою, Лаэрта в купальне омывши, рабыня
Старцево тело его благовонным елеем натерла,
Чистой мантией плечи его облекла; а Афина,
Тайно к нему подошедши, его возвеличила ростом,
Сделала телом полней и лицу придала моложавость.
Вышел из бани он светел. Отца подходящего видя,
Сын веселился его красотою божественно-чистой.
Взор на него устремивши, он бросил крылатое слово:
«О родитель! Конечно, один из богов олимпийских
Так озарил красотою твой образ, так выпрямил стан твой!»
Кротко на то Одиссею Лаэрт отвечал многославный:
«Если б, – о Дий Громовержец! о Феб Аполлон! о Афина! –
Был я таков, как в то время, когда с кефаленскою ратью
Нерикон-град на утесе земли матерой ниспровергнул,
Если б в доме вчера я таким пред тобою явился,
Броню надел на плеча и, тебе помогая, ударил
Вместе с тобою на толпу женихов – сокрушил бы колена
Многим из них я; и ты бы, любуясь отцом, веселился».
Так говорили они, беседуя сладко друг с другом.
Стряпанье кончив, обильный обед приготовив и севши
Вместе за стол надлежащим порядком на креслах и стульях,
Весело подняли руки они к приготовленной пище.
Скоро с работы пришел и старик Долион с сыновьями;
Звать их за стол к ним навстречу рабыня сикельская вышла.
(Всех сыновей воспитала она, а за старым отцом их,
Слабым от лет, с неусыпным усердием в доме пеклася.)
В двери столовой вступивши, при виде нежданного гостя,
Все изумились они и стояли, не трогаясь с места.
Ласково к ним обратясь, сказал Одиссеей хитроумный:
«Что же ты медлишь? Садися за стол к нам, старик; удивленья
Ваше оставив, пообедайте с нами; давно уж сидим мы
Здесь за столом, дожидаясь, чтоб вы возвратились с работы».
Так он сказал. Долион, подбежав к своему господину,
Руки его целовать с несказанною радостью начал;
Взор на него устремивши, он бросил крылатое слово:
«Здесь наконец ты, наш милый, желанный! Увидеть нам дали

Боги тебя – а у нас уж в душе и надежды свиданья
Не было. Здравствуй и радуйся! Боги да будут с тобою!
Нам же теперь объяви, чтоб могли всю истину ведать,
Дал ли уже ты разумной супруге своей Пенелопе
Знать о своем возвращенье? Иль вестника должно послать к ней?»
Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
«Сказано все ей, старик; не заботься об этом напрасно».
Так отвечал Одиссей. Долион поместился на гладком
Стуле. Его сыновья, своему поклонясь господину,
С словом приветливым руку пожали ему и обедать
Сели с другими за стол близ отца своего Долиона.
Так пировали они в многославном жилище Лаэрта.
Осса тем временем с вестью ходила по улицам града,
Страшную участь и лютую смерть женихов разглашая;
Все взволновались жители града; великой толпою
С ропотом, с воплем сбегался народ к Одиссееву дому;
Вынесли мертвых оттуда; одних схоронили; других же
В дома семейные их по иным городам разослали,
Трупы развесть поручив рыбакам на судах быстроходных.
На площадь стали потом все печально собираться; когда же
На площадь все собрались и собрание сделалось полным,
Первое слово к народу Евпейт обратил благородный;
В сердце о сыне своем, Антиное прекрасном, который,
Первый застреленный, первою жертвою был Одиссея,
Он сокрушался; и так, сокрушенный, сказал он народу:
«Граждане милые, страшное зло Одиссей нам, ахейцам,
Всем приключил. Благороднейших некогда в Троию увлекши
Вслед за собой, корабли и сопутников всех погубил он;
Ныне ж, домой возвратясь, умертвил кефаленян знатнейших.
Братья, молю вас – пока из Итаки не скрылся он в Пилос
Или не спасся в Элиду, священную землю эпеян, –
Выйти со мной на губителя; иначе стыд нас покроет;
Мы о себе и потомству оставим поносную память,
Если за ближних своих, за родных сыновей их убийцам
Здесь не отмстим. Для меня же, скажу, уж тогда нестерпима
Будет и жизнь; и за ними, погибшими, в землю сойду я.
Нет, не допустим, граждане, их праведной кары избегнуть!»
Так говорил он, печальный, и всех состраданье проникло.
Фемий тогда и глашатай Медонт, в Одиссеевом доме
Ночь ту прошедшие, вставши от сна, пред народным собраньем
Оба явились; при виде их каждый пришел в изумленье.
Умные мысли имея, Медонт им сказал: «Приглашаю
Выслушать слово мое вас, граждане Итаки; не против
Воли Зевесовой так поступил Одиссей благородный;
Видел я сам, как один из бессмертных богов олимпийских
Там появился внезапно, облекшийся в Менторов образ;
Он, всемогущий, то, стоя пред ним, возбуждал в Одиссее
Бодрость, то, против толпы женихов обращаясь, гонял их,
Трепетных, из угла в угол, и все друг на друга валились».
Так он сказал им, и были все ужасом схвачены бледным.
Выступил тут пред народ Алиферс, многоопытный старец,
Сын Масторов; грядущее он, как минувшее, ведал;
С мыслью благой обратясь к согражданам, так им сказал он:
«Выслушать слово мое приглашаю вас, люди Итаки;
Вашей виною, друзья, совершилась беда роковая;
Мне вы и Ментору мудрому не дали веры, когда мы
Вовремя вас убеждали унять сыновей безрассудных,
Много себе непозволенных дел позволявших, губивших
Дом Одиссеев и злые обиды нанесших супруге
Мужа, который, мечтали, сюда не воротятся вечно.
Вот вам теперь мой совет; моему покоритесь слову:
Мирно останьтесь здесь, чтоб беды на себя не накликасть
Злейшей». Сказал; половина большая собранья с свирепым
Воплем вскочила; покойно на месте остались другие.
Те ж, негодуя на речь Алиферсову, вслед за Евпейтом
Бросились шумно-неистовым сонмом готовиться к бою.
Все, облачившись в крепкие медноблестящие брони,
За город вышли и там собрались великой толпою.

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya

Их предводитель Евпейт, обезумленный горем великим,
Мнил, что за сына отмстит; но ему не назначено было
В дом свой опять возвратиться; его стерегла уж судьбина.
Тут светлоокая Зевса Крониона дочь обратила
Слово к отцу и сказала: «Кронион, верховный владыка,
Мне отвечай, вопрошающей: что ты теперь замышляешь?
Злую ль гражданскую брань и свирепо-кровавую сечу
Здесь воспалить? Иль противникам миром велеть сочтаться?»
Ей возражая, ответствовал туч собиратель Кронион:
«Странно мне, милая дочь, что меня ты о том вопрошаешь;
Ты не сама ли рассудком решила своим, что погубит
Всех их, домой возвратясь, Одиссей многоумный? Что хочешь
Сделать теперь, то и сделай. Мои же тебе я открою
Мысли: отмстил женихам Одиссей богоравный – имел он
Право на то; и царем он останется; клятвой великой
Мир утвердится; а горькую смерть сыновей их и братьев
В жертву забвению мы предадим; и любовь совокупит
Прежняя всех; и с покоем обилие здесь водворится».
Кончив, велел он идти нетерпением горевшей Афине.
Бурно в Итаку с вершины Олимпа шагнула богиня.
Те же, насытятся вдоволь, обед свой окончили. Голос
Свой Одиссей тут возвысил и бросил крылатое слово:
«Должно, чтоб кто-нибудь вышел теперь посмотреть: не идут ли?»
Так он сказал, и один из младых сыновей Долиона
В двери пошел; но с порога дверей, подходящих увидя,
Громко воскликнул и быстрое слово Лаэртovu сыну
Бросил: «Идут! Поспешите! Оружие в руки! Их много!»
Все побежали немедля и в крепкие брони оделись;
Был Одиссей сам-четверт; Долионовы стали с ним рядом
Шесть сыновей. И Лаэрт с Долионом оружие также
Взяли – седые, нуждой ополченные ратники-старцы.
Все совокупно, облекшись в медноблестящие брони,
Вышли они, Одиссей впереди, из дверей. К Одиссею
Тут подошла светлоокая дочь Громовержца Зевеса,
Сходная с Ментором видом и речью, богиня Афина;
Радостью был он проникнут, ее пред собою увидя.
К сыну потом обратясь, он бросил крылатое слово:
«Друг Телемах, наступила пора и тебе отличиться
Там, где, сражаясь, великою честью себя покрывает
Страха не знающий муж. Окажися достойным породы
Бодрых отцов, за дела прославляемых всею землею».
Кротко отцу отвечал рассудительный сын Одиссеев:
«Сам ты увидишь, родитель, что я посрамить не желаю
Бодрых отцов, за дела прославляемых всею землею».
Так он сказал. Их услышав, Лаэрт вдохновенно воскликнул:
«Добрые боги, какой вы мне день даровали! О радость!
Слышу, как сын мой и внук мой друг с другом о храбрости спорят!»
Дочь многосильная Зевса, к нему подошедши, сказала:
«Бодрый Аркесиев сын, из товарищей всех мне милейший,
В помощь призвавши Зевеса-отца и Афину Палладу,
Выдь на врага и копье длиннотенное брось наудачу».
Слово ее пробудило отважность великую в старце;
Он, помоляся владыке Зевесу и грозной Палладе,
Вышел вперед и копье длиннотенное бросил, не целясь.
В медноланичный Евпейтов шелом он попал, и, защиту
Меди пробивши, расколотый череп копье просадило;
Грянулся навзничь Евпейт, и на нем загревели доспехи.
Тут на передних ударя сам-друг, Одиссей с Телемахом
Начали быстро разить их мечом и копьем; и погибли
Все бы они и домой ни один не пришел бы обратно,
Если бы дочь Громовержца эгидоносителя Зевса
Громко не крикнула, гибель спеша отвратить от народа:
«Стойте! Уймитесь от бедственной битвы, граждане Итаки!
Крови не лейте напрасно и злую вражду прекратите!»
Так возопила Афина; все схвачены трепетом бледным
Были они и, оружие в страхе из рук уронивши,
Пали на землю, сраженные криком богини громовым;
В бегство потом обратясь, устремились, спасаясь, в город.

Громко тогда завопив, Одиссей, непреклонный в напастях,
Кинулся бурно преследовать их, как орел поднебесный.

Но громовую стрелю Крониона вдруг раздвоилось
Небо, и ярко она пред Афиной ударила в землю.

Дочь светлоокая Зевса тогда Одиссею сказала:

«О Лаэртид, многохитростный муж, Одиссей благородный,

Руку свою воздержи от пролития крови, иль будет
В гнев приведен потрясающий небо громами Кронион».

Так говорила богиня. Он радостно ей покорился.

Скоро потом меж царем и народом союз укрепила

Жертвой и клятвой великой приявшая Менторов образ

Светлая дочь Громовержца, богиня Афина Паллада.

Марьяна Роца*

Старинное предание

Тихий и прохладный вечер заступал уже место палящего дня, когда Услад, молодой певец, приблизился к берегам Москвы-реки, на которых провел он дни своей цветущей юности. Гладкая поверхность вод, тихо лобзаемая легким ветерком, покрыта была розовым сиянием запада: в зеркале их отражались с одной стороны дремучий лес и терем грозного Рогдая, окруженный высоким дубовым тыном (он был построен на крутой горе – там, где ныне видим зубчатые стены Кремля, великолепные чертоги древних русских царей, соборы с золотыми главами и колокольню Иван Великий) – с другой зеленые берега, покрытые кустарником и осыпанные низкими хижинами земледельцев. Повсюду царствовало спокойствие; воздух был растворен благоуханием цветущей липы: иногда во глубине леса раздавался голос соловья или печальное пение иволги; иногда непостоянный ветерок потрясал вершины деревьев; иногда робкий кролик, испуганный шорохом, бросался в кустарник и шумел иссохшими ветками. Услад шел по тропинке, извивавшейся между деревьями; душа его, наполненная воспоминаниями, погружена была в задумчивость. Время прошедшее, время, в которое находил он себя счастливым, представилось мыслям его со всем минувшим своим очарованием. «Где ты, моя радость? – воскликнул печальный Услад, – где ты, прежнее время? Прихожу на то же место, на котором некогда называл я жизнь свою веселием: тенистая роца, светлая река, зеленые берега, вы не изменились; но, счастье мое, тебя уже нет. По-прежнему благовонная липа разливает свой сладостный запах, по-прежнему звонкий соловей или пустынная иволга поют во глубине дремучего леса; а тот, кто некогда услаждался благовонием цветущей липы или, задумавшись, при гласе звонкого соловья и стоне пустынной иволги живее мечтал о своем счастье, тот уже не похож на самого себя. Ах! не узнаете вы меня, места прелестные; очи мои потускли от скорби, ланиты мои побледнели, лицо мое помрачилось унынием...» Услад приближается к берегам светлого ручья, [1] который, журча и сверкая, бежал по золотому песку в зеленом кустарнике и сливался с Москвою; он увидел на крутизне горы уединенный терем грозного Рогдая. Последнее блистание вечера играло еще на тесовой кровле верхней светлицы и на острых концах высокого тына; вершины древних дубов, берез и лип, которыми покрыта была вся гора, восходящие одни над другими, мало-помалу омрачались, наконец потемнели совсем; на одном только тереме, который, подобно великану, возвышался над лесом, оставалось умирающее мерцание; наконец и оно померкло, повсюду распространился сумрак. Услад, увидя Рогдаев терем, затрепетал, остановился, долго смотрел на него в молчании, неподвижный, мрачный, сложив крестообразно руки; наконец слезы покатились ручьями из глаз его... «Ах, Мария!» – воскликнул он; вздохнул из глубины сердца, и голова его склонилась ко груди.

Молодой Услад родился на берегу Москвы-реки в бедной хижине, от честных родителей. Природа наградила его прекрасною душою, прекрасным лицом и дарованием слагать прекрасные песни. Часто, простертый на берегу светлой Москвы и смотря на ее серебряные волны, провожал он вечернюю зарю звонким своим рожком. Приятные звуки раздавались по берегам и повторяемы были отголосками сенистой роци. Молодые сельские девушки любили слушать Услада, когда он простыми стихами прославлял весну, спокойствие земледельческих хижин, свободу поднебесных ласточек, нежность дубравных горлиц или изображал приятность маткиной-душки, которой запах сравнивал он с милою душою чадолюбивой матери. Услад был всех приятнее на посиделках; никто не умел так хорошо рассказывать страшных сказок, от которых робкие девушки трепетали и прижимались к своим матерям, а на голове молодых мужчин становились волосы дыбом; ни с кем так не любили играть в хороводы и в разные игры, как с милым, веселым, добросердечным Усладом. В селе называли его соловьем. Старушки переставали хмуриться и бранить своих дочерей, когда приходил к ним Услад; а старики в его присутствии оживлялись и чувствовали себя молодыми. Сельские девушки засматривались на Услада, который имел лицо прелестное, черные глаза, омраченные длинными ресницами, нежные, сияющие под

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya черными густыми бровями; светло-русые волосы, которые легкими кудрями рассыпались по прекрасному лбу, вились вокруг открытой шеи, белой как снег, и оттеняли свежие, румяные, как молодая роза, щеки. Но чаще других и с чувством более нежным смотрела на него прекрасная Мария. Хижина ее построена была на самом том месте, где быстрый ручей сливался с прозрачною Москвою. Марии минуло пятнадцать лет; она имела доброе сердце, но была совершенный младенец: все ее веселило, все трогало и увлекло. – Она любила свою старую мать более самой себя; часто смотрела ей в глаза и говорила со слезами: «Матушка, друг мой, я готова отдать тебе свою душу». Она плакала, когда старушка была или больна, или печальна; но в то же самое время безделица могла овладеть ее вниманием: она бросалась за пестрым мотыльком или смеялась от доброго сердца, когда слышала забавное слово, замечала уродливое лицо. Мария была чувствительна: никакое нежное чувство не могло изгладиться в сердце ее, но оно могло быть забыто (правда, на короткое время) для всякого нового, даже слабейшего впечатления.

Добрая Мария цвела, как полевая фиалка, под сенью родительской хижины, хранящая любовь матери. С некоторого времени душа ее наполнена была тайным пламенем, которым оживотворены были в ней все другие чувства, – любовь к прекрасному Усладу; но это чувство не мешало ей быть веселой по-прежнему, по-прежнему поливать свои цветы, кормить свою малиновку, распевать веселые песенки, когда она сидела вместе с матерью за пряжею на пороге хижины, и смеяться от всей души, когда подружки рассказывали ей смешные сказки. Прекрасный певец ощущал нежную томность в груди своей, когда смотрел в глаза добросердечной Марии. Ах! он любил ее страстно. Милый ее образ носился перед ним, когда он засыпал; он представлялся ему в сновидении; он видел его при первом блеске восходящего утра. Услад был задумчив, когда был с нею розно, задумчив, когда видел ее перед собою, живую, резвую, веселую. Мария вздыхала, на лице ее изображалось глубокое сердечное чувство, когда глаза ее встречались с глазами Услава. Она радовалась, когда Услад уверял ее в нежной своей любви; целовала его в розовые щеки и говорила ему: «Добрый Услад, ты – мое счастье».

Однажды, вечернею порою, певец играл на рожке своем, простертый на берегу источника, в виду Марииной хижины. Мария, услышав знакомые звуки, взяла кувшин и пошла за водою к светлому источнику. Поравнявшись с Усладом, она поставила кувшин на зеленую траву, села подле своего друга, поцеловала его в пламенную щеку и, окружив его белою рукою, склонила к нему на плечо свою прелестную голову. Они задумались. Вечер был тих и ясен; роцца, одушевленная возвратившеюся весною, была наполнена запахом черемухи, благовонным дыханием ландышей, маткиной-душки и трав ароматных; ветерок порхал по деревьям; соловьи свистали вдалеке; в воздухе слышалось жужжание насекомых; легкие струйки источника, озлащаемые заходящим солнцем, которое проникало сквозь редкие деревья, сливали нежное свое плескание с шорохом тростника и трепетанием цветущего шиповника, осенявшего низкие берега источника: все сии звуки производили вместе единую очаровательную гармонию, которая трогала душу и погружала ее в задумчивое мечтание. Услад и Мария долго молчали, упоенные любовью.

– Ах, Мария! – сказал наконец Услад, – люблю тебя более своей жизни. Помнишь ли ту минуту, в которую мы встретились на берегу светлого источника? Ты пришла зачерпнуть в кувшин свежей воды, заслушалась соловья и стояла в задумчивости под тою развесистою березою – я возвращался из Новагорода, был утомлен путем и зноем; ты утолила мою жажду и посмотрела на меня таким ласковым взглядом, что сердце мое наполнилось в ту минуту неизъяснимую сладостию. Ах! с той минуты я перестал владеть своею душою; с той минуты единственное мое счастье быть с тобою или о тебе думать. Тобою прекрасный божий мир сделался для меня еще прекраснее. Во всем, что радует мою душу, нахожу я твой милый образ. Твой голос усладительнее для меня воркования иволги, когда внимаю ему при блеске заходящего солнца; походка твоя легче игривого весеннего ветерка, когда он пролетает над поверхностью спокойной Москвы-реки или колышет нежную травку. Чувствуя в роще запах ночной красавицы, я думаю: он так же приятен, как сладостное дыхание моей Марии. Светит ли полная луна сквозь частую рощу, я погружаюсь в задумчивость: мне кажется, что в светлом ее мерцании летает надо мною твой образ, что я окружен твоим невидимым присутствием. Часто в минуту воцаряющегося вечера забываюсь по целому часу вблизи твоей хижины; сокрытый кустами шиповника, смотрю на тебя, когда ты сидишь у дверей вместе с твоею матерью, озаренная розовым сиянием вечера; мать твоя перебирает долгие светло-русые твои волосы, заплетает их в косы, целует тебя, называет своею радостию; а ты распевашь, как соловей, или подымаешь на свою мать нежный, невинный, исполненный сердечной задумчивости взор, тогда... но, милый друг, прелестная, добросердечная моя Мария, могу ли

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya
сказать, что я тогда чувствую? Ах! в эту минуту не нахожу в себе души; она
стремится к тебе, она исполнена чистейшею, непорочною к тебе любовью.

Так говорил Услад. Мария не отвечала; но она вздохнула, крепче обхватила его
белую рукою, нежнее прижала ко груди его прелестную свою голову.

– Мы соединимся, – продолжал Услад, – когда исполнится тебе шестнадцать лет.
Шесть раз полная луна должна осветить вершины деревьев, прежде нежели ты будешь
моею; тогда нежная твоя мать переселится в нашу хижину; старость ее пройдет
спокойно, как вечер ясного дня... Теперь, мой милый друг, – продолжал Услад,
помолчав минуту, – я должен на время с тобою разлучиться. Старый Пересвет, мой
благодетель, мой наставник, идет отсюда в свою отчизну, к своим ближним и
сродникам – я должен его проводить: ибо мы, вероятно, расстанемся навеки.
Путешествие мое продолжится до третьей полной луны. Мария, не забывай меня в
отсутствии. Когда взойдет луна, – в эту минуту золотые рога месяца мелькнули из
тучи над кровлею Рогдаева терема, – когда озлатятся струистые волны, приди на
берег источника и думай об Усладе: душа его будет над тобою. В каждом приятном
звуче, с которым прольется в душу твою сладостная унылость, внимай нежному
голосу его сердца.

Мария плакала; Услад умолкнул; они встали. Певец поднял глаза на высокий Рогдаев
терем – черная туча над ним носилась; невольно печаль овладела его душою: туча
сия казалась ему подобием его жребия. «О! что ты принесешь мне, время будущее,
время далекое, время неизвестное?» – подумал он. Быстрая молния раздвоила тучу
пламенной браздою; облака вспыхнули и вдруг угасли; сердце Услада стеснилось; он
бросил на Марию задумчивый взгляд: на миловидном ее лице изображена была
робость; взоры ее, устремленные на тучу, как будто искали на ней следов
пролетевшей молнии: она вздохнула, поцеловала Услада и медленно пошла в свою
хижину. Услад сел в свою лодку, переправился на другой берег Москвы, на котором
находилась его хижина, простерся на траву, печально опустил на руку свою голову
и долго смотрел на хижину Марии, в которой светился огонек, иногда затмеваемый
легкою тению. Наконец сияние исчезло. Услад закрыл руками глаза и заплакал: ему
казалось, что в эту минуту угасло счастье жизни его, что для него уже не было на
свете Марии.

Утренняя заря не застала Услада на берегах светлой Москвы. В первые два дни
Мария не преставала крушиться и плакать. Потупив голову, закрыв передником
прискорбные очи свои, орошенные слезами, сидела печальная на пороге хижины и не
внимала утешениям своей добросердечной матери. На третий день пошла она к
источнику. Вдруг представляется взору ее незнакомый витязь: на нем сияла
блестящая броня, голова покрыта была шишаком, на плечах лежала медвежья кожа.
Лицо неизвестного было величественно и сурово: глаза, глубоко впадшие, ярко
блистали из-под густых бровей; черная всклокоченная борода закрывала до половины
смуглые щеки его. Мария оторопела. Незнакомец поглядел на нее пристально.

– Кто ты, красная девица? – спросил он. Мария испугалась громозвучного голоса,
не посмела поднять своих глаз и побежала опрометью в хижину. Витязь последовал
за нею.

То был Рогдай, славный, могучий богатырь. Ему принадлежали обширные поля, между
которыми извивалась прозрачная Москва; ему принадлежал высокий терем, окруженный
дубовым тыном. Он долго служил могущественною мышцею великому Новгороду;
сподвижники называли его: Рогдай булатная рука; а прочие люди: Рогдай жестокое
сердце; ибо ни одно человеколюбивое чувство не было ему известно, никогда на
челе его не разглаживались морщины; грозный, неукротимый во мщении, ни вопли, ни
улыбка невинного младенца не проникали в его неприступную душу. Умертвив на
соборище народном одного из знаменитейших посадников новгородских и
принужденный поспешно с верною дружиною сокрыться из великого града, пошел он в
знаменитый Киев, к великому князю Владимиру, дабы служить ему вместе с
богатырями Ильею, Чурилою и Добрынею. Желая на перепутье посетить свое наследие
и отческий терем, в котором провел младенческие лета, явился он на берегах
Москвы-реки дни через два по отшествии певца Услада.

Новое чувство открылось в душе Рогдая в ту минуту, когда он встретился у
источника с Мариною; он начал каждый день посещать хижину ее матери. Разговаривая
с старушкою, бросал он косвенные взгляды на прелестную дочь ее, которая, потупив
голову, краснея и трепеща, сидела за пряжею и роняла из рук веретено всякий раз,
когда робкие взоры ее встречались нечаянно с задумчивыми взорами Рогдая, в

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya
которых пылало мрачное пламя. Неутолимая страсть, сопутствуемая мукою желаний и тайным волнением ревности, свирепствовала в сердце грозного витязя. Впервые почувствовал он желание быть любимым, впервые научился смягчать громозвучный свой голос; иногда на устах его показывалась усмешка; везде и всякую минуту он думал о Марии; искал ее на берегу источника, во глубине рощи; следовал за нею в село и даже нередко, чтоб угодить ей, вмешивался в веселые игры поселян и поселянок. Всякий день приносили ей богатые дары от Рогдая: иногда жемчужное блестящее ожерелье, иногда шелковый сарафан, обшитый богатым галуном, иногда ленту с серебряною бахромою, серьги, золотой перстень.

– Мария, – говорил ей грозный витязь, – отдай мне свое сердце, я сделаю твое счастье. Тебе будут принадлежать мои сокровища, мой терем, мои поля и рощи. Будешь ходить в серебре и золоте. Повезу тебя в великолепный град Киев, покажу тебе великого князя Владимира; увидишь богатырские игры, затмишь собою всех киевских красавиц, будешь украшением княжеских палат и радостью всего града Киева...

Что происходило в твоём сердце, что думала ты, добрая Мария? Сначала она тосковала и плакала. «Услад, милый Услад, для чего нет тебя со мною?» – говорила она, смотря на струистый источник, при котором они расстались. Увы! она уже чувствовала, что присутствие Услава было необходимо, чтоб сохранить в сердце ее прежнюю к нему привязанность. Воображая Услава, она воображала счастье жизни своей; но, думая о Рогдае, видела в мыслях своих одни бесчисленные богатства его, пышный град Киев (о котором слыхала только в сказках), славных богатырей, блистание великолепного дворца княжеского и никогда не думала о самом Рогдае; ибо никогда сердце ее не могло бы поколебаться между прекрасным Усладом и грозным витязем, которого мрачный образ приводил ее в трепет. Но, увы! ослепленный рассудок ослепил и нежное сердце Марии; в продолжение первого месяца она всякий божий день приходила к источнику вспоминать об Усладе – и всякий раз встречала на берегах его витязя Рогдая. Наступил другой месяц, и Мария с большим уже вниманием начала слушать Рогдаевы предложения: в душе ее, которая прежде была так непорочна, родились гордые мечты о блеске, богатстве и торжестве ее прелестей. Наступил третий месяц – и Мария отдала руку свою Рогдаю... Ах! кто бы это подумал, добрая Мария? Но для чего же обвинять ее доброе сердце? Оно никогда не изменяло Усладе. Ты обманывалась, Мария, когда уверяла себя, что более не любишь своего друга. Скоро исчезнет твое ослепление; скоро опять воскреснет в душе твоей прежнее чувство любви, к которому ты привыкла, которым была так счастлива... что будешь тогда, невинная, обманутая, несчастная Мария?

Услад приближался уже к месту своей родины; уж видел он вдалеке высокий Рогдаев терем, видел дым, вьющийся над кровлями хижин и озлащенный сиянием восходящего утра. Душа его наполнена была смутными чувствами радости, любви, нетерпения. В эту минуту повстречался ему пастух, который гнал стадо на паству и пел утреннюю свою песню, – они узнали друг друга.

– Бедный Услад, зачем воротился ты на свою родину, – воскликнул пастух.

Услад побледнел.

– Что сделалось? – спросил он изменившимся голосом.

– Много воды утекло с того времени, как ты оставил наше селение, – отвечал пастух. – Мария твоя – перелетная птичка; она покинула родимое гнездышко и хочет лететь на чужую сторону; она разлюбила тебя; она отдала свою душу богатому и могучему витязю Рогдаю! Ах! бедный Услад, для чего возвращался ты на свою родину?

Пастух посмотрел на него с состраданием, вздохнул, опять погнал свое стадо, опять запел свою утреннюю песню. Услад не мог отвечать ему ни слова: стоял как убитый громом, и долго неподвижными очами смотрел на волны, в которых отражалось чистое небо. Жаворонок кружился и пел под облаками; утренний ветерок дышал ему в лицо; с полей подымались благовония цветов и трав. Услад ничего не чувствовал. Солнце взошло; первые лучи его заиграли на кровле высокого терема: нечаянно взоры Услава на нее устремились; вся душа его пришла в волнение; он бросился на траву, залился слезами и целый день пролежал на одном месте неподвижно, вздыхал и терзался. Наступил вечер. Земледельцы и пастухи пришли с полей. Веселые голоса их пробудили Услава. Он встал, опять устремил глаза на терем, смотрел на него долго, наконец снял с груди пучок засохших ландышей, перевязанных волосами

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya
Марии, который подарила она ему накануне разлуки, бросил его в реку, несколько минут следовал за ним глазами по течению волн, потом, потупив голову, стараясь удерживать стеснившиеся в груди вздохи, пошел назад, чтобы никогда, никогда не возвращаться в то место, где все, что радовало его в жизни, погибло навеки.

Прошла осень, прошла зима – Услад скитался по городам и селениям. Увы! он думал забыть прежнее время, забыть утраченное свое счастье – напрасно! В тех самых песнях, которыми веселил он горожан и сельских жителей, чтобы избавиться себя от голодной смерти, изображались милые чувства, некогда улаждавшие душу его, изображен был тот счастливый край, где прежде встречал он с веселием каждое утро, провожал он с надеждою каждый вечер. Наступила весна, и вся любовь, которую он почитал почти угасшею, опять воспламенилась в душе его.

– Нет, – воскликнул Услад, – я не могу дышать в разлуке с нею; где бы я ни был, везде мой жребий – угаснуть в любви, увянуть в страдании; здесь, на чужой стороне, все для меня чужое; а там, в отчизне моей, все мне друг, все было свидетелем моего счастья, все будет поверенным моей скорби. Не буду с нею встречаться; но буду с нею вместе, но буду скитаться вокруг ее жилища, невидимо следовать за нею во глубину рощи, иногда внимать ее голосу, дышать ветерком, освежающим ее грудь или волнующим ее светлые кудри, орошать слезами следы, оставленные на мураве легкими ее стопами, в упоении, сокрытый мраком ночи, смотреть на свет ее лампы, горящей перед образом и проникающей сквозь окна ее светлицы, и вместе с нею молить божию мать о счастии жизни ее. Так, моя родина, и вы, отческие рощи, и вы, цветущие берега Москвы, опять увидите возвратившегося к вам Услада; возвращусь к вам, чтоб увянуть на вашем лоне, увянуть там, где расцвело и увяло мое веселие. Ах, видя, как другой владеет моим счастьем, скорее умру с печали. Утро взойдет, ранняя ласточка взовьется под облака, ветерок побегит по вершинам дерев, и листья осенние посыплются с шумом; тогда, Мария, ты взглянешь в окно высокого терема и скажешь: «Утренняя ласточка, для чего ты поднялась так рано? Ветерок осенний, для чего рассыпаешь ты красоту дубравы? Для чего в душе моей тоска неизвестная?» Ты выдешь рассеять печаль свою в поле; там, близ тропинки излучистой, на краю кладбища, под сению древних берез, увидишь свежую могилу; ты устремишь на нее задумчивые взоры. «Здесь положили певца Услада», – скажут тебе сельские девушки, печально собравшиеся вокруг могилы. Ты вспомнишь прежнее наши радости, вспомнишь певца Услада; приунывши, возвратишься в свой терем, вздохнешь из глубины сердца и скажешь: «Он меня любил, но его уже нет».

Солнце почти закатилось, когда Услад остановился на берегу источника, в виду Рогдаева терема.

Долго в унылой задумчивости смотрел он на жилище Марии; взоры его искали сияния лампы в окне уединенной ее светлицы... напрасно; глубокая мрачность царствовала в тереме витязя Рогдая. Уже на западе исчезла последняя полоса вечерней зари, на востоке показывалась полная луна, подобная зареву отдаленного пожара: весь терем покрылся ее сиянием. Услад мог ясно видеть, что задвижные окна были все раскрыты; что крепкие тесовые ворота, не заложенные затвором, ходили на железных петлях, – невольно робость проникнула в его душу. «Что это значит? – подумал он. – Отчего такая мрачность в Рогдаевом тереме? Что сделалось с тобой, Мария?» Услад переходит источник вброд и по тропинке, выходящей в кустах, идет на высоту горы – часто останавливается – слушает – ничего не слышит – одни только легкие струйки ручья переливаются с журчанием по песку, изредка стучит стрекоза, изредка увядший листок срывается с дерева и с трепетанием падает на землю.

– Что предвещаешь ты мне, тишина ужасная? – вопрошал Услад, осматриваясь с робостью и видя вокруг себя одно печальное запустение. Вдруг послышался ему близкий шорох... кто-то бежал... сухие листья хрустели под ногами... шорох приблизился... Услад прячется в кусты... видит женщину... луна осветила ее лицо... Певец узнает добродушную Ольгу, любимую подругу Марии... бросается к ней навстречу... Ольга закричала, закрыла обеими руками лицо...

– Защитите меня, силы небесные, – воскликнула она, – привидение, душа Усладова!
– Ноги ее подкосились, она упала бы на траву, когда бы Услад не принял ее в объятия.

– Что с тобою сделалось, добрая Ольга? Отчего боишься Услада?

Ольга дрожала как лист, не смела отворить глаз, крестилась, читала про себя

– Опомнись, милая Ольга, погляди на меня. Я не мертвец, я Услад, живой Услад, возвратился в свою отчизну, хочу увидеть Марию.

Звуки знакомого голоса ободрили робкую девушку – несколько минут не могла она прийти в себя от испуга, наконец мало-помалу осмелилась отворить глаза...

– Точно ли вижу Услада? – спросила она. – В самом деле, его лицо, его приятные взоры, его знакомый голос. Ах! добрый Услад, зачем ты здесь?.. Но удалимся от этого места – мне страшно. Скоро будет полночь; никто из наших поселян не ходит сюда в это время: я сама нечаянно запоздала в роще; удалимся, Услад; это место ужасно. – Ольга побежала вперед, потащив за собою Услада, и чрез две минуты находились они уже на берегу светлого источника.

– Ольга, – сказал Услад, – я не пойду и не пущу тебя далее: хочу знать, отчего так страшен тебе Рогдаев терем и что сделалось с Мариєю?

– Ах! добрый Услад, о чем ты у меня спрашиваешь?

– Говори, милая Ольга, именем бога прошу тебя; неизвестность мучительнее смерти.

– Хорошо, Услад, слушай. Садись ко мне ближе; здесь не так страшно: я вижу на том берегу источника нашу хижину.

Они сели. Услад трепетал: сердце предсказывало ему что-то ужасное.

– Много, Услад, очень много переменялось с тех пор, как ты оставил нашу деревню, – так начала говорить Ольга. – Дорого бедная моя подруга заплатила за свое легкомыслие. Ах! милосердное небо, для чего, не спросясь с душою своею, поверила она коварным обещаниям оболъстителя?.. Услад, Мария твоя ни на одну минуту не переставала о тебе помнить. Что же делать, если она как младенец прельстилась золотыми парчами, жемчугом, лентами, которыми дарил ее грозный Рогдай, и суетною надеждою сиять прелестями в великолепном граде киеве? Увы! она сама обманывала себя, когда почитала прежнюю любовь свою угасшею, а гордые свои замыслы – привязанностию к грозному Рогдаю. Нет, Услад, не обижай ее такую мыслью: никогда Мариино сердце не было переменчиво; и можно ли, друг мой, забыть те сладкие чувства, которыми животворится душа наша в лучшие годы жизни, с которыми соединены все наши надежды на счастье, которыми земля претворяется для нас в царство небесное? Ни одной минуты веселия не видала она с той поры, как принуждена была оставить родительскую хижину. Слушай: ввечеру накануне того дня, в который надлежало ей идти к венцу и в церкви божией перед святым алтарем навсегда отдать себя Рогдаю, поклявшись тайно, что позабудет Услада навеки, я навестила мою подругу; но где же нашла ее? Здесь, на берегу светлого источника, на том самом месте, где ты, Услад, в последний раз с нею простился. Она сидела в унынии, склонив ко груди прелестную свою голову, с потухнувшими глазами, увядшими щеками, как будто приговоренная к смерти. Ах! Услад, еще не вступила она в Рогдаев терем, а уже мечты удовольствий, которые найти в нем она воображала, для нее исчезли: одна только мысль о том, что была она готова утратить, одно минувшее время, одни погибшие радости наполняли ее прискорбную душу. Увидя меня, она встала, подала мне знак, чтобы я за нею последовала, и молча пошла в свою хижину. Матери ее не было дома; свечка горела перед образом богоматери. «Молись вместе со мною, – сказала Мария и упала на землю, обливаясь слезами. – Святая утешительница, – воскликнула она, – молю не о себе; для меня уже нет счастья: не желаю, не буду искать его, я сама от него отказалась; но будь твое милосердие над милым, оставленным, осиротевшим другом моим; храни его, покровительница несчастных». На другое утро принесли к ней богатые дары от Рогдая: она посмотрела на них с равнодушием. Сельские девушки пели веселые песни у дверей ее хижины: Мария, казалось, им не внимала. Мать убирала ее к венцу, ласкала словами и взорами. Мария устремляла на нее умильные глаза, целовала ее руки, вздыхала, утирала слезы и не говорила ни слова. Грозный Рогдай изумился, когда она вошла в церковь, печальная, бледная как полотно, и с трепетом подала ему руку. Лицо ужасного витязя во все продолжение венчального обряда было мрачно: с суровым подозрением рассматривал он свою невесту, которая стояла пред алтарем как жертва, приведенная на заклание. Их обвенчали. Услад, я повторяю: ни единою радостию не насладилась твоя Мария с той самой минуты, в которую оставила родительскую хижину. Мы виделись с нею каждый божий день: всегда находила я ее

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya погруженную в задумчивость. Иногда, вечернею порою, она сидела на скате горы и пела прекрасные твои песни; иногда с прискорбием останавливалась на берегу источника; но чаще всего приходила к реке смотреть на отдаленную твою хижину. Суровость витязя Рогдая приводила ее в трепет: он любил ее страстную любовь, но самая нежность его имела в себе что-то жестокое. Простодушная Мария, которой слова и взоры всегда согласны были с тайным расположением сердца, отвечала на любовь его одною тихою покорностию: она подходила к нему только тогда, когда он сам приказывал ей приблизиться; не смела к нему ласкаться, а только смирением принимала его надменные ласки. Увы, несчастная Мария, которая прежде была так весела и резва, которая прыгала от удовольствия в кругу игривых своих подруг, Мария почти никогда уже не улыбалась, и в самой улыбке ее изображено было душевное прискорбие. Рогдай заметил ее тоску; часто с видом угрюмого подозрения устремлял он свои взоры на бледное лицо Марии: она содрогалась и потупляла глаза свои в землю. Часто хотел он спросить ее о причине такой непрерывной унылости, начинал говорить и уходил, не кончив вопроса, – и что могла бы отвечать ему Мария? Прошло три недели. В одно утро (мы сидели вместе с Мариею и низали жемчужное ожерелье для ее матери) приходит он в ее светлицу. «Мария, – говорит он, – послезавтра мы едем в киев: будь готова». Мария побледнела; руки ее опустились, хотела отвечать, и слезы побежали из глаз ее ручьями. «Что это значит?» – загремел ужасным голосом витязь. Мария схватила его руку (в первый раз позволила она себе такую смелость). «Ради бога, – воскликнула она, устремив на него умильный взор, – пробудь здесь еще один месяц, один только месяц; дай мне познакомиться с печальною мыслию, что я должна расстаться с своею родиною, навсегда покинуть свою мать, моих подруг, мои отеческие поля и рощи». Прижавши прекрасное лицо свое к руке ужасного витязя, она орошала ее слезами. Какое сердце могло бы не тронуться умоляющим стенанием Марии? Несколько минут молчал суровый Рогдай: в сумрачных взорах его блеснуло чувство. «Не могу отказать тебе, Мария, – отвечал он, смягчивши голос, – мне сладко тебя утешить. Согласен, еще на месяц остаюсь в этих местах; но, Мария, – тут устремил он на нее подозрительный взгляд, – ты худо отвечаешь на страстную мою любовь: горе тебе, если не одна привязанность к матери, подругам и отчизне удерживает тебя в этом месте». Он удалился. Мария посмотрела на меня и не сказала ни слова: мы обе вздохнули.

Прошло еще две недели – самые печальные для бедной Марии. Она старалась удалить от себя воспоминания об Усладе, но всякую минуту против воли своей думала: «Он скоро возвратится, он придет отдать мне свою душу, исполненный сладкой надежды, исполненный прежней любви, а я...» Она томилась в тоске и слезах и не могла утаить ни тоски, ни слез своих от Рогдая; он видел ее печаль – но он молчал, и грозные взоры его час от часу становились мрачнее; страшная ревность свирепствовала в его сердце. «Мария, – говорил он иногда, устремив на нее пристальное око, – душа твоя беспокойна, совесть тебя обличает: взоры мои тебе ужасны. Мария, – восклицал он иногда громозвучным голосом, от которого несчастная цепенела, – я люблю тебя страстно... но горе, если ты меня обманула!»

Наконец наступило время твоего возвращения, и бедная Мария совсем потеряла спокойствие. Увы! она боялась ужасного Рогдая, боялась твоего милого присутствия, боялась собственного своего сердца: малейший шорох заставлял ее содрогаться. Она не хотела, она страшилась тебя увидеть; но, Услад, несмотря на то, как будто ожидая тебя, не отходила она от окна своей светлицы, по целым часам просиживала на берегу Москвы, устремив неподвижные взоры на противную сторону реки, туда, где видима соломенная кровля твоей хижины. В одно утро – это случилось на другой день после твоей встречи с пастухом нашего села – навещаю ее, нахожу одну, печальную по-прежнему, на берегу Москвы, на том же самом месте, на которое приходила она и вчера и всякий день; рассказываю, что тебя видели накануне; что ты, узнавши о ее замужестве, не захотел войти в деревню; что ты удалился неизвестно куда. Мария заплакала: «Ангел-хранитель, сопутствуй ему, – сказала она, – пусть будет он счастлив; пускай, если может, забудет Марию». Она устремила глаза на небо. Мы стояли тогда на самом том месте, где волны образуют мелкий залив; разливаясь по светлым камешкам, с тихим плесканием – одна волна прикатилась почти к самым ногам Марии – рассыпалась – что-то оставила на песке – я наклоняюсь – вижу пучок увядших ландышей, перевязанный волосами, – подымаю его, показываю Марии: боже мой, какие слова изобразят ее ужас! Казалось, что грозное привидение представилось ее взору, волосы поднялись на голове ее дыбом, затрепетала, побледнела. «Это мои волосы, – воскликнула она. – Услада нет на свете: он бросил в реку». Она упала к ногам моим без памяти. В эту минуту показался Рогдай: подходит, видит бесчужденную Марию, поднимает ее; смотрит с недоумением ей в лицо: оно покрыто было бледностию смерти; снимает с головы

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya
шишак, велит мне зачерпнуть в него воды и орошает ею голову Марии, которая, как увядшая роза, наклонена была на правое плечо. – Несколько минут старались мы привести ее в чувство; наконец Мария отворила глаза – но глаза ее были мутны; она посмотрела на Рогдая – и не узнала его. «Ах! Услад, – сказала она умирающим голосом, – я любила тебя более жизни; последние радости, последние надежды, простите!» Как описать то действие, которое произвели слова ее на душе грозного Рогдая? Лицо его побагровело, глаза его засверкали, как уголья; он страшно заскрежетал зубами. «Услад, – воскликнул он, задыхаясь от бешенства, – кто Услад? Что ты сказала, несчастная?» Но Мария была как помешанная; она не чувствовала, что Рогдай стоял перед нею; с судорожным движением прижимала она его руку к сердцу и говорила: «На что мне жить? Я любила его более моей жизни: все кончилось!» Рогдай затрепетал; в исступлении обхватил он ее одною рукой поперек тела и помчал, как дикий волк свою добычу, на высоту горы, к ужасному своему терему. Я хотела за ними последовать. «Прочь!» – заревел он охриплым голосом, блеснув на меня зверскими глазами – ноги мои подкосились. С той поры, Услад, ни разу не видала я нашей Марии... Вечеру прихожу опять к горе, смотрю на высокий терем – все было в нем тихо, как будто в могиле, – светлица Марии казалась пустою – я долго прислушивалась – но все молчало – ничто, кроме трепетания волн и шороха дубравных листьев, не доходило до моего слуха – кровь леденела в моих жилах. «Боже мой, – думала я, – что сделали они с тобою, несчастная Мария?» Три дня сряду приходила я к терему: то же молчание, та же пустота. «Куда девалась Мария? Где витязь Рогдай?» – спрашивали наши поселяне. Один из них осмелился войти в самый терем; но он не нашел ни витязя, ни Марии, ни слугителей Рогдаевых: повсюду царствовала пустота, стены были голы, все утвари домашние исчезли – казалось, что никогда нога человеческая не заходила в эту обитель молчания. Увы! Услад, с того времени мы ничего не знаем об участи твоей Марии. Никто из поселян не смеет приближаться к Рогдаеву терему. Горе заблудившемуся пешеходцу, который отважится зайти в него полуночною порою! Божие проклятие постигло этот вертеп злодейств, говорит наш сельский священник. Мы смотрим на него из-за реки, содрогаемся и молим небесного царя, чтобы он успокоил душу Марии. Бедная мать ее умерла с печали: мне суждено было от бога заступить при ней место дочери; я посадила на могиле ее шиповник и молодую липу. Услад, кто знает? может быть, она уже встретилась теперь на том свете с своею Мариюю.

Ольга перестала говорить; Услад не мог отвечать ей ни слова. Несчастный сидел, потупив голову, закрыв руками лицо, – состояние души его было ужасно; несколько минут продолжалось печальное безмолвие. Услад посмотрел на Мариину подругу: она плакала, он поцеловал ее в щеку.

– Милая Ольга, – сказал он, – возвратись к своей матери; конечно, беспокоит ее теперь долговременное твое отсутствие; оставь меня, я никогда не сойду с этой горы: она должна быть моим гробом. Бог с тобою, добросердечная Ольга; будь счастлива; скажи в деревне, что бедный Услад жив, что он возвратился, что он умрет на том самом месте, где мучилась и погибла его несчастная Мария.

Они поцеловались опять. Ольга переправилась на другой берег источника; Услад пошел по излучистой тропинке на высоту горы, к ужасному терему.

Полночь была уже близко – полная луна, достигшая вершины неба, сияла почти над самую голову Услада. Он приближается к терему; входит в широкие ворота, растворенные настежь, – они скрипели и хлопали; входит на двор – все пусто и тихо. Дорога от ворот до крыльца, окруженного высокими перилами, покрыта крапивою, полынью и репейником. Услад с трудом передвигает ноги, наконец вступает на крыльцо, идет к двери... Дикая лисица, испуганная приходом человеческим, давно не возмущавшим сего пустынного места, бросилась в высокую траву, сверкнув на него глазами; филин, пробужденный шорохом, встрепетулся, захлопал крыльями, полетел на кровлю и завыл... Услад почувствовал робость и начал осматриваться. При свете луны увидел он себя в обширной горнице, в которой находился длинный стол, приставленный к стене; две или три скамейки, лежавшие на полу; пустой поставец, где прежде находились образа, и на полу разбросанные черепки разбитых глиняных кружек: здесь грозный Рогдай угощал иногда поселян и поселянок своей деревни. Услад прошел еще две или три горницы: везде представлялись глазам его голые стены, везде царствовала тишина, изредка нарушаемая шумом нетопырей, которые быстро над ним порхали. Наконец он видит маленькую дверь и узкую лестницу, обвившуюся винтом вокруг столба: сердце его сильно затрепетало – эта лестница вела в светлицу Марии. Услад идет по ступеням, входит в светлицу, ярко озаренную лучами луны, которая ударяла прямо в раскрытые

окна. Душа его наполнилась неизъяснимым прискорбием, когда он увидел себя в том самом месте, где бедная Мария провела последние дни своей жизни, встречая утро со вздохами, провожая вечер с унынием. Он находил горестное удовольствие дышать тем воздухом, которым некогда она дышала; как будто чувствовал, что в тихой полуночной прохладе разливалось вокруг него ее присутствие. Все было ею наполнено – на все устремлял он с неописанным волнением взоры свои; ибо везде мечтались ему следы милого бытия утраченной Марии. В одном углу брошены были ее пальцы с недоконченным шитьем, которое все почти истлело. В другом что-то блистало – Услад приближается: смотрит – что же? Находит тот самый образ богоматери в серебряном окладе, который привез он ей из Киева и который Мария, до самой разлуки с Усладом, носила на шее; он упал перед ним на землю, заплакал, снял его со стены, поцеловал и положил на грудь свою. Он сел под окно – глаза его устремились на Москву, которая тихо висала под горою, отражая в волнах своих и берега, покрытые лесом, и синее небо, усыпанное легкими серебристыми облаками; окрестности, одетые прозрачною пеленою светлого сумрака, были спокойны; все молчало – и воздух, и воды, и роши. Услад задумался; минувшее предстало его воображению, как легкий призрак; он видел Марию, прежде цветущую, потом увядающую во цвете лет. «Здесь, – думал он, – сидела она в унынии под окном, смотрела в туманную даль и посылала ко мне свои вздохи; здесь, проливая слезы, молилась перед святою иконою; здесь, о боже милосердый, может быть на самом этом месте убийца...» Он содрогнулся; ужас проникнул все его члены; ему мечталось слышать стенания, выходящие как будто из могилы; мечталось, что скорбное, тоскующее привидение бродило по горницам оставленного терема; жилы его сильно бились; кровь, устремившаяся в голову, производила в ушах его звуки, подобные погребальному стону. Час полночи, всеобщее безмолвие, мрачность и пустота ужасного терема – все готовляло душу его к чему-то необычайному: таинственное ожидание наполняло ее. Услад сидит неподвижно... прислушивается... все молчит... ни звука... ни шороха... Вдруг от дубравы подымается тихий ветерок: листочки окрестных деревьев зашевелились, ясная луна затуманилась, по всем окрестностям пробежал сумрак, какое-то легкое, почти нечувствительное дуновение прикоснулось к пламенным щекам Услада и заиграло в его разбросанных кудрях: казалось, что в воздухе распространялось благовонное дыхание весны и разливалась приятная, едва слышимая гармония, подобная звукам далекой арфы. Услад поднимает глаза... что же? О ужас! о радость!.. он видит... видит перед собою Марию – светлый, воздушный призрак, сияющий розовым блеском; одежда ее, прозрачная, как утреннее облако, летящее перед зарею, расстилалась по воздуху струями; лицо ее, бледное, как чистая лилия, казалось прискорбным, на милых устах видима была унылая улыбка; задумчивый взор ее стремился к Усладу. Священный ужас наполнил его сердце.

– Ты ли, душа моей Марии? – воскликнул он, простирая к привидению трепещущие руки. – О! скажи, для чего покинула ты селения неба? Велишь ли мне разлучиться с жизнью? Хочешь ли приобщить меня к своему блаженству?

Он умолк – ответа не было. Но призрак, казалось, хотел, чтобы Услад за ним последовал, – одною рукою указывал на дремучий лес, другою, простертою к Усладу, манил его за собою. Услад осмелился ступить несколько шагов... привидение полетело... Услад остановился... и вместе с ним остановился призрак, опять устремив на него умоляющие взоры... Услад был в нерешимости... не знал, идти ли ему или нет... наконец ободрился... пошел... руководствуемый таинственным вождем, вышел на пустынный двор, за ворота, наконец в дремучий лес, который на несколько верст простирался позади Рогдаева терема. Входит во глубину леса – тишина и мрачность окрест него царствуют; ни одно живое творение не представляется взору его; дикие дубравные звери, как будто чувствуя присутствие бесплотного духа, ему сопутствующего, уклоняются от стези его с робостью... храня глубокое безмолвие, идет он за бледным улетающим сиянием... несколько часов продолжалось его уединенное шествие... вдруг видит реку, вьющуюся под сению древних дубов, развесившихся берез и мрачных елей... устремляет глаза на светлую свою спутницу... она остановилась... печаль, прежде напечатленная во взорах ее, уже исчезла: они сияли небесным веселием... привидение указывает ему на небо... улыбается... простирает к нему объятия... и вдруг, как легкая утренняя мечта, исчезает в воздушной пустыне. Все помрачилось; Услад остался один, в глуши дремучего леса, в стране ужасной и дикой... осматривается... видит вблизи сверкающий огонек... идет... глазам его представляется низенькая хижина, покрытая соломою... он отворяет дверь... дряхлый старик молится перед распятием, при свете ночника... скрип двери заставил его оглянуться... он посмотрел пристально Усладу в лицо... улыбнулся и подал ему руку.

– Благословляю приход твой, – сказал отшельник, – давно пророческое сновидение возвестило мне его в этой пустыне. В лице твоём узнаю того юношу, который не

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskya
сколько раз являлся мне в полуночное время, когда в спокойном сне отдыхал я
после трудов и молитвы.

– Кто ты, старец? – спросил Услад, исполненный умиления и тайного страха.

– Смиранный отшельник Аркадий, – отвечал старик. – Два года, как поселился я на берегу светлой Яузы, в этой уединенной хижине. Здесь провожу дни свои в молитве, оплакиваю прошедшие заблуждения и спасаюсь. Приди в обитель мою, несчастный труженик: в ней обретешь утраченное спокойствие, а с ним и желанное забвение прошедшего. Скажи мне, кто указал тебе дорогу к моей неизвестной хижине?

Услад описал ему несчастья своей жизни.

– Так, – воскликнул Аркадий, выслушав повесть Услада, – здесь, на берегу Яузы, покоится несчастная твоя Мария; мне назначило божие провидение принять последние взоры ее и примирить с небом ее отлетающую душу. Слушай: в одно утро я собирал коренья на берегу Яузы; внезапно поразили слух мой жалобные стенания... Иду... шагах в пятидесяти нахожу женщину, молодую, прекрасную, плавающую в крови, – это была твоя Мария; вдали раздавался конский топот; воин, одетый в панцирь, мелькал между деревьями; он вскоре исчез в густоте леса – то был убийца Рогдай. Беру в объятия умирающую Марию – увя! последняя минута ее уже наступила, уста и щеки ее побледнели, глаза смыкались. Медленно подняла на меня угасающий взор. «Прими мою душу, благослови меня», – сказала она, усиливаясь приложить руку мою к сердцу. Я перекрестил ее – умирающая посмотрела на меня с благодарностью. «Ангел-утешитель», – сказала она, простирая ко мне объятия, – молись о душе моей, молись об Усладе». Взоры ее потухли, голова наклонилась на плечо – она скончалась. Могила ее близко. Ты скоро увидишь ее, Услад; заря начинает уже заниматься.

– Ах! несчастная! – воскликнул Услад. – Какая участь! И этот убийца жив!.. Нет, божий угодник, клянусь у ног твоих...

– Услад, не клянись напрасно, – отвечал старец, – небесное правосудие наказало Рогдая: он утонул во глубине Яузы, куда занесен был конем своим, испугавшимся дикого волка. Усмири свое сердце, друг мой; скажи вместе со мною: вечное милосердие да помилует убийцу Марию!

Услад утихнул.

– Очи мои прояснились, – воскликнул он и простерся к ногам священного старца. – Она сохранила ко мне любовь и за гробом. Отец мой, тебе, воспоминанию и служению бога посвятится отныне остаток моей жизни.

Заря осветила небо, и лес оживился утренним пением птиц. Старец повел Услада на берег Яузы и, указав на деревянный крест, сказал:

– Здесь положена твоя Мария.

Услад упал на колена, прижал лицо свое, орошенное слезами, к свежему дерну.

– Милый друг, – воскликнул он, – бог не судил нам делиться жизнью: ты прежде меня покинула землю; но ты оставила мне драгоценный залог твоего бытия – безвременную твою могилу. Не для того ли праведная душа твоя оставляла небо, чтоб указать мне мое пристанище и прекратить безотрадное странничество мое в мире? Повинуюсь тебе, священный утешительный голос потерянного моего друга; не будет прискорбна для меня жизнь, посвященная гробу моей Марии: она обратится в ожидание сладкое, в утешительную надежду на близкий конец разлуки.

Услад поселился в обители Аркадия: на гробе Марии построили они часовню во имя богоматери. Прошел один год, и Услад закрыл глаза святому отшельнику. Еще несколько лет ожидал он кончины своей в пустынном лесе; наконец и его последняя минута наступила: он умер, приклонив голову к тому камню, которым рука его украсила могилу Марии.

И хижина отшельника Аркадия, и скромная часовня богоматери, и камень, некогда покрывавший могилу Марии, – все исчезло; одно только наименование Марьиной Роци сохранено для нас верным преданием. Проезжая по Троицкой дороге, взойдите на Мытищинский водовод – вправо представится глазам вашим синеватый лес; там, где

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya
прозрачная река Яуза одним изгибом своим прикасается к роще и отражает в тихих волнах и древние сенистые дубы и бедные хижинки, рассыпанные по берегам ее, – там некогда погибла несчастная Мария; там сооружена была над гробом ее часовня во имя богоматери, там наконец и Услад кончил печальный остаток своей жизни.

Критические статьи Писатель в обществе*

Положение писателя в большом свете кажется вам затруднительным; вы говорите, что он не должен надеяться в нем успеха: мнение слишком неограниченное. Вопреки ему позволяю себе утверждать, что и писатель наравне со всеми может с успехом играть свою роль на сцене большого света.

Прежде всего определим для самих себя: что называется обыкновенно большим светом? что значит иметь в нем успех? какими средствами успех сей приобретается?

Слово: большой свет означает круг людей отборных – не скажу лучших, – превосходных пред другими состоянием, образованностью, саном, происхождением; это республика, имеющая особенные свои законы, покорная собственному идеальному и всякую минуту произвольно сменяемому правителю – моде, где существует общее мнение, где царствует разборчивый вкус, где раздаются все награды, где происходит оценка и добродетелей и талантов. Вообразите множество людей обоего пола, одаренных от фортуны или избытком, или знатностию, соединенных одни с другими естественною склонностию к общежитию, поставляющих целью своего соединения одно удовольствие, заключенное в том единственно, чтобы взаимно друг другу нравиться, – и вы получите довольно ясное понятие о том, что называется большим светом. Следовательно, светский человек есть тот, который имеет сношение всегдашнее и более или менее тесное с людьми, принадлежащими к большому свету, которому обыкновения и законы сей идеальной республики известны в точности, – и тот единственно, кто, пользуясь удовольствиями света, умеет сам доставлять их; кто, обладая общими, от всех признанными за действительные, способами нравиться, имеет сверх того собственные, одному ему свойственные и заключающиеся в особенности его ума, характера и способностей: тот единственно, говорю, может с одобрением играть свою роль на сем обширном театре, где всякий есть в одно время и действующий и зритель. Два рода успехов светских. К первому надлежит причислить сии мгновенные торжества, приобретаемые блестящими, но мелкими средствами. Представьте человека, устремившего все мысли свои на то единственно, чтоб нравиться всегда, во всяком месте и всем: наружностию, одеждою, красноречием языка, лица, движений; он с удивительным присутствием духа обращает на пользу свою всякое обстоятельство; умеет в разговоре своем быть и забавным и важным; неподражаем в мелких вещах: в искусстве рассказать привлекательно и быстро анекдот или повесть, оживить своею изобретательностию общественные забавы, представить важное смешным или смешное важным, сказать приятным образом лестное слово; он перелетает из одного общества в другое; одушевляет каждое мгновенным своим присутствием; исчезает в одном, чтобы явиться в другом и снова исчезнуть; такого человека называют любезным; ищут его для того, что он нужен для увеселений общественных; он имеет в свете успех; никто не думает о моральном его характере; ему благодарны за то удовольствие, которое доставляет он другим в ту минуту, когда он с ними. Другого рода успех, более твердый и с большею трудностию приобретаемый, основан на уважении, которое имеют в обществе к уму и качествам моральным. Чтоб заслужить его, необходимо нужно усовершенствовать свой характер, иметь правила твердые, рассудок образованный, быть деятельным для блага общего; с сими важными преимуществами надлежит соединять и мелкое, совершенно необходимое для приобретения от общества благосклонности, искусство обращаться приятно. Конечно, тот, кто имеет в виду одну благородную цель: заслужить всеобщее уважение качествами и поступками превосходными, отстанет в некоторых мелочах от человека, употребившего все дарования свои на то исключительно, чтобы усовершенствовать себя в искусстве быть приятным; конечно, некоторые мелкие способы последнего могут быть или неизвестны первому, или оставлены им без внимания; но в том же самом обществе, в котором последний будет восхищаться других своею любезностию, тайное предпочтение всегда останется на стороне первого: к нему будут привязаны чувством постоянным, чувством, которое не уменьшится и в его присутствии; ибо своим обхождением простым, но приятным он будет соответствовать своему характеру. Понятие о человеке только любезном должно меняться с теми обстоятельствами, в которых он представляется обществу, о нем не имеют общего мнения; привязанность к нему или уменьшается, или исчезает в ту самую минуту, в которую он сам скрывается от ваших взоров; он должен непременно быть на сцене, чтобы могли о нем помнить или ему удивляться.

Теперь спрашиваем: почему писателю невозможно искать в обществе успеха? и звание писателя противоречит ли состоянию человека светского? Вы скажете, может быть: всякий писатель обыкновенными занятиями своими слишком отделен от жизни светской, шумной, разнообразной и неразлучной с рассеянностью. Согласен, если под именем светской жизни разумеете вы скучное состояние праздных, которые посвятили себя одним удовольствиям общественным, которые беспрестанно живут вне себя, не имеют ни занятия собственного, ни должности государственной; которых девиз – быть приятными без пользы, а иногда и со вредом других. Но вы видели, что успех в свете – не эфемерный, но истинный и продолжительный – соединен необходимо с деятельностью полезною и качествами высокими. Нет человека, который назывался бы просто светским; каждый имеет, или должен иметь, особенное занятие, которое на время отделяет его от света и требует уединения более или менее продолжительного; многие подчинены обязанностям по службе, и все вообще семейственным заботам. Обязанность писателя привязывает его к уединенному кабинету – но разлучает ли она его с обществом и может ли воспрепятствовать быть ему членом большого света наравне с другими, имеющими каждый особенные свои заботы и должности? Конечно, писатель, так же как и все, избравшие какую-нибудь важную цель, не может приобрести сего легкого, приятного блеска, которым украшены люди, почитающие, так сказать, единственным своим ремеслом искусство жить в свете; но он обладает способами нравиться столь же действительными и без сомнения благороднейшими.

Писатель – потому единственно, что он писатель, – лишен ли качеств человека любезного? Будучи одарен богатством мыслей, которые умеет выражать лучше другого на бумаге, должен ли он именно потому не иметь способности выражаться с приятностью в разговоре? И, обращаясь большую часть времени в своем кабинете с книгами, осужден ли необходимо быть странным и неискусным в обращении с людьми? Не думаю, чтоб одно было неизбежным следствием другого.

Вы утверждаете, что автор, вступая в общество, должен быть непременно жертвою коварного любопытства мужчин и взыскательного самолюбия женщин: мнение сие почитаю не совсем справедливым. Писатель светский человек, будучи всегда в свете, не может возбуждать особенного внимания именно потому, что лицо его уже знакомо и что он играет одинакую роль со всеми: роль собеседника, применяющегося к другим своим обхождением, своею наружностью, своим тоном. В свете не любят отличий, неохотно показывают удивление, и редкий бывает в нем предметом любопытства, которое само по себе есть уже знак отличия. В свете ни от кого не требуют много, может быть потому, что высокие требования неразлучны с признанием великого превосходства; а люди, особенно светские, хотя вообще справедливые, не любят никогда обнаруживать такого признания.

Прибавим: писатель имеет в обществе существенное преимущество пред людьми более светскими; он может порядочнее и лучше мыслить. От умственной работы, которой посвящена большая часть его дня, приучается он обдумывать те предметы, которые светский человек только что замечает; будучи весьма часто один с собою, он имеет гораздо более времени возобновлять воспоминанием то, что видел глазами; привычка приводить в порядок, предлагать в связи и выражать с точностью свои мысли дает понятиям его особенную ясность, определенность и полноту, которых никогда не могут иметь понятия человека, исклчительно занимающегося светом: последний, по причине разнообразия предметов, мелькающих мимо него с чрезвычайною быстротою, принужден, так сказать, ловить их на лету и устремлять на них внимание свое только мимоходом. Уединение делает писателя глубокомысленным; в обществе приучается он размышлять быстро и, наконец, заимствует в нем искусство украшать легкими и приятными выражениями самые глубокие свои мысли. Конечно, всякий писатель от образа своей жизни, более или менее ограниченного, должен быть несколько от других отличен – но разве отличие и странность одно и то же? И некоторое несходство с другими, если оно не разительно, а только что заметно, разве не имеет своей приятности? Человеку естественно любить разнообразие. Привыкнув мешать уединение с светскою жизнью, писатель удобнее других может сохранить особенность своей физиономии; конечно, он будет иметь с другими некоторое несходство, но в то же время не отделится от них резко (следовательно, неприятною) с ними противоположностью. Оригинальность, разумеется естественная, не подделанная, имеет в себе нечто любезное. Например, задумчивая молчаливость, если она, впрочем, соединена с приятным умом и не происходит ни от неловкости, ни от угрюмого характера, понравится именно потому, что она служит легкою противоположностью веселому и слишком ветреному многоречию людей светских.

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya
Отчего же, спросите вы, большая часть писателей не имеет никакого успеха в свете, неловки в обращении и вообще менее уважаемы, нежели их книги? От трех причин, из которых две – общие писателю со всеми: от страстной привязанности к своему искусству, от самолюбия, от ограниченности состояния.

Всякая страсть, наполняя человеческую душу предметом единственно ей любезным, отделяет ее от всего внешнего и сему предмету чуждого. Например, взгляните на страстно влюбленного: каков он в обществе? Молчалив, рассеян, на лице его написано задумчивое уныние; светская принужденность для него мучительна, мысли его там, где его сердце; начните с ним говорить: он будет вам отвечать несвязно или без смысла; он скучен, тяжел и странен. Таков честолюбивый, преданный тайным своим замыслам; таков и писатель, исключительно прилепленный к своим идеям. Он неохотно является в общество и, находясь в нем, всегда бывает от него в отсутствии: в шумную толпу людей переносит он уединение своего кабинета. Он не способен применяться к другим и часто оскорбляет их своим рассеянием или грубым пренебрежением обыкновенных, ему одному неизвестных, приличий; не может говорить приятно потому, что не способен внимательно слушать: в то время когда вы с ним говорите, он, может быть, занят разрешением философического вопроса или описывает в воображении спокойный вечер, тоску осиротевшей любви, очарованный замок Альцины. Воображая, что предметы, ему любезные, для всех одинаково привлекательны, он утомляет ими ваше внимание и перестает вас слушать, когда начинаете говорить ему о том, что важно для вас самих. Имеет ли такой человек нужду в обществе, которое, можно сказать, для него не существует? Он обитает в особенном, ему одному знакомом или им самим сотворенном мире; существа идеальные всегдашние его собеседники; он ограничен в самых естественных своих потребностях: все то, что ему нужно, находится в нем самом, в его идеях, в мечтах его воспламененного воображения.

Другую причину успехов писателя в свете полагаю чрезмерность самолюбия, свойственного ему со всеми другими людьми, но вообще в писателях более ослепленного, приметного и смешного. Например, взгляните на людей светских: один, обманувши несколько слабых или ветреных женщин, уверяет себя, что уже ни одна из них не может быть для него непобедима; он странен своим излишним уважением к самому себе, своею самолюбивою надежностью на красоту свою и любезность; другой, сказавши несколько острых слов, замеченных в одном обществе и повторенных его друзьями в другом и третьем, обманывая себя самолюбием, не открывает рта без того, чтобы не сказать остроуты; ищет за каждое им произнесенное слово лестного одобрения в глазах своих слушателей и, вместо того чтобы нравиться, бывает осмеян. Таков и писатель: сделавшись славным по некоторым превосходным сочинениям, он входит в общество торжествующим, он требует от других удивления, как дани, ему принадлежащей; он говорит решительно, воображая, что мнение его должно иметь перевес, что его ожидают, что оно не может не быть принято с уважением; гордясь авторскими успехами, он смешивает их с успехами светскими и, вместо того чтобы применяться к другим, воображает, напротив, что другие должны применяться к нему. Вы смотрите на него пристально: он думает, что вы ищете на его лице того великого ума, который сияет в его творениях. Вы молчаливы при нем: это от робости, чтобы не сказать в присутствии великого человека чего-нибудь глупого. Вы разговорчивы – какое сомнение? Вы хотите отличаться при нем красноречием, познаниями, остроумием. Два человека, ему незнакомые, шепчут, сидя в углу; один из них без всякого намерения на него взглянул – довольно: они о нем говорят, они удивляются и прозе его и стихам, они в восторге от чрезвычайного таланта его. Такой человек должен, натурально, казаться педантом, смешным, тяжелым, неловким; он вооружает против себя самолюбие, подвергается гонениям зависти и, отделяя себя от толпы для того, чтобы ему удивлялись и, становится, напротив, предметом колких насмешек и наблюдений коварных. Прибавим: самолюбие автора гораздо заметнее и смешнее самолюбия прелестников, остряков и им подобных, тонкого, искусного и более скрытного. Они всегда в свете, следовательно и самые странности их менее разительны; их суетная гордость прикрыта маскою простоты; они только изредка себе изменяют. Напротив, писатель, будучи весьма часто один и, следовательно, сохранив более собственного в своем характере и обращении, отличное от других и в смешном и в странном. Светский человек, научившись замечать, по многократному замечанию за другими, смешную сторону собственного своего самолюбия, умеет ее и украшать цветами приятного, – писатель в этом случае простодушнее; будучи невнимателен к другим и слеп к самому себе, он не старается и не умеет скрывать самолюбия своего, следственно обнаруживает его во всей его странности.

Третья причина случайная: ограниченность состояния. Она может мешать писателю

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya наравне с другими пользоваться выгодами и удовлетворять требованиям светской жизни. Лишенный способов играть одинаковую роль с людьми, одаренными избытком, и будучи не в состоянии доставлять им те удовольствия, которые сам от них получает, писатель – которому вместе с дарованием досталась в удел и бедность – принужден являться в общество изредка, и то не иначе, как зритель, не имеющий никакой тесной связи с действующими на сцене его лицами. Сия необходимость быть простым зрителем препятствует ему приобрести искусство обхождения, познакомиться с приличиями, узнать все нужные обряды светской жизни. Он не имеет ничего общего с людьми, составляющими большой свет, отчужден от них своим состоянием, своими обстоятельствами, для них неизвестными; являясь на глаза их редко, он всегда кажется им новым лицом, следовательно всегда обращает на себя их внимание, но внимание, производимое не достоинствами личными, а только новостью предмета, простое, может быть оскорбительное любопытство. Чувствуя свое одиночество и свое неравенство в способах наслаждаться светскою жизнью даже с такими людьми, которые во всем другом его ниже, но поддержаны в свете или богатством, или знатным родом, чувствуя свое невежество в науке жить, известной всегда тому, кто имеет и может только иметь сношение с большим светом, он делается робок, недоверчив к самому себе, следовательно и неловок и странен; неприятность играемой в обществе роли прилепляет его час от часу более к уединению, час от часу более отчуждает от света; и, следовательно, делает его час от часу неспособнее иметь в нем какой-нибудь успех.

Но писатель, который от ограниченности своего состояния не имеет способов наслаждаться приятностями большого света, ужели должен почитать потерю свою весьма важною? Нет, конечно. Светская жизнь имеет много привлекательного, но только для тех, которым даны средства пользоваться всеми ее преимуществами без исключения. Человек, желающий, несмотря на препятствия, бедности ему положенные, оспаривать у сих счастливых удовольствия, на которые, так сказать, сама фортуна дала им полное право, получит в награду одно оскорбительное чувство собственного бессилия. Писатель с дарованием истинным щедро вознагражден природою за все обиды пристрастной фортуны. Имея в виду одни благородные занятия мыслящего, богатого чувством и любовью ко всему прекрасному человека, он будет в тишине души довольствоваться скромным своим уделом, своею деятельностью в малом круге; он будет довольствоваться распространением своего ума и ограничением своего сердца. Утрату разнообразия в удовольствиях заменит он продолжительностью их и полнотою. Для него человеческое общество разделено будет на два круга: один обширный, в который он входит изредка с твердою решимости быть просто зрителем спокойным, холодным, без всяких честолюбивых требований и надежд, без всякого соперничества с людьми, желающими в нем торжествовать, равнодушный к собственным своим неудачам, желающий единственно приобретения некоторых новых понятий, некоторой образованности, необходимой его таланту; он будет не замечен, это верно; зато не будет и странен: ибо в свете находят странными одни усилия самолюбивых, бесполезно желающих отличить себя пред другими каким-нибудь превосходством; тихая скромность будет его украшением. Вся деятельность его в сем круге ограничится единственно тем влиянием, которое он может иметь на него посредством своего таланта. Другой круг – тесный, есть тот, в котором он счастлив, любим и любит, где он имеет успех без всякого усилия, не прибегая к утонченному и коварному искусству; там его уединение, где он наслаждается жизнью, в труде безмятежном и полезном, где он беседует с самим собою, где он высокими чувствами и мыслями совершенствует душу свою, где он ввергает бумаге сокровище собственных мыслей и чувств для пользы современников, быть может и для пользы потомков; там его друзья, соединенные с ним одинакою деятельностью, сходством хребта, склонностей, дарований; их строгая разборчивость его образует, их благодетельное соревнование животворит в нем творческий пламень, в их искренной похвале его воздаяние и слава; там, наконец, его семейство. Для писателя, более нежели для кого-нибудь, необходимы семейственные связи; привязанный к одному месту своими упражнениями, он должен около себя находить те удовольствия, которые природа сделала необходимыми для души человеческой; в уединенном жилище своем, после продолжительного умственного труда, он должен слышать трогательный голос своих любезных; он должен в кругу их отдыхать, в кругу их находить новые силы для новой работы; не имея вдали ничего, достойного искания, он должен вблизи, около себя, соединить все драгоценнейшее для его сердца; вселенная, со всеми ее радостями, должна быть заключена в той мирной обители, где он мыслит и где он любит.

О басне и баснях Крылова*

Что в наше время называется баснею? Стихотворный рассказ происшествия, в котором действующими лицами обыкновенно бывают или животные, или твари неодушевленные.

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya
Цель сего рассказа – впечатление в уме какой-нибудь нравственной истины, заимствуемой из общежития и, следовательно, более или менее полезной.

Отвлеченная истина, предлагаемая простым и вообще для редких приятным языком философа-моралиста, действуя на одни способности умственные, оставляет в душе человеческой один только легкий и слишком скоро исчезающий след. Та же самая истина, представленная в действии и, следовательно, пробуждающая в нас и чувство и воображение, принимает в глазах наших образ вещественный, впечатлевается в рассудке сильнее и должна сохраниться в нем долее. Какое сравнение между сухим понятием, облеченным в простую одежду слов, и тем же самым понятием, одушевленным, украшенным приятностию вымысла, имеющим отличительную, заметную для воображения нашего форму? – Таков главный предмет баснописца.

Действующими лицами в басне бывают обыкновенно или животные, лишенные рассудка, или творения неодушевленные. Полагаю тому четыре главные причины. Первая: особенность характера, которую каждое животное отличено одно от другого. Басня есть мораль в действии; в ней общие понятия нравственности, извлекаемые из общежития, применяются, как сказано выше, к случаю частному и посредством сего применения делаются ощутительнее. Тот мир, который находим в басне, есть некоторым образом чистое зеркало, в котором отражается мир человеческий. Животные представляют в ней человека, но человека в некоторых только отношениях, с некоторыми свойствами, и каждое животное, имея при себе свой неотъемлемый постоянный характер, есть, так сказать, готовое и для каждого ясное изображение как человека, так и характера, ему принадлежащего. Вы заставляете действовать волка – я вижу кровожадного хищника; выводите на сцену лисицу – я вижу льстеца или обманщика, – и вы избавлены от труда прибегать к излишнему объяснению. Второе: перенося воображение читателя в новый мечтательный мир, вы доставляете ему удовольствие сравнивать вымышленное с существующим (которому первое служит подобием), а удовольствие сравнения делает и самую мораль привлекательною. Третье: басня есть нравственный урок, который с помощью скотов и вещей неодушевленных даете вы человеку; представляя ему в пример существа, отличные от него натурой и совершенно для него чуждые, вы щадите его самолюбие, вы заставляете его судить беспристрастно, и он нечувствительно произносит строгий приговор над самим собою. Четвертое: прелесть чудесного. На ту сцену, на которой привыкли мы видеть действующим человека, выводите вы могуществом поэзии такие творения, которые в сущности удалены от нее природою, – чудесность, столь же для нас приятная, как и в эпической поэме действие сверхъестественных сил, духов, сильфов, гномов и им подобных. Разительность чудесного сообщается некоторым образом и той морали, которая сокрыта под ним стихотворцем; а читатель, чтобы достигнуть до этой морали, согласен и самую чудесность принимать за естественное.

Напрасно приписывают изобретение басни рабству*, [2] а честь сего изобретения отдают в особенности какому-то азиатскому народу. Не знаю, почему рабам приличнее употреблять иносказания, нежели свободным. Если невольник, опасаясь раздражить тирана, принужден скрывать истину под маскою вымысла, то человек свободный, в угождение самолюбию – другого рода тирану и, может быть, еще более взыскательному – не менее обязан украшать предлагаемое им наставление формою приятною. В обоих случаях положение моралиста одинаково. Что же касается до изобретения, то басня, кажется нам, принадлежит не одному народу в особенности, а всем вообще, равно как и все другие роды поэзии. Вероятно, что прежде она была собственностью не стихотворца, а оратора и философа. И оратор и философ, рассуждая о предметах политики и нравственности, употребляли для большей ясности сравнения и примеры, заимствованные из общежития или природы. От простого примера, в котором представляемо было одно только сходство идеи предлагаемой с предметом заимственным, легко могли перейти к басне, в которой предлагаемая истина выводима из действия вымышленного, но имеющего отношение к действию настоящему и, так сказать, заступающему его место (ибо для произведения сильнейшего впечатления действие вымышленное должно быть принимаемо в басне (условно) за быточное, возможное и как будто в самом деле случившееся). Пример объясняет мысль, но он сливается с ее предложением и, так сказать, в нем исчезает. Басня есть нечто отдельное и целое, она заключает в себе действие для нас привлекательное – от сей отдельности и целости и самая мораль получает характер отличительный; а будучи выводима из действия привлекательного, сама становится для нас привлекательнее.

В истории басни можно заметить три главные эпохи: первая, когда она была не иное что, как простой риторический способ, пример, сравнение; вторая, когда получила

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya бытие отдельно и сделалась одним из действительнонейших способов предложения моральной истины для оратора или философа нравственного, – таковы басни, известные нам под именем Эзоповых*, Федровы и в наше время Лессинговы*; третья, когда из области красноречия перешла она в область поэзии, то есть получила ту форму, которой обязана в наше время Лафонтену и его подражателям, а в древности Горацию*. [3] Древние философы (древних баснописцев надлежит скорее причислить к простым моралистам, нежели к поэтам) не сочиняли басен; они рассказывали их при случае, применяя их к обстоятельствам или к той истине, которую доказать были намерены; они хотели не нравиться своим рассказом, а просто наставлять, и для того, употребляя басню как способ убеждения, менее заботились о форме ее, нежели о согласии своего вымысла с моральною истинною, из него извлекаемую, или тем случаем, заимствованным из общежития, которому он служил подобием. Следственно, отличительный характер басен древних должна быть краткость. Моралист, имея в предмете: запечатлеть в уме читателя или слушателя известное правило практической морали, должен необходимо избегать всякой излишности в рассказе – следовательно, всякое украшение почитать излишностию. Язык его должен быть самый простой и краткий – следовательно, проза (Федр писал в стихах; но его стихи отличны от простой прозы одним только размером); наконец, заставляя действовать скотов и тварей неодушевленных, он должен употреблять их как одни аллегорические образы тех характеров, которые намерен изобразить, – следовательно, в одном только отношении к сим характерам, а не давать каждому характера собственного, ему принадлежащего, неотносительного, что отвлекло бы внимание от главного предмета, то есть от морали, и обратило бы его на принадлежность, то есть на те аллегорические лица, которые входят в состав басни. Лучшим образцом таких басен могут быть, по мнению моему, Лессинговы. – Но, сделавшись собственностию стихотворца, басня переменяла и форму: что прежде было простою принадлежностью, – я говорю о действии, – то сделалось главным и столь же важным для стихотворца, как и самая мораль. Поэзию называют подражанием природе; цель ее: нравиться воображению, образуя рассудок и сердце, – следовательно, и баснописец-поэт необходимо должен, подражая той природе, которую берет за образец, нравиться воображению своим подражанием. Итак, в басне стихотворной я должен под личиною вымысла находить существенный мир со всеми его оттенками; животные, герои басни, представляют людей: следовательно, они должны для воображения моего сохранить не только собственный, данный природою им образ, но вместе и относительный, данный им стихотворцем, так чтобы я видел пред собою в одном и том же лице и животное и тот человеческий характер, которому оно служит изображением, со всеми их отличительными чертами. – Баснописец-поэт составляет один фантастический мир из двух существенных: в одном из сих последних заимствует он характеры, свойства моральные и самое действие, в другом одни только лица. Чего же я от него требую? Чтобы он пленял мое воображение верным изображением лиц; чтобы он своим рассказом принудил меня принимать в них живое участие; чтобы овладел и вниманием моим и чувством, заставляя их действовать согласно с моральными свойствами, им данными; чтобы волшебством поэзии увлек меня вместе с собою в тот мысленный мир, который создан его воображением, и сделал на время, так сказать, согражданином его обитателей; и чтобы, наконец, удовлетворил рассудку моему какую-нибудь моральною истинною, которая не иное что, как цель, к которой привел он меня стезею цветущею. Таковы басни стихотворцев новейших, и в особенности Лафонтеновы.

Из всего сказанного выше следует, что басня (несмотря на Лессингово несколько натянутое разделение*) может быть, естественно: или прозаическая, в которой вымысел без всяких украшений, ограниченный одним простым рассказом, служит только прозрачным покровом нравственной истины; или стихотворная, в которой вымысел украшен всеми богатствами поэзии, в которой главный предмет стихотворца: запечатлевая в уме нравственную истину, нравиться воображению и трогать чувство.

Что же, спрашиваем, составляет совершенство басни? В прозаической – краткость, ясный слог, ответственность вымышленного происшествия той морали, которая должна быть из него извлекаема. Но стихотворная? Она требует гораздо более, и мы, чтоб получить некоторое понятие о совершенстве ее, взглянем на того стихотворца, который, первый показав образец стихотворной басни, остался навсегда образцом неподражаемым, – я говорю о Лафонтене. Определив характер сего единственного стихотворца, мы в то же время определим и истинный характер совершенной басни.

Нельзя, мне кажется, достигнуть до надлежащего превосходства в сем роде стихотворения, не имея того характера, который находим в Лафонтене, получившем от современников наименование добродушного. Баснописец есть сын природы

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya предпочтительно пред всеми другими стихотворцами. Самый обыкновенный ум способен украсить нравоучение вымыслом, вывести на сцену скотов и дать язык вещам неодушевленным – но будет ли в произведениях его та прелесть, которую находим в баснях и вообще во всех сочинениях Лафонтена? Чтоб принимать живое участие в тех маловажных предметах, которые должны овладеть вниманием баснописца и сделать их занимательными для самого хладнокровного читателя, надлежит иметь сию неискusstvenную чувствительность невинного сердца, которая привязывает его ко всем созданиям природы без изъятия; сию полноту души, с которою бываем мы счастливы при совершенном недостатке преимуществ, доставляемых и обществом и фортуною, с которою мы веселы в уединении и заняты, не имея никакого дела: сие расположение к добру, с которым все представляется нам и в обществе и в природе прекрасным, потому что все бывает тогда украшено в глазах наших собственным нашим чувством; сию беззаботность, которая оставляет нам полную свободу заниматься с удовольствием такими вещами, которые для других как будто не существуют или кажутся презренными; сие простодушие, которое уверяет нас, что все имеют одинакое с нами чувство и все способны принимать одинакое с нами участие в тех предметах, которые для нас одни привлекательны; тогда вся природа наполнена для нас существами знакомыми и любезными нашему сердцу; все творения составляют наше семейство – мы трогаемся судьбою увядающего цветка, разделяем заботливость ласточки, свивающей для малюток своих гнездо, наслаждаемся, внимая Пению пустынного соловья, и сожалеем о нем, будучи искренно уверены, что и он имеет свои потери; чувства сии живы, потому что душа, наполненная ими, будучи истинно непорочна, предается им с младенческою беззаботностию, не развлекается никаким посторонним беспокойством, никакою возмутительною страстию. Таков характер Лафонтена. Можно ли ж удивляться, что басни его имеют для всех неизъяснимую прелесть? Лафонтен рассказывает нам о тех существах, которые к нему близки, и первый совершенно уверен в истине своего рассказа. Подумаешь, что натура наименовала его историком того мира, в который он переселился воображением; он рассказывает с чувством о своей родине; он хочет и вас заставить полюбить ту сторону, которая ему так мила и знакома; он говорит с вами не для того, чтоб быть вашим наставником, но для того, что ему весело говорить; не ищите в баснях его морали – ее нет!* – но вы найдете в них его душу, которая вся изливается перед вами в прелестных чувствах, в простых, для всякого ясных мыслях, без умысла, без искусства; вы слышите милого младенца, исполненного высокой мудрости; научаясь любить его, становитесь сами и лучше и довольнее собственным бытием и нечувствительно находите все вокруг себя прекрасным. Читая Лафонтена, замечаем в душе своей то чувство, которое обыкновенно производит в ней присутствие скромного, милого, совершенно добродушного мудреца, – она спокойна, счастлива, довольна и природою и собою. С таким единственным характером Лафонтен соединял и дарования поэта в высочайшей степени. Что называю дарованием поэта? Воображение, представляющее предметы живо и с самой привлекательной стороны, способность изображать сии предметы для других приличными им красками и так, чтобы они представлялись им с такою же ясностию, с какою и нам самим представляются; способность (в особенности необходимая баснописцу) рассказывать просто, приятно, без принуждения, но рассказывать языком стихотворным, то есть украшая без всякой натяжки простой рассказ выражениями высокими, поэтическими вымыслами, картинными и разнообразя его смелыми оборотами. Таков Лафонтен в своих баснях. Никто не умеет столь непринужденно переходить от простого предмета к высокому, от обыкновенного рассказа к стихотворному, никто не имеет такого разнообразия оборотов, такой живописности выражений, такого искусства сливать с простым описанием остроумные мысли или нежные чувства. Найдите в басне: «Ястреба и Голуби» (livre VII, fable VIII) описание сражения; читая его, можете вообразить, что дело идет о римлянах и германцах: так много в нем поэзии; но тон стихотворца нимало не покажется вам неприличным его предмету. Отчего это? Оттого, что он воображением присутствует при том происшествии, которое описывает, и первый совершенно уверен в его важности; не мыслит вас обманывать, но сам обманут. В этой же басне заметите вы удивительное искусство Лафонтена: занимаясь одним предметом, изображать мимоходом предметы посторонние и приятные; он говорит о ястребах:

Certain sujet fit naître la dispute
Chez les oiseaux – non ceux que le printemps
Mène à sa cour et qui sous la feuillée,
Par leur exemple et leurs sons éclatants
Font que Vénus est en nous réveillée, [4]
и проч.

Вашему воображению представляются первые минуты весны: вы видите молодые деревья, под которыми поют птицы, и со всем тем ваше внимание не отвлечено от

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya
главного предмета; ибо эта прелестная картина естественно сливается с описанием
главных. Далее, говоря о голубях, Лафонтен одною чертою изображает и их
наружность и их характер:

...Nation

Au cōl changeant, au coeur tendre et fidèle.[5]

В первом полустии картина; в последнем трогательное нежное чувство;
стихотворец, изображая предметы, сообщает вам и то приятное расположение души, с
каким он сам на них смотрит. Таково неподражаемое искусство Лафонтена.

Из всего, что сказано выше, легко можно вывести общие правила для баснописца.
Оставляя этот труд нашим читателям, мы обратим глаза на Басни Крылова, которые
подали нам повод к сим рассуждениям.[6] Чтобы определить характер нашего
стихотворца, надлежит рассматривать басни его не с той точки зрения, с какой
обыкновенно смотрим на басни Лафонтена. Лафонтен, который не выдумал ни одной
собственной басни, почитается, невзирая на то, поэтом оригинальным. Причина
ясна: Лафонтен, заимствуя у других вымыслы, ни у кого не заимствовал ни той
прелести слога, ни тех чувств, ни тех мыслей, ни тех истинно стихотворных
картин, ни того характера простоты, которыми украсил и, так сказать, обратил в
свою собственность заимствованное. Рассказ принадлежит Лафонтену; а в
стихотворной басне рассказ есть главное. Крылов, напротив, занял у Лафонтена* (в
большой части басен своих) и вымысел и рассказ: следственно, может иметь право
на имя автора оригинального по одному только искусству присваивать себе чужие
мысли, чужие чувства и чужой гений. Не опасаясь никакого возражения, мы
позволяем себе утверждать решительно, что подражатель-стихотворец может быть
автором оригинальным, хотя бы он не написал и ничего собственного. Переводчик в
прозе есть раб; переводчик в стихах – соперник. Вы видите двух актеров, которые
занимают искусство декламации у третьего; один подражает с рабскою точностью и
взорам и телодвижениям образца своего; другой, напротив, стараясь сравниться с
ним в превосходстве представления одинакой роли, употребляет способы
собственные, ему одному приличные. Поэт оригинальный воспламеняется идеалом,
который находит у себя в воображении; поэт-подражатель в такой же степени
воспламеняется образцом своим, который заступает для него тогда место идеала
собственного: следственно, переводчик, уступая образцу своему пальму
изобретательности, должен необходимо иметь почти одинакое с ним воображение,
одинакое искусство слога, одинакую силу в уме и чувствах. Скажу более:
подражатель, не будучи изобретателем в целом, должен им быть непременно по
частям; прекрасное редко переходит из одного языка в другой, не утратив
несколько своего совершенства: что же обязан делать переводчик? Находить у себя
в воображении такие красоты, которые бы могли служить заменю, следовательно
производить собственное, равно и превосходное: не значит ли это быть творцом? И
не потребно ли для того иметь дарование писателя оригинального? Заметим, что для
переводчика оды, эпопеи и других возвышенных стихотворений. Все языки имеют
между собою некоторое сходство в высоком и совершенно отличны один от другого в
простом или, лучше сказать, в простонародном. Оды и прочие возвышенные
стихотворения могут быть переведены довольно близко, не потеряв своей
оригинальности; напротив, басня (в которую, надобно заметить, входят и красоты,
принадлежащие всем другим родам стихотворства) будет совершенно испорчена
переводом близким. Что ж должен делать баснописец-подражатель? Творить в
подражании своим красоты, отвечающие тем, которые он находит в подлиннике. А
если он не имеет ни чувства, ни воображения того стихотворца, которому
подражает, что будет его перевод? Смешная карикатура прекрасного подлинника.

Мы позволяем себе утверждать, что Крылов может быть причислен к переводчикам
искусным и потому точно заслуживает имя стихотворца оригинального. Слог басен
его вообще легок, чист и всегда приятен. Он рассказывает свободно и нередко с
тем милым простодушием, которое так пленительно в Лафонтене. Он имеет гибкий
слог, который всегда применяет к своему предмету: то возвышается в описании
величественном, то трогает вас простым изображением нежного чувства, то
забавляет смешным выражением или оборотом. Он искусен в живописи – имея дар
воображать весьма живо предметы свои, он умеет и переселять их в воображение
читателя; каждое действующее в басне его лицо имеет характер и образ, ему одному
приличные; читатель точно присутствует мысленно при том действии, которое
описывает стихотворец.

Лучшими баснями из XXIII, имеющих каждая свое достоинство, почитаем следующие:
«Два Голубя», «Невеста»*, «Стрекоза и Муравей», «Пустынник и Медведь», «Лягушки»,
Страница 200

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskya
просящие царя».

«Два Голубя», басня, переведенная из Лафонтена, кажется нам почти столько же совершенною, как и басня Дмитриева* того же имени: в обеих рассказ равно приятен; в последней более поэзии, краткости и силы в слоге; зато в первой, если не ошибаемся, чувства выражены с большим простодушием.

Два Голубя как два родные брата жили;
Друг без друга они не ели и не пили;
Где видишь одного, другой уж верно там;
И радость и печаль, все было пополам
Не видели они, как время пролетало:
Бывало грустно им, а скучно не бывало.
В этих шести стихах, которые все принадлежат подражателю, распространен один прекрасный стих Лафонтена:

Deux pigeons s'aimaient d'amour tendre,[7] –
но они, верно, не покажутся никому излишними. Можно ли приятнее представить счастливое согласие двух друзей? Вот то, что называется заменить красоты подлинника собственными. Вы, конечно, заметили последний, простой и нежный стих:

Бывало грустно им, а скучно не бывало.
□□Ну, кажется, куда б хотеть
□□Или от милой, иль от друга? –
Нет, вздумал странствовать один из них: лететь.
И этих стихов нет в подлиннике – но они милы тем простодушием, с каким выражается в них нежное чувство.

Хотите ли картин? Вот изображение бури в одном живописном стихе:

□□Вдруг в встречу дождь и гром;
Под ним, как океан, синее степь кругом.
Вот изображение опасности голубка-путешественника, которого преследует ястреб:

Уж когти хищные над ним распушены;
Уж холодом в него с широких крыльев пышет.
В Лафонтене этих стихов нет; но подражатель, кажется, хотел заменить ими другие два, несколько ослабленные им в переводе:

...Quand des nues
Fond à son tour un aigle aux ailes étendues.[8]
Сожалею также, что он выпустил прекрасный стих, который переведен так удачно у Дмитриева:

Le pigeon profita du conflit des voleurs[9] –
Итак, благодаря стечению воров.
Стих тем более важный, что в нем стихотворец мимоходом, одною чертою, напоминает нам о том, что делается в свете, где иногда раздор злодеев бывает спасением невинности. Это искусство намекать принадлежит в особенности Лафонтену. Заключение басни прекрасно в обоих переводах, с тою только разницею, что Крылов заменил стихи подлинника собственными, а Дмитриев перевел очень близко Лафонтена и с ним сравнился. Выпишем и те и другие:

□□Кляня охоту видеть свет,
Поплелся кое-как домой без новых бед..
Счастлив еще: его там дружба ожидает!
□□К отраде он своей,
Услугу, лекаря и помощь видит в ней;
С ней скоро и беды и горе забывает.
О вы, которые объехать свет вокруг
□□Желанием горите,
□□Вы эту басенку прочтите
И в дальний путь такой пускайтесь не вдруг:
Что б ни сулило вам воображенье ваше –
Не верьте, той земли не сыщете вы краше,
Где ваша милая и где живет ваш друг.
Крылов.

О вы, которых бог любви соединил,
Хотите ль странствовать? Забудьте гордый Нил
И дале ближнего ручья не разлучайтесь.
Чем любоваться вам? Друг другом восхищайтесь;
Пусть один в другом находит каждый час
Прекрасный, новый мир, всегда разнообразный.
Бывает ли в любви хоть миг для сердца праздный?
Любовь, поверьте мне, все заменит для вас.
Я сам любил – тогда за луг уединенный,
Присутствием моей любезной озаренный,
Я не хотел бы взять ни мраморных палат,
Ни царства в небесах... Придете ль вы назад,
Минуты радостей, минуты восхищений?
Иль буду я одним воспоминаньем жить?
Ужель прошла пора столь милых оболщений,
И полно мне любить?
Дмитриев.

Последние стихи лучше первых – но должно ли их и сравнивать? Крылов, не желая переводить снова, а может быть, и не надеясь перевести лучше то, что переведено как нельзя лучше, заменил красоту подлинника собственной. Заключение басни его (если не сравнивать его ни с Лафонтеновым, ни с переводом Дмитриева) прекрасно само по себе. Например, после подробного описания несчастий голубка-путешественника, не тронет ли вас этот один прекрасный и нежный стих?

Счастлив еще: его там дружба ожидает.
Автор поставил одно имя дружбы в противоположность живой картине страдания, и вы спокойны насчет печального странника. Поэт дал полную волю вашему воображению представить вам все те отрады, которые найдет голубок его, возвратившись к своему другу. Здесь всякая подробность была бы излишнею и только ослабила бы главное действие. Посредственный писатель, вероятно, воспользовался бы этим случаем, чтобы наскучить читателю обыкновенными выражениями чувства, – но истинное дарование воздержнее: оно обнаруживается и в том, что поэт описывает, и в том, о чем он умалчивает, полагаясь на чувство читателя. Последние три стиха прелестны своею простотою и нежностью.

Выпишем еще несколько примеров. Вот прекрасное изображение моровой язвы:

Лютейший бич небес*, природы ужас, мор
Свирепствует в лесах: уняли звери;
В ад распахнулись настезь двери;
Смерть рыщет по полям, по рвам, по высям гор;
Везде разметаны ее свирепства жертвы;
И на час по тысяче валится их;
И А те, которые в живых,
Такой же части ждя, чуть ходят полумертвы.
То ж звери, да не те в беде великой той;
Не давит волк овец и смирен, как святой;
И дав курам роздых и покой,
И лиса постится в подземелье;
И пища им на ум нейдет;
И с голубкой голубь врозь живет;
И любви в помине больше нет;
И А без любви какое уж веселье!
Крылов занял у Лафонтена искусство смешивать с простым и легким рассказом картины истинно стихотворные:

Смерть рыщет по полям, по рвам, по высям гор;
Везде разметаны ее свирепства жертвы.
Два стиха, которые не испортили бы никакого описания моровой язвы в эпической поэме.

Не давит волк овец и смирен, как святой;
И дав курам роздых и покой,
И лиса постится в подземелье.
Здесь рассказ стихотворный забавен и легкий, но он не составляет неприятной противоположности с поэтической картиною язвы. А в следующих трех стихам с простым описанием сливается нежное чувство:

С голубкой голубь врозь живет;
Любви и помине больше нет;
А без любви какое уж веселье!
Это перевод, и самый лучший, прекрасных Лафонтеновых стихов:

Les tourterelles se fuyaient:
Plus d'amour, partant plus de joie!
Какая разница с переводом Княжнина*, который, однако, недурен:

И горлицы друг друга убегают,
Нет более любви в лесах и нет утех!
Вот еще несколько примеров; мы оставляем заметить в них красоты самим читателям.

Пример разговора. Стрекоза пришла с просьбою к Муравью:

«Не оставь меня, кум милой;
Дай ты мне собраться с силой
И до вешних только дней
Прокорми и обогрей».
«Кумушка, мне странно это!
Да работала ль ты в лето?» –
Говорит ей Муравей.
«До того ль, голубчик, было:
В мягких муравах у нас
Песни, резвость всякой час, –
Так что голову вскружило!» и проч.
Лягушки просили у Юпитера* царя – и Юпитер

Дал им царя – летит к ним с шумом царь с небес;
И плотно так он треснул на царство,
Что ходенем пошло трясинно государство.

□□Со всех лягушки ног
□□В испуге пометались,
□□Кто как успел, куда кто мог,
И шепотом царю по кельям дивовались.
И подлинно, что царь на диво был им дан:
□□Не суетлив, не вертопрашен,
□□Степенен, молчалив и важен;
□□Дородством, ростом великан;
□□Ну, посмотреть, так это чудо!
□□Одно в царе лишь было худо:
Царь этот был осиновый чурбан.
Сначала, чтя его особу превысоку,
Не смеет подступить из подданных никто;
Чуть смеют на него глядеть они – и то
Украдкой, издали, сквозь аир и осоку.
□□Но так как в свете чуда нет,
□□К которому не пригляделся б свет,
То и они – сперва от страха отдохнули,
Потом к царю подползть с преданностью дерзнули;
□□Сперва перед царем ничком;
А там, кто посмелей, дай сесть к нему бочком,
Дай попытаться сесть с ним рядом;
А там, которые еще поудалей,
□□К царю садятся уж и задом.
Царь терпит все по милости своей.
Немного погодя, посмотришь, кто захочет,
□□Тот на него и вскочит.

Можно забыть, что читаешь стихи: так этот рассказ легок, прост и свободен. Между тем какая поэзия! Я разумею здесь под словом поэзия искусство представлять предметы так живо, что они кажутся присутственными.

Что ходенем пошло трясинно государство..
живопись в самых звуках! Два длинных слова: ходенем и трясинно прекрасно изображают потрясение болота.

□□Со всех лягушки ног

□□В испуге пометались,

□□кто как успел, куда кто мог.

В последнем стихе, напротив, красота состоит в искусном соединении односложных слов, которые своею гармониею представляют скачки и прыганье. Вся эта тирада есть образец легкого, приятного и живописного рассказа. Смеем даже утверждать, что здесь подражание превосходит подлинник; а это весьма много, ибо Лафонтенова басня прекрасна; в стихах последнего, кажется, менее живописи, и самый рассказ его не столь забавен. Еще один или два примера – и кончим.

Жил некто человек безродной*, одинакой,

□□Вдали от города, в глуши.

Про жизнь пустынную как сладко ни пиши,

А в одиночестве способен жить не всякой;

Утешно нам и грусть и радость разделить.

Мне скажут: а лужок, а темная дуброва,

Пригорки, ручейки и мурава шелкова? –

□□Прекрасны, что и говорить!

А все прискучатся, как не с кем молвить слова.

Вот истинное простодушие Лафонтена, который, верно, не мог бы выразиться лучше, когда бы родился русским. Заметим, однако, здесь ошибку: Крылов употребил слово одинакой*(с кем или с чем-нибудь совершенно сходный) вместо слова одинокой (не имеющий ни родства, ни связей). Далее автор описывает пустытника и друга его, медведя. Первый устал от прогулки; последний предлагает ему заснуть:

Пустытник был сговорчив, лег, зевнул,

□□Да тотчас и заснул.

А Миша на часах, да он и не без дела:

□□У друга на нос муха села –

□□Он друга обмахнул –

□□□Взглянул –

А муха на щеке – согнал – а муха снова

□□У друга на носу.

Здесь подражание несравненно лучше подлинника. Лафонтен сказал просто:

Sur le bout de son nez une (муха) allant se placer,

Mit l'ours au désespoir – il eut beau la chasser!

Какая разница! В переводе картина, и картина совершенная. Стихи летают вместе с мухою. Непосредственно за ними следуют другие, изображающие противное, медлительность медведя; здесь все слова длинные, стихи тянутся:

Вот Мишенька, не говоря ни слова,

Увесистый булыжник в лапы сгреб,

Присел на корточки, не переводит духу,

Сам думает: «Молчи ж, уж я тебя, воструху!»

И, у друга на лбу подкарауля муху,

Что силы есть, хватить друга камнем в лоб.

Все эти слова: Мишенька, увесистый, булыжник, корточки, переводит, думает, и у друга, подкарауля, прекрасно изображают медлительность и осторожность: за пятью длинными, тяжелыми стихами следует быстро полустихие:

□□Хватить друга камнем в лоб.

Это молния, это удар! Вот истинная живопись, и какая противоположность последней картины с первою.

Но довольно; читатели могут сами развернуть Басни Крылова и заметить в них те красоты, о которых мы не сказали ни слова за неимением времени и места. Сделаем общее замечание о недостатках. Слог Крылова кажется нам в иных местах растянутым и слабым (зато мы нигде не заметили ни малейшей принужденности в рассказе); попадают погрешности против языка, выражения, противные вкусу, грубые и тем более заметные, что слог вообще везде и легкий и приятен.

О сатире и сатирах Кантемира*

Кантемир принадлежит к немногим классическим стихотворцам России; но редкий из русских развертывает его сатиры, ибо старинный слог его пугает читателя, который ищет в стихах одного легкого удовольствия. Кантемира можно сравнить с таким человеком, которого суровая наружность сначала не предвещает ничего доброго, но с которым надобно познакомиться короче, чтоб полюбить его характер и потом находить наслаждение в его беседе. Обративши на сего стихотворца внимание наших

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya читателей, мы надеемся заслужить от них благодарность; но предварительно позволяем себе войти в некоторые рассуждения о сатире.

Какой предмет сатиры? Осмеяние человеческих заблуждений, глупостей и пороков. Смех производит веселость, а веселость почитается одним из счастливейших состояний человеческого духа. Во всех нам известных языках, говорит Адиссон*, находим метафору: поля смеются, луга смеются; это служит доказательством, что смех сам по себе есть что-то и привлекательное и любезное. Смех оживляет душу, или рассеивая мрачность ее, когда она обременяема печалию, или возбуждая в ней деятельность и силу, когда она утомлена умственной, трудною работою. По словам Сульцера*, смех бывает двоякого рода: или чистый, просто располагающий нас к веселости; или сложный, то есть соединенный с чувствами и понятиями посторонними. Предмет сам по себе забавный заставляет нас смеяться, и более ничего: вот чистый смех; но если под личиною смешного скрывается что-нибудь отвратительное или достойное презрения, тогда необходимо со смехом должно соединиться в нашей душе и чувство досады, негодования, отвращения: вот что называется смехом сложным. Дарование смешить остроумно принадлежит весьма немногим. Редкий имеет способность замечать смешные стороны вещей, находить неожиданное сходство между предметами нимало не сходными или соединять такие предметы, которых соединение или неестественно, или чудесно; а все это составляет сущность смешного. С первого взгляда сия шутовство, или колкая, или живая, покажется свойством человека веселого: но веселость есть характер, а дарование находить в предметах забавную сторону или созидать воображением предметы смешные есть принадлежность ума, неразлучная с другими важнейшими его качествами. Человек, по характеру своему веселый, все видит с хорошей стороны; и люди и мир принимают на себя, так сказать, цвет его сердца; все для него ясно; он может смеяться, потому что смех и радость почти одно и то же: но он менее способен замечать смешное, то есть противоречащее нашему понятию и чувству, ибо для сего необходимо нужно иметь несколько того едкого остроумия, которое несообразно с характером кроткой и снисходительной веселости. Напротив, человек, имеющий дар насмешки, почти всегда имеет и характер важный и ум глубокомысленный. Чтобы найти в предмете смешную, для обыкновенного взора незаметную сторону, надлежит рассмотреть его со всех сторон, а для сего потребны размышление и проницательная тонкость; чтобы заметить, в чем удаляется тот или другой характер, тот или другой поступок от правил и понятий истинных, и потом сие отдаление представить смешным, потребно иметь ясное и полное понятие о вещах, колкое остроумие, дух наблюдательный и воображение живое: все это более или менее не принадлежит к характеру ясной и, может быть, несколько легкомысленной веселости. Из всего сказанного выше следует, что дарование замечать смешные стороны предметов, соединенное с искусством изображать их разительно для других, есть дарование гениев редких.

И сие дарование может быть или благодетельно, или вредно как в общежитии, так и в словесности – но круг вреда и пользы, от него проистекающих, несравненно обширнее в последней. Насмешка сильнее всех философических убеждений опровергает упорный предрассудок и действует на порок: осмеянное становится в глазах наших низким; а вместе с уважением к вещи теряется и наша к ней привязанность. Не должно думать однако, чтобы насмешка могла исправить порочного: она только открывает ему дурные стороны его и, может быть, живее только дает чувствовать необходимость украсить их личиною приятного. Но цель моралиста – каким бы он оружием ни действовал, насмешкою или простым убеждением, – не есть невозможное исправление порока, а только предохранение от него души неиспорченной или исцеление такой, которая, введена будучи в обман силою примера, предрассудка и навыка, несмотря на то, сохранила ей свойственное расположение к добру. Насмешка есть оружие предохранительное; ничто лучше ее не охлаждает воображения, излишне воспламененного; она побеждает и там, где усилия степенного рассудка остаются бесплодны. С другой стороны, дарование смеяться может быть весьма вредным, если не будет оно соединено с характером благородным и уважением чистой морали: ибо все то, что мы почитаем священным, может унижено быть в глазах наших действием насмешки.

Философы и поэты употребляют оружие насмешки для пользы нравов. Сатирик и комик имеют то сходство с моралистом-философом, что они действуют для одной цели, которой, однако, достигают различными путями. Моралист рассуждает и, убеждая ум, говорит сердцу; напротив, комик и сатирик осмеивают моральное безобразие и тем более привязывают нас к красоте моральной, которая становится ощутительнее от противоположности. Различие между сатирою и комедиею заключается в одной только форме: в комедии мы видим перед глазами те оригиналы и те пороки, которые

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya

сатирик представляет одному только воображению: там они сами выходят на сцену и сами себя обличают; а здесь выходит на сцену поэт, который или забавляет нас своими колкими шутками, или производит в душе нашей благодетельное негодование. Из всего сказанного выше можно легко составить себе понятие о характере сатирического стихотворца и комика. Они необходимо должны иметь дух наблюдательный, глубокое знание человеческого сердца и редким известное искусство представлять в смешном все то, что не согласно с правилами и понятиями чистой морали. Искусство осмеивать остроумно тогда только бывает истинно полезным, когда оно соединено с высокостию чувств, неиспорченным сердцем и твердым уважением обязанностей человека и гражданина. Истинный сатирик и стихотворец комический должны ненавидеть изображаемые ими пороки; но если сия ненависть будет произведением не сильной привязанности к добру, а одного только расположения все находить или смешным, или низким; если они будут смотреть на мир и на человека с угрюмостью и пристрастием мизантропов, а не с добрым чувством друзей человечества, которые желают, чтобы все перед глазами их наслаждалось счастьем, и потому только ненавидят порок, что он есть главнейший противник сего счастья; тогда они поселяют в сердцах своих читателей одно только мрачное чувство ненависти, которое может быть благодетельно не иначе, как будучи в равновесии с усладительным чувством любви: ненависть стесняет душу, напротив, любовь ее живит и располагает к деятельности полезной. Сердечный жар, как говорит Сульцер, должен быть музою сатирика. Это справедливо: и в ту минуту, когда он попирает ногами порок, или осмеивает глупость, или забавляется насчет странности, я должен замечать в душе его и любовь к добродетели, и чувствительность, и благородное уважение ко всему прекрасному. На этих только условиях и в обществе бывает терпим колкий насмешник; ибо тогда все те, которые сами имеют характер благородный, могут полагаться на его справедливость, но тот, кто всем без разбора жертвует своему остроумию, необходимо удаляет от себя всякое доброе сердце; он произвольно обнаруживает пред ним собственную бедность свою в чувствах высоких и оскорбляет его своею жестокостью. Такое и действие сатиры, в которой замечаем одно желание и искусство порицать и не находим ничего питательного для сердца.

Сатира, собственно так называемая, отлична от всех других сатирических произведений – и в прозе и в стихах – своею дидактическою формою. Вольтеров «Кандид»*, Сервантов «Дон-Кихот», Эразмова «Похвала дурачеству»*, Свифтов «Гулливер», Ботлеров «Гудибрас»*, Мольеров «Тартюф» имеют предметом, как и сатира, осмеяние пороков и глупостей; но «Кандид», «Гулливер» и «Дон-Кихот» – романы, «Гудибрас» – поэма, «Тартюф» – комедия. Сатира должна быть сатирою, следовательно, иметь собственную, ей одной принадлежащую форму. Сатирик, можно сказать, заимствует эту форму у философа; но он заимствует как стихотворец и сверх того пользуется некоторыми особенными способами. Избравши предмет свой, он применяется к нему тоном, слогом и расположением; например: нападая на странности, он вооружается легкою и колкою шуткою, смешит и исцеляет приятным лекарством смеха; напротив, имея в виду какой-нибудь вредный, заразительный порок, он возвышает тон, выражается с жаром, и тогда самая насмешка его принимает на себя наружность негодования. Все это будет ощутительнее, когда мы взглянем и сатиры Горация и Ювенала*. Теперь скажем несколько слов о тех предметах, которыми всего приличнее заниматься сатирику. Он должен из бесчисленного множества пороков, странностей и заблуждений выбирать только такие, которых влияние и общее и самое обширное; частные заблуждения и пороки, будучи малозаметны, потому именно и не могут быть заразительны: ибо они происходят по большей части от некоторых особенных недостатков ума и характера, которые надлежит почитать исключениями. Личность есть то же, что низкое мщение; она уничтожает нашу доверенность к сатирику, который в глазах наших должен быть проповедником истины и добрых нравов. Один человек не может быть образцом для других ни в добре, ни в зле: стихотворец изображает нам только то, что свойственно всему человечеству, соблюдая, однако, все те отличия, которые человеческая натура заимствует от нравов и обычаев его века, – следовательно, будучи наблюдателем тонким, он должен изображать человека вообще, то есть представлять нам в добродетелях и в пороках идеал целого, составленный из множества мелких, в разное время замеченных им частей – таковы должны быть нравственные картины сатирика. Личная сатира только что оскорбляет; а оскорбление почти никогда не может быть действительным лекарством. Не думаю также, чтобы в сатирах было полезно нападать на пороки слишком отвратительные и потому именно выходящие из порядка природы: такие картины только что возмущают чувство; но польза их весьма ограниченная, ибо нет никому нужды остерегаться от того, что необходимо должно казаться неестественным и производить отвращение.

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya
Эшенбург разделяет сатиры* на важные и веселые. В первых стихотворец сражается только с такими пороками, которые гибельны для общества: слог его должен быть силен, негодование должно быть его гением. В сатирах веселых стихотворец имеет перед глазами одни забавные странности, одни пороки смешные, и слог его должен быть легок, исполнен того остроумия, которое Цицерон называет солью*. Важная сатира может в иные минуты заимствовать легкость у веселой, а веселая заимствовать силу у важной; разнообразие почитается одною из главных прелестей слога. Заметим здесь, что важная сатира вообще легче для стихотворца, нежели веселая, именно потому, что в первой изображает он такие предметы, которых характер разителен, следовательно и более заметен; а в последней занимается мелкими, следовательно требующими особенной остроты зрения и занимательности предметами.

Чтоб получить яснейшее понятие о том, какова должна быть истинная сатира, надлежит рассмотреть характеры тех стихотворцев, которых сатиры почитаются самыми совершенными; следовательно, характеры Горация и Ювенала, которым все лучшие новейшие сатирики, например Буало, Поп* и наш Кантемир, более или менее подражали.

Горациевы сатиры можно назвать сокровищем опытной нравственности, полезной для всякого, во всякое время, во всех обстоятельствах жизни. Характер сего поэта – веселость, чувствительность, приятная и остроумная шутливость. Он живет в свете и смотрит на него глазами философа, знающего истинную цену жизни, привязанного к удовольствиям непорочным и свободе, имеющего пронизательный ум, характер откровенный и, наконец, способность видеть недостатки людей, не оскорбляться ими и только находить их забавными. Посреди рассеянности и шума придворной жизни он сохранил в душе своей привязанность к простым наслаждениям природы. Он забавляется над глупостями, заблуждениями и пороками; но он невзыскателен, не выдает себя за строгого законодателя нравов и имеет ту снисходительность, которая и самые неприятные упреки делает привлекательными; его простосердечие и любезный характер примиряют вас с колкостью его остроумия – и вы охотно соглашаетесь у него учиться, потому что он говорит от сердца, по опыту, и забавляет вас, предлагая вам нравоучение полезное; его философия не имеет целию морального совершенства стоиков, над которыми он позволяет себе иногда смеяться; она заключает в себе искусство пользоваться благами жизни, быть истинно независимым и любить природу. Со стороны стихотворной сатиры его почитаются совершеннейшими из всех нам известных. Формы его чрезвычайно разнообразны: иногда говорит он сам, иногда выводит на сцену посторонние лица, иногда рассказывает читателю басню. Его описания чрезвычайно живы; но он только прикасается к описываемому предмету и никогда не утомляет внимания; изображая характер, он представляет одни главные и самые нужные черты его живою, но легкою кистью. Он имеет дар, говоря уму, оживлять воображение и прикасаться к сердцу – и мысли его всегда согреты пламенем чувства. Одним словом, прочитав его сатиры (надобно к ним причислить и послания, из которых некоторые ни в чем не разнятся с сатирою), вы остаетесь с лучшим знанием света, с яснейшим понятием о жизни и с большим расположением ко всему доброму.

Ювенал имеет характер совсем противоположный Горациеву: он бич порочных и порока*. Читая сатиры его, уверяемся, что Ювенал имел пламенную, исполненную любви к добродетели душу; но в то же время и некоторую угрюмость, которая заставляла его смотреть на предметы с дурной только стороны их: представляя их глазам читателя, он с намерением увеличивал их безобразие. – Он родился при императоре Калигуле*; но сатиры его, из которых дошло до нас только шестнадцать, все написаны во времена Траяна или Адриана*, следовательно в глубокой старости. Сии обстоятельства объясняют нам и то, отчего сатирик везде представляется нашим глазам как строгий судья и нигде не утешает нас веселою философию чувствительного человека. Ювенал, стоик характером, видел все ужасы Клавдиева, Неронова и потом Домицианова царствований*: он был свидетелем, с одной стороны, неограниченного деспотизма, с другой – самой отвратительной низости, самого отвратительного разврата, и в душе его мало-помалу скоплялось сокровище негодования, которое усиливалось в тишине принужденного безмолвия. Сатиры его можно назвать мщением пламенной души, которая долго не смела себя обнаружить, долго роптала против своей неволи и вдруг, получив свободу, спешит воспользоваться ею неограниченно. Старость и привычка к чувствам прискорбным лишили его способности замечать хорошие стороны вещей; он видит одно безобразие, он выражает или негодование, или презрение. Он не философ: будучи сильно поражаем картиною окружающего его разврата, он не имеет того душевного спокойствия, которое необходимо для философа, беседующего с самим собою; но он

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya
превосходный живописец; в слоге его находим силу и высоту его характера:

Juvenal, élevé dans les cris de l'école,
Poussa jusqu'à l'excès sa mordante hyperbole. [10]

Одни предпочитают Ювенала Горацию, другие отдают предпочтение последнему. Не разбирая, на чьей стороне справедливость, мы можем заметить, что каждый из сих стихотворцев имеет совершенно особенный характер. Гораций почти никогда не печаливает души разительным изображением порока; он только забавляет насчет его безобразия и, сверх того, противопоставляет ему те добродетели, которые нужны в общежитии. Ювенал производит в душе отвращение к пороку и, переливая в нее то пламя, которым собственная его душа наполнена, дает ей и большую твердость и большую силу; но Гораций, представляя нам везде одни привлекательные предметы, привязывает нас к жизни и научает довольствоваться своим жребием; а Ювенал, напротив, окружая нас предметами отвратительными, производит в душе нашей какую-то мрачность. Первый осмеивает странности глупых людей, но приближает нас к добрым; последний, представляя нашим глазам один порок, делает нас недоверчивыми и к самой добродетели. В сатирах Горация знакомишься и с самим Горацием, с его образом жизни, привычками, упражнениями; в сатирах Ювенала никогда не видишь самого поэта; ибо ничто постороннее не отвлекает нашего внимания от тех ужасных картин, которые представляются воображению стихотворца. Кто хочет научиться искусству жить с людьми, кто хочет почувствовать прямую приятность жизни, тот вытверди наизусть Горация и следуй его правилам; кому нужна подпора посреди несчастий житейских, кто, будучи оскорбляем пороками, желает облегчить свою душу излитием таящегося во глубине ее негодования, тот разверни Ювенала, и он найдет в нем обильную для себя пищу.

Определив достоинство сих сатириков, которые почитаются образцовыми, обратимся к нашему Кантемиру. Мы имеем в Кантемире нашего Ювенала и Горация. Сатиры его чрезвычайно приятны (они писаны слогами, так же как и псалмы Симеона Полоцкого* и почти все старинные русские песни), в них виден не только остроумный философ, знающий человеческое сердце и свет, но вместе и стихотворец искусный, умеющий владеть языком своим (весьма приятным, хотя он и устарел), и живописец, верно изображающий для нашего воображения те предметы, которые самого его поражали.

Кантемир оставил нам восемь сатир*. Мы выпишем для наших читателей всю первую, одну из лучших, в которой стихотворец нападает на глупых или пристрастных невежд, порицающих учение. Сатирик обращается к уму своему*. Надобно заметить, что предлагаемая здесь сатира написана им на двадцатом году:

□□Уме незрелый, плод недолгой науки,
Покойся, не понуждай к перу мои руки:
Не писав, летящи дни века проводи,
Можно и славу достать, хоть творцом не слыти.
Ведут к ней нетрудные в наш век пути многи,
На которых смелые не запнутя ноги:
Всех неприятнее тот, что босы проклали
Девять сестр; многи на нем силу потеряли,
Не дошед; нужно на нем потеть и томиться,
И в тех трудах всяк тебя, как мору, чужится,
Смеется, гнушается. Кто над столом гнется,
Пяля на книгу глаза, больших не добьется
Палат, ни расцвеченна мраморами саду;
Овцы не прибавит он к отцовскому стаду.
□□Правда, в нашем молодом монархе [11] надежда
Всходит музам не мала; со стыдом невежда
Бежит его. Аполлон славы в нем защиту
Своей не слабу почул; чтыща свою свиту
Видел его самого, и во всем обильно
Тщится множить жителей парнасских он сильно.
Но та беда: многие в царе похваляют
За страх то, что в подданном дерзко осуждают.
□□Расколы и ереси науки суть дети;
Больше врет, кому далось больше разумети;
Приходит в безбожие, кто над книгой тает:
Критон с четками в руках ворчит и вздыхает,
И просит свята душа с горькими слезами
Смотреть, сколь семя наук вредно между нами:
Дети наши, что пред тем, тихи и покорны,

Праотческим шли следом, к божией проворны
Службе, с страхом слушая, что сами не знали,
Теперь, к церкви соблазну, библию честь стали;
Толкуют, всему хотят знать повод, причину,
Мало веры подая священному чину;
Потеряли добрый нрав, забыли пить квасу,
Не прибьешь их палкою к соленому мясу;
Уже свечек не кладут, постных дней не знают;
Мирскую в церковных власть руках лишну чают,
Шепча, что тем, кто мирской жизни уж отстали,
Поместья и вотчины весьма не пристали.
□□Сильвин другую вину наукам находит.
«Учение, – говорит, – нам голод наводит;
Живали мы преж сего, не зная латыне,
Гораздо обильнее, чем живем мы ныне;
Гораздо и невежестве больше хлеба жали;
Переняв чужой язык, свой хлеб потеряли.
Буде речь моя слаба, буде в ней нет чину,
Ни связи, должно ль о том тужить дворянину?
Довод, порядок в словах, подлых то есть дело;
Знатным полно подтверждать иль отрицать смело.
С ума сошел, кто души силу и пределы
Испытует, кто в поту томится дни целы,
Чтоб строй мира и вещей выведать премену
Иль причину: глупо он лепит горох в стену.
Прирастет ли мне с того день в жизни иль в ящик
Хотя грош? Могу ль чрез то узнать, что приказчик,
Что дворецкий крадет в год? Как прибавить воду
В мой пруд, как бочек число с винного заводу?
Не умнее, кто глаза, полон беспокойства,
Коптит, печась при огне, чтоб вызнать руд свойства;
Ведь не теперь мы твердим, что буки, что веди;
Можно знать различие злата, серебра, меди.
Трав, болезней знание – все то голы враки.
Глава ль болит: тому врач ищет в руке знаки.
Всему в нас виновна кровь, буде ему веру
Нять хощешь: слабеем ли – кровь тихо чрезмеру
Течет; если спешно – жар в теле, ответ смело
Дает, хотя внутрь никто видел живо тело.
А пока в баснях таких время он проводит,
Лучший сок из нашего мешка в его входит.
К чему звезд течение числить и ни к делу,
Ни к стати за одним ночь пятном не спать целу?
За любопытством одним лишиться покою,
Ища, солнце ль движется или мы с землею?
В Часовнике можно честь на всякой день года
Число месяца и час солнечного восхода.
Землю в четверти делить без Эвклида смыслим;
Сколько копеек в рубле, без алгебры счислим».
Сильван одно знание слично людям хвалит,
Что учит множить доход, а расходы малить;
Трудиться в том, с чего вдруг карман не толстеет,
Гражданству вредным весьма безумством звать смеет.
□□Румяный, трижды рыгнув, Лука подпеваает:
«Наука содружество людей разрушает;
Люди мы к сообществу божия тварь стали,
Не в нашу пользу одну смысла дар прияли.
Что же пользы иному, когда я запруся
В чулан, для мертвых друзей живущих лишуся?
Когда все содружество, вся моя ватага
Будет чернило, перо, песок да бумага?
В веселье, в пирах мы жизнь должны провождати;
И так она не долга, на что коротати,
Крушиться над книгою и повреждати очи?
Не лучше ли с кубком дни прогулять и ночи?
Вино, дар божественный, много в нем провору:
Дружит людей, подает повод к разговору,
Веселит, все тяжкие мысли отымает,

Скудость знает облегчать, слабых ободряет,
Жестоких мягчит сердца, угрюмость отводит,
Любовник легче вином в цель свою доходит.
Когда по небу сохой бразды водить станут,
А с поверхности земли звезды уж проглянут,
Когда будут течь к ключам своим быстры реки
И возвратятся назад минувшие веки,
Когда в пост чернец одну ешь станет вязигу:
Тогда, оставя стакан, примуся за книгу».

□□Медор тужит, что чресчур бумаги исходит
На письмо, на печать книг, а ему приходит,
Что не во что завертеть завитые кудри;
Не сменит на Сенеку он фунт доброй пудры;
Пред Егором[12] двух денег Виргилий не стоит;
Рексу, не Цицерону похвала достоин.

□□Вот часть речей, что по всяк день звенят мне в уши;
Вот для чего я, уме, немее быть клуши
Советую. Когда нет пользы, ободряет
К трудам хвала; без того сердце унывает.

Сколько ж больше вместо хвал да хулы терпети!
Трудней то, неж пьянице вина не имети,
Нежли не славить попу святую неделю,
Нежли купцу пиво пить не в три пуда хмелю.

□□Знаю, что можешь, уме, смело мне представить,
Что трудно злонравному добродетель славить;
Что щеголь, скупец, ханжа и таким подобны
Науку должны хулить; да речи их злобны
Умным людям не устав, плюнуть на них можно.

Изряден, хвален твой суд; так бы то быть должно,
Да в наш век злобных слова умными владеют,
А к тому ж не только тех науки имеют
Недрузей, которых я, краткости радея,
Исчел иль, правду сказать, мог исчезть смелее.

Полно ль того? Райских врат ключари святые,
И им же Фемис вески вверила златые,
Мало любят чуть не все истину прикрасу.

Епископом хочешь быть: уберися в рясу,
Сверх той тело с гордостью риза полосата
Пусть прикроет, повесь цепь на шею от злата,
Клобуком покрой главу, брюхо бороною,
Клюку пышно повели вести перед тобою;

В карете раздувшись, когда сердце с гневом
Трещит, всех благословлять нудь праву и леву.
Должен архиpastырем всяк ты в сих познати
Знаках, благоговейно отцом называти.

Что в науке, что с нее пользы церкви будет?
Иной, пища проповедь, выпись позабудет?
Отчего доходам вред; а в них церкви права
Лучшие основаны и вся ее слава.

Хочешь ли судьбою стать: вздень парик с узлами,
Брани того, кто просит с пустыми руками;
Твердо сердце бедных пусть слезы презирает;
Спи на стуле, когда дьяк выписку читает.

Если ж кто вспомнит тебе граждански уставы,
Иль естественный закон, иль народны права,
Плюнь ему в рожу, скажи, что врет околёсну,
Налагая на судей ту тягость несносну,

Что подьячим должно лезть на бумажны горы,
А судье довольно знать крепить приговоры.
К нам не дошло время то, в коем председа
Над всем мудрость и венцы одна разделяла,
Будучи способ одна к вышнему восходу.

Златый век то нашего не достигнул роду.
Гордость, леность, богатство мудрость одолело;
Науку невежество местом уж посело;
Под митрой гордится то, в шитом платье ходит,
Судит за красным столом, смело полки водит.
Наука ободрана, в лоскутах обшита,

Изо всех почти домов с ругательством сбита;
Знаться с нею не хотят, бегут ее дружбы,
Как в море страдавшие корабельной службы.
Все кричат: никакой плод не виден с науки;
Ученых хоть голова полна, пусты руки.
Коли кто карты мешать, разных вин вкус знает,
Танцует, на дудочке песни три играет,
Смыслит искусно прибрать в своем платье цветы,
Тому уж и в самые молодые леты
Всякая высша степень мзда уж не велика,
Седьми мудрецов себя достойным мнит лика.
Нет правды в людях, кричит безмозглый церковник;
Еще не епископом я, а знаю часовник,
Псалтырь и Послания бегло честь умею,
В Златоусте не запнусь, хоть и не разумею.
Воин ропщет, что своим полком не владеет,
Когда уж имя свое подписать умеет.
Писец тужит, за сукном что не сидит красным,
Смысля дело набело списать письмом ясным.
Обидно себе быть мнит в незнати старети,
Кому в роде сем бояр случилось имети,
И дне тысячи дворов за собой считает,
Хотя, впрочем, ни читать, ни писать не знает.
Таковы слыша слова и примеры видя,
Молчи, уме, не скучай, в незнатности сидя:
Бесстрашно того шитье, хоть и тяжело мнится,
Кто в тихом своем углу молчалив таится.
Коли что дала ти знать мудрость всеблагая,
Весели тайно себя, в себе рассуждая
Пользу наук; не ищи, изъясняя тую,
Вместо похвал, что ты ждешь, достать хулу злую.

Эта сатира написана была противу тех, которые своею привязанностью к старинным предрассудкам противились распространению наук, введенных в пределы России Петром Великим. Сатирик, имея в предмете осмеять безрассудных хулителей просвещения, вместо того чтоб доказывать нам логически пользу его, притворно берет сторону глупцов и невежд, объявивших ему войну, выводит их на сцену и каждого заставляет говорить языком, приличным его характеру. Таким искусным расположением стихотворец избавил себя от сухости и однообразия. Мы видим несколько забавных чудачков, которые нелепыми рассуждениями своими еще более привязывают нас к тому предмету, который хотят унижить и обезобразить в глазах наших.

Приходит в безбожие, кто над книгой тает.

Дети наши, что пред тем, тихи и покорны,
Праотческим шли следом, к божией проворны
Службе, с страхом слушая, что сами не знали,
Теперь, к церкви соблазну, библию честв стали.

Потеряли добрый нрав, забыли пить квасу,
и проч.

говорит ханжа Критон, для которого читать библию или хотеть понимать то, что слушаешь в церкви, значит быть безбожным; а не пить квасу по примеру прадедов, значит быть развратным. Кто ж не поверит Критону? И как не согласишься с корыстолюбивым богачом Сильваном, который уверяет нас, что:

С ума сошел, кто души силу и пределы
Испытует, кто в поту томится дни целы,
Чтоб строй мира и вещей выведать премену
Иль причину: глупо он лепит горох в стену.
Прирастет ли мне с того день в жизни иль в ящик
Хотя грош? Могу ль чрез то узнать, что приказчик,
Что дворецкий крадет в год? Как прибавить воду
В мой пруд? Как бочек число с винного заводу?

Трав, болезней знание – все то голы враки.
Глава ль болит: тому врач ищет в руке знаки.

А пока в баснях таких время он проводит,
Лучший сок из нашего мешка в его входит.
Стих:

Глава ль болит: тому врач ищет в руке знаки
очень забавен. Заключение:

Таковы слыша слова и примеры видя,
Молчи, уме, не скучай, в незнатности сидя:
Бесстрашно того житье, хоть и тяжело мнится,
Кто в тихом своем углу молчалив таится.
Коли что дала ти знать мудрость всеблагая,
Весели тайно себя, в себе рассуждая
Пользу наук; не ищи, изъясняя тую,
Вместо похвал, что ты ждешь, достать хулу злую
удовлетворительно для друзей просвещения. Стихотворец не сказал ни слова в
пользу наук, но он выставил безумство их порицателей, и всякий повторит за ним с
сердечным убеждением:

Бесстрашно того житье, хоть и тяжело мнится,
Кто в тихом своем углу молчалив таится.
Сатиры Кантемировы можно разделить на два класса: на философические и
живописные; в одних, и именно в VI, VII, сатирик представляется нам философом; а
в других (I, II, III, V) – искусным живописцем людей порочных. Мысли свои,
почерпнутые из общежития, выражает он сильно и кратко и почти всегда оживляет их
или картинными, или сравнениями; все характеры его изображены резко кистию:
иногда, может быть, замечаешь в его изображениях и описаниях излишнее обилие.
Формы его весьма разнообразны; он или рассуждает сам, или выводит на сцену
актеров, или забавляет нас вымыслом, или пишет послание. По языку и
стопосложению Кантемир должен быть причислен к стихотворцам старинным; но по
искусству он принадлежит к новейшим и самым образованным. Читая сатиры его,
видишь пред собою ученика Горациев и Ювеналов, знакомого со всеми правилами
стихотворства, со всеми превосходными образцами древней и новой поэзии. Он
никогда не отдаляется от материи, никогда не употребляет четырех слов, как скоро
может выразиться тремя; он чувствителен к гармонии стихотворной; он знает, что
всякое выражение заимствует силу свою от того места, на котором оно
постановлено; его украшения все необходимы: он употребляет их не для пустого
блеска, а для того, чтобы усилить или объяснить свою мысль. В слоге его более
силы, нежели колкости; он не смеется, не хочет забавлять, но чертами
разительными изображает смешное и колет иногда неожиданно, мимоходом. Например,
пьяница Лука говорит:

Как скоро по небу сохой бразды водить станут,
А с поверхности земли звезды уж проглянут,
Когда будут течь к ключам своим быстры реки
И возвратятся назад минувшие веки,
Когда в пост чернец одну есть станет вязигу:
Тогда, оставя стакан, примуся за книгу.
Здесь стихотворец, как будто без намерения, кольнул невоздержных монахов:
невозможность питаться одною вязигою в великий пост наименовал он после
невозможности возвратить минувшие веки. Такое сближение очень забавно.

Мы предложим нашим читателям несколько примеров из следующих сатир, чтобы дать
им яснейшее понятие об искусстве Кантемира в выражениях мыслей, в описаниях и
сравнениях стихотворных и в изображении характеров.

Вот заключение пятой сатиры*. Стихотворец уступил свою роль лесному Сатиру,
одетому в модное платье и присланному от бога Пана в город для того, чтобы,
наглядевшись на людей и возвратившись в лес, забавлять его в скучные часы
рассказами об их дурачествах. Сатир, описавши Периергу некоторую часть того, что
видел и слышал между людьми, заключает:

Несчастных страстей рабы от детства до гроба!
Гордость, зависть мучит вас, лакомство и злоба,
С самолюбием вещей тщетных гнусна воля;
К свободе охотники, впились в вас неволя;
Так, как легкое перо, коим ветер играет,
Летуча и различна мысль ваша бывает;

То богатства ищете, то деньги мешают,
То грустно быть одному, то люди скучают;
Не знаете сами, что хотеть; теперь тое
Хвалите, потом сие, с места на другое
Перебегая место; и, что паче дивно,
Вдруг одно желание другому противно.
Малый в лето муравей потеет, томится,
Зерно за зерном таща, и наполнять тщится
Свой анбар; когда же мир унывать, бесплоден,
Мразами начнет, с гнезда станет неисходен,
В зиму наслаждался тем, что нажил летом;
А вы, что мнитесь ума одаренны светом,
В темноте век бродите; не в время прилежни,
В ненужном потеете, а в потребном лежни.
Короток жизни предел, велики затеи;
Своей сами тишине глупые злодеи,
Состоянием своим всегда недовольны.
Купец, у кого анбар и сундуки полны
Богатств всяких и может жить себе в покое
И в довольстве, вот не спит и мыслит иное,
Думая, как бы ему сделаться судьей,
Куды-де хорошо быть в людях головою:
И чтят тебя и дают, постою не знаешь;
Много ль, мало ль, для себя всегда собираешь.
Став судьей, уж купцу не мало завидит,
Когда, по несчастью, пусто в мешке видит,
И, слыша просителей у дверей вздыхати,
Должен встать, не выспавшись, с теплыя кровати.
«Боже мой, – говорит он, – что я не посадской?
Черт бы взял и чин и честь, в коих живот адской».
Пахарь, соху ведучи или оброк считая,
Не однажды привздохнет, слезы отирая:
«За что-де меня творец не сделал солдатом?
Не ходил бы в серяке, но в платье богатом,
Знал бы лишь одно свое ружье да капрала,
На правеже бы нога моя не стояла,
Для меня б свинья моя только поросилась,
С коровы мне б молоко, мне б куря носилась;
А то все приказчице, стряпчице, княгине
Понеси в поклон, а сам жирей на мякине».
Пришел побор, пахаря вписали в солдаты:
Не однажды дымные вспомнит уж палаты,
Проклинает жизнь свою в зеленом кафтане,
Десятью заплачет в день по сером жупане.
«Толь не житье было мне, – говорит, – в крестьянстве?
Правда, тогда не ходил я в таком убранстве;
Да летом в подклете я, на печи зимою
Сыпал, в дождик из избы я вон ни ногою;
Заплачу подушное, оброк господину,
Какую ж больше найду я тужить причину?
Щей горшок да сам большой, хозяин я дома;
Хлеба у меня чрез год, а скотам солома.
Дальня езда мне была съездить в торг для соли
Иль в праздник пойти в село, и то с доброй воли:
А теперь черт, не житье, волочись по свету,
Все бы рубашка бела, а вымыть чем, нету;
Ходи в штанах, возися за ружьем пострелым,
И где до смерти всех бьют, надобно быть смелым.
Ни выспаться некогда, часто нет что кушать;
Наряжать мне все собой, а сотерых слушать».
Чернец тот, кой день назад чрезмерну охоту
Имел ходить в клобуке и всяку работу
К церкви легку сказывал, прося со слезами,
Чтоб и он с небесными был в счете чинами,
Сего дня не то поет, рад бы скинуть рясу,
Скучили уж сухари, полетел бы к мясу;
Рад к черту в товарищи, лишь бы бельцом быти:
Нет мочи уж ангелом в слабом теле жити.

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya
Стихотворец сначала рассуждает просто о непостоянстве человеческих желаний; потом выводит на сцену самых недовольных, и мысли его одушевлены прекрасною драматическою сценою. В этом месте подражал он Горацию (Sat. I, кн. I). Вот несколько мыслей об умеренности и спокойствии; вы подумаете, что с вами беседует Гораций; но Кантемир почерпал свою философию в собственном своем сердце:

Тот в сей жизни лишь блажен, кто, малым доволен,
В тишине знает прожить, от суетных волен
Мыслей, что мучат других, и топчет надежду
Стезю добродетели, к концу неизбежно.
Небольшой дом, на своем построенный поле,
Дает нужное моей умеренной воле,
Не скудный, не лишний корм и среднюю забаву,
Где б с другом честным я мог, по моему нраву
Выбранным, в лишни часы прогнать скуки бремя,
Где б, от шуму отдален, прочее все время
Провождать меж мертвыми греки и латины.
Исследуя всех вещей действия и причины
И участь знать образцом других, что полезно,
Что вредно в нравах, что в них гнусно иль любезно:

То одно желания мои составляет.
Богатство, высокий чин, что в очах блистает
Пред неискусной толпой, многие печали
Наносит и ищущим и тем, кто достали.
Кто б не смеялся тому, кой стежку жестоку
Топчет, лезя весь в поту на гору высокоу,
Коей вершина остра так, что, осторожно
Сколь стопы ни утверждать, с покоем не можно
Устоять, и всякий ветер, кой дышит, опасный,
Порывает бедного в стремнины ужасны?
Любочестный, однако, муж на него походит.

Еще, если б наша жизнь на два, на три веки
Тянулася, не столько бы глупы человеки
Казались, мнению служа безрассудно,
Меньшу в пользу большия времени часть трудну
Снося и довольно дней поправить имея
Себя, когда прежние прожили шалея.
Да лих человек, родясь, имеет насилиу
Время оглядеться вокруг и полезть в могилу,
И столь короткую жизнь еще ущербляют
Младенство, старость, болезнь; а дни так летают,
Что напрасно будешь ждаться себе их возврату.
Что ж столь тяжкий сносить труд за столь малу плату
Я имею и терять золотое время,
Оставляя из дня в день злонравия семя
Из сердца искоренять? Пропадут степени
Пышны и сокровища, как за пусты тени
Басенный пес опустил из зуб кусок мяса.
Добродетель лучшая есть наша украса,
Тишина ума при ней и своя мне воля
Всего драгоценнее. Кому богатств доля
Пала и славы, тех трех благ должен лишиться,
Хоть бы крайней гибели и мог ущититься.
Глупо из младенчества мы обykle бояться
Нищеты, презрения, и те всего мнятся
Зла горчае; для того бежим мы в другую
Крайность, а должно б в вещах знать меру прямую.
Всяко, однако ж, предел свой дело имеет:
Кто преидет, кто не доидет, подобно шалее.

Можешь без скудости жить, богатств не имея
Лишних и в тихом углу покоен седея;
Можешь славу получить, хоть бы за собою
Полк людей ты не водил, хоть бы пред тобою
Народ шапки не снимал, хоть бы ты таскался
Пеш и один бы слуга тебя лишь боялся.
Мудрая малым прожить природа нас учит

В довольстве, коль лакомство разум наш не мучит.
Достать не трудно доход не велик и сходен
С состоянием твоим; а потом, свободен
От прихотной зависти, там остановися.
Степеням блистающих имен не дивися
И богатств больших; живи тих, ища, что честно,
Что и тебе и другим пользует неместно
К нравов исправлению; слава твоя вечно
Между добрыми людьми жить будет, конечно.
Да хоть бы неведом дни скончал и по смерти
Свету остался забыт; силен ты был стерти
Зуб зависти, ни трудов твоих мзда пропала:
Добрым быть собою мзда есть уже немала.
Вот еще несколько мыслей; они почерпнуты из сатиры «О воспитании». Вы увидите,
что Кантемир имел самые основательные понятия о сем важном предмете, и некоторые
мысли его должны быть аксиомами для всякого воспитателя*.

Начало сатиры прекрасно. Это VII, писанная к князю Никите Юрьевичу
Трубецкому.*Если придет мне в голову уверять ханжу, говорит сатирик, что он
одним постом и молитвою не войдет в рай, то он,

Вспылав, ревность наградит мою сим ответом:
«Напрасно, молокосос, суешься с советом».
И дело он говорит. Еще я тридцатый
Не видел возврат зимы, еще черноватый
Ни один на голове волос не седеет,
Мне ли в таком возрасте поправлять довлеет
Седых, пожилых людей, кои чтут с очками
И чуть три зуба сберечь могли за губами;
Кои помнят мор в Москве и как сего года
Дела Чигиринского скажут похода?
И в самом деле, как не быть тому совершенно умным, кто едва три зуба сберег за
губами? Люди упрямы, продолжает сатирик: они уверены, что всякий, считающий себе
за шестьдесят лет, потянет умом трех молодых, хотя известно, что рассудок не
всегда ждет старости. Но мало ли подобных заблуждений? Один любит в поступках
своих следовать предписаниям здравого ума; другой, напротив, не замечает своих
ошибок; а третий, и замечая их, не умеет бороться с упрямою силою, и всякий в
оправдание свое говорит, что природы одолеть невозможно.

Испытал ли истину он в том осторожно?
Не знаю, Никита, друг; то одно я знаю,
что если я добрую, ленив, запускаю
Землю свою, обрастет худую травю;
Если прилежно вспашу, довольно покрою
Навозом песчаную, жирнее уж станет,
И довольный плод от ней тот труд мой достанет.
Каково б от природы сердце нам ни пало,
Есть, есть время некое, в кое злу немало
Склонность уйдем, буде всю истребить не можем,
И утвердиться в добре доброму поможем.
Время то суть первые младенчества лета.
Чутко ухо, зорок глаз новый житель света
Пялит; всяка вещь ему приметна, все, ново
Будучи, все с жадностью сердце в нем готово
Принять: что туды вскользнет, скоро вкоренится,
Буде руки приложить повадка потщится;
На веревке силою повадки танцуем.
Петр Великий старался ввести в Россию воспитание: им заведены училища. Но
полезному часто бывает предпочтено то, что ласкает лакомым чувствам.

Кучу к куче прикопить, дом построить пышной,
Развести сад и завод, расчистить лес лишной,
Детям уж богатое оставить наследство
Печемся, потеем в том; каково ж их детство
Проходит, редко на ум двум или трем всходит;
И у кого не одна в безделках исходит
Тысяча, малейшего расхода жалеет
К наставлению детей; когда же шалеет

Сын, в возраст пришед, отец тужит и стыдится.
Напрасно вину свалить с плеч своих он тщится:
Богатство сыну копил, презрил в сердце нравы
Добры всеять. Богат сын будет, но без славы
Проживет, мало любим и светом презренный,
Буде в петлю не вбежит плут уж совершенный.
Главное дело воспитания состоит в том, чтобы, украшая ум сведениями, сохранить в чистоте сердце и дать характер любезный.

Суд трудный мудро решить, исчислять приходы
Пространна царства, сравнить с оными расходы
Одним почти почерком; в безднах безопасный
Водных предызбрать путь, где бури ужасны;
Небес числить всякого удобно светила
Путь и беглость и того, сколь велика сила
Над другим, в твари всему знать исту причину
Мудрым зваться даст тебе, и, может быть, к чину
Вышнему покажет след; народ будет целый
Искусным вождем тя звать, зря царства пределы
Тобою расширенны и вражии рати
И города стерты в прах: но буде уняти
Не знаешь ярость твою, буде неприятен
К тебе доступ и тебе плач бедных невнятен,
Ежели волю твою не правит смысл правый,
Словом, ежели твои развратны суть нравы,
Дивиться станет тебе; но любить не станет,
Хвалы твои из его уст нужда потянет.
Пользы своей лишь в тебе искать он потщится,
Гнушаясь тобой, и той готов отщетиться,
Только б тебя свалить с плеч. Слава увядает
Твоя в мал час; позабыт человек бывает
Скоро ненавидимый, и мало жалеет
Кто об нем, когда ему черный день приспеет.
Добродетель лишь одна может нам доставить
Покойну совесть, предел прихотям уставить,
Повадить тихо смотреть счастья грудь и спину
И неизбежную ждать бесстрашно кончину.
Привычку к доброму надлежит вкоренять с младенчества: ученость должна уступить чистоте нравов. Доброе сердце с простым умом гораздо лучше, нежели остроумие при испорченном сердце.

Завсегда детям твердя строгие уставы,
Наскучишь, истребишь в них всяку любовь славы,
Если часто пред людьми обличать их станешь:
Дай им время играть; сам себя обманешь,
Буде станешь торопить лишно спеша дело;
Наедине исправлять можешь ты их смело:
Ласковость больше в один час детей исправит,
Нож суровость в целый год; кто часто заставит
Дрожать сына перед собой, хвальну в нем загладит
Смелость и безвременно торопеть повадит.
Счастлив, кто надеждою похвал возбудить знает
Младенца; много к тому пример пособляет.
Относят к сердцу глаза весть уха скорее.
Пример сильнее всякого наставления. Дети, умея все замечать, умеют и подражать тому, что замечают; наставляй их примером:

Один добродетелей хвальную дорогу
Топчет, ни надежда свести с нее, ни страх ногу
Его не могли; в своей должности он верен
И прилежен, ласков, тих и в словах умерен;
Ничьей бедности смотреть сухими глазами
Не может; сердцем дает, что дает руками.
Другой гордостью надут, яростен, нещаден,
Готов и отца предать, к большим мешкам жаден,
Казну крадет царскую и, тем сломя шею,
Весь уже сед, в петлю бежит, в казнь должну злодею.
В том, по счастью, добры примеры скрепили

Совет: в сем примеры злы оный истребили.
Если б я сыновню имел унять скупость,
Описав злонравия и гнусность и глупость,
«Смотри, – сказал бы ему, – сколь Игнатий беден
Над кучею злата; сух, печален и бледен,
Всякой час мучит себя! Мнишь ли ты счастливу
Жизнь в обильстве такову?» Если б чресчур тщиву
Руку его усмотрел, пальцем указал бы
Тюрьму, где сидит Клеарх, и всю рассказал бы
Потом жизнь Клеархову чрезмеру прохладну.
Всего более надлежит быть осторожным в выборе наставников и опасаться, чтобы
дети не были окружены такими людьми, которые могут повредить им своим
характером, своим образом мыслей и проч.; но сами родители в особенности должны
иметь чистую нравственность, чтобы дети их не были испорчены:

...Родителей злее

Всех пример. Часто дети были бы честнее,
Если б и мать и отец пред младенцем знали
Собой владеть и язык свой в узде держали.
Правдой и неправдою мне копится куча
Денег, и степень достать высоко жизнь муча,
Нужусь полвека, во сне, в пирах провождаю,
В сластях всяких по уши себя погружаю;
Одних счастливыми я зову лишь обильных,
И, сотью то в час твердя, завидую сильных
Своевольству я людей и дружбу их тщуся
Всячески снискать себе, убогим смеюся;
А, однако ж, требую, чтоб сын мой доволен
Был малым, чтоб смирен был и собою волен;
Знал обуздать похоти, и с одними znalся
Благонравными, и тем подражать лишь тщался.
По воде тогда мои вотще пишут вилы;
Домашний, показанный часто пример силы
Будет важной, и идти станет сын тропую,
Котору протоптанну видит пред собою.
□□И с каким лицом журить сына ты посмеешь,
Когда своим наставлять его не умеешь
Примером, когда в тебе видит то всечасно,
Что винишь, и ищет он, что хвалишь, напрасно!
Если молодого мать рака обличает
Кривой ход: «Прямо сама поди, – отвечает: –
я за тобой поплыву и подражать стану».
Нельзя добрым быть? Будь зол детям не к изъяну.
Лучше же от всякого убежать порока,
Если нельзя, скрой его от младенча ока.
Когда гостя ждешь к себе, один очищает
Слуга твой двор и крыльцо, другой подметает
И убирает весь дом, третий трет посуду;
Ты сам везде суешься, обегаешь сюду,
Кричишь, беспокоишься, боясь, чтоб не встретил
Глаз гостей малейший сор, чтоб не приметил
Малейшу нечистоту; а ты же не тщишься
Поберечь младенцев глаз, ему не стыдишься
Открыть твою срамоту. Гостя ближе дети,
Большу бережь ты для них должен бы имети.
Представленные примеры показывают вам в Кантемире превосходного
философа–моралиста: мысли его ясны; он выражает их сильно и с живостию
стихотворца. Остается представить несколько примеров его искусства в описаниях и
в изображении характеров. Филарет и Евгений разговаривают о благородств*е (II
сатира). Евгений, досадуя на фортуна, которая благоприятствует Туллию, Трифону и
Дамону, имеющим незнатное происхождение, исчисляет достоинства своих предков и в
заключение описывает славу своего покойного родителя:

Знатны уж предки мои были в царство Ольги
И с тех времен по сих пор в углу не сидели,
Государства лучшими чинами владели.
Рассмотри гербовники, грамот виды разны,
Книгу родословную, записки приказны;

С прадедова прадеда, чтоб начать поближе,
Думного, наместника никто не был ниже;
Искусны в мире, в войне рассудно и смело
Вершили ружьем, умом не одно те дело.
Взгляни на пространные стены нашей залы,
Увидишь, как рвали строй, как ломали валы;
В суде чисты руки их; помнит челобитчик
Милость их, и помнит злу остуду обидчик.
А батюшка уж всем верх; как его не стало,
Государства правое плечо с ним отпало.
Как батюшка выедет, всяк долой с дороги
И, шапочку сняв, ему головою в ноги;
Всегда за ним выборна таскалася свита,
Что ни день рано с утра крестова набита
Теми, которых народ почитает
И от которых наш брат милость ожидает.
Сколько раз, не смея те приступить к нам сами,
Дворецкому кланялись с полными руками?
И когда батюшка к ним промолвит хоть слово,
Заторопев, онемев, слезы у инова
Текли из глаз с радости, иной, беспокоен,
Всем наскучил, хвастая, что был он достоин
С временщиком говорить, и весь веселился
Дом его, как бы им клад богатый явился.
Сам уж суди, как легко мне должно казаться,
Столь славны предки имев, забытым остаться?
Последним видеть себя, куды глаз не вскину?
Стихотворец выводит на сцену глупца, надутого знатностию; но не трудится
описывать его характер; ибо он сам обнаруживает себя своими забавными
рассуждениями. Какие преимущества знатного вельможи наиболее прельщают его душу?
Он сказал только мимоходом о том, что его предки были:

Искусны в мире, в войне...

Но батюшка его всем верх; с ним отпало правое плечо государства! Бывало, когда
выедет, всякой бежит долой с дороги; его дворецкому кланялись в пояс; его слово
делало счастливым на неделю того, кто удостоивался его услышать. Нужно ли после
всего этого стихотворцу сказывать своим читателям, что Евгений его есть суетный
глупец, не имеющий понятия о прямом благородстве? Далее, Филарет описывает
смешной образ жизни Евгения, в противоположность великим делам его предков:

Потришь на оселку, друг, покажи, в чем славу
Крови собой и твою жалобу быть праву.
Пел петух, встала заря, лучи осветили
Солнца верхи гор; тогда войско выводили
На поле предки твои: а ты под парчою,
Углублен мягко в пуху телом и душою,
Грозно сопешь; когда дня пробегут две доли,
Зевнешь, растворишь глаза, выпишься до воли,
Тянешься уж час, другой, нежисься, сжидая
Пойла, что шлет Индия иль везут с Китая,
Из постели к зеркалу одним прыгнешь скоком;
Там уж в попечении и труде глубококом,
Женских достойную плеч завеску на спину
Вскинув, полос с волосом прибираешь к чину,
Часть их над лоским лбом торчать будут сановиты,
По румяным часть щекам, в колечки завиты,
Свободно станут играть, часть уйдет за темя
В мешок. Дивится тому строению племя
Тебе подобных; ты сам, новый Нарцисс, жадно
Глотаешь очьми себя, нога жметя складно
В тесном башмаке твоя, пот со слуг валится,
В две мозоли и тебе краса становится;
Избит пол и иод башмак стерто много мелу.
Деревню взденешь потом на себя ты целу.
Не столько стоит народ римлянов пристойно
Основать, как выбрать цвет и парчу и стройно
Сшить кафтан по правилам щегольства и моды:
Пора, место и твои рассмотрены годы,

Чтоб летам сходен был цвет, чтоб тебе в образе
Нежну зелен в городе не досажал глазу,
Чтоб бархат не отягчал в летню пору тело,
Чтоб тафта не хвастала среди зимы смело;
Но знал бы всяк свой предел, право и законы,
Как искусные попы всякого дни звоны.
Вот изображение военачальника:

Много вышних требует свойств чин воеводы.
И много разных искусств: и вход, и исходы,
И место годно к бою видит одним взглядом;
Лишней безопасности не опоен ядом,
Остр, пронизает врагов тайные советы,
Временно предупреждать удобен наветы,
О обильности в своем таборе печется
Неусыпно, и любовь ему предпочтется
Войска, и не будет за страх ненавидим;
Отцом невинный народ зовет, не обидим
Его жадностью; врагам одним лишь ужасен;
Тихим нравом, и умом, и храбростью красен;
Не спешит дело начать, начав, производит
Смело и скоро; не столь бегло перун сходит,
Страшно гремя. В счастья умерен быть знает,
Терпелив в нужде, в бедстве тверд, не унывает.
Ты тех добродетелей, тех чуть имя знаний
Слышал ли? Самых числу дивисься ты званий;
И в один всех мозг вместить смертных столь мнишь трудно,
Сколь дворецкому не красть иль судье жить скудно.
Следующее описание безрассудной заботливости некоторых стариков* весьма забавно:

Видел я столетнего старика в постели,
В котором лета весь вид человека съели,
И на труп больше похож; на бороду плюет,
Однако ж дряхлой рукой и в очках рисует.
Что такое? Ведь не гроб, что бы ему кстати
С огородом пышный дом, где б в лето гуляти.
А другой, видя, что смерть грозит уж косою,
Не мысля, что сделаться имеет с душою,
Хоть чуть видят слабые бумагу уж взгляды,
Начнет писать похорон своих все обряды,
Сколько архипастырей, попов и причету
Пред гробом церковного, и сколько по счету
Пойдет за гробом родни с горькими слезами,
С какими и сколькими провожать свечами,
Где зарыть и какой гроб, лампаду златую
Свесить иль сребряну, и надпись какую
Сочинить, чтоб всякому давал знать слог внятный,
Что лежащий под ней прах был господин знатный.
Вот характеры гордеца Иркана*, злословного Созима, льстеца Трофима,
подозрительного Невия и завистника Зоила:

В палату вшедши Ирган, где много народу,
Раздвинет всех, как корабль плывущ сечет воду,
И хоть бы знал, что много злата с плеч убудет,
Нужно продраться вперед; позади не будет.
Садится ли где за стол, то то, то другое
Блюдо перед себя подать велит, снять иное;
Приходят из его рук с здоровьями кубки;
Зависеть от его слов всех должны поступки.
Распялив грудь, бровь подняв, когда знак ти оком
Подаст за низкий поклон, в почтенье глубококом
Имеет тя: ибо с кем проговорить слово
Удастся не всегда, не всегда готово.
Мнит он, что вещество то, что плоть ему дало,
Было не такое же, но нечто сияло
Пред прочими; и была та фарфорна глина,
С чего он, а с чего мы – навозная тина.
Созим, смотря на него, злобно скалит зубы,

И шепчут мне на ухо ядовиты губы:
«Гораздо б приличнее Ирган пратомою
Помнил бабушку свою и деда с сумою,
Умеряя по семье строй свой и походку;
Гораздо б приличнее зашил себе глотку,
Чтоб хотя один глупец обмануться станом
Его мог, а не весь свет окрестил болваном».
Созим дело говорит; но Иргану б мочно
Дружеский подать совет, чем ему заочно
Насмехаться без плода; но о всех так судит
Строго Созим. «Чистую удачливо удит
Золотом мягкий Сильван супругу соседа;
У Прокофья голоден вышел из обеда;
Настя румяна, бела своими трудами,
Красота ее в ларце лежит за ключами;
Клементий-судья собой взяться не умеет
Ни за что и без очков дьяка честь не смеет»,
Ни возраст, ни чин, ни друг, ни сам ближний кровный
Язык Созимов унять не могут злословный.
Я несчастливым тот день себе быть считаю,
Когда случится мне с ним сойтись; ибо знаю,
Что, как скоро с глаз его сойду, уж готово
Столь злобное ж обо мне будет ему слово.
Сообществу язва он; но больше ужасен
Трофим с сладким языком и больше опасен:
Может в умных клевета пороки заставить,
Нечувствительны пред тем, полезно исправить;
Трофим, надсаждаясь, все хвалит без разбору
И множит число глупцов. Веру даем скору
Похвалам мы о себе, и, в сердце вскользая,
Истребят до корени, буде в нем какая
Крылась к добродетели ревность многотрудна.
Самолюбием душа ни одна не скудна,
И одним свидетелем совершенно чаем
Хвальными себя, за тем в пути унываем.
Не успел Тит растворить уст, Трофим дивится
Искусной речи его, прилежно трудится
И сам слушать и других к тому принуждает,
Боясь чихнуть иль дохнуть, пока речь скончает,
Котору мне выслушать нельзя, не зевая.
У Тита на ужине пальцы полизая,
Небесным всякой зовет кусок, хоть противен
Ему, гадит; нигде он не видал столь дивен
Чин и стольку чистоту; все у Тита чудно
В доме, и сам дом почесть раем уж не трудно.
Если б Титова жена Парису знакома
Была, Менелаева пряла б пряжу дома.
Все до облак Титовы дела возвышает;
Тит высморкать нос кривой весьма умно знает.
И не отличен ему Тит один; но равно
Всякому льстит, все ему чудно и преславно,
И мнит, что тем способом любим всем бывает.

□□Невий бос и без порток с постели встанет,
Пятью и десятью в ночь осмотрит прилежно,
Заперты ли окна все и двери надежно,
На месте ли кабинет, и сундук, и ящик.
Сотью шлет в деревню он изведать, приказчик
Не крадет ли за очьми; за дворецким ходит
Сам тайно в ряд; за собой слуг своих не водит,
Чтоб, где берет, где кладет он деньги, не знали.
Котел соседу ссудил, тотчас думы вспали,
Что слуга уйдет с котлом, тотчас шлет другого
По пятам за ним смотреть, и, спустя немного,
Пришло в ум, что сам сосед в котле отпереться
Может; воротить слугу третий шлется.
Вскинет ли глаз на кого жена ненарочно,
Невий чает, что тому уж ожидать мочно

Все от жены, и затем душу свою мучит;
Детей мать долги копить потаенно учит;
Друг шепчет о чем с другим – Невию наветы
Строят или смеются те. Меряет ответы
Долго на всякой вопрос, бояся обмана
Во всем: подозрителен весь свет, и изъяна
Везде опасается. В таком непрестанно
Беспокойстве жизнь свою нурит окаянно.
Я б на таком не хотел принять договоре
Ни самый царский престол; скучило б мне вскоре
И царско титло. Суму предпочту в покое
И бедство я временно, сколь бы то ни злое,
Тревоге, волнению ума непрестанну,
Хоть бы в богатство вели, в славу несказанну,
Часто быть обмануту предпочту, конечно,
Нежель недоверием мучить себя вечно.
Не меньше мучит себя Зоил наш угрюмый:
Что ни видит у кого, то новые думы,
Нова печаль, и не спит бедный целы ночи.
Недавно, закинув он завистные очи
В соседний двор и видя, что домишко строит,
Который, хоть дорого ценить, ста не стоит
Рублей, побледнел весь вдруг и, в себе не волен,
Горячкою заболел, по сю пору болен.
У бедного воина, что двадцать лет служит,
Ощупав в кармане рубль, еще теперь тужит.
Удалось ли кому в чин неважный добиться,
Хвалят ли кого – ворчит и злобно дивится
Слепому суду людей, что свойства столь плохи
Высоко ценит. В чужих руках хлеба крохи
Большим ломтем кажутся. Суму у убогих,
Бороду у чернеца завидит и в многих
Случаях... Да не пора ль, Муза моя, губы
Прижав, кончить нашу речь?..

Сих примеров весьма довольно для того, чтобы иметь ясное понятие о стихотворном искусстве и даровании Кантемира. Как сатирик он может занимать средину между Горацием и Ювеналом. Он не имеет той живости, того приятного остроумия, той колкой и притом неоскорбительной насмешливости, какую мы замечаем в Горации; но он имеет его философию и с таким же чувством говорит о простоте, умеренности и тех веселых досугах, которые мы, не будучи обременяемы посторонними заботами, посвящаем удовольствию и размышлению. И в самых обстоятельствах жизни имеет он некоторое сходство с Горацием: и тот и другой жили у двора*; но Гораций как простой зритель, а Кантемир как зритель и действующий. Горация удерживала при дворе благодарность к Меценату, а Кантемира – важнейшие дела государственные. Для первого стихотворство было занятием главным, для последнего было оно отдохновением*. Гораций думал единственно о том, как наслаждаться жизнью: разнообразие удовольствий оживляло и самое воображение стихотворца. Кантемир, будучи обременен обязанностью государственного человека, наслаждался более одною мыслию. Философия первого живее, и мысли более согреты пламенем чувства: говоря о природе, он восхищает вас прелестными описаниями природы; он увлекает вас за собою в сельское свое уединение; вы видите рощи его, слушаете вместе с ним пение птиц и журчание источника. Философия последнего не так трогательна: он рассуждает о тех же предметах, но с важностию мыслящего человека; он говорит о посредственности, спокойствии, беззаботности как добрый философ, истинно чувствующий всю их цену, но пользующийся ими весьма редко. В слоге имеет он, если не ошибаюсь, более сходства с Ювеналом: и тот и другой богаты описаниями, и тот и другой иногда утомляют нас излишним обилием; но все описания римского сатирика носят на себе отпечаток его характера, сурового и гневного: Ювенал с намерением увеличивает то безобразие, которое хочет сделать для нас отвратительным; но тем самым, может быть, уменьшает и нашу к себе доверенность. Кантемир умереннее и беспристрастнее: он описывает то, что видит и как видит; он смешит чаще, нежели Ювенал, и почти никогда не опечаливает бесполезным изображением отвратительных ужасов. И в самых планах своих Кантемир имеет более сходства с Ювеналом, нежели с Горацием: характер последнего есть принужденность и разнообразие; характер Ювенала – порядок. Такой же порядок находим и в Кантемировых планах: если, например, сатирик начинает рассуждать, то уже во все продолжение сатиры не переменяет тона и переходит без великих скачков от одной мысли к другой; начиная изображать характеры или описывать, он вводит

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya вас, так сказать, в галерею портретов, расставленных в порядке, и показывает их один за другим: все это, вероятно, могло бы произвести некоторое однообразие, когда бы сатирик не имел истинно стихотворного слога, не оживлял своих рассуждений картинами и не был живописец превосходный.

Письма

От составителя

Из обширного эпистолярного наследия В. А. Жуковского в настоящем издании печатаются избранные письма, представляющие историко-литературный интерес, освещающие наиболее важные факты творческой биографии поэта, его общественно-политические и эстетические взгляды.

Письма к А. И. Тургеневу, А. С. Пушкину, Н. В. Гоголю выделены в отдельные разделы, внутри которых соблюдается хронологический принцип. Остальные письма, также расположенные в хронологическом порядке, публикуются под рубрикой: «Письма к разным лицам».

Письма печатаются: к А. И. Тургеневу – по автографам Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина; к А. С. Пушкину – по автографам Института русской литературы Академии наук СССР (Пушкинский дом); к Н. В. Гоголю: №№ 1, 2, 3, 9, 11, 13, 25, 26 – по автографам Института русской литературы Академии наук СССР (Пушкинский дом), №№ 4, 5, 6, 7, 8, 10, 12, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 27 – по автографам Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина; письма к разным лицам: №№ 2, 6, 10, 13, 14, 20, 23, 24, 27, 28, 31, 32, 34, 35, 38, 40, 42, 44, 46, 51, 52, 53, 54 печатаются по автографам Института русской литературы Академии наук СССР (Пушкинский дом); №№ 3, 11, 12, 16, 17, 25, 29, 39, 43, 47, 48 – по автографам Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина; №№ 4, 8, 18, 21, 26 – по автографам Центрального Государственного архива литературы и искусства СССР; №№ 1, 5, 7, 9, 15, 19, 22, 33, 36, 37, 41, 45, 49 – по первым журнальным и книжным публикациям; письмо № 30 – по журналу «Огонек», 1952, № 17; письмо № 50 – по «Известиям Академии наук по отделению русского языка и словесности», т. 1, СПб, 1852. При отсутствии авторской даты и указания места, откуда написано письмо, эти сведения даются в угловых редакторских скобках.

Письма к А.И. Тургеневу

Александр Иванович Тургенев (1784–1845) – историк, археограф и публицист, человек широкой и разносторонней культуры, обучался вместе с Жуковским в Московском университетском благородном пансионе, затем слушал лекции в Германии, в Геттингенском университете.

Отец Александра Тургенева, Иван Петрович Тургенев (1752–1807), был видным мasonом, литератором и переводчиком, активным сотрудником кружка Н. И. Новикова, директором Московского университета. Старший брат Александра Тургенева, Андрей (1781–1803), был талантливым поэтом, переводчиком Гёте и Шиллера. Второй брат, Николай (1789–1871), сыгравший большую роль в декабристском движении, был ученым и государственным деятелем. Третий брат, Сергей (1792–1827), был дипломатом и литератором.

А. И. Тургенев был связан узами приятельства и дружбы почти со всеми выдающимися писателями своего времени. Занимая крупную должность директора департамента министерства народного просвещения, он помог определить в Царскосельский лицей А. С. Пушкина. В середине 10-х гг. он вместе с Пушкиным состоял в «Арзамасе». В 1836 г. он сотрудничал в пушкинском журнале «Современник», а в феврале 1837 г. сопровождал останки Пушкина к месту погребения в Святые Горы.

После разгрома декабрьского восстания, когда Николай Тургенев был заочно приговорен к смертной казни, Александр Иванович отправился к брату, жившему в качестве политического изгнанника в Англии, Швейцарии и Франции. А. И. Тургенев познакомился с крупнейшими писателями и историками Западной Европы, работал в архивах Парижа, Лондона и Рима, собирая материал, связанный с историей России. В Москве и Петербурге он бывал наездами. Страстная привязанность к брату Николаю, лишенному родины, принудила его вести образ жизни полуэмигранта.

Жуковский дружил со всеми четырьмя братьями Тургеневыми, но он был особенно близок с Андреем, рано умершим, и Александром. Переписка Жуковского с А. И. Тургеневым, охватывающая почти сорокалетний период (с 1805 г. до конца 1844 г.), предоставляет большой историко-литературный интерес. В данный том включены лишь

1. <Август 1805, Белев>*

Здравствуй, брат и друг. Отчего не пишешь ко мне ни строки о возвращении вашем из Липецка*, о здоровье батюшки, о самом себе и прочее? стыдно. Я от других узнаю, что вы приехали. Что ты делаешь, и отчего такая лень? Я не требую большого письма, а нескольких строк. Твое письмо из Липецка получил я очень поздно; не писал на него ответа для того, что уже не думал, чтобы он застал вас в Липецке, и дожидался известия о твоём приезде в Москву.

О нашем путешествии вместе с Мерзляковым* не говорю ничего: ты обо всем узнаешь от самого Мерзлякова; но очень радуюсь тому, что вместе с нами посылают Николая*. Мой план год пробыть в Геттингене, учиться; еще год в Париже, также учиться; потом год ездить по Европе; если ж обстоятельство не позволят, то все время посвятить учению. Путешествие будет для меня важным делом, особливо если удастся поехать вместе с Мерзляковым. Возвратясь, посвящу себя совершенно литературе. Надобно сделаться человеком, надобно прожить недаром, с пользою, как можно лучше. Эта мысль меня оживляет, брат! Я нынче гораздо сильнее чувствую, что я не должен пресмыкаться в этой жизни; что должен возвысить, образовать свою душу и сделать все, что могу, для других. Мы можем быть полезны пером своим не для всех, но для некоторых, кто захотят нас понять. Но и кто может быть для всех полезен? А для себя будем полезны своим благородством, образованием души своей. Наше счастье в нас самих! Ах, брат, не надобно терять друг друга из виду, не надобно оставлять друг друга! Будем взаимно подавать друг другу помощь! Надобно быть людьми непременно! Я это чувствую! Мы живем не для одной этой жизни, я это имел счастье несколько раз чувствовать! Удостоимся этого великого счастья, которое ожидает нас в будущем, которому нельзя не быть, потому что оно неразлучно с бытием бога! – Adieu! [13] Я радуюсь заране тому, что сделает для меня путешествие. Все эти животворные идеи во мне усилятся! Мы будем вместе с Мерзляковым странствовать, всем пленяться и всем возвышать свою душу. Покажи это письмо ему. Я хотел писать к нему, но не стану: он должен поверить, что он в моих мыслях! Попроси его написать ко мне.

Что же моя трагедия «Эдип»?* Если ты о ней не хлопотал и не хлопочешь, то, признаюсь, очень худо делаешь. Достань ее ради бога! Пришли, пожалуйста, мои книги^Λ «Histoire de l'Amérique» два тома, «Mémoires» de Lekain, «Catalogue» de Laharpe, «Beispiele Sammlung». [14]

2. Сентября 11-е 1805-го. Белев*

Благодарю тебя, мой любезный Александр, за твое письмо. Оно меня тронуло до слез; нет ничего приятнее мысли: есть добрый, прекрасный человек, для которого я очень много значу и который будет моим помощником во всем добром, во всем прекрасном и который удержит меня, если буду следовать какому-нибудь заблуждению, или ободрит, если что-нибудь приведет меня в уныние. Вот вещи, которые мне всего нужнее и которых, по несчастью, не имею. Иногда чувствую в себе какую-то необыкновенную живость, которая делает для меня свет прекрасным, и я воображаю вдали какую-то счастливую участь, которой ожидание волнует мою кровь. Иногда все это исчезает; те же самые чувства, которые меня радовали, приводят меня в уныние самое тягостное своею вялостью. Но теперь эти минуты вообще реже, гораздо реже. Мой ум получил какую-то особенную твердость; по крайней мере во многие минуты был очень ясен и деятелен. Тем тяжелее минуты бездействия. Хотел бы все пробыть в одинаковом живом положении, и огорчаешься вдвое, когда оно прекращается. Вот для чего желал бы иметь вас, братцы, с собою. Как прекрасно быть хорошим человеком в глазах друзей! Это я теперь очень чувствую. Напротив, в глазах тех людей, которые нас не понимают или имеют совсем другой образ чувств и мыслей, делаешься мертвым, сомневаешься в самом себе, теряешь свою свободу чувствовать и мыслить, теряешь самое желание быть деятельным, теряешь надежду, первую, единственную причину всякой деятельности. Вот для чего восхищаюсь необыкновенно вояжем*: деятельность, свобода, разнообразие предметов и друзья – свидетели моих чувств и мои наставники, мои помощники. Какая прекрасная перспектива. Я буду очень несчастлив, если этот план не исполнится. L'âme est un feu, qui s'éteint, s'il ne s'augmente, [15] – сказал Вольтер. Моя душа не имела еще пищи, не пробуждалась, это верно; воспитание, или, лучше сказать, все то, что было со мною со времени моего младенчества (потому что я не имел воспитания), вместо того чтобы образовать ее и усилить, только что ее усыпило; я был один совершенно, то есть в кругу множества людей, которых имел с собою, был некоторым образом отделен от всех. Одним словом, прекрасно бы было всем нам жить вместе – я называю жить, не дышать, не спать и

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya
есть, но действовать и наслаждаться своею деятельностью; следовательно, эта
деятельность должна вести к чему-нибудь высокому, иначе можно ли будет ею
наслаждаться? Но я буду отвечать на твое письмо; отвечая, много скажу о самом
себе, о моей цели и о том, что мы можем и должны сделать друг для друга.

16 сентября. Это письмо не было послано на почту: мне помешали писать, я должен
был его оставить. Вообрази, какая досада. Иван Володимирович* был в Белеве, и я
его не видал; мне даже не сказали, что его ожидали, иначе я бы, верно, его
увидел. Очень досадно! Скажи, как он приехал и каково батюшке от его приезда?
Что у вас делается и прочее, об этом ты совсем ничего не пишешь и очень дурно
делаешь. Буду отвечать на твое письмо и поговорю с тобою посерьезнее. Между тем
пожури за меня Мерзлякова; мне кажется, он не только что ленив писать ко мне, но
даже, как видно, ленив обо мне и подумать; а я ведь должен быть его спутником!

Во-первых, я не думаю и не думал, чтобы мы охладели друг ко другу. Этого нет; а
я сказал тебе в прошедшем моем письме, что мы вообще не были так тесно связаны,
как бы мне этого хотелось. Это правда; может быть, этому причиною
обстоятельства, которые нас так надолго разлучили; а разлука, согласишься сам,
не усиливает дружбы, когда она не иное что, как простая связь, основанная на
привычке быть вместе, сделанная обстоятельствами, приятная, но не такая
необходимая, без которой бы нельзя было обойтись, которая бы составляла важную
часть жизни (я разумею моральную жизнь)! Такой связи между нами не было,
 согласишься сам, даже и теперь нет, но будет, должна быть, в этом я уверен:
 надобно только увериться, что мы не простые друзья, не такие, которым только
 приятно встречаться, быть вместе, но такие, которым нужно быть друзьями, на
 которых дружба имеет то же влияние, которое должна иметь религия на всякую
 благородную душу, то есть самое благодетельное, святое, оживляющее,
 ободрительное. Нельзя сказать одним словом, мне тебе, тебе мне: я твой друг; мы
 должны вместе трудиться, действовать, чтобы после сделаться достойными дружбы и,
 следовательно, быть друзьями. Дружба есть добродетель, есть все, только не в
 одном человеке, а в двух (много в трех или четырех, но чем больше, тем лучше).
 Если скажут обо мне: он истинный друг, тогда скажут другими словами: он
 добродетельный, благородный человек, оживленный одним огнем вместе с другим,
 который ему равен, который его поддерживает собою, а сам поддерживается им. Вот
 что значит дружба в моем смысле. Я не спрашиваю, друзья ли мы? На этот вопрос ни
 ты, ни я, ни Мерзляков, никто из нас не может ответить да! Но как прекрасно
 соединиться для того, чтобы после быть друзьями, действовать для самих себя,
 потом наслаждаться своим собственным делом; жить друг для друга, говорить себе
 во всяком случае: я делаю не для себя одного, есть свидетели моих дел, которых
 не боюсь, но которые составляют для меня самое верховное судилище! Видишь ли,
 что я говорю не так, как энтузиаст; что все, мною сказанное, не мечта, но может
 и должно исполниться, потому что согласно с целию провидения, которая всему
 велит совершенствоваться. Только те вещи могут не удаваться, которые зависят от
 случая или посторонних обстоятельств; но все, что ни предлагаю, зависит от нас
 самих, неразлучно с нами – как этому не исполниться! Я вам всем – тебе,
 Мерзлякову, Блудову* – должен сказать откровенно, что не был никогда привязан к
 вам с отменного силою, так же как и вы все ко мне (лучше это видеть, нежели не
 видеть, потому что, увидевши, узнаешь причину и поправишь). Мы все сходились
 имеем случайно, с удовольствием; но, я не знаю, во мне не было этого
 внутреннего влекущего чувства, которое бы я желал иметь, будучи вместе с моими
 друзьями, одним словом чего-то не было такого, что всего вернее в дружбе, – как
 это назвать, не знаю. Никого из вас, это разумеется, я не любил с такою
 привязанностию, как брата*, то есть, не будучи с ним вместе, я его воображал с
 сладким чувством, был к нему ближе; ему подавал руку с особенным, приятным
 чувством; я не знаю, как-то отменно весело было чувствовать его руку в моей
 руке; между нами было более сродства, по крайней мере с моей стороны. Но что
 делать! Даже при жизни его мы не были то, что бы могли быть; в то время, когда
 он был со мною, в нас было больше (то есть во мне) ребяческого энтузиазма; потом
 мы расстались, потом все кончилось; одним словом, моя с ним дружба была только
 зародыш, но я потерял в ней то, чего не замену или чего не возвращу никогда: он
 был бы моим руководцем, которому бы я готов был даже покориться; он бы оживлял
 меня своим энтузиазмом. Но, братцы, мы можем быть друг для друга многим, очень
 многим, всем, – со временем, разумеется, не вдруг! Для чего же и жить, как не
 для усовершенствования своего духа всем тем, что есть высокого и великого?
 Одному этого сделать почти не можно! Будем же друзьями, то есть верными
 товарищами на пути к добру! Дружба есть добродетель, еще раз повторяю. Я забыл
 сказать о причине той малой привязанности (или, справедливее, не довольно
 сильной, малою ее нельзя назвать, потому что это будет неправда), которая была

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya
между нами. Я думаю, та причина, что вся наша дружба была не иное что, как ребячество, как простая связь, не на твердом основании, без всякой цели, а сделанная случаем, так же как и все светские дружбы и связи. Положим себе цель (какую знаешь), пойдём по ней вместе, не поперека друг другу, но помогая, но воспламеняя друг друга при всяком случайном ослаблении. Тогда не одна склонность соединит нас, но благодарность, почтение взаимное и даже чувство необходимости в такой связи, которая должна привести нас, наверно, к счастью. Все, что я к тебе теперь написал, все сказано без особенного натянутого чувства, а просто, с некоторым твердым и очень приятным уверением. Чувства очень меняются, потому что все на них имеет влияние; я говорю, такие чувства, которые ни на чем не основаны, а вдруг, на время, тебя воспламеняют; но чувства спокойные, утвержденные умом, тверды и навсегда остаются, потому что имевши их в спокойную, обыкновенную минуту, всегда можешь возобновить, не выходя из своего обыкновенного положения. Это я знаю по частому опыту. Очень нередко бывал я в отчаянии, не находя в себе того сильного чувства, которое в другое время имел; это только от того, что это сильное чувство, неестественное, или, лучше сказать, необыкновенное, есть феномен, который не всегда возобновлять можешь свободно. Теперь дурное расположение, которое так часто прежде меня мучило, не имеет на меня влияния, я дерусь с ним умом и часто – *vive la raison!*[16] – побеждаю его.

Но я исписал почти четыре страницы, а еще очень мало сказал о том, что думал прежде. Я заболтался, но, право, говорил то, что ты должен принять, и, кажется, все, сказанное мною, навсегда во мне останется, тем больше что я все думал, все говорил без моего прежнего энтузиазма, который так ветрен и переменчив. Из этого, однако ж, ты не должен заключать, что будто я хочу отказаться совсем от энтузиазма; напротив, я хочу его усилить, укоренить, только ошибись ему несколько крылья, сделать его спокойнее, постояннее: хочу, чтобы он меня освещал, а не ослеплял. И это даже должна сделать дружба: один будешь не так смел, а то, что воспламенит и будет воспламенять многих в одно время, то покажется не пустою мечтою, а чем-то рассудительным, основательным. Видишь ли, что я хочу быть энтузиастом по рассудку. *C'est une rareté!*[17]

Оставляю до другой почты то, что я хотел тебе сказать о самом себе, то есть о своем характере, о моей цели в жизни, вообще о моей частной жизни отдельно от нашей общей, которую должна нам дать дружба. Надобно об этом подумать еще, сверх того я что-то устал; ведь не вдруг привыкнешь к продолжительному размышлению. Эта наука труднее всякой, особливо когда человек прожил 23 года на сем свете, не подозревая, чтобы можно было находить приятность в размышлении. Это отчасти мой жребий, но я знаю этому причину, следовательно перемену это, с вашею помощью, милостивые государи, друзья мои! Это будет отныне моим обыкновенным припевом.

Хотел еще написать к тебе, но не буду! Некогда, опоздаю.

3. 24 декабря <1806, Москва>*

Le mal est fait, mon cher ami![18] Стихи напечатаны в «Вестнике»* прежде, нежели я получил твое воспламеняющее письмо, которое оживило мой гений. Для стихотворца, который себя чувствует, довольно двух судей, одаренных сродным с ним чувством: твоя похвала и Блудова стоят для меня похвалы всех наших почтенных сограждан и современников. Слыша чью-нибудь глупую критику, буду думать: мои друзья не так судят, и всякая такая критика будет для меня только смешна. Одним словом, скажу тебе, что я читал твое письмо с восхищением, и эта минута была моею наградою за труды мои, если только стихи, произведенные в минуту вдохновения, можно назвать трудом. Критики Блудова ожидаю и уверен, что она еще больше воспламенит меня: умная критика всегда открывает дорогу к новым подвигам. Поспеш, любезный, добрый друг, напечатать «Барда» и делай с ним, что внушит тебе твоя ко мне дружба, только пришли мне сколько-нибудь экземпляров, и поскорее. Я спешу сообщить тебе мой план. Кашин почти положил эту пиесу на музыку*. Она должна быть представлена мелодрамою на театре, и думаю, что произведет великое действие, и, конечно, больше, нежели при чтении. К будущему понедельнику, то есть через восемь дней, она совсем поспеет и тотчас будет по почте доставлена к тебе; нельзя ли будет похлопотать, чтобы ее дали на театре и чтобы Нарышкин дал приказание и на здешней ее сыграть* (об этом уже постарайся ты)? Впрочем, вы с Блудовым рассудите, прилично ли это будет или нет? Мне кажется, что можно бы. – «Вечер» отдаю на твое расположение* и чрезвычайно рад, что ты находишь в нем то же, что я нахожу. Что же касается до моего приезда в Петербург, то я, признаться, пленяюсь твоим приглашением; я чувствую, что я был бы совсем не тот, когда бы жил вместе с вами, братцы! Если письма ваши (которых, однако, почти не пишете) меня так оживляют, что ж ваша дружба, которая мне так

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya
нужна и так нам необходима для нашего общего образования! Но я, братец, здесь занят без помешательства лекциями: мои знания очень несовершенны, надобно хотя несколько усовершенствовать их. Если б можно было найти в Петербурге такую службу, которая бы не мешала мне заниматься и в то же время (что всего важнее!) могла доставлять мне средства к моему содержанию (ведь не все же мне ходить в Блудова сюртуке и жилете и есть слоеные пироги), то я бы с радостью, с большою радостью к вам приехал. Подумай, любезный друг, какого рода службу можешь найти мне; только, пожалуйста, подумай об этом хорошенько, чтобы мне не потерять! Простите, друзья, милые друзья, не могу больше писать! Блудов, обнимаю тебя от всего сердца, хотя имею право на тебя сердиться. Ты обманул меня! Хотел ко мне приехать и не приехал, а я так радовался этой мыслию. Простите, братья. Вот хор, который я прибавил к «Барду»*, для музыки:

Росс! И щит и меч во длань!
Враг за гибелью притек!
Смерть ему от росса дань!
Жертвой рок его нарек!
Прочь покоем наслажденье!
Там отчизна! Там наш царь!
Братья, руки на олтарь!
Клятва: смерть или спасенье!
Мы ль на жертву предадим
Вас, славян отцы священные?
Мы ль врага не потребим
От отчизны ополченны?

Росс! И щит и меч во длань, и пр.
Пришли мне братнины стихи* печатные. Я их отдам Кашину, чтобы сделал на них польский.

4. <Начало июля 1807, Белев>*

Я получил оба твои письма, любезный друг Александр, одно из Бартенштейна, надписанное на мое имя, другое из Тильзита*, писанное к Костогорову и присланное мне Соковниным*. Очень благодарю тебя за твою дружбу и желал бы, чтобы ты чаще давал об ней знать своими письмами, которых, однако, не имею права требовать, потому что моя лень обратилась в совершенную болезнь и писать письма к кому бы то ни было теперь есть для меня несчастье. Несмотря на лень, берусь за перо и пишу к тебе. Я в Белеве, с новым планом, по своему обыкновению, и с совершенною неизвестностию, исполнится ли этот план когда-нибудь. Хочу выдавать на будущий год «Вестника Европы»*. Каченовский отказывается, и мои прелиминарные условия с нашим любезным благоприятелем Максимусом Ивановичем сделаны*. Теперь начинаю готовить пиесы*; но так как я довольно мало на себя надеюсь и даже боюсь своей лени, то, любезный друг, не худо будет, если ты постарайся помочь мне. Ты теперь имеешь довольно пособий и источников; тебе известна хорошо немецкая литература, следовательно ты можешь назначить мне: что и где находится годного и нового или старого, но еще не известного, в немецких книгах. Ты теперь в таком месте, которое очень интересно* по настоящим обстоятельствам. Записывай, что видишь и слышишь; такого рода записки могут занять хорошее место в моем будущем журнале. Еще: твое «Путешествие по Европе» не напечатано* и, может быть, не приведено в порядок. Если есть в тебе довольно духу и твердости, то постарайся его обработать и приготовь к будущему году. Ты в связи со многими людьми, которые могут иметь в своих портфелях какие-нибудь важные рукописи, которые очень бы мнегодились: например, я желал бы иметь записки Кантемира о его посольстве*, которых нет печатных. Нет ли еще каких-нибудь подобных записок? Одним словом, ты имеешь много случаев доставать и слышать любопытные вещи, и если по дружбе своей ко мне возьмешься снабжать мой журнал ими и станешь ревностно доставлять мне все важное и достойное замечания и напечатания, то я буду тебе благодарен от всего сердца. По части политики снабжай меня, если будешь иметь время, сочинениями или переводами или по крайней мере назначай мне достойные помещения пиесы, то есть сказывай, в каком сочинении их отыскивать. В последнем случае не нужно будет тебе и письма писать, только напиши в двух строках: такая-то пиеса в такой-то книге хороша; это будет для меня весьма выгодно: спасет у меня много времени. Нет ли чего в бумагах братнинных? Я думаю, некоторые статьи из его журнала*, писанные в чужих краях, могли бы годиться. Одним словом, будь моим ревностным помощником и побуждай лентяя Блудова, когда опять с ним сойдешься, помогать мне. Если же паче чаяния не войду в издание журнала, то приезжаю в Петербург и вхожу в службу. Теперь еще одна просьба, любезный друг, на которую, конечно, не получу отказа. Постарайся справиться хорошенько об одном бывшем пансионере, которого и ты, я думаю, знаешь,

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya Проташинском*. Он служит в гвардии, в Измайловском (кажется) полку, унтер-офицером. Думаю, что он уже был в сражении. Что с ним сделалось, жив ли он и в каких он обстоятельствах? Если ему нужна помощь и протекция и если ты можешь и то и другое доставить, то я уверен, что без моей просьбы все полезное для него сделаешь. Если найдешь его, то заставь его, пожалуйста, написать о себе к своим родным. И я и многие будем тебе за это благодарны. Прости, любезный друг, не забывай посреди шума и хлопот своих друзей, которые проводят свои дни смиренно и не шумно. Желаю искренно, чтобы все твои планы и желания исполнились лучше моих. Не забудь написать о своем приезде в Петербург. Я еще не видал твоей матушки, потому что уехал из Москвы за полторы недели до ее приезда. Наш добрый Леман умер*; я видел его перед своим отъездом: он страдал и желал смерти, которой и я пожелал ему, видя его страшное мучение, хотя горестно видеть смерть такого человека, который мог бы прожить еще долго и по своему прекрасному характеру достоин был долговременнейшей и лучшей жизни. Adieu. Твой навсегда Ж. Поклонись от меня Гагарину*. А тебе кланяется Лодер*, который лечил мою руку. Я поехал было с Блудовым в Оренбург, хотел видеть некоторую часть православной Руси, но в двадцати верстах от Москвы наша коляска была опрокинута; я ушиб руку; Блудов здоров и теперь странствует один.

5. Белев, 15-го сентября 1809*

Сначала буду отвечать тебе на последнее твое письмо от 31 августа, любезнейший друг. Ты спрашиваешь, какое содержание того письма, которое было от меня тебе послано и тобою не получено, и что нужно по нем исполнить? Содержание его для меня важно, но исполнение по нем можешь сделать во всякое время. Я писал в такую минуту, когда для меня необходимо было к тебе писать, и просил тебя, чтобы ты меня уверил, что твои слова! «Ты забыл меня совершенно», написанные тобою в заключении одного из стародавних и, NB, [19] последних твоих писем, были не иное что, как только слова, без всяких мыслей написанные, что ты уверен в моей истинной к тебе дружбе, которая ни на минуту не ослабевала, а, право, со времени минутного нашего свидания с тобою в Москве удвоилась. Получить от тебя такое драгоценное для меня уверение было мне нужно, и я очень сожалел, что письмо мое потеряно: уверен, что его не донесли на почту, ибо я писал из чужой деревни, в которой останавливался, проезжая в Орел. Так тому и быть! Но что отсрочено, то не потеряно! Ты и теперь можешь сделать мне ответ на мою задачу. Я писал к тебе еще (что повторяю и теперь и что надеюсь повторять по самую смерть), что я желаю, чтобы наша дружба с тобою была не одною только мыслию, но делом, и главным делом жизни, что нам надобно воспользоваться жизнью вместе, и не только знать, но и вместе чувствовать на опыте, что мы друзья, следовательно иметь всегда в виду, что мы со временем будем вместе и будем стараться друг другу доставить то счастье, которого напрасно искали в других местах (по крайней мере это могу сказать о себе: я еще не знаю, что такое счастье, выключая разве только те минуты, когда пишешь; но это минуты). На все это ожидать ответа надобно с нетерпением; потому-то я и написал, что ты должен был отвечать на письмо мое; но это-то письмо именно и пропало. Досадно, а нечего делать.

Я уже отпел панихиду политике* и нимало не опечален ее кончиною. Правда, она отымет у моего журнала несколько подписчиков, – но так тому и быть. Это ничуть не умалило моего рвения; напротив, чувствую желание сделать журнал мой из дурного или, много-много, посредственного хорошим. Издавать его буду не один*, но вместе с Каченовским. План наш распространится*, о чем узнаешь из объявления. Если бы ты не был и ленив и беспечен, то мог бы быть весьма полезен моему изданию. Первое, доставляя разные известия о ученых обществах петербургских, о литературе, театре и разных разностях, являющихся на горизонте петербургского мира, или по крайней мере ты мог бы надумать двух-трех и до полдюжины хлопотливых и умных человек (напр. Костооров), которые присылали бы мне разные известия, с полною доверенностию делать из них что мне рассудится. Также не худо бы было, если бы ты снабжал меня и книгами, годными для журнала, за которые получал бы от меня деньги аккуратно, ибо типография ассигновала на сии издержки 200 рублей и более; но ты ленив, и ленив, и ленив. Надеюсь, одним словом, что «Вестник» на следующий год будет занимательнее, любопытнее, разнообразнее и вдвое менее принесет доходу. Но черт побери те доходы, которые к нам не доходят!

«Письмо от „Саратовского жителя“» будет написано непременно, к тебе прислано на цензуру, но не прежде как в декабре: теперь я занят другим, пишу стихи, и после опять примусь за стихи, – следовательно, проза к черту! Но на будущий год и прозы будет в моем журнале довольно. Боюсь только залениться. А планов и предметов в голове пропасть, и пишется как-то скорее и удачнее прежнего. Nonny soit qui mal y pense*. [20]

Не стыдно ли Блудову не написать ко мне ни строчки и лениться так же, как я? Не вздумал ли и он, что я его забыл? Нет, братцы, прошу вас никогда не воображать обо мне такого страму. Я ваш вечно, душою и мыслями; но что прикажешь делать, если нет другого средства говорить с вами, как через письма! Мы будем вместе, будем, и тогда...

Теперь слово о моем «Собрании»*. Я издаю не примеры, но полное собрание лучших стихотворений российских – книгу, которая могла бы заместить для людей со вкусом и для не весьма богатых людей собрание всех сочинений русских поэтов, каждого порознь. Беру из каждого лучшее и, все это смешав вместе, предлагаю нашей публике душистое *pot pourri*, [21] в котором между лилеями, розами и жасминами не забыты и ландыши и другие полевые цветы, то есть, говоря без глупых фигур, в котором между лучшими произведениями лучших стихотворцев должны быть помещены и лучшие произведения посредственных, следовательно, в сравнении с первыми посредственные, однако не дурные; под вывескою посредственного выступают все те стихотворения, которые выберу я из полных сочинений наших второклассных авторов и из журналов. И кому удалось во всю жизнь свою написать один только порядочный *quatrain**, [22] за что ж этому бедному сироте погибать в глуши какого-нибудь журнала? И я, по милости своей, даю ему пристанище в моем «Собрании» стихотворцев, которое по многим отношениям будет сходствовать с домом странноприимным, удивляющим за Сухаревою башнею путешественника. Вот расположение моего «Собрания»: оно должно состоять из пяти, если не из шести, полновесных томов; в первых двух или трех лирическая поэзия; в следующих по порядку: басни, сказки, элегии и прочее и прочее до дистика*. Порядок смешан будет с разнообразием; роды поэзии отделены один от другого, зато авторы перемешаны и отличаются один от другого только именем и – слогом. Все уже списано и приведено в порядок; остается дополнить некоторыми оставшимися дрожжами из журналов (и то из некоторых, ибо все почти перечитаны). Посылаю тебе на апробацию роспись всем назначенным пиесам; просмотри ее вместе с Блудовым и назначьте то, что забыто и что выкинуть. Прошу, однако, помнить, что между превосходным я поместил и посредственное; если пиеса написана чистым слогом, вообще недурна и имеет хорошее, то я принимаю ее без зазрения совести, ибо хочу, чтобы в Собрании моем были *chefs d'oeuvres*[23] всех наших стихотворцев без исключения. Если есть у тебя или у твоих знакомых хорошие рукописные пиесы, еще не известные или известные, но мною забытые, доставь их мне непременно, а я буду благодарить тебя от всего сердца. При каждом томе будет портрет и виньетка. Если это издание будет принято хорошо, то при втором приложу и собственное рассуждение о разных родах поэзии и прочее; но этому быть еще не скоро. Прозы не будет.

Таков мой план. Я уже уговорился о печатании. До сих пор останавливало меня одно: я опасался, не будут ли сердиться на меня некоторые матадоры нашей поэзии*, то есть всего на все Державин и после него в большом отдалении Крылов и Востоков с компаниею, за то, что я обокрал их стихи. Кажется, не намерен их обидеть, но чем черт не шутит. Ты бы много одолжил меня, когда бы у первого униженно истребовал мне позволение повытаскать кое-что из его сочинений и приложить к сему выбору его портрет; а портреты будут Державина, Ломоносова, Карамзина, Дмитриева, Хераскова и еще которого-нибудь из матадоров; думаю, Богдановича* или Фон-Визина, хотя последнего стихов мало.

По твоему письму кажется мне однако, что ты сам занимаешься подобным собранием; не помешаю ли я тебе? Если надобно, я все оставляю и даже могу тебе помочь своим. Расположи это как хочешь; я на все буду согласен. Или не возьмешь ли на себя одну прозу – и выдадим вместе. Ты трудишься по препоручению какой-то высокой особы; не можно ли, чтобы и я в этом участвовал? Впрочем, воля твоя да будет. Ты господин полновластный моего «Собрания», и я без твоего ответа на это письмо не приступлю к изданию; следовательно, изволь отвечать немедленно. NB. По письму твоему вижу, что ты не очень жалуешь Востокова*. Грешишь, любезный друг; этот человек с истинным стихотворческим талантом. Я предсказываю, что он будет одним из хороших наших стихотворцев. Надобно ему только очистить слог. В его стихах виден человек с мыслями, с чувством, с воображением и наполненный духом древних. Желая от всего сердца ему образования и успеха. Я буду говорить об нем в своем журнале, ибо Каченовский говорил очень недостаточным образом* о его таланте в своей критике на Лирические его опыты.*

«Записки» И<вана> Вол<оdimировича> списываются для тебя*, но очень медленно; ибо здесь, в православном Белеве, нет переписчиков; но я доставляю их тебе

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya непременно, в этом будь уверен. Что ни говори, но Иван Володимирович (если забыть только его несчастные и, можно сказать, неизвинительные беспорядки в отношении к долгам) есть человек необыкновенный, и, прочитав его «Записки», пожелаешь, чтобы таких людей было поболее, а для себя сочтешь счастьем пользоваться их дружбой. Не читав их, я был как будто в нерешимости, любить ли его или нет, но, прочитав, решил к нему привязаться более и более: рассчитавши все, доброе и необыкновенно доброе превосходит в нем дурное, а последнее имеет источником также доброе. Впрочем, не все в его «Записках» мне нравится, и они были бы плодovитoю материей для наших с тобою разговоров. (Ах, если бы ты мог приехать в генваре в Москву, какое было бы для меня счастье! Подумай об этом.) Но возвратимся к Ивану Володимировичу. Не послать ли мне ему твоего письма, в котором ты говоришь о расстройстве, причиняемом тебе его неплатежом вашего долга? Это могло бы послужить вместо твоего с ним объяснения.

Я надеюсь, что ты непременно доставишь мне бюст Ивана Петровича*. Этот подарок будет для меня очень важен. Также хотелось бы мне очень, чтобы ты прислал мне журнал брата Андрея; это единственный памятник, который напоминает или, лучше, изображает его (ибо нужно ли напоминать об нем?) весьма живо. Ты много, много бы одолжил меня этим. Разумеется, я прошу только списка.

Вышла ли «Поликсена»?* Доставь ее мне поскорее. По дурной критике, напечатанной в «Цветнике»*, заключаю, что план этой трагедии очень прост и отзывается древностию. Между приведенными стихами в пример есть прекрасные, но мало. Озеров с великим талантом и чувством. Я беспрестанно ссорюсь за него с Карамзиным, который называет «фингала» дрянью. А «фингал» делает честь нашей поэзии: три прекрасных характера, Моины, Фингала и особливо Старна, который весь принадлежит Озерову, ибо в хороших французских трагедиях я не знаю ни одного мстительного отца.

Ты хочешь, чтобы я прислал тебе полную роспись моих произведений (!!) в стихах и прозе и переводов для помещения обо мне известия в вашем обозрении. Hélas! Pauvre Jacques! Je sens trop fort ma misère. [24] Пусть скажут: он перевел «Дон-Кишота»*, но как перевел ни слова, ибо... и что сего творения будет скоро напечатано второе издание, кое-как поправленное; все же прочие поделки мои заключены в «Вестнике», начиная от Карамзина до Жуковского. Вот и все. К Мерзлякову пиши сам об этом, потому что мне весьма лень.

Прошу прислать мне примеры стихотворений Буниной*, «Письмо к нижегородскому помещику» и «Les treize journées» de Gagarine*. [25]

О возвращении своем еще не знаю, в октябре или в декабре. Тогда напишу, если не поленюсь, или заставлю написать твоего Сергея*, с которым надобно познакомиться покороче. А прогос:[26] пишет ли Николай?* Нет ли чего в его письмах годного для «Вестника»? И что Андрей Сергеевич?* Я видел последнего в проезд его через Москву: добрый малый, все тот же; надобно, чтоб он навсегда остался нашим. Скажи ему это, когда будешь писать. Я обнимаю его от всего сердца, и тебя, и Блудова, которому должно без всяких околичностей верить моей истинной дружбе. Прошу вас, братцы, любите вашего Жуковского – вашего всегда, всегда и от всего сердца. Я получил от Петра Петровича Тургенева* письмо. В конце его стоит следующее: «Что говорю и пишу, от того не отрекусь: Александр мой вляйся волнам житейским». Что это значит?

6. 1810-го, сентября 12 <Муратово>*

Благодарю тебя, любезный мой Миллер*, за длинное твое письмо и за все то, что в нем заключается. Несмотря на твою деятельность (которой письмо твое, написанное на добрых восьми страницах, могло бы быть неоспоримым доказательством), я начинаю думать, что ты неизлечимый ленивец, и, сверх того, еще уверяюсь, что ты никогда не заглядываешь в моего «Вестника» (признаюсь сам, что он весьма худой журнал, и ты бы рассердил меня, если бы вздумал в угождение моему самолюбию и вопреки искренней дружбе его хвалить); но оглавление каждой книжки прочитать было бы не трудно, а взявши этот труд на себя, ты и увидел бы, что письма Миллеровы*, и именно те, которые посвящены тебе в моих мыслях, переведены мною. Чтобы избавить тебя от скучной работы перебирать все книжки «Вестника», скажу, что эти письма найдешь ты в № 16 на странице 263. Они переведены хорошо, ибо я переводил их с истинным удовольствием; хотя ты и можешь заметить в слогe некоторые бездельные неисправности, напр., в ином месте частые повторения одних и тех же слов, но эти ошибки остались от того, что я не перечитывал сам, но причине своего отсутствия из Москвы, корректуры; а в манускрипте никогда не заметишь тех погрешностей,

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya которые увидешь можешь в печатном листе. Итак, первая задача решена: ты не читаешь «Вестника»; но это преступление и не важное, ибо в нем ты не найдешь и не можешь искать меня. По какой причине, об этом говорить теперь не стану. Вторая задача: ты ленивец! как, ленивец? Написавши восемь страниц? Первое доказательство: при этих же восьми страницах ты мог бы прислать мне Миллеровы письма*; но тебе было лень их завернуть в бумагу и сказать человеку своему: отнеси эту посылку на почту, написав на ней адрес. Второе доказательство: ты думаешь о выборе мне книг из своей библиотеки, угадывая мое намерение. Через две недели по получении моего письма ты начал только думать, тогда как стоило бы только обойти кругом все свои шкапы и вынуть из них без всякого предварительного обдумывания все книги, касающиеся до Российской истории, и потом из этих же книг отложить те, которые мне нужны (и это было бы гораздо легче сделать, имея их все перед глазами, нежели просто об них думая, следовательно, подвергая себя опасности иную и забыть); а отложивши, отправить их по почте, таким же точно образом, как и Миллеровы письма. А угадать мое намерение было тебе не совсем трудно, ибо я описал его тебе весьма подробно. Что же касается до моего плана*, то он только что посеян в моем воображении, а созреет тогда только, когда семена будут напитаны теми материалами, которых я от тебя теперь требую. Вторая задача решена: ты ленивец! Вот и некоторые дополнительные доказательства. Я просил тебя о доставлении мне Шлёцеровой книги* «Die Deutschen in Siebenbürgen», [27] где есть что-то о печенегах; но ты не подумал об этой комиссии, или, может быть, только думаешь.

Но полно браниться! Какой-то тихий голос сказал мне в эту минуту на ухо твоими словами: «This man is my bosom-friend», [28] и я обнимаю тебя заочно со всею искренностью дружбы. Еще раз благодарю, любезный друг, за «Нестора» Шлёцерова*. Я прочитал с жадностью первую часть, служащую введением, и ожидаю с нетерпением октября, в котором начнется мой курс отечественной истории: прежде я не могу этого сделать, ибо я теперь не в Белеве, а в другой деревне*, находящейся под Орлом, где нет со мною ни карт, ни других книг, без которых не хочу начинать этого чтения. Читаю русскую историю, буду иметь в виду не одну мою поэму, но и самую русскую историю; но в истории особенно буду следовать за образованием русского характера, буду искать в ней объяснения настоящего морального образования русских. Это мне кажется прекрасною точкою зрения, а со временем может выйти из моих замечаний что-нибудь весьма полезное (пишу это про тебя). Политические происшествия можно назвать воспитанием того отвлеченного существа, которое называют нацию. Читая историю в этом отношении, то есть наблюдая, каким образом воспитатель могущий народов (судьба, провидение, творец) образовал их характер, увидишь и средства, каким образом можно исправить то, что испорчено воспитанием, дополнить недоконченное, воспользоваться выгодным, уничтожить вредное. Эта мысль (которая может служить точкою соединения всех наблюдений), признаюсь, восхищает меня. Я теперь нахожу в себе гораздо более расположения к деятельности; может быть, такая перемена произошла во мне от того, что я образом воспитателя теперь поставляю единственным своим благом, зависящим от меня, и хочу к этому благу стремиться, отказавшись от всех других, от меня не зависящих и неверных, предоставляя себе, однако, воспользоваться ими, если они на дороге мне представляются. Но я удалился от Шлёцера. Этот человек имеет дар оживотворять самую сухую науку исторических древностей (а северные древности не римские и не греческие). Его можно назвать Лессингом, Лагарпом* истории; он привлекательно говорит и о скучных ошибках переписчиков «Нестора». Слог его приятен не искусством писателя, но тою твердою логикою и тою экономическою краткостью, благодаря которым мысли его представляются вдруг, ярко и в связи, рассудку читателя. Таких критиков весьма немного. Но он иногда бывает излишне недоверчив; особливо странно то, что он сомневается в существовании песни Игоревым воинам*, тогда как она давно напечатана* и имеет, кажется мне, наружность неотрицаемой истины (autenticité). [29] Сердит меня немного и то, что он, писавши книгу свою и для русских (которых неученость ему известна), испестрил ее огромными греческими и латинскими тирадами. Немцы красно говорить не хотят или не умеют, имея слишком дельные головы; не отнимая у них ничего из этой полезной деятельности, желал бы, чтобы они заняли несколько ветреной привлекательности у французов (англичане, кажется мне, занимают истинную средину между ими и французами). Я желал бы иметь все или по крайней мере избраннейшие сочинения Шлёцера; например, я с большим удовольствием прочел бы его Selbstbiographie. [30] Есть ли у тебя его «Probe Russischer Annalen»? [31] Он часто ссылается на эту книгу в своем Несторе. Но для избежания многословия прошу тебя исполнить следующее, без всякого предварительного обдумывания (à l'allemande). [32] 1-е: пришли мне Миллера (я буду переводить из него отрывки, а со временем, может быть (разумеется, исподволь), переведу и все письма; они

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya будут точно посвящены тебе, хотя бы я выдавал их и на 60 году жизни). 2-е: напиши (NB: без обдумывания) полную роспись всех книг русских, немецких, Latinskyh и других, принадлежащих к русской и славянской истории; латинские титулы прилагай в оригинале и переводе; 3-е: доставь мне те книги, которые мне теперь могут быть нужны, руководствуясь в этом первом моим письмом. 4-е: дай мне каталог Шлёцеровых сочинений. Из русских старинных летописей имею: Нестора по Радзивилловскому списку* (это, думаю, тот, которого бранит Шлёцер); Никонову Летопись*; Софийский список Нестора*; величественный Синописис*, старый и новый; есть у меня и Русская правда*, и Духовная Владимира Мономаха*, и Болтин, и Щербатов, и Хилков, и Штриттер*, и песнь Игорю. Но более всего радуюсь твоим Шлёцером. Теперь смотрю на него с таким же точно удовольствием, с каким во время оно смотрел на него отвращением, и это не в отношении к одному Владимиру, а точно из некоторой особенной привязанности к тому занятию, которое представляет мне история. Герберштейн есть и на немецком*. Нельзя ли им меня снабдить? Но в нем теперь нет крайней нужды. (Боюсь тебя ограбить; но ведь ты и не будешь лишать себя нужного; этого ни по чему ты не должен делать). NB. Разговоры о Новгороде* у меня есть. Нет ли чего-нибудь подобного о Киеве, и где я о нем найду какие-нибудь подробности?

На твоё мнение предпочесть Владимиру Святослава теперь не отвечаю ничего, ибо мой план, как я уже сказал выше, есть только одно семя; но Владимир есть наш Карл Великий*, а богатыри его – те рыцари, которые были при дворе Карла; сказки и предания приучили нас окружать Владимира каким-то баснословным блеском, который может заменить самое историческое вероятие; читатель легче верит вымыслам о Владимире, нежели вымыслам о Святославе, хотя последний по героическому характеру своему и более принадлежит поэзии, нежели первый. Благодаря древним романам ни Ариосту, ни Виланду никто не поставил в вину, что они окружили Карла Великого рыцарями*, хотя в его время рыцарства еще не существовало. Что же касается до святости Владимира, то можно говорить об нем и заставить его действовать приличным образом его историческому характеру; к тому же главным действующим лицом будет не он, а я его сделаю точкою соединения всех посторонних действий, для сохранения единства. Поэма же будет не героическая, а то, что называют немцы *romantisches heldenediclit*; [33] следовательно, я позволю себе смесь всякого рода вымыслов, но наряду с баснею постараюсь вести истину историческую, а с вымыслами постараюсь соединить и верное изображение нравов, характера времени, мнений, позволяя, однако, себе нравы и мнения времен до Владимира перенести в его время; ибо это принадлежит к вольности стихотворного дворянства, данного нашей братье императором Фёбом. Вот, не хотел ничего говорить о Святославе и Владимире, а наговорил с три кузова! О, перо неугомонное и непостижимое! Или оно ленится, или пишет без памяти. Стихи мои переписываются для тебя; но ты получишь их не так-то скоро, ибо я не имею здесь переписчика; зато переписывает их прелестнейшая рука, рука милой Грации*, в самом деле Грации. Но ты станешь смеяться моим планам и скажешь мне: собирай лучше материалы для Владимира.

Итак, возвращаюсь к своим сочинениям. На твоё намерение печатать их, чтобы дополнить мое издание русских стихотворцев, никак не соглашаюсь; береги их про себя; но выдам их я сам*, когда их наберется поболее. На что отнимать у них цену новости? Прошу также никому (разумеется, кроме Блудова, которого суд, и критика, и одобрения весьма для меня важны) не давать копий. Что же принадлежит до моего издания стихотворцев русских, то оно уже в действии; первый том отпечатан, а выдан будет со вторым. Всех томов будет числом пять. Я старался собрать все то, что можно читать с удовольствием; следовательно, не ограничивал себя одним совершенным. Благодарю за доставление стихов Уварова*. Со мнением твоим о его таланте совершенно согласен, также и с тем, что Василий Львович не имеет души*, при всей опрятности слога своего. Слог его можно сравнить с прекрасною восковою куклою, в которой находим мы все, составляющее человека, кроме самого человека. А стихов его я не поместил* для того, что они слабы, заключают в себе одну только брань, которая есть бесполезная вещь в литературе; впрочем, поместить их более не хотел Каченовский, не желая заводить ссоры, в чем и я согласен. Шишкова почитаю суеверным, но умным раскольников в литературе; мнение его о языке то же, что религия раскольников, которые почитают священные книги более за то, что они старые, а старые ошибки предпочитают новым истинам, и тех, которые молятся не по старым книгам, называют богоотступниками. Таких раскольников надобно побеждать не оружием В<асилия> Львовича, слишком слабым и нечувствительным. Гомера читаю на английском, имея перед собою и Фоссов перевод*. Не соглашаюсь однако, чтобы Фоссов перевод был лучше Попова*; может быть, в первом найдешь более истинного Гомерова духу и греческой простоты, но он сух, и чувствительно, что немец Фосс

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyyva
из всей силы хотел быть греком. Поп растянут и иногда очень удаляется от Гомерова духа, особливо когда дело дойдет до богов, говоря о которых он вмешивает такие выражения, которые более приличны новейшим метафизикам; зато язык его стихотворнее. Эти два перевода по-настоящему надобно читать вместе: один увеличит цену другого; Пóпова щеголеватость сделает приятнее Фоссову простоту, а Фоссова сухость сделает еще приятнее Пóпову блистательную поэзию. Чуть ли и я со временем не примусь за греческую грамматику, а латинская уже и очень вертится в голове моей. В Белеве есть один латинус, которого я хочу прибрать в руки; тогда берегись Гельмольд*, а особливо Virgilius и Horatius; доведи, господи, и до Тацита*! Доставь мне пиесу Уварова «Sur l'avantage de mourir <jeune>», [34] я очень любопытен читать ее, особенно по тому, что ты об ней пишешь. NB. Первая присланная тобою пиеса его нравится мне более, нежели последняя. В ней, кажется, язык и правильнее и стихотворнее. Напрасно бранишь ты послание Воейкова* к Мерзлякову; в нем много хорошего; и ход мыслей и слог вообще хороши.

Их корни внутри земли,
Вершины за облаком;
Их свойство – величие,
Удел – независимость!

О, верь мне, что в городе
И слава вседневная
Есть гроб славы истинной.
Писатель, желая льстить
И нравиться публике,
Блистая мгновение,
Теряет бессмертие.

Все это очень хорошо, а окончание прекрасное. И вообще в этой пиесе много легкости; можно бы было кое-что и поправить (что сущая безделица в стихах без рифм), но все это послание остается очень приятным.

Каким образом Блудов в Петербурге, а не в Молдавии? Вот новое дополнение к доказательствам о твоей лени! Как не сказать об нем ни слова? Уверь его, если можно, что ему надобно бы было ко мне написать. Как же он обленился между мусульманами!

Не забудь о Гриневе*. Кланяйся братьям, когда к ним писать будешь, и перестань думать о исполнении просьбы моей, а просто исполни ее. Прости, любезный Миллер. Твой Бонстеттен*.

1810-го, сентября 12.

NB. Замаранные мною строки* написаны были перед обедом; после обеда, во время варения желудка, догадался я, что их непременно надобно вымарать – и вымарал, и это сделано по той же причине, по которой ты не хотел поставить всего имени одного человека в своем письме и отложил говорить об нем до личного свидания нашего, а только не потому, чтоб я хотел от тебя скрываться. Итак, vale! [35]

7. 7 ноября <1810, Белев>*

Письмо твое от 31 октября получил, мой милый Миллер; благодарю тебя за присылку книг, которых еще у меня нет, и еще раз повторяю просьбу мою доставить мне все остальные, а чтобы узнать, какие они, перечитай все прежние письма мои и отложи свою обыкновенную досадную беспечность, которая одна мешает мне в полноте восхищаться тобою.

Ты спрашиваешь, на что мне нужен Герен* и в каком отношении? Я уже написал к тебе об этом в моем последнем, несколько сердитом письме, но написал коротко. Теперь напишу попространнее. Но в предисловии объясню, для чего не писал к тебе так долго и отчего могут и вперед случаться некоторые промежутки в нашей переписке. Причиною этому Миллер, или, лучше сказать, одно из его прекраснейших правил: Constantiam et gravitatem werden Sie nicht eher erlangen bis aile Ihre Stunden wie im Kloster regelmässig ausgetheilt sind. [36] Этому правилу стараюсь последовать со всею точностию трудолюбивого немца. Часы мои разделены. Для каждого есть особенное неперменное занятие. Следовательно, есть часы и для писем. Обыкновенно в вечеру, накануне почты, пишу письма, и таких эпох у меня две в неделе. Но я должен часто писать в типографию; два раза в неделю непременно должен отправить корректуру моего «Собрания стихотворцев», которого

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya
еще ни один том не отпечатан; первый готов, но еще нет предисловия (след-овательно>, ты и не мог получить его); наконец, случаются и другие письма. Все эти дела положено исправлять у меня в понедельник и пятницу, по вечерам, отчего и случается иногда совершенная невозможность к тебе писать; а в этом порядке непременно хочу быть педантом: в противном случае, что ни делай, все будет не основательно. Прибавь еще к тому и то, что иногда в час, определенный для переписки, в голове моей сидит геморрой, от которого душа как мертвая, а я хочу угощать тебя живою душою; хочу, чтобы рука писала от сердца. Но как писать, когда голова в споре с сердцем?

Итак, поговорим о Герене и братии. *Entre nous soit dit*, [37] я совершенный невежда в истории. Не правда ли, что в этом отношении наша переписка несколько далека от Миллеровой с Бонстеттенем? Он в двадцать лет предвидел политические перемены мира. Но я хочу получить об истории хорошее понятие; не быть в ней ученым, ибо я не располагаю писать историю, но приобрести философический взгляд на происшествия в связи. История из всех наук самая важная; важнее философии, ибо в ней заключена лучшая философия, то есть практическая, следовательно полезная. Для литератора и поэта история необходимее всякой другой науки: она возвышает душу, расширяет понятия и предохраняет от излишней мечтательности, обращая ум на существование. Я хочу прочитать всех классиков-историков; но для того чтобы извлечь из них всю возможную пользу и чтобы идея об истории была не смутная, а ясная, хочу предварительно составить себе общий план всех происшествий в связи. Для этого и начинаю Гаттерером* и Гереном. Вот моя метода, несколько трудная и продолжительная, но для упрямой памяти моей необходимая. Прочитав статью в Гаттерере, имея перед глазами Габлеровы таблицы, откладывая книгу и потом составляя несколько карт (*à la Schlötzer fils*)* [38] того времени, о котором читал, на картах в хронологическом и вместе синхронистическом порядке изображаю главнейшие происшествия, – это оставляет в голове чрезвычайно ясную идею о переменах и их последствиях. Кончив этот труд, пишу из головы общее обозрение происшествий прочитанного периода. Так составится у меня целый курс всеобщей истории. Подробностей знать не буду; но теперь они мне еще и не нужны. Я хочу иметь один план, с которым можно было бы не заблудиться посреди бесчисленных подробностей. Составив этот план, мне уже будет весьма легко после заниматься отдельно чтением классиков, из которых ни один не написал обо всем, а избрал для себя какую-нибудь важнейшую часть. Эти важнейшие части будут мне известны подробно; а связь между ими сохранит мое предварительное чтение Гаттерера и Герена. Русская история, однако, будет другого рода занятием. Тут уже нечего думать о классиках, а надобно добираться самому до источников. Но и для русской истории, прежде нежели погрузюсь в океан летописей, намерен я составить такой же точно план, для которого мне нужна будет какая-нибудь краткая, но хотя несколько сносная русская историйка. Не знаешь ли чего-нибудь в этом роде? «Владимир» будет моим фаросом*; но чтобы плыть прямо и безопасно при свете этого фароса, надобно научиться искусству мореплавания. Вот что я теперь и делаю. Ах, брат и друг, сколько погибло времени! Вся моя прошедшая жизнь покрыта каким-то туманом недеятельности душевной, который ничего не дает мне различить в ней. Причина этой недеятельности тебе известна. А теперь, друг мой, эта самая деятельность служит мне лекарством от того, что было прежде ей помехою. Если романическая любовь может спасти душу от порчи, зато она уничтожает в ней и деятельность, привлекая ее к одному предмету, который удаляет ее от всех других. Этот один убийственный предмет, как царь, сидел в душе моей по сие время. Но теперешняя моя деятельность, наполнив душу мою (или, лучше сказать, начиная наполнять), избавляет ее от вредного постояльца. Если бы он ушел сам, не уступивши места своего другому, то душа могла бы угаснуть; но теперь она только переменяла свое направление и, признаться, к совершенной своей выгоде. Эту выгоду я очень чувствую, и ты скоро, может быть, получишь от меня Послание о деятельности*, о благодетельности этого святого гения, которому посвящаю жизнь мою, которым будет храниться все мое счастье. Не забудь однако, что этот гений всегда рука в руку с гением дружбы. Пускай же они будут моими ангелами-хранителями. В эту минуту желал бы иметь тебя перед собою, чтобы подать тебе руку, прижать тебя к сердцу, не сказать, может быть, ни слова, но зато все выразить своим молчанием. Не подумай однако, чтобы моя мысль о действии любви была общею мыслию, а не моею; нет, она справедлива и неоспорима, но только тогда, когда будешь предполагать некоторые особые обстоятельства; она справедлива в отношении ко мне. Надобно сообразить мои обстоятельства: воспитание, семейственные связи и двух тех, которые так много и так мало на меня действовали*. Об этом хорошо говорить на словах, и я надеюсь говорить об этом с тобою в каком-нибудь московском уголку, в котором мы будем двое вспоминать о прошедшем и располагать будущее, возобновляя душевный обет навсегда, навсегда

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya
быть добрыми спутниками в счастье и несчастье. Так, брат, и в несчастье! Видя, как все рушится, иногда приходит мне в голову мысль, что, может быть, впереди готовит для нас судьба что-нибудь ужасное*. Я часто хотел писать к тебе об этом. Милый друг! Никогда не теряй из головы мысли, что нам надобно помогать, помогать друг другу переносить бурю; что несчастье должно соединить нас, что нам непременно должно быть вместе, когда начнется это испытание. Какое оно – не знаю. Но подумай о том, что были многие эмигранты, рассыпанные по всему свету революциею; взгляни на то, что происходит около нас, и вообрази возможности. И эти-то возможные времена должны соединить нас, если они настанут. Для двух несчастье не ужасно; двое могут иметь одну общую непоколебимую твердость, которой каждый из них один, может быть, и иметь не способен; в глазах и в руке друга – надежда и сила. Признаюсь тебе, иногда мысль о будущем приводит меня в уныние. Что, если предпринятая мною деятельность будет бесплодна? Но в этом случае надобно забывать будущее неверное, а только возможное; и я всегда говорю себе: настоящая минута труда уже сама по себе есть плод прекрасный. Так, милый друг, деятельность и предмет ее польза – вот что меня теперь одушевляет. Первая же моя недеятельность происходила, может быть, и от мысли, что я не могу быть деятельным. Теперь начинаю верить противоположному, ибо я нахожу удовольствие даже и в том, чтобы учить наизусть примеры из латинского синтаксиса, воображая, что со временем буду читать *Виргилия* и *Тацита*. Теперь главные занятия мои составляют: история всеобщая, как приготовление к русской и к классикам, и языки, пока латинский, а через несколько времени и греческий. В «Вестник» буду посылать переводы, ибо это необходимо для кармана. Между тем, чтобы не раззнакомиться с Музами, буду делать минутные набег на *Парнасскую область*, с тем однако, чтобы со временем занять в ней выгодное место, поближе к храму Славы. Три года будут посвящены труду приготовительному, необходимому, тяжелому, но улаждаемому высокою мыслию быть прямо тем, что должно. Авторство почитаю службою отечеству, в которой надобно быть или отличным, или презренным: промежутка нет. Но с теми сведениями, которые имею теперь, нельзя надеяться достигнуть до первого. И так, лучше поздно, нежели никогда. Тебе, как доброму другу моему, надобно желать одного: чтобы обстоятельства, по крайней мере в эти приготовительные годы, были благоприятны мне и не столкнули меня с дороги. А труд, который был для меня прежде тяжел, становится для меня любезен, и час от часу более. Я уверен теперь, что один тот только почитает труд тяжким, кто не знает его; но тот именно его и любит, кто наиболее обременен им. Вот мысль *Горация**, которая привела меня в восхищение, ибо теперь с отменного живостию чувствую истину, в ней заключенную:

Et nī

Posces ante diem librum cum lumine, si non
Intendes animum studijs et rébus honestis,
Invidia vel amore vigil torquebere.[39]

Не подумай однако, чтобы я хотел хвастать знанием своим латинского языка. Я прочитал это в переводе, а для тебя, как для латинуса, выписываю в оригинале.

Переписанных моих сочинений нельзя тебе скоро иметь: милая переписчица* улетела в Москву пленять все, что ей ни встретится, следовательно и переписывать ей некогда. А переписчика здесь нет. Терпение, милый друг. Что-нибудь подоспеет новое, тогда вдруг все получишь. Между тем мое «Послание» очень вертится у меня в голове, и я бы давно написал его, если бы не был рабом моего немецкого порядка, – и восхищению стихотворному назначен у меня час особый, свой. Но это восхищение как-то упрямо и не всегда в положенное время изволит ко мне жаловать. Между прочим, скажу тебе, чтобы поджечь твое любопытство, что у меня почти готова еще баллада, которой главное действующее лицо *диавол**, которая вдвое длиннее *Людмилы* и гораздо ее лучше. И этот *диавол* посвящен будет милой переписчице*, которая сама некоторым образом по своей обольстительности – *диавол*.

Но пора кончить. Надобно еще написать письмо к *Блудову*, который зовет, и напрасно, к сожалению моему, зовет меня в Москву. Я буду в Москве не прежде, как в конце декабря, и то на короткое время, и ты непременно в ней быть должен. В противном случае, милый мой *Миллер*, мы можем опять не увидеться, а это будет для меня очень грустно. Постарайся расположить дела свои так, чтобы тебе непременно приехать в Москву около Нового года.

В заключение письма две просьбы: первая, непременно увидеться с *Севериным** и попросить его для меня самым усердным образом об ответе на мое письмо. Он жалует на мое молчание, а сам пренебрегает отвечать мне тогда, когда бы надобно было тотчас, без всякого замедления, отвечать; ибо я, по прежней моей с

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya
ним приятельской связи, просил его об услуге, в точном уверении, что ему приятно будет для меня ее сделать. Его молчание для меня непостижимо и, признаюсь, несколько обидно. Можно ли таким образом переменяться? Покажи ему эти строки и попроси его, чтобы он объяснил мне, что я должен подумать о его молчании? – Антонский советует* мне ехать в Петербург и пользоваться случаем нашего министра юстиции*. Нет, я не поеду; не сделаю той глупости, которую вздумал было в начале последнего года сделать. Все уверяет меня, что наш министр и для своих приятелей министр. Он не имеет того расположения в душе, чтобы воспользоваться силою для добра тех, которых он ласкал и называл своими во время оно, и сделать это, избавив их от жестокого труда или, лучше сказать, от мучения выкланывать себе выгоду, и предупредив их своим добрым желанием, и приноровив свое об них попечение к их собственным желаниям и способностям. Он не Муравьев*, который два раза, не зная меня совсем в лицо, присылал у меня спрашивать, не может ли он мне быть полезен, и которого я не могу вспомнить без благодарного чувства... Но basta!

Зная теперь, как мне время дорого, ты должен без всякого отлагательства прислать мне латинскую грамматику и греческую. И ты много, много одолжил бы меня, если бы снабдил меня и Эйхгорном* и «histoire de la diplomatie».[40] На книги твои позволяю себе иметь полное право, и ты должен снабжать меня всеми, какие имеешь. Покупать их не могу, ибо я бедняк, а тебе должно быть приятно помогать мне в нужде. Только не медли!

8. 4 декабря <1810, Белев>*

Последнее твое письмо от 17 ноября. Оно служит ответом на мое сердитое. С тех пор ты уже успел получить два письма от меня, одно большое, другое с запискою о деле Екатерины Афанасьевны*. Прошло уже три почты с того времени, как я получил это последнее письмо твое, и от тебя нет ответа. Что причиною такой лени, любезный друг? Книгу Уварова я получил*, но при ней нет от тебя ни строчки. Кто же ленивее, ты или я? И от Блудова также нет ответа, а я ожидаю его с большим нетерпением. Что ж это значит? По-настоящему мне надлежало бы наказать тебя молчанием, но мне самому теперь молчать не хочется и писать к тебе совсем не тяжело для моей лени. Первое, скажу тебе, что я не совсем доволен последним твоим письмом. Что значит выражение: «Тебе не нужно заставлять меня перечитывать письма твои, я и без того читаю их сколько для удовольствия, столько для пользы». Неужели ты хотел мне сказать комплимент? Не знаю отчего, но это выражение мне очень не понравилось, и тем более что на следующей же странице доказал ты мне очень ясно его несправедливость. Если бы ты перечитывал письма мои для пользы, то непременно воспользовался бы дружеским моим наставлением и прислал бы мне Schlotzer's Weltgeschichte,[41] о которой я особенно писал к тебе в двух письмах, а не написал бы ко мне, что мне не худо бы было иметь между прочими и эту книгу. Ты критикуешь мой план исторического курса*; по длинному письму моему ты уже должен иметь об нем яснейшее понятие и, может быть, уже теперь со мною согласен. Прибавлю одно то, что ты напрасно мне представляешь примером Миллера. Он читал классиков и всему предпочитал источники, потому что уже имел в голове основу, которой я не имею и без которой самые классики вдвое менее будут полезны. К их чтению Миллер приготовлен был Геттингеном, а для меня не было Геттингена, и я должен был непременно быть несколько времени собственным своим учеником. Чтоб быть со временем чем-нибудь, мне надобно непременно начать сначала – трудно, скучно, продолжительно, однако необходимо. Я уже не могу надеяться достигнуть до учености обширной, но я могу приобрести хорошее образование, то именно, которое мне нужно по моей части, то есть по части искусств изящных. Надлежит только сделать хороший и экономный план учения, такой, чтобы не было употреблено пустого труда и время не пропадало даром. Об этом мы будем беседовать с тобою тогда, когда увидимся в Москве. Я буду в ней непременно в конце декабря; старайся и ты к тому же времени туда приехать; эта перспектива радует меня чрезвычайно. Заранее, однако, прошу тебя привезть мне из библиотеки своей все те книги, которые сочтешь для меня нужными; например, те, в которых могу я получить порядочное понятие о вспомогательных науках истории: статистику, политическую экономию, Staatsrecht,[42] географию и другие, не забывши и тех, о которых я просил тебя в моих последних письмах; ты сделаешь мне этим истинное благодеяние, а бедный карман мой избавишь от горестного убытка.

Прожект Уварова я прочитал и прошу тебя сказать ему от меня усердную благодарность за доставление этой книги. Мне приятно было узнать его со стороны его сведений, и он должен принадлежать, если не ошибаюсь, к числу необыкновенных людей из русских. Жалею только об одном: он разделяет, как видно, со многими несчастье предубеждения против всего русского и лучше соглашается не быть

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyyva оригинальным на французском языке, нежели унижить талант свой до русского и быть отличным писателем русским (если только, NB, он хочет быть писателем, на что, кажется, дают ему право его хорошие сведения, между русскими необыкновенные). Я очень далек от грубого восхищения à la Glinka*;^[43] но что же будет с нашим бедным отечеством, если мы все без изъятия будем пренебрегать его и восхищаться всем, что только не наше. Кому же и сделать любезным русское, как не людям с талантом, и особенно людям светским, соединяющим с остроумием и приятностию, приобретенными в кабинете. Что же касается до самого прожекта, то он делает честь изобретателю, но едва ли может быть очень полезен в России. Тогда бы, кажется, могли мы заниматься и с жарким рвением и с верною пользою рассматриванием литературы азиатской (привлекательной только для любопытства людей ученых), когда бы уже стояли на высокой степени образования; но где же у нас образование и где ученость? Выпишу одну статью из прожекта; она послужит неоспоримым его опровержением: *Et s'il est vrai, que nous sommes arrivés à l'une de ces époques, qui ne sont pas inconnues dans l'histoire de la civilisation, où l'esprit humain, parvenu au dernier terme de son abondance productive et ne pouvant plus suffire à la fermentation des idées, se replie sur lui-même pour recueillir de nouvelles forces par l'analyse de ses propres richesses: jamais la renaissance des études orientales ne pouvait rencontrer des circonstances plus favorables. Ce vif élan...^[44] и прочее (почти весь девятый параграф первой части). Si nous sommes arrivés,^[45] но мы еще очень далеко от этой эпохи. У нас еще никто не воображает, чтобы латинский и греческий языки были нужны для воспитания; мы еще не имеем порядочной русской грамматики. Это правда, что мы в сношении с такими народами, которые дошли уже до степени пресыщения в образовании умственном и которые необходимо должны требовать нового для того, чтобы оживлять умственную свою деятельность; но нам это сношение не дает еще права на равенство, и то, что может быть весьма полезно для наших соседей, то очень еще бесполезно для нас. В Германии, например, заведение Академии Азиатской привело бы все головы в движение; у нас займет оно несколько образованных голов, и то, вероятно, голов, покрытых немецкими париками, а всем вообще русским покажется странностию; и Академия Азиатская внутри России будет не иное что для русских, как храм, в котором совершаются таинства непостижимые я совершенно неприступные для профанов. И я почти уверен, что эта Академия, если она только будет основана, будет одно пышное имя и что литература азиатская не может еще быть привлекательна для такого народа, который не имеет литературы собственной, очень поверхностно знаком с литературой французскою и никакою идеи не имеет о древней, об английской и немецкой. У нас заведено и «Общество историческое»*; но что же оно сделало, это «Общество»? А предмет его русская история. Мы сидим еще за русскою азбукою, а хотим уже разбирать китайскую и проникать в глубину древнейшей истории тогда, когда у нас переведена только одна Миллотова всеобщая*, а оригинальная русская единственно та, которая издана для народных училищ. Можно ли при таком богатстве словесности воображать пресыщение и приметное желание приобретать новое? *Ce vif élan, cette force de produire и пр. ne caractérisent pas le siècle où nous vivons.*^[46] Это правда; но одно действие от разных причин. Соседи наши оттого не имеют деятельности живой, что они уже истощили свою деятельность, а мы оттого, что еще не начинали действовать; следовательно, нам не может быть прилично то, что будет прилично им. Им нужно новое, а нам еще нужно перейти тот путь, который они уже сделали; если же, напротив, будем стараться идти с ними наряду и действовать одинаково с неодинакими способами и силами, то будем в опасности ничего не сделать или все сделать очень худо. Хвататься за трудное, не приготовив себя к успешному его исполнению работою продолжительною, есть свойство русских, за которое должны они благодарить Петру Великому. В пример целой России могу поставить самого себя. Не зная азбуки, я принял за авторство; но авторство мое уверило меня, что надобно принять<ся> за азбуку. И я решился наконец последовать этому доброму совету, может быть несколько поздно; но лучше поздно, нежели никогда. Мы хотим заводить Академию Азиатскую, а наша русская Академия еще в колыбели! Не значит ли это, что мы уверены в своей зрелости; а эта уверенность не есть ли гибельное препятствие и самой возможности некогда сделаться зрелыми? Вот тебе мое мнение. Само по себе разумеется, что оно должно остаться между нами. Прожект будет переведен для «Вестника», ибо он может составить в нем очень любопытную статью; но замечаний на него делать не стану и не могу, ибо эта часть – как и весьма, весьма многие – неизвестна мне совершенно. В письме к тебе позволяю себе умствовать и криво и косо, но говорить пустяки перед публикою тяжело для совести.*

Остальные страницы надобно наполнить кое-чем о себе. Время мое и мои занятия идут порядочно; вообще чувствую себя счастливым; недостает одного – и этот

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya
недостаток очень бывает чувствителен – возможности сообщать мысли свои о том единственном предмете, которым занята моя душа беспрестанно, и чрез это общение оживлять в себе деятельность. Я окружен милыми людьми, ко всем им очень много привязан; но с этой именно стороны одинок, с которой особенно было бы нужно мне общество, и очень часто думаю, какое было бы для меня наслаждение, когда бы я мог жить или с тобою, или с Блудовым и когда бы мы общими силами трудились над усовершенствованием своего образования. Чтоб дать тебе некоторое понятие о моем теперешнем положении, выпишу одну статью из моей записной книги, статью, написанную с тем, чтобы сообщить ее тебе. Не думай однако, чтобы я вел порядочный журнал*: до этого совершенства в занятии я еще не достигнул, и не все то еще исполняется, что я хотел бы исполнить.

Ноября 22. Прежде в голове моей была одна только мысль: надобно писать! И я писал очень мало, потому что мой талант естественный всегда был в противоположности с моими способами; я невежда, во всей обширности этого слова. Теперь главная мысль моя: надобно учиться и потом писать, и я час от часу становлюсь деятельнее, по крайней мере час от часу сильнее желаю быть деятельным. Я имею теперь довольно твердости, чтобы отступить назад и начать сначала (*bélier, mon ami, commencez par le commencement!*), [47] дабы дойти до счастливого конца. Мысль, что я уже автор, меня портила и удерживала на ступени невезества. Между тем я внутренно был неспокоен и не мог быть счастлив своим положением; ибо то, что я делал, необходимо должно было казаться мне пустым, а неуверенность в собственных силах лишала меня утешительной надежды на успех. Решившись приобрести сведения основательнее, я сделался и спокойнее и счастливее. Приобретение сведений есть само по себе уже наслаждение, а имея в виду прекрасную цель, это наслаждение удваиваешь: настоящее украшается будущим. Вот два месяца, как работы мои идут порядочно, как я доволен собою, спокоен, внутренно весел. Думаю, что эта привычка к порядку, любовь к деятельности и постоянство в преследовании одного предмета более и более будут во мне укореняться. Эти два месяца более познакомили меня и с самим собою. Теперь я сделался доверчивее к своему постоянству. Прежде казалось мне, что я совсем не имею памяти и что учение для меня труд напрасный; но теперь начинаю думать, что моя беспамятливость по большей части была следствием душевной недеятельности или слишком беспорядочной в деятельности: каждую минуту рождалось новое занятие, не связанное с предыдущим и часто ему противное; одно истребляемо было другим. Могло ли что-нибудь после этого в голове остаться? Теперь в работах моих постоянство; нет беспутного разнообразия, и память во мне рождается. Надобно осудить себя на несколько лет ученической деятельности или приготовительной, дабы набрать сведения; надобно не скучать трудностями, более всего дорожить временем и твердо держаться порядка. Теперь утешает меня особенно то, что работать или мыслить о работе есть обыкновенное, всегдашнее мое положение. Работа – средство к счастью, она же и счастье. Я открыл в себе и способность дорожить временем (способность, которую, однако, надобно поболее усовершенствовать), а прежде время летело между пальцев. Между тем работа, приносящая пользу и соединенная с некоторым успехом, удивительное имеет влияние и на самое моральное состояние души. Никогда я не был так расположен ко всему доброму и во всех других отношениях так хорош, как теперь: главное дело мое идет как должно, следовательно и все постороннее, но с главным более или менее имеющее связь, должно быть необходимо в таком же порядке. Все другие должности сделались для меня любезнее. И не должно ли из этой привычки к труду выйти наконец и большее совершенство моральное; следовательно, трудясь, не достигну ли к верховной цели человека? О! как благодарю ту минуту, в которую сделался счастливый перелом моих мыслей, в которую я сказал самому себе: «Ты отчаиваешься, что потерял много времени и теряешь надежду; но кто же мешал исправить потерянное? Сделай, что можешь сделать; только трудись и трудись постоянно!» Мое настоящее положение весьма может быть названо счастливым. Посредственность состояния не ужасает меня, богатство не кажется мне прелестным; связи мои с матушкою становятся для меня драгоценны; имею добрых друзей, которые меня любят; остается быть достойным и их и себя, – а средство: деятельность в том малом круге, который я для себя назначил. Прежняя моя лень весьма много происходила и от любви, которая составляла царствующую в голове моей идею и всему прочему была тираном. Теперь и любовь уступила трудолюбию. Одного бы желал, одного бы просил от бога: не слишком быть озабоченным своим состоянием, иметь необходимое, но иметь верное. Надобно себя приучить к расчетливости, если можно и к скупости, ибо скупость в моем состоянии есть добродетель. Одну половину из составляющего прямое богатство я имею: нежелание многого; надобно присоединить к ней и другую: умение дорожить малым и с ним согласовать образ жизни. Надобно укоренить в душе утешительную мысль: тихая, скромная жизнь,

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya
употребляемая на исполнение должностей и на труд полезный, есть самая счастливая, и бог благословляет ее всегда, и успех с нею неразлучен. У меня теперь две должности: работать для того, чтобы быть автором (с этим неразлучно и собственное образование); действовать для счастья матушки, иметь его в виду беспрестанно; но и эта последняя тесно соединена с первой, ибо все мои средства соединяются в авторстве. Авторство мне надобно почитать и должностью гражданскою, которую совесть велит исполнять со всевозможным совершенством. Теперь не могу исполнять ее как бы надлежало, ибо я невежда; но я могу исполнять ее со временем, следовательно и самый приговорительный труд есть некоторым образом уже исполнение. Итак – деятельность! А предмет ее – польза! А награда за нее – слава, счастье! Это повторять себе каждую минуту и приучить себя не уважать временными неудачами или худым расположением к работе, которые почитать только временными остановками, долженствующими случаться реже по мере прилежания к работе, что я испытал уже и над собою.

Длинная моя рапсодия не должна тебе скучать: я записал все это в свой журнал с тем, чтобы к тебе доставить, и переписывать было для меня чрезвычайно приятно. Вообще этот журнал, в котором написано у меня еще очень, очень немного, заступает для меня место откровенного друга, с которым я разговариваю в минуту необходимости сообщения мыслей, следовательно и все записанное в нем принадлежит тебе по праву. Прибавлю еще одно, то, о чем я уже несколько раз думал к тебе написать и что всегда уходило у меня из памяти. Состояние мое не совсем может назваться хорошим; небольшая сумма денег, из которых некоторая часть отдана в неверные руки, не может меня совершенно обеспечить; боюсь, чтобы тягостные заботы о состоянии не принудили меня сойти с дороги, мною выбранной, и не бросили меня на такую, на которой я не надеюсь быть счастливым. Делаю тебя с этой стороны своим Промыслом. Прошу тебя, мой милый друг, думай иногда и о том, чтобы доставить мне такое место, в котором я мог бы, имея жалованье, заниматься собственным. Я не имею нужды в чинах и других выгодах, лишь бы иметь несколько таких денег, которые не должно было бы выработать; все это не так необходимо теперь, как через год или через два; но знать это не худо заранее, дабы не упустить благоприятного случая. Обязанность об этом думать и хлопотать поручаю тебе и Блудову. Не будет ли для вас большим наслаждением, если вы доставите Жуковскому несколько способов к его счастью? Например, место при какой-нибудь библиотеке было бы всего для меня выгоднее. Еще раз повторяю: место мне нужно только для того, чтобы работать с большею беззаботностью; ибо служба для меня не цель, а только средство. Теперь, пока я обеспечен «Вестником», ибо я в нем участвую, хотя уже не буду иметь имени издателя (что для меня весьма выгодно); но со временем могу и этого средства лишиться; следовательно, нужно иметь что-нибудь вернейшее. Советую вам, добрые мои друзья, Миллер-Тургенев и Лагарп-Блудов*, составить между собою академию дружбы, которой цель должна быть: изыскание статистическое, филологическое и микроскопическое способов доставить вашему Жуковскому верное состояние; определите для съездов ваших один день в неделю, например несколько утренних часов в воскресенье (помни день субботний, святити его), и в эти часы говорите, думайте, и рассуждайте, и действуйте для моей пользы. Такая академия едва ли не будет полезнее азиатской; и в самом деле: вы сделаете пользу мне, а я – я буду полезен целой России. Говорю это не шутя, ибо я могу быть и буду хорошим писателем.

От Северина все еще я не получил ответа; попеняй ему хорошенько. Признаюсь тебе, это молчание меня жестоко сердит. Канцелярия министров портит людей, и Северин уже почитает себя человеком весьма важным: ему некогда отвечать приятелю своему на такое письмо, в котором он отважился обременить его просьбою. И мне молчание Северина тем досаднее, что я чрезвычайно хотел бы услужить тому человеку, о котором я к нему писал. Похлопочи, любезный друг, о милостивом ответе.

О деле Екатерины Афанасьевны также от тебя не знаю; а пора бы чему-нибудь решительному уже сделаться. Ты спрашиваешь у меня, кто по этому делу хлопочет. Ты один, любезнейший друг. Вместе с тою запискою, которую я тебе доставил, послана и просьба в банк, на которую надобно выходить благоприятное разрешение; а выходить некому, кроме тебя. Следовательно, решишь еще раз вооружиться деятельностью и напади на того чудака, который уже выдержал первое твое нападение с некоторым уроном для стороны правой. По крайней мере отвечай мне по этому делу удовлетворительным образом.

Наше свидание в Москве веселит меня заранее, и вот мой план. Я буду жить у Соковнина; работы мои будут идти тем же порядком, каким идут теперь; с пяти часов утра до шести после обеда буду сидеть за делом, но каждый день в шесть

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya часов после обеда ты должен будешь ко мне приезжать (не ранее и не позже), и мы или будем сидеть очень весело дома, или будем вместе ездить к Карамзину или куда случится. Только непременно надобно нам видаться всякой день и ездить ко мне тебе, а не мне к тебе, ибо (важное NB) я не намерен нанимать лошадей. (Не правда ли однако, что я становлюсь расчетливым немцем и в деньгах и в расположении времени, хотя, увы, эта расчетливость еще по большей части только на словах, а не на деле?) Одним словом, любезнейший мой Миллер, ожидаю приезда твоего в Москву с нетерпением, и наши дружеские, искренние разговоры восхищают меня заранее. Как бы хорошо было, если бы с тобою прилетела и милая рожица Блудов! Но и для него важный закон шести часов непреложен. Заклучу письмо свое обыкновенным рефреном. Перечитай все мои письма не для своей, а для моей пользы; выпиши из них на особую бумажку все те книги, о которых я тебя просил, не забыв и росписи Шлёцеровых сочинений, в которой я некоторые книги отметил карандашом; отбери назначенные книги; что понужнее, пришли, а что не так нужно, привези с собою, не забыв, однако, приложить к этой сумме и тех книг, которых я не назначил, но которые ты сам сочтешь для меня нужными. Если все это исполнишь, то я поверю, что ты перечитываешь письма мои для своей пользы. Пользы! Какой чудак! Но разве я пишу к тебе эпистолы à la Senèque?*[48] А далее какое пышное приветствие: «Досуги твои для меня священны! Я не простил бы себе, если бы был причиною потери твоего времени. Оно так дорого для любящих русскую словесность». Не стыдно ли тебе говорить со мной таким языком? Прошу тебя, мой милый Миллер, иметь обо мне понятие настоящее, следовательно не слишком высокое, ибо для меня будет больно, если ты будешь на мой счет обманываться, хотя бы то было в хорошую сторону. Я желаю, чтобы твое понятие обо мне было для меня самым верным зеркалом и чтобы оно не украшало меня в собственных моих глазах. Мне всегда было неприятно, когда и посторонний ценил меня выше того, что я стою; а от доброго друга это еще неприятнее. Между тем латинской грамматики все еще нет. Досуги мои не очень же для тебя священны. Я, кажется, в первый раз писал к тебе о грамматике в августе, вот 4-е декабря! Если бы я, понадеявшись на аккуратность твою, вздумал отложить попечение о латинском языке до радостного прибытия Бредерова*, то слишком бы мало воспользовался священными досугами. Нет ли у тебя «Geist der Hebräischen Poesie» von Herder?*[49] И Саконталу желал бы прочитать*. Projet[50] Уварова напечатан будет в 1 № генваря месяца. Прежде невозможно. Обнимаю тебя от всего сердца. Еще раз прошу тебя – кажется, что я уже об этом просил – выручи у Андрея Сергеевича Шлёцеров манускрипт*: Записки о жизни его отца. Он взялся было перевести его в «Вестник» с дополнением; но и меня лишил этого перевода и сам ничего не сделал. А Шлёцер, который написал этот отрывок по моей просьбе, досадует на меня и требует, чтобы я возвратил ему манускрипт. А мне досадно на Андрея Сергеевича: взяться за такое дело, которого исполнение могло бы быть для него очень приятно, не исполнить его и меня ввести в нареkanie – это не совсем в порядке вещей. Прости еще раз. Это длинное письмо и предыдущее, которое было не короче, обязывают тебя написать ко мне поболее, и жду твоего ответа с нетерпением<м>. Но это письмо также и для Блудова, которому также советую не мучить меня своим молчанием. В теперешних обстоятельствах ему стыдно не написать ко мне ни слова.

9. 9 апреля <1813, Муратово>*

Я писал к тебе, милый друг, маленькое письмо с Ланцом*, на которое не имею ответа. Получил ли ты его и не сердись ли на меня за мое молчание? Оно может только быть извинено моею истинною к тебе дружбою, которой ничто никогда ослабить в душе моей не может. Она еще увеличилась с недавнего времени благодарностию. Мне сказывал в Орле Абаза, и потом из письма твоего к Ив<ану> Владимировичу*, у которого я был в деревне, узнал я, что ты посылаешь ко мне в Вильну курьера. Я был болен порядочною горячкою и вылежал 13 дней в постеле. Слабость заставила меня взять отпуск, ибо я никак не мог следовать за главную квартиру: путешествие в маленьких санках и в сырую весеннюю погоду могло бы возобновить горячку, которая была бы, вероятно, смертельная. Жаль мне, что твой курьер не застал меня в Вильне; я потерял одно из самых чувствительных удовольствий. По крайней мере напиши ко мне в Орел. Сколько перемен во все то время, в которое ты не получал от меня известий! Мог ли бы ты вообразить, чтобы я когда-нибудь очутился во фрунте* и в сражении? Происшествия нынешнего времени делают все возможным. Впрочем, не воображай, чтобы я сколько-нибудь был знакомее прежнего с военным ремеслом. Вся моя военная карьера состоит в том, что я прошел от Москвы до Можайска пешком; простоял с толпою русских крестоносцев в кустах в продолжение Бородинского дела, слышал свист нескольких ядер и канонаду дьявольскую; потом, наскучив биваками, перешел в главную квартиру, с которою по трупам завоевателей добрался до Вильны, где занемог, взял отпуск бессрочный и теперь остаюсь в нерешимости: ехать ли назад или остаться? Мне дали чин*, и

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya
наверное обещали Анну на шею, если я пробуду еще месяц. Но я предпочел этому
возвращение, ибо записался под знамена не для чина, не для креста и не по
выбору[51] собственному, а потому, что в это время всякому должно было быть
военным, даже и не имея охоты; а так как теперь война не внутри, а вне России,
то почитаю себя вправе сойти с этой дороги, которая мне противна и на которую
могли меня бросить одни только обстоятельства. Не знаю, будешь ли ты согласен со
мною и оправдаешь ли мой поступок? Я желал бы узнать искреннее твое мнение. Оно
решило бы меня и успокоило: ибо иногда приходит мне в голову, что мне никак не
для чего здесь оставаться, хотя я и уверен, что буду там совсем бесполезен, что
потеряю остаток своего имения, которого уже почти половину истратил (ибо мой
поход стоит мне денег!), и что, наконец, потеряю драгоценное время, которое мог
бы употребить с большею пользою. Одним словом, прошу тебя сказать мне, что ты об
этом думаешь. Мнение твое в этом случае будет для меня законом. Ведь ты знаешь,
что такое друг:

Он наша совесть!* Он для нас
Второе провиденье!

И я это писал, думая о тебе. А propos. «Певца» ты напечатал в Петербурге*. Я
некоторые места поправил, и жаль, если твой экземпляр напечатан по старому
стилю; жаль, если в этом экземпляре остался Чичагов, которого я выкинул* после
той проказы, которую он с нами сыграл на переходе Березиной. Пришли мне этот
экземпляр и все, что есть хорошего на случай нынешних побед. И мне хочется
кое-что написать, тем более что имею на это право, ибо я был их предсказателем:
многие места в моей песне точно пророческие и сбылись à la lettre.[52] План
давно сделан, но все мешает нездоровье и худое расположение. Напиши ко мне
поскорее и поболее. Твое письмо будет для меня вместо энтузиазма. Скоро буду
опять писать.

Прошу тебя поспешить доставить мне экземпляр моих стихов. Я удивляюсь, что по
сию пору не имею никакого известия от Ланца. А мой адрес по старому: в Белев.

10. 1815, февраля 1-е <Москва>*

Ответ на все твои письма. Наконец имею свободную минуту и могу с тобою говорить
на просторе. За твои хлопоты о моем «Послании»* не нужно мне, кажется, тебя
благодарить. Чувствую по себе, как тебе это весело. И ничто меня так не радует,
как то, что ты был щецом моего «Послания»*. Слава – доброе дело, а слава из рук
друга есть сокровище. Эта слава есть счастье, и в ней, право, самолюбие мало
участвует. Она напоминает о любви, о товариществе и приобретает лучшими
наслаждениями, то есть уединенным трудом, который успокаивает и возвышает душу.
Такая слава есть награда всего доброго. А я себе часто говорю (не знаю только,
буду ли в состоянии исполнить): «Живи, как пишешь!» То есть и в том и другом
одинакая цель и одинакое совершенство. Чтобы человек моральный не был несходен с
человеком с талантом. Самые замечаемые мною ошибки и замечаемые другими ошибки в
том, что я написал, только пробуждают во мне надежду написать что-нибудь лучшее,
а нимало не отымают у меня бодрости. Думая о тех немногих людях, которые на меня
смотрят, которые меня любят и мною радуются, я сам радуюсь, что имею талант, и
мысль об них ободряет меня. Если вы не дадите мне счастья вашу дружбу, то
часто, часто заставляете забывать тяжелое горе*, тем более тяжелое, что оно
скрытое и нередко бывает самое унизительное. Мне часто бывает нужна помощь
извне и от руки милой, чтобы о себе вспомнить и не совсем упасть духом. Ты
спрашиваешь у меня в одном письме, что причиною возобновившейся во мне надежды?
Брат, я говорил не об надежде. Впереди не вижу для себя ничего доброго. То, что
мне нужно, едва ли когда сбудется. Жаль, что мы не вместе: на письме всего не
скажешь, а сказать бы все надобно. Прошедший год был для меня весьма бурный. Ты
уже знаешь, что я писал к Арбеновой, вообразив, что она, имея влияние на образ
мыслей матери*, может склонить ее на мою сторону. В этом я ошибся. Она сперва
воспламенилась было весьма сильно; потом монах все расстроил*, испугал ее богом
и чертом, и она написала к матери против меня. Это произвело между ею и мною
объяснение, и мы было расстались. Воейков вошел в семью*, а я из нее вышел. Я
писал к матери несколько раз и наконец требовал, чтобы, если уже не может всего
сделать, по крайней мере сделала бы все, что в ее власти, что я отказываюсь от
всякого требования, не согласного с ее образом мыслей, с тем только, чтобы мы
были вместе, чтобы я пользовался полною доверенностью, мог быть счастлив в
семье, не был розно с нею*, напротив, имел бы всю возможную с нею свободу, не
был принужден ничего таить, тем более что ей (то есть матери) известно все и что
большого, при полной доверенности, она бояться не может. Это обещание, как ни
трудно, я мог бы исполнить. Я люблю Машу (с тобою можно дать ей это имя), как
жизнь. Видеть ее и делить ее спокойное счастье есть для меня все, и для нее

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya также. Но характер матери не таков. Она не может возвыситься до этой чистой, благородной доверенности, на которую и я и Маша имели бы полное право, если бы только не принуждены были беспрестанно скрывать того, что у нас в душе. Одним словом, мать согласилась, чтобы мы опять были вместе; но тех условий, на которых это вместе было бы для нас счастьем, она не держит и едва ли способна сдержать. Брат, мы живем вместе, а между нами бездна недоверчивости. Христианство (по ее словам) заставляет ее отказать нам в нашем счастье; а того, что составляет характер христианки, она не имеет, той любви, которая заботится о чужой судьбе, как о собственной. Каждая минута напоминает мне только о том, чего я лишен, нет никакого вознаграждения. На нашу потерю смотрит она холодными глазами эгоизма. Нет никакой отрады. Мы не можем подойти друг к другу свободно. Это положение ужасно, а выйти из него нет силы. Боже мой! Я не могу хотеть и искать своего отдельного счастья. С вами, с друзьями сердца, с верными товарищами жизни, я был бы счастлив: то есть и уважал и делился бы всем, что есть хорошего в душе, без всякого принуждения; не было бы ужасной, противной сердцу необходимости носить на лице маску, – словом, я был бы с вами я; но я не могу и не хочу на это решиться. Лучше страдать и погибнуть вместе, нежели искать своего счастья. И может ли быть для меня свое счастье? Я бы себя возненавидел и рад бы разбить себе голову первую пулею, если бы мог быть на это способен. Теперь вопрос: что же будет с нами, с нею и со мною? Дойти ко гробу дорогою печали. Более ничего! Сердце рвется, когда воображу, какого счастья меня лишают, и с какою жестокою, нечувствительною холодностию. Хотя бы показали, что им жаль разрушать это счастье! Но его топчут ногами, и смеются, и еще думают, что угождают богу! В иные минуты мне жаль своих старых надежд на смерть. Я об ней думал с наслаждением; теперь и того себе не позволяю. Это была бы неблагодарность за любовь, которую ангел ко мне имеет. Эта любовь самая чистая, без всякой примеси низкого; ее никто понять не может, а она была бы счастьем, когда бы эгоизм не отравлял ее ежеминутными оскорблениями. Об Воейкове я писал к тебе в дурную минуту. Не имей об нем дурных мыслей. Он любит меня, и я этому верю, и мне нужно верить: мы будем жить вместе. А думать одно и показывать в поступках другое не могу; следовательно, верю ему и хочу верить. Он мне большая подпора. То, что ты назвал моими новыми надеждами, состояло в том, что мать опять позволила мне жить вместе и что я вообразил, что она будет поступать с нами так, как я этого желал. Первые дни были довольно хороши, и я надеялся, что в будущем еще лучшее мне готовится. После этих дней все они уехали в Тамбов, а я остался в Белеве и прожил почти один – с милыми немногими людьми, с которыми душа свободна и которые во всем моем берут участие. Эти два месяца были самые счастливые. Их оживляла надежда на лучшее, и я написал много, столько, сколько не писал никогда. Они возвратились, и принужденность опять возвратилась. И теперь едва ли я не уверен, что старое (то есть унижение, одинокая горесть, принужденность быть вместе и всякую минуту чувствовать, что мы розно, и еще тысяча подобных тяжелых горестей), словом, ужасное старое будет по-старому. Вот с какими надеждами еду в Дерпт, и там уже точно не будет ни в чем отрады, кроме одной мысли, что я с нею, что нам одна судьба и что я должен и могу эту судьбу считать как за испытание, как за средство быть лучшим. Такая мысль в иные минуты ободряет. Но часто душа разорвана в клочки. И рвут ее с такою холодностию, которая меня иногда выводят из себя. Все, что я здесь написал, не даст тебе полного понятия об моем положении; но что-нибудь ты понять можешь. По крайней мере можешь понять, что я несчастлив, и самым убийственным образом. То, что мне дает тень надежды, кажется мне самому химерою сумасшедшего. Мне кажется иногда, что государыня, которая уже что-то обо мне знает, могла бы дать нам счастье. Но вероятно ли, чтобы так могла она заняться моею судьбою? А здесь нужна осторожность. Матери самой уже известно, что государыня знает обо мне. Она сочтет за особенное для себя достоинство отказать и государю на его требование, если бы и он вступился. Но и мне как желать принужденного согласия? Я знаю характер Маши. Она была бы несчастлива. Что ж за польза из одной бездны перевести ее в другую и еще быть самому причиною ее страдания? надобно бы действовать на мнение матери: опровержение предрассудка, приходящее с трона, было бы весьма убедительно. Если бы подкрепить его мнением кого-нибудь из наших святителей и архипастырей и прочее и прочее, тогда бы нечего было говорить, и совесть бы замолчала. Вот в чем дело. Я ей брат, то есть брат матери; но закон не дал мне этого имени. Закон письменный противится бракам между родными; но родства в натуре нет. Та же религия представляет этому примеры: Авраам женат был на родной сестре, а он предок Мессии, следовательно его брак по натуре не есть преступление. Натура и бог не противятся этому браку; противится ему один закон человеческий; но, чтобы закон человеческий ему противился, надобно, чтобы закон его и определил. Закон не назвал меня ее братом, следовательно подхожу под один закон природы; а он не против меня. Лютеранская же религия и римско-католическая разрешают браки и

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya между родными, наименованными самым законом общественным. Вот тебе канва моих мыслей об этом предмете. Если бы могли это растолковать матери с трона, если бы это было подтверждено каким-нибудь голосом, идущим из-под ряссы, тогда бы она могла и сама согласиться, тем более что она не имеет никаких ясных и определенных понятий, а действует по какому-то жестокому побуждению фанатизма. Вообрази, брат, как бы я был счастлив; подумай о всей будущей жизни моей. Подумай, что для меня уже теперь ничто не переменится и что я не могу думать об отдельном своем счастье, которого для меня быть не может, и сделай все, что можешь.

Как мне жаль, что я в проезд мой в Дерпт с тобою не увижусь. Но буду непременно в Петербурге в марте или в начале апреля. Все они уехали уже в Дерпт*, а я остался еще дней на 10 в Москве. Не заеду в Петербург теперь оттого, что хочу скорее их увидеть и узнать, каково они доехали. Я отпустил их не совсем здоровых. Но в марте буду у тебя непременно. Ты между тем думай обо мне. Если можно, представь мое положение государыне в настоящем его виде. Может быть, дерптская жизнь моя будет лучше, нежели как я себе ее представляю. Но если она будет такова, какою мне видится в иные минуты, то и я и Маша пропадем. Прощай тогда и талант и слава! Хорошо, когда бы можно было сказать, без неблагодарности: «Прощай и жизнь! Так и быть! Поверю судьбу свою дружбе».

Пора кончить. Это письмо покажи Блудову. Он имеет на него право. Я еще ему не отвечал на его письмо, право, не от лени. Я благодарю его за это письмо, как за подарок. Оно обрадовало меня и ободрило (с'est le mot).[53] Уважение к другу есть счастье и дает привязанность к жизни. Люблю его более, нежели когда-нибудь, и с каким-то новым чувством. Но об этом скажу ему самому.

При отъезде своем из Москвы пошлю к тебе полное собрание своих стихов, переписанное мною для печати. Но их не начинай печатать до свидания со мною. Многие надобно поправить вместе и вместе распорядить.

Поправки «Послания»* пришлю на следующей почте. Вы уже получили некоторые. В нем много недостатков, но всего и поправлять не нужно. Лучше написать что-нибудь новое. Тебе я на свой счет не верю: ты слишком уже восхищаешься моим *soit disant*[54] гением. «Певца» я написал почти совсем* и дописал бы, когда бы не помешала зубная боль. Но я им не весьма доволен. Кончу однако; но когда, не знаю. Пришлю его из Дерпта.

Прошу тебя поблагодарить от меня Юрия Александровича* за его ко мне благосклонность. Буду к нему писать сам, но теперь некогда.

Дашкова обнимаю*. Я ему должен письмом.

На это письмо не отвечай мне, пока не получишь от меня письма из Дерпта. Здесь твой ответ меня не застанет, а в Дерпте он не должен меня ждать, потому что без меня могут его прочитать те, которым он не должен быть известен. И вообще во всех твоих письмах все, что касается особенно до меня, пиши на особой странице.

Прости. Уведомь, что вы придумали с Уваровым. Если государыне угодно, чтобы «Послание» было напечатано в мою пользу, то я очень этому рад. Постарайся об моем кармане. Мои все доходы улетели к черту, и я теперь никаких, кроме своих пяти пальцев, не имею в виду. Надежда на издание моих стихов.

11. <В последних числах июня 1826, Эмс>*

Не умею изъяснить твоего молчания и не могу никак с ним помириться. Ни ты, ни Вяземский не вспомнили обо мне в минуту несчастья! Но я не хочу обвинять, когда надобно вместе плакать. Вы, верно, ко мне писали; куда делись письма и как они могли не дойти ко мне, не понимаю. Вообрази мое положение – узнать из газет, что Карамзина нет на свете*. И вот все, что я знаю! Но что сделалось с ними?* И как это бедствие на них грянуло? Каково это воображать и не иметь ниоткуда помощи! Его я проводил сердцем в лучшую жизнь, уже покидая Россию. Об нем могу думать, как об ангеле, которого только лице для меня закрылось. Но сердце его никогда не потеряет. Он был другом-отцом в жизни; он будет тем же и по смерти. Большая половина жизни прошла под светлым влиянием его присутствия. От этого присутствия нельзя отвыкнуть. Карамзин – в этом имени было и будет все, что есть для сердца высокого, милого, добродетельного. Воспоминание об нем есть религия. Такие потери могут делать равнодушным только к житейскому счастью, а не к жизни. Кроме счастья, есть в жизни должность. Тут мысль об нем есть подпора – перед глазами

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya ли он или только в сердце. Он жив, как вера в бога, как добродетель. Его потерять нельзя – лишь только надобно быть достойным его. Но что они? Неужели мне еще долго не иметь известия? Не понимаю, как я мог его не иметь. И не могу решиться подумать, чтобы вы могли забыть обо мне при таком несчастье. Я в Эмсе останусь еще три недели, до первого августа нового стиля. Успеешь ли в это время получить мое письмо и ответить на него, не знаю. Но неужели надобно было дожидаться письма моего, чтобы писать ко мне? Разве вы не знали, что я еду в Эмс? И разве нельзя было написать ко мне прямо в Эмс *poste restante*?[55] Во всяком случае напиши уже в ответ на это письмо прямо в Эгру *poste restante*. В Эгре буду около половины августа н<ового> с<тиля>. – Где он погребен? На кладбище или в церкви? Если на кладбище, то надобно купить поболее места около гроба. Надобно украсить это место. Похлопочи об этом. – Прости. В Петербурге ли Вяземский? Обнимаю его с сокрушенным сердцем. Неужели он имел несчастье приехать поздно? Напишите, ради бога, как можно подробнее. Что думают они делать с собою? Остаться ли в Петербурге или уехать, и куда? Я бы желал, чтобы они переехали в Дерпт для детей. Там найдут хороших учителей. Воспитание детей будет занятием, достойным его памяти, но не рассеянием. Мое здоровье поправляется.

12. 20 ноября (2 декабря) <1827, Петербург>*

Вчера получил твои письма с Хлюстиным*; вложенное к Жихареву* отправил. Портреты и прочее отправлю с кем-нибудь или оставлю у себя и приложу к прочим бумагам твоим и книгам, кои хранятся у меня. На что тормозить их и хлопотать о пересылке? Почему всему этому не быть у меня? Хлюстин мне очень понравился. Он напоминает своим умным лицом своего дядю; говорит приятно и, кажется, со сведениями; хочет быть дипломатом. Это, я думаю, теперь затруднительно. Уж и так слишком много в иностранной коллегии. Я советую избрать министерства внутренних дел или просвещения. Но надобно, чтоб он был употреблен приятным для него образом.

В отрывке, присланном тобою*, где говорится обо мне, есть много для меня трогательного. У него открылось теперь, кажется, какое-то дружеское чувство ко мне*, которого я не предполагал, а по письму графини* вижу, что он его имел ко мне и прежде. Но он до сих пор или, лучше сказать, в то время, когда мог видеть меня глазами, смотрел на меня как на какого-то потерянного в европейской сфере. Ни моя жизнь, ни мои знания, ни мой талант не стремили меня ни к чему политическому. Но когда же общее дело было мне чуждо? Я не занимался современным, как бы было должно, – это правда, и теперь вижу, что мне многого недостает в моем теперешнем звании; ибо теперешние занятия пожирают все внимание, все сердце и все время. На внешнее могу только заглядывать изредка, урывками. А знакомство с ним необходимо для верности, солидности и теплоты идей. Я живу теперь для одного исключительно* и одно только имею беспокойство, часто мучительное, хорошо ли сделаю свое дело? Других беспокойств нет никаких насчет себя, ибо ничего себе не ищу. По сию пору я почти ни с кем не виделся здесь, в Петербурге. Время, время всего дороже. Но это мне может со временем повредить: отдалит слишком от существенного, сделает чуждым современному и поселит в характере дикость, к которой я и без того склонен. Видаю только Козлова*, и то не часто. Манускрипт его лежит у меня*. Я говорил о издании с теми, кто знает это дело, особенно с Дашковым, Блудовым и также Слёниным*. Одно слово: теперь выдавать нельзя. Расположение читателя неблагоприятно этой поэме. Дух ее прекрасный – трогательно и разительно. Но историческая часть неудовлетворительна и быть не может удовлетворительна. Таково их мнение. Оно меня и останавливает. Иначе я бы решился издать от себя, но боюсь повредить Козлову. Как на это решиться? Отдал поэму Полетике* (он не знаток литературы, но имеет здравый смысл и принимает участие в Козлове); он говорит мне, что я бы мог решиться на издание от себя, что он вреда Козлову не предвидит. Я в этом случае, однако, плана не делаю. Представится случай благоприятный, воспользуюсь им и поступлю по вдохновению минуты. Но этого ни предвидеть, ни наперед расположить нельзя. – Думаю о тебе с грустью. Еще нет от тебя ответа ни на одно письмо мое. А я уже из Петербурга написал, кажется, пять писем. Я прошу тебя поверить мне насчет Н<иколая>. Кажется, что я его понимаю. Важнейшее для него будет, если ты будешь с собою ладить. Ты слишком мало берешь над собою воли; ты предаешься произвольно тому, что тебя страшит или бременит. Это, право, противно и твоему достоинству и особенно твоей любви к живому брату и памяти по мертвом*. И следствие этого ощутительно: ты падаешь духом. Должно ли же это так быть? Сравни себя с другими в этом же положении. Ты должен, должен владеть собою: другого спасения нет! Это ты можешь; следственно, это должно быть. Помни одно: не надобно прибавлять к судьбе брата, в которой есть для него утешение, такого, что не оставляет уже никакого утешения, то есть твоего упадка, в котором он должен будет упрекать

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya себя.

Обними за меня графиню. Скажи ей, что я говорил с Ламбертом, который усердно хлопочет по делу ее. Нынче пишу ему, к Жихареву. – Вот что пишет Жихарев о Киндякове. Прилагаю выписку или самый отрывок. Сапог один или два без колодки послал* дней десять тому с курьером. Один с колодкою остался у меня.

Ж.

13. 27 ноября с<старого> ст<иля> <1827, Петербург>*

По сию пору не имею от тебя никакого отзыва на мои к тебе письма. Получаешь ли ты их или нет, не знаю. Отдано ли письмо мое Корфу?* Получил ли сапог? Получил ли другие письма? Для чего не скажешь ни слова? Твои все получены. По крайней мере многие. Я на последние, полученные с Хлюстиным, также, кажется, отвечал. С тех пор ничего от тебя не имею. Желал бы, чтобы написал что-нибудь решительное о том, что ты намерен на первое время делать. Думаю, что для твоего душевного спокойствия тебе всего лучше остаться долее в Париже: письма от брата будешь получать часто и скоро. Это для тебя главное.

В немногих словах скажу о себе: живу очень уединенно; всегда почти обедаю дома, изредка бываю в людях, на это у меня определен час после обеда, между 6 и 8. Остальное время за делом. У Карамзиных обедаю по воскресеньям. Всегда говорится о тебе. Третьего дня обедал у Строганова*; он для тебя совершенно тот же, каков был в Дрездене: нельзя не иметь к нему душевного почтения; в нем много сердечного жара.

Я тебе ничего не сказывал о Пушкине. Он давно здесь. Написал много. Третья часть «Онегина» вышла*. Доставлю ее тебе с Белизаром, который скоро едет в Париж (он заступил место Сен-Флорана)*; также пришлю и вышедшие недавно сочинения Баратынского*. У Пушкина готовы и 4, 5 и 6 книги «Онегина»*. «Годунов» превосходное творение; много глубокости и знания человеческого сердца. Где он все это берет? Но боюсь, чтобы легкость писать не обратилась в небрежность. Он часто позволяет себе быть слишком прозаическим. Козлова поэма все еще не вышла*. Третьего дня я виделся с Слениным, который сказал мне, что покажет ее Глазунову*; не знаю однако, будет ли Глазунов, с коим он уже говорил, ею интересоваться. Он обещал дать ему манускрипт и сказать, чтобы поговорил со мною. Но я уже говорил с Глазуновым и сообщил ему, что думаю о поэме и о поэте. Не в них дело, а в том, какое теперь расположение читателя. Оно неблагоприятное. Полетика говорит: «Печатай! Если выгоды не будет, то и невыгоды нельзя ожидать. Поэма хороша». Я держусь Сленина. Он лучше всех может пустить в ход книгу. Но он, при всем доброжелании, не видит еще никакого способа. Вяземский к тебе пишет. Теперь письма не посылаю: слишком велико. Он хочет, чтобы ты уговорил Толстого быть корреспондентом его журнала*. Геро ему не нравится*. Он писал к тебе много раз; видно, письма растерялись. Тебе надобно дать от себя Жихареву доверенность, без чего дела твои здесь идти не могут. Но не знаю, как тебе решиться дать доверенность. В ней должно быть изъяснено, почему ты теперь единственный наследник имени своего. Без доверенности же от тебя у Жихарева руки будут связаны, и он никаких поручений твоих исполнять не будет в состоянии. Милый брат, мне больно это писать к тебе; но что же делать! Жихарев требует, чтоб я написал. На что ты решишься? А надобно решиться для вашей же общей пользы.

Следующее о графине*.

Если Ламберт дожидаться будет, чтобы к нему высланы были деньги, то этого не дождется. Дай ему знать, что нужно, дабы он дал кому-нибудь в Москве доверенность получить деньги, а вместе с тем поручил бы и заемный акт, который после должен быть надписан и возвращен графу Орлову*. О накопившихся процентах хлопочу; надеюсь и страшусь.

Я увижусь с Ламбертом. Скажи об этом графине.

Наш добрый Максим Иванович* кончил жизнь свою. Умер с именем твоего отца и Ивана Владимир<овича> на языке. Так пишет Жихарев, который закрыл ему глаза. Оставил 30 копеек медью и несколько книг. Пенсия свой весь отдавал бедным. Это узнали после смерти его.

14. 4 (17) декабря 1827, Петербург*

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya
Удивительное дело! Ты только 12 ноября получил первое письмо мое. Итак, ты не получил многих. Не понимаю, что делается с письмами. Их читают, это само по себе разумеется. Но те, которые их читают, должны бы по крайней мере исполнять с некоторою честностию плохое ремесло свое. Хотя бы они подумали, что если уже позволено им заглядывать в чужие тайны, то никак не позволено над ними ругаться и что письма, хотя читанные, доставлять должно. Вот следствие этого проклятого шпионства, которое ни к чему вести не может. Доверенность публичная нарушена; то, за что в Англии казнят, в остальной Европе делается правительствами. А те, которые исполняют подобные законные беззакония, на них не останавливаются, пренебрегают прочитанными письмами и часто оттого, что печать худо распечаталась, уничтожают важное письмо, от которого часто зависит судьба частного человека. И хотя была бы какая-нибудь выгода от такой не нравственности, обращенной в правило! Что могут узнать теперь из писем? Кто верит себя почте? Что ж выиграли, разрушив святыню – веру и уважение правительству? – Это бесит! Как же хотеть уважения к законам в частных людях, когда правительства всё незаконное себе позволяют? Я уверен, что самый верный хранитель общественного порядка есть не полиция, не шпионство, а нравственность правительства. В той семье не будет беспорядка, где поведение родителей образец нравственности; то же можно сказать и о правительствах и народах. *Une manière franche et généreuse d'agir est un signe et en même temps une garantie de la puissance. Les mesures, qu'on prend pour conserver la tranquillité, sont pour la plupart du temps la vraie cause des troubles; au lieu d'apaiser elles inquiètent.*[56] Но куда я забрался с почтою! Все это для тех, кто рассудит за благо прочитать это письмо. Тебе же нечего мне много рассказывать. Нового ничего нет. От Саши я получил письмо* от 14 (17) из Лиона; следовательно, она должна быть теперь уже в Гиере.

То, что пишешь о графине, есть то, что я сам думаю об ней. Ее слишком живое участие к Н<иколаю> не сходно с его натурою; он чувствует глубоко, но не любит высказывать своего чувства; он способен только писать об нем и именно потому далек от всякой экзажерации*, что слишком много имеет истинного. Графиня соединяет много воображения с истинным чувством; поэтому она лучше издала и полезнее, чем вблизи. Она своим присутствием разрушает покой и порядок душевный. То добро, которое могло бы произвести ее нежное, искреннее, неподделанное участие, уничтожается тою формою, которую оно принимает. Николаю такого рода участие должно было à la longue[57] сделаться нестерпимым; он ищет правила, твердости, ему нужно знать свое положение, без всяких украшений, чтобы решить умом, что ему делать следует. Против смерти Сергея* нет правила, ибо тут оторван кусок от души; но и для нее найдет если не лекарство, то замену в другом чувстве (ибо наше чувство лечится только чувством). Против судьбы же личной ему надобно только ясно видеть, ясно знать, решиться и расположить жизнь по судьбе своей. На это он способнее многих. О будущем не смею ничего сказать*. Для меня одно верно: мое собственное убеждение и моя готовность воспользоваться благоприятною минутою. Более ни за что не ручаюсь. И он с своей стороны должен поступать так, как бы не было ничего в будущем. Ты же помогай с своей стороны его твердости. Извлекай из жизни все то моральное добро, какое из нее извлечь можешь. Другого нечего делать. Итак, воздерживай себя от лишней тревоги, если не для себя, то для брата. Обнимаю графиню.

Ты пишешь, что жалеешь о поручениях, которые давал мне. Надеюсь, что ты понял, о каких поручениях идет дело. О мелочных, требующих хлопот и езды; но важное, разумеется, мое.

15. 2 (14) сентября <1828, Петербург>*

Милый брат, я давно не писал к тебе. Это вина, которой не думаю снять с себя, ибо я виноват. Но по крайней мере виноват не сердцем, а только своею несчастною привычкою откладывать письма, как скоро есть дело. А у меня скопилось множество работы по моим грамматическим лекциям, и я отложил всякую переписку до тех пор, пока не кончил одной части своей работы. Мысль о том, что не пишу к тебе, лежала, однако, как бремя на душе моей. Думал о тебе, где ты, что ты, и все не писал. Думаю однако, что это время прошло для тебя если не приятным образом, то по крайней мере деятельно. Ты много видел, а ты умеешь видеть. Что было бы для тебя путешествие, когда бы судьба не разбила насилием твоей здешней жизни? Как много прошло по душе твоей, и сколько следов в ней осталось! Но (в сторону счастье!) никогда жизнь твоя не бывала столь богата высоким, никогда не испытал ты столько в школе любви. Когда думаю о тебе, то возвышаюсь душою и ни с кем из моих близких тебя не сравниваю: бог считает только богатства души; а твоя душа в это время собрала много сокровищ, и ты, потеряв с одной стороны так много, еще более выиграл с другой. Из всех нас твоя участь, может быть, самая возвышенная.

Мы похоронили Сергея, и он оставил тебе, после тех страданий, которые ты имел об нем, высокое, чистое воспоминание о его жизни и постоянную любовь к мертвому. Любовь к Николаю есть освещение твоей жизни. Я бы желал только одного: более твердого, спокойного взгляда на то, чему перемениться не можно, по крайней мере в чем нельзя предвидеть перемены. Тревожное ожидание этой перемены не допускает тебя ладить с твоею судьбою так, как ты с нею мог бы и должен сладить. На этот счет не могу тебя обманывать: по тому ходу, который взяло наше дело*, я потерял всю надежду на какой-нибудь успех. Знаю только то, что я останусь тебе верен и что воспользуюсь тем случаем, который мне представится, чтобы действовать в твою пользу; но какой может быть этот случай, когда он представится, этого не знаю. Теперь же пока ни о чем думать нельзя: это в самих обстоятельствах. Пошли бог успех нашему оружию*. Это будет и для тебя благотворительно. Я вижу это только vaguely, [58] но что именно, то решить могут только минуты. Знай только одно, что мое сердце будет всегда за тебя бодрствовать. Напиши ко мне, прошу тебя, поскорее. Боюсь, чтобы мое молчание не оскорбило тебя. Это даже естественно. У тебя сердце болит, и ты легко можешь и меня обвинить. Это было бы для меня несчастием, тем более тяжелым, что отчасти я подал к тому повод.

Буду ждать с нетерпением письма твоего. Последние твои письма я получил. Сапоги готовы; пошлю при случае. Здесь Фрейганг; отдам ему, он перешлет из Лейпцига.

От Саши получаю утешительные письма из Женевы. Бонстеттен полюбил ее и с нею неразлучен. Недавно писал он ко мне об ней. Письмо 82-летнего старика полно живой молодости.

Вот тебе некоторые последние вести о наших делах в Турции: перед Варною дела идут довольно счастливо, хотя рана Меншикова*, которая лишила нас его деятельности на всю кампанию, и была великим для нас уроном. Место его заступил Воронцов*; а до приезда Воронцова командовал корпусом наш Василий Перовский*, который уже генерал и кавалер Георгия за Анапу. Крепость совершенно окружена; и со дня на день ожидаем известия о ее взятии. Это будет решительно. Но под шумлю менее удачи. Турки делают нападения и в последнем отняли у нас редут и 6 пушек и убили генерала Вреде с двумя или тремястами солдат. Государь возвратился из Одессы; гвардия пришла. Развязка скоро будет. Что-то у вас обо всем этом толкуют в Англии? У нас же нет ничего замечательного на сцене. Да я и не очень замечательно смотрю на нее. Нельзя вести однообразнее жизни моей: я по уши в лекциях, и мысли мои, всегда ленивые, не бродят из узкого моего круга; хотя снова принялся за стихи, но и это для моих же лекций. Перевожу для детей своих отрывки из «Илиады»*, и уже перевел довольно. По незнанию Гомерова языка лажу с Фоссовым шероховатым, но верным (переводом?); переводя Фосса, заглядываю в Попе* и дивлюсь, как мог он при своем поэтическом даровании так мало чувствовать несравненную простоту своего подлинника, которого совершенно изуродовал жеманным своим переводом. Пушкины и Батюшков с сестрою возвратились*. От первых я еще не имею писем. Батюшков беспрестанно занят рисованьем. Жихарев прислал мне один рисунок его. Видно, что он над ним трудился, и прилежно. Со временем надобно будет переселить его в Петербург. – Прости. Жду твоих писем. Обнимаю всем сердцем Николая.

Ж.

16. 23 августа <1831, Царское Село>*

Кажется, мне не нужно требовать объяснения на письмо твое. Ты не избежал и этого несчастья: найти предательство там, где надеялся найти дружбу*. Но, признаться, такой презрительной гадости я не ожидал. Это уж хуже всякого убийства! Если только я не ошибаюсь в своей догадке. Итак, еще более надобно радоваться твоему приезду. Но удастся ли тебе свои дела уладить? Имеешь ли на то способы? Знаешь ли, как с ним возиться? По всему вижу, что тебе надобно не только просто устраивать, но покрывать расстроенное и распутывать запутанное. Не хочу требовать от тебя объяснения и подробностей. Это тяжело и противно! При свидании все объяснишь. Скажи только: имеешь ли надежду скоро и хорошо кончить? Главное для тебя иметь обеспеченный кусок хлеба. Будешь ли иметь его?

На этом месте письма моего я остановился, начав писать его тотчас по получении твоего; остановился, да и отложил продолжать по своему похвальному обыкновению; а тебе, вероятно, будет на меня и досадно. Не сердись, душа моя, и сноси меня таким, каков я есмь и каким, вероятно, уже и останусь до перемены в лучшее в каком-нибудь другом уголку творения божия. Думая о письме твоем, приходит мне на мысль, что ты мог и ошибиться. Не входя в подробности, печальные и тяжелые,

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya
скажи мне вообще, в чем дело? В одной ли оплошности без намерения, от коей могло произойти расстройство экономических дел твоих, или в разорении тебя по плану и с намерением. Последнее кажется мне неестественным и невероятным. Объясни этот пункт. Потом скажи, что ты намерен делать и долго ли пробудешь в Москве? Сначала я хотел послать письмо твое к Д*. , дабы из немногих строк, до него касающихся, он мог увидеть, что ему делать и какую взять осторожность; но раздумал и буду ждать от тебя разрешения и нескольких немногих объяснений. Не называя никого, можешь, однако, сказать вообще, в чем дело. Поручение же твое остаться честным человеком как-нибудь постараюсь исполнить; да нас, честных людей, право, довольно, если не героев, то по крайней мере верных идее добра и по натуре своей и с помощью благоприятных обстоятельств. Например, и Пушкин честный человек во всем смысле этого слова, несмотря на минувшие проказы; мы с ним вместе поживаем в Царском и вместе проводим вечера у смуглой царскосельской невесты*, которая также честный человек. Я между дела пишу экзаметры*, а Пушкин ждет осени, чтобы начать писать. Манускрипт Ч. он давал мне читать* и взял его у меня, чтобы отправить к Ч. Вероятно, что он уже и получен. С Петербургом я во все время не виделся и не знаю, что делает наш слепец*, от которого давно не имею вести; но он жив и здоров. На фразу твою: «Желаю иметь опору если не в службе в России, то по крайней мере в деятельности, известной правительству и гласной», можно тогда только отвечать дельным образом, когда будем вместе, но об этом желании твоим было сказано мною в самой вышней инстанции; по какому случаю сказано, об этом после. Оканчивай скорее свои экономические дела и приезжай к зиме в Петербург, чтобы устроить сколько-либо свою жизнь политическую; необходимо надобно, чтобы правительство убедилось, что ты не имеешь и тени намерений, ему противных. Это можешь ты сделать только сам, будучи лично в Петербурге. Но, живучи в Москве, старайся не подать никакого повода к ложным на счет твой заключениям. Много людей найдется, которые и самому невинному дадут смысл виновный. Прости. Возвращаю тебе письмо, тобою мне сообщенное, и обнимаю тебя всем сердцем. А ты передай объятие мое Карамзиным и скажи мое душевное почтение Ивану Ивановичу Дмитриеву.

Ж.

Записку о Розлиге отправлю к Черткову, адъютанту М<ихаила> Павл<овича>. Он спросит у него и уведомят меня; тогда и я тебя уведомяю.

Письма к А.С. Пушкину

Жуковский познакомился с Пушкиным-лицеистом в августе или сентябре 1815 г. в Царском Селе (см. письмо к П. А. Вяземскому от 19 сентября 1815 г.). Это знакомство, как известно, вскоре перешло в тесную и сердечную дружбу. Дошедшие до нас немногочисленные письма Жуковского к Пушкину охватывают лишь двенадцатилетний период (от 1 июня 1824 г. до конца декабря 1836 г.).

1. 1 июня <1824, Петербург>*

Ты уверяешь меня, Сверчок моего сердца*, что ты ко мне писал, писал и писал – но я не получал, не получал и не получал твоих писем. Итак, бог судья тому, кто наслаждался ими. На последнее и единственное твое письмо буду отвечать двумя словами, ибо тремя некогда. Имя Сафианос* прекрасное и для меня столь же священное, как и для Греции. Но не знаю, удастся ли мне почтить его так, как я бы желал. Поговорю с теми, кто это дело знает и кто что-нибудь по этому делу может. Если не получишь никакого от меня отзыва – то знай, что не удалось. Если же удастся, то лень исчезнет, и напишу подробно. Обнимаю тебя за твоего «Демона»*. К черту черта! Вот пока твой девиз. Ты создан попасть в боги – вперед. Крылья у души есть! Вышины она не побоится, там настоящий ее элемент! дай свободу этим крыльям, и небо твое. Вот моя вера. Когда подумаю, какое можешь состряпать для себя будущее, то сердце разогреться надеждою за тебя. Прости, чертик, будь ангелом. Завтра же твой ангел. Твои звали меня к себе, но я быть у них не могу: пошлю только им полномочие выпить за меня заздравный кубок и за меня провозгласить: «Быть Сверчку орлом и долететь ему до солнца».

Жуковский.

2. <12(?) ноября 1824, Петербург>*

Милый друг, твое письмо привело бы в великое меня замешательство*, если б твой брат не приехал с ним вместе в Петербург и не прибавил к нему своих словесных объяснений. Получив его, я точно не знал, на что решиться: вот первая мысль, которая мне представилась: ехать к Паулуччи (который здесь и с которым, NB, я очень мало знаком), предупредить его насчет твоего письма к Адеркасу* и

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya
объяснить ему твое положение. И я это бы сделал (ибо ничего другого не мог и придумать), если бы не явился твой Лев* и не сказал мне, что все будет само собою устроено. Без него, желая тебе сделать пользу, я только бы тебе, вероятно, повредил, то есть обратил бы внимание на то, что лучше оставить в неизвестности, и не могу поручиться, уважил ли бы Паулуччи мою просьбу. Тургенева, который с ним хорошо знаком, нет в Петербурге*; он поехал в Москву, где ожидает его смерть матери. На письмо твое, в котором описываешь то, что случилось между тобою и отцом, не хочу отвечать, ибо не знаю, кого из вас обвинять и кого оправдывать. И твое письмо и рассказы Льва уверяют меня, что ты столько же неправ, сколько и отец твой. На все, что с тобою случилось и что ты сам на себя навлек, у меня один ответ: поэзия. Ты имеешь не дарование, а гений. Ты богат, у тебя есть неотъемлемое средство быть выше незаслуженного несчастья и обратить в добро заслуженное; ты более нежели кто-нибудь можешь и обязан иметь нравственное достоинство. Ты рожден быть великим поэтом; будь же этого достоин*. В этой фразе вся твоя мораль, все твое возможное счастье и все вознаграждения. Обстоятельства жизни, счастливые или несчастные, шелуха. Ты скажешь, что я проповедую с спокойного берега утопающему. Нет! я стою на пустом берегу, вижу в волнах силача и знаю, что он не утонет, если употребит свою силу, и только показываю ему лучший берег, к которому он непременно доплывет, если захочет сам. Плыви, силач. А я обнимаю тебя. Уведомь непременно, что сделалось с твоим письмом. Читал «Онегина» и «Разговор»*, служащий ему предисловием: несравненно! По данному мне полномочию предлагаю тебе первое место на русском Парнасе. И какое место, если с высоты гения соединишь и высоту цели! Милый брат по Аполлону! это тебе возможно! А с этим будешь недоступен и для всего, что будет шуметь вокруг тебя в жизни.

3. <15 – начало 20-х чисел апреля 1825, Петербург>*

Мой милый друг, прошу тебя отвечать как можно скорее на это письмо, но отвечай человечески, а не сумасбродно. Я услышал от твоего брата и от твоей матери, что ты болен: правда ли это?* Правда ли, что у тебя в ноге есть что-то похожее на аневризм и что ты уже около десяти лет угощаешь у себя этого постояльца, не говоря никому ни слова. Причины такой таинственной любви к аневризму я не понимаю и никак не могу ее разделять с тобою. Теперь это уже не тайна, и ты должен позволить друзьям твоим вступить в домашние дела твоего здоровья. Глупо и низко не уважать жизнь. Отвечай искренно и не безумно. У вас в Опочке некому хлопотать о твоём аневризме. Сюда перетащить тебя теперь невозможно. Но можно, надеюсь, сделать, чтобы ты переехал на житье и лечение в Ригу*. Согласись, милый друг, обратиться на здоровье свое то внимание, которого требуют от тебя твои друзья и твоя будущая прекрасная слава, которую ты должен, должен, должен взять (теперешняя никуда не годится – не годится не потому единственно, что другие признают ее такою, нет, более потому, что она не согласна с твоим достоинством); ты должен быть поэтом России, должен заслужить благодарность – теперь ты получил только первенство по таланту: присоедини к нему и то, что лучше еще таланта, – достоинство! Боже мой, как бы я желал пожить вместе с тобою, чтобы сказать искренно, что о тебе думаю и чего от тебя требую. Я на это имею более многих права, и мне ты должен верить. Дорога, которая перед тобою открыта, ведет прямо к великому; ты богат силами, знаешь свои силы, и все еще будущее твое. Неужели из этого будут одни жалкие развалины? – Но прежде всего надобно жить! Напиши ко мне немедленно о своем аневризме. И я тотчас буду писать к Паулуччи. С ним уже я имел разговор о тебе, и можно положиться на его доброжелательство. Обнимаю тебя душевно.

Я ничего не знаю совершеннее по слогу твоих «Цыган»! Но, милый друг, какая цель! Скажи, чего ты хочешь от своего гения? Какую память хочешь оставить о себе отечеству, которому так нужно высокое... Как жаль, что мы розно!

Скорее, скорее ответ.

Жуковский.

4. 9 августа 1825 <Петербург>*

Прошу тебя, мой милый друг, отвечать немедленно на это письмо. Решился ли ты дать сделать себе операцию и согласишься ли поехать для этого во Псков? Оператор готов. Это Мойер, дерптский профессор, мой родня и друг*. Прошу в нем видеть Жуковского. Он тотчас к тебе отправится, как скоро узнает, что ты его ожидаешь. Итак, уведомя меня с точнейшею точностью, когда будешь во Пскове. Сделай так, чтобы на той квартире, которую займешь для себя, была горница и для моего Мойера. А я обо всем, что к тебе пишу, нынче же извещу его. Прошу не упрямиться,

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya
не играть безрассудно жизнью и не сердить дружбы, которой твоя жизнь дорога. До сих пор ты тратил ее с не достойною тебя и с оскорбительною для нас расточительностью, тратил и физически и нравственно. Пора уняться. Она была очень забавною эпиграммою, но должна быть возвышенною поэмою. Не хочу по-пустому ораторствовать: лучший для тебя оратор есть твоя судьба; ты сам ее создал и сам же можешь и должен ее переменить. Она должна быть достойна твоего гения и тех, которые, как я, знают ему цену, его любят и потому тебя не оправдывают. Но это еще впереди. Теперь нам надобна твоя жизнь. Нельзя ли взять на себя труд об ней позаботиться, хотя из некоторого внимания к друзьям своим. Отвечай мне немедленно. А я обнимаю тебя сердечно.

Твой Жуковский.

Мой адрес: в Аничковском дворце, отдать для доставления швейцару.

5. <Вторая половина (не позднее 23) сентября 1825, Петербург>*
Ты, как я вижу, предал в руке мои только дух свой*, любезнейший сын. А мне, право, до духу твоего нет дела: он жив и будет жив, ибо весьма живущ. Подавай-ка мне свое грешное тело, то есть свой аневризм. С этим прекрасным аневризмом не уцелеет и дух твой. Дух же твой нужен мне для твоего «Годунова», для твоих десяти будущих поэм, для твоей славы и для исправления светлым будущим всего темного прошедшего. Слышишь ли, Бейрон Сергеевич! Но смотри же: Бейрон на лире, а не Бейрон на деле: комментарий на эту фразу найдешь в письме Вяземского*, в котором для тебя много разительной правды! Этот Вяземский очень умный человек и часто говорит дело. Мне лучше его ничего нельзя сказать тебе. Да и не нужно. Я было крепко рассердился на тебя за твое письмо к сестре и к Мойеру*; но твоя библейская фраза* меня с тобою помирила. Прошу покорнейше уважать свою жизнь и помнить, что можешь сделать в ней много прекрасного, несмотря ни на какие обстоятельства. Следовательно, вот чего от тебя требую: вспомни, что настала глубокая осень (ты обещал ею воспользоваться), собраться в дорогу, отправиться в Псков и, наняв для себя такую квартиру, в которой мог бы поместиться и Мойер, немедленно написать к нему, что ты в Пскове и что ты дожدهшься его в Пскове. Он мигом уничтожит твой аневризм. Ты возвратишься в свою Опочку, примешься с новым духом за своего «Годунова» и напишешь такого «Годунова», что у нас всех будет душа прыгать: слава победит обстоятельства*. В этом я уверен. Твое дело теперь одно: не думать несколько времени ни о чем, кроме поэзии, и решиться пожить исключительно только для одной высокой поэзии. Создай что-нибудь бессмертное, и самые беды твои (которые сам же сострепал) разлетятся в прах. Дай способ друзьям твоим указать на что-нибудь твое превосходное, великое; тогда им будет легко поправить судьбу твою; тогда они будут иметь на это неотъемлемое право. Ты сам себя не понимаешь; ты только бунтуешь, как ребенок, против несчастья, которое само есть не иное что, как плод твоего ребячества: а у тебя такие есть способы сладить с своею судьбою, каких нет у простых сынов сего света, способы благородные, высокие. Перестань быть эпиграммою, будь поэмою.

И я ваш покорный слуга

Жуковский.

Уведомь немедленно, на что решишься касательно Пскова, Мойера и аневризма.

6. 12 апреля <1826, Петербург>*
Не сердись на меня, что я к тебе так долго не писал, что так долго не отвечал на два последние письма твои. Я болен и ленив писать. А дельного отвечать тебе нечего. Что могу тебе сказать насчет твоего желания покинуть деревню? В теперешних обстоятельствах нет никакой возможности ничего сделать в твою пользу. Всего благоразумнее для тебя остаться покойно в деревне, не напоминать о себе и не писать, но писать для славы. Дай пройти несчастному этому времени*. Я никак не умею изъяснить, для чего ты написал ко мне последнее письмо свое*. Если оно только ко мне, то оно странно. Если ж для того, чтобы его показать, то безрассудно. Ты ни в чем не замешан — это правда. Но в бумагах каждого из действовавших находятся стихи твои*. Это худой способ подружиться с правительством. Ты знаешь, как я люблю твою музу и как дорожу твоею приобретенною славою: ибо умею уважать Поэзию и знаю, что ты рожден быть великим поэтом и мог бы быть честью и драгоценностью России. Но я ненавижу все, что ты написал возмутительного для порядка и нравственности. Наши отроки (то есть все зреющее поколение), при плохом воспитании, которое не дает им никакой опоры для жизни, познакомились с твоими буйными, одетыми прелестью поэзии

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya мыслями; ты уже многим нанес вред неисцелимый. Это должно заставить тебя трепетать. Талант ничто. Главное: величие нравственное. – Извини эти строки из катехизиса. Я люблю и тебя и твою музу и желаю, чтобы Россия вас любила. Кончу началом: не просись в Петербург. Еще не время. Пиши «Годунова» и подобное: они откроют дверь свободы.

я болен. Еду в Карлсбад; возвращусь не прежде, как в половине сентября. Пришли к этому времени то, что сделано будет твоим добрым гением. То, что напраказит твой злой гений, оставь у себя: я ему не поклонник. Прости. Обнимаю тебя

Жуковский.

7. <Вторая половина июля 1831,*
Царское Село>.

Возвращаю тебе твои прелестные пакости. Всем очень доволен. Напрасно сердись на «Чуму»*: она едва ли не лучше «Каменного гостя». На «Моцарта» и «Скупого»* сделаю некоторые замечания. Кажется, и то и другое еще можно усилить. – Пришли «Онегина». Сказку октавами*, мелочи и прозаические сказки все, читанные и нечитанные. Завтра все возвращу.

Ж.

8. <Первая половина августа 1831, Царское Село>*
Сей час государь присылал у меня просить твоих стихов; у меня их не случилось. Но он велел просить у твоей жены экземпляра. Не худо, когда и для государя и для императрицы перепишешь по экземпляру и скорее им доставишь экземпляр.

Ж.

9. <24–27 августа 1831, Царское Село>*
Приходи ко мне в половине первого; пойдем в лицей: там экзамен истории.

10. <4–10 марта 1832, Петербург>*
Посылаю тебе билет Эрмитажный*; он на всю вечность. Его при входе отдавать не должно. Нам бы надобно, то есть мне, тебе и Вяземскому, собраться у меня и побеседовать о плане журнала*, который непременно надобно написать на этой неделе, ибо Смирдин после Святой должен решиться с Гречем и Булгариным*. Будь у меня завтра в ½ 8-го после обеда; скажи об этом и Вяземскому.

Ж.

11. <22 марта 1833(?), Петербург>*
Не забудь, что завтра четверг и что ты у меня проводишь вечер? Прошу принести «Онегина»*, чем очень порадуешь Жуковского.

Не забудь позвать Плетнева и отослать картину Шаховскому*, которого у меня не будет.

12. <29 января 1834, Петербург>*
Посылаю тебе, почтеннейший друг Александр Сергеевич, Историю господина Пугачева*, тобою написанную с особенным искусством; очень сожалею для меня, что не успел я прочитать сего бытописательного отрывка, делающего честь твоему таланту. Продолжай, достойный русский писатель, работать умом и пером ко чести России и ко полноте твоего кармана. А завтра я именинник, и будут у меня ввечеру семейство Карамзиных, Мещерских* и Вяземских; и будут у меня два изрядных человека, графы Вьельгорские*, и попрошу Смирнову* с собственным ее мужем; да, может быть, привлеку и привлекательную Дубенскую*; вследствие сего прошу и тебя с твоею грациозною, стройнообразною, богинеобразною, мадонистою супругою пожаловать ко мне завтра (во вторник), в 8-мь часов, откушать чаю с бриошами и прочими вкусными причудами; да скажи об этом и домашнему твоему Льву*. Уведомь, будешь ли, а я твой

богомалец, Василий.

13. <Февраль–март(?) 1834, Петербург>*
Раевский будет у меня*нынче ввечеру. Будь и ты, привези брата Льва и стихи или хоть прозу, если боишься Раевского. Порастреплем «Пугачева».

Ж.

Четверг.

Собрание открывается в 9 часов.

14. <2 июля 1834, Царское Село>*

Государь опять говорил со мною о тебе. Если бы я знал наперед, что побудило тебя взять отставку*, я бы ему объяснил все, но так как я и сам не понимаю, что могло тебя заставить сделать глупость, то мне и ему нечего было отвечать. Я только спросил: «Нельзя ли как этого поправить?» – «Почему ж нельзя? – отвечал он. – Я никогда не удерживаю никого и дам ему отставку. Но в таком случае все между нами кончено. Он может, однако, еще возвратить письмо свое». Это меня истинно трогает. А ты делай, как разумеешь. Я бы на твоём месте ни минуты не усомнился, как поступить. Спешу только уведомить о случившемся.

Жуковский.

15. <3 июля 1834, Царское Село>*

Вчера я писал к тебе с Блудовым наскоро и, кажется, не ясно сказал то, чего мне от тебя хочется. А ты ведь человек глупый, теперь я в этом совершенно уверен. Не только глупый, но еще и поведения непристойного: как мог ты, приступая к тому, что ты так искусно состряпал, не сказать мне о том ни слова, ни мне, ни Вяземскому, – не понимаю! Глупость, досадная, эгоистическая, неизглаголанная глупость! Вот что бы я теперь на твоём месте сделал (ибо слова государя крепко бы расшевелили и повернули к нему мое сердце): я написал бы к нему прямо, со всем прямотою, какое у меня только есть, письмо, в котором бы обвинил себя за сделанную глупость, потом так же бы прямо объяснил то, что могло заставить меня сделать эту глупость; и все это сказал бы с тем чувством благодарности, которое государь вполне заслуживает. Повторяю (ибо случиться может, что ты еще не успел получить вчерашнего письма моего), вот что он отвечал на мой вопрос: «Нельзя ли этого поправить?» – «Почему же нельзя. Он может взять назад письмо свое: я никого не держу; но раз в отставке, все между им и мною кончено». Эти слова для меня чрезвычайно трогательны. Напиши немедленно письмо и отдай графу Бенкендорфу. Я никак не воображал, чтобы была еще возможность поправить то, что ты так безрассудно соблаговолил напакостить. Если не воспользуешься этою возможностью, то будешь то щетинистое животное, которое питается желудями и своим хрюканьем оскорбляет слух всякого благовоспитанного человека; без галиматъи, поступишь дурно и глупо, повредишь себе на целую жизнь и заслужишь свое и друзей своих неодобрение. [59]

Ж.

Вторник.

Может быть, захочешь показать Бенкендорфу письмо мое. Вот экземпляр без галиматъи*.

<На отдельном листе>.

Вот что вчера ввечеру государь сказал мне в разговоре о тебе и в ответ на вопрос мой: «Нельзя ли как этого поправить?» – «Почему ж нельзя! Пускай он возьмет назад свое письмо. Я никого не держу и его держать не стану. Но если он возьмет отставку, то между мною и им все кончено». – Мне нечего прибавить к этим словам, чрезвычайно для меня трогательным и в которых выражается что-то отеческое к тебе, при всем неудовольствии, которое письмо твое должно было произвести в душе государя. Ты сам будешь знать, как поступить; мое дело сообщить тебе эти слова без всякого объяснения, совершенно излишнего. Сожалею только, что ты ничего не сказал мне предварительно о своем намерении, ни мне, ни Вяземскому, и даже весьма тебе за это пеняю.

Вторник поутру.

Жуковский.

16. <6 июля 1834, Царское Село>*

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya
Я, право, не понимаю, что с тобою сделалось; ты точно поглупел; надобно тебе или пожить в желтом доме, или велеть себя хорошенько высечь, чтобы привести кровь в движение. Бенкендорф прислал мне твои письма*, и первое и последнее. В первом есть кое-что живое, но его нельзя употребить в дело, ибо в нем не пишешь ничего о том, хочешь ли оставаться в службе или нет; последнее, в коем просишь, чтобы все осталось по-старому, так сухо*, что оно может показаться государю новою неприличностию. Разве ты разучился писать; разве считаешь ниже себя выразить какое-нибудь чувство к государю? Зачем ты мудришь? Действуй просто. Государь огорчен твоим поступком; он считает его с твоей стороны неблагодарностию. Он тебя до сих пор любил и искренно хотел тебе добра. По всему видно, что ему больно тебя оттолкнуть от себя. Что же тут думать! Напиши то, что скажет сердце. А тут, право, есть о чем ему поразговориться. И не прося ничего, можешь объяснить необходимость отставки; но более всего должен столкнуть с себя упрек в неблагодарности и выразить что-нибудь такое, что непременно должно быть у тебя в сердце к государю. Одним словом, я все еще стою на том, что ты должен написать прямо к государю и послать письмо свое через гр. Бенкендорфа. Это одно может поправить испорченное. Оба последние письма твои теперь у меня; несу их через несколько минут к Б<енкендорфу>, но буду просить его погодить их показывать. Скорее.

Ж.

Пришли мне копию с того, что напишешь*; хоть, вероятно, мне покажут. – Посылаю это письмо с нарочным. Ты же пришли с ним и письмо. Может случиться однако, что Бенкендорф в промежутке этого времени уедет в Петербург, то всего вернее отослать письмо немедленно к нему на дом. Объяснимся (ведь ты глуп): ты пришлешь мне свое письмо с моим посланным и тотчас пошлешь узнать, приехал ли Бенкендорф. Если он уже приехал, то напишешь ему другой экземпляр письма и тотчас пошлешь к нему на дом; я же, получив твое письмо, тогда оставлю оное у себя. Всего важнее не упустить времени.

17. <Первая половина марта 1836, Петербург>*
С Вортсвортом постараюсь переведаться*. А ты мою пиесу унес* и уже в цензуру хватил. Нет, голубчик, в первую книжку ее никак не помещай. Она годится, может быть, после, но для дебюта нельзя. Прошу тебя не помещать в I номер. Завтра пошлю Карамзина статью к Е<катерине> А<ндреевне>.* У нее возьмешь.

Ж.

18. <Январь-март 1836(?), Петербург>*
У меня будут нынче ввечеру, часов в десять, Глинка, Одоевский и Розен* для некоторого совещания. Ты тут необходим. Приходи, прошу тебя. Приходи непременно. А завтра (в субботу) жду тебя также непременно к себе часу во втором поутру. У меня будет живописец*, и ты должен с полчаса посидеть под пыткой его животворной кисти. На оба запроса прошу ответить: да.

Жуковский.

19. <Январь-март 1836(?), Петербург>*
Не забудь, что ты у меня нынче в час будешь рисоваться. Если не найдешь меня, паче чаяния, дома, то найдешь у меня живописца. Прошу пожаловать.

Жуковский.

20. <9 ноября 1836, Петербург>*
Я не могу еще решиться почитать наше дело конченным. Еще я не дал никакого ответа старому Геккерну*; я сказал ему в моей записке, что не застал тебя дома и что, не выдавшись с тобою, не могу ничего отвечать. Итак, есть еще возможность все остановить. Реши, что я должен отвечать. Твой ответ невозвратно все кончит. Но, ради бога, одумайся. Дай мне счастье избавить тебя от безумного злодейства, а жену твою от совершенного посрамления. Жду ответа. Я теперь у Вьельгорского, у которого обедаю.

Ж.

21. <10 ноября 1836, Петербург>*
Я обязан сделать тебе некоторые объяснения. Вчера я не имел для этого довольно

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya
спокойствия духа. Ты вчера, помнится мне, что-то упомянул о жандармах, как будто опасаясь, что хотят замешать в твое дело правительство. Насчет этого будь совершенно спокоен. Никто из посторонних ни о чем не знает, и если дамы (то есть одна дама, Загрязская*) смолчат, то тайна останется ненарушенного. Должен, однако, сказать, что вчерашний твой приход ко Вьельгорскому открыл ему глаза; мне же с ним не для чего было играть комедию; он был один из тех, кои получили безыменные письма*; но на его дружбу к тебе и на скромность положиться можешь.

Пишу это, однако, не для того только, чтобы тебя успокоить насчет сохранения тайны. Хочу, чтобы ты не имел никакого ложного понятия о том участии, какое принимает в этом деле молодой Геккерн*. Вот его история. Тебе уже известно, что было с первым твоим вызовом*, как он не попался в руки сыну, а пошел через отца, и как сын узнал о нем только по истечении 24 часов, т. е. после вторичного свидания отца с тобою. В день моего приезда*, в то время когда я у тебя встретил Геккерна, сын был в карауле и возвратился домой на другой день в час. За какую-то ошибку он должен был дежурить три дня не в очередь. Вчера он в последний раз был в карауле и нынче в час пополудни будет свободен. Эти обстоятельства изъясняют, почему он лично не мог участвовать в том, что делал его бедный отец*, силясь отбиться от несчастья, которого одно ожидание сводит его с ума. Сын, узнав положение дел, хотел непременно видеться с тобою. Но отец, испугавшись свидания, обратился ко мне. Не желая быть зрителем или актером в трагедии, я предложил свое посредство, то есть хотел предложить его, написав в ответ отцу то письмо, которого брульон тебе показывал, но которого не послал и не пошлю. Вот все. Нынче поутру скажу старому Геккерну, что не могу взять на себя никакого посредства, ибо из разговоров с тобою вчера убедился, что посредство ни к чему не послужит, почему я и не намерен никого подвергать неприятности отказа. Старый Геккерн таким образом не узнает, что попытка моя с письмом его не имела успеха*. Это письмо будет ему возвращено, и мое вчерашнее официальное свидание с тобою может считаться не бывшим.

Все это я написал для того, что счел святейшею обязанностию засвидетельствовать перед тобою, что молодой Геккерн во всем том, что делал его отец, был совершенно посторонний, что он так же готов драться с тобою, как и ты с ним, и что он так же боится, чтобы тайна не была как-нибудь нарушена. И отцу отдать ту же справедливость. Он в отчаянии, но вот что он мне сказал: «Je suis condamné à la guillotine; je fais un recours au grâce, si je ne reussis pas il faudra monter: et je monterai, car j'aime l'honneur de mon fils autant, que sa vie».[60] Этим свидетельством роля, весьма жалко и неудачно сыгранная, оканчивается. Прости.

Ж.

22. <11–12 ноября 1836, Петербург>*

Ты поступаешь весьма неосторожно, невеликодушно и даже против меня несправедливо. Зачем ты рассказал обо всем Екатерине Андреевне и Софье Николаевне?* Чего ты хочешь? Сделать невозможным то, что теперь должно кончиться для тебя самым наилучшим образом. Думав долго о том, что ты мне вчера говорил, я нахожу твое предположение совершенно невероятным. И имею причину быть уверенным, что во всем том, что случилось для отвращения драки, молодой Г<еккерн> нимало не участвовал. Все есть дело отца, и весьма натурально, чтобы он на все решился, дабы отворотить свое несчастье. Я видел его в таком положении, которого нельзя выдумать и сыграть как роль. Я остаюсь в полном убеждении, что молодой Г<еккерн> совершенно в стороне, и на это вчера еще имел доказательство. Получив от отца Г<еккерна> доказательство материальное, что дело, о коем теперь идут толки, затеяно было еще гораздо прежде твоего вызова, я дал ему совет поступить так, как он и поступил, основываясь на том, что если тайна сохранится*, то никакого бесчестия не падет на его сына, что и ты сам не можешь предполагать, чтобы он хотел избежать дуэля, который им принят, именно потому, что не он хлопочет, а отец о его отвращении. В этом последнем я уверен, вчера еще более уверился и всем готов сказать, что молод<ой> Гек<керн> с этой стороны совершенно чист*. Это я сказал и Карамзиным, запретив им крепко-накрепко говорить о том, что слышали от тебя, и уверив их, что вам непременно надобно будет драться, если тайна теперь или даже и после откроется. Итак, требую от тебя уже собственно для себя, чтобы эта тайна у вас умерла навсегда. Говорю для себя вот почему: полагая, что все обстоятельства, сообщенные мне старым Геккерном, справедливы (в чем я не имел причины и нужды сомневаться), я сказал, что почитаю его, как отца, вправе и даже обязанным предупредить несчастье открытием дела, как оно есть; что это открытие будет в то же время и репарациею того, что было сделано против твоей чести перед светом. Хотя я не вмешался в самое дело, но совет мною дан. Не могу

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya
же я согласиться принять участие в посрамлении человека, которого честь пропадет, если тайна будет открыта. А эта тайна хранится теперь между нами; нам ее должно и беречь. Прошу тебя в этом случае беречь и мою совесть. Если что-нибудь откроется и я буду это знать, то уже мне по совести нельзя будет утверждать того, что неминуемо должно нанести бесчестие. Напротив, я должен буду подать совет противный. Избавь меня от такой горестной необходимости. Совесть есть человек; не могу же находить приличным другому такого поступка, который осрамил бы самого меня на его месте. Итак, требую тайны теперь и после. Сохранением этой тайны ты так же обязан и самому себе, ибо в этом деле и с твоей стороны есть много такого, в чем должен ты сказать: виноват! Но более всего ты должен хранить ее для меня: я в это дело замешан неволью и не хочу, чтобы оно оставило мне какое-нибудь нареkanie; не хочу, чтобы кто-нибудь имел право сказать, что я нарушил доверенность, мне оказанную. Я увижусь с тобою перед обедом. Дождись меня.

ж.

23. <14–15 ноября 1836, Петербург>*
Вчера к вечеру после бала заехал я к Вяземскому.

Вот что à peu près[61] ты сказал княгине третьего дня, уже имея в руках мое письмо: «Je connais l'homme des lettres anonymes et dans huit jours vous entendrez parler d'une vengeance unique en son genre; elle sera pleine, complète; elle jettera, l'homme dans la boue: les hauts faits de Rayeffsky sont un jeu d'enfant devant ce que je me propose de faire», [62] и тому подобное.

Все это очень хорошо, особливо после обещания, данного тобою Геккерну в присутствии твоей тетушки* (которая мне о том сказывала), что все происшествие останется тайною. Но скажи мне, какую роль во всем этом я играю теперь и какую должен буду играть после перед добрыми людьми, как скоро все тобою самим обнаружится и как скоро узнают, что и моего тут меду капля есть? И каким именем и добрые люди, и Геккерн, и сам ты наградите меня, если, зная предварительно о том, что ты намерен сделать, приму от тебя письмо, назначенное Геккерну, и, сообщая его по принадлежности, засвидетельствую, что все между вами кончено, что тайна сохранится и что каждого честь останется неприкосновенна? Хорошо, что ты сам обо всем высказал и что все это мой добрый гений довел до меня заблаговременно. Само по себе разумеется, что я ни о чем случившемся не говорил княгине. Не говорю теперь ничего и тебе: делай что хочешь. Но булавочку свою беру из игры вашей, которая теперь с твоей стороны жестоко мне не нравится. А если Геккерн теперь вздумает от меня потребовать совета, то не должен ли я по совести сказать ему: остерегитесь? Я это и сделаю.

Вот тебе сказка: жил-был пастух; этот пастух был и забубенный стрелок. У этого пастуха были прекрасные овечки. Вот повадился серый волк ходить около его овчарни. И думает серый волк: «Дай-ка съем я у пастуха его любимую овечку». Думая это, серый волк поглядывает и на других овечек, да и облизывается. Но вот узнал прожора, что стрелок его стережет и хочет застрелить. И стало это неприятно серому волку; он начал делать разные предложения пастуху, на которые пастух и согласился. Но он думал про себя: «Как бы мне доконать этого долгохвостого хахала и сделать из шкуры его детям тулупы и кеньги*». И вот пастух сказал своему куму: «Кум Василий, сделай мне одолжение, стань на минуту свиньей и хрюканьем своим вымани серого волка из лесу в чистое поле. Я соберу соседей, и мы накинем на волка аркан». – «Послушай, братец, – сказал кум Василий, – ловить волка ты волен, да на что же мне быть свиньей. Ведь я у тебя крестил. Добрые люди скажут тебе: свинья-де крестила у тебя сына. Нехорошо. Да и мне самому будет невыгодно. Пойду ли к обедне, сяду ли с людьми обедать, сложу ли про красных девиц стихи – добрые люди скажут: свинья пошла к обедне, свинья сидит за столом, свинья стихи пишет. Неловко». Пастух, услышав такой ответ, призадумался, а что он сделал, право не знаю.

24. <15–20 ноября 1836, Петербург>*
Хотя ты и рассердил и даже обидел меня*, но меня все к тебе тянет – не брюхом, которое имею уже весьма порядочное, но сердцем, которое живо разделяет то, что делается в твоём. – Я приду к тебе между ½ 12 и часом; обещаюсь не говорить более о том, о чем говорил до сих пор и что теперь решено. Но ведь тебе, может быть, самому будет нужно что-нибудь сказать мне. Итак, приду. Дождись меня, пожалуста. И выскажи мне все, что тебе надобно: от этого будет добро нам обоим.

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya ж.

25. <Вторая половина ноября 1836,* Петербург>.

Неужели в самом деле ты не хочешь ходить ко мне, Александр Сергеевич. Это производит в душе моей неприятное колыхание. Уповаю, что нынче наслажусь твоим лицезрением.

ж.

26. <20-ые числа (не позднее 24) декабря 1836, Петербург>*
Посылаю тебе манускрипт Блудова*. Мой писарь ничего разобрать не может; ты разберешь. Я отметил крестиками то, что можно напечатать. Манускрипт не потеряй и после мне возврати. Да возврати также и мою книгу «Уроки российской истории»*. Манускрипт Карамзина достань у Сербиновича*, он для тебя сделает или уже сделал выписку. В субботу будет елочка.

Как скоро перепишешь, покажи Блудову.

Письма к Н.В. Гоголю

Личное знакомство Гоголя с Жуковским произошло в 1830 г. и вскоре переросло в тесную дружбу. Дошедшие до нас письма Жуковского к Гоголю относятся лишь к последнему десятилетию жизни обоих писателей (1842–1852). Этот период был ознаменован усилением консервативных и религиозно-мистических элементов в мировоззрении Жуковского, он также совпал с идейным кризисом, пережитым Гоголем. Это, естественно, нашло отражение в публикуемых письмах.

1. 2 (14) ноября 1842, Дюссельдорф*

Любезнейший Николай Васильевич. Не сердитесь на мое молчание, не толкуйте его криво и верьте моей искренней к вам дружбе с письмами от меня и без писем. Еще я не послал к вам критики на ваши «Души»*, потому что это работа большая, а я не скоро могу решиться на длинное письмо. Вам же моя критика не так теперь необходимо нужна – книга уже напечатана. Вообще же мое мнение о знакомых мне отрывках вы знаете.

Но теперь не место говорить о мертвых душах. Я взял перо, чтобы сказать вам о живой душе; порадайтесь со мною: у меня за четыре дня пред сим родилась дочка*. Рекомендую вам ее и прошу вас ее полюбить заочно. Пусть будет пока для вас довольно этого известия; оно стоит критики и, верно, вам будет приятно. Дружески вас обнимаю.

Ваш Жуковский.

2. <Ноябрь 1843, Дюссельдорф>*

Любезнейший Гоголек, пишу к вам только для того, чтобы вы сказали мне поскорее, доехали ли вы в Ниццу*, и прислали мне ваш адрес. У меня лежит для вас вексель в 1000 франков. Не могу послать его наугад в Ниццу. Скорее, скорее напишите ко мне. У меня дома все по-старому, как видели вы*. А «Одиссея» идет вперед* ровным шагом. Если будет возможность остаться еще на два года за границую, то привезу в Россию готовую «Одиссею» и еще, может быть, кое-что. – В Ницце ли Александра Осиповна?* Рекомендуйте ей мою рождающуюся 3000-летнюю дочку, которую я люблю почти как родную. – Жду ответа и немедленного.

Ваш Жуковский.

Есть еще у меня к вам и письмо от Шереметевой. Пошлю, когда получу адрес. Других писем нет.

3. <Май 1844, Франкфурт-на-Майне>*

Ну, Гоголек, хорошо, что вы наконец откликнулись*; ведь уж мне начинало казаться, что вы обнаружили передо мною бытие свое на минуту каким-то бестелесным фантомом, или призраком, и что я вместо вас видел перед собою некоего, так сказать, исшедшего из-за пределов оного мира духовного прихлебателя земных отношений. Слава богу, что это не так и что вы, искренно сказать, истинный Гоголь, то есть такой же человек, осязаемый руками и видимый глазами, как все прочие люди, обитающие на земле, производящей множество злаков и добрых,

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya
целебных, и злых, ядовитых. Я во Франкфурте*; главное дело сделано; то есть вся
пакость, принадлежащая к жизни человека бессмертного, созданного по образу и
подобию божью, столы, стулья, шкапы, перины, горшки, стаканы, стаканчики, ложки,
плошки, шляпки и тряпки, все приехало в добром здоровье и все лежит передо мною
в том виде, в каком пребывал мир до великого слова: да будет свет! Поелику я не
могу сказать такого слова, то и окружающий меня хаос может продолжаться не день
и не два, а может быть, и четырнадцать дней, или две недели. И в эти
четырнадцать дней (в которые, по вашему мнению, я должен быть в некотором
экзальтированном расположении духа) легко случится, что и пророк Даниил* может
подчас приобрести или толчок в задние регионы бытия своего, или соответствующее
сему толчку русское приветственное и поощрительное слово. Через две недели все
вокруг меня придет в устройство и светлый порядок, и сам я просветлею; но вот
оказия: тем временем императрица прибудет в Берлин, и я должен буду поехать
туда. Еще не знаю сроку ее прибытия, потому не могу определить ни сроку моего
отбытия, ни продолжения моего берлинобытия, ни вожделенного дня моего возврата.
Все это после уладим на письме; вы же пока живите в Бадене; там хорошо: сторона
божия, народу для наблюдения довольно, уединение для работы есть, с ним и
свобода; а впереди Франкфурт и работа наша совокупная*. Это все хорошо. Я же
теперь знаю, где вас отыскать. Только не трогайтесь с места, а если тронетесь,
дайте знать. Между тем вот вам известие о некоем деле, которое для вас, конечно,
не будет неприятно. Я был должен великому князю наследнику 4000 рублей.* При
отъезде его из Дармштата я сделал ему предложение: «Не благоугодно ли будет
вашему высочеству, чтоб я заплатил эти деньги не вам, а известному вам русскому,
весьма затейливому писателю господину Гоголю; так, чтобы я ему сии деньги платил
в год по тысяче рублей, начав с будущего генваря (понеже вдруг сего сделать не
могу вследствие чахоточного состояния мощны моей)?» – И его высочество на сей
вопрос мой изрек и словесное и письменное быть по сему. Таким образом, я состою
вам должен четыре тысячи рублей, с коими и пребываю

ваш богомолец Жуковский.

Жена и моя дочка также вам кланяются.

4. 20 июля (1 августа) 1844, фр<анкфурт>-на-Майне*
Посылаю вам два письма, полученные на ваше имя, любезный Гоголек. Гр<афиня>
Вьельгорская* привезла для вас несколько книг христианского чтения и несколько
№№ бесовского, то есть «Отечественных записок»*. И то и другое будет храниться у
меня до вашего возвращения. Вы увидите в Остенде Вьельгорских, которые через
день или два отправляются в путь; они не останутся в Остенде брать морские
ванны, а отправляются в Дувр, и у нас на совете положено, чтобы и вы с ними туда
отправились. Море полечит тело, а их добрые души сохраняют здоровье души.
Прощайте. Я принимаюсь опять за «Одиссею».

Ваш ж.

5. 12 августа <1844, Франкфурт-на-Майне>*
Очень рады, мой милый Гоголек, что наши Вьельгорские не едут в Дувр, что они
остаются в Остенде, что они от вас отгоняют хандру. Если б этого не случилось,
то и несмотря на русские книги, оставленные мне и не дошедшие к вам, попали бы в
хандру. Теперь этого не будет. И «Одиссея» снова закипает. Все прежнее снова
перечитал, поправил и нахожу, что теперь хорошо. И далее, далее. А вы лечитесь.
И бог с нами. Вот вам письма. Книги останутся у меня. Обнимите Вьельгорских и
прощайте.

Жуковский.

6. 13 (25) генваря <1845, Франкфурт-на-Майне>*
Любезный Гоголек, пишу к вам только для того, чтобы сказать вам, что у нас все
идет своим порядком: жена и сын здоровы; а я приближаюсь к выздоровлению. Вот
вам письмо от Смирновой;* не поглядев на адрес, распечатал, но не читал, хотя и
весьма хотелось прочесть; это полный журнал. Со временем вы сами все мне
прочтете. А ко мне ни строки. Чернушка! Я к ней, однако, писал. То, что вы
пишете о своем здоровье*, неудовлетворительно. Опыт вам доказал теперь же, что
вам всего нужнее движение и воздух. На вашем месте я не остался бы в душном
Париже пить ядовитую микстуру из испарины всех французов, а сел бы в дилижанс и
объехал Францию: взглянул бы на берега Луары, на Бретань, Вандею; проехал бы
южные провинции; полазил бы по горам Овернским и возвратился бы опять через

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya
Париж во Франкфурт, где Копп определил бы* дальнейшие действия. Насчет
Франкфурта вам должно, однако, согласовать свой план с планом Тургенева*, ибо он
по проезде в Карлсбад заедет к нам и поживет у нас. Отвечайте на все это. Я за
работу еще не принимался и, вероятно, весь генварь не примусь. Вьельгорских
обнимите.

7. 18 июля <1845, Франкфурт-на-Майне>*

Наконец есть от вас известия*; мы с женою начинали уже весьма беспокоиться. Хоть и провели вы печальные часы от нерешимости – ибо при болезни нерешимость хуже самой болезни, – но кажется мне (сколько мы в нашем невежестве можем угадать), что ваша поездка в Дрезден послужила вам к добру. Едва ли не прав Карус!* От недугов печени часто бывает великая хандра. Может быть, ваша и происходит от этой причины. Следственно, это главная причина, и ее первую отдалить должно. Принимайтесь за Карлсбад. Только будьте осторожны; с этими водами шутить не должно; они действуют сильно и могут повредить, если употреблять их неумеренно и без необходимой нужды. Если увидите, что действие их вам вредит – остановитесь и перестаньте пить или на время отдохните. Расскажите как можно подробнее положение ваше доктору. Но спросили ли вы у Каруса, к которому из карлсбадских докторов надобно адресоваться? Верно, не спросили. Прошу вас убедительно дать о себе знать как можно скорее теперь; и потом продолжать уведомлять в немногих словах о своем лечении и об успехе его. Я послезавтра отправляюсь в Швальбах на три недели вместе с женою, следовательно и со всем домом. Продолжайте писать во Франкфурт. Здесь оставлю на почте назначение, куда ко мне пересылать. И мои все работы остановились; ничто не делается. Надеюсь, что после Швальбаха все пойдет своим обыкновенным чередом. Третьего дня со мной чуть не случилась беда. В супе, который я ел, притаилась маленькая, незаметная острая косточка. Я хлебнул супа; вдруг чувствую, что косточка вонзилась в горло. Начало колоть. Я беспрестанно кашлял; жевал мякиш хлебный, глотал – ничто не помогало. Наконец велел идти за доктором. Но видно, что кость испугалась доктора; я хлебнул воды, и за водою она ускользнула из горла. Тем и кончилось. Но было бы весьма, весьма худо, если бы так не кончилось. Теперь бы, может быть, я сидел с распухшим, воспаленившимся горлом, и, может быть, пришлось бы делать операцию. От таких бед остережись нельзя; они еще более доказывают, что бог бережет нас. Чем более думаешь, тем яснее становится одно, что мы должны покоряться и во всем, что бы с нами ни случилось, видеть добро, добро не потому, что оно нам таким кажется, а потому, что все выходит из воли одного того же любящего бога, который во всякое мгновение жизни нашей с нами, что на все есть его воля и его воля есть благо, в чем бы она ни проявлялась нам. Итак, покорность! В этом все: и терпение, и мир душевный, и все блага души. Вот вам куча писем. Я их вынул из пакетов, чтобы не обременять письма; но ни одного не читал. У нас была ваша московская красавица Киреева*. Отправилась в Эмс; на зиму поедет в Италию. Есть у меня для вас две рукописи поэтические Аксакова*; посылать их по почте нельзя; они сохраняются у меня до удобного случая. Прощайте. Храни вас бог. Жена вам дружески жмет руку. Дети, слава богу, теперь здоровы... Рейтерн и вся его семья* вам сердечно кланяются.

8. 9 (21) августа 1845 <Франкфурт-на-Майне>*

Что с вами делается, любезнейший Гоголек? Грешно вам оставлять нас без известий о себе. Бог знает что можно придумать в отдалении. В Карлсбаде ли вы или оставили Карлсбад? Есть ли какое добро от питья вод? Что вы потом хотите с собою делать? Отвечайте на эти вопросы. О себе скажу, что я провел три недели в Швальбахе; пил и купался, несмотря на мерзкую погоду. Теперь нахожусь во Франкфурте, куда приехал праздновать серебряную свадьбу тестя, что было вчера, 8/20 августа. Завтра опять дней на десять еду в Швальбах доканчивать лечение. Воды живительны; но они еще не сладили с моею болезнью, которая состоит теперь в биении сердца и в интермиттенции пульса. С богом пройдет. То же будет и с вами. Только прошу поскорее уведомить о себе. Вот вам какое-то письмо. Распечатал для облегчения пакета, но не читал. И я и жена обнимаем вас.

Жуковский.

9. 4 сентября <1845, Франкфурт-на-Майне>*

Милый Гоголек, вы безбожно и бесчеловечно поступаете с нами. Для чего не уведомляете вы нас о себе? Что с вами делается? Как вы? Где вы? Куда вы? Писать много не нужно; а два слова написать необходимо; и не написать их грех. Мы об вас в тревоге; и жена только о том и думает, что с вами делается с тех пор, как проехал здесь Плещеев* и сказал ей (я был в Швальбахе в это время), что вы бросили Карлсбад и отправились в Гренфенберг. Но бог знает, в Гренфенберге ли вы

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya
теперь или еще куда-нибудь уехали. Как же не написать? Куда же я буду пересылать
вам и письма и деньги? – На всякий случай, пишу теперь в Гренфенберг! А вас
прошу отвечать немедленно. Да напишите два письма, то есть две коротенькие
записки, одну во Франкфурт, а другую в Ниренберг *poste restante*. [63] Я туда
послезавтра еду навстречу императрице. А от нас вот какое предложение;
возвращайтесь прямо к нам и поселитесь опять у нас в доме; вам с вашею
теперешнею слабостию разъезжать по свету не можно. Подле нас Копп (жаль, что вы
его не послушали и в Гастейн не поехали); да и в моем доме, хотя вам часто
бывает и пусто, вы будете посреди своих; о вас будет дружеское, сердечное
попечение. Жена этого требует от вас с величайшею о вас заботою, и вы не должны
отказать ей в ее просьбе. Прошу вас скорее решиться и к нам приехать на житье.
Не хотите ли, чтобы я к вам прислал Даниила, чтобы он вас проводил из
Гренфенберга во Франкфурт? Одним словом, приезжайте непременно; у нас ждет вас
приют родной, и вам у нас будет спокойно и беззаботно. Отвечайте немедленно (в
двух экземплярах).

Жуковский.

10. Франкфурт-н<a>-м<айне>. 1845, 6 окт<ября>*

Возвратясь из Ниренберга, я нашел здесь ваше письмо*, любезнейший Гоголек, за
которое весьма благодарю; оно несколько успокоило тревоги о вас. В Ниренберге
я также получил вашу записочку*. Теперь, по письму вашему, вы должны быть в
Риме. Хотя и не знаю вашего адреса, но не хочу задерживать писем, которые
получены мною на ваше имя: отправляю их к нашему посланнику, Аполлинарию
Петровичу Бутеневу*, к которому пишу об вас и с которым прошу покороче
познакомиться. Он мой давнишний, добрый приятель; он не только что хороший и
умный дипломат, но и человек с теплым сердцем и благовонною душою: я уверен, что
вы его полюбите и найдете в его обществе душевную отраду, которая будет
лекарственна и для тела. Только не дичитесь с ним, не брыкайтесь и не
становитесь на дыбы. О себе и о своих не могу, благодаря бога, сказать ничего,
кроме добра. Швальбах мне помог. Жене вообще хорошо. Дети здоровы. Мальчишку
Павла Васильевича* нашел я в благословенном состоянии, он метит в Геркулесы.
Теперь начинаю вести жизнь по-старому. Принимаюсь за свои переводы. С одной
стороны послания Павла*, а с другой Гомер; но при этих работах не раз придется
вздыхнуть о вас и о наших сходках на моих антресолях. Весьма надеюсь, что бог
позволит нам возобновить их некогда на Руси, под небом Москвы или на берегах
Невы, а может быть, где-нибудь у меня, в моем лифляндском домике. А жаль мне
расстаться с своим франкфуртским эрмитажем*; он так уютен; и найду ли где-нибудь
тот покой, которым мне здесь позволил бог так беззаботно насладиться? Но тревог
допускать до себя не должно: всякая тревога есть родная сестра греха. Скажу вам
лучше, что свидание мое с императрицею произошло по желанию и успокоило насчет
ее сердца. Путешествие в Италию и несколько месяцев мирной жизни исцеляют ее
непреренно. Уже и теперь ей лучше. Я уверен (если что другое не случится), что
она воротится к нам с обновленными силами и с воскресенною жизнью. Благослови
бог нашего доброго ангела! Прощайте. Отвечайте немедленно. NB. Прошу вас послать
непреренно и немедленно к вашим корреспондентам ваш адрес. Иначе письма будут
доходить к вам в Рим через Франкфурт: крюк этот уж непозволенно велик; да
надобно, чтобы вы написали, куда пересылать вам деньги. Я же не останусь долее
июня во Франкфурте. Прощайте.

Ваш Жуковский.

На ваших адресах прибавляйте всегда à *Saxen-hausen Salzwedeische Garten*. Здесь
проявился какой-то другой Жуковский, который, наподобие другого Гоголя, жрет мои
письма; а ко мне приносят его деньги.

11. 5 (17) ноября 1845 <Франкфурт-на-Майне>*

Любезнейший Гоголек, наконец есть от вас известие* и довольно
удовлетворительное. Слава богу и благодарствуйте. Мы всею семьею радуемся тому,
что вы наконец на месте. Авось Рим уgomонит ваши нервы. Ему ли бы, кажется, с
ними не сладить, ему, победителю стольких народов? Помогите ему бог. У нас все
идет довольно порядочно; в мыслях готовимся мы к переезду в Россию на будущий
год, а желание удерживает здесь. – Не скоро найдется в России для меня такой
покойный уголок, какой я здесь себе устроил; нигде не допишется «Одиссея» на
просторе так, как здесь; нигде и первые годы детей так беззаботно не разовьются,
как в тишине и беспрепятственности здешнего уединения. Но живи, как велют, а не
так, как хочешь – это русская пословица. Впрочем, скажу вам, что я все еще не

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya принимался снова за «Одиссею» и ничего нового не сделал с тех пор, как мы с вами расстались: какой-то вредоносный самум на нас обоих повеял. Но теперь снова берусь за перо. Может быть, и вы начинаете остричь свое. В час добрый. А хотелось бы, очень бы хотелось привезти на родину конченную «Одиссею». Она будет моим гробовым монументом.

Получили ли вы вексель, отправленный мною в Рим, на имя Бутенева. Его доставила мне Смирнова, которая теперь губернаторствует в Калуге*, что, конечно, не рассеет ее хандры, которая, кажется, совсем ее лишила всякой бодрости. Ее положение тягостно. Свет ей надоел и не имеет более для нее прелести. Домашней жизни у нее нет; дети еще для нее слишком малолетны. Внутренняя жизнь ее еще не образовалась; это переходное состояние души мучительно; оно часто бывает и гибельным. Напишите к ней. – А меня уведоьте, получен ли вами вексель. – Поклонитесь Бутеневу. Слухи ходят, что будто наш император будет в Риме. Если это совершится на деле, то опишите мне его там пребывание.

Прощайте. Жена вам дружески кланяется. Сашка не в порядке*: занимается поносом. Павел Васильевич толстеет и уже подал просьбу о произведении его в быки. Вчера соблаговолил он, смотря на портрет отца и матери, впервые произнести: рара, тата. Это подает надежду, что он со временем будет владеть русским языком лучше, нежели его родитель. – У Авдотьи Петровны Елагиной* в доме свадьба: сын ее Василий Елагин женится на Кате Мойер*. Это и вас порадует.

Ваш Жуковский.

12. 24 декабря 1845 (5 января 1846), Франкфурт-на-Майне*
Винюват я перед вами, любезный Гоголь: давно лежит у меня к вам письмо от Плетнева*, а я все его к вам не высылал. Как это случилось, право, не знаю: на эти дела я человек аккуратный. Правда, во все это время я хворал: Швальбах мне помог, и до декабря я был в добром порядке; но в декабре опять свихнулся: биение сердца, прерывчатый пульс, кровотечение, одышка, слабость и всякие другие неприятности. И Копп, кажется мне, потревожился. Но он остановил опять ход болезни; и теперь опять все стало лучше. Весна возвратит, надеюсь, здоровье. Впрочем, трудно было не быть больным: зима странная; беспрестанный переход от тепла не к холоду, а к буре и ветру. Зимнего же освежительного холода еще до сих пор не было. Вчера только в первый и единственный раз было 4 градуса мороза при ясном небе. Барометр падает до 26 градусов, чего никогда не слыхано. Словом, и в воздухе революция, которая все наши нервы тревожит. При всем этом не мудрено, что я забыл послать вам письмо Плетнева.

К болезни телесной присоединилась и болезнь сердечная: мой пятидесятилетний товарищ жизни, мой добрый Тургенев* переселился на родину и кончил свои земные странствования. Бог послал ему быструю, бесстрадальную смерть. 3 декабря (с. с.) он умер в Москве, в доме своей двоюродной сестры*, у которой жил. Умер ударом. Но он, вероятно, накануне сильно простудился, проведя в холодную, дурную погоду целый день на Воробьевых горах*, где раздавал деньги ссыльным в Сибирь, и не одни деньги, но и слезы и утешения. Можно ли лучше подготовиться к собственной дороге, но не в ссылку, а на родину? Думая о нем, каков он был истинно, верю упокою души его: ибо, конечно, на этой душе ни малейшего пятна не осталось от жизни. Он всегда был добр, всегда чист и намерением и делом. Жизнь могла покрыть его своею пылью, но смерть легко сдунула с души его эту пыль, которая вся всыпалась в могилу.

Вы давно ко мне не писали. Плетнев требует, чтобы вы к нему высылали аккуратно свидетельство о жизни. Это свидетельство должно быть высылаемо в каждую треть года, и всегда 13 января, 13 мая, 13 сентября нового стиля. Прошу вас это наблюдать. Пишите ли вы? А я как будто заколдован. Гомер мой остановился на половине XIII песни, и вот уже год, как я за него не мог приняться и от болезни, и от лечения, и от поездок. Но перевод Нового завета почти кончен; надеюсь довершить его в самый Новый год (с. с.), то есть в день рождения моего Павла. Жаль, что мы не можем его прочитать вместе.

Напишите мне о пребывании царя в Риме. Обнимаю вас. Жена и все мои вам сердечно кланяются. Скажите мой дружеский поклон Бутеневу.

Жуковский.

13. 9 (21) февраля 1846 <Франкфурт-на-Майне>*

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya
Любезный Гоголек, вы не изменяете своему характеру и решительно отказались от всякой точности. Доказательством сему служит прилагаемое письмо от Плетнева*, которому напрасные делаете вы хлопоты, высылая ему свидетельство о жизни по новому, а не по старому стилю, непременно надобно, чтобы эти свидетельства были выдаваемы 1/13 января, 1/13 мая и 1/13 сентября, иначе происходят из этого затруднительные расчеты, сумм вполне не выдают, и те, которые хлопочут о их получении, теряют время на ненужные хлопоты: если вы беспечны насчет себя, то не будьте беспечны насчет других; вот вам урок материальный в воздаяние за ваши моральные уроки. Письмо Плетнева было ко мне прислано не запечатанное. Я его и прочитал. – О себе скажу, что мое здоровье весьма поправилось: биение сердца, одышка и кровотечение миновались. Но вот что дурно: глаза слабеют и даже и с очками трудно становится читать. Я уже начинаю обдумывать средства, как облегчить бы себе занятия в таком случае, когда, если на то воля божия, совсем ослепну. Состояние слепоты имеет и свои хорошие стороны; но сколько лишений!

Надеюсь, что чаша пройдет мимо; но если надобно будет ее выпить, то я знаю, что в ней подано будет мне лекарство. Лекарь знает свое дело; надобно только выпить не морщась. При сем прилагаю вексель на тысячу рублей. Теперь две тысячи вам заплачены. Еще остается на мне две тысячи, которые в свое время вы получите. Прошу немедленно уведомить о получении векселя. – Я должен себя осудить теперь на две недели совершенного бездействия. Надлежит только еще написать несколько писем; потом дам отдохнуть глазам моим: надеюсь, что это поправит их обстоятельства.

Обнимаю вас.

Жуковский.

14. 19 (31) марта 1846 <Франкфурт-на-Майне>*

Любезный Гоголек, пишу к вам только для того, чтобы отвечать на вопрос ваш, заключающийся в последнем вашем письме:* получены ли мною все ваши письма? Получены, сударь. От Аксакова получил я манускрипт для вас*, и он у меня хранится. Это какие-то драматические сцены в стихах, под именем мистерий, в которых, точно, смысл есть мистерия. Наши поэты тянутся в гениальную оригинальность немилосердно. У меня поэтический запор все еще продолжается. Гомер спит сном богатырским. Авось пробудится. Жду и надеюсь. А вы, мой милый, начинаете в час добрый. И план ваш пуститься в путь весьма одобряю. Только не советую на Восток*: с вашими нервами затруднительные путешествия по горам, по степям, среди препятствий и опасностей всякого рода никуда не годятся. Для таких путешествий необходимы силы богатырские. Ограничьте себя Европою; теперь только вы переезжали с места на место и оставались на житье в Риме или в Париже. Начните путешествовать как должно, то есть все осматривайте, что того стоит; как можно более путешествуйте пешком; определите на это год или два и выкиньте из головы всякую заботу. Думайте во все это время только об одном боге и пользуйтесь вполне свободой – это будут счастливые минуты, целительные для души и тела. Вестей вам никаких не посылаю, ибо их у меня нет. От Вьельгорских нет никакого слуха. От Смирновой получил краткое письмо из Калуги: она чахнет душою. Это мне очень прискорбно. Прощайте.

Ваш Жуковский.

Отрывок перевода Крылова из «Одиссеи»* хорош; но думаю, что мой перевод, при такой же точности, опрятнее. Наш дедушка Крылов не подмел горницы: убрал ее прекрасно, да на полу валяются бумажки.

15. <Июль 1846, Швальбах>*

Любезный Гоголек, по вашему приказанию я только две недели посылал к вам письма. Теперь у меня их несколько скопилось для вас. Между ими одно с векселем. Вы должны непременно побывать у меня в Швальбахе для получения этих писем. От Фридриха получите некоторые русские книги, для вас мною полученные. До свидания.

ж.

16. 16 (28) августа 1846 <Франкфурт-на-Майне>*

Сию минуту получил ваше письмо* и отвечаю. Письма к вам высылаются все, какие у меня находятся, по сие число полученные. Следующие за ними будут вас ожидать на моем столе. К Плетневу я о вас писал; вот от него к вам несколько строк; ваши

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya
письма им получены исправно, и все пошло в ход. Не задерживайте продолжения.*
Что касается до нашего свидания, то надобно вам знать, что я намерен съездить в
Веймар для встречи там великой княгини Ольги Николаевны. Она приезжает в Веймар
4/16 сентября и пробудет там 5/17. Чтобы мне ее захватить в Веймаре, надобно
выехать из Франкфурта 2/14 числа. Из Веймара же не прежде возвращусь 6/18 или
7/19 сентября. Располагайте поэтому ваш заезд к нам во Франкфурт. Кланяйтесь
любезному графу Толстому и Муханову.* Жена вам дружески кланяется. Мы
возвратились из Швальбаха здоровы; но Лотти привезли больную; у ней открылась
нервическая горячка, но, слава богу, теперь опасность миновалась, и она начинает
выздоровливать, хотя еще не покидает постели. До свидания.

Жуковский.

17. 4 февраля н. с. 1847 <Франкфурт-на-Майне>*

Я еще не отвечал на последнее письмо ваше*, любезнейший Гоголек, а оно стоило
ответа, и благодарного ответа, ибо оно описало нам восстановление вашего
здоровья. Выздоровление само по себе есть уже одно из величайших наслаждений
жизни; но выздоровление посреди прелести неаполитанской природы и при таких
чувствах, какие теперь с двойною живостью наполняют вашу душу, такое
выздоровление есть взгляд с земли в лучшую жизнь; дай бог, чтобы оно для вас
принесло полное, постоянное здоровье надолго. А я вас сменил на черед
испытания, и оно совершается надо мною самым тяжким образом, совершается в моей
бедной жене. Вы оставили ее уже больною. Болезнь скоро миновалась, и она могла
покинуть постель; говорю: та болезнь, которую вы видели; место ее заступила
другая, мучительная, неотступная, та, которую вы слишком знаете, но которую
знаете в другом и, я думаю, менее суровом виде – нервы ее сильно расстроены;
беспрестанная тоска физическая, выражающаяся в страхе смерти, и беспрестанная
тоска душевная, выражающаяся в совершенной безнадежности. Никакая сила не может
отторгнуть от нее этих черных мыслей, которые, как чудовища, налетают на ее
душу. Она почти ничем не может заниматься, и никто никакого развлечения ей дать
не может. Чтение действует на ее нервы; разговор только о своей болезни, и как
нарочно наш семейный круг часто бывает разрознен болезнями, так что мы бываем
совершенно одни; но с этой стороны, однако, главная нам помощь. До сих пор она
могла ходить и укреплять себя воздухом; с некоторого времени и это миновалось:
простуда заперла ее дома, а другое расстройство положило на две недели в
постель. Теперь опять начинает она двигаться; но слаба и похудела, как скелет.
Такова наша жизнь с самого Швальбаха. При всем этом «Одиссея» молчит, и вот уже
два года ровно, как она молчит. О том, что внутри меня происходит, я не говорю;
я мало им доволен, и это удваивает бедствие. Помогите бог быть достойным
посылаемого им испытания и переносить его так, как он того требует.

Я виноват пред вами не только молчанием, но и тем, что замедлил переслать к вам
письмо, на имя ваше полученное, мною распечатанное, но не читанное. Посылаю его.
Других новостей вам сообщить не могу. Ко мне заезжал Michel Вьельгорский*,
ездивший из Берлина в Швейцарию курьером. Также был здесь и Барятинский*,
который совсем здоровый, полный, цветущий возвращается в Петербург. О книге
вашей* пишет ко мне Ишимова, что она вышла и производит великое действие. Это
радует меня несказанно. Прощайте, мой милый, напишите ко мне, когда соберетесь в
путь. Не могу надеяться, чтобы вы писали ко мне с дороги. Но это было бы хорошо.
Эта необходимость выражать непосредственно свои впечатления на том самом месте,
где они получаются, дает слогу совсем иной, полный жизни и индивидуальности
характер, на что имеет влияние и лицо того, с кем делишь свои мысли и чувства. А
со мною вы ведь уж привыкли многим делиться. Теперь я имел от вас только
задатки, но со временем, если только не уйду с сего света, получу и весь
капитал. Простите. Моя больная душевно вам кланяется.

Ваш Жуковский.

Отвечайте немедленно.

18. 10 февраля 1847 <Франкфурт-на-Майне>*

Мой милый, это письмо найдет вас печальным; вы уже теперь, вероятно, получили то
известие, которое уже дошло до меня стороною, но которому я еще тогда не верил,
когда послал к вам последнее письмо мое. Вот почему я и не упомянул о нем ни
слова; не хотел тревожить вашего сердца; думал, был уверен, что слухи пустые
дошли до меня, – к несчастью, вышло напротив. Третьего дня я получил письмо от
Плетнева, и он в нем подтвердил мне, что правда, правда, что Языкова нет на

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya свете*. Кто бы это мог подумать! Обстоятельств кончины его я не знаю; Плетнев полагает, что мне все в подробности известно; а я ни от кого не имел известий. Напротив, то, что заставило меня убедиться в ложности слуха, было письмо Булгакова, писанное от 6 января, в котором не было ни слова об этом бедственном происшествии. Он умер 7 января*; как, от чего – не знаю. Если вам дано известие, если имеете подробности, то сообщите их мне. Мертвых самих жалеть нельзя, то есть таких мертвых, которых душа приготовлена была к принятию смерти, – но жаль для себя своих земных товарищей, которыми так ук<р>ашается жизнь. Свет здешний для нас час от часу более беднеет. За шесть лет перед этим я бы это гораздо сильнее почувствовал при теперешнем печальном случае: но воля божия новыми, свежими узами привязала мою душу к здешнему свету; они навсегда уничтожили для меня возможность одиночества, и горькое ощущение этого одиночества мне теперь недоступно; но зато я знаю, что заключается в чаше земного испытательного страдания. Теперь эта поэтическая душа, в последнее время столь очищенная верою*, заживет новою жизнью, которую более других могла здесь предчувствовать. Жалеть ли о том, что эта новая жизнь для нее началась? Нет. Но жаль, жаль ее быстрого удаления из нашего света, из нашего соседства; жаль, что этот гармонический голос для нас замолчал, что это знакомое нам существо, живое, доброе, милое, теперь заперто в тесной могиле и навсегда пропало из глаз наших. Напишите же, прошу вас, то, что знаете о последних минутах нашего милого, доброго, до конца дней вдохновенного Языкова.

При своем письме Плетнев посылает мне вексель (secunda) для доставления вам и говорит мне, что этот самый вексель (prima) был уже в январе 1845 мне послан для вас же и что до сих пор нет слуху, получили ли вы его когда-нибудь. Право, ничего не помню. Если был мне прислан для вас такой вексель, то, конечно, был он вам и доставлен. Я справлялся с своею книгою, в которую я записываю отправленные письма; там стоит: 1845 января 23 к Гоголю с письмом Смирновой и* Шереметевой*; января 13 к Гоголю просто; 1846 января 21 к Гоголю со вложением векселя. Вот и все. Не знаю ничего о векселе, который должен бы идти через руки Прокоповича.* Не знаете ли вы чего сами об этом? Впрочем, если этот вексель prima пропал, то по сему, здесь посылаемому, secunda деньги вы получите. Только прошу меня уведомить о его получении. Во всех сих делах вы, любезнейший, не наблюдаете надлежащей точности. Мне почти ни разу вы не отвечали в таких случаях, когда я вам посылал деньги; и если бы я сам не вел у себя записки, то никаких бы концов собрать было невозможно. Этого же векселя я, конечно, не получал; эта посылка была бы, верно, у меня записана в книге. Прощайте.

Ваш Жуковский.

P. S. Я хотел вчера послать это письмо и вексель; но Убриль советовал* мне, чтобы избавить вас от хлопот, через Ротшильда* снести с гамбургским банкиром, на которого вексель адресован, и взять от него для вас свидетельство, что по векселю (prima) не уплачено. Без этого свидетельства неаполитанский банкир не выдаст вам денег; он от себя пошлет справку в Неаполь, и это протянется долее. Убриль сам взялся хлопотать об этом деле; когда ему вексель будет возвращен, то он перешлет его к нашему министру в Неаполе Потоцкому* для доставления вам, а вы на этот счет его предупредомьте. А меня все-таки известите о получении сего письма, дабы я знал, что вы о прибытии векселя предупредомлены. И от меня пошлетя к вам в нынешнем месяце третья тысяча; о получении двух первых вы никакого не дали мне письменного документа; а для порядка это было бы не лишнее, понеже эти деньги даны великим князем, а я обязан дать отчет в уплате их если не ему самому, то его конторе. Прощайте.

19. 6 (18) февраля 1847 <Франкфурт-на-Майне>*
Мой милый Гоголек, коротенькое письмецо твое* со вложением выписки из письма от Шевырева* я получил. Благодарю. Жаль для нас, что тот Языков, который теперь разовьется из души, освобожденной от земного, не перед нами совершит свое развитие и что это явление отнято у земли. Ему, во всяком случае, лучше, легче и радостнее, нежели нам. Но я не намерен теперь писать много. Хочу только сказать, что твоя книга теперь в моих руках*; что я ее уже всю прочитал или почти всю, то есть кроме двух последних статей, уже мне известных*; что я в ней нашел два письма ко мне*, которые сделали большой крюк в Петербург, дабы из типографии департамента внешней торговли дойти до меня в печатном образе; что я все это прочитал с жадностью, часто с живым удовольствием, часто и с живою досадою на автора, который (вопреки своему прекрасному рассуждению о том, что такое слово*) сам согрешил против слова, позволив некоторым местам из своей книги (от спеха

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya
выдать ее в свет) явиться в таком неопрятном виде; что, наконец, эта книга
должна произвестись и произведет всеобщее сильное и благотворное действие; что я
намерен ее перечитать медленно в другой раз и что по мере чтения буду писать к
автору* все, что придет в голову о его мыслях или по поводу его мыслей; что эта
переписка может также составить книгу, которая, если подлинно будет в ней
что-нибудь достойное общего внимания, может выйти вслед за первую и вместе с нею
пробудить в головах русских также несколько добрых мыслей. Итак, Гоголек, жди от
меня длинных писем; я дам волю перу своему и наперед не делаю никакого плана –
план был бы неуместен и мне бы даже повредил. Я часто замечал, что у меня
наиболее светлых мыслей тогда, как их надобно импровизировать в выражение или в
дополнение чужих мыслей. Мой ум, как огниво, которым надобно ударить об камень,
чтобы из него выскочила искра. Это вообще характер моего авторского творчества;
у меня почти все или чужое, или по поводу чужого – и все, однако, мое. Ты
наперед должен знать, что я на многое из твоей книги буду делать нападки (то
есть нападки любви к тебе и к добру, которое мы оба любим); но эти нападки будут
более на форму, нежели на содержание. Горе и досада берет, что ты так поспешил.
И на что была нужна эта поспешность, понять не могу. Если б вместо того, чтобы
скакать в Неаполь, ты месяца два провел со мною во Франкфурте, мы бы все вместе
пережевали и книга бы была избавлена от многих пятен литературных и
типографических, которых теперь с нее не снимешь. И мне бы ты был полезен, ибо
все это время было для меня время испытания; оно еще и теперь почти так же
круто, как было, в некотором отношении еще круче: у Рейтерна большая часть дома
больна; он сам до сих пор все страдал разным образом; теперь больны нервическою
горячкою Миа, Жатто* и девка в доме, – а жена болезнь усиливается
беспокойством о сестре и брате; болезнь же ее ты знаешь на себе. Но довольно.
Прости.

Твой Жуковский.

Прошу написать мне, долго ли пробудешь ты в Неаполе; куда и когда отправишься.

20. 8 (20) февраля 1847 <Франкфурт-на-Майне>*

Странные дела происходят на земле, любезный Гоголек. В январе 1845 года послан
ко мне вексель на ваше имя; я его не получал; а только с января 1847 спрашивают
у меня: получил ли я этот вексель? Следовательно, в течение ровно двух лет никто
не позаботился узнать, что сделалось с этим векселем. Хорошо ты, Гоголек. А даешь
прекрасные советы экономии дамам* и эти советы еще печатаешь для пользы всей
России. Хорошо, что Плетневу вздумалось сделать проруху и послать вексель
secunda ко мне во Франкфурт, а не прямо к тебе в Неаполь. Там бы тебе по этому
векселю не дали денег, ибо нужно бы было при нем представить свидетельство, что
по векселю prima не было уплаты. Теперь это дело решено; из Гамбурга пришло
уведомление, что prima не уплачен (куда он девался, бог ведает). Франкфуртский
Ротшильд напишет завтра к неаполитанскому Ротшильду, чтобы по векселю сделать
уплату, как скоро ты с ним явишься. Ему же дано поручение выдать тебе и от меня
1000 рублей ассигнациями, в принятии которых ты должен дать ему росписку, дабы,
по предъявлении сей росписки мне, я мог заплатить здешнему Ротшильду деньги.
Вексель же твой secunda для большей верности послан Убрилем к нашему посланнику
Потоцкому, к которому прошу немедленно явиться и взять вексель, а меня уведомить об
его получении. Из великокняжеских же денег теперь выдано мною тебе 3000 рублей,
остается еще на мне одна тысяча, которая в будущем году в феврале месяце к тебе
пошлется... но куда? Итак:

1) по получении сего письма ты явишься к Потоцкому. Он выдаст тебе вексель
secunda, отправленный к нему Убрилем;

2) с этим векселем secunda явишься в контору Ротшильда и получишь там по нем
уплату;

3) у того же Ротшильда потребуешь 1000 руб. ассигнациями, которые здешним
Ротшильдом поручено ему выдать тебе моим именем;

4) обо всем этом меня уведомишь.

Еще переписки с тобою я не начинал; но скоро начну ее.

Прощай. Обнимаю сердечно.

21. 20 февраля (4 марта) 1847 <Франкфурт-на-Майне>*

В последнем моем письме к тебе, мой милый Гоголек, я обещал снова начать чтение твоей книги с карандашом в руках, дабы, делая на нее замечания всякого рода, сообщать тебе через письма все то, что будет приходить мне в голову. Эта работа по моему вкусу; не надобно делать никакого плана; не надобно ни брать мерки, ни делать выкройки, а просто нашивать свои заплатки на чужое платье. Хотя платье не изношенное, не в дырах и не требует заплаток, но тот, кому оно достанется, может носить платье, споров заплатки, которые также могут ему на что-нибудь пригодиться, потому что все из одинаковой свежей материи. Но до сих пор я не мог приняться за перечитывание книги; причину этого скажет тебе прилагаемый здесь печатный листок*. Бог посетил наше семейство тяжким испытанием. Вот уже десять дней, как наша милая сестра Мия кончила жизнь свою; ее болезнь (*turphus cerebraalis*) продолжалась не более одиннадцати дней; она не много страдала; последние дни были спокойным, постепенным умиранием, в котором она почти до конца сохранила память; в самом начале болезни было в ней жадное желание причаститься святых тайн, и когда это желание исполнилось, совершенный, светлый покой поселился в ее душе; этот покой выражался и на лице ее всякий раз, когда душа брала верх над слабейшим телом. Утром 22 февраля отец и сестра стояли перед нею; глаза ее были закрыты, она, казалось, спала; вдруг тихо вздохнула; отец ищет ее пульс, он остановился; кладет руку на сердце, оно не бьется; смотрит ей в лицо, его покрывает тусклая бледность, и только на лбу остается какой-то живой свет. «Что это?» – спрашивает он у женщины, ходившей за больною. Та отвечает: «Это смерть». Но эта первая минута смерти принадлежала еще душе. Покинув тело, она оставила на лице, побледневшем как мрамор, выражение того, что она была в минуту своего расставания с телом: выражение покоя, смирения и как будто радости, потому что был приметен след улыбки, трогательно приятной. Таков был прекрасный конец нашей Мии, которая провела двадцать шесть лет под кровлей семейной, не испытав никакой тревоги житейской; все было чисто, прекрасно, девственно в этой безвременной (говоря человечески) смерти. Она оставила пережившим одно умирительное о себе воспоминание. Смерть только для живых есть зло, – сказал Карамзин; с одной стороны, это правда, с другой – заблуждение. Не мертвые нас теряют; мы, живые, теряем мертвых; и чем более к ним было любви, тем горестнее их утрата; чем теснее были с ними узы, тем болезненнее разрыв их. И в этом действительное зло смерти. Оно исключительно для одних живых; можно даже сказать, что отнятое у оставшихся все отдается тем, которые их оставили. Для первых видение земное исчезло, место, так мило занятое, опустело, глаза не видят, ухо не слышит, самое (для них ощутительное) сообщение душ прекратилось. Для последних все это сделалось непосредственнее, свободнее, теснее: душа со своими духовными сокровищами, с воспоминанием о лучшем земном, ей одной принадлежащем, ей, так сказать, укрепленном смертью и слившимся с ее бытием духовным, с своею любовью, с своею верою переходит в мир без времени и без пространства; она слышит без слуха, видит без очей, она сопричастна всегда и везде душе, ею любимой, не отлученная от нее никакою далью, тогда как нам, живущим, язык ее недоступен, и то, что стало более нашим, кажется нам утраченным навеки. Но в то же время смерть есть великое благо и для живущих, и тем большее благо, чем милее нам был наш умерший. Это глубоко понимает разум, освещенный лучом христианства. Но какую великую силу приобретает убеждение разума, когда оно становится опытом сердца. Пока мы сами не испытали еще никакой болезненной утраты, мы веруем, слушая голос спасителя, исходящий к нам из евангелия, и нашей мысли представляется жизнь человеческая в своем истинном великом значении. Но когда над нами самими совершается удар свыше, как иначе делается тогда внятен сердцу этот евангельский голос; уже не в листах книги мы ищем тогда спасителя нашего. Он сам нас находит, он сам становится к нам лицом к лицу; ценою бедствия покупаем мы лицемерие бога. Велика ли эта цена? И что она перед тем сокровищем, которое мы за нее приобретаем? Все, что я здесь тебе пишу, я прежде думал; теперь я это видел, и опыт близкого мне сердца сделался моим собственным опытом. Я видел отца, отдавшего в руки бога любимую дочь свою, я слышал отца, прославляющего не словами, а радостию сердца волю всевышнего, взявшую дитя его, только что расцветшее для жизни. Здесь всего протее повторить слова, сказанные им своей семье, в первую минуту утраты: «Великое дело божие над нами совершилось; мы видели своими глазами, как наша милая дочь перешла к небесному отцу своему; она принесла ему чистую, ничем житейским не потревоженную и с ним примиренную душу. И теперь мы знаем, без всякого земного сомнения знаем, что ей дано все то, чего бы мы никакою силою нашей любви не могли ни дать, ни сохранить ей в жизни. Мы можем только благодарить и славить. После такого ясного узнания милости неизреченной не позволим себе никогда ни пожалеть, что она от нас взята,

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyva
ни пожелать, чтобы она была с нами. Будем смиренны; и чтобы наше горе никогда не
пересилило нашей теперешней радости! За себя будем только покорны; за нее
благодарность и радость». Таким языком говорит христианство о величайшем земном
несчастье, которое без него раздавило бы душу и которое с ним становится для нас
преображением человеческого мрака в утешительный свет божий.

12 (24) марта <1847>.

Выставленное здесь число скажет тебе, что это письмо, начатое 4 марта, целые
двадцать дней пролежало на письменном столе моем; мне некогда было приняться за
его окончание; не хотелось послать его неоконченным. Наконец я должен был
решиться на последнее, прибавив: продолжение впредь. Этим отрывком, который в
следующем письме составит целое, начинается моя с тобою переписка по поводу
Избранных мест из твоих писем. Что буду тебе писать, еще теперь не знаю, да и
знать мне этого не нужно; буду писать, что напишется, смотря по тому, что, и
как, и когда взойдет на мысль при чтении книги. Я между тем получил твое письмо,
в котором ты уведомляешь о намерении посетить Швальбах и Остенде прежде
Иерусалима. Это благоразумно. А было неблагоразумно оставаться в Неаполе в такое
время, когда пребывание в нем всегда вредно для нерв. Теперь надобно его
оставить и перебраться скорее к нам на север. И всего бы лучше прямо в мое
соседство. Случившееся несчастье в нашем семействе, вероятно, произведет
изменения и в моих планах: жду на это разрешения из Петербурга; что велит
государь, то и будет. Но из этого следует, что мы могли бы еще пожить, если не в
одном доме, то в одном месте, и мои критико-философические письма шли бы не
через почту, а передавались бы из рук в руки. Я еще не мог приняться за свою
главную работу, за «Одиссею»; надобно размахаться, прежде нежели начать снова
полет. И я размахался тем, что кончил «Рустема и Зораба»*, которого (в этом я
уверен) ты прочтешь с удовольствием, ибо в этом отрывке, составляющем целое,
высокая поэзия не древней Греции, не образованного Запада, но пышного,
пламенного Востока. Теперь переписываю и в то же время поправляю поэму. Мне
весело будет слушать, как ты опять будешь читать ее вслух предо мною для новых
поправок. Прости. Убриль уведомил меня, что ты получил вексель; смешно, право,
что мне ты ничего об этом не пишешь, тогда как знаешь, что вексель был доставлен
мне и что я обязан об нем дать отчет тем, кто его мне доставили. Что за
растегайство именно в таких делах, в которых необходима точность математическая.
Жена и все мои родные тебе дружески кланяются.

Ж.

22. <Конец 1847, франкфурт-на-майне>*

Вообрази, любезнейший Гоголек, что ты еще ни разу не написал ко мне с тех пор,
как мы расстались. Не знаю, как это изъяснить. Вот тебе еще письмо. Я
распечатал, чтобы уменьшить вес, но не читал. Теперь принялся за твою книгу*, и
если удастся сделать сколько-нибудь путных замечаний, то они вместе с написанным
прежним будут напечатаны под титулом: Отрывки из писем к Гоголю*, писанных к
нему о его книге. Работа привлекательная. Она мне служит переходом к «Одиссее».
Между тем и «Одиссея» и «Рустем» печатаются в Карлсру. Полное издание моих
сочинений* выйdet, если поможет бог, в начале осени 1848. Тогда примусь за
прозу: еще много можно будет доброго написать, если еще несколько лет жизни мне
дастся и не нападет болезнь на меня. Прощай.

23. Ганау, 7 (19) апреля 1848 года*

С изумлением и с радостью, мой милый Гоголь, получил я твое письмо из
Иерусалима*. В то время как я полагал, что вокруг тебя шумит возмущившийся
Неаполь*, ты спокойно стоял у гроба господня и, смотря на него, глубже понимал и
значение человеческих тревог на земле и тайну небесного мира души человеческой.
В эту минуту ты, вероятно, на пути в отечество; ты, вероятно, посетив святую
землю откровения, заглянул и в классическую землю героических басен, в Трояду,
из которой пустился в свое долгое странствие наш Одиссей; вероятно, ты видел
Босфор; может быть, теперь сидишь в Константинополе или уже плывешь по волнам
Черного моря в Одессу... Добрый путь в любезное отечество! А я между тем сию у
Майна и жду погоды, которая в это время весьма бурная. Твои неаполитанские смуты
через Париж перебежали в Германию*; немецкое пиво запенилось, как французское
шампанское. Мог ли ты вообразить возможность такого всеобщего переворота? Но ни
слова о политике; скажу только несколько слов о себе. Когда ты будешь читать в
Полтаве это письмо, я буду уже, если бог сохранит нас посреди этого
землетрясения, на пути в

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya
Россию. Но прежде надобно жене полечиться в Эмсе; позволят ли обстоятельства это исполнить, не знаю; но Эмс для нее необходим; она несказанно страдает. Да и у меня третья неделя <как> болят глаза, что принуждает меня не своеручно писать, а диктовать письмо мое к тебе. Пишу из Ганау, куда перевез жену для Коппа недели на две. В нашем Франкфурте, в нашем уголку саксенгаузенском, спокойно и безопасно, хотя Франкфурт теперь сделался центром революционного движения.

Я не отвечал тебе на твое длинное последнее письмо*, заключающее в себе твою и, вместе с твоею, мою литературную исповедь, – правильное сказать, я не послал тебе моего ответа, ибо не полагал, что он тебя застанет в Неаполе; но ответ написан*; я послал его в Москву к Елагиной, дабы она передала его Шевыреву для напечатания в «Москвитянине». Во всяком случае, я надеюсь, если на то воля божия, увидеться с тобою в России в конце нынешнего года. Если бог даст жизни, то мы можем еще рука в руку пройти по одной дороге, имея перед глазами цель высокую и святую, для пользы души нашей, а с нею и для пользы нашего отечества. Прости; жена тебе сердечно кланяется, все наше семейство тебя помнит и любит. Весьма может случиться, что все мы сойдемся под отечественным небом.

Твой Жуковский.

24. <31 октября (12 ноября) 1849, Баден-Баден>*
Обними за меня Шевырева. Благодарю его за дружеский ответ на мое письмо из Варшавы. Он очень, очень бы одолжил меня, доставив мне через Булгакова свои статьи об «Одиссее»* (если можно, и первую и вторую), если эта написана.

25. 20 января (1 февраля) 1850, Баден-Баден*
Наконец, мой милый Гоголек, я получил от тебя что-то похожее на письмо*, после двух лет разлуки, и какой разлуки? Во время это случилось столько с тобою, что было бы довольно материалов для продолжительной переписки. Впрочем, я не слишком тебя обвиняю – все возможные загадки лени мне понятны, ибо все мною самим были разгаданы. И теперь волку отливаются овечьи слезы: все мои друзья молчат, как мертвые. Ни один даже из учтивости не поблагодарил меня за присылку «Одиссеи». Весьма сожалею, что истратил деньги на напечатание ста экземпляров in 8° [64] полных моих сочинений, для раздачи моим друзьям и приятелям; из лавки Смирдина каждый получил бы свой экземпляр без хлопот; а я не остался бы в убытке. Но оставим это. Благодарю тебя за письмецо. Что скажу о себе? Я не на розах по-прежнему, как то было при тебе. Жена продолжает страдать, и тебе понятнее, нежели другим, каково ей, – ты сам испытал все эти муки, которые не потому так тягостны, что сокрушают счастье жизни, но более потому, что отымают у души всякую способность переносить их с покорным терпением. Убеждение говорит: «Здесь все добро, и все к добру, потому что бог хозяин в доме своем и сам обо всем заботится лично, следственно все должно быть в совершенном порядке. Да не смущается сердце твое!» Так думается всегда, но не так чувствуется в некоторые минуты, которые своею тревогою сокрушают душу, как нечаянное наводнение, которое вдруг уносит хижину со всеми в ней живущими.

Но об этом предмете будем говорить после. Обращаюсь к историческому. Из Швейцарии, куда мы спасались от немецкого колбасного бунта*, мы переселились снова в Баден-Баден. Зима у нас жестокая, какой никогда здесь не бывало; она мешаает Гугерту приняться за лечение жены; по его плану мы должны остаться в Бадене до конца июня, провести июль в Остенде, потом возвратиться в Россию и провести зиму в Ревеле. Исполнится ли этот план – это знает один всевышний хозяин. Меж тем я, побывав в Варшаве, хворал, и хотя не было у меня лежачей болезни, но чуть не появилась смертельная – тем все поправилось. Но, кончив свой большой труд*, я вдруг остался без дела, как корабль, который плыл с попутным ветром на всех парусах и вдруг, обхваченный штилем, остановился посреди неподвижного моря и лениво покачивается на одном месте, производя в пассажирах тошноту и рвоту. Из этой неподвижности я вышел, однако, принявшись после эпической поэмы за азбуку, то есть принявшись за обучение грамоте моей Сашки. И так как это дело должно совершаться по моей собственной, мною самим изобретенной методе, то оно имеет характер поэтического создания и весьма увлекательно, хотя начинается чисто с азбуки и простого счета. Что моя метода хороша, то кажется мне доказанным на опыте, ибо вот уже целый месяц, как ежедневно (правда, не более получаса в дни) я занимаюсь с Сашей, а она не чувствовала ни минуты скуки именно потому, что я заставляю ее своею головкою работать, а не принуждаю сидеть передо мною с открытым ртом, чтобы принимать от меня жеванные мною, а потому и отвратительные куски пищи: сравнение немного нечисто, но оно верное. Из этих уроков может составиться полный систематический курс пригготовительного,

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya
домашнего учения, который со временем может принести и общую пользу. Между тем берет меня подчас и охота побеседовать с моею старушкою музою; хотелось бы пропеть мою лебединою песнь, хотелось бы написать моего «Странствующего жида»*; но это могу сделать только урывками. Теперь главный мой труд педагогический. Знаешь ли, что ты можешь помочь мне весьма значительно в этом поэтическом предприятии? План «Странствующего жида» тебе известен: я тебе его рассказывал и даже читал начало, состоящее не более как из двадцати стихов. Что же ты тут можешь сделать с своей стороны? А вот что. Мне нужны локальные краски Палестины*. Ты ее видел, и видел глазами христианина и поэта. Передай мне свои видения; опиши мне просто (как путешественник, возвратившийся к своим домашним и им рассказывающий, что где с ним было) то, что ты видел в Святой земле; я бы желал иметь перед глазами живописную сторону Иерусалима, долины Иосафатовой, Элеонской горы, Вифлеема, Мертвого моря, Пустыни искушения, Фавора, Кармила, Степи, Тивериадского озера, долины Иорданской – все это, вероятно, ты видел; набросай мне несколько живых картин без всякого плана, как вспомнится, как напишется, мне это будет несказанно полезно и даже вдохновительно для моей поэмы: я уверен, что к собственным моим мыслям прибавится много новых, которые выскочат, как искры, от удара моей фантазии об твою. Не поленись же, напиши, сделаешь мне дорогой подарок, да и самому тебе будет приятно мне его сделать: поневоле воротиться в Палестину. А я буду ждать твоего ответа – утвердительного или отрицательного, и до тех пор не примусь за свое лебединое пение.

Прости. Пришли свой адрес. Ты так обленился, что и об второй части «Одиссеи» не сказал мне ни слова*, а я ею более доволен, нежели первую. Как ты?

26. 1 (13) февраля 1851 г., Баден<-Баден>*
Милый Гоголек. Вот уж моя очередь перед тобою виниться: на твое большое письмо я отвечал печатным, а на твое письмо о Палестине совсем не отвечал; оно чрезвычайно оригинально и интересно, хотя в нем одно, так сказать, негативное изображение того, что ты видел в земле обетованной. Но все придет в свой порядок в воспоминании. То, что не далось в настоящем, может сторицею даваться в прошедшем. И со временем твои воспоминания о святой земле будут для тебя живее твоего там присутствия. – Скажу тебе теперь несколько слов о себе. Но нет, еще несколько слов о тебе. Здесь, в Бадене, Кошелев* (который, однако, нынче отъезжает); он обрадовал меня известием, что «Мертвые души» идут шибко вперед*. Он знает, что ты читал многое Хомякову*; но Хомяков не сказал, что, как и каково, сохраняя данное тебе обещание не произносить никакого суждения. Но для меня довольно знать, что ты пишешь, и что пишется – дело будет, верно, хорошо кончено.

Теперь обо мне. Я надеюсь, верно, возвратиться нынешнею весною или в начале лета в Россию. Прежде всего поеду в Дерпт и там на первый случай оставлю жену и детей; сам же в августе месяце отправлюсь в Москву и там отпраздную коронацию и царские юбилеи; туда, надеюсь, на это время съедутся все мои родные; туда, равно надеюсь, приедешь и ты и, по образу и подобию Хомякова, дашь мне хлебнуть твоих «Мертвых душ». – Я же теперь работаю много, но мои теперешние работы все ограничиваются педагогикою, то есть приготовлением к предварительному курсу учения детей моих. Эта работа берет все мое время и не позволяет мне ни за что другое приняться. Если бы ее не было, то я бы перевел всю «Илиаду»*; полторы песни переведены (каталог кораблей сбросил с плеч*: это самое трудное), все пошло бы по маслу; но труд по службе, то есть по домашнему министерству просвещения, должен быть впереди; надеюсь, что «Илиада» от меня не уйдет: великое было бы дело оставить по себе в наследство отечеству полного Гомера. Об этом, однако, прошу тебя не говорить. Хотелось бы и «Вечного жида» успокоить; это<т> труд может быть результатом теперешних трудов моих. Моли бога, чтобы даровал мне еще десяток лет здоровой жизни; я буду стараться употребить их с пользою, покорствуя святой его воле; тогда после меня что-нибудь дельное останется на добро детям моим и отечеству.

Прости, Гоголек. Я напишу к тебе, когда поеду отсюда или когда приеду в Россию. Жена дружески тебе кланяется.

Твой верный Жуковский.

27. Баден, 4 (16) января 1852*
Милый Гоголек, наконец ты откликнулся*. Благодарю тебя за твою бог помочь и радуюсь, что бог помог тебе написать ко мне пятнадцать строк, из которых я с умилением узнал, что ты живешь на Никитском бульваре, в доме Талызина. Обо мне

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya же ты, конечно, помнил про себя и никого не спрашивал; в противном случае кое-кто, по крайней мере Булгаков*, мог бы тебе сказать, что я более 6 месяцев болен глазами, что эта болезнь остановила мою поездку в Россию, к которой все было приготовлено в прошедшем июле, и что я с тех пор ни за какую работу порядочно приняться не мог. Стороною слышу, что твоя работа идет удачно, что твои «Мертвые души» удивительно живы и что Смирнова от них в восхищении*; слыша это, я мучаюсь нетерпением познакомиться с твоими мертвецами. Сам же я прошлую зиму работал усердно; но все теперь от глазной болезни остановилось; я сию перед начатыми своими планами, как Тантал перед плодами: добрый случай научиться предать себя в волю божию. Прости. Поздравляю тебя с Новым годом. Дай бог тебе к концу его дать жизни Мертвым душам твоим. Много писать к тебе не могу, да и не о чем: слепота не обильная материя для переписки. Если, однако, ты напишешь мне что-нибудь более интересное, нежели никитский бульвар, то и во мне родится позыв поговорить с тобою не об одном моем больном глазе. Прости! Обнимаю тебя и говорю всем сердцем: бог помочь.

Твой Жуковский.

Письма к разным лицам

1. Г. Р. Державину. Генваря дня 1799 года, Москва*
Милостивый государь! Творения ваши, может быть, столько ж делают чести России, сколько победы Румянцевых*. Читая с восхищением «Фелицу», «Памятник герою», «Водопад» и проч., сколь часто обращаемся мы в мыслях к бессмертному творцу их и говорим: «Он россиянин, он наш соотечественник». Плененные редкими, неподражаемыми красотами оды вашей «Бог», мы осмелились перевести ее на французский язык, и вам на суд представляем перевод свой. Простите, м<илостивый> г<осударь>, если грубая кисть копиистов обезобразила превосходную картину великого мастера. Чтобы удержать всю силу, всю возвышенность подлинника, надобно иметь великий дух ваш, надобно иметь пламенное ваше перо.

Именем всех своих товарищей мы просим вас, м<илостивый> г<осударь>, снисходительно принять сей плод трудов наших, уверяя, что мы почтем себя весьма счастливыми, если он удостоится благосклонного вашего внимания.

С совершенным высокопочитанием имеем честь быть в<аше>го пр<евосходительст>ва м<илости>вого г<осу>д<а>ря всепокорнейшие слуги.

Василий Жуковский.

Семен Родзянка.*

2. Ф. Г. Вендриху. 19 декабря 1805 <Белев>*
Благодарю вас, любезный и почтенный Федор Григорьевич, за ваше приятное письмо, которое меня очень обрадовало; позвольте уверить вас, что я много ценю вашу дружбу и желаю искренно, чтобы она укоренилась. Отвечаю вам несколько поздно потому, что почта отсюда отходит, как мне сказывали, по одним только середам, а ваше письмо получено мною в прошедший четверг, но прошу вас верить, что для меня истинно приятно иметь с вами хотя письменное сношение и что в продолжении нашей переписки я предвижу для себя великую выгоду: сообщение с таким человеком, как вы, должно не только развивать понятия, но даже сообщать много новых: итак, мне позволено быть в этом случае эгоистом. Не знаю, разберете ли вы мою руку; я, по несчастию, не имею жены, которая бы могла писать четко и прекрасно, и, сверх того, не надеюсь, чтобы мой русский слог вам так понравился, как мне ваш немецкий. Но дело идет не о слоге, пиши как разумеешь, материя, конечно, найдется; французская пословица: à bon entendeur demi-mot, [65] очень справедлива.

Начну ответом на ваше письмо. Описание вояжа из Долбино в Орел очень меня повеселило. Я теперь твердо уверен, что мораль иногда бывает питательна не для одной души, а вместе и для желудка. Если бы вы не сделали маленького морального наставления нашему приятелю Киреевскому* о средствах хорошо кормить своих гостей, то бы желудок ваш не очень был доволен долбинским обедом. Vive la philosophie morale! Vive son influence même sur la cuisine la plus delabrée. Je voudrais pourtant que la philosophie de notre ami Kireefsky fut un peu plus matérielle pour qu'il put boucher un peu les trous par les quels le vent entre dans sa maison de Dolbino et fait que les honnêtes gens y ont les doigts gelés. Le Cynisme là est un peu fort! [66] как бы то ни было, поздравляю вас с счастливым возвращением в свое семейство, которое для меня весьма интересно. Я

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya
воображаю ваш уголок спокойным и веселым пристанищем добрых людей, которым знакомы музы, которые тем больше умеют наслаждаться удовольствиями жизни, чем лучше и справедливее умеют их ценить, я бы очень желал видеть вас в середине вашего семейства, которому прошу меня непременно рекомендовать, и, конечно, исполню это желание, если мне представится благоприятный случай. Между тем скажу вам, что здесь все об вас помнят. Madame Protasof просит вас верить, что она также не забудет никогда тех приятных минут, которые ей доставило короткое знакомство с вами. Марья Андреевна благодарит вас за песню и ноты, которые вытвердила и часто играет.

В благодарность за ваше подробное описание путешествия в Орел скажу вам слово о своих собственных занятиях. Я переселился в Белев, в свой дом; вся наша фамилия теперь живет у меня, следовательно я не могу пожаловаться, чтобы вокруг меня было пусто; скучать могу еще меньше, потому что принялся читать Виланда*, вашего приятеля. Читаю «Агатона»*; удивительная книга! Я думаю, это лучшее его сочинение. Какой слог! Какое знание света и человеческого сердца! Как все прекрасно описано: и афинские собрания, и уборная Динаи, и двор Дионисия! И какая философия! Я зачинал читать эту книгу прежде, давно, во французском переводе; признаюсь, тогда она мне наскучила: первое, потому что перевод был дурен и что почти невозможно хорошо перевести книгу, написанную таким единственно прекрасным слогом, как «Агатон»; второе, потому что эта книга меньше роман, нежели философическое изображение человека; а тогда я не мог так любить философическое, как люблю теперь, и меньше мог понимать философию «Агатона». Трудно найти книгу столько полезную, как эта, для молодого человека с некоторою живостию в воображении. Я прочел только два первые тома, теперь начинаю третий, но по оглавлению, кажется, понимаю план и цель Виланда. Он представляет молодого энтузиаста добродетели во всех положениях жизни, он сличает его вдохновенную философию с убийственной философией светских развратников, эгоистов по правилам, одним словом Гиппиасов. Это сличение имеет великую пользу. В свете обыкновенно смеются мечтам и чувствам пылких молодых людей; называют их понятия о добродетели химерами; в самом деле, они химеры в большом свете, для которого они существуют и который привык все обращать в смешное; но они не химеры для того человека, который заключает свое счастье меньше в грубой чувственности, нежели в наслаждениях духовных. Виланд хотел согласить сии две противоположности: мечтательность, которая разлучает человека с людьми и переселяет его в жилище духов, и грубую телесность, чувственность, которая слишком унижает человека и лишает его морального и первейшего достоинства, единственно отличающего его от скотов. Жить одними идеалами не годится, но не иметь совсем идеалов столь же не годится: середина есть то, что всякий человек с некоторым особенным образом чувства избирать должен. Я еще не дочитал «Агатона», но мне кажется, что Виланд при конце в виде Архитаса представил настоящего мудреца, истинного морального человека. Я бы желал, чтобы всякий молодой человек с пылкой, платонической душою пред своим вступлением в свет брал в руки «Агатона», прочитывал его несколько раз и приговаривал себя сим чтением к тем многочисленным, иногда трудным опытам, которые для всех нас, бедных грешников, приготовлены. Он бы изучил не верить своей мечтательности (Schwärmerei), которая сама по себе вредна и опасна, но, будучи обуздана здравою опытною философиею, может быть источником совершеннейшего земного счастья; в то же время он бы вооружился против обольстительной философии светских эгоистов, которых вся доктрина методически представлена Гиппиасом и самым лучшим образом опровергнута в продолжение всей истории Агатона; я думаю, что Архитас должен быть противоположность Гиппиаса, и тем лучше, что его философия оставлена для конца: последнее впечатление всегда самое сильнейшее. Одним словом, «Агатон» прекраснейшая книга Виланда, несмотря на то, что он часто отдалается от материи. Главное достоинство его состоит в том, что он не дает уму заснуть и всегда возбуждает много мыслей... Но я, верно, вам наскучил, говоря о таком предмете, который вы, конечно, знаете лучше меня. Что нужды! Любовникам приятно говорить о своих любовницах, а охотникам до чтения – о тех книгах, которые они читают. Вы мне сами должны сообщить свое мнение о «Агатоне». Я бы желал, если бы не боялся вас отяготить, чтобы вы назначили мне все лучшие немецкие книги во всех родах литературы; немецкая литература мне мало знакома; но я, конечно, не имею нужды искать лучше вас советника в выборе книг немецких. Между тем простите. Мое почтение всему вашему любезному семейству. Присылайте свой перевод и не забывайте Жуковского.

3. Н. И. Гнедичу. <конец 1814 – начало 1815>*

Письмо ваше слишком уже для меня лестно, почтеннейший Николай Иванович. Но для меня весело благодарить вас за то дружеское чувство, которое внушило вам те похвалы, которыми вы меня осыпаете. Это уже не самолюбие. Я помню всегда те

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya
немногие минуты, которые мне было так приятно провести с вами в вашу бытность в Москве. По вашему письму ко мне сужу, что и вам они памяты. Давайте же руку, любезный родня по Парнасу. У нас одинакая цель – прекрасное! И так надобно, чтобы мы были добрыми товарищами на дороге к этой цели! Начнем с того, чтобы любить друг друга, следовательно радоваться взаимными успехами и помогать друг другу в их приобретении. Вы выбрали себе славную работу: Россия будет вам благодарна за старика Гомера*, которого вы ей усыновляете; я радуюсь, между прочим, и старому гекзаметру*, который вотще нашим почетным любимцам феба, ближе к гармонии вдохновенных лир, чем сухой и прозаический ямб, освященный привычкою. Я сам осмелился сделать опыт перевода гекзаметром «Аббадоны» – известный вам эпилог из Клопштоковой «Мессиады»*. На следующей почте пошлю этот отрывок к Сергею Семеновичу*, а вас прошу сделать замечания. Так как и всегда, прошу не отказывать мне в своих братских советах. Нигде так братство не нужно, как на Парнасе. Ни от кого так одобрение не приятно, как от товарищей. Обнимаю вас, повторяю то же, что сказал вам за несколько лет на Пречистенке*, в своей комнатке, что желаю искренно вашей дружбы.

Вам преданный с совершенным почтением

Жуковский.

4. П. А. Вяземскому. 19 сентября 1815 <Петербург>*

Я получил твое милое письмо*, любезный друг, и прекрасные стихи – новый род стихотворения, то есть живописный, не кажется ли <он> тебе новым? Прекрасно! Действие этих стихов точно такое же, как действие прекрасной природы, такое же действие спокойного взгляда на великолепные зрелища – в душе после них остается что-то живое и вместе тихое! Ты требуешь моего благословения! Благословляю обеими руками! Если ты не поэт, то кому же сметь называться поэтом! Пиши более для собственного счастья, ибо поэзия есть добродетель, следовательно счастье! Наслаждение, какое чувствует прекрасная душа, производя прекрасное в поэзии, можно только сравнить с чувством доброго дела; и то и другое нас возвышает, нас дружит с собою и делает друзьями со всем, что вокруг нас! Пиши более для чести и славы своего времени – я хотел было прибавить: но это дело постороннее! Рука остановилась – нет! Это не постороннее дело! Это цель прекрасная! Не суетное честолюбие, но что-то великое, достойное только благородного сердца.

Надежда сердцем жить в веках!*

.....
Что счастьем для нас в минувшей жизни было,
То будет счастьем для милых нам сердец
И долго после нас!

Твои стихи я читал и один и с ареопагом. С первого же чтения они мне очень и очень понравились; поэтому после мы прочитали их с Блудовым и Тургеневым еще раз – прекрасно! Они полны свежести! Природа в них дышит! Посылаю мои замечания, написанные в поэтических стихах!* От некоторых отказываюсь. Сень благоухать может!*Переступившему светилу позволяется не трудить себя* новым восхождением на небо! По другим замечаниям, кажется, надобно, необходимо поправить. Одно может показаться тебе несправедливым, но оно тоже справедливо! Дремать в златых мечтах никак нельзя!* Златые мечты прекрасны, когда говоришь просто о мечтах и хочешь им дать отвлеченный образ, но как скоро говоришь о мечтах в отношении к тому, кто их имеет, то златые совсем не годятся: не оправдывай себя моим примером; я сказал в «Кассандре»*: в сновидениях златых – это такая же точно ошибка, какая у тебя! Она оставлена в моей пиесе за неумением исправить, а поправить было бы весьма нужно. Жду твоего вечера*[67] с нетерпением! Верно, будет у тебя и луна – посмотрим, какую луну ты нам представишь из твоего магазина, а мой уже немного истощился, и этого жаль, потому что мне скоро понадобится еще луна, а для чего, увидишь сам.

Я давно к тебе не писал; это оттого, что я во все это время не собрал порядочно мыслей; все таскался из Дерпта в Петербург, из Петербурга в Дерпт и из Дерпта в Петербург. Теперь, кажется, я пригвоздил себя на несколько месяцев к одному месту. Пробуду здесь всю зиму и не прежде будущей весны поднимусь восвояси. В начале весны, проездом через Москву, заеду в Остафьево и, вероятно, вместе проведем месяц в деревне, подле нашего Ливия*, может быть, и два. Потом переселюсь опять на свою родину, чтобы совершенно посвятить себя своей музе и только изредка делать набег на Петербург, – таков мой план на эту минуту, что скажет об нем PROVIDENCE, не знаю и мало забочусь узнать.

Грядущее – беспечно небесам!*

Прекрасному – текущее мгновенье!

Здесь моя жизнь идет и так и сяк – порядку нет, следовательно и большой деятельности, то есть никакой деятельности нет. Я ничего не написал. Этому есть много причин. Может быть, самая меньшая – рассеянность, к которой я нимало не привычен и от которой легко отвязаться. Как ни мал мой челнок, как ни тих, по-видимому, тот залив, в который его загнала судьба, – но и в этом заливе есть волнение; оно до сих пор непрестанное, и челнок мой все колыхался. Погоди, друг! Скоро, может быть, брошу якорь! В приятном или неприятном месте, но все якорь! В ожидании этого времени таскаюсь и ко двору царскому. По приезде моем из Дерпта я был в Павловске и прожил там три дни, в которые обедал и ужинал у государыни*. Эти три дни были для меня неожиданно приятные: я воображал неловкость – нашел удовольствие именно потому, что сердце, а не самолюбие были тронуты. Наша государыня неизъяснимо приятная. Чего же более для человека, далекого от честолюбия. Моим представителем был Нелединский*. Я жил в его комнатах, и три дня познакомили меня с ним, как три года. Не знаю, можно ли быть добродушнее Нелединского. Он был самым нежным, заботливым моим родным. Не забыл обо мне ни на минуту; и все это с такою простотою, с такою непринужденностию. Он привязал к себе мое сердце. Я не люблю читать кому ни попало стихов своих, а ему читать их весело. Он судит сердцем, которое у него в шестьдесят лет так же молодо, как в двадцать. От того, что трогает, он плачет как дитя. В один из таких павловских вечеров было чтение, между прочим моего послания* (прежде я сам читал «Певца!»* Но как читал!). Послание же читал Нелединский, и по этому чтению я уверился, что оно хорошо при всех своих недостатках. Оно на всех равно сильно действовало – доказательство, что то чувство, с каким оно было писано в лучшие минуты жизни, выражено в нем со всей простотою и живостию. Нелединский читает просто, но с чувством: всему хорошему умеет он дать своим чтением его выражение. Читали и многие баллады, между прочим и ужасную «Старушку»*, но более всех понравилась «Эолова арфа». Ее читали два раза сряду.

Я сделал еще приятное знакомство! С нашим молодым чудотворцем Пушкиным.* Я был у него на минуту в Сарском Селе. Милое, живое творенье! Он мне обрадовался и крепко прижал руку мою к сердцу.* Это надежда нашей словесности. Боюсь только, чтобы он, вообразив себя зрелым, не мешал себе созреть! Нам всем надобно соединиться, чтобы помочь вырасти этому будущему гиганту, который всех нас перерастет. Ему надобно непременно учиться, и учиться не так, как мы учились! Боюсь я за него этого убийственного лица* – там учат дурно! Учение, худо предлагаемое, теряет прелесть для молодой, пылкой души, которой приятнее творить, нежели трудиться и собирать материал для солидного здания! Он истощит себя. Я бы желал переселить его года на три, на четыре в Геттинген или в какой-нибудь другой немецкий университет! Даже Дерпт лучше Сарского Села. Он написал ко мне послание, которое отдал мне* из рук в руки, – прекрасное! Это лучшее его произведение! Но и во всех других виден талант необыкновенный! Его душе нужна пища! Он теперь бродит около чужих идей и картин. Но когда запасется собственными, увидишь, что из него выйдет! Послание доставлю тебе после.

В заключение моего письма скажу тебе о начале твоего; оно разгорячило мне сердце, которое, правду сказать, часто бывает облито каким-то умерщвляющим холодом. Брат, твоя дружба есть для меня великая драгоценность, и во многие минуты мысль об ней для меня ободрительна. Помнишь ли, когда мы обедали вместе у князя Гагарина*, ты сказал Толстому*, показывая на меня: «I l a une belle âme!»[68] Я вспоминаю об этой минуте всегда с необыкновенною сладостию, и то чувство, которое произвело во мне это слово, доказывает мне, что я тебя люблю; такого рода мнение дорого только в любимом и уважаемом человеке. Есть люди, от которых похвала даже противна. Но в этом слове не похвала, а одобрение друга, и потому-то оно меня и тронуло. Блажен человек, имеющий друзей, которых похвала может возвышать его душу. Такого рода похвала есть перл жизни – это голос собственного сердца; это приговор совести нашей, произнесенный вслух тем человеком, который заступает место. Удовольствия самолюбия не имеют в себе ничего трогательного; можно сказать, что они сушат сердце. Но радоваться самим собою в присутствии друзей – вот настоящая радость. Поклон Вере Федоровне*. Третьего дня были ее именины – поздравил. Машеньку целую*. Напомни обо мне почтенному Николаю Михайловичу и Екатерине Андреевне* – душевно люблю их везде и всегда. Тургенев, и Жихарев, и Блудов тебе кланяются. Жив ли Пушкин?* Обними его за меня. Поклон Кокошкину*, Мерзлякову и прочей братии. Где Толстой? Помнит ли обо мне?

За неимением доброго, посылаю кое-что. Стихи, написанные в Павловске

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya
Нелединскому в день его рождения и читанные за завтраком у княгини Щербатовой*:

Друзья, стакан к стакану!
Парнаса капитану
Я, рядовой поэт,
Желаю многих лет!
Бессмертье уж имеет
За песни он давно,
И, в свой черед, оно
За жизнь поспеет!
Но чтоб на свете он
Жил долго нам на радость!
Ему Анакреон
Души веселой младость
С струнами завещал!
Хоть Крон и насчитал
Ему с тремя годами
Уж полных шестьдесят,
Но все под сединами
Глаза его блестят
И в сердце молодое
Хлад жизни не проник!
Младой с ним молод вдвое,
Старик с ним не старик!
Для бога Аполлона
Стократ Анакреона
Милей быть должен он!
И чем Анакреон
Известен? Лишь стихами!
Он сладко ел и пил
И звонкими струнами
Сквозь хмель и сон хвалил
Вино, Киприду, радость
И быстротечну младость!
Но так ли добр он был,
Как наш поэт бесценный?
Не верю я! Пленный
Той милой простотой,
Той нежностью родного,
С какой певца младого,
Меня, сравнив с собой,
Забыв и сан и лета,
Он был товарищ мой
При скользком входе света,
За доброго поэта
Я душу рад отдать!
Теперь же хоть сказать
В задаток: многи лета!

5. И. И. Дмитриеву. 18 февраля 1816 <Петербург>*

Милостивый государь Иван Иванович. Я имел удовольствие получить ваше приятное письмо и вашу книгу*. От всего сердца благодарю ваше превосходительство за бесценный подарок. Отсутствие мое в Дерпте причиною тому, что отвечаю несколько поздно. Не почитаю за нужное уверять ваше превосходительство в том, как высоко ценю всякий знак вашей ко мне дружбы. Вам известно, как я привязан к вам и каким почтением исполнен к вашему характеру.

О себе имею честь донести вашему превосходительству, что я здесь почти без дела. Занимаюсь изданием книги своей*; итак – почти ничем. Второй, и последний, том выйдет недели через две с половиною и тотчас будет доставлен вашему превосходительству. Кончив это дело, поеду в Дерпт; а весной, может быть, загляну в Москву и буду иметь удовольствие посетить вас в новом вашем доме. Из этого можете заключить, что еще моя странническая, или странная, жизнь не окончилась.

У нас здесь праздник за праздником. Для меня же лучший из праздников: присутствие здесь нашего почтенного Николая Михайловича <Карамзина>. Здесь все жаждут его узнать*, и видеть его в этом кругу так же приятно, как и быть с ним, в его семье: он обращает в чистое наслаждение сердца то, что для большей части

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya
есть только беспокойное удовольствие самолюбия. Что же касается до меня, то мне весело необыкновенно об нем говорить и думать. Я благодарен ему за счастье особенного рода: за счастье знать и (что еще более) чувствовать настоящую ему цену. Это более нежели что-нибудь дружит меня с самим собою. И можно сказать, что у меня в душе есть особенно хорошее свойство, которое называется Карамзиным: тут соединено все, что есть во мне доброго и лучшего. Недавно провел я у него самый приятный вечер. Он читал нам описание взятия Казани*. Какое совершенство! И какая эпоха для русского появления этой истории! Какое сокровище для языка, для поэзии*, не говорю уже о той деятельности, которая должна будет родиться в умах. Эту историю можно назвать воскресителем прошедших веков бытия нашего народа. По сию пору они были для нас только мертвыми мумиями, и все истории русского народа, доселе известные, можно назвать только гробами, в которых мы видели лежащими эти безобразные мумии. Теперь все оживятся, подымутся и получат величественный, привлекательный образ. Счастливы дарования, теперь созревающие! Они начнут свое поприще, вооруженные с ног до головы.

После Карамзина не следовало бы говорить о самом себе – но для чего же? Я желаю быть ему подобным в стремлении к хорошему. Во мне живо желание произвести что-нибудь такое, что бы осталось памятником доброй жизни. По сию пору ни деятельность, ни обстоятельства не соответствовали желанию; но оно не умирало, а только иногда засыпало. Если обстоятельства не сделались счастливее, то по крайней мере лучше, по крайней мере в отношении к нравственному лучше; вероятно, что буду более в ладу с самим собою, – это главное для поэзии. О фортуне же попечется провидение.

Я должен кончить в такую минуту, когда перо было разговорилось. Простите, ваше превосходительство. Иметь всегда ту привязанность к вам, какую имел я и прежде в сердце своем, есть для меня счастье. Прошу вас не переменять ко мне никогда бесценной вашей дружбы. С совершенным почтением честь имею быть вашего превосходительства покорнейшим слугою.

Жуковский.

6. Н. И. Гнедичу. <Начало 1816. Петербург>*

Возвращаю билет с надписью, а за табак благодарю любезного Гексаметра*. Я еду завтра часу в двенадцатом. Как бы нам увидеться? Нынче часов в 7-мь буду у Е<катерины> Федоровны*. Не зайдешь ли к ней? Послал тебе «Ольгу» Катенина*. Потрудись ее возвратить ему и поблагодари за доставление. Эта пиеса, при многих ее недостатках, доказывает мне, что он со временем будет писать хорошо. Если он будет иметь менее доверенности к себе и решится писать не для одних минутных похвал, то он будет автором хорошим. Он точно имеет дарование. Возвращаю письмо Батюшкова. Приложенные книги и записку прошу тебя отослать к Гречу. Обнимаю тебя.

Жуковский.

7. Г. Р. Державину. Дерпт, 17 апреля 1816*

М<илостивый> г<осударь> Г<аврила> Р<оманович>. Спешу исполнить обещание, данное мною в<аше>му высокопревосходительству; посылаю немецкий перевод вашей оды «Вельможа». Переводчик есть студент дерптского университета г. Борг*. Он хорошо знает русский язык. Вероятно, что он переведет и еще многие из стихотворений в<аше>го в<ысоко>пр<евосходительства>. Но верно то, что их оригинальный характер не может быть выражен ни в каком переводе. Свидетелем этого прилагаемый здесь опыт. Перевод верен, но далек от оригинала.

Пользуюсь сим случаем, чтобы принести в<аше>му в<ысоко>пр<евосходительству> сердечную благодарность за несколько счастливых часов, проведенных в беседе с вами*. Видеть великого поэта Екатерины и России было для меня счастьем. Смею надеяться, что в<аше> в<ысоко>пр<евосходительство> иногда удостоите своего воспоминания человека, привязанного к вам искренно, хотя и весьма недолго имевшего счастье пользоваться вашим знакомством.

Примите уверение в совершенном высокопочтении, с коим честь имею быть в<аше>го в<ысоко>пр<евосходительства> покорнейшим слугою.

Жуковский.

8. П. А. Вяземскому. 26 апреля <1816>, Дерпт*

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya
Что сделалось с тобою? Ты не пишешь ко мне и не отвечаешь на письмо мое. Придется мне написать к Демиду* такое же послание, какое получил от <одно слово неразборчиво> Лаврушки*. Я здесь живу, как будто совершенно от всех вас отчужденный. Если и доходят до меня слухи, то единственно горестные: недавно уведомили меня, что наш почтенный Староста вот я вас осрамил себя и «Арзамас» дурными стихами* и что он за это в экстраординарном заседании отставлен от должности Старосты, и переименован вотрушкою*, и отдан на съедение Эоловой арфы.* Кстати, об «Арзамасе»: переписаны ли речи и протоколы? Прошу прислать мне оригиналы. Что ты пишешь? Что пишет Батюшков? Уведомь. Я еще все только хочу писать.

Что Николай Михайлович?*Собирается ли он в Петербург и когда полагает быть там? Посылаю ему перевод Геца* его исторического отрывка о мятежах при Ал<ексее> Мих<айловиче>.*По этому опыту может он судить о его слоге и (если не сделал никакого распоряжения в рассуждении перевода на немецкий язык своей истории*) может решить, способен ли Гец взять на себя этот труд. Прошу также сказать ему мое почтение и Екатерине Андреевне. Отдай поскорее ему этот перевод и уведошь меня. По слогу моего письма можешь судить, что я пишу нехотя. Напиши ко мне, чтобы пробудить мою охоту. Но если пишу к тебе мало, то люблю тебя много. Обними Батюшкова*. Тебе кланяется к<нязь> Григ<орий> Гагарин*. Он уехал в чужие край. Я виделся с ним в проезд его через Дерпт.

Твой Жуковский.

9. Г. Р. Державину. Дерпт, 29 июня 1816*
М<илостивый> Г<осударь> Г<аврила> Р<оманович>. Я имел честь получить письмо в<аше>го в<ысоко>пр<евосходительства> и приложенный при нем экземпляр ваших сочинений. Отвечаю несколько поздно по той причине, что меня не было до сих пор в Дерпте: и письмо и экземпляр доставлены туда в мое отсутствие. Приношу мою сердечную благодарность за драгоценный ваш подарок. Ваши стихотворения – школа для поэта. Но, читая их, только скорее научишься узнать собственную слабость свою. Искусство бессильно; оно никогда не поспевает за гением. Вам назначено быть неподражаемым.

Примите уверение в том почтении, которое питаю к вам в глубине сердца. Честь имею быть в<аше>го в<ысоко>пр<евосходительства> покорнейшим слугою.

Василий Жуковский.

10. Гете. Петербург, 25 февраля (9 марта) 1822*
Милостивый государь! Для меня было большой и неожиданной радостью получить драгоценное письмо вашего превосходительства и приложенный к нему чудесный подарок. Я вовремя не ответил на ваше письмо, так как оно было прочитано мною лишь после того, как я с большим опозданием вернулся в Петербург. Но как благодарить вас за такой драгоценный знак благосклонности и воспоминания? Я вам скажу просто, что при чтении вашего письма у меня на глазах навернулись слезы. Ту доброту, с которой вы говорите о нашем свидании, я живо ощущал и в вашем присутствии и после того, как я вас покинул. Эта встреча, которой я желал и ожидал с такой горячностью, длилась всего лишь одну минуту, но эта минута была богата волнующими впечатлениями; я ничего не мог сказать вам отчетливо* и ясно, потому что мне хотелось сказать об очень многом; но я вас видел, и этого было достаточно, чтобы во мне мгновенно ожили самые лучшие воспоминания о моем прошлом. Und manche Liebe Schatten steigen auf.[69] да, так и было... Примите же, милый великий человек, мою признательность и за это прошлое, которое столь часто скрашивалось влиянием вашего гения, и за то мгновение, когда я почувствовал благотворную силу личной с вами встречи, завершившейся таким дружеским и отеческим рукопожатием, и за это трогательное письмо с wiederholtes willkommen und Lebewohl,[70] которое будет благоговейно сохранено как священный дар любимой руки. Я поспешил показать ваше письмо великой княгине Александре. Все, что вы так правдиво и прелестно говорите о ней, ее живо тронуло, и она поручила мне выразить вам свои лучшие чувства. Только ваша душа может понять и оценить ее душу – чистую, простую и глубоко впечатлительную. В вашем присутствии великая княгиня, по собственному признанию, чувствовала себя легко и непринужденно. Должно быть, и она оставила у вас трогательное и светлое воспоминание, какое бывает при появлении друга, в котором воплощено все истинно великое, но это величие есть не что иное, как природная наивность и невинное простодушие ребенка. Таков характер этой милой княгини. Все, что я говорю о ней для вас, конечно не ново, ибо вы умеете оценить человека с первого взгляда, но беседовать

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya
с Гете – наслаждение, и я не хочу в этом себе отказывать. Я кончаю. Да ниспошлет
вам провидение всю полноту счастья с такой же щедростью, с какой оно одарило вас
гениальностью. Сдержите же слово, данное мне при прощании: оставайтесь долго,
очень долго срединас, простых смертных; ваша благотворная жизнь наполняет нас
радостью, наслаждайтесь и вы сами вашими благодеяниями, которыми пользуются
лучшие люди нашего века. Приятно сохранять воспоминания о тех, кто нас любит:
это дает мне право надеяться, что я не совсем исчезну из вашей памяти.

Сердечно и душевно преданный вашему превосходительству, покорный и
почтительнейший слуга

Жуковский.

11. Н. И. Гнедичу. <Май 1822, Петербург>*

Что «Узник»?* Любезный Гандишь! ты теперь сделался тюремщиком. К тебе приехал,
говорят, с Кавказа другой прекраснейший узник*, которому дай ко мне прогуляться,
хотя на поруку; а моего продай! Как хочешь, все хорошо. Теперь же одолжи меня,
пришли мне немедленно Виргилия Дидотова* – stereotype в маленьком формате. Учусь
по-латински. Благослови, отче!

Ж.

И Иоанна попала в узники*, и к такому тюремщику, что уже не видать ей свободы!

Мы, кажется, не в Европе, а у черта в пекле. P. S. Пришли мне и латинскую
грамматику.

12. Н. И. Гнедичу. <Май 1822, Петербург>*

Любезный, благодарю тебя за присылку господина Марона*. Ты человек аккуратный и
всегда милостивый к просьбам приятелей. Об «Иоанне» нам думать нечего: Кочубей
не хочет ее пропустить*, запретил для театра! Хвала ему! Я и не подумал делать
никаких сокращений, ибо на что они? Теперь «Иоанна» спасена от милых театральным
треволнений: жаль только тех стихов, которые достались бы в уста Екатерины.*Об
«Узнике» похлопочи* и продай – как вздумаешь, только продай! А «Узника»
кавказского я в глаза не видел*; Тургенев*, которому дела нет до того, чтоб
самому читать, а только до того, чтоб возить по домам чужие стихи, не рассудил
мне прислать поэмы, ибо страшился ее выпустить из своих когтей и боялся, что я
(а не он) покажу ее кому-нибудь. Прошу тебя ее мне поскорее доставить; продержу
не более одного дня и тотчас возвращу и, если можно будет <сделать> поправки,
то, чего ты требуешь. В заключение вот комиссия: попроси Уткина заказать для
меня две доски медные*, каждая длиною в 10 вершков, а шириною в 8½; он знает
какие; в таких же рамках, как прежде, и чтобы доставил, как скоро будут готовы.
Нет ли у тебя «Энеиды» Петрова*? пришли ее, очень обяжешь. А propos:[71]
Тургеневу не давай ни одного экземпляра моего «Узника». Прошу об этом без шуток.

Ж.

13. Н. И. Гнедичу. <Май-июнь 1822, Царское Село>*

Любезнейший Гнедок! Я перед тобою виноват, не написал тебе ни слова о «Узнике»*.
Но это случилось оттого, что он был мною забыт у Карамзина и послан не мною,
прямо из Сарского Села. Слог прелестный! Есть картины несравненные. Много
локального. Есть длинное, однако не растянутое. Конец, однако, и обрывист и
холоден. Если сочтешь нужным, чтобы я что-нибудь поправил, то пришли корректуру.
Из посвящения надобно выбросить замеченные стихи*. «Энеиды» мне не надобно уже;
я получил. Понемногу хочу познакомиться с латынью и на это употребить павловскую
жизнь нынешним летом. Между тем не забываю и поэзии. Об «Узнике» моем хлопочи, и
даю тебе на все carte blanche.[72] Между тем возьми на себя труд доставить
генерал-адъютанту Бороздину, живущему в доме Жеребцова, на Английской
набережной, экземпляр* без картинки;* если можно, сделай это тотчас, ибо он едет
и я ему обещаю.

Но не сердись, ради бога, за то, что обременяю тебя поручениями: вольно тебе
быть таким точным человеком и, сверх того, еще и таким добрым и милым! –
Благодарю за Уткина; если увидишь его, то попроси, чтобы мне доставил вместе с
досками и лаку. Он знает какого. Обнимаю тебя.

Жуковский.

14. А. А. Бестужеву. 21 августа 1822*
Милостивый государь Александр Александрович.

Я имел честь получить ваше письмо. С удовольствием исполнил бы ваше лестное для меня желание*, но на эту минуту у меня нет ничего такого, что было бы достойно вашего издания. Постараюсь, однако, что-нибудь приготовить. Прошу вас только уведомить меня, к которому времени должен я непременно доставить вам свою пиэсу.*Если бы я знал заранее о вашем намерении выдавать «Альманах муз»*, то был бы уже готов с моим приношением; но Александр Фед<орович> Воей<ков> сказывал мне об нем мимоходом, и я не слышал, что вы уже собираете материал для вашей книжки. Постараюсь исполнить ваше желание.

В ожидании личного приятного с вами знакомства уверяю вас точно в почтении, с коим честь имею быть, милостивый государь, вашим покорным слугою.

Жуковский.

15. И. И. Дмитриеву. 11 февраля 1823 <Петербург>*
Портрет Гете, обещанный мною вашему превосходительству, давно лежал в моем портфеле, но я боялся верить его почте, дабы не прислать вам великого германского поэта в измятом состоянии. Теперь нашелся случай отправить его в дорогу, не подвергая опасности. Принося вашему высокопревосходительству этот подарок, я некоторым образом плачу долг благодарности: ваши стихи «Размышление по случаю грома»*, переведенные из Гете, были первые, выученные мною наизусть в русском классе, и первые же мною написанные стихи (без соблюдения стоп) были их подражанием. Итак, мне прилично подарить вас портретом Гете. Вы мой учитель в поэзии. Не назову себя вашим достойным учеником, но имею право благодарить вас за то, что вы способствовали мне познакомиться с живыми наслаждениями поэзии, в которых и высокая цель и главная награда поэта.

Я видел Гете и могу поручиться вам за совершенное сходство портрета с оригиналом. Пользуюсь сим случаем, чтоб принести вам благодарность за удовольствие, с каким я читал последние ваши стихи. Все четверостишные басни прекрасны*, некоторые из них совершенны; это новый род и прелестный! Вам бы легко сказать себе: «Что день, то четверостишная басня!» Легко бы и исполнить сказанное, и наконец не приметно составилось бы собрание, единственное в своем роде.

Еще повторю свой старый припев: «Записки! Записки!»* Для них очинено перо ваше, острое и живописное! Возьмитесь за него, и вы подарите нас драгоценностью, сами же будете только наслаждаться воспоминанием.

Скажу вашему высокопревосходительству несколько слов о себе: я принялся за новое издание старого*; надеюсь, что будет хорошее. Между тем грожусь на «Энеиду»*: вторая песнь кончена; мало-помалу переведу всю. Трудиться над переводом классика наслаждение необыкновенное. Остальное все одни планы: вы знаете, что я богат планами! Помолите Феба, чтобы послал мне и исполнение.

О здешних новостях литературных, политических и всяких не пишу ничего: все новое доходит до меня старым. Надеюсь, что Тургенев <Александр Иванович> не перестает снабжать вас известиями о здешнем. Самая последняя новость есть приезд нашего канцлера*: я был у него и нахожу, что с виду он кажется здоровее, но глухота его усилилась. И граф Сергей Петрович здесь*.

Я должен кончить; спешу отправлять письмо. Прося ваше высокопревосходительство сохранить мне мое старинное место в вашей памяти и повторя уверение в искренней моей к вам привязанности, честь имею быть вашего высокопревосходительства покорнейшим слугою.

Жуковский.

16. Н. И. Гнедичу. <Осень 1823, Петербург>*
Любезный Николай! Скажи Колосовой, что пиеса ее у меня*. Я обещал Милорадовичу* найти переводчика, но до сих пор не было возможности. Уверь ее, что перевод будет, но только желал бы я знать, к которому времени решительно желает она иметь его: спроси и уведоми. Если никто не возьмется переводить, то переведу сам, ибо желаю, чтоб эта пиеса была сыграна хорошо, а если она будет переведена

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya дурно, то ее и играть нельзя. Обнадежь Колосову. Только это, то есть мое намерение переводить, должно остаться между нами: не хочу выезжать на сцену в пустом переводе посредственной комедии.

До сих пор помешали мне приняться за дело мои грамматические хлопоты*. Через неделю примусь и в неделю кончу – итак (если чего неожиданного не случится), через две недели все получишь. Но все пришли мне ultimum Колосовой. Ты же будешь хранителем тайны – к тебе пришлю перевод; велишь переписать, а оригинал мне возвратишь. Прости, Николай!

Твой Василий.

Ради бога, уведоь меня о Батюшкове*. Начали ли думать об нем Муравьевы. Никите непростительно*, и я этого изъяснить не умею.

17. Н. И. Гнедичу. <Осень 1823, Петербург>*

Любезнейший Николай! Прочитав твое письмо, я уверился, что ты не умеешь читать по-русски. В моем письме я именно просил тебя, чтобы мое намерение переводить «Валерию» осталось между нами, чтобы никто не знал об нем, кроме тебя и Колосовой. А ты, по шучьему веленью да не по моему прошенью, обратившись в какую-то колокольню, вдруг разбубенил об нем и даже прозвучал во услышание Медеи*. Признаюсь, это досадно. Вот история этого перевода. Милорадович просил меня найти хорошего переводчика для Колосовой – я бы и нашел кого-нибудь, но в это самое время, когда меня просил Милорадович о комедии, я просил его о избавлении одного бедняка от ссылки и, чтобы дать весу моей просьбе, обещал ему угодить переводом. Ему нельзя было исполнить моей просьбы, а я дал слово и должен его сдержать. Тут нет Парижа. Я же и теперь ожидаю от него другой услуги, не мне личной, но весьма для другого важной. Итак, переведу пиесу*. С завтрашнего дня примусь за нее. Надеюсь, что поспеет в неделю. Половину вчерне пришлю прежде. Могут начать разучивать, ибо надеюсь, что цензуре здесь похлевать будет нечего. Тебя же прошу продолжать быть колокольню и разбубенить противное тому, что ты уже соблаговолил разбубенить; именно, что перевожу не я, а другой. Скажи только Колосовой тайну, но за тайну. Имени на афишке не будет. Одним словом, не хочу выезжать в публику на «Валерию».

Что ты пишешь о Батюшкове, меня грустно радует. По крайней мере решились поместить его на покойную квартиру, доступную Миллеру*. Их медлительность сердила меня* и мучила. Радует меня душевно то, что он меня помнит и желает (видеть). Теперь не еду к нему, для того что минутное посещение не может ему быть в пользу. Но, возвратясь, буду подлекарем Миллера. Прости. Уведоь, что сделаешь по моей просьбе.

Жуковский.

18. П. А. Вяземскому. <Декабрь 1823 – январь 1824, Петербург>*

Душа моя, твою записочку и Сабурова получил*. Записочка твоя коротка; а Сабуров очень любезен. Радуюсь обоим. «Полярная звезда», вероятно, уже в твоих руках. Найдешь в ней свои пиесы*. Не сердись на меня за то, что они напечатаны с ошибками. Я требовал от издателей, чтоб они доставили мне корректуру, но они не присылали мне ни твоих, ни моих пиес для поправки, и меня постигла одинаковая судьба с тобою. Каким образом познакомился ты с Зонтагом?* Где он теперь? Не будет ли в Петербурге? Уведоь об этом. Я у Батюшкова бываю часто, и я один – других никого не видать. Со мною он очень нежен. Когда у него бываю, то всегда остаюсь обедать и сижу до 7-ми, 8-ми часов вечера; не выпускает; вообще говорит порядочно. Но никак не хочет лечиться. Думаем о том, как бы перевезти его в Зонненштейн. Здешнее же лечение только может вредить ему: это уж доказал опыт. Он теперь в безопасности от самого себя*: с ним живет сестра* и приставлены к нему люди надежные. Но лечение необходимо, и нет никакого способа приступить к нему дома: нужно употребить силу и иметь все под рукою. В доме же нет ни людей, на это способных, ни других необходимых средств. Я писал в Берлин и получил уже ответ: Зонненштейн – лучшее место в Европе. Сестра поедет с ним; и государь, вероятно, даст все что нужно для его перевезения туда.

Мы с Тургеневым опять сблизились*; не скажу, чтобы совсем помирились, но это будет. Надоно дать его большой душе выздороветь. Мне не должно на него сердиться, а надоно поступать с ним осторожно, как с милым больным, которого болезни я, по несчастному стечению обстоятельств и, может быть, по собственной

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya
неосторожности, был невольною причиною, не писал об этом к нему. Надеюсь, что
будет скоро по-старому.

Скоро пришлю тебе 20 экземпляров моих рисунков, выгравированных в Дерпте. Ты знаешь их назначение: это издание сделано на мой счет, в пользу одного малютки, сироты, оставшегося после одного моего приятеля, которого смерть была несчастна. Мать его сумасшедшая. Постараюсь распродать. Я назначил 15 рублей за шесть прекрасных гравюр. Кто даст более, тому слава. Уведомь, берешься ли мне помочь. На всякий случай собери теперь подписку и чем более, тем лучше. Вот титул тетрадей: «Шесть видов Павловска, рисованных с натуры Ж., гравированных Кларою в Дерпте».

«Бахчисарайский фонтан» – прелесть*. Напечатай получше. Я думаю, надобно печатать у Семена*. Прости! Обнимаю тебя. Для чего бы при нем не напечатать и тех мелочей, которые уже были до сих пор в разных журналах: В «Сыне» Отечества», в «Новостях» Воейкова и в «Полярной звезде». Подумай об этом. Это не помешает полному изданию.

Обнимаю Кюхельбекера и прошу у него прощения*. Буду к нему писать.

Жуковский.

Дружеский поклон Вере Федоровне и поцелуй детям, знакомым и незнакомым.

19. В. К. Кюхельбекеру. <Конец 1823, Петербург>*
Любезный Кюхельбекер! Не пеняйте мне, что я не отвечал на письмо ваше. Я предсказывал вам, что буду лениться, и вы видите, что я не обманул вас. Но мне совестно, и более перед собою, нежели перед вами, что я вам не отвечал. Вы писали ко мне в каком-то черном расположении, которое требовало от меня дружеского голоса. Это обвиняет меня и не хочу оправдываться. – Ваше письмо очень грустно и мрачно, и расположение ваше заставляет невольно о вас беспокоиться. Те мысли, которыми вы наполнены, весьма свойственны человеку с чувством и воображением; но вы любите питать их – я этого не оправдываю! Такого рода расположение не достойно человека. По какому праву браните вы жизнь и почитаете себе дозволенным с нею расстаться! Этому нет никакого другого имени, кроме унижительного: сумасшествия! Вы можете быть деятельны с пользою, а вы бросаетесь в область теней и с какою-то гордостью смотрите оттуда на существенное, могущее для вас быть прекрасным. – Составьте себе характер, составьте себе твердые правила, понятия ясные; если вы несчастны, боритесь твердо с несчастьем, не падайте – вот в чем достоинство человека! Сделать из себя кусок мертвечины, в котором будут гнездиться несколько минут черви, весьма легко: первый глупый слесарь даст вам на это средство, продав вам дурной пистолет. И никто этому не удивится; оригинальности же нет в этом никакой: даже и между безумствами, это – не оригинальное. – Виноват, что пишу к вам так резко; но, признаюсь, досадно читать ваше письмо. Я желал бы, чтобы Дельвиг*поскорее к вам возвратился и порядочно пожурил вас. Ваши мысли были бы смешны, если бы они не возбуждали сожаления и досады. Но я надеюсь, что мрачное расположение, их произведшее, миновалось. Как ваш духовный отец, требую, чтоб вы покаялись и перестали находить высокое в унижительном. Вы созданы быть добрым, следовательно, должны любить и уважать жизнь, как бы она в иные минуты не терзала. Жду от вас письма более утешительного и обнимаю вас.

Ваш Жуковский.

Перечитываю письмо мое – и меня берет страх: вы можете огорчиться моими выражениями. Но, право, это не будет справедливо. Вы должны полагаться на мою к вам дружбу; должны верить, что я в сердце желаю видеть вас таким, каковы вы должны и можете быть. Вы богаты прекрасным дарованием, имеете прекрасное сердце. Это – материалы воспользовались, и говорю с вами как ваш духовный отец. Не сердитесь, а любите меня и принимайте каждое мое слово под штемпелем дружбы.

20. А. Н. Голицыну. 2 января 1824 <Петербург>*
Милостивый государь князь Александр Николаевич!

Я недавно получил письмо, тронувшее меня до глубины сердца*: молодой человек с

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya пылким и благородным сердцем, одаренный талантами, но готовый при начале деятельной жизни погибнуть нравственно от следствий проступка первой молодости, изъясняет в этом письме, просто и искренно, те обстоятельства, которые довели его до этого проступка. Несчастье его не унизило и еще не убило, но это последнее неминуемо, если вовремя спасительная помощь к нему не подоспеет.

Получив его письмо (написанное им по моему требованию, ибо мне были неизвестны подробности случившегося с ним несчастья), я долго был в нерешимости, что делать и где искать этой спасительной помощи. Наконец естественно мысль моя остановилась на вас. Препровождаю письмо его в оригинале к вашему сиятельству. Не оправдываю свободного своего поступка: он есть не иное что, как выражение доверенности моей к вашему сердцу, всегда готовому на добро; не иное что, как выражение моей личной душевной к вам благодарности за то добро, которое вы мне самому сделали*.

Письмо Баратынского есть только история его проступка; но он не говорит в нем ни о том, что он есть теперь, ни о том, чем бы мог быть после. Это моя обязанность. Я знаю его лично и свидетельствуюсь всеми, которые его вместе со мною знают, что он имеет полное право на уважение как по своему благородству, так и по скромному поведению. Если заслуженное несчастье не унизило его души, то это неоспоримо доказывает, что душа его не рождена быть низкою, что ее заблуждение проистекло не из нее самой, а произведено силою обстоятельств и есть нечто ей совершенно чуждое. Кто в летах неопытности, оставленный на произвол собственной пылкости и оболщений внешних, знает, куда они влекут его, и способен угадать последствия, часто решительные на всю жизнь! И чем более живости в душе – то есть именно, чем более в ней такого, что могло бы при обстоятельствах благоприятных способствовать к ее усовершенствованию, тем более для нее опасности, когда нападут на нее оболщения, и никакая чужая, хранительная опытность ее не поддержит. Таково мне кажется прошедшее Баратынского: он спотыкнулся на той неровной дороге, на которую забежал потому, что не было хранителя, который бы с любовью остановил его и указал ему другую; но он не упал! Убедительным этому доказательством служит еще и то, что именно в такое время, когда он был угнетаем и тягостною участию и еще более тягостным чувством, что заслужил ее, в нем пробудилось дарование поэзии. Он – поэт! и его талант не есть одно богатство беспокойного воображения, но вместе и чистый огонь души благородной: прекрасными, гармоническими стихами выражает он чувства прекрасные, и простота его слога доказывает, что чувства сии неподдельные, а искренно выходящие из сердца. Одним словом, я смело думаю, что в этом несчастном, страдающем от вины, в которую впал он тогда, когда еще не был знаком ни с собою, ни с достоинством жизни, ни с условиями света, скрывается человек, уже совершенно понимающий достоинство жизни и способный занять не последнее место в свете. Но он исключен из этого света. Испытав горечь вины, охраняемый высокостию поэзии, он никогда уже не будет порочным и низким (к тому не готовила его и природа); но что защитит его от безнадежности, расслабляющей и мертвящей душу? Возвратись он к свету, он возвратится в него очищенный; можно даже подумать, что он будет надежнее многих чистых: временная, насильственная разлука с добродетелью, в продолжение которой он мог узнать и всю ее прелесть и всю горечь ее утраты, привяжет его к ней, может быть, сильнее самых тех, кои никогда не испытали, что значит потерять ее.

Я смею думать, что письмо мое не покажется вашему сиятельству слишком длинным: я говорил с вами тем языком, который вы лучше других понимать умеете; и мне было легко с вами говорить им, ибо душевно вас уважаю и твердо надеюсь на ваше сердце. Оно научит вас, как поступить в настоящем случае. Представьте государю императору письмо Баратынского; прочитав его, вы убедитесь, что оно писано не с тем, чтобы быть показанным. Но тем лучше! Государь узнает истину без украшения. Государь в судьбе Баратынского был явным орудием промысла*: своею спасительною строгостию он пробудил чувство добра в душе, созданной для добра! Теперь настала минута примирения – и государь же будет этим животворящим примирителем: он довершит начатое, и наказание исправляющее не будет наказанием губящим. Заключу, повторив здесь те святые слова, которые приводит в письме своем Баратынский: «Еще ему далече сущу*, узре его отец его, и мил ему бысть, и нападе на выю его, и облобыза его!» Сей отец есть государь! Последствия найдете в святом писании.

С истинным почтением и сердечною привязанностию честь имею быть, милостивый государь, вашего сиятельства покорнейшим слугою.

В. Жуковский.

21. П. А. Вяземскому. 22 сентября <1824>, Петербург*

Я получил приказание вашего сиятельства*, но не мог исполнить его тотчас. Надобно было для этого съездить в Петербург (я был в Павловске), а мне прежде субботы ехать было невозможно. Удивляюсь, как вы, умный князь, не вздумали прямо написать в Псков к Сергею Львовичу и решились взвалить хлопоты переписки на такого человека, который давно забыл, как пишутся письма* и прочее. Но вот в чем дело. С<ергея> Львовича в Петербурге нет. Но Дельвиг сказывал мне, что никто не думал давать Ольдекопу перепечатывать Пушкина поэму и что никакой сделки по этому предмету не было. Дельвиг ожидает от Пушкина доверенности и полномочия, чтобы остановить литературный грабег. Итак, можешь с своей стороны действовать в Москве через Оболенского*; а когда получишь ответ от Пушкина (к которому Дельвиг обещался написать), то можешь с журнальным объявлением обличить хищничество. Когда будешь в Москве, позаботься о моих трех томах*, теперь надобно возобновить публикацию и от времени до времени повторять ее. Зимнее время самое денежное.

Вижу, вижу, что ты совершенно от меня отказался, – молчишь, когда при тебе читают дурные стихи и выдают за мои! И еще на смерть Кутузовой. Не сердись, однако, на мое молчание. Лень многому причина, но есть и другая, лучшая причина. Моя беда та, что я не могу никак заниматься вдруг двумя предметами. Постараюсь сделать так, чтобы иметь в году один месяц, вполне принадлежащий мне; в этом месяце буду исчезать из света, запираюсь и писать. Впрочем, чтоб у нас писать, надобно совершенно забыть, что у нас есть писатели: что сделалось с литературой? Тошно смотреть, слушать и читать. Булгарин – законодатель вкуса! – Воля ваша! Язык наш может быть смел, только попадись он под дерзкое перо. А доказательство то, что на русский с немецкого можно все перевести, и будет прекрасно! Французский же язык из немецкого и английского отменно делает галиматью.

Прости. Обними Тургенева. Скажи ему, что я напишу к нему, как скоро что-нибудь сделаю по «Инвалиду»*. Теперь писать нечего. Да и он не очень ко мне щедр. Еду сейчас в Гатчино.

Ж.

22. П. А. Осиповой. 12 ноября <1824>, Петербург*

М<илостивая> г<осударыня> Прасковья Александровна, я имел честь получить письмо ваше*, которое, признаюсь, привело меня в совершенное замешательство; я не знал, что делать, кого просить и о чем. Слава богу, что все само собою устроилось. Лев Пушкин уверял меня, что письмо к Адеркасу остановлено* и что оно никаких следствий иметь не может. И жаль мне: ничего теперь делать не нужно; и я этому сердечно рад: ибо уверен, что мог бы скорее повредить, нежели принести пользу. Из письма Алек<сандра> П<ушкина> заключаю, что печальное его положение сделалось еще для него тягостнее от семейственного несогласия. И кажется мне, что в этом случае все виноваты. Я увижусь с Сергеем Львовичем и скажу ему искренно, что думаю о его поступках; не знаю, поможет ли моя искренность. А ваша дружба пускай действует благотельно на нашего поэта. Примите мою благодарность за доверенность, которою вы меня удостоили. Усерднейше прошу вас уведомить меня о следствиях, которые имело письмо к Адеркасу; я не надеюсь, чтоб А<лександр> взял на себя этот труд: он слишком для этого беспечен. С совершенным почтением и проч.

В. Жуковский.

23. В. К. Кюхельбекеру. <Вторая половина 1825, Петербург>*

Вы были у меня вчера, любезнейший Вильгельм Карлович. Очень сожалею, что не застали меня. Но по утрам меня никогда не бывает дома. Лучше всего заставить меня от 7-ми до 9-ти часов после обеда. Тут мое домашнее свободное время. Благодарю вас за ваш подарок. Но на предложение ваше, к сожалению, должен отвечать: нет. Не имею времени заняться переводом «Макбета»*, как бы ни приятно было потрудиться вместе с вами. Примитесь один за этот подвиг*. Удача будет верная.

Жуковский.

24. Е. Г. Пушкиной. 1826 г. С. с. 24 февраля <Петербург>*

Не знаю, как извинить себя перед вами, почтеннейшая Елена Григорьевна! Я так давно не отвечал вам. Первое ваше письмо напугало меня, последнее успокоило – это дало мне возможность отложить мой ответ к вам, а раз отложивши, я

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya
обыкновенно откладываю надолго. Это жестокая, порочная привычка, в которой каюсь перед вами, не смея вам даже обещать исправления. Но, прошу вас, не будьте ни мстительны, ни злопамятны, накажите меня великодушием и напишите еще раз о Батюшкове*. Ваша прекрасная душа так выразила себя в это печальное для нас время, что я смею от вас надеяться снисхождения; смею даже думать, что вы сохраните мне свою бесценную дружбу, которая основана не на письмах, а на одном общем нам чувстве, которым так сладко с вами делиться. Считаю действием провидения случай, заведший вас в Дрезден: вы точно ангел-хранитель Батюшкова и его несчастной сестры, единственной по нежности сердца и бескорыстию в привязанности к брату. Уведомьте, прошу вас, об ней. Сколько новых горестей прибавилось к ее прежней! Но, надеюсь, что она ни о чем не знает. Состояние бедной Екатерины Федоровны Муравьевой неописанно. Все, что могло привязывать ее к жизни, разом рухнуло*. Она ходит как тень. Что ее ожидает, не знаю; но нельзя и надеяться никакого облегчения судьбы ее. Бедный наш друг! Для него теперь все это не существует!* Но к каким развалинам он возвратится, если бог возвратит ему его рассудок! Мы живем во времена испытания. Теперь нет ничего другого для подкрепления души и для сохранения деятельности, кроме веры в провидение. Ибо одна только эта вера может объяснить то, что вокруг нас происходит. Уведомьте, долго ли вы еще пробудете в Дрездене. Мысль о том, что вы там, успокоивает душу: вы точно сторож несчастного нашего друга. Зная, что вы там, думаю об нем с какою-то отрадою. Напишите, прошу вас. Прилагаю здесь второй вексель для Батюшкова. Первый давно послан. Этот не нужен, если по первому сделана уплата. Прощу вас осведомиться о получении первого и уведомить меня. Жду вашего письма с нетерпением. Надеюсь, что Александра Николаевна* получила от родных своих письма. Приложенное письмо возьмите на себя труд передать ей. От всего сердца целую вашу руку и вверяю себя вашей бесценной дружбе.

Жуковский.

25. Н. И. Гнедичу. 14 (26) ноября <1826>, Дрезден*
Благодарю тебя, любезный Гнедко, за твою дружескую записку. Отвечаю тебе весьма в немногих словах, ибо спешу послать письма на почту. Поздравляю с довершением великого подвига жизни*. Можешь теперь спать спокойно. Сделал славное дело; нажил доброе имя, и будет тебе память. Вот мой совет: не спешить являться с трудом своим в свет*; по крайней мере потерпеть до моего возвращения. Тебе еще довольно хлопот осталось: перечитывать и поправлять. Употребь на это все месяцы до будущего сентября. Когда приеду, увидим вместе и лучше, что можно сделать. Заочно же я ничего не могу; будет без успеха, да и лично могу быть только посторонним посредником. Что буду им от всего сердца – ты в этом должен быть уверен. Вот все. Обнимаю тебя и люблю по-старому. Писать, право, некогда. Обнимаю Козлова, батьку Крылова и Плетнева.

Твой Жуковский.

26. П. А. Вяземскому. 26 декабря 1826, Дрезден*
Ты очень обрадовал меня своим намерением приняться за издание журнала* и тем, что это намерение будет исполняться. Жаль только, что ты розно с Пушкиным* и что участвуешь в таком журнале, который потерял кредит своею сухостью. «Телеграф» не изменяет своему имени. В известиях телеграфических не заботятся о слоге. Если бы ты выступил на сцену с Пушкиным и если бы вы выступили только вдвоем, то ты не остался бы в рядовых. Ты заправлял бы всем журналом, а Пушкин шпиковал бы его своими стихами, и журнал бы при вашем аристократическом правлении мог бы быть порядочный. Но демократия, с которой связался Пушкин*, едва ли что-нибудь путное сделает. И в литературе и в политике демократия никуда не годится, не в глаза вам будь сказано. Но так и быть, ты теперь под знаменем «Телеграфа». 10 000, которые будешь получать, радуют мою душу. Будешь ли снова литератором, не ведаю. Ты просишь моей помощи – но я скажу vaguement[73] только одно: я твой исключительно. Под веянием твоего телеграфического знамени клянусь не давать никому ни строки, кроме тебя. Но не радуйся! От меня строк много не будет, то, чем занимаюсь теперь день и ночь и что не дает мне ничем другим заняться, не годится в журнал. Но оно так владеет мною всем, что я ни за что постороннее приняться не способен. Ты думаешь, что я теперь на свободе, что из чужих краев могу присылать тебе материалов для «Телеграфа». Я и здесь так же занят, как в Петербурге, занят уроками детскими, таблицами, выписками*, приготовлениями к трудам петербургским. В это занятие не могу пустить никакого постороннего, хотя бы и хотел. Не в моей натуре заниматься вместе двумя предметами. Я теперь пропал для литературы. Мне жаль моих веселых, вдохновенных, беззаботных поэтических работ. Но это сожаление делает для меня желательную мною цель только

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya драгоценнее. Я принадлежу ей всеми своими мыслями, чувствами и надеждами. Занятия мои сами по себе детские, чисто механические; я сделался просто учеником. Учусь, чтобы учить. Привожу в порядок понятия, чтобы передать их с надлежащею ясностию. Черчу таблицы для ребенка, с тем чтобы после их уничтожить, словом, мои работы сами по себе должны исчезнуть. Но жизнь моя истинно поэтическая. Могу сказать, что она получила для меня полный вес и полное достоинство с той только минуты, в которую я совершенно отдал себя моему теперешнему назначению. Я принадлежу наследнику России. Эта мысль сияет передо мною, как путеводная звезда. Все, что у меня теперь в душе, приливает к ней, как кровь к сердцу. На всю свою жизнь смотрю только в отношении к этой высокой животворной мысли. Чем же другим могу заняться? И имею ли время? И могу ли иметь право, если бы и имел время и способности, отвлечь себя от главного предмета. План, мною сделанный, обнимает слишком много и требует слишком многих приготовлений, чтобы оставить мне досуг для другой работы. Но я досугом пользоваться не способен. Не могу быть поэтом на досуге. Могу им быть только вполне, то есть посвятив себя исключительно музам. До сих пор я слишком много растерял времени и нисколько не исполнил прежнего моего назначения. Я и так не был тем, чем мог быть. Если бы теперь я принадлежал себе, я бы вознаградил потерянное и все забыл для муз. Но моя дорога ведет меня к другому – и я должен идти по ней, не оглядываясь по сторонам, чтобы где-нибудь не зазеваться. Теперь более <чем> когда-нибудь знаю высокую назначение писателя (хотя я и не раскаиваюсь, что покинул свою дорогу). Нет ничего выше, как быть писателем в настоящем смысле. Особенно для России. У нас писатель с гением сделал бы более Петра Великого. Вот для чего я желал бы обратиться на минуту в вдохновительного гения для Пушкина, чтобы сказать ему: «Твой век принадлежит тебе!»* Ты можешь сделать более всех твоих предшественников! Пойми свою высоту и будь достоин своего назначения! заслужи свой гений благородством и чистою нравственностью! Не смешивай буйства с свободою, необузданности с силою! Уважай святое и употреби свой гений, чтобы быть его распространителем. Сие уважение к святыне нигде так не нужно, как в России». – Воротимся ко мне. Ты требуешь от меня сообщений германских новостей, выписки из новых книг, которые читаю, и прочее. Теперь этого ничего не могу тебе дать. Я читаю старые книги, учебники и тому подобное. Делаю выписки, но для составления учебного курса. Живу в Дрездене, как в Петербурге, то есть в одной только своей комнате. Вся моя дрезденская жизнь посвящена классическим приготовлениям. Вижушь весьма с немногими. В здешнее общество совсем не заглядываю. Хожу только в итальянский театр. По вечерам обыкновенно сижу дома. Что же <из> этого можно выбрать для твоего журнала? И так, не относи ни к лени, ни к равнодушию, если не получишь от меня ничего. В Дрездене проживу до конца марта по вышеописанной методе. Апрель проведу в Берлине, там буду свободнее. Там, может быть, удастся что-нибудь написать. Буду посещать немецкий театр и скажу, может быть, что-нибудь о состоянии драматической поэзии в Германии. Май проведу в Париже. Может быть, удастся что-нибудь написать о тамошнем театре в сравнении с немецким, о тамошних дневных новостях. Так же хочу заняться криминальным публичным судом. Если в состоянии буду, напишу что-нибудь и об этом предмете. Но, во всяком случае, не обещаю ничего. Теперь послать тебе нечего. Здесь новостей литературных нет. Посылаю Миньетову «Историю французской революции»*; об ней можешь написать замечательную статью в «Телеграф». Из Парижа удастся, вероятно, послать что-нибудь поновее. Возвратись, буду помогать тебе если не пером, то материалами. Я подпишусь здесь на многие журналы – литературные и политические. Мне они будут доставляться без задержки. Буду их доставлять тебе постоянно (если только обяжешься возвращать аккуратно). Так же буду иметь способ получить и много новое в литературе, чем также готов тебе служить. Но это устроим по возвращении. По-настоящему «Телеграфу» надобно бы быть просто телеграфом*, то есть сообщителем европейских вестей по части литературы. Просто бы сообщать ежемесячно все, что есть достойного внимания в лучших журналах иностранных: германских, «Edinburgh Review», «Quarterly Review», «Annales des voyages*», Litteratur Zeitungen.[74] Не заботиться писать свои рецензии, а переводить вполне, а не в сокращении лучшие из лучших иностранных журналов. Свое же писать только о своем. Таким образом «Телеграф» выжимал бы из европейских журналов сок и потчевал им русскую публику. В то же время он был бы сборным местом лучшего в мнении текущей литературы иностранной (переводы лучшего из новых книг, альманахов, брошюр). При хорошем выборе такой журнал был бы приятно полезен.

Теперь маленький ответец на твою филиппику. Греч напечатал мои сказки.* Вот их история. Они давно, давно были у меня переведены. Греч просил их в свой детский журнал. Я их отдал, потому что почитал их не заслуживающими никакого внимания, и что в таком случае отказать – значило бы почитать важным то, о чем я и подумать

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya не вздумал. Но я их отдал с тем, чтобы не было моего имени; Греч дал слово не печатать его и напечатал. Это в его духе. Смешно мне теперь показываться на сцену после долгого молчания в чепце старой бабушки. Но Гречу до этого дела нет. Ему надобно продать свою книжонку, и он рассудил вместе с ней продать свое слово. Тут суда нет. Что же касается до твоих философических рассуждений о непризнании печатать свою дрянь в журнале таких издателей, которые нас ругают и прочее, то ты по обыкновению своему ударился в софизм. Мое, что бы оно ни было, напечатано и останется моим и не служит доказательством моего сообщества в чувствах и мыслях с издателями, так же точно, как оно остается отдельным от того, что они <издатели> печатают, хотя и на одинаковой бумаге и в одном формате напечатано. И я, и мое с ними и с их в таком случае не смешано. Напротив, князь Петр Андреевич, когда бы я с ними ел кулебяку или у них плясал на бале и пел, то я сам был бы с ними, я сам давал бы им свое время, часть своего внимания, я менялся бы, хотя и против воли, с ними если не мненьями, то хоть словами, а тот, кто меня бы видел в их обществе, имел бы право сказать, что я принадлежу к их обществу. Итак, ваше рассуждение кажется мне не совсем логическим. Прости, между прочим>, описки. Обрадуй меня поскорее известием хорошим о детях. Правду сказать, ты теперь не баловень судьбы. В последнее время мне надобно было много крепиться, чтобы не рухнуть, и сердце за тебя часто* болит* не на шутку. Обнимаю тебя с прежнею, всегдашнею любовью, которая не мешает на тебя и сердиться за много. Целуй за меня детей и милую руку твоей веры. Обними жихарева и присылай его в Карлсбад.

Миньета послал* с Миклашевским к Булгакову. Письма же посылаются по почте. Получив их, напиши к Булгакову, чтобы переслал к тебе книги. Тургенев посылает некоторые от себя. Так вернее. Миклашевский немного ветрогон; может не отдать ни письма, ни книг. А ты можешь заставить Булгакова отослать Миклашевского в Петербург и взять от него книги.

27. Н. И. Гнедичу. <Начало 1827, Дрезден>*
Мой милый Николай Гомерович! Обнимаю тебя и дружески поздравляю с милостию царскою. Теперь спешу поручить тебе важную комиссию. Где Екатерина Федоровна Муравьева? Повидайся с нею и поговори о делах Батюшкова. До сих пор она пересылала ему его жалованье*. Но останется ли она в Петербурге? Надобно это устроить порядком. Переговори с нею и возьми на себя доставление денег, узнав от нее хорошенько, как она поступала в этом случае. Когда увидишь ее, скажи ей мое душевное почтение: она не имеет нужды ни в каких от меня уверениях и знает, с каким чувством разделяю все то, что у нее теперь на сердце*. Прошу тебя уведомить меня об ней подробно. Не замедли ответом. Батюшкова беспокоится*. Ей надобны скоро будут деньги. Устрой, прошу тебя, все это поскорее. Наш больной все в одном положении, но доктор не отказывает от надежды. Прости. Обнимаю тебя. Прошу обнять Козлова: стихи его и письмо получил. Отвечать буду, но со временем. Некогда теперь. Прошу одно, чтобы не печатал до моего возвращения.

Где Пушкин: напиши об нем. Жажду «Годунова»*. Скажи ему от меня, чтоб бросил дрянь и был просто великим поэтом*, славою и благодеянием для России, – это ему возможно! Обними его.

Жуковский.

28. Е. Г. Пушкиной. <Июнь 1827, Париж>*
Мы получили ваши милые письма; благодарим вас за вашу нежную дружбу, которой цену теперь более нежели когда-нибудь чувствуем. От Н. есть известие*. К нему поехала графиня Разумовская, с тем чтоб его приготовить к ужасной потере* и потом об ней объявить. Но он уже знал обо всем прежде ее прибытия. Я желал бы, чтоб вы прочитали письмо его. В нем бы нашли вы все, что есть трогательного в человеческой горести и сильного в человеческой душе. Несчастье есть пробный камень: только по нем узнается чистое золото. Н<иколаева> душа есть чистое золото. Я ему обязан во всех этих горестных обстоятельствах высоким понятием о человечестве. Он был для меня убедительнее всех авторов, проповедующих красноречиво о нравственности. В нем нет искусственного стоицизма. Он все принимает глубоко к сердцу; может быть, сильнее нежели кто-нибудь. Но он владеет своею судьбою; несмотря на сильные, частые припадки горя, он все сохраняет удивительную твердость высокого ума, при всех слабостях нежного сердца; он представляет что-то необыкновенно величественное. Сию минуту мы получили еще письмо от графини Разумовской. Она с ним и еще несколько времени с ним пробудет. От него письма нет, но он здоров. Грустит и борется с грустию. Александр мой также здоров*; за его физическое состояние не беспокойтесь; но мысль о брате и

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya
горе разлуки его терзают. Мы не расстанемся до Эмса. Обстоятельства скажут, что
надобно будет делать после. – Получили ли вы мое письмо со вложением к
Гудовичу*? Прошу вас взять на себя труд сказать ему, чтобы ко мне отвечал или в
Париж, где пробуду до 1 июля, на имя Rougemont de Löwenberg, Vanquier; или в Эмс
на мое имя, poste restante. Если его уже нет в Дрездене, то напишите к нему
туда, где он теперь.

29. В. В. Измайлову. Ноября 27, 1827 <Петербург>*

Я имел удовольствие получить ваше письмо, почтеннейший Владимир Васильевич, и
приложенный к нему литературный подарок*. Благодарю вас душевно за то и другое.
Вы так давно не показывались на сцену словесности нашей, что мы имели уже право
бояться, не покинули ли вы ее навсегда. Страх этот был напрасен. Вы зовете на
свой театр и меня – рад бы выступить перед зрителем вместе с вами, но мне
показаться не с чем. Моя авторская гардероба вся истрачена, и лоскутка даже от
старых костюмов нет в запасе; а новых шить, по крайней мере теперь, некогда. Не
отказываюсь от надежды вперед что-нибудь смастерить; но теперь совершенно беден.
Говоря без всяких иносказаний, я ничего не имею такого, что бы стоило войти в
ваш «Музеум»; ничего не написал и не скоро что-нибудь написать надеюсь. Сожалею,
что принужден отвечать отрицательно на ваш лестный для меня вызов. Находя в
других альманахах, например у Федорова*, и в журналах, то есть в «Славянине» и в
«Телеграфе», мои пиесы, вы, может быть, подумаете, что все это мною дано
издателям и написано вновь. Напротив, все старое, напечатано без моего согласия
или ведома и никогда с моего согласия не было бы напечатано: я слишком уважаю
поэзию, чтоб пускать в свет такого рода дрянь. Мое отсутствие сочтено было
смертию*, и то, что случилось найти в моих бумагах или у посторонних, было
тиснуто как oeuvre posthume. [75] Мне было досадно по возвращении моем найти в
печати много такого, что было брошено и забыто. Но вас благодарю за помещение в
вашем альманахе моей песни о Наполеоне*. Если Иван Иванович мог найти ее стоящую
напечатания*, то против этого приговора я не имею апелляции. Он всегда был и
будет нашим законом, нашею верхнею инстанциею на Парнасе. Когда увидите его,
прошу вас сказать ему мое душевное почтение. Моя привязанность к нему все та же,
какая была и в поэтическое время жизни, и ничто ни переменить, ни ослабить ее не
может. Стихи его о нашем улетевшем ангеле Карамзине* прочитал я с чувством
благоговения; а отрывок письма Карамзина* был для меня не чтение, а слышимый
голос с того света: столь жива в этих строках вся небесная душа его, чистая и
здесь, как теперешняя, святая жизнь его в другом мире. Простите, не забывайте
искренно преданного вам

Жуковского.

30. Д. В. Давыдову. 1829, 10 декабря <Петербург>*

Давыдов, пламенный боец, благодарю тебя за твои поэтические и прозаические
строки. Очень было мне весело получить от тебя теперь весточку* и видеть, что
ты, несмотря на возню около тебя четырех крикунов*, все-таки по-старому
беседуешь со своею милою музою. Милою – это ее имя. В своей поэтической
небрежности – она привлекательное создание. Ты шутишь, требуя, чтобы я поправил
стихи твои.* Все равно, когда бы ты сказал мне: поправь (по правилам малярного
искусства) улыбку младенца, луч дня на волнах ручья, свет заходящего солнца на
высоте утеса и пр. и пр. Нет, голубчик, не проведешь. Я и не поправлю и не
возвращу тебе стихов твоих. Не отдать ли их в «Северные цветы», то есть три
первых*; эпитафии не пропустят*. Уведомь, а я обнимаю тебя душевно. Писать же
много не о чем, да я и не охотник, а люблю тебя охотно. У нас скоро будет
Вяземский.

Твой Жуковский.

31. Николаю I. <Февраль 1832, Петербург>*

Я перечитал с величайшим вниманием в журнале «Европеец» те статьи, о коих ваше
императорское величество благоволили говорить со мною, и, положив руку на
сердце, осмеливаюсь сказать, что не умею изъяснить себе, что могло быть найдено
в них злонамеренного. Думаю, что я не остановился бы пропустить их, когда бы
должен был их рассматривать как цензор.

В первой статье, «Деятельный век»*, автор судит о ходе европейского общества,
взяв его от конца XVIII <века> до нашего времени, в отношении литературном,
нравственном, философическом и религиозном; он не касается до политики (о чем
именно говорит в начале статьи), и его собственные мнения решительно
антиреволюционные; об остальном же говорит он просто исторически. В некоторых

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya
места он темен, но это без намерения, а единственно оттого, что не умел выразиться яснее, что не только весьма трудно, но и почти неизбежно на русском языке, в котором так мало терминов философических. Это просто неумение писателя. Но и в этих темных местах (если не предполагать сначала дурного намерения в авторе, на что нет никакого повода), добравшись с трудом до смысла, не найдешь ничего предосудительного; ибо везде говорится исключительно об одной литературе и философии, и нет нигде ничего политического. Сии места, вырванные из связи целого, могли быть изъяснены неблагоприятным образом, особливо если представить их в смысле политическом; но, прочтенные в связи с прочим, они совершенно невинны. Какие это именно места, я не знаю; ибо я прочитал статью в связи, и ничего в ней не показалось мне предосудительным. В замечаниях на комедию «Горе от ума»* автор не только не нападает на иностранцев, но еще хочет, в смысле правительства, оправдать благоразумное подражание иностранному, утверждая, что оно не только не вредит национальности, но должно еще послужить к ее утверждению. Он смеется над нашею исключительною привязанностью к иностранцам, которая действительно смешна, и под именем тех иностранцев, на коих нападает, не понимает тех достойных уважения иностранцев, кои употреблены правительством, а только тех, кои у нас (или родясь в России, или переселясь в нее из отечества), под покровительством нерусского имени, первенствуют в обществе и портят домашнее воспитание, вверенное им без разбора родителями. Одним словом, он хочет отличить благоразумное уважение к иностранному просвещению, нужное России, от безрассудного уважения к иностранцам без разбора, вредного и смешного.

Теперь осмелюсь сказать слово о самом авторе. Его мать выросла на глазах моих*; и его самого и его братьев знаю я с колыбели. В этом семействе не было никогда и тени безнравственности. Он все свое воспитание получил дома; имеет самый скромный, тихий, можно сказать девственный характер; застенчив и чист как дитя; не только не имеет в себе ничего буйного, но до крайности робок и осторожен на словах. Он служил несколько времени в архиве иностранных дел в Москве. Несчастливая привязанность, которая овладела душою его, заставила его мать отправить его для рассеяния мыслей в чужие края. Проезжая через Петербург*, он провел в нем более недели и, это время прожив у меня, отправился прямо в Берлин, где провел несколько месяцев и слушал лекции в университете. Получив от меня рекомендательные письма к людям, которые могли указать ему только хорошую дорогу, он умел заслужить приязнь их. Из Берлина поехал он в Мюнхен к брату*, учившемуся в тамошнем университете. Открывшаяся в Москве холера* заставила обоих братьев все бросить и спешить в Москву делить опасность чумы с семейством. С тех пор оба брата живут мирно в кругу семейственном, занимаясь литературою. И тот и другой почти неизвестны в обществе; круг знакомства их самый тесный; вся цель их состоит в занятиях мирных, и они, по своим свойствам, по добрым привычкам, полученным в семействе, по хорошему образованию, могли бы на избранной ими дороге сделаться людьми дельными и заслужить одобрение отечества полезными трудами, ибо имеют хорошие сведения, соединенные с талантом и, смело говоря, с самою непорочною нравственностью. Об этом говорить я имею право более нежели кто-нибудь на свете, ибо я сам член этого семейства и знаю в нем всех с колыбели.

Что могло дать насчет Киреевского вашему императорскому величеству мнение, столь гибельное для целой будущей его жизни, постигнуть не умею. Он имеет врагов литературных, именно тех, которые и здесь, в Петербурге, и в Москве срамят русскую литературу*, дают ей самое низкое направление и почитают врагами своими всякого, кто берется за перо с благороднейшим чувством. Этим людям всякое средство возможно*, и тем успешнее их действия, что те, против коих они враждуют, совершенно безоружны в этой неровной войне; ибо никогда не употребят против них тех способов, коими они так решительно действуют. Клевета искусна; издали она наготовит столько обвинений против беспечного честного человека, что он вдруг явится в самом черном виде и, со всех сторон запутанный, не найдет слов для оправдания. Не имея возможности указать на поступки, обвиняют тайные намерения. Такое обвинение легко, а оправдания против него быть не может. Можно отвечать: «Я не имею злых намерений». Кто же поверит на слово? Можно представить в свидетельство непорочную жизнь свою. Но и она уже издали очернена и подрыта. Что же остается делать честному человеку, и где может найти он убежище? Пример перед глазами вашего величества, Киреевский, молодой человек чистый совершенно, с надеждою приобрести хорошее имя, берется за перо и хочет быть автором в благородном значении этого слова. И в первых строках его находят злое намерение. Кто прочтает эти строки без предубеждения против автора, тот, конечно, не найдет в них сего тайного злого намерения. Но уже этот автор представлен вам как человек безнравственный, и он, не известный лично вам, не имеет средства сказать

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskya
никому ни одного слова в свое оправдание, уже осужден перед верховным судилищем,
перед вашим мнением.

На дурные поступки его никто указать не может, их не было и нет; но уже на первом шагу дорога его кончена*. Для вас он не только чужой, но вредный. Одной благодати вашей должно приписать только то, что его не постигло никакое наказание. Но главное несчастье совершилось. Государь, представитель закона, следственно сам закон, наименовал его уже виновным. На что же послужили ему двадцать пять лет непорочной жизни? И на что может вообще служить непорочная жизнь, если она в минуту может быть опрокинута клеветою?

32. И. И. Козлову. 27 января <8 февраля> 1833. Верне, близ Веве*
Давно собираюсь писать к тебе, мой милый Иван Иванович, и чувствую перед тобою тяжкую свою вину, в которой просто прошу прощенья. Ты по своей дружбе, конечно, обо мне беспокоишься, но надеюсь, однако, что знаешь обо мне от наших приятелей; ты на это молодец: любишь своих друзей без флегмы и, верно, добился известий обо мне посредством Плетнева или Жилля от Мердера*. Я писал сам к Плетневу и просил его у тебя побывать, рассказать обо мне и приготовить тебя к получению письма моего. Теперь пишу сам. Вот тебе, во-первых, отчет о моей физике. Мне вообще лучше. Путешествие морем, шесть недель в Эмсе я брал теплые ванны, четыре недели в Велльбахе (близ Франкфурта) где я пил серные воды, воняющие гнилыми яйцами, но, несмотря на то весьма животворные, – все это поставило меня на ноги, и я приехал в Швейцарию есть виноград с новым румянцем на щеках, с большими силами, без одышки. Но в Швейцарии ход моего выздоровления остановился; не скажу, чтоб мне было хуже, чтобы выигранное было проиграно, – нет, но я двигаюсь вперед и еще не дошел до такого состояния, чтоб смело возвратиться на север. Надеюсь однако, что несколько месяцев такой жизни, какую теперь веду, возобновят совершенно мои силы и заведут снова расстроенную машину мою. Если б не действие моей болезни, которая мешает душе иметь живость и свежесть, если б не беспрестанное беспокойство, которое тянет меня назад, напоминая мне, что я оставил главное дело своей жизни, то моя здешняя жизнь имела бы много прелестей. Климат самый кроткий, природа великолепная, уединение, досуг, свобода – чего бы желать более? Ты уже знаешь, я полагаю, что я не поехал в Италию, и, верно, пожалел об этом. Если пожалел бы в Петербурге, то вообрази, как должен был пожалеть я здесь, у самого входа в Италию, здесь, откуда я в два дни мог быть за Альпами. И я выдержал трудную битву с самим собою, в которой благоразумие одержало победу. Жалею об Италии и теперь, но не раскаиваюсь, что ею пожертвовал: я бы себя только расстроил тревогами путешествия и самих наслаждений, от коих не имел бы сил отказаться, имея их под рукою, но кои были бы отравлены для меня моею болезнью. И климат для меня не потерян: по сию пору не было здесь зимы, и дни стоят вообще прекрасные. А нужнейшее для моего выздоровления спокойствие имею здесь вполне. Мой дом в поэтическом месте, на самом берегу Женевского озера, на краю Симплонской дороги; впереди Савойские горы и Мельерские утесы, слева Монтре на высоте и Шильон на водах, справа Кларан и Веве. Эти имена напомнят тебе и Руссо, и Юлию*, и Бейрона. Для меня красноречивы только следы последнего: в Шильоне, на Бониваровом столбе, вырезано его имя*, а в Кларане у самой дороги находится простой крестьянский дом, в котором Бейрон провел несколько дней и из которого он ездил в Шильон. Руссо не перенес здешних картин в свой роман; он ничего верно не выразил; ничего, что видишь здесь глазами, не находишь в его книге. И, не во гнев тебе будь сказано, нет ничего скучнее «Новой Элоизы»*; я не мог дочитать ее и в молодости, когда воображению нужны более мечты, нежели истина. Попытался прочесть ее здесь и еще более уверился, что не ошибся в своем отвращении. Для великой здешней природы и для страстей человеческих Руссо не имел ничего, кроме блестящей декламации: он был в свое время лучезарный метеор, но этот метеор лопнул и исчез. Бейрон другое дело: многие страницы его вечны. Но и в нем есть что-то ужасающее, стесняющее душу. Он не принадлежит к поэтам – утешителям жизни*. Что такое истинная поэзия? Откровение в теснейшем смысле. Откровение божественное произошло от бога к человеку и облагородило здешний свет, прибавив к нему вечность. Откровение поэзии происходит в самом человеке и облагораживает здешнюю жизнь в здешних ее пределах. Поэзия Бейронова не выдержит этой проверки. – По той дороге, по которой, вероятно, гулял здесь Бейрон, хожу я каждый день, или влево от моего дома к Шильону, или вправо через Кларан в Веве. В обоих направлениях по три версты (взад и вперед 6 верст); я вымерял расстояние шагами, и каждая верста означена моим именем, нацарапанным мною на камне. Иногда в этих прогулках сочиняю и стихи; но теперь еще только переводил; может быть, если поболее слажу с болезнью, удастся написать и свое. Благодарю тебя за доставление твоих стихов: они очень милы. Я был в Эмсе. когда умерла Радзивил-Витгенштейн*, и вместе с

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya
старым фельдмаршалом и молодым вдовцом шел за ее гробом в церковь: это было в темную, звездную ночь. Мы шли тихо, а на другом берегу реки гремела музыка и плясали на бале. – Прости, милый, напиши мне о себе и обо всем, что со времени моего отъезда случилось в петербургском свете и в нашей литературе. Ты ничего не видишь, но все знаешь. Обними за меня своих, жену и детей. Особенно дружески пожми за меня руку Муравьеву*. Хочу весьма знать, что он делает. По глупой критике, напечатанной в «Северной пчеле»*, знаю о его «Битве Тивериадской» и должен думать, что трагедия не имела успеха; но уверен наперед, что в ней много красот, и требую от Муравьева, чтоб он не обращал внимания на неудачу (если подлинно была неудача); он поэт в благородном смысле сего слова и писать должен. Передай мое сердечное почтение графине Лаваль* и дружеский поклон Борху. Татьяну Семеновну* обнимаю. Тургенев пишет ко мне из Рима. Он здоров. Прости.

Жуковский.

Пиши чрез Жилля, то есть ему передавай свои письма.

33. Н. А. Маркевичу. 24 февраля 1834, С.-Петербург*
Милостивый государь Николай Андреевич, приношу вам искреннюю благодарность за доставление мне ваших «Украинских мелодий»*, которые прочитал я с живым удовольствием, и скажу вам, что в ваших стихах нашел много поэзии. Вы принялись разработывать богатую мину* народных преданий и ничего лучше сделать не можете, как продолжать идти этим путем. Мне даже кажется, что из одной работы могли бы вы сделать две: первая – поэтическое обрабатывание народного; вторая – собрание этого народного в том виде, в каком оно существует в народе, то есть сказок, преданий, суеверий, пословиц, песен; и издание оногов оригинале с буквальным русским переводом, или, по крайней мере, с полным словарем. Этот последний труд был бы великою услугою отечественной словесности. Я уверен, что вы можете его предпринять и совершить с успехом. Сделанный вами опыт за то поручую: вы обогатили свои «Мелодии» весьма любопытными примечаниями*, кои доказывают, что с поэтическим талантом имеете вы и трудолюбие собирателя. Вы просите от меня советов: работайте, успех будет несомненный. Вы желаете от меня критики; это на письме трудно; да и на что вам критика? Вы свое дело знаете лучше меня. Оставим критику до возможного нашего свидания. От всего сердца благодарю вас за то, что говорите вы о стихах моих, и благодарю не потому, что самолюбие мое довольно похвалю, а потому, что вы нашли в написанном мною то именно, чего я сам всегда искал в поэзии и чем поэзия была для меня в жизни. В отплату за ваш подарок посылаю вам и своего добра. Если вам неизвестно* это собрание баллад моих*, то оно может быть интересно для вас, потому что в нем помещены многие новые. Примите уверение, и проч.

В. Жуковский.

34. С. л. Пушкину. февраля 15 <1837, Петербург>*
Я не имел духу писать к тебе, мой бедный Сергей Львович. Что я мог тебе сказать, угнетенный нашим общим несчастьем, которое упало на нас, как обвал, и всех раздавило? Нашего Пушкина нет! Это, к несчастью, верно; но все еще кажется невероятным. Мысль, что его нет, еще не может войти в порядок обыкновенных, ясных ежедневных мыслей. Еще по привычке продолжаешь искать его, еще так естественно ожидать с ним встречи в некоторые условные часы; еще посреди наших разговоров как будто отзывается его голос, как будто раздается его живой, веселый смех, и там, где он бывал ежедневно, ничто не переменялось, нет и признаков бедственной утраты, все в обыкновенном порядке, все на своем месте; а он пропал, и навсегда – непостижимо. В одну минуту погибла сильная, крепкая жизнь, полная гения, светлая надеждами. Не говорю о тебе, бедный дряхлый отец; не говорю об нас, горюющих друзьях его. Россия лишилась своего любимого национального поэта. Он пропал для нее в ту минуту, когда его созревание совершалось; пропал, достигнув до той поворотной черты, на которой душа наша, прощаясь с кипучею, буйною, часто беспорядочною силою молодости, тревожимой гением, предается более спокойной, более образовательной силе здравого мужества, столько же свежей, как и первая, может быть не столь порывистой, но более творческой. У кого из русских с его смертью не оторвалось что-то родное от сердца?

И между всеми русскими особенную потерю сделал в нем сам государь. При начале своего царствования он его себе присвоил; он отворил руки ему в то время, когда он был раздражен несчастьем, им самим на себя навлеченным; он следил за ним до

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya
последнего его часа; бывали минуты, в которые, как буйный, еще не остепенившийся ребенок, он навлекал на себя неудовольствие своего хранителя, но во всех изъяснениях неудовольствия со стороны государя было что-то нежное, отеческое. После каждого подобного случая связь между ими усиливалась: в одном – чувством испытанного им наслаждения простить, в другом – живым движением благодарности, которая более и более проникала душу Пушкина и наконец слилась в ней с поэзией. Государь потерял в нем свое создание, своего поэта, который принадлежал бы к славе его царствования, как Державин – славе Екатерины, а Карамзин – славе Александра. И государь до последней минуты Пушкина остался верен своему благоговению. Он отозвался умирающему на последний земной крик его; и как отозвался? Какое русское сердце не затрепетало благодарностию на этот голос царский? В этом голосе выразилось не одно личное, трогательное чувство, но вместе и любовь к народной славе и высокий приговор нравственный, достойный царя, представителя и славы и нравственности народной.

Первые минуты ужасного горя для тебя прошли; теперь ты можешь меня слушать и плакать. Я опишу тебе все, что было в последние минуты твоего сына, что я видел сам, что мне рассказали другие очевидцы.

Опишу просто все, что со мною было. В среду 27-го числа генваря в 10-ть часов вечера приехал я к князю Вяземскому. Вхожу в переднюю. Мне говорят, что князь и княгиня у Пушкиных. Это показалось мне странным. Почему меня не позвали? Сходя с лестницы, я зашел к Валуеву*. Он встретил меня словами: «Получили ли вы записку княгини? К вам давно послали. Поезжайте к Пушкину: он умирает; он смертельно ранен». Оглушенный этим известием, я побежал с лестницы, велел везти себя прямо к Пушкину, но, проезжая мимо Михайловского дворца извая, что граф Вьельгорский находится у великой княгини* (у которой тогда был концерт), велел его вызвать и сказал ему о случившемся, дабы он мог немедленно по окончании вечера вслед за мною же приехать. Вхожу в переднюю (из которой дверь была прямо в кабинет твоего умирающего сына), нахожу в нем докторов Арендта и Спасского*, князя Вяземского, князя Мещерского*, Валуева. На вопрос мой: «Каков он?» Арендт, который с самого начала не имел никакой надежды, отвечал мне: «Очень плох, он умрет непременно».

Вот что рассказали мне о случившемся.

Дуэль была решена накануне (во вторник 26-го генваря); утром 27-го числа Пушкин, еще не имея секунданта, вышел рано со двора. Встретясь на улице с своим лицейским товарищем полковником Данзасом*, он посадил его с собою в сани и, не рассказывая ничего, повез к д'Аршиаку*, секунданту своего противника. Там, прочитав перед Данзасом собственноручную копию с того письма, которое им было написано к министру Геккерну* и которое произвело вызов от молодого Геккерна, он оставил Данзаса для условий с д'Аршиаком, а сам возвратился к себе и дожидался спокойно развязки. Его спокойствие было удивительное; он занимался своим «Современником» и за час перед тем, как ему ехать стреляться, написал письмо к Ишимовой (сочинительнице «Русской истории для детей», трудившейся для его журнала)*; в этом письме, довольно длинном*, он говорит ей о назначенных им для перевода пьесах и входит в подробности о ее истории, на которую делает критические замечания так просто и внимательно, как будто бы ничего иного у него в эту минуту в уме не было. Это письмо есть памятник удивительной силы духа: нельзя читать его без умиления, какой-то благоговейной грусти: ясный, простосердечный слог его глубоко трогает, когда вспоминаешь при чтении, что писавший это письмо с такою беззаботностию через час уже лежал умирающий от раны. По условию Пушкин должен был встретиться в положенный час со своим секундантом, кажется в кондитерской лавке Вольфа, дабы оттуда ехать на место; он пришел туда в <пробел> часов. Данзас уже его дожидался с санями; поехали; избранное место было в лесу, у Комендантской дачи; выехав из города, увидели впереди другие сани; это был Геккерн* с своим секундантом; остановились почти в одно время и пошли в сторону от дороги; снег был по колена; по выборе места надобно было вытоптать в снегу площадку, чтобы и тот и другой удобно могли и стоять друг против друга и сходитьсь. Оба секунданта и Геккерн занялись этою работою; Пушкин сел на сугроб и смотрел на роковое приготовление с большим равнодушием. Наконец вытоптана была тропинка в аршин шириною и в двадцать шагов длиною; плащами означили барьеры, одна от другой в десяти шагах; каждый стал в пяти шагах позади своей. Данзас махнул шляпою; пошли, Пушкин почти дошел до своей барьеры; Геккерн за шаг от своей выстрелил; Пушкин упал лицом на плащ, и пистолет его увязнул в снегу так, что все дуло наполнилось снегом. «Je suis b'lessé», [76] сказал он падая. Геккерн хотел к нему подойти, но он, очнувшись,

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya
сказал: «Ne bougez pas; je me sens encore assez fort pour tirer mon coup».[77]
Данзас подал ему другой пистолет. Он оперся на левую руку, лежа прицелился,
выстрелил, и Геккерн упал, но его сбила с ног только сильная контузия; пуля
пробила мясистые части правой руки, кою он закрыл себе грудь, и, будучи тем
ослаблена, попала в пуговицу, которою панталоны держались на подтяжке против
ляжки; эта пуговица спасла Геккерна. Пушкин, увидя его падающего, бросил вверх
пистолет и закричал: «Bravo!» Между тем кровь лила из раны; было надобно поднять
раненого; но на руках донести его до саней было невозможно; подвезли к нему
сани, для чего надобно было разломать забор; и в санях довели его до дороги,
где дожидала его Геккернова карета, в которую он и сел с Данзасом. Лекаря на
месте сражения не было. Дорогою он, по-видимому, не страдал, по крайней мере
этого не было заметно; он был, напротив, даже весел, разговаривал с Данзасом и
рассказывал ему анекдоты.

Домой возвратились в шесть часов. Камердинер взял его на руки и понес на
лестницу. «Грустно тебе нести меня?» – опросил у него Пушкин. Бедная жена
встретила его в передней и упала без чувств. Его внесли в кабинет; он сам велел
подать себе чистое белье; разделся и лег на диван, находившийся в кабинете.
Жена, пришедши в память, хотела войти; но он громким голосом закричал: «N'entrez
pas», [78] ибо опасался показать ей рану, чувствуя сам, что она была опасною.
Жена вошла уже тогда, когда он был совсем раздет. Послали за докторами. Арендта
не нашли; приехал Шольц и Задлер. В это время с Пушкиным были Данзас и Плетнев.
Пушкин велел всем выйти. «Плохо со мною», – сказал он, подавая руку Шольцу. Рану
осмотрели, и Задлер уехал за нужными инструментами. Оставшись с Шольцем, Пушкин
спросил: «Что вы думаете о моей ране; я чувствовал при выстреле сильный удар в
бок, и горячо стрельнуло в поясницу. Дорогою шло много крови. Скажите
откровенно, как вы находите рану?» – «Не могу вам скрыть, она опасная». –
«Скажите мне, смертельная?» – «Считаю долгом не скрывать и того. Но услышим
мнение Арендта и Соломона, за коими послано». – «Je Vous remercie, vous avez agi
en honnête homme envers moi», [79] – сказал Пушкин; замолчал; потер рукою лоб,
потом прибавил: «Il faut que j'arrange ma maison.» [80] Мне кажется, что идет
много крови». Шольц осмотрел рану; нашлось, что крови шло немного; он наложил
новый компресс. «Не желаете ли видеть кого из ваших ближних приятелей?» –
спросил Шольц. «Прощайте, друзья!» – сказал Пушкин, и в это время глаза его
обратились на его библиотеку. С кем он прощался в эту минуту, с живыми ли
друзьями или с мертвыми, не знаю. Он немного погодя спросил: «Разве вы думаете,
что я часу не проживу?» – «О нет! но я полагаю, что вам будет приятно увидеть
кого-нибудь из ваших. Г-осподин Плетнев здесь». – «Да; но я желал бы
Жуковского. Дайте мне воды; тошнит». Шольц тронул пульс, нашел руку довольно
холодною; пульс слабый, скорый, как при внутреннем кровотечении; он вышел за
питьем, и послали за мною. Меня в это время не было дома; и не знаю, как это
случилось, но ко мне не приходил никто. Между тем приехали Задлер и Соломон.
Шольц оставил больного, который добродушно пожал ему руку, но не сказал ни
слова.

Скоро потом явился Арендт. Он с первого взгляда увидел, что не было никакой
надежды. Первою заботою было остановить внутреннее кровотечение; начали
прикладывать холодные со льдом примочки на живот и давать прохладительное питье;
они произвели желанное действие, и кровотечение остановилось. Все это было
поручено Спасскому, домовому доктору Пушкина, который явился за Арендтом и всю
ночь остался при постеле страдальца. «Плохо мне», – сказал Пушкин, увидя
Спасского и подавая ему руку. Спасский старался его успокоить; но Пушкин махнул
рукою отрицательно. С этой минуты он как будто перестал заботиться о себе и все
его мысли обратились на жену. «Не давайте излишних надежд жене, – говорил он
Спасскому, – не скрывайте от нее, в чем дело; она не притворщица, вы ее хорошо
знаете. Впрочем, делайте со мною что хотите, я на все согласен и на все готов».

Когда Арендт перед своим отъездом подошел к нему, он ему сказал: «Попросите
государя, чтобы он меня простил; попросите за Данзаса, он мне брат, он невинен,
я схватил его на улице». Арендт уехал. В это время уже собрались мы все, князь
Вяземский, княгиня, граф Вьельгорский и я. Княгиня была с женою, которой
состояние было невыразимо; как привидение, иногда прокрадывалась она в ту
горницу, где лежал ее умирающий муж; он не мог ее видеть (он лежал на диване,
лицом от окон к двери); но он боялся, чтобы она к нему подходила, ибо не хотел,
чтобы она могла заметить его страдания, кои с удивительным мужеством
пересиливал, и всякий раз, когда она входила или только останавливалась у
дверей, он чувствовал ее присутствие. «Жена здесь, – говорил он. – Отведите ее».
«Что делает жена? – спросил он однажды у Спасского. – Она, бедная, безвинно

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya терпит! в свете ее заедят». Вообще с начала до конца своих страданий (кроме двух или трех часов первой ночи, в которые они превзошли всякую меру человеческого терпения) он был удивительно тверд. «Я был в тридцати сражениях, – говорил доктор Арендт, – я видел много умирающих, но мало видел подобного».

И особенно замечательно то, что в эти последние часы жизни он как будто сделался иной; буря, которая за несколько часов волновала его душу яростною страстию, исчезла, не оставив на нем никакого следа; ни слова, ниже воспоминания о поединке. Однажды только, когда Данзас упомянул о Геккерне, он сказал: «Не мстить за меня! Я все простил».

Но вот черта чрезвычайно трогательная. В самый день дуэля, рано поутру, получил он пригласительный билет на погребение Гречева сына. Он вспомнил об этом посреди всех страданий. «Если увидите Греча, – сказал он Спасскому, – поклонитесь ему и скажите, что я принимаю душевное участие в его потере». У него спросили: желает ли исповедаться и причаститься. Он согласился охотно, и положено было призвать священника утром.

В полночь доктор Арендт возвратился.

Покинув Пушкина, он отправился во дворец, но не застал государя, который был в театре, и сказал камердинеру, чтобы по возвращении его величества было донесено ему о случившемся. Около полуночи приезжал за Арендтом от государя фельдъегерь с повелением немедленно ехать к Пушкину, прочитать ему письмо, собственноручно государем к нему написанное, и тотчас обо всем донести. «Я не лягу, я буду ждать», – стояло в записке государя к Арендту. Письмо же приказано было возвратить. И что же стояло в этом письме? «Если бог не велит нам более увидеться, прими мое прощенье, а с ним и мой совет: кончить жизнь христиански. О жене и детях не беспокойся. Я их беру на свое попечение».

Как бы я желал выразить простыми словами то, что у меня движется в душе при перечитывании этих немногих строк. Какой трогательный конец земной связи между царем и тем, кого он когда-то отечески присвоил и кого до последней минуты не покинул: как много прекрасного, человеческого в этом порыве, в этой поспешности захватить душу Пушкина на отлете, очистить ее для будущей жизни и ободрить последним земным утешением. «Я не лягу, я буду ждать»! О чем же он думал в эти минуты, где он был своею мыслью? О, конечно, перед постелью умирающего, его добрым земным гением, его духовным отцом, его примирителем с небом и землею. В ту же минуту было исполнено угаданное желание государя. Послали за священником в ближнюю церковь. Умирающий исповедался и причастился с глубоким чувством. Когда Арендт прочитал Пушкину письмо государя, то он вместо ответа поцеловал его и долго не выпускал из рук; но Арендт не мог его оставить ему. Несколько раз Пушкин повторял: «Отдайте мне это письмо, я хочу умереть с ним. Письмо! где письмо?» Арендт успокоил его обещанием испросить на то позволение у государя. Он скоро потом уехал.

До пяти часов Пушкин страдал, но сносно. Кровотечение было остановлено холодными примочками. Но около пяти часов боль в животе сделалась нестерпимою, и сила ее одолела силу души; он начал стонать; послали за Арендтом. По приезде его нашли нужным поставить промывательное, но оно не помогло и только что усилило страдания, которые в чрезвычайной силе своей продолжались до 7-и часов утра.

Что было бы с бедною женою, если бы она в течение двух часов могла слышать эти крики: я уверен, что ее рассудок не вынес бы этой душевной пытки. Но вот что случилось: она в совершенном изнурении лежала в гостиной, головою к дверям, и они одни отделяли ее от постели мужа. При первом страшном крике его княгиня Вяземская, бывшая в той же горнице, бросилась к ней, опасаясь, чтобы с нею чего не сделалось. Но она лежала неподвижно (хотя за минуту говорила); тяжелый летаргический сон овладел ею; и этот сон, как будто нарочно посланный свыше, миновался в ту самую минуту, когда раздалось последнее стенание за дверями. И в эти минуты жесточайшего испытания, по словам Спасского и Арендта, во всей силе сказалась твердость души умирающего; готовый вскрикнуть, он только стонал, боясь, как он говорил, чтобы жена не слышала, чтобы ее не испугать. К семи часам боль утихла. Надобно заметить, что во все это время и до самого конца мысли его были светлы и память свежа. Еще до начала сильной боли он подозвал к себе Спасского, велел подать какую-то бумагу, по-русски написанную, и заставил ее сжечь. Потом призвал Данзаса и продиктовал ему записку о некоторых долгах своих. Это его, однако, изнурило, и после он уже не мог сделать никаких других

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya
распоряжений. Когда поутру кончились его сильные страдания, он сказал Спасскому: «Жену! позовите жену!» Этой прощальной минуты я тебе не стану описывать. Потом потребовал детей; они спали; их привели и принесли к нему полусонных. Он на каждого оборачивал глаза молча; клал ему на голову руку; крестил и потом движением руки отсылал от себя. «Кто здесь?» – спросил он Спасского и Данзаса. Назвали меня и Вяземского. «Позовите», – сказал он слабым голосом. Я подошел, взял его похолодевшую, протянутую ко мне руку, поцеловал ее: сказать ему ничего я не мог, он махнул рукою, я отошел. Так же простился он и с Вяземским. В эту минуту приехал граф Вьельгорский, и вошел к нему, и так же в последние подал ему живому руку. Было очевидно, что спешил сделать свой последний земной расчет и как будто подслушивал идущую к нему смерть. Взяв себя за пульс, он сказал Спасскому: «Смерть идет».

«Карамзина? тут ли Карамзина?»* – спросил он спустя немного. Ее не было; за нею немедленно послали, и она скоро приехала. Свидание их продолжалось только минуту, но когда Катерина Андреевна отошла от постели, он ее кликнул и сказал: «Перекрестите меня!» Потом поцеловал у нее руку. В это время приехал доктор Арендт. «Жду царского слова, чтобы умереть спокойно», – сказал ему Пушкин. Это было для меня указанием, и я решился в ту же минуту ехать к государю, чтобы известить его величество о том, что слышал. Надобно знать, что, простившись с Пушкиным, я опять возвратился к его постели и сказал ему: «Может быть, я увижу государя; что мне сказать ему от тебя». – «Скажи ему, – отвечал он, – что мне жаль умереть; был бы весь его».

Сходя с крыльца, я встретился с фельдъегерем, посланным за мной от государя. «Извини, что я тебя потревожил», – сказал он мне при входе моем в кабинет. – «Государь, я сам спешил к вашему величеству в то время, когда встретился с посланным за мною». И я рассказал о том, что говорил Пушкин. «Я счел долгом сообщить эти слова немедленно вашему величеству. Полагаю, что он тревожится о участи Данзаса». – «Я не могу переменить законного порядка, – отвечал государь, – но сделаю все возможное. Скажи ему от меня, что я поздравляю его с исполнением христианского долга; о жене же и детях он беспокоиться не должен: они мои. Тебе же поручаю, если он умрет, запечатать его бумаги: ты после их сам рассмотришь».

Я возвратился к Пушкину с утешительным ответом государя. Выслушав меня, он поднял руки к небу с каким-то судорожным движением. «Вот как я утешен! – сказал он. – Скажи государю, что я желаю ему долгого, долгого царствования*, что я желаю ему счастья в его сыне, что я желаю ему счастья в его России». Эти слова говорил слабо, отрывисто, но явственно. Между тем данный ему прием опиума несколько его успокоил. К животу вместо холодных примочек начали прикладывать мягчительные; это было приятно страждущему. И он начал послушно исполнять предписания докторов, которые прежде отвергал упрямо, будучи испуган своими муками и ожидая смерти для их прекращения. Он сделался послушным, как ребенок, сам накладывал компрессы на живот и помогал тем, кои около него суетились. Одним словом, он сделался гораздо спокойнее. В этом состоянии нашел его доктор Даль*, пришедший к нему в два часа. «Плохо, брат», – сказал Пушкин, улыбаясь Далю. В это время он, однако, вообще был спокойнее; руки его были теплее, пульс явственнее. Даль, имевший сначала более надежды, нежели другие, начал его ободрять. «Мы все надеемся, – сказал он, – не отчаивайся и ты». – «Нет! – отвечал он, – мне здесь не житье; я умру, да, видно, так и надо». В это время пульс его был полнее и тверже. Начал показываться небольшой общий жар. Поставили пиявки. Пульс стал ровнее, реже и гораздо мягче. «Я ухватился, – говорит Даль, – как утопленник за соломинку, робким голосом провозгласил надежду и обманул было и себя и других». Пушкин, заметив, что Даль был пободрее, взял его за руку и спросил: «Никого тут нет?» – «Никого». – «Даль, скажи мне правду, скоро ли я умру?» – «Мы за тебя надеемся, Пушкин, право надеемся». – «Ну, спасибо!» – отвечал он. Но, по-видимому, только однажды и обольстился он надеждою, ни прежде, ни после этой минуты он ей не верил.

Почти всю ночь (на 29-е число; эту ночь всю Даль просидел у его постели, а я, Вяземский и Вьельгорский в ближней горнице) он продержал Даля за руку; часто брал по ложечке или по крупинке льда в рот и всегда все делал сам: брал стакан с ближней полки, тер себе виски льдом, сам накладывал на живот припарки, сам их снимал и проч. Он мучился менее от боли, нежели от чрезмерной тоски: «Ах! какая тоска! – иногда восклицал он, закидывая руки на голову. – Сердце изнывает!» Тогда просил он, чтобы подняли его, или поворотили на бок, или поправили ему подушку, и, не дав кончить этого, останавливал обыкновенно словами: «Ну! так, так – хорошо: вот и прекрасно, и довольно; теперь очень хорошо». Или: «Постой –

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya не надо – потяни меня только за руку – ну вот и хорошо, и прекрасно». (Все это его точное выражение.) «Вообще, – говорит Даль, – в обращении со мною он был повадлив и послушен, как ребенок, и делал все, что я хотел».

Однажды он спросил у Даля: «Кто у жены моей?» Даль отвечал: «Много добрых людей принимают в тебе участие; зало и передняя полны с утра и до ночи». – «Ну, спасибо, – отвечал он, – однако же поди скажи жене, что все, слава богу, легко; а то ей там, пожалуй, наговорят». Даль его не обманул. С утра 28-го числа, в которое разнеслась по городу весть, что Пушкин умирает, передняя была полна приходящих. Одни осведомлялись о нем через посланных спрашивать об нем, другие – и люди всех состояний, знакомые и незнакомые – приходили сами. Трогательное чувство национальной, общей скорби выразалось в этом движении, произвольном, ничем не подготовленном. Число приходящих сделалось наконец так велико, что дверь прихожей (которая была подле кабинета, где лежал умирающий) беспрепятственно отворялась и затворялась; это беспокоило страждущего; мы придумали запереть дверь из прихожей в сени, задвинули ее залавком и отворили другую, узенькую, прямо с лестницы в буфет, а гостиную от столовой отгородить ширмами (это распоряжение поймешь из приложенного плана*). С этой минуты буфет был набит народом; в столовую входили только знакомые, на лицах выражалось простодушное участие, очень многие плакали.

Государь император получал известия от доктора Арендта (который раз по шести в день и по несколько раз ночью приезжал навестить больного); государыня великая княгиня, очень любившая Пушкина, написала ко мне несколько записок*, на которые я отдавал подробный отчет ее высочеству* согласно с ходом болезни. Такое участие трогательно, но оно естественно; естественно и в государе, которому дорога народная слава, какого рода она бы ни была (а в этом отличительная черта нынешнего государя; он любит все русское; он ставит новые памятники и бережет старые); естественно и в нации, которая в этом случае не только заодно с своим государем, но эту общую любовь к отечественной славе укореняется между ими нравственная связь; государю естественно гордиться своим народом, как скоро этот народ понимает его высокое чувство и вместе с ним любит то, что славно отличает его от других народов или ставит с ним наряду; народу естественно быть благодарным своему государю, в котором он видит представителя своей чести.

Одним словом сии изъявления общего участия наших добрых русских меня глубоко трогали, но не удивляли. Участие иностранцев было для меня усладительною нечаятельностью. Мы теряли свое; мудрено ли, что мы горевали? Но их что так трогало? Что думал этот почтенный Барант*, стоя долго в унынии посреди прихожей, где около его шептали с печальными лицами о том, что делалось за дверями. Отгадать нетрудно. Гений есть общее добро; в поклонении гению все народы родня! и когда он безвременно покидает землю, все провожают его с одинаковою братскою скорбью. Пушкин по своему гению был собственностью не одной России, но и целой Европы; потому-то и посол французский (сам знаменитый писатель) приходил к двери его с печалью собственной, и о нашем Пушкине пожалел как будто о своем. Потому же Люцероде, саксонский посланник, сказал собравшимся у него гостям в понедельник ввечеру: «Нынче у меня танцевать не будут, нынче похороны Пушкина».

Возвращаясь к своему описанию. Послав Даля ободрить жену надеждою, Пушкин сам не имел никакой. Однажды спросил он: «Который час?» И на ответ Даля продолжал прерывающимся голосом: «Долго ли... мне... так мучиться?... Пожалуйста, поскорей!..» Это повторил он несколько раз: «Скоро ли конец?..» И всегда прибавлял «Пожалуйста, поскорей!» Вообще (после мук первой ночи, продолжавшихся два часа) он был удивительно терпелив. Когда тоска и боль его одолевали, он делал движения руками или отрывисто кряхтел, но так, что его почти не могли слышать. «Терпеть надо, друг, делать нечего, – сказал ему Даль, – но не стыдись боли своей, стонай, тебе будет легче». – «Нет, – он отвечал перерывчиво, – нет... не надо... стонать... жена... услышит... Смешно же... чтоб этот... вздор... меня... пересилил... не хочу».

Я покинул его в 5 часов и через два часа возвратился в 7-м, то есть через два часа. Видев, что ночь была довольно спокойна, я пошел к себе почти с надеждою, но, возвращаясь, нашел иное. Арендт сказал мне решительно, что все кончено и что ему не пережить дня. Действительно, пульс ослабел и начал упадать приметно; руки начали стыть. Он лежал с закрытыми глазами; иногда только подымал руки, чтобы взять льду и потереть им лоб.

Ударило два часа пополудни, и в Пушкине осталось жизни на три четверти часа. Он открыл глаза и попросил моченой морошки. Когда ее принесли, то он сказал внятно:

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya
«Позовите жену, пускай она меня покормит». Она пришла, опустилась на колена у изголовья, поднесла ему ложечку-другую морошки, потом прижалась лицом к лицу его; Пушкин погладил ее по голове и сказал: «Ну, ну, ничего; слава богу; все хорошо! поди». Спокойное выражение лица его и твердость голоса обманули бедную жену; она вышла как просиявшая от радости лицом. «Вот увидите, – сказала она доктору Спасскому, – он будет жив, он не умрет».

А в эту минуту уже начался последний процесс жизни. Я стоял вместе с графом Вьельгорским у постели его, в головах; сбоку стоял Тургенев*. Даль шепнул мне: «Отходит». Но мысли его были светлы. Изредка только полудремотное забытие их отуманивало. Раз он подал руку Далю и, пожимая ее, проговорил: «Ну, подымай же меня, пойдем, да выше, выше... ну, пойдем!» Но, очнувшись, он сказал: «Мне было пригрезилось, что я с тобой лечу вверх по этим книгам и полкам; высоко... и голова закружилась». Немного погодя он опять, не раскрывая глаз, стал искать Далеву руку и, потянув ее, сказал: «Ну, пойдем же, пожалуйста, да вместе». Даль, по просьбе его, взял его под мышки и приподнял повыше; и вдруг, как будто проснувшись, он быстро раскрыл глаза, лицо его прояснилось, и он сказал: «Кончена жизнь». Даль, не расслышав, отвечал: «Да, конечно; мы тебя положили». «Жизнь кончена!» – повторил он внятно и положительно. «Тяжело дышать, давит!» – были последние слова его. В эту минуту я не сводил с него глаз и заметил, что движение груди, доселе тихое, сделалось прерывистым. Оно скоро прекратилось. Я смотрел внимательно, ждал последнего вздоха; но я его не заметил. Тишина, его объявшая, казалась мне успокоением. Все над ним молчали. Минуты через две я спросил: «Что он?» – «Кончилось», – отвечал мне Даль. Так тихо, так таинственно удалилась душа его. Мы долго стояли над ним молча, не шевелясь, не смея нарушить великого таинства смерти, которое совершилось перед нами во всей умиленной святине своей.

Когда все ушли, я сел перед ним и долго один смотрел ему в лицо. Никогда на этом лице я не видал ничего подобного тому, что было на нем в эту первую минуту смерти. Голова его несколько наклонилась; руки, в которых было за несколько минут какое-то судорожное движение, были спокойно протянуты, как будто упавшие для отдыха после тяжелого труда. Но что выражалось на его лице, я сказать словами не умею. Оно было для меня так ново и в то же время так знакомо! Это было не сон и не покой! Это не было выражение ума, столь прежде свойственное этому лицу; это не было также и выражение поэтическое! нет! какая-то глубокая, удивительная мысль на нем развивалась, что-то похожее на видение, на какое-то полное, глубокое, удовольствованное знание. Взматриваясь в него, мне все хотелось у него спросить: «Что видишь, друг?» И что бы он отвечал мне, если бы мог на минуту воскреснуть? Вот минуты в жизни нашей, которые вполне достойны названия великих. В эту минуту, можно сказать, я видел самую смерть, божественно тайную, смерть без покрывала. Какую печать наложила она на лицо его и как удивительно высказала на нем и свою и его тайну. Я уверяю тебя, что никогда на лице его не видал я выражения такой глубокой, величественной, торжественной мысли. Она, конечно, проскакивала в нем и прежде. Но в этой чистоте обнаружилась только тогда, когда все земное отделилось от него с прикосновением смерти. Таков был конец нашего Пушкина.

Опишу в немногих словах то, что было после. К счастью, я вспомнил вовремя, что надобно с него снять маску. Это было исполнено немедленно; черты его еще не успели измениться. Конечно, того первого выражения, которое дала им смерть, в них не сохранилось; но всё мы имеем отпечаток привлекательный; это не смерть, а сон. Спустя $\frac{3}{4}$ часа после кончины (во все это время я не отходил от мертвого, мне хотелось взглянуть в прекрасное лицо его) тело вынесли в ближнюю горницу; а я, исполняя повеление государя императора, запечатал кабинет своею печатью. Не буду рассказывать того, что сделалось с печальною женою: при ней находились неотлучно княгиня Вяземская, Е. И. Загряжская, граф и графиня Строгановы*. Граф взял на себя все распоряжения похорон. Побыв еще несколько времени в доме, я поехал к Вьельгорскому обедать; у него собрались и все другие, видевшие последнюю минуту Пушкина; и он сам был приглашен за гробом к этому обеду: это был день моего рождения*. Я счел обязанностью донести государю императору о том, как умер Пушкин; он выслушал меня наедине в своем кабинете: этого прекрасного часа моей жизни я никогда не забуду.

На другой день мы, друзья, положили Пушкина своими руками в гроб; на следующий день, к вечеру, перенесли его в Конюшенную церковь. И в эти оба дни та горница, где он лежал в гробе, была беспрестанно полна народом. Конечно, более десяти тысяч человек приходило взглянуть на него: многие плакали; иные долго

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya
останавливались и как будто хотели всмотреться в лицо его; было что-то
разительное в его неподвижности посреди этого движения и что-то умирительно
таинственное в той молитве, которая так тихо, так однообразно слышалась посреди
этого шума.

И особенно глубоко трогало мне душу то, что государь как будто сопresentствовал
посреди своих русских, которые так просто и смиренно и с ним заодно выражали
скорбь свою о утрате славного соотечественника. Всем было известно, как государь
утешил последние минуты Пушкина, какое он принял участие в его христианском
покаянии, что он сделал для его сирот, как почтил своего поэта и что в то же
время (как судья, как верховный блюститель нравственности) произнес в осуждение
бедственному делу, которое так внезапно лишило нас Пушкина. Редкий из
посетителей, помолясь перед гробом, не помолился в то же время за государя, и
можно сказать, что это изъявление национальной печали о поэте было самым
трогательным прославлением его великодушного покровителя.

Отпевание происходило 1 февраля. Весьма многие из наших знакомых людей и все
иностранные министры были в церкви. Мы на руках отнесли гроб в подвал, где
надлежало ему остаться до вывоза из города. 3 февраля и 10 часов вечера
собрались мы в последний раз к тому, что еще для нас оставалось от Пушкина;
отпели последнюю панихиду; ящик с гробом поставили на сани; сани тронулись; при
свете месяца несколько времени я следовал за ними; скоро они повертели за угол
дома; и все, что было земной Пушкин, навсегда пропало из глаз моих.

35. А. Х. Бенкендорфу. <Февраль-март 1837, Петербург>*

Генерал Дубельт донес*, и я, с своей стороны, почитаю обязанностью также донести
вашему сиятельству, что мы кончили дело, на нас возложенное, и что бумаги
Пушкина все разобраны. Письма партикулярные прочтены одним генералом Дубельтом и
отданы мне для рассылки по принадлежности; рукописные сочинения, оставшиеся по
смерти Пушкина, по возможности приведены в порядок; некоторые рукописи были
сшиты в тетради, занумерованы и скреплены печатью; переплетенные книги с черновыми
сочинениями и отдельные листки, из коих нельзя было сделать тетрадей, просто
занумерованы. Казенных бумаг не нашлось никаких. Корбова рукопись, о коей писал
граф Нессельрод*, вероятно отыщется в библиотеке, которая на сих днях будет
разобрана. Сверх означенных рукописей нашлись рукописные старинные книги, коих
не было никакой нужды рассматривать; они принадлежат библиотеке. Всем нашим
действиям был веден протокол, извлечение из коего, содержащее в себе полный
реестр бумагам Пушкина, генерал Дубельт представил вашему сиятельству.

Приступая к напечатанию полного собрания сочинений Пушкина* и взяв на себя
обязанность издать на нынешний год в пользу его семейства четыре книги
«Современника», я должен иметь пред глазами манускрипты Пушкина и прошу
позволения их у себя оставить с обязательством не выпускать их <из> своих рук и
не позволять списывать ничего, кроме единственно того, что будет выбрано мною
самим для помещения в «Современнике» и в полном издании сочинений Пушкина с
одобрения цензуры. Сии манускрипты, занумерованные, записанные в протокол и в
особый реестр, всегда будут у меня налице, и я всякую минуту буду готов
представить их на рассмотрение правительства. Хотя я теперь, после внимательного
разбора, вполне убежден, что между сими рукописями ничего предосудительного
памяти Пушкина и вредного обществу не находится, но для собственной безопасности
наперед протестую перед вашим сиятельством против всего, что может со временем,
как то бывало часто и прежде, распушено быть в манускриптах под именем Пушкина.
Если бы паче чаяния и нашлось в бумагах его что-нибудь предосудительное, то я
разносчиком такого рода сочинений не буду и списка их никому не дам. – В этом
уверяю один раз навсегда, и все противное этому один раз навсегда отвергаю.
Такую предосторожность почитаю необходимою тем более, что на меня уже был сделан
самый нелепый донос*. Было сказано, что три пакета были вынесены мною из горницы
Пушкина. При малейшем рассмотрении обстоятельств такое обвинение должно бы было
оказаться невероятным. Пушкин был привезен в шесть часов после обеда домой 27
числа января. 28-го в десять часов утра государь император благоволил поручить
мне запечатать кабинет Пушкина (предоставив мне самому сечь все, что найду
предосудительного в бумагах). Итак, похищение могло произойти только в
промежуток между 6 часов 27-го числа и 10 часов 28 числа. С этой же поры, то
есть с той минуты, как на меня возложено было сбережение бумаг, всякая утрата их
сделалась невозможною. Или мне самому надлежало сделаться похитителем, вопреки
повеления государя и моей совести. Но и это, во-первых, было бы не нужно; ибо
все вверено было мне, и я имел позволение сечь все то, что нашел бы
предосудительным: на что же похищать то, что уже мне отдано; во-вторых,

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya невозможно (если бы я был на это способен); ибо чтобы взять бумаги, надобно знать, где лежат они, это мог сказать один только Пушкин; а Пушкин умирал. Замечу здесь однако, что я бы первый исполнил его желание, если бы он (прежде нежели я получил повеление, данное государем, опечатать бумаги) сам поручил мне отыскать какую бы то ни было бумагу, ее уничтожить или кому-нибудь доставить. Кто же подобных препоручений умирающего не исполнит свято, как завещание? Это даже и случилось: он велел доктору Спасскому вынуть какую-то его рукою написанную бумагу из ближнего ящика, и ее сожгли перед его глазами; а Данзасу велел найти какой-то ящик и взять из него находившуюся в нем цепочку. Более никаких распоряжений он не делал и не был в состоянии делать. Итак, какие бумаги, где лежали, узнать было и не можно и некогда. Но я услышал от генерала Дубельта, что ваше сиятельство получили известие о похищении трех пакетов от лица доверенного (*de haute volée*), [81] Я тотчас догадался, в чем дело. Это доверенное лицо могло подсмотреть за мною только в гостиной, а не в передней, в которую вела запечатанная дверь из кабинета Пушкина, где стоял гроб его и где бы мне трудно было действовать без свидетелей. В гостиной же точно в шляпе моей можно было подметить не три пакета, а пять; жаль только, что неизвестное мне доверенное лицо не подумало если не объясниться со мною лично, что, конечно, не в его роли, то хотя для себя узнать какие-нибудь подробности, а поспешило так свою зоркую наблюдательность насчет моей чести и своей совести. Эти пять пакетов были просто оригинальные письма Пушкина, писанные им к его жене, которые она сама вызвалась дать мне прочитать; я их привел в порядок, сшил в тетради и возвратил ей. Пакетов же, к счастью, не разорвал, и они могут теперь служить убедительными свидетелями всего сказанного мною. Само по себе разумеется, что такие письма, мне вверенные, не могли принадлежать к тем бумагам, кои мне приказано было рассмотреть. Впрочем, и представлять было бы не нужно: все они были читаны, в чем убедило меня и то, что между ними нашлось именно то письмо*, из которого за год пред тем некоторые места были представлены государю императору и навлекли на Пушкина гнев его величества, потому что в отдельности своей представляли совсем не тот смысл, какой имели в самом письме в совокупности с целым. Этот случай мне особенно памятен, потому что мне была показана вашим сиятельством эта выписка; я тогда объяснил ее наугад и теперь, по прочтении самого письма, вижу, что моя догадка меня не обманула.

Не имею нужды уверять ваше сиятельство в том уважении, которое (несмотря на многое мне лично горестное) я имею к вашему благородному характеру. В этом вы сами должны быть уверены. Новым доказательством моего к вам чувства пускай послужит та искренность, о которой говорить с вами намерен. Такому человеку, как вы, она ни оскорбительна, ни даже неприятна быть не может.

Сперва буду говорить о самом Пушкине. Смерть его все обнаружила, и несчастное предубеждение, которое наложили на всю жизнь его буйные годы первой молодости и которое давило пылкую душу его до самого гроба, теперь должно, и, к несчастью, слишком поздно, уничтожиться перед явною очевидностью. Мы разобрали его все бумаги. Полагали, что в них найдется много нового, писанного в духе враждебном против правительства и вредного нравственности. Вместо того нашли бумаги, разительно доказывающие совсем иной образ мыслей: это особенно выразилось в его письме к Чадаеву*, которое он, по-видимому, хотел послать не по почте, но не послал, вероятно, по той причине, что он не желал своими опровержениями оскорблять приятеля, уже испытавшего заслуженный гнев государя*. Одним словом, нового предосудительного не нашлось ничего и не могло быть найдено. Старое, писанное в первой молодости, то именно, около чего вертелись все предубеждения, на нем лежавшие, все, как видно, было им самим уничтожено (сколько можно судить теперь); в бумагах его не осталось и черновых рукописей. Он сам про себя осудил свою молодость* и произвольно истребил для самого себя все несчастные следы, ее. Что же из сего следует заключить? Не то ли, что Пушкин в последние годы свои был совершенно не тот, каким видели его в первые? Но таково ли было об нем ваше мнение? Я перечитал все письма, им от вашего сиятельства полученные: во всех них, должен сказать, выражается благое намерение. Но сердце мое сжималось при этом чтении. Во все эти двенадцать лет, прошедшие с той минуты, в которую государь так великодушно его присвоил, его положение не переменялось; он все был как буйный мальчик, которому страшишься дать волю, под строгим, мучительным надзором. Все формы этого надзора были благородные: ибо от вас оно не могло быть иначе. Но надзор все надзор. Годы проходили; Пушкин созрел; ум его остепенялся. А прежде против него предубеждение, не замечая внутренней нравственной перемены его, было то же и то же. Он написал «Годунова»*, «Полтаву», свои оды «К клеветникам России»*, «На взятие Варшавы»*, то есть все

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya
свое лучшее, принадлежащее нынешнему царствованию, а в суждении об нем все указывали на его оду «К свободе», «Кинжал», написанный в 1820 году*; и в 36-летнем Пушкине видели все 22-летнего, Ссылаюсь на вас самих, такое положение могло ли не быть огорчительным? К несчастью, оно и не могло быть иначе. Вы на своем месте не могли следовать за тем, что делалось внутри души его. Но подумайте сами, каково было бы вам, когда бы вы в зрелых летах были обременены такою сетью, видели каждый шаг ваш истолкованным предубеждением, не имели возможности произвольно переменить место без навлечения на себя подозрения или укора. В ваших письмах нахожу выговоры за то, что Пушкин поехал в Москву, что Пушкин поехал в Арзрум. Но какое же это преступление? Пушкин хотел поехать в деревню на житье, чтобы заняться на покое литературой, ему было в том отказано под тем видом, что он служил, а действительно потому, что не верили. Но в чем же была его служба? В том единственно, что он был причислен к иностранной коллегии. Какое могло быть ему дело до иностранной коллегии? Его служба была его перо, его «Петр Великий», его поэмы, его произведения, коими бы ознаменовалось нынешнее славное время? Для такой службы нужно свободное уединение. Какое спокойствие мог он иметь с своею пылкою, огорченною душою, с своими стесненными домашними обстоятельствами, посреди того света, где все тревожило его суетность, где было столько раздражительного для его самолюбия, где, наконец, тысячи презрительных сплетней, из сети которых не имел он возможности вырваться, погубили его. Государь император назвал себя его цензором. Милость великая, особенно драгоценная потому, что в ней обнаруживалось все личное благоволение к нему государя. Но, скажу откровенно, эта милость поставила Пушкина в самое затруднительное положение. Легко ли было ему беспокоить государя всякою мелочью, написанною им для помещения в каком-нибудь журнале? На многое, замеченное государем, не имел он возможности делать объяснений; до того ли государю, чтобы их выслушивать? И мог ли вскоре решиться на то Пушкин? А если какие-нибудь мелкие стихи его являлись напечатанными в альманахе (разумеется, с ведома цензуры), это ставилось ему в вину, в этом виделись непослушание и буйство, ваше сиятельство делали ему словесные или письменные выговоры, а вина его состояла или в том, что он с такою мелочью не счел нужным идти к государю и отдавал ее просто на суд общей для всех цензуры (которая, конечно, к нему не была благосклоннее, нежели к другим), или в том, что стихи, ходившие по рукам в рукописи, были напечатаны без его ведома, но также с одобрения цензуры (как то случилось с этими несчастными стихами к Лукуллу, за которые* не одни вы, но и все друзья его жестоко ему упрекали). Замечу здесь однако, что злонамереннее этих стихов к Лукуллу он не написал ничего, с тех пор как государь император так благотворно обратил на него свое внимание. Зато весьма часто ему было приписываемо чужое, как бы оно, впрочем, ни было нелепо. Но что же эти стихи к Лукуллу? Злая эпитафия на лицо, даже не пасквиль, ибо здесь нет имени. Пушкин хотел отомстить ей за какое-то личное оскорбление; не оправдываю его нравственности, но тут еще нет ничего возмутительного противу правительства. И какое дело правительству до эпитафии на лица? Даже и для того, кто оскорблен такою эпитафиею, всего благоразумнее не узнавать себя в ней. Острота ума не есть государственное преступление. Могу указать на многих окружающих государя императора и заслуживающих его доверенность, которые не скупятся на эпитафии; правда, эти эпитафии без рифм и не писанные, но зато они повторяются в обществе словесно (на что уже нет никакой цензуры) и именно оттого врезаются глубже в память. Наконец, в одном из писем вашего сиятельства нахожу выговор за то, что Пушкин в некоторых обществах читал свою трагедию прежде, нежели она была одобрена. Да что же это за преступление? Кто из писателей не сообщает своим друзьям своих произведений для того, чтобы слышать их критику? Неужели же он должен по тех пор, пока его произведение еще не позволено официально, сам считать его не позволенным? Чтение ближним есть одно из величайших наслаждений для писателя. Все позволяли себе его, оно есть дело семейное, то же, что разговор, что переписка. Запрещать его есть то же, что запрещать мыслить, располагать своим временем и прочее. Такого рода запрещения вредны потому именно, что они бесполезны, раздражительны и никогда исполнены быть не могут.

Каково же было положение Пушкина под гнетом подобных запрещений? Не должен ли был он необходимо, с тою пылкостью, которая дана была ему от природы и без которой он не мог бы быть поэтом, наконец прийти в отчаяние, видя, что ни годы, ни самый изменившийся дух его произведений ничего не изменили в том предубеждении, которое раз навсегда на него упало и, так сказать, уничтожило все его будущее? Вы называете его и теперь демагогическим писателем. По каким же его произведениям даете вы ему такое имя? По старым или по новым? И какие произведения его знаете вы, кроме тех, на кои указывала вам полиция и некоторые из литературных врагов, клеветавших на него тайно? Ведь вы не имеете времени

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyyva
заниматься русской литературой и должны в этом случае полагаться на мнение других? А истинно то, что Пушкин никогда не бывал демагогическим писателем. Если по старым, ходившим только в рукописях, то они все относятся ко времени до 1826 года; это просто грехи молодости, сначала необузданной, потом раздраженной заслуженным несчастьем. Но демагогического, то есть написанного с намерением волновать общество, ничего не было между ими и тогда. Заговорщики против Александра* пользовались, может быть, некоторыми вольными стихами Пушкина, но в их смысле (в смысле бунта) он не написал ничего, и они ему были чужды. Это, однако, не помешало (без всяких доказательств) причислить его к героям 14 декабря и назвать его замышлявшим на жизнь Александра. За его напечатанные же сочинения и в особенности за его новые, написанные под благотворным влиянием нынешнего государя, его уже никак нельзя назвать демагогом. Он просто русский национальный поэт, выразивший в лучших стихах своих, наилучшим образом все, что дорого русскому сердцу. Что же касается до политических мнений, которые имел он в последнее время, то смею спросить ваше сиятельство, благоволили ли вы взять на себя труд когда-нибудь с ним говорить о предметах политических? Правда и то, что вы на своем месте осуждены думать, что с вами не может быть никакой искренности, вы осуждены видеть притворство в том мнении, которое излагает вам человек, против которого поднято ваше предубеждение (как бы он ни был прямодушен), и вам нечего другого делать, как принимать за истину то, что будут говорить вам <о нем> другие. Одним словом, вместо оригинала вы принуждены довольствоваться переводами, всегда неверными и весьма часто испорченными, злонамеренных переводчиков. Я сообщу вашему сиятельству в немногих словах политические мнения Пушкина*, хотя наперед знаю, что и мне вы не поверите, ибо и я имею несчастье принадлежать к тем оригиналам, которые известны вам по одним лишь ошибочным переводам. Первое. Я уже не один раз слышал и от многих, что Пушкин в государе любил одного Николая, а не русского императора и что ему для России надобно было совсем иное. Уверяю вас напротив, что Пушкин (здесь говорится о том, что он был в последние свои годы) – решительно был утверждён в необходимости для России чистого, неограниченного самодержавия, и это не по одной любви к нынешнему государю, а по своему внутреннему убеждению, основанному на фактах исторических (этому теперь есть и письменное свидетельство в его собственноручном письме к Чадаеву). Второе. Пушкин был решительным противником свободы книгопечатания и в этом он даже доходил до излишества, ибо полагал, что свобода книгопечатания вредна и в Англии. Разумеется, что он в то же время утверждал, что цензура должна быть строга, но беспристрастна, что она, служа защитой обществу от писателей, должна и писателя защищать от всякого произвола. Третье. Пушкин был враг Июльской революции. По убеждению своему он был карлист; он признавал короля Филиппа* необходимою гарантию спокойствия Европы, но права его опровергал и непоколебимость законного наследия короны считал главнейшею опорой гражданского порядка. Наконец, четвертое. Он был самый жаркий враг революции польской и в этом отношении, как русский, был почти фанатиком. Таковы были главные, коренные политические убеждения Пушкина, из коих все другие выходили как отрасли. Они были известны мне и всем его ближним из наших частых, непринужденных разговоров. Вам же они быть известными не могли, ибо вы с ним никогда об этих материях не говорили; да вы бы ему и не поверили, ибо, опять скажу, ваше положение таково, что вам нельзя верить никому из тех, кому бы ваша вера была вниманием, и что вы принуждены насчет других верить именно тем, кои недостойны вашей веры, то есть доносчикам, которые нашу честь и наше спокойствие продают за деньги или за кредит, или светским болтунам, которые неподкупною <следующее слово неразборчиво> иногда одним словом, брошенным на ветер, убивают доброе имя. Как бы то ни было, но мнения политические Пушкина были в совершенной противоположности с системой буйных демагогов. И они были таковы уже прежде 1830 года. Пушкин мужал зрелым умом и поэтическим дарованием, несмотря на раздражительную тягость своего положения, которому не мог конца предвидеть, ибо он мог постичь, что не изменившееся в течение десяти лет останется таким и на целую жизнь и что ему никогда не освободиться от того надзора, которому он, уже отец семейства, в свои лета подвержен был как двадцатилетний шалун. Ваше сиятельство не могли заметить этого угнетающего чувства, которое грызло и портило жизнь его. Вы делали изредка свои выговоры, с благим намерением, и забывали об них, переходя к другим важнейшим вашим занятиям, которые не могли дать вам никакой свободы, чтобы заняться Пушкиным. А эти выговоры, для вас столь мелкие, определяли целую жизнь его: ему нельзя было тронуться с места свободно, он лишен был наслаждения видеть Европу, ему нельзя было произвольно ездить и по России, ему нельзя было своим друзьям и своему избранному обществу читать свои сочинения, в каждом стихе его, напечатанных не им, а издателем альманаха с дозволения цензуры, было видно возмущение. Позвольте сказать искренно. Государь хотел своим особенным покровительством остепенить Пушкина и в то же время дать

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya
его гению полное его развитие; а вы из сего покровительства сделали надзор*,
который всегда притеснителен, сколь бы, впрочем, ни был кроток и благороден (как
все, что от вас истекает).

Обращаюсь теперь ко второму предмету, о коем хотел говорить с вашим
сиятельством: к тому, что произошло по случаю смерти Пушкина. Я долго колебался,
писать ли к вам об этом. Об этом происшествии уже не говорят; никаких печальных
следствий оно не имело, толки умолкли – для чего же возобновлять прение о том,
что лучше совсем изгладить из памяти. Это правда; но если общие толки утихли, то
предубеждение еще осталось, и многие благоразумные люди не шутя уверены, что
было намерение воспользоваться смертью Пушкина для взволнования умов; но главное
то, что я считаю своею обязанностью отразить в глазах государя императора то
обвинение, которое на меня и на немногих друзей Пушкина падает, и сказать слово
в оправдание наше, не обвиняя никого и даже не имея никакой надежды быть
оправданным.

Если бы Пушкин умер после долговременной болезни или после быстрого удара, о нем
бы пожалели; общее чувство национальной потери выразилось бы в разговорах,
каких-нибудь статьях, стихами или прозою; в обществе поговорили бы о нем и скоро
бы замолчали, предав его памяти современников, умевших ценить его высокое
дарование, и потомству, которое, конечно, сохранит к нему чистое уважение. Но
Пушкин умирает, убитый на дуэли, и убийца его француз, принятый в нашу службу с
отличием; этот француз преследовал жену Пушкина и за тот стыд, который нанес его
чести, еще убил его на дуэли. Вот обстоятельства, поразившие вдруг все общество
и сделавшиеся известными во всех классах народа, от Гостиного двора до
петербургских салонов. Если бы таким образом погиб и простой человек, без
всякого национального имени, то и об нем заговорили бы повсюду, но это была бы
просто светская болтовня, без всякого особенного чувства. Но здесь жертвою
иноземного развратника сделался первый поэт России, известный по сочинениям
своим большому и малому обществу. Чему же тут дивиться, что общее чувство при
таком трагическом происшествии вспыхнуло сильно. Напротив, надлежало бы
удивиться, когда бы это сильное чувство не вспыхнуло и если бы в обществе
равнодушно приняли такую внезапную потерю и не было бы такое равнодушие
оскорбительно для чувства народности. Прибавить надобно к этому и то, что
обстоятельства, предшествовавшие кровавой развязке, были всем известны, знали,
какими низкими средствами старались раздражить и осрамить Пушкина; анонимные
письма были многими читаны и об них вспомнили с негодованием. Итак, нужно ли
было кому-нибудь особенно заботиться о том, чтобы произвести в обществе то
впечатление, которое неминуемо в нем произойти должно? Разве дуэль был
тайною? Разве обстоятельства его были тайною? Разве погиб на дуэли не Пушкин?
Чему же дивиться, что все ужаснулись, что все были опечалены и все оскорбились?
Какие же тайные агенты могли быть нужны для произведения сего неизбежного
впечатления?

Весьма естественно, что, после того как распространилась в городе весть о
погибели Пушкина, поднялось много разных толков; весьма естественно, что во
многих энтузиазм к нему как к любимому русскому поэту оживился безвременною
трагическою смертью (в этом чувстве нет ничего враждебного; оно, напротив,
благородное и делает честь нации, ибо изъявляет, что она дорожит своею славою);
весьма естественно, что этот энтузиазм, смотря по разным характерам, выразался
различно, в одних с благоразумием умеренности, в других с излишнею пылкостью; в
других, и, вероятно, во многих, было соединено с негодованием против убийцы
Пушкина, может быть, и с выражением мщения. Все это в порядке вещей, и тут еще
нет ничего возмутительного. Не знаю, что в это время говорилось и делалось в
обществе (ибо и я и прочие обвиненные друзья Пушкина были слишком заняты им
самим, его страданиями, его смертью, его семейством, чтобы заботиться о толках в
обществе, и еще менее о том, как бы производить эти толки), но по слухам,
дошедшим до меня после, полагаю, что блюстительная полиция подслушала там и
здесь (на улицах, в Гостином дворе и проч.), что Геккерну угрожают*; вероятно,
что не один, а весьма многие в народе ругали иноземца, который застрелил
русского, и кого же русского, Пушкина? Вероятно, что иные толковали между собою,
как бы хорошо было его побить, разбить стекла в его доме и тому подобное;
вероятно, что и до самого министра Геккерна* доходили подобные толки, и что его
испуганное воображение их преувеличивало, и что он сообщил свои опасения и
требовал защиты. С другой стороны, вероятно и то, что говорили о Пушкине с живым
участием, о том, как бы хорошо было изъявить ему уважение какими-нибудь видимыми
знаками; многие, вероятно, говорили, как бы хорошо отпечь лошадей от гроба и
доставить его на руках до церкви; другие, может быть, толковали, как бы хорошо

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya произнести над ним речь и в этой речи поразить его убийцу, и прочее и прочее. Все подобные толки суть естественное следствие подобного происшествия; его необходимый, неизбежный отголосок. Блюстительная полиция была обязана обратить на них внимание и взять свои меры, но взять их без всякого изъявления опасения, ибо и опасности не было никакой. До сих пор все в порядке вещей. Но здесь полиция перешла за границы своей бдительности. Из толков, не имевших между собой никакой связи, она сделала заговор с политической целью и в заговорщики произвела друзей Пушкина, которые окружали его страдальческую постель и должны бы были иметь особенную натуру, чтобы, в то время как их душа была наполнена глубокою скорбью, иметь возможность думать о волновании умов в народе через каких-то агентов, с какою-то целью, которой никаким рассудком постигнуто быть не может. Раз допустивши нелепую идею, что заговор существует и что заговорщики суть друзья Пушкина, следствия этой идеи сами собою должны были из нее излиться. Мы день и ночь проводили перед дверями умирающего Пушкина; на другой день после дуэли, то есть с утра 28 числа до самого выноса гроба из дома, приходили посторонние, сначала для осведомления о его болезни, потом для того, чтобы его увидеть в гробе, – приходили с тихим, смиренным чувством участия, с молитвою за него и горевали о нем, как о друге, скорбели о том великом даровании, в котором угасала одна из звезд нашего отечества, и в то же время с благодарностию помышляли о государе, который, можно сказать, был впереди нас тем участием, что так человечески, заодно с нами выразил в то же время. За государя, очистившего, успокоившего конец Пушкина, простое трогательное, христианское выражение национального чувства – и все это делалось так тихо; более десяти тысяч человек прошло* в эти два дни мимо гроба Пушкина, и не было слышно ни малейшего шума, не произошло ни малейшего беспорядка; жалели о нем; большая часть молилась за него, молилась и за государя; почти никому не пришло в голову, в виду гроба, упомянуть о Геккерне. Что же тут было, кроме умилительного, кроме возвышающего душу? И нам, друзьям Пушкина, до самого того часа, в который мы перенесли гроб его в Конюшенную церковь, не приходило и в голову ничего иного, кроме нашей скорби о нем и кроме благодарности государю, который явился нам во всей красоте своего человеколюбия и во всем величии своего царского сана; ибо он утешил его смерть, призрел его сирот, уважил в нем русского поэта как русский государь и в то же время осудил его смерть как судия верховный. Какое нравственное уродство надлежало иметь, чтобы остаться нечувствительным пред таким трогательным величием и иметь свободу для каких-то замыслов, коих цели никак себе представить не можно и кои только естественны сумасшедшим.

Но, начавши с ложной идеи, необходимо дойдешь и до заключений ложных; они произведут и ложные меры. Так здесь и случилось. Основываясь на ложной идее (опровергнутой выше), что Пушкин – глава демагогической партии, произвели и друзей его в демагоги. Друзья не отходили от его постели, и в то же время разные толки бродили по городу и по улицам (толки, не имеющие между собою связи). Из этого сделали заговор, увидели какую-то тайную нить, связывающую эти толки, ничем не связанные, и эту нить дали в руки друзьям его. Под влиянием этого непостижимого предубеждения все самое простое и обыкновенное представилось в каком-то таинственном, враждебном свете. Граф Строганов*, которого уже нельзя обвинить ни в легкомыслии, ни в демагогии, как родственник взял на себя учреждение и издержки похорон Пушкина; он призвал своего поверенного человека и ему поручил все устроить. И оттого именно, что граф Строганов взял на себя все издержки похорон, произошло то, что они произведены были самым блистательным образом, согласно с благородным характером графа. Он приглашал архиерея, и как скоро тот отказался от совершения обряда, пригласил трех архимандритов. Он назначил для отпевания Исаакиевский собор, и причина назначения была самая простая: ему сказали, что дом Пушкина принадлежал к приходу Исаакиевского собора; следовательно, иной церкви назначать было не можно; о Конюшенной же церкви было нельзя и подумать, она придворная. На отпевание в ней надлежало получить особенное позволение, в коем и нужды не было, ибо имели в виду приходскую церковь. Билеты приглашенным были разосланы без всякого выбора; Пушкин был знаком целому Петербургу; сделали для погребения его то, что делается для всех; дипломатический корпус приглашен был, потому что Пушкин был знаком со всеми его членами; для назначения же тех, кому посылать билеты, сделали просто выписку из реестра, который взят был у графа Воронцова. Следующее обстоятельство могло бы, если угодно, показаться подозрительным. Мне сказали, кто, право не помню, что между приглашенными на похороны забыты некоторые из прежних лицейских товарищей Пушкина. Я отвечал, что надобно непременно их пригласить. Но было ли это исполнено, не знаю. Этим я не занялся, но если бы мною были рассылаемы билеты, то, конечно бы, лицейские друзья Пушкина не были забыты. Как бы то ни было, но все до сих пор в обыкновенном порядке. Вдруг полиция догадывается, что

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya должен существовать заговор, что министр Геккерн, что жена Пушкина в опасности, что во время перевоза тела в Исаакиевскую церковь лошадей отпрягут и гроб понесут на руках, что в церкви будут депутаты от купечества, от Университета, что над гробом будут говорены речи (обо всем этом узнал я уже после по слухам). Что же надлежало бы сделать полиции, если бы и действительно она могла предвидеть что-нибудь подобное? Взять с большею бдительностью те же предосторожности, какие наблюдаются при всяком обыкновенном погребении, а не признаваться перед целым обществом, что правительство боится заговора, не оскорблять своими нелепыми обвинениями людей, не заслуживающих и подозрения, одним словом не производить самой того волнения, которое она предупредить хотела неуместными своими мерами. Вместо того назначенную для отпевания церковь переменили, тело перенесли в нее ночью, с какой-то тайною, всех поразившею, без факелов, почти без проводников; и в минуту выноса, на который собралось не более десяти ближайших друзей Пушкина, жандармы наполнили ту горницу, где молились о умершем, нас оцепили, и мы, так сказать, под стражею проводили тело до церкви. Какое намерение могли в нас предполагать? Чего могли от нас бояться? Этого я изъяснить не берусь. И, признаться, будучи наполнен главным своим чувством, печалью о конце Пушкина, я в минуту выноса и не заметил того, что вокруг нас происходило; уже после это пришло мне в голову и жестоко меня обидело.

36. И. И. Дмитриеву. Марта 12 1837. СПб*
Милостивый государь Иван Иванович.

Я поручил г. Бартеневу доставить вам экземпляр нового издания моих сочинений и особенный экземпляр «Ундины»*. Прошу учителя принять благосклонно приношение ученика. Наперед знаю, что вы будете меня бранить за мои гекзаметры*. Что же мне делать? Я их люблю; я уверен, что никакой метр не имеет столько разнообразия, не может быть столько удобен как для высокого, так и для самого простого слога. И не должно думать, чтобы этим метром, избавленным от рифм, было писать легко. Я знаю по опыту, как трудно. Это вы знаете лучше меня, что именно то, что кажется простым, выпрыгнувшим прямо из головы на бумагу, стоит наибольшего труда. Это я теперь вижу из доставленных мне манускриптов Пушкина, которые, к несчастью, должен разбирать: это навыворот! ему бы следовало то делать для меня, что мне довелось делать для него. Судьба, как и поэты, охотница до инверзии*. С каким трудом писал он свои легкие, летучие стихи! Нет строки, которая бы не была несколько раз перемарана. Но в этом-то и заключается тайная прелесть творения. Что было бы с наслаждением поэта, когда бы он мог производить без труда? – все бы очарование его пропало. О самом Пушкине я не говорю вам ничего: вы, вероятно, читали мое подробное письмо к С<ергею> Львовичу* о последних его минутах. В этом письме заключается все, как было. Что же прибавили к истине и городские сплетни и сплетни другого рода, о том хотелось бы забыть и нет никакой охоты говорить. Разбор бумаг Пушкина мною кончен. Найдены две полные прекрасные пьесы в стихах: «Медный всадник» и «Каменный гость» («Д. Жуан»). Они будут напечатаны в «Современнике»*(который друзьями Пушкина будет издан на 1837 год в пользу его семейства); нашлось несколько начатых стихотворений и мелких отрывков; также много начато в прозе и собраны материалы для истории Петра Великого: все это будет издано. Теперь приступаем к напечатанию полного собрания изданных в свет сочинений. Незданное же будет напечатано особо. Издание будет хорошее, но простое, чтоб иметь возможность напечатать более экземпляров, продавать дешевле и собрать большую сумму. Надеюсь, что в подписчиках недостатка не будет. Память Пушкина должна быть и всегда будет дорога отечеству. Как бы много он сделал, если бы судьба ему вынула не такой тяжелый жребий и если бы она не вздумала после мучительной жизни (тем более мучительной, что причины страданий были все мелкие* и внутренние, для всех тайные) вдруг ее разрушить. Наши врали-журналисты, ректоры общего мнения в литературе, успели утвердить в толпе своих прихожан мысль, что Пушкин упал; а Пушкин только что созрел как художник и все шел в гору как человек, и поэзия мужала с ним вместе. Но мелочи ежедневной, обыкновенной жизни: они его убили.

Надеюсь нынешним летом иметь счастье вас увидеть. Тогда поговорим подробно и о Пушкине. Теперь только прошу вашего снисхождения моим устарелым уже поэтическим детям, которых имею честь представить вам в новом платье. Может быть, это последний их выход на сцену.

С душевным почтением и с неизменною привязанностью честь имею быть вашего высокопревосходительства покорным слугою

В. Жуковский.

Бартенев отказался везти это письмо и мою посылку. Посылаю их по почте.

Марта 16.

37. Н. Н. Шереметевой. 11 апреля <1837, Петербург>*

Целую ваши ручки, моя милая Надежда Николаевна, и посылаю вам мою дочку «Ундину», которую прошу принять с благосклонностью и верить, что я, крестный отец ее, люблю вас, как душу. Скажите вашему племяннику Тютчеву, что я по его желанию тотчас посылал ему деньги в Новгород, но эти деньги его не застали и мне возвращены. Обнимаю вас всем сердцем. Любите меня по-старому, а писать, право, некогда.

Ваш Жуковский.

38. П. А. Вяземскому. 30 октября <1837>, Москва*

Вот мы и в Москве, проглотив около 20 000 верст*. Скоро увижусь с тобою, мой милый друг; мне к вам моим очень хочется; здесь, в Москве, без Ивана Ивановича пусто*: он был для меня здесь представителем прошлой жизни. Проезжая через Тулу, где я начал жить*, где были и первые мои уроки, и первая любовь, и первые стихи, где я в первый раз в жизни услышал и полюбил имя Дмитриева вместе с именем Карамзина, я нашел в трактире на столе тот № газеты, где напечатана статья о нем Шевырева*, – какой интервал между этими двумя эпохами; вся жизнь быстро передо мною пробежала воспоминанием; потом, приближаясь к Москве через Подольск, я проехал в виду Астафьева,* вспомнил немногие, но прекрасные, свежие, чистые дни астафьевские – в нашем прошедшем два самые яркие для нас лица: Карамзин и Дмитриев, около них сосредотачиваются все те дни, в которые и мы сами как-то были лучше и все около нас было лучше. Пустоты, которая после них в нашем быту осталась, ничем не наполнишь. Первый визит мой в Москве был на погребенье – уж не предсказанье ли это какое? Уж и меня не придется ли вам хоронить в нынешнем году? Оно было бы и кстати: представитель лучшего старого времени в литературе и представитель лучшего нового времени сошли со сцены*; я стою в промежутке, как будто ни на что не опираясь, – поневоле надобно повалиться. Знаешь ли, на кого у меня главная надежда для будущей генерации*? Но надежда, еще ни на чем положительном не основанная? На Карамзине II, на Андрее* (которого поздравьте с возвращением на родину). В нем таится высота и чистота отца. Как отец, начал он письмами*, и такими же письмами. Желая ему и дороги отца, с его высокою, смиренною мудростию. Но черт побери пушки*. Сидя на лафете, не приготовишься продолжать «Историю государства Российского»; и не пушками застрелишь Булгаринных* et comp., [82] обративших в торжище храм словесности и пердящих из своих нужников на свет большой и малый. – Мы проживем здесь с месяц и более. Я просил Солнцева* написать к наследнику Дмитриева, чтобы поспешил приехать. Я бы желал разобрать оставшиеся бумаги. Надобно издать полное собрание сочинений его в том виде, в каком он сам их в последний раз издал*. Но все включенное можно приложить в аппендике. Я бы желал присоединить к старому: «Записки»* и переписку с Карамзиным. Ценные письма И. И. у Екатерины Андреевны*. – Сбираюсь взглянуть на его свежую могилу. Проезжая через Сызрань я (с <великим> к<нязем>) посетил его деревню, видел место, где он родился, и из окон построенного им самим дома срисовал это место. Какое счастье, что он приехал в Москву дня за три до моего отъезда*. Я был у него, потом мы обедали вместе в Английском клубе, потом были вместе на вечере у императрицы, и на другой день он нарочно для меня приехал в концерт, где мы и простились. Он был как-то особенно ко мне во все это время нежен. – Напиши ко мне, прошу тебя, обо всех наших, о своих, о Карамзинных. Поблагодари мою милую Иосифовну* за то, что приехала здоровая, с запасом новой для всех нас жизни. Обними Вьельгорского, а его заставь обнять за меня графинь; да скажи Иосифу*, чтобы ко мне написал о себе подробный отчет. Ну, славу богу! Скоро буду опять со всеми вами. Лишь бы только не здесь сбывлись со мной предсказания. Живу так тесно, что и гроба негде будет установить и отпевать не будет места. Правда, и в Петербурге трудно будет спустить вам меня с моей лестницы, да все же лучше, нежели здесь.

Навести Козлова, он в ужасном положении*. Пальцы уже одервенели; и язык начинает неметь. Слух давно ослабел. А душа как будто живет.

39. Ю. Ф. Барановой. <Апрель 1838>, Петербург*

Историческое обозрение благодетельных поступков Юлии Федоровны и разных других обстоятельств, курьезных происшествий и особенных всяких штучек.*

Сочинение Матвея.

Это г. Шевченко. Он говорит про себя: «Хотелось бы мне написать картину*, а господин велит мести горницу». У него в одной руке кисть, а в другой помело, и он в большом затруднении.

Над ним, в облаках, Юлия Федоровна

Это Брюлов, пишет портрет с Жуковского. На обоих лавровые венцы. Вдали Шевченко метет горницу. В облаках Юлия Федоровна. Она думает про себя: «Какой этот Матвей красавец». А Василий Андреич, слыша это, благодарит внутренне Юлию Федоровну и говорит про себя: «Я, пожалуй, готов быть и Максимом, и Демьяном, и Трифоном, только бы нам выкупить Шевченко». – «Не беспокойся, Матюша, – говорит из облаков Юлия Федоровна, – мы выкупим Шевченко». А Шевченко знай себе метет горницу. Но это в последний раз.

Жуковский в виде Судьбы провозглашает выигранный билет. В одной руке его карта; а в другой отпускная Шевченки. Вдали портрет Жуковского; он пляшет от радости, потому что достался государыне императрице*. Он подпер руки в боки и, стоя на одной ноге, подражает неподражаемой Тальони*. Шевченко вырос от радости и играет на скрипке качучу. А Юлия Федоровна из облаков их благословляет.

Юлия Федоровна сошла с облаков, в которых осталось одно только сияние. В ее руке мешок с деньгами (2500 рублей); указательный палец ее устремлен на ездогого, и она говорит ему повелительным голосом: «Голубчик ездовой, съезди к Матвею и попроси его ко мне. Я собрала все деньги, и мне хочется их поскорее ему отдать. Поезжай, голубчик, поскорее; ты человек расторопный, и я очень тебя за это люблю. Только прошу тебя, душенька, не напейся пьян дорогою. Это нехорошо. Надобно вести себя порядочно. И какое удовольствие в пьянстве, сам ты рассуди. Кто исполняет свои обязанности, тот может назваться истинным патриотом». Вот что говорит Юлия Федоровна, а Жуковский, подслушав это, записывает в записную книжку; и, конечно, уже теперь никогда пьян не будет.

Примечание. Юлия Федоровна оттого так спешит собрать деньги, что Матвей скоро поедет за границу* и должен прежде отъезда своего кончить это дело. Удивительная женщина эта Юлия Федоровна. Кто ее не любит? Дай ей господь всякого благополучия, ей самой, ее детям, и внукам, и правнукам. Матвей обещает с одною из ее правнучек проплясать за здоровье ее качучу.

Это Шевченко и Жуковский; оба кувыркаются от радости. А Юлия Федоровна благословляет их из облаков.

Конец.

40. И. И. Козлову. Венеция 4(16) ноября <1838>*

Мой милый Иван Иванович, не грех ли тебе, что по сию пору ты ко мне не написал ни строчки? Фельдъегерь ездил к нам поминутно*; мог бы ты дать о себе весточку. Смешно мне делать тебе подобные выговоры: сам я ни к кому не пишу, и мне, кажись, было бы неприлично других бранить за лень. Но ведь уже это известная болезнь моя, неизлечимая, давнишняя. А ты большой писака; ты можешь быть назван эпистолярным героем; отчего же молчишь? Напиши непременно, и целую биографию, о себе и обо всем, что знаешь с минуты нашего отъезда. А чего ты не знаешь? Ты, как царь Берендей, знаешь все, что делается под солнцем, хотя и не видишь его. – Подумай, откуда пишу к тебе. Из Венеции! При этом имени перед закрытыми глазами твоими являются Тасс*, Бейрон и тысячи гигантских и поэтических теней прошедшего. Я живу на берегу Большого канала; в тех горницах, которые занимал император Александр. Есть у меня угольная горница; окна, как везде в Италии, до полу и с балконами. Выйду на один балкон, передо мною широкий канал и что-то очень похожее на вид из окон Зимнего дворца, на Биржу и Адмиралтейство: такое же широкое пространство вод; вместо Биржи церковь San-Giorgio Maggiore, а вместо церкви Петра и Павла* великолепная церковь Maria della Salute, монумент избавления Венеции от моровой язвы. Выйду на другой балкон – тут уж зрелище

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya единственное. Перед самым окном моим возвышается и заслоняет его огромная гранитная колонна с св. Федором на капители и рядом с нею другая, с крылатым львом св. Марка: обе – памятник осады Тирь* и крестовых походов. Перед ними так называемая Piazzetta, или маленькая площадь св. Марка, ограниченная с одной стороны церковью св. Марка, с другой чудесным дворцом дожов, перед которым тянется широкая набережная, на коей возвышается ряд великолепных зданий, которые все до одного суть надгробный мавзолей прошедшего. Но они печальнее надгробного памятника. Могила не пуста: она бережет нечто ей отданное навеки и навеки ей принадлежащее; а великолепное здание, преданное разрушению, разительно выражает отсутствие прежнего великого или прекрасного. Но баста! – Оставим Венецию. Я еще в ней ничего не видал; мы только что приехали и не успели осмотреться. Хочу сказать тебе о другом, более для тебя интересном. Я был в Милане у Манцони*! Это случилось неожиданно. Я не надеялся иметь этого счастья, ибо мне сказали, что Манцони никого к себе не пускает, будучи болен и не любя общества. Миланский астроном Фризиани, с которым я познакомился в Isola Bella за обедом у Борромеев* и с которым мы разъезжали по Милану, вызвался пойти к Манцони и отведать за меня счастья. Он застал его дома, и я был им принят. Я просидел у него часа два, и, конечно, эти два часа принадлежали к прекрасным часам моей жизни: я наслаждался живым чувством симпатии, симпатии к чему-то высокому, что приносит в душу какой-то светлый порядок и производит в ней на минуту совершенную гармонию, которая есть ее истинное назначение, но которая только минутами дается ей в этой жизни. – Он стоял перед камином, когда я к нему вошел, и тотчас мне подал ручной экран, приглашая меня сесть на софу против камина. Я уселся как дома или как у давнишнего моего милого знакомца: так вдруг мне стало уютно и легко. У меня нет памяти на лица, но лицо Манцони врезалось в память мою, хотя описать его в подробности не умею; ибо помню выражение этого лица, которое было мне так по сердцу, а не знаю, какого цвета глаза и волосы и пр. Правильные черты, которых характер, благородство и какая-то привлекательная тонкость, соединенная с прямодушною скромностью. *Un comme il faut plein d'attrait; une finesse reunie à une cordialité simple; une noblesse sans parade reunie à une modestie charmante, qui n'est pas le résultat d'un prince, mais le signalement d'une âme élevée et pure.* [83] Таков казался мне Манцони. Прибавить к этому самый приятный слог разговора: этот слог напомнил мне Каподистрию*, который говорил с логическою точностью, всегда в обрез, но точность его имела всю прелесть небрежности и всю живость вдохновения. Манцони выражается, кажется мне, еще с большею краткостью. Он несколько заикается, но этот недостаток ничего не портит, и он его несколько не стыдится. Что мы говорили, вообще помню, но передать письму не умею. Знаю только то, что эти немногие минуты были для меня счастливы, как в старину подобные минуты с Карамзиным, при котором душа всегда согревалась и яснее понимала, на что она на свете. Во время нашего разговора вошел молодой человек, которого имя я забыл; посидев несколько с нами, он удалился; это был посох Манцони. Его болезнь, как он сам сказывал мне, есть сильное раздражение нерв. Когда-то, вышед один, он упал без чувств, и с тех пор он уже никогда один не ходит, а всегда об руку с другим. Молодой человек приходил к нему для его обыкновенной утренней прогулки. Я не пропустил этого случая и рассказал Манцони о тебе; а он мне сказал, что знает тебя, и подал мне экземпляр твоих стихов с твоей подписью, поручив при свидании нашем сказать от него тебе поклон. Он помнит и Вяземского. Я купил экземпляр полных его сочинений и просил его написать на нем свое имя; вот что он написал: *L'autore contera sempre fra i suoi giorni piu felici quello in cui gli fu dato di conoscere il s. Joukovsky. A. M.* [84] – Довольно с тебя. Обнимаю сердечно. Напиши о себе. Поручи свое письмо Прянишникову для передачи. Дружеский поклон всем твоим и Татьяне Семеновне.

Я принимаюсь за итальянский язык и когда возвращусь к тебе, то, вероятно, буду тебе читать Тассовы стансы.

Уведомь меня, прошу тебя, о нашей милой графине Потоцкой*. Мне писали из Петербурга дурные вести о ее здоровье; где она и что с нею делается? Ты должен знать.

Жуковский.

41. Н. Н. Шереметевой. <Март 1839, Вена>*

Милая Надежда Николаевна, ваше любезное письмо с обыкновенным поздравлением получил я в Риме и поблагодарил за него тогда мысленно, а теперь благодарю и письменно, хотя, правда, уж не за что благодарить. День рождения в мои лета более напоминает о смерти, чем о жизни. Старость не радость! А она уж начинает мне глядеть в глаза; я же морщусь и отворачиваюсь, и это не помогает, остаются

сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya
одни только морщины. – Дней через пять по получении письма вашего я увиделся в
Генуе с нашим Тютчевым, с которым уж прежде встретился в Комо. Я прежде знал его
ребенком, а теперь полюбил созревшим человеком; он в горе от потери жены своей*.
Судьба, кажется, и с ним не очень ласкова. Он человек необыкновенно гениальный*
и весьма добродушный, мне по сердцу. Мы поговорили об вас с дружеским чувством.
Через три месяца с половиною увижу вас в Москве; но одно условие – не лазить ко
мне на высокую мою лестницу. А теперь обнимаю вас мысленно. До свидания.

Ваш Жуковский.

Скажите мое сердечное почтение Екатерине Федоровне*. Что моя бедная Маша
Дорохова? Увижу ли ее в Москве? Хорошенько обнимите ее, если она там.

42. П. А. Плетневу. 17 (29) июля 1840, Дармштадт*
Любезнейший Петр Александрович.

Вы думаете, что я к вам скоро буду? Ан нет, погоди. Я еще остаюсь шататься на
Рейне и не прежде возвращусь в Петербург, как в половине или в конце октября.
Благодарю вас за оба дружеские письма ваши и за то, что вы скрутили в дугу
Смирдина*. Этого я бы не умел сделать, и с сего времени определяю вас моим
литературным палачом*. Для этого теперь представляется особенный казус; мне бы
хотелось продать существующие мои сочинения кому-нибудь на вечное владычество,
ибо деньгура будет мне крайне нужна при моем возвращении на святую Русь. Поручаю
вашей дружбе эту заботу. Другая забота вот какая: передайте приложенное письмо
генералу Дубельту. В нем находится письмо к Кюхельбекеру*, которому я не успел
написать при отъезде моем за границу; но это письмо лежит у меня на сердце;
прошу вас попросить Дубельта, чтобы его немедленно отправил. Приложите к нему
экземпляр моих сочинений и экземпляр сочинений Пушкина, которые возьмите на мой
счет у Смирдина и передайте Дубельту с просьбою доставить при письме
Кюхельбекеру. Поспешите это исполнить, мой добрый Петр Александрович, вы крайне
меня этим обяжете. Еще одна просьба, на которую обратите дружеское внимание,
хотя она, может быть, и покажется вам маловажною. У меня есть здесь приятель,
нет, более нежели приятель – друг по сердцу, человек, каких мало, и для меня
особенно значительный по его влиянию на судьбу мою. Это Радовиц*. Вы об нем не
слыхали. Он страстный охотник до автографов и собрал их уже великое множество.
Он желает иметь русских и дал мне список. Уверяю вас, что вы меня несказанно
обяжете, если можете мне сделать это удовольствие Радовицу; соберите что
можете по приложенному списку и доставьте мне повернее. Адресовать можете на имя
нашего министра Убриля* (Oubril) во Франкфурт-на-Майне. Он будет знать, куда
переслать мне письмо ваше. Радовиц сказал мне, что можно найти автографы у
Шардиуса, архивариуса Петербургской Академии наук. Попросите его моим именем;
употребите разные каверзы, словом потешьте меня.

Поручаю вам поклониться от меня Субботе Одоевского*; а самого хозяина Субботы
дружески за меня обнять. Во всяком случае, отвечайте поскорее на это письмо и
адресуйте его к Убрилю, если не будет фельдъегеря.

Ваш от всего сердца

Жуковский.

43. А. Я. Булгакову. 11(23) апреля 1843, Дюссельдорф*
Христос воскрес, любезнейший Александр! Похристосуйся за меня с Тургеневым,
если удастся его где-нибудь встретить. Чтобы это вернее сделать, можешь на мой
счет нанять извозчика и съездить на Воробьевы горы*. Благодарю за доставление
писем. Не знаю, благодарил ли я тебя за твой приятный литературный подарок*.
Кажется, нет. Я получил его в двух видах: в обрезанном прямо из Москвы, от тебя
самого, давно, и в необрезанном из Вены, весьма недавно. Прочитал я с большим
удовольствием. Этот отрывок напомнил живо о великом для России времени. Особенно
в нем замечателен Карамзин, который с такою верностью накануне падения Москвы
предсказывает падение Наполеона и с таким вдохновением верит славному спасению
отечества, тогда как все вокруг него кажется погибающим. Ты прилежно записывал
все, что видел и слышал в течение своей жизни. Верно, у тебя запас порядочный
записок. Хорошо бы ты сделал, когда бы сам сделал из них выбор и выдал в свет
то, что годится для выдачи. То же бы я шепнул и Тургеневу; у него богатый архив
записок и выписок. Что он праздно шатается в Москве! Какое бы славное занятие
для него, усевшись и угревшись на гнезде нашей молодости, одушевить себя

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya
воспоминанием прошлого, давнишнего и недавнего. Или бы я на его месте отправился к князю Александру Николаевичу Голицыну в Крым, прожил бы с ним полгода и записал бы все его рассказы о веке Екатерины, Александра и прочее. Умрет он, от кого что-нибудь услышишь? Отправь его в Крым. Он же еще не видал Крыма. Грех будет дать умереть князю Голицыну, не застраховав его преданий! Сколько уже людей мы таким образом вовсе потеряли! Иван Владимирович Лопухин рассказывал удивительно хорошо и был богат преданиями старины, но он описывал необыкновенно дурно то, что умел хорошо передать на словах: его богатство с ним исчезло. Пушкин начал было по моему совету записывать рассказы Загряжской* – и она умерла, и сам он пропал. Князь Голицын последний представитель старины. Эй, Тургенев! Поезжай в Крым! Твое присутствие порадует старика, а ты с него сберешь дань, за которую мы все тебе будем благодарны. Выпроводи его туда хоть насильно. На Южном берегу найдет он за кем и поволочиться. Для этого может заглянуть и в Одессу. Но я говорю об этом не на шутку.

Прости, милый. Передай и перешли приложенные письма.

44. А. О. Смирновой. 4(16) января 1845. <Франкфурт-на-Майне>*

Милая Александра Иосифовна, протяните ваши милые ручки и примите с тем моего новорожденного сыночка Павла Васильевича Жуковского, которого передаю в вашу любовь и благоволение. Он появился на свет в самый новый год, в 6 ½ часов пополудни, весьма мало потревожив свою мать в минуту своего появления, хотя и пришло было ему на минуту в голову пойти боком, но скоро одумался и принял походку всех тихих, благонамеренных новорожденных. С тех пор ведет себя порядочно, мало кричит и много пьет и пьет из живого источника – из груди матери, которой это и лекарство; и она, слава богу, совершенно здорова. Ныне начались четвертые сутки, а никаких болезненных припадков не было. Все необходимое идет лучшим ходом. Павел Васильевич похож на красного рака: мурчит и копышется. Лоб у него славный, глаза черные и очень веселые, все прочее красный жмых. Вот вам мое донесение; порадуйтесь с нами и молитесь за нас бога.

Гоголя нет с нами; за два дня до рождения Павла Васильевича отправился он в Париж, приглашенный туда Толстыми* и Вьельгорскими. Я сам его послал туда, ибо у него начинали колобродить нервы и сам Копп прописал ему Париж, как спасительное. Весной он ко мне возвратится. Вам бы надобно о нем позаботиться у царя и царицы. Ему необходимо надобно иметь что-нибудь верное в год. Сочинения ему мало приносят, и он в беспрестанной зависимости от завтрашнего дня. Подумайте об этом; вы лучше других можете характеризовать Гоголя с его настоящей, лучшей стороны. По его комическим творениям могут в нем видеть совсем не то, что он есть. У нас смех принимают за грех, следовательно всякий насмешник должен быть великий грешник. Сам я давно хвораю. Простудился сперва, потом моя старая болезнь хотела было ко мне присесть; произошло биение сердца, которое и теперь продолжается; но я лечусь, и мне уже лучше, и скоро вполне вылечусь. Прощайте, бог с вами и с вашими. Напишите ко мне поболее о наших милых царях и особенно о здоровье императрицы. Слухи о ней весьма тревожат; береги господь нам этого доброго ангела.

45. А. Ф. Фон-Дер-Бриггену. 18(30) июня 1845, Франкфурт-на-М<айне>*

Письмо ваше, почтеннейший Александр Федорович (от 6 апреля ст. ст. из Кургана), получено мною 19(31) мая во Франкфурте-на-Майне, где я живу уже около года. Оно было для меня приятно и трогательно неожиданностью. Сердечно благодарю вас как за дружеские сказанные мне слова, так и за желание ваше посвятить мне ваш перевод Кесаря*, на что с благодарностью соглашаюсь. Не предполагаю нимало, чтоб исполнению этого желания и напечатанию вашего перевода было положено какое-нибудь препятствие. Книга ваша доставит полезное чтение для людей военных и в то же время будет замечательным явлением литературным: мы бедны хорошими переводами классиков древних; давно бы пора за них приняться. Верные переводы латинских и греческих поэтов и прозаиков (верные в высоком смысле, то есть не безжизненное слово в слово, а отзыв одного языка в другом так, чтоб и тот и другой слышались в одно время, не вредя один другому несогласием звуков, а составляя гармонию из их разнородности и различия), такие переводы принесли бы несказанную пользу нашему языку, уже довольно утвердившемуся, но еще много приобрести могущему: он свое образование более заимствовал у языков новейших, а дух древности еще не сходил на него. В этом отношении труд ваш меня весьма радует; я уверен, что у вас Кесарь будет говорить русским языком, не потеряв нисколько своего римского величия и своей классической прелести; что он, переменяв только одежду, явится на севере таким точно, каким бывал во время оно на Тибре: увлекательный оратор, пленительный своею мужественною простотою и

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya
многовыражающую краткостью. В то же время я уверен, что труд ваш доставил вам
самим много истинного наслаждения, и желал бы, чтоб вы им не ограничились. После
Кесаря вам уже можно бы вступить в борьбу и с великою силою Тацита* и с
благородным красноречием Тита Ливия. Я часто, часто сетовал на свое совершенное
невежество в латинском и греческом языке. Какое было бы для меня наслаждение под
старость заняться переводом некоторых классиков в прозе; под старость проза (не
прозаизм) становится привлекательнее. Все это, однако (и невежество и
наклонность к прозе), не помешало мне приняться за большой труд стихотворный, за
перевод «Одиссеи». Он уже до половины кончен; другую половину, если буду здоров
и если никакого препятствия не пошлет бог, кончу к началу или в начале будущего
года. Надобно вам при всем этом знать, что мне теперь весьма удобно под старость
заниматься рассказами Гомера и передавать их на свой лад моим соотечественникам:
я завелся (тому уже пятый год) своей семьею; у меня уже теперь сын и дочь. Живу
анакхоретом* на берегах Майна, пожив прежде так же уединенно на Рейне, а на
следующий год перенесу свое уединение на берега Невы или Москвы-реки*. Из этого
видите, что времени у меня довольно; если бог продлит жизнь, постараюсь, чтобы
она прошла не даром. Труд – великий волшебник: он всемогущий властитель
настоящего. Какими бы глазами ни смотрело на нас это настоящее, дружелюбными или
суровыми, труд заговаривает его печали, дает значительность и прочность его
летучим радостям. И в Кургане это волшебство равно действительно, как и на
берегу Майна. А если при этом тайном действии труда, ограниченного пределами
житейского настоящего, слышится голос, некогда произнесший: «Придите ко мне все
труждающиеся, и аз успокою вы»; и если сердце этому голосу верит и ему
вверяется, то и будущее становится светлым, не здешнее, ненадежное будущее, а
то, верное будущее, к которому всем нам со всех точек земли проложена прямая
дорога. – Возвращаюсь к вашему Кесарю. Один из моих коротких приятелей, теперь
находящийся за границую, случился во Франкфурте скоро после того времени, как я
получил ваше письмо. Он прочитал в нем то, что вы говорите о вашем переводе
Кесаревых записок, и обрадовался, что вы совершили такой труд. Он имеет давно
намерение заняться изданием классических книг в России (за что он приметя по
возвращении в отечество): дело доброе, предприняемое не из выгоды
книгопродавческих, а просто из любви к полезной литературе, дело, в котором и я
намерен быть ему помощником. Вот вам его и с ним вместе мое предложение: не
согласитесь ли provisoirement[85] уступить нам рукописи вашего перевода на одно
издание с правом пользоваться продажей его в продолжение трех лет по выходе в
свет книги. За эту рукопись предлагаем вам теперь 2500 рублей ассигнациями, с
тем чтобы по напечатании книги и по вырубке денег, употребленных на напечатание,
все, что составят чистый барыш, было доставлено вам. Полагая, что такое
предложение будет вами принято, я доставлю немедленно вышеозначенную сумму
Леонтию Васильевичу Дубельту; он ее вам перешлет, а вы доставьте ему вашу
рукопись, которую он мне отдаст при моем возвращении в Петербург. До моего же
возвращения приступать к изданию вашей книги нельзя: будет много ошибок, и
Кесарь может на том свете на нас рассердиться. На этом мы теперь и остановимся;
пускай ваша рукопись считается теперь моею собственностью и ждет меня в
Петербурге; по приезде же моем в Петербург все остальное уладим письменно. Вы же
теперь принимайтесь за новый труд; я бы предложил вам две работы: одна – просто
перевод одного из классических историков древности, с надлежащими дополнениями и
объяснениями; другая (и признаюсь, я предпочел бы эту другую работу):
составление избранной библиотеки из древних историков. Не всем бывает и
возможность, и охота, и время перечитать классиков сполна (многое в них для
большой части читателей и не может быть привлекательно); но совершенное незнание
классиков есть великая прореха в умственном образовании. Книга, которая
соединяла бы в себе лучшие цветы из этого душистого цветника древности, была бы
важным подарком не одним охотникам до хорошего образовательного чтения, но и
учебным заведениям и домашнему воспитанию. Если вы так же знакомы с греческим
языком, как с латинским, то я советовал бы вам выбрать и перевести, с
сохранением особенности каждого автора, все капитальные места из греческих и
латинских историков и нанизать эти перлы на одну нить. Каждый отрывок должен
составлять свое, особенное целое; связь же между всеми отрывками должна быть
просто хронологическая. Эта историческая библиотека составила бы несколько томов
и была бы, повторяю, самым лучшим дополнением изучения древней истории в
публичном и домашнем воспитании. (Подобный сборник вспомогательный изучения
истории можно бы было составить и для средней и даже для новой истории; но о
таком огромном предприятии говорить теперь нет нужды: довольно с вас древней
истории). Но для того чтобы заняться переводом классиков, надобно иметь их в
оригинале. Этой беде помочь не трудно. Уведомьте, на что вы решитесь, то есть за
какой труд захотите взяться и какие для того необходимы будут книги, я вам
пришлю что нужно. Здесь, за границею, мне будет легко найти книги, и они

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya обойдутся дешевле. На этот запрос отвечайте немедленно: то есть если идея исторической библиотеки вам понравится, то сообщите мне общий план и какие книги вам на первый случай нужны; я постараюсь их вам немедленно доставить. – Долг платежом красен. Я поручил своему корреспонденту доставить Л. В. Дубельту для пересылки к вам экземпляр моих сочинений (если полный найдется в продаже). Когда напечатается «Одиссея», вы также ее получите; но это еще долгая песня. – Простите. Живите с богом; с ним везде мы дома. Искренно преданный вам

Жуковский.

46. П. А. Плетневу. 1 июля 1845 <Франкфурт-на-Майне>*

Любезнейший мой Петр Александрович, ваше длинное письмо, длинное по числу строк и страниц, но слишком короткое по тому удовольствию, которое принесло мне его чтение, это любезное письмо, писанное в марте месяце, получил я в начале июня вместе с книжками «Современника». И я не тотчас прочитал его по получении, ибо вы так искусно умели его закопать между листами «Современника», что я не скоро бы добрался до него сам; но оно само соблаговолило выскочить из своей темницы, конечно предчувствуя, какое удовольствие принесет мне своим появлением. Итак, не дивитесь запоздалости моего ответа. Но этот ответ будет не длинный, ибо мне писать нет времени; хотел писать много; но пришлось вдруг импровизировать письмо короткое: ко мне явился Эртель*; он едет нынче же, и я хочу ему передать письмо мое, по той причине, что пакет, его заключающий, будет довольно увесист (что для почты не так-то удобно); а будет он увесист потому, что будет заключать в себе сверх письма и стихи работы вашего старого поэта, который из-за «Одиссеи» иногда заглядывает и в русские сказки: одну из таких сказок, во всех статьях русскую*, рассказанную просто, на русский лад, без примеси посторонних украшений, имею честь здесь представить издателю «Современника», прося его дать ей уголок в своем журнале. Сим приношением хочу очистить себя пред вами в старом грехе: я обещал вам «Капитана Боппа»; а он попал к Соллогу* (которого «Тарантас» мне, NB, весьма понравился). Прочитав мою сказку, вы, может быть, найдете, что она чересчур длинна; но мне хотелось в одну сказку впрятать многое характеристическое, рассеянное в разных русских народных сказках; под конец же я позволил себе и разболтаться. Если достанет хорошего расположения, то при «Одиссее» постараюсь состряпать еще несколько сказок в разных тонах и разных характеров. Но удастся ли это сделать до своего отъезда отсюда, не знаю и даже сомневаюсь. Я остановился, кончив XII-ую песнь «Одиссеи» и написав «Ивана-царевича»; с тех пор как будто заколдобило: всю зиму хворал; после хворанья не писалось и теперь не пишется; и так будет до конца августа, ибо в конце июля надобно будет ехать в Швальбах пить воды и купаться. По возвращении оттуда примусь свежий за дело. По крайней мере могу надеяться, что кончу «Одиссею». Вяземский прислал мне ту записку, которую вы написали ему в ответ на его запрос, как бы напечатать «Одиссею» на казенный счет и сделать ее классической книгой. Мне самому хлопотать об этом неловко; надобно, чтоб все мои добрые приятели это пустили в ход. Но признаюсь (хотя я работаю над моею «Одиссеею» единственно из любви к ней и без всякого другого постороннего вида), я желал бы, чтобы мой труд мог обратиться в пользу моего семейства; как поэтическое произведение, моя русская «Одиссея» будет моим твердейшим памятником на Руси: она, если не ошибаюсь, верна своему греческому отцу Гомеру; в этом отношении можно ее будет почитать произведением оригинальным. И будет великое дело, если мне моим переводом удастся пробудить на Руси любовь к древним, как некогда я подружил их с поэзией немцев. По своей важности в этом отношении «Одиссея» может обратить на себя внимание Русской Академии и министерства просвещения, понеже она может быть полезною образовательною книгой в руках юношества. Мне даже хочется сделать из нее книгу для первого отроческого возраста: перевод прост и, при всей своей верности, кажется мне удобопонятен, ибо язык не исковеркан греческими формами, хотя они и все сохранены с благоговением. Может быть, я доставлю первые XII песней для прочтения министру*; он знает хорошо оригинал и лучше других будет в состоянии оценить перевод. Но хлопотать о деле издания поручаю вам, Вяземскому, Вьельгорскому. Вы же должны позаботиться и о том, чтобы это издание было на самых выгоднейших для меня условиях: о сем последнем, то есть о выгоде, я теперь обязан думать; но имею ли надлежащее искусство сохранять свою выгоду – это другое дело. Это искусство было всегда у меня в великом несовершенстве. А теперь я бы очень желал иметь его. Все здесь писанное между нами двумя. Отвечайте, как вы думаете. К Уварову я писал, но совсем о другом, хотя, впрочем, и об «Одиссее» поместил несколько строк в письме своем. Я писал к нему о Гоголе. Но Гоголь уже со мною с месяц расстался; он отправился купаться в Гастейн, я, однако, еще ни строки не имею от него со времени его отъезда. Благодарю за список моего письма, переписанного бароном

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya Розеном*. Благодарю и барона за его примечания; но не отвечаю на них потому, что самый решительный на них ответ заключается именно в тех же моих строках, на которые они сделаны. Одно только общее замечание сделаю: барону не следовало бы обвинять меня в притворстве и в иезуитизме. Забавно только то, что он обвиняет меня в сих грехах за такие выражения, которых, переписывая мою рукопись, не разобрал; и бранит меня за собственную ошибку. В рукописи моей стоит: «Как же очутилось выражение меланхолии в поэзии христианской? Сперва надобно сделать в этом вопросе маленькую поправку: не в поэзии христианской, а в поэзии по распространению христианства». Барон переписал: а в поэзии распространения христианства – и замечает: это что-то непонятно и как-то походит на ловкий изворот казуистики. Что же вы называете поэзией христианскою? Евангелие, что ли? и прочее. – Любезный барон, мало того, что это что-то непонятно, но это даже чистейшая галиматья; только не я произвел ее на свет. А понеже это галиматья, то ни ловкости, ни казуистики в ней заключаться не может. И весьма неловко, что вы меня обвиняете в ловких изворотах казуистики! И даже забавно, что вы у меня спрашиваете, не евангелие ли называю я поэзией христианскою? Все это не мешает мне, любезный барон, благодарить вас за труд, который вы взяли на себя переписать письмо мое.

А вас, любезнейший Петр Александрович, сердечно обнимаю. Если вы будете отвечать мне скоро и таким же длинным письмом как последнее, то я обещаю вам письмо –

Чудовище, как мост длиною. Держ<авин>.

Жуковский.

Поздравляю вас с нынешним праздником. Жуковский.

47. А. я. Булгакову. 20 декабря 1845 (1 января 1846) <Франкфурт-на-Майне>* Милый друг, душевно благодарю тебя за то, что ты обо мне вспомнил в такую горькую для обоих нас минуту*. Вот и еще один дорогой товарищ жизни меня оставил, и он из всех был самый давнишний. По старшинству лет надлежало бы мне пойти вперед, но бог милостив со мною: так недавно окружив меня моим особенным миром, в котором жизнь моя может быть и мила и нужна, не мне, а моим, он благоволил отложить мое отбытие; он выбрал из нашего круга одного из самых усталых и послал ему смерть как награду, быстро, без страданий, и даже христиански приготовленную: какого приготовления к смерти можно желать лучше этих часов, проведенных под зимнею вьюгою*, посреди бедных ссыльных, для раздачи им помощи, предварительно собранной Христа ради? Смерть удивительно и быстро знакомит с истинным бывшим человеком: теперь, когда думаю об нем, вижу одну младенческую душу без пятна, в которую никогда злое намерение не заходило. Все мелочное осыпалось, как пыль; одно доброе, истинно прекрасное сияет перед умиленным сердцем. Это мелочное принадлежало жизни, это прекрасное с ним на всю вечность. Я считаю великим для себя счастьем, что он в последнее время (ведя так давно кочевую жизнь по Европе) отдохнул (и два раза) под моею семейною кровлею, где было ему очень привольно. Таким образом будет у меня не одно одинокое, мое об нем воспоминание, но и воспоминание семейное: жена с ним тотчас сдружилась и поняла очень скоро все, что было в нем так особенно прекрасно; смерть его была для нас общим родственным горем. Вчера я послал к его брату письмо*предупредительное, дабы не вдруг ударить по сердцу его страшным известием. Из этого письма он увидит, что ему надобно ожидать всего худшего и приготовиться к последнему слову, а это последнее слово пошлю к нему нынче. Помоги ему бог сладить с новою бедою! Правда, около него есть семья, но в брате имел он все остальное, что на земле дорого: друга, отца, благодетеля. Прошу тебя уведомить меня, в каком положении хозяйственные дела их? Все ли утверждено за братом? Также я бы желал, чтобы бумаги, оставшиеся в Москве после А<лександра>, не были тронуты. Думаю, что они все находятся у Ал. Ил. Нефедьевой. Нельзя ли попросить ее от меня, чтобы до моего прибытия в Москву они были оставлены под ее печатью: надобно их сохранить и привести в порядок. Это дело друзей его. Уведомь обо всем, что было после твоего последнего письма.

Поручаю тебе сказать мое душевное почтение Александре Ильинишне*: бог послал ей великое утешение, даровав возможность закрыть глаза нашему другу. Думаю, что я вполне понимаю ее теперешнее чувство; и я всем сердцем делю его, оно более умиленное, нежели тяжелое и горькое.

Прощай, милый. Рекомендуй меня и жену твоей любезной жене. Будьте здоровы и

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya
сохрани бог ваше семейное счастье. В Москве ли Вяземский? В Москве ли Е. А.
Карамзина? Кто проводил его?

48. А. Я. Булгакову. 31 декабря 1845 (12 января 1846) <Франкфурт-на-Майне>*
Благодарю тебя, мой милый, за доставление статьи Погодина*. В ней есть хорошее,
потому что она написана с доброжелательством и с убеждением. Но она, как все*,
что пишет Погодин, аляповата. В нем, то есть в Погодине, нет никакого такту*. Я
бы желал, чтобы Вяземский написал о нашем добром отошедшем. В смерти есть что-то
магическое. Сорвав с души тело и бросив его в гроб, она вдруг, как будто снова,
но совершенно, знакомит с душою, от которой все, что не она, вдруг отделилось и
отпало. Так и здесь. Мне так ясно, так вполне видится его прекрасная, добрая,
высокая душа, не омраченная никаким дурным помыслом, всегда готовая на добро,
всегда полная участия, до конца сохранившая свою чистоту и свое благородство. По
всем качествам, составляющим прямо доброго человека, он был, конечно, между нами
лучший. Самые недостатки его имели источник добрый, и кого когда-нибудь
оскорбляли его недостатки? Они не имели корня внутри души; они были какой-то
внешний нарост, который, как шелуха с зерна, осыпался с души в минуту ее
освобождения. Погодин не умел описать ума его: на это у него нет чутья. Никто,
кроме Вяземского, не может его выразить верно и сходно. Я бы желал, чтобы он
посвятил памяти друга перо свое; я бы желал, чтобы он написал о нем без
приготовления, как скажет сердце, что придет в ум в первую минуту. Пускай
напишет он об нем ко мне – я уверен, что он скажет все и скажет как никто; и что
неуловимая физиогномия ума Тургенева и весь чистый фимиам его души сбережется
вполне для его любивших, для современников и даже для потомства. Перешли эти
строки к Вяземскому. А тебя прошу передать приложенное письмо князю Щербатову*.
Я прошу у него доставить мне свидетельство о смерти Тургенева по всей надлежащей
форме. Оно мне нужно для пересылки в Париж. И понеже оно должно быть документом
для правительства французского, то оно должно быть скреплено или свидетельством
французской миссии, или французским консулом, если таковой имеется в Москве.
Если есть в Москве консул, заставь его скрепить свидетельство; если же нет
консула, пошли свидетельство к Вяземскому, дабы он, выхлопотав скрепу от миссии,
немедленно доставил мне бумагу. Ты меня весьма, весьма одолжишь, если это дело
уладишь как можно скорее. Пришпорь Щербатова.

Прости, обнимаю тебя. Жена тебе и твоей жене кланяется дружески.

Жуковский.

Дай бог тебе всякого добра на Новый год. Тебе и всем. Перешли это письмо, то
есть письмо мое к тебе, к Вяземскому.

49. А. Ф. фон-Дер-Бриггену. 1(13) июня 1846. Франкфурт-на-М<айне>*
Я виноват, виноват и виноват перед вами, почтеннейший Александр Федорович. На
ваше последнее письмо от 29 января (это мне выходит подарок в день рождения),
полученное, правда, не так-то давно, отвечаю 1/13 июня. Как это изъяснить и как
извинить? Извинить нечем. А можно только изъяснить, и для сего приступаю к
описанию некоторого моего психологического уродства, которое мною давным-давно с
гигантским могуществом владеет. Вот что обыкновенно со мною случается: когда
получу письмо, какого бы оно содержания ни было, если бы и самое для меня
привлекательное, как, например, ваше, и если не делаю на него немедленного
ответа, то этот ответ какую-то неодолимую силою всегда оттолкнется на
неопределенное время. И неотвеченное письмо сперва лежит перед мною как
простое приятное воспоминание; потом оно складывается в душу как упрек за
неисполненный долг; потом становится бременем совести; потом начинается жестокая
битва между ленивою волею и рассерженною совестью; и эта битва продолжается
часто довольно долго, и мешает всем другим занятиям, и до тех пор все ежедневные
занятия портит, пока вдруг воля от какого-нибудь отчаянного пинка измученной
совести вдруг не вскочит и не уцепится за руку, окостеневшую от бездействия, и
не втиснет в нее пера; и лишь только перо очутится между тремя действующими
пальцами правой руки – все разом кончено: письмо написано, совесть покойна, воля
спит, отдыхая от пинков своей сердитой госпожи, и все опять в порядке. Могу
сравнить это состояние души только с блаженством разрешения от бремени после
продолжительных мук. К сей незаконной причине моего долгого молчания (причины,
нисколько его не извиняющей) прибавить должно и некоторые законные причины: я
был болен, и у меня были несколько времени в беспорядке глаза (из коих правый
получил уже бессрочный отпуск). Довольно всего этого для предисловия; а вы не
прибавляйте своих пеней к моим и просто простите мне вину мою с полною
доверенностью к моей искренней к вам приязни. Обращаюсь к нашему главному делу.

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya

Первый том вашего перевода я получил*; но второго, который, как вы пишете, отправлен с вашим последним письмом, мне еще не доставили (об этом я напишу к л. В. Дубельту). Благодарю вас, во-первых, за посвящение, в котором, если позволите, сделаю при напечатании некоторую поправку, то есть оставлю одно свое имя в дательном падеже без всяких прибавок, что будет коротко и ясно. Во-вторых, благодарю от себя и от всех читателей, любящих питательное для ума чтение и умеющих ценить эстетическое достоинство труда литературного, благодарю за самый перевод. Я всего не мог прочитать, и на это мне теперь нет времени; но то, что прочитал, уверило меня, что вы обогатили нашу словесность произведением прекрасным, в котором ощутителен (что редко бывает ощутительно при чтении русских книг) труд совестливый и просвещенный. – Почему не могу заняться теперь особенно чтением вашего перевода, это происходит оттого, что мой главный труд (моя «Одиссея») был мною принужденно оставлен во все продолжение прошлого года до самой теперешней минуты (от болезни, которая хотя и не приковывала меня к постели, но делала неспособным к работе, и от моих глаз, которые несколько времени отказывались служить мне и требовали от меня пощады). Мне остается теперь прожить менее года в моем заграничном уединении, и это заставляет меня обратить всего себя на мою работу, которую желал бы привести в Россию оконченную. Эта отсрочка прочтения и пересмотра не повредит вашей книге: во всяком случае, приступить к ее печатанию нельзя в мое отсутствие; мне надобно будет самому приняться за это дело; оно, следовательно, должно быть отложено до моего возвращения в Петербург. Главное сделано, труд кончен, и с успехом. И в свое время он, конечно, обратит на себя внимание... Но чье внимание? Русской литературы? Но что такое теперешняя русская литература?* То же, что все почти иностранные литературы, с тою только разницею, что состояние немецкой и французской литературы есть падение с высоты, а у нас просто падение. Ибо наша литература не через святилище науки перешла на базар торгашей; а прискакала туда прямо проселочною дорогою и носит по толкучему рынку свое тряпье, которое с смешною самоуверенностью выдает за ценный товар, не имея втайне иного намерения, как только сбыть его подороже с рук. – Но это не беда. Повторяю: главное дело сделано, труд благородный кончен, и с успехом; он сам себе награда, а оценщики его, правда в немногом числе, найдутся. Труд – благодетель души человеческой, очарователь и животворитель настоящего, исцелитель прошедшего; не знаю, были ли ему воздвигнуты алтари у древних, но он достоин алтарей во всякое время, хотя, правда, у нас, христиан, надлежит ему быть только придачею к главному. – Я, однако, уклонился от своего предмета. О переводе вашем и о судьбе его вам теперь пока несколько заботиться не должно. Он будет покоиться сном праведника под моею смиренною защитою; когда же наступит его час, он явится на свет и займет принадлежащее ему там светлое место. А вы теперь принимайтесь за новую работу. Вы желаете знать от меня, кого бы я предпочел из двух: Саллюстия или Гиббона?* Без всякой остановки говорю: Саллюстия. Можно ли думать о переводе 14 томов in 8° Гиббона? Если хотите рассказать нам падение Римской империи, то возьмитесь скорее за маленький волюм Монтескье*; он едва ли не тяжеловеснее Гиббона, в котором не все золото, много и свинцу, много и мышьяку; его бешеная ненависть к христианству мне противна*. Если хотите задать себе труд, для которого надобны все силы умственные и величайшее искусство владеть языком своим, то возьмитесь за 24 книги «Всемирной истории» Иоганна Миллера* и передайте нам их так, чтобы русский язык, оставшись верным энергическому, краткому и живописному, хотя весьма часто манерному языку Иоганна Миллера, сохранил всю свою непринужденность; чтобы перевод его можно читать, как подлинник. Если бы перевести Миллера так, чтобы он мог служить и книгою учебною, то есть если б к тексту приложить хронологические и синхронические таблицы, а в некоторых местах распространить приложениями то, что у Миллера весьма коротко и не подробно, – вышла бы книга полезная, общеупотребительная и в публичном и домашнем воспитании и самая привлекательная для чтения. Хороший перевод Миллера был бы великим завоеванием для языка русского. Вместе с 24 книгами «Всемирной истории» я бы рекомендовал вам и письма Иоганна Миллера, особливо переписку его с Бонстеттенем*; нет чтения привлекательнее и воспламенительнее к работе. Я бы эти письма дал в руки всякому юноше, в котором горит жар к науке и стремление к благородной деятельности и который питает в душе любовь к добру и к чистой славе. Но вы, зашедши в область древних классиков, может быть предпочтете остаться с ними. В таком случае, в параллель к Миллеровым письмам, я указал бы вам на письма Цицеронови*; их, конечно, переводить было бы трудно, особенно потому, что множество таких мелочных подробностей, изображающих обычаи и нравы Цицеронова времени и относящихся к ежедневным событиям его века, которые требуют объяснения; но для этого есть прекрасное пособие в Виландовом переводе Цицероновых писем*: Виланд снабдил свой перевод богатыми нотами. В моей петербургской библиотеке, впрочем худо составленной, находятся и томы сочинения

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya
Миллера и Цицерон Виландов; но эти книги могут быть присланы вам только по моем
возвращении в Россию. В ожидании того принимайтесь, благословясь, за Саллюстия:
его будет на год и более. Труд приятный и благодарный. – Простите, любезный
Александр Федорович, не вздумайте, однако, платить мне тою же монетою, то есть
вашим молчанием за мое. Отвечайте поскорее на это письмо и перешлите его мне
через Л. В. Дубельта: за его готовность сделать вам всякое возможное добро я
отвечаю. Искренно преданный вам

Жуковский.

50. С. С. Уварову. 12(24) сентября 1847. Франкфурт-на-Майне*
Я давным-давно собираюсь благодарить вас, любезнейший Сергей Семенович, за
письмо ваше к князю Вяземскому (им мне сообщенное), которое вы написали ему по
поводу замышленного вами моего юбилея*; такая заботливость ваша о моей устарелой
лире меня тронула и порадовала; но я не хотел явиться к вам с пустыми руками, я
хотел с выражением моей благодарности принести вам и свою хлеб-соль по русскому
обычаю: теперь могу исполнить и то и другое. Примите мою благодарность вместе с
первыми XII-ю песнями «Одиссеи», которые предаю на суд ваш. Прочитайте мой
перевод с тем участием, которое вы всегда оказывали моим литературным трудам, и
скажите искренно свое мнение. П. А. Плетнев доставит вам манускрипт.

Вы спросите: как мне пришло в голову приняться за «Одиссею», не зная греческого
языка, и из таинственно заносчивого германского романтика сделаться смиренным
классиком? На это простой ответ: перешедши на старости в спокойное пристанище
семейной жизни, мне захотелось повеселить душу первобытною поэзией, которая так
светла и тиха, так животворит и покоит, так мирно украшает все нас окружающее,
так не тревожит и не стремится ни в какую туманную даль. Старость – второе
ребячество; под старость любишь рассказы; поэтому и мне захотелось
присоединиться к простодушнейшему из всех рассказчиков и, не имея в запасе
собственных басен, повторить на Руси его греческие стародавние басни. Одним
словом, цель моя была: потешить самого себя на просторе поэтической болтовнёю;
это мне и удалось: XII песен «Одиссеи» кончены; были бы кончены и все XXIV, но в
последние два года всякого рода тревоги помешали мне приняться за продолжение
труда моего: надеюсь на нынешнюю зиму; может быть, и все кончу. Пока моя главная
цель достигнута: муза Гомерова озолотила много часов моей устарелой жизни; но
то, что меня самого так сладостно, так беззаботно утешало, будет ли утехой и для
читателей-соотечественников, с которыми хочу поделиться своими сокровищами,
занятыми у Гомера, – не знаю. Если это случится, то меня будет радовать мысль,
что на Руси останется твердый памятник поэтической моей жизни. Быть верным
представителем Гомера... Но как же, спросите вы, не зная Гомерова языка, говорить
языком его по-русски? Это я должен вам объяснить. Мне помогла немецкая
совестливая, трудолюбивая ученость. В Дюссельдорфе я нашел профессора Грасгофа*,
великого эллиниста, который в особенности занимается объяснением Гомера. Он взял
на себя помочь моему невежеству. Собственноручно, весьма четко он переписал мне
в оригинале всю «Одиссею»; под каждым греческим словом поставил немецкое слово и
под каждым немецким – грамматический смысл оригинального. Таким образом, я мог
иметь перед собою весь буквальный смысл «Одиссеи» и иметь перед глазами весь
порядок слов; в этом хаотически верном переводе, недоступном читателю, были, так
сказать, собраны передо мною все материалы здания; недоставало только красоты,
стройности и гармонии. И вот в чем состоял, собственно, труд мой: мне надлежало
из данного нестройного выгадывающееся в нем стройное, чутьем
поэтическим отыскивать красоту в безобразии и творить гармонию из звуков,
терзающих ухо; и все это не во вред, а с верным сохранением древней физиогномии
оригинала. В этом отношении и перевод мой может назваться произведением
оригинальным. Но вопрос: имел ли я успех? Сам не могу быть себе судьей, ибо не
могу сравнивать. Вы можете слышать самого Гомера* – спросите у него, доволен ли
он своим гиперборейским представителем*, и сообщите мне его мнение. Я старался
переводить слово в слово, сколько это возможно без насилия языку (от чего
верность рабская становится часто рабскою изменою), следовал за каждым словом и
в особенности старался соблюдать их место в стихе тем словам, которые на этом
месте производят особенное поэтическое действие. Повторю здесь то, что сказал о
труде моем в другом месте*: «Перевод Гомера не может быть похож ни на какой
другой. Во всяком другом поэте, не первобытном, а уже поэте-художнике,
встречаешь с естественным его вдохновением и работу искусства. В Гомере этого
искусства нет; он младенец, видевший во сне все, что есть чудного на земле и
небесах, и лепечущий об этом звонким, ребяческим голосом на груди у своей
кормилицы-природы. Это тихая, широкая светлая река без волн, отражающая чисто и
верно и небо, и берега, и все, что на берегах живет и движется; видишь одно

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya
верное отражение, а светлый кристалл отражающий как будто не существует: око его не чувствует. Переводя Гомера (и в особенности „Одиссею“), недалеко уйдешь, если займешься фортунно каждого стиха отдельно, ибо у него, то есть у Гомера, нет отдельно разительных стихов, а есть поток их, который надобно схватить весь, во всей его полноте и светлости; надобно сберечь всякое слово и всякий эпитет и в то же время все частное забыть для целого. И в выборе слов надлежит наблюдать особенного рода осторожность: часто самое поэтическое, живописное, заносчивое слово потому именно и не годится для Гомера; все имеющее вид новизны, затайливости нашего времени, все необыкновенное – здесь не у места; оно есть, так сказать, анахронизм; надобно возвратиться к языку первобытному, потерявшему уже свою свежесть, потому что все его употребляли; заимствуясь у праотца поэзии, надобно этому обветшалому, изношенному языку вернуть его первоначальную свежесть и новизну и отказаться от всех нововведений, какими язык поэтический, удаляясь от простоты первобытной, по необходимости заменил эту младенческую простоту. Одним словом, переводя Гомера, надобно отказаться от всякого щегольства, от всякой украшенности, от всякого покушения на эффект, от всякого кокетства; надобно производить действия неощутительно целым, простотою, неразительностью, неприметностью выражений, стройностию широких, обильных периодов, иногда перерываемых как будто без намерения отдельными стихами мало блестящими, так чтобы каждый стих в периоде и каждое слово в стихе составляли одну общую гармонию, не нарушая ее никаким собственным, отдельным звонким, но часто диким звуком. Это работа весьма трудная; для нее нет ясных правил; должно руководствоваться одним чутьем; и для меня эта работа была тем труднее, что я в этом отношении не мог согласоваться с оригиналом, ибо его не знаю, а мог только угадывать. Но зато какое очарование в этой работе, в этом подслушивании первых вздохов Анадиомены, рождающейся из пены моря (ибо она есть символ Гомеровою поэзии), в этом простодушии слова, в этой первобытности нравов, в этой смеси дикого с высоким и прелестным, в этой живописности без излишества, в этой незатайливости и непорочности выражения, в этой болтовне, часто чересчур изобильной, но принадлежащей характеру безыскусственности и простоты, и в особенности в этой меланхолии, которая нечувствительно, без ведома поэта, кипящего и живущего с окружающим его миром, все проникает, ибо эта меланхолия не есть дело фантазии, создающей произвольно грустные сетования, а заключается в самой природе вещей тогдашнего мира, в котором все имело жизнь пластически могучую в настоящем, но и все было ничтожно, ибо душа не имела за границу мира никакого будущего и улетала с земли безжизненным призраком, и вера в бессмертие, посреди этого кипения жизни настоящей, никому не шептала своих великих всеоживляющих утешений». – Вот вам моя поэтическая исповедь. Прибавлю: я везде старался сохранить простой, сказочный язык, избегая всякой натяжки, избегая всякого славянщизма, и по возможности соглашал с формами оригинала (которые все материально сохранились в переводе подстрочном) формы языка русского, так чтобы гомеровский стих был ощутителен в стихе русском, не заставляя его кривляться по-гречески.

Предприняв сделать новое, полное и, вероятно, последнее, которое будет при мне напечатано, издание моих сочинений*, я начну его напечатанием последних томов, в которых будут новые мои повести и сказки, поэма «Рустем и Зораб» и XII первых песней «Одиссеи». Это составит три тома, которые успею отпечатать еще во время моего пребывания за границую, в Карлсруэ, где наблюдатель за печатанием будет известный вам Рейф* и откуда мне легко будет получать последнюю корректуру, живучи во Франкфурте. Печатание же станет несравненно дешевле, нежели в России, на хорошей бумаге и четкими буквами. В этом намерении посылаю вам «Одиссею», прося вас быть ходатаем за нее пред цензурою, и при этом случае благодарю вас за исходатайствование мне высочайшего позволения не представлять для нового ценсурования того, что было уже раз напечатано, и за покровительство ваше «Рустему». Вы спросите: что значат в манускрипте «Одиссеи» отметки и стихи красными чернилами? Вот что: мне хотелось бы сделать два издания разом «Одиссеи»: одно для всех читателей, полное, другое для юности, с выпусками (весьма немногими) тех мест, которые не должны быть доступны юному возрасту. По моему мнению, нет книги, которая была бы столь прилична первому светлому периоду жизни, как «Одиссея», возбуждающая все способности души прелестью разнообразною; надобно только дать в руки молодежи не одну сухую выписку в прозе из Гомеровою поэмы, а самого живого рассказчика Гомера, который в одну раму заключил всю древнюю Грецию с чудесными ее преданиями, с ее первобытными нравами. Язык перевода моего, кажется мне, столь прост, что русская «Одиссея» будет доступна всем возрастам и может быть, если сделаны будут некоторые выпуски, дана без опасения в руки всякого юноши, начинающего читать про себя. К этой очищенной, но не искаженной «Одиссее» можно бы в виде пролога присоединить рассказ в прозе о

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya
временах первобытных и баснословных Греции и особенно, с большою подробностью, о падении Трои (можно бы даже с прозою мешать и стихи, то есть переводить стихами лучшие места из трагиков, «Илиады» и «Энеиды»; но на это едва ли достанет сил и времени); таким образом в одном тесном объеме могли бы соединиться и вся баснословная история древней Греции и самые душистые цветы ее поэзии; таким образом и «Одиссея» могла бы сделаться самою привлекательною и в то же время самою образовательною детскою книгою. Отметки красными чернилами означают те места, которые следует исключить, а стихи, красными чернилами написанные, должны быть вставлены в замену стихов исключенных. Вы сами увидите, что число последних невелико и что их отсутствие не будет заметно в поэме и нимало не изменит ее характера. Я внес эти заметки в манускрипт для того, чтобы цензура могла за один раз пропустить оба издания. Что же касается до издания очищенного, то оно, имея целию образование юношества (которого поэтическая сторона не должна быть пренебрегаема), входит в область министра просвещения: желаю знать его мысли об этом предмете.

Извините, что письмо мое так длинно; я сделался стар, следовательно и болтлив; младшие дети, особливо прижитые на старости, милее нам старших: не мудрено, что я, устарелый гипербореец, разболтался с вами о своей младшей дочке, прижитой с вечно юною музою Гомера. Я же ее нарядил в ее отечественные гекзаметры; а вы на Руси были первым возобновителем и распространителем этой эллинской выкройки*: от вас получил ее Гнедич, вашим добром и бью вам челом. Надеюсь, что вы не долго заставите меня ждать вашего ответа. Не можно ли с этого письма прислать мне список? Я употребил бы его вместо предисловия к «Одиссее».

51. А. С. Стурдзе. 10 марта н. с. 1849. Vade-vade, [86] maison Kleinmann*
Не всегда исполняется то, чего мы наиболее желаем, то есть, сказать точнее, почти никогда не исполняется. Для меня же одно из живейших желаний моих вполне совершилось: желание знать ваше мнение о моей «Одиссее»*, мой любезный Александр Скарлатович, и при оном желание, чтобы труд мой вами был одобрен. Я прочитал это драгоценное для меня одобрение в вашем письме к Северину* и был им несказанно обрадован. Здесь дело идет не о самолюбии: в шестьдесят шесть лет не до игрушек самолюбия. Но душа любит во всякое время делиться тем, что ей дорого: последние годы, мною проведенные вместе с Гомером, в тишине моей семейной жизни, были счастливы. Передавая моему языку его девственную поэзию (которой гармония доходила до моего слуха посредством визгов подстрочного немецкого перевода), я некоторым образом принужден был спрашиваться с самим гением Гомера, не имея материального посредничества и в языке его, – и эта духовная беседа с тенью имела для меня чудную прелесть. Само по себе разумеется, что я не имел в виду похвастать перед публикою знанием языка, мне чужого и теперь еще совершенно неизвестного. Мне просто хотелось пожить поэтическим счастьем, пожить наслаждением творчества: оно так и было; эта главная цель достигнута. Но великое наслаждение заключается и в том, когда в придачу этому личному наслаждению скажет тебе голос, которому веришь, который для тебя имеет в себе пророческую гармонию Пифии, что та прелесть, которую ты находил в труде твоём, не есть обман, что есть в твоём труде существенное исполнение. Этот пифийский одобрительный лист теперь я имею благодаря Северину, который прислал мне письмо ваше в оригинале. Скажу вам, что ваш приговор для меня решительнее всех прочих, и я очень рад, что вы не приговорили моей музы к отсечению буйной головы, а напротив, дали ей свое благословение; я бы должен был с смирением согласиться сам повести под топор свою старушку.

Из России я еще ни от кого не получил никакого отзыва, кроме одного – великого князя Константина Николаевича*, которому я посвятил перевод мой (дав ему давно обещание приняться за «Одиссею», и, если удастся перевести, ему посвятить ее*); его письмо меня порадовало не похвалами (которые здесь были неизбежною учтивостию), а умною, поэтическою оценкою самой поэмы Гомера. Еще один был весьма для меня приятный отзыв – от Фарнгагена* (который играет теперь значительную роль между Лагарпами Германии*): бывши в 43-м году в Берлине, я читал Ф. Г.* начало моего перевода (тогда была только половина первой песни готова); Ф. Г., который хорошо знает по-русски, хороший эллинист, нашел перевод близким; теперь я послал ему первый том русской «Одиссеи», и он отозвался слишком одобрительно о моей работе. Но опять, повторяю, всего более радуется меня ваш отзыв.

Вы говорите в письме к Северину об очной ставке, о публичной очной ставке на подмостках «Москвитянина»: убеждаю вас не оставлять этого намерения. Такого рода сравнение, сделанное вами, хотя бы оно было и осуждением моего труда, будет

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya
иметь действие решительное на общий вкус: у нас классическая поэзия, эта первобытная, девственная поэзия, еще небывалый гость*. Если подлинно мой перевод удачен, то надобно, чтоб красноречивый, поэтический голос растолковал его достоинство русскому свету; будет значительною эпохою в нашей поэзии это позднее появление простоты древнего мира посреди конвульсий мира современного. Надеюсь, что вы мне поверите, если скажу вам, что я не о похвалах ваших думаю; нет, желаю вашего суда, и суда строгого; все, что вы заметите ошибочного, как судья, более нежели кто посвященный в тайны поэзии, наперед принимаю, и все будет (если еще сам я буду налицо) совестливо исправлено. Единственною внешнею наградою моего труда будет тогда сладостная мысль, что я (во время оно родитель на Руси немецкого романтизма и поэтический дядька чертей и ведьм немецких и английских) под старость загладил свой грех и отворил для отечественной поэзии дверь эдема, не утраченного ею, но до сих пор для нее запертого. Если бы не лежало на плечах моих шестидесяти шести лет, я бы не остановился на этой дороге; но теперь уже нельзя и не должно терять времени в болтовне с созданиями языческого, светлого мира. Спешу докончить свою сладостную беседу с моим 3000-летним стариком: потом за другое дело; об этом другом еще надеюсь с вами перемолвить после. Теперь надобно кончить одно. И работа кипит. Обстоятельства загнали меня в Баден-Баден. Здесь, пользуясь уединением и стараясь заткнуть уши от сатанинского визга нашего времени, я снова принялся за перевод «Одиссеи», более двух лет неподвижный. Перевожу и в то же время печатаю. С октября месяца по март я перевел XIII, XIV, XV, XVI, XVII, XVIII и половину XIX песни. Если так пойдет работа и никакой беды со мною не случится, то, с помощью божиею, надеюсь кончить мой труд к половине апреля. XIII–XVI песни отделаны начисто и уже напечатаны. Благословите, а если не поленитесь, отвечайте на письмо мое. Обнимаю вас. Сердечный поклон от меня милой вашей жене, вашей дочери

ему – внуку и ваш ей – внучке им – внучатам

Ваш Жуковский.

я не понимаю 97-го и 98-го стихов XVI песни*; не понимаю их ни в подстрочном переводе, ни в переводе Фосса, ни в других переводах. Я перевел так, держась одного буквального смысла:

или, быть может, ты братьев винишь, на которых отважность

Муж полагается каждый при общем великом раздоре?

Но и тут нет ясного смысла. Как понимаете вы эти два стиха? Переведите их перифразою. Одно общее замечание на мой перевод; я старался переводить целое, желая сохранить весь общий эффект Гомерова слога, которого отличительный характер: не отдельные разительные стихи, а богатый поток целого. Поэтому в иных, немногих местах, я предпочитал целое отдельному и жертвовал отдельными стихами совокупному эффекту. Согласны ли вы на это? Во всяком случае, критикуйте беспощадно. В том будет польза общая.

52. П. А. Плетневу. 6 марта 1850 <Баден-Баден>*

Мой добрый друг Петр Александрович, на последнее ваше письмо, третьего дня полученное, отвечаю, вопреки моей благословенной привычке откладывать, немедленно. Сперва о ваших пунктах касательно издания и распродажи моих сочинений.

1. Весьма одобряю, что вы публикацию о полных сочинениях отложили до осени нынешнего года; они, таким образом, не подорвут продажи «Новых стихотворений»; да сверх того, их достоинство увеличится тем, что к их публикации подоспеет, вероятно, десятый том, в котором многое будет интересно для читателей. Весь этот том будет проза, если к тому времени не успею написать своего последнего стихотворения*, которого мысль прекрасная. Но сладит ли с нею моя старость? не знаю. Может случиться, что вместо лебединой песни произойдет одно карканье вороны. Думаю, что моею прозою вы будете довольны.

2. Второй том «Одиссеи» может большею половиною остаться у вас на руках. Это поздний урок: на Руси нельзя еще выдавать первого тома прежде второго. Особенно когда дело идет об «Одиссее» и тому подобном. Русский человек беззаботен. Он не купит продолжения и «Вечного жиды» и «Фоблаза»*; чего ж тут надеяться для «Одиссеи»? Если же останется на руках довольно экземпляров второго тома, то

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya
можно будет перепечатать в том же количестве первый.

3. Я писал, что можно раздробить новые стихотворения на две книги в одной: «Рустем и Зораб». «Сказки и повести». Стоит только перепечатать один заглавный лист. Во второй книге – «Одиссея». Таким образом можно бы и цену увеличить. Расход же на напечатать особых титулов может быть весьма малый. Впрочем, творите, как хотите.

4. О покупке в казну можно хлопотать только тогда, когда будет надежда, что она, то есть покупка, а не казна, вполне удастся. Дело мне кажется возможным. Казна ничего не потеряет. А мне капитал мой будет* ассюрирован.* Этого даже нельзя назвать и особенною милостию; просто вспоможение без всякого пожертвования. Нынешний министр, кажется, не откажется в этом мне способствовать, особливо когда узнает, что это будет приятно великому князю, который мог бы через вас предварительно с ним объясниться, прежде испрошения на то воли государя императора. Я сам бы мог просить об этом великого князя, но для этого нужно быть на лице; через вас же это и ловче; лучше, когда это будет ваша мысль, а не моя. Впрочем, я и сам не слишком об этом забочусь; спешить нечего. Эта мысль пришла мне вдруг; я нашел, что она хороша, удобоисполнима, и сообщил ее вам. И все тут. До осени все можно оставить *in statu quo*. [87] А заботиться только о распродаже «Новых стихотворений».

Обращаюсь к вашему письму. Вы меня журите за мою заботливость о утверждении будущего семьи моей. Ничто не может быть для меня желаннее, как знать теперь наверное, что их хлеб насущный упрочен. В этом желании нет и тени сомнения, что бог не оставит их, что государь и наследник будут их верными покровителями. Но в этом знании заключается покой моего сердца, отложение всех земных попечений; в этом знании рай тишины, прекращение всех тревог (которые поневоле врываются в душу), покойный и беззаботный труд, одним словом, чистая, светлая свобода, без всякой темной мысли о будущем, без всякой борьбы с настоящими тревогами, которых наше бедное сердце избежать не может, особливо когда, посреди земного неверного, обращается оно на судьбу того, что ему мило. Эту сладкую свободу было бы так легко мне дать одним словом, не прибавляя ничего к тому, что я уже имею, и все бы земное разом для меня было исполнено. Все это, повторяю, не есть недостаток надежды на покровительство божие, а просто бестревожное, весьма естественное желание лучшего и самого непорочного земного блага – свободы душевной.

Вы хотите, чтобы я написал свои мемуары. На этот вызов решительно отвечаю: нет, сударь, не буду писать своих мемуаров. Чтобы дерзнуть на такую исповедь перед светом, надобно быть или святым Августином, или* развратным циником Руссо*; первый с смиренным уничтожением себя перед богом исповедует свою ничтожность перед людьми на прославлении бога и на обращении души к нему своих братии. Другой с бесстыдною гордостью ставит себя в образец людям, прославляя с дерзкою искренностью перед ними свой разврат, свои пороки и свои низкие преступления. Я далеко, слишком далеко от божественного смирения Августинова. И не имею еще ни бесстыдства, ни гордости женева софиста*. Мемуары мои и подобных мне могут быть только психологическими, то есть историею души; событиями, интересными для потомства, жизнь моя бедна; да и те события, которые мог бы я описать, были бы, конечно, худо описаны; я по натуре моей не имел практического взгляда на жизнь и на людей; я описал бы настоящее фантастически; были бы лица без образов, и верно 9/10 подробностей утратила моя память; а что жизнеописание без живых подробностей? Мертвый скелет или туманный призрак. Журнала я не вел* и весьма, весьма сокрушаюсь об этом – сокрушаюсь не потому, что теперь лишен возможности писать мои мемуары, а потому, что много прошедшего для меня исчезло, как небывалое. И потому еще не могу писать моих мемуаров, что выставить себя таким, каков я был и есмь, не имею духу. А лгать о себе не хочется. В поэтической жизни, сколь бы она ни имела блестящего, именно поэтому много лжи (которая все ложь, хотя по большей части произвольная), и эта ложь теряет весь свой мишурный блеск, когда поднесешь к ней (рано или поздно) лампаду христианства. Одни мемуары людей государственных могут быть искренни и представляют предмет, достойный всего нашего внимания. Государственный человек смотрит на людей и на современность и с общественной и с своей точки зрения; он описывает действия, в которых сам принимал участие, он списывает лица действователей с натуры, в минуту их и своего с ними вместе действия; он переносит на все времена прошедшее в настоящее, которое, сохраняя всю свою быстроизменяющуюся живость минуты, приобретает и всю неизменную неподвижность прошедшего. Но в наше время и такие мемуары сделались почти невозможными. С одной стороны, глупое хвастовство и

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya чванство (прочитайте «Les mémoires d'outre-tombe»*[88] Ламартина и пр.); с другой, или спекуляция денежная, которая наводнила литературу фальшивыми мемуарами, или спекуляция порока, разврата, соединенная с корыстью, которая заставляет самих преступников, воров и развратных б...ов (Casanova)*[89] нагло писать за деньги свои грязные признания, чтобы в одно время или угодить какой-нибудь низкой страсти, или увлечь в свой разврат тех, которых неразвратность служит упреком такого рода самохвалам. Не так писали свои мемуары Сюлли, С<ен>-Симон, даже развратник Рец*, которые имели уважение к истории своего времени и не себя, а свой век ставили на первый план своих повествований. Впрочем, если напишется, в последнем, еще не существующем томе сочинений моих будет нечто вроде мемуаров, но только в одном литературном смысле.

Вы прекрасно говорите о моих четырех классах науки жизни, и так прекрасно, что возбудили во мне желание иметь копию этой статьи письма моего, так как она есть у вас. Если к списку прибавите свои комментарии, – тем будет лучше; ваши мысли могут возбудить и прояснить мои, и мы можем многое доброе сказать об этом важном предмете друг другу, с полною недоверчивостию и неуважением к тому, что вы так хорошо назвали прекрасным словом и что весьма часто не иное что, как шарлатан, обманывающий нашу душу.

Не горюйте, что я, отложив поэзию, принялся за детскую азбуку*. В этом занятии глубокая жизнь. Первое воспитание, первые понятия детей принадлежат, как святейшее, неразделимое ни с кем сокровище, отцу и матери. Кому можем мы уступить эту прелесть первого знакомства с первыми проявлениями душевной и мысленной жизни нашего младенца? Что сильнее может утвердить союз сердец между родителями и детьми, как не этот совокупный вход одних обратно в детские их лета, воскресающие перед ними в младенчестве их детей, а других вперед, на первый, свежий, только начинающий расцветать луг их лучших лет, рука в руку с отцом и матерью, которые одни могут с ними играть на этом лугу, забывая свои зрелые или старые лета? Над нами совершилось великое милосердие божие – он дал нам детей здоровых телом и уже достаточно одаренных душою. Саша дитя гениальное; Павел весь я с головы до пяток, физически и нравственно. Сохрани им всевышний это их здоровье и телесное и душевное, ничем не заслуженное нами его несказанное благоговение. С ужасом думаю, какое было бы для меня нестерпимое несчастье, если бы кто из детей моих был в таком состоянии, как бедный младенец княгини Голицыной (Толстой), неподвижный, не чувствующий, не видящий, ничего не понимающий, только болезненно дышащий автомат. Нет, мой милый, это педагогическое занятие не есть просто механическое преподавание азбуки и механический счет: это педагогическая поэма, в которую все входит и которой никто не может сочинить с таким единством, как сам отец, если только он имеет к тому призвание. И мне совсем не скучна и не суха моя работа, хотя я и должен приводить в систему буквы и цифры; она до сих пор шла так удачно, что моя малютка ни разу еще не чувствовала скуки и что для нее часы ученья всегда были приятны; тайна, дарующая им эту приятность, заключается в том, что она, то есть моя ученица, не сидит празднично с разинутым ртом, в который жареные перепелки, совсем пережеванные, сами влетают; а в том, что она сама работает умом своим, сама ходит на охоту за этими перепелками, и ходит по дороге, окруженной привлекательными видами, которые делают и самую дорогу для нее приятною, не избавляя, однако, ее и от труда идти своими ногами и получить от этого движения позыв на еду, весьма нужный для того, чтобы взять на себя труд изжарить искомым перепелок и съесть их со вкусом, не потерпев от того индигестии*. Эта главная моя работа, предписываемая мне званием отца (и я весьма горюю, что давно не занялся ею), не отвлекает меня от других работ. На первом плане этих других работ не стоит поэзия; но она не забыта – вы это со временем увидите, если бог даст мне жизни. Проза выступила теперь вперед; многое множество планов в голове, и если их исполню, то это будет мое лучшее. Одно уже давно исполнено: я перевел с славянского текста весь «Новый завет», т. е. все 4 евангелия, Деяния апостолов, все послания и Апокалипсис. Этот перевод кончен был в самый день нового года, когда исполнился один год моему Павлу; он и подарен ему в день рождения. Теперь мало-помалу его начну переписывать и, переписывая, поправлять. Прошу об этом переводе не говорить никому: могут подумать, что я затеиваю его напечатать; а я просто перевел с<вященное> п<исание> для себя, чтобы занять себя главным предметом жизни и чтобы оставить по себе добрый памятник моим детям. – Мои педагогические труды могут после быть приведены в порядок, изданы и могут составить курс предварительного учения, которым могут воспользоваться наши отцы и матери семейства.

Но довольно с вас; я так раскудахтался, что, верно, вам уж надоел чересчур.

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya
Смотрите же сдержите слово писать часто; а я уж буду вам отвечать с возможною точностию; только не сетуйте, если случится мне попримолкнуть. Это будет означать сперва лень, а потом и то, что я занят беспрестанно. Дай бог мне привезти к вам добрый груз дельного и не дельного. Скажите мой дружеский поклон вашей жене, к которому моя прибавляет свой: она опять в постеле. Простите. Обнимаю вас.

Жуковский.

Я писал к Родионову* о моих живописных картинах; это дело касается и до вас. Прошу вас его решить вместе с Родионовым.

53. П. А. Плетневу. 1(13) сентября 1851 г. Баден<-Баден>*
Благодарствуйте, мой милый друг Петр Александрович, за письмо ваше; оно почти успокоило меня насчет Вяземского*: если его отправили к сыну в Голландию*, то это с надеждою и вероятностию исцеления: ему нужно быть в семье, между друзьями, далеко от мрачных воспоминаний Петербурга. Меня напугали слухи совсем иного рода. Благословен бог! страх и горе были напрасны.

От Родионова, вероятно, вы уже слышали о том, что все мои планы вдруг неожиданным и самым прискорбным образом для меня разрушились. Вот уже более осььми недель как сижу взаперти в темноте и не могу ни читать, ни писать, ни пользоваться воздухом – все прекрасные дни лета мною потеряны; и покамест решилось дело тем, что мне об отъезде в Россию теперь и думать нельзя. Уже осень: холод мне вреден; солнечного света еще не могу терпеть; а после белизна русского снега и совсем доконала бы глаз – эта беда случилась со мною дня за два до назначенного мною выезда. Я вижу в ней, однако, указание провидения: она особенно может послужить к добру для моей жены, которая весьма еще далеко от исцеления. Несмотря на это, я бы поехал непременно; моя болезнь обратила отъезд в совершенную невозможность. И жена моя уже воспользовалась моим затворничеством, чтобы в продолжение четырех недель прекраснейшей погоды брать ванны в текучей воде, чего бы ей нельзя было сделать, если бы мы поехали; и зима будет ей, вероятно, полезна в отношении ее лечения. Для меня же перспектива невеселая: мои работы будут жестоко хромать от невозможности употреблять глаза, ибо моя болезнь может продолжиться еще недели. Постараюсь взять против этого меры; я человек изобретательный! Вот, например, я давно уже приготовил машинку для писания на случай угрожающей мне слепоты – эта машинка пригодилась мне полуслепому: могу писать с закрытыми глазами; правда, написанное мне трудно самому читать; в этом мне поможет мой камердинер. И странное дело! почти через два дни после начала моей болезни загомозилась во мне поэзия и я принялся за поэму*, которой первые стихи мною были написаны тому десять лет, которой идея лежала с тех пор в душе неразвита и которой создание я отлагал до возвращения на родину и до спокойного времени оседлой семейной жизни. Я полагал, что не могу приступить к делу, не приготовив многого чтением, – вдруг дело само собою началось, все льется изнутри; обстоятельства свели около меня людей, которые читают мне то, что нужно и чего сам читать не могу, именно в то время, когда оно мне нужно для хода вперед: что напишу с закрытыми глазами, то мне читает вслух мой камердинер и поправляет по моему указанию: в связи же читать не могу без него; таким образом леплю поэтическую мозаику и сам еще не знаю, каково то, что до сих пор слеplено ощупью, – кажется, однако, живо и тепло. Содержания не стану рассказывать: дай бог кончить! Думаю, что уже около половины (до 800 стихов) кончено: если напишется так, как думается, то это будет моя лучшая, высокая, лебединая песнь. Потом, если бог позволит кончить ее, примусь за другое дело, за «Илиаду». У меня уже есть точно такой немецкий перевод, с которого я перевел «Одиссею»; и я уже и из «Илиады» перевел две песни. Но во всю прошедшую зиму и весну я не принимался за эту работу – я был занят составлением моего педагогического курса, который в своем роде будет замечательное создание, и наработал пропасть, но все еще только одно начало; нынешнюю зиму эту работу заняться не могу: глаза не позволяют; надобно много читать и особенно много рисовать, что для больных глаз убийственно. Для «Илиады» же найду немецкого лектора: он будет мне читать стих за стихом: я буду переводить и писать с закрытыми глазами, а мой камердинер будет мне читать перевод, поправлять его и переписывать. И дело пойдет как по маслу. О деле издания сочинений моих пишу к Родионову. Из моего письма увидите, в чем дело.

Обратитесь и от себя и от меня к в<еликому> к<нязю>. Можете показать ему и это письмо, из которого увидит он, что я делаю. Прошу вас не сложить с себя ветхого

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya человека, а, напротив, возвратиться к ветхому человеку, то есть к тому, который во время оно обещал писать ко мне два раза в месяц и несколько времени был верен этому обещанию, не требуя моих ответов. Ваши письма теперь мне нужны стали; мое положение требует помощи: можно прийти в уныние. Что, если бы не сохранил мне милосердый бог возможности заниматься! Итак, пишите, пишите.

Скажите от меня Вьельгорскому*, что толстеть, есть за четырех и не писать писем к друзьям еще весьма простительно. Но так вычеркнуть меня из книги живых, что не подумать меня уведомить о беде, какая случается с моими друзьями, это непозволительно, обидно и очень больно. Он был при отправлении Вяземского (это пишет мне жена Павла Вяземского*, которая еще сама не знает, где он): что бы обо мне вспомнить! Прошу вас, не забывают меня.

Ваш Жуковский.

54. П. А. Плетневу. 5 (17) марта 1852 г. Баден<-Баден>*

Любезнейший Петр Александрович, какую вестью вы меня оглушили*, и как она для меня была неожиданна! Весьма недавно я получил еще письмо от Гоголя, и собирался ему отвечать, и хотел дать ему отчет в моей теперешней стихотворной работе, то есть хотел поговорить с ним подробно о моем «Жиде», которого содержание ему было известно, который пришелся бы ему особенно по сердцу и занимаясь которым я особенно думал о Гоголе... И вот уж его нет!* Я жалею о нем несказанно собственно для себя: я потерял в нем одного из самых симпатических участников моей поэтической жизни и чувствую свое сиротство в этом отношении. Теперь мой литературный мир состоит из четырех лиц – из двух мужского пола и из двух женского: к первой половине принадлежите вы и Вяземский, к последней две старушки – Елагина и Зонтаг*. Какое пустое место оставил в этом маленьком мире мой добрый Гоголь! жалею об нем еще для его начатых и неконченных работ; для нашей литературы он потеря незаменимая. Но жалеть ли о нем для него? Его болезненная жизнь была и нравственно мучима. Настоящее его призвание было монашество: я уверен, что если бы он не начал свои «Мертвые души», которых окончание лежало на его совести и все ему не давалось, то он давно бы был монахом и был бы успокоен совершенно, вступив в ту атмосферу, в которой душа его дышала бы легко и свободно. Его авторство, по особенному свойству его гения, в котором глубокая меланхолия соединялась с резкостью иронии, было в противоречии с его монашеским призванием и ссорило его с самим собою. По крайней мере так это мне кажется из тех обстоятельств, предшествовавших его смерти, которые вы мне сообщаете. Гоголь, стоящий четыре дня на коленях*, не вставая, не евши и не пивши, окруженный образами и говорящий кротко тем, которые о нем заботились: «Оставьте меня, мне хорошо», – как это трогательно! Нет, тут я не вижу суеверия: это набожность человека, который с покорностью держится установлений православной церкви. Что возмутило эту страждущую душу в последние минуты, я не знаю; но он молился, чтобы успокоить себя, как молились многие святые отцы нашей церкви; и, конечно, ему было в эти минуты хорошо, как он сам говорил; и путь, которым он вышел из жизни, был самый успокоительный и утешительный для души его. Оставьте меня, мне хорошо. Так никому нельзя осуждать по себе того, что другому хорошо по его свойству; и эта молитва на коленях, продолжавшаяся четверо суток, есть нечто вселяющее глубокое благоговение: так бы он умер, если бы, послушавшись своего естественного призвания, провел жизнь в монашеской келье. Теперь, конечно, душа его нашла все, чего искала. Перейдем теперь к земному. Где он жил последнее время в Москве? Правда ль, что у графа Толстого? Если так, то бумаги его в добрых руках: верно, ничто не пропадет. Надобно нам, его друзьям, позаботиться о издании его сочинений, о издании полном, красивом, по подписке в пользу его семейства (у него, кажется, живы мать и две сестры). Если публиковать теперь подписку, то она может быть богатая. Позаботьтесь об этом. Если бы я был в России, то бы дело разом скипело. Между тем от себя напишу к Толстому. А вас прошу сообщить мне как можно более подробностей* о его последних минутах.

Ваш Жуковский.

Словарь мифологических имен, географических названий и устаревших слов [90]
Абанты – жители острова Эвбеи в Эгейском море.

Авгей (Авгий) – сын Гелиоса и Гирмидоны, отец Агасфена, царь Элиды, обладатель огромных стад и конюшен, которые не очищались в течение тридцати лет и которые в один день очистил Геракл.

Авгия – 1) город в Лаконике; 2) город в Локриде.

Авлида – гавань в Эвбейском проливе, в Беотии, где собрались перед походом на Трои корабли всех греческих племен.

Авон (Эйвон) – река в Англии.

Аврора – см. Эос.

Автоликон – сын Эрмия, дед Одиссея со стороны матери.

Автомедон – возница Ахиллеса. В нарицательном значении – кучер.

Агамемнон – сын Атрея, брат Менелая, царь Микен, предводитель ахейцев в походе против Трои.

Агапенор – предводитель аркадского войска.

Агелай – один из женихов Пенелопы.

Адмет – муж Алкесты, отец Эмела, царь города Фера в Фессалии.

Адраст – царь Сикиона и Аргоса, участник похода Семерых против Фив.

Аид (Плутон) – сын Крона и Реи, брат Зевса, бог подземного мира – царства мертвых, бог плодородия и урожая.

Аида – дочь Пандара, жена Цета.

Аир – болотное растение.

Айса – рок, судьба. См. Мойора.

Акаст – царь дулихийцев, участник Калидонской охоты и похода аргонавтов.

Акрокоринф – крепость в Коринфе.

Актор – царь аспледонян, населявших Орхомен минийский, отец Астиохи.

Акториды (или молионы) – два элейца, Ктеат и Эврит, сыновья жены Актора, Молионы, от Посейдона. По имени матери они и получили прозвище молионы.

Алисий – местечко в Элиде.

Алифера – город в Аркадии.

Алиферс – прорицатель на острове Итаке.

Алкеста – дочь фессалийского царя Пелия, мать Эмела.

Алкид – см. Геракл.

Алкимедон – сын Лаэркия, предводитель мирмидонцев в походе на Трои.

Алкиной – царь феаков, отец Навсикаи. Он помог потерпевшему кораблекрушение Одиссею вернуться на родину.

Алкмена – жена Амфитриона, мать Геракла, рожденного ею от Зевса.

Алкмеон – сын Амфиарая и Эрифилы. Мстя за отца, он убивает мать и, преследуемый Эринниями, теряет рассудок.

Алоиды – сыновья Алоэя – От и Эфиальт.

Алопа – город в Аргосе пеласгическом.

Алосидна – см. Амфитрита.

Алфей – бог одноименной реки в Элиде, отец Ортилоха.

Алфея – жена калидонского царя Ойнея, мать Мелеагра и Тидея.

Амаринк – отец Диора, царь эпеян в Элиде.

Амврозия – пища богов, дающая им бессмертие и вечную юность.

Амиклы – город в Лаконике, к югу от Спарты.

Амисий – река на острове Крите.

Амнис – город и гавань на острове Крите.

Амфиарай (Амфиарей) – муж Эрифилы, царь Аргоса, прорицатель. Участник Калидонской охоты, похода аргонавтов и похода Семерых против Фив.

Амфигеней – «сильнорукий», эпитет Гефеста.

Амфигенея – город возле Мессены.

Амфилох – сын Амфиарая. Прорицатель, участник походов на Фивы и на Троию.

Амфимах – сын Ктеата, предводитель эпеян в походе на Троию.

Амфион – 1) сын Зевса и Антиопы, муж Ниобы, певец и музыкант, игрой на лире воздвигший каменные стены Фив; 2) царь города Орхомена минийского, в Беотии.

Амфитея – бабка Одиссея.

Амфитрион – муж Алкмены, которую Зевс обманул, приняв образ Амфитриона. В нарицательном значении слова – радушный хозяин.

Амфитрита – жена Посейдона. Ее называли также Аლოსидна – «волнующая море».

Амфора – глиняный сосуд для хранения зерна или вина.

Анадиомена – см. Афродита.

Анахорет – отшельник.

Андремон – отец Фоанта, предводитель этолийцев в троянской войне.

Андрогей – сын Миноса, царь Крита, победитель в состязаниях на спортивных праздниках в Афинах.

Андромаха – жена Гектора. В нарицательном значении – любящая и верная жена.

Анеморея – местность на южном склоне горы Парнас в Фокиде.

Анкей – один из участников Калидонской охоты, отец Аганенора.

Антиклес – один из вождей ахейцев, спрятавшихся в деревянном коне во время осады Трои.

Антиклея – мать Одиссея.

Антилох – сын Нестора и Эвридики. Вместе с отцом он отправился в поход на Троию и стал одним из храбрейших героев; был убит Мемноном, защищая отца от смертельной опасности.

Антиной – самый наглый из женихов Пенелопы; он первым пал от стрелы Одиссея.

Антиопа – дочь речного бога Асопа; родила от Зевса близнецов Амфиона и Зета.

Антифат – царь лестригонов, разбивших корабли Одиссея.

Антрона – город в Фессалии.

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskya
Анфедон – город в Беотии.

Анхиал – 1) отец Ментеса, царь тафийцев; 2) молодой феак, победитель в состязаниях по прыжкам, устроенных Алкиноем в честь Одиссея.

Анхиз – царь Дардании в Троаде, потомок Зевса. Афродита родила ему сына Энея. Так как Анхиз хвастал этим, Зевс поразил его молнией.

Аониды – музы. В Беотии, которой владел сын Посейдона, царь Аон, находилась гора Геликон, местопребывание Аполлона и муз. Отсюда их прозвище – аониды.

Апира – см. Эпир.

Аполлон (Феб) – сын Зевса и богини Латоны, бог света, покровитель искусств.

Аргивяне – жители Арголиды, области Пелопоннеса. У Гомера – ахейцы, участники троянской войны.

Арго – название корабля, на котором Ясон и его спутники-аргонавты отправились в Колхиду на поиски золотого руна.

Арголида – область в Пелопоннесе.

Аргос – 1) главный город одноименной области в Пелопоннесе; 2) весь район Пелопоннеса; 3) Аргос пеласгический – равнина при Пенее, иногда вся Фессалия.

Аргус – 1) стоглазое чудовище, которое по поручению Геры стережет возлюбленную Зевса Ио, обращенную ревнивой Герой в корову. Гермес убивает Аргуса; 2) охотничья собака Одиссея.

Арей (Арес. в римской мифологии – Марс) – сын Зевса и Геры, кровожадный бог войны, «ненасытный мужегубец». Великаны От и Эфиальт заковывают его в цепи.

Ареопаг – суд в Афинах. Назван так по месту, где происходили его заседания, – на холме бога войны Арея, против Акрополя.

Аретуза – нимфа одноименного источника в Элиде.

Арефирей – город в Арголиде.

Ариадна – дочь критского царя Миноса и Пасифаи. С помощью полученной от Ариадны нити Тесей выходит из лабиринта, в котором он убил Минотавра. Отсюда выражение «нить Ариадны».

Аркада – сводчатый коридор.

Аркадия – горная область в центре Пелопоннеса.

Аркесий – дед Одиссея со стороны отца.

Аркесилай – один из предводителей беотийцев в походе на Трою.

Арктос – созвездие Большой Медведицы.

Арна – город в Беотии.

Арнейон – нищий, прозванный Иром, по имени Ириды, вестницы богов. В нарицательном значении – сплетник.

Артакия – страна лестригонов, в которой находился артакийский источник.

Артемида (в римской мифологии – Диана) – дочь Зевса и Лето, сестра Аполлона, богиня охоты, покровительница зверей.

Асина – город в Арголиде.

Аскалаф – сын Арея и Астиохи, предводитель аспледонян в походе на Трою.

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya
Асканий (Иул) – сын Энея и Креузы.

Асмодей – бог реки в Беотии, отец Антиопы.

Аспледон – город в Беотии.

Астер – островок между Итакой и Замом.

Астианакс – см. Скамандр.

Астиоха – 1) дочь Филака, жена Геракла, которому она родила сына Тлеполема; 2) дочь орхоменского царя Актора. От бога войны Арея она имела двух сыновей – Аскалафа и Иалмена.

Астрея (Дике) – богиня законности и справедливости, дочь Зевса и Фемиды. Дике носила прозвище Астреи – «звездной девы».

Асфодилонский луг – луг в подземном царстве, поросший цветами смерти – асфоделями.

Атлант – сын Япета, отец нимфы Калипсо, титан, поддерживающий на руках небесный свод. По имени Атланта, который жил, согласно мифам, на крайнем западе, получил название Атлантический океан.

Атрей – сын Пелопса, отец Агамемнона и Менелая, царь Микен.

Атриды – сыновья Атрея.

Афамант – сын фессалийского царя Эола, царь миниев в беотийском Орхомене, участник похода на Троя.

Афина (Афиня, Паллада, Тритогена, Тритона. В римской мифологии – Минерва) – дочь Зевса, родившаяся из его головы. Богиня мудрости и войны, покровительница Одиссея.

Афродита (Анадиомена, Киприда, Китерея. В римской мифологии – Венера) – богиня любви и красоты, дочь Зевса и океаниды Дионы; по другим мифам – рожденная из морской пены; жена Гефеста.

Ахайя – 1) часть северной Греции – Фтиотида; 2) у Гомера это название также означает всю Грецию.

Ахейцы (ахейане) – одно из древнейших племен Греции. У Гомера – греки вообще, как и «аргивяне», «данаицы».

Ахен (Аахен) – город в Пруссии.

Ахерон (в римской мифологии – Лета) – река в подземном царстве.

Ахилл (Ахиллес) – сын царя Пелея и богини Фетиды, главный герой троянской войны, предводитель ахейцев, победивший Гектора и павший от стрелы Париса, направленной Аполлоном в единственно уязвимое место на теле Ахилла – пяту. Отсюда выражение «ахиллесова пята».

Аэт (Ээт) – сын Гелиоса и океаниды Персы, брат волшебницы Цирцеи, отец Медеи.

Аякс Оилит – сын Оилея и Эриопы, предводитель локров в троянской войне. Его корабль наскочил на скалу, когда воины уже возвращались на родину, и Аякс утонул.

Аякс Теламонид – сын Теламона, герой, которого Гектор не мог победить в поединке. После смерти Ахилла Аякс потребовал для себя его воинские доспехи, но они достались Одиссею, и Аякс, обезумев от обиды, убил себя.

Багряница – ярко-красная ткань.

Бард – средневековый певец.

Басон – тесьма.

Бахус – см. Дионис.

Бебы (Бебиос) – озеро в Фессалии.

Беотия – область в средней части древней Греции.

Бесса – городок в Локриде.

Бирюч – глашатай.

Боагрий (Багрий) – река в Локриде.

Борей – сын Астрея и Эос, холодный северный ветер.

Бочка данаид – бочка без дна, которую дочери Даная должны были наполнить в наказание за то, что в ночь своей свадьбы по приказанию отца убили мужей.

Боян (Баян) – в славянской мифологии – певец.

Брашно – еда.

Бриарей – см. Эгеон.

Брисеида – жена Эвена, царя Лирнесса, пленница ахейян, переданная ими в дар Ахиллесу и отнятая у него Агамемноном.

Бупрасий – город в Элиде.

Вакх – см. Дионис.

Велес (Волос) – в славянской мифологии – бог скота.

Венера – см. Афродита.

Вертумн – в римской мифологии – бог садов и покровитель торговли.

Веста – см. Гестия.

Весь – село.

Воот (Волопас) – звезда возле созвездия Большой Медведицы.

Галгант – трава.

Галиарт – город в Беотии.

Ганелон – один из персонажей французского средневекового эпоса. В нарицательном смысле – изменник.

Гарма – местечко в Беотии между Фивами и Авлидой.

Гарпии – духи бури в образе крылатых чудовищ – полуженщин-полуптиц, мучащие и похищающие людей.

Гебен – черное дерево (эбен).

Гебея (правильно – Геба) – дочь Зевса и Геры, жена Геракла. Богиня, олицетворяющая вечную юность, разливающая богам нектар – напиток бессмертия.

Гекатомба – жертвоприношение богам из сотни волов. Отсюда выражение – «приносить гекатомбы» – великие жертвы.

Гектор – сын Приама и Гекубы, один из храбрейших героев битвы под Троей. Убив

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskya
друга Ахиллеса Патрокла, он был, в свою очередь, сражен Ахиллесом.

Гекуба – дочь фригийского царя Димаса, жена Приама.

Гелика – город в Ахайе, на севере Пелопоннеса, со святилищем Посейдона.

Гелиос – сын титана Гипериона и Тии (Фейи), бог солнца, брат луны – Селены и утренней зари – Эос.

Гелла – дочь царя Афананта и богини Нефолы. Спасаясь от преследования мачехи, она утонула в проливе, который назван по ее имени Геллеспонтом.

Геллада – см. Эллада.

Геллеспонт – см. Эллиспонт.

Гелос – 1) город в Лаконике; 2) город в Элиде.

Гера (Ира. В римской мифологии – Юнона) – старшая дочь Крона и Реи, сестра и жена Зевса, покровительница брака, помощница при родах.

Геракл (Иракл) – сын Зевса и Алкмены, величайший из греческих богатырей, совершивший двенадцать подвигов, очистивший землю от чудовищ и от зла и получивший от богов бессмертие. Муж Алкмены Амфитрион был сыном Алкея. Поэтому Гомер называет Геракла Алкидом.

Гереня – город, в котором родился Нестор и откуда он бежал после того, как Геракл разрушил город Пилос.

Герест – мыс на острове Эвбея.

Гермес (Эрмий. В римской мифологии – Меркурий) – сын Зевса и Майи (Земли), посланник богов, проводник умерших в подземный мир, ловкий, искусный похититель. Покровитель путешественников, купцов, ремесленников и гимнастов.

Гермиона – дочь Менелая и Елены, жена Неоптолема.

Геронты – старейшины.

Геспер – утренняя и вечерняя звезда.

Гестия (в римской мифологии – Веста) – дочь Крона и Реи, сестры Зевса, вечная девственница, богиня домашнего очага и жертвенного огня.

Гетион – 1) царь киликийских Фив в Малой Азии, отец Андромахи; 2) троянец, отец Подеса.

Гефест (Ифест. В римской мифологии – Вулкан) – сын Зевса и Геры, бог огня. Кузнец, ваятель и зодчий. Муж Афродиты.

Гея – Земля, жена Урана. Она дала жизнь всем богам и всему живущему.

Гиамполь – город в Фокиде.

Гиганты (титаны) – дети Неба (Урана) и Земли (Геи), боровшиеся о олимпийскими богами за власть на земле. Гиганты получили от Геи напиток, который делал их неуязвимыми для стрел богов, но не спасал от стрел смертных. Они погибли от руки Геракла.

Гимен (Гименей) – сын Аполлона и одной из муз (по другим мифам – сын Диониса и Афродиты), бог брака, покровитель свадебных обрядов.

Гимет – горная цепь в Аттике.

Гиперей (Гиперион) – титан, отец Гелиоса, Селены и Эос.

Гипересия – город в Арголиде.

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya
Гипподамия – дочь Эномая и Плеяды, жена Пелопса, мать Атрея и Фиеста.

Гиппофой – 1) сын Приама; 2) сын Лефа, пришедший на помощь троянцам с воинами из Лариссы и убитый Аяксом Теламонидом.

Гирмина – приморский город в Арголиде со святилищем Посейдона.

Гистиэя – город на острове Эвбее.

Гносса – город на острове Крите.

Гоноэсса – город в Фессалии.

Горгоны – дочери дракона Форикса и змеи Эхидны, крылатые чудовища, от взгляда которых люди впадали в безумие или превращались в камень. Изображены на эгидах Зевса, Аполлона и Афины.

Гортина – город на острове Крите.

Грации – см. хариты.

Грея – город в Беотии.

Давлида (Давлия) – город в Фокиде, на восточном склоне горы Парнас.

Даждьбог – в славяно-русской мифологии бог солнца.

Данаи – жители Арголиды. У Гомера – обозначение всех греков, так же как «аргивяне», «ахейцы».

Дардания – город на Геллеспонте, основанный сыном Зевса, предком Приама, Дарданом, от которого вели свой род троянцы.

Дафна – нимфа, дочь Пеня, бога реки в Фессалии.

Девкалион – сын царя Миноса и Пасифаи, отец Идоменея, царь города Кносса на Крите, участник Калидонской охоты и похода аргонавтов.

Деифоб – сын Приама и Гекубы, один из храбрейших троянских героев, вместе с Парисом убивший Ахилла. Первым домом, который был разрушен Одиссеем после взятия Трои, был дом Деифоба.

Делос – остров в Эгейском море, на котором находилось святилище Аполлона.

Дельфы – город у подножия горы Парнас, где находилось святилище Аполлона.

Деметра (в римской мифологии – Церера) – дочь Крона и Реи, сестра Зевса, богиня земледелия и плодородия. Став женой Зевса, Деметра родила Персефону, которую похитил и унес в подземное царство Аид. «Дары Деметры» – хлеб.

Демодок – слепой певец феакийского царя Алкиноя.

Денница – заря. См. Эос.

Десна (десница) – правая рука.

Диана – см. Артемида.

Дидона – финикийская царица, основательница города Карфагена.

Дий – Зевс.

Дике – см. Астрея.

Диоклей (Диоклес) – сын Ортилоха, царь города Феры в Пелопоннесе.

Диомед – сын Тидея, царь города Аргоса, самый смелый после Ахилла участник

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya похода на Трои. Ему, как и Одиссею, покровительствует Афина.

Дион – город на острове Эвбее.

Диона – мать Афродиты.

Дионис (Бахус, Вакх) – сын Зевса и Семелы, бог винограда и виноделия, покровитель всего растущего, друг Аполлона и муз.

Диор – сын Амаринка, предводитель бупрасийцев в походе против Трои.

Диорид – Автомедон.

Диоскуры – близнецы Кастор и Полидевк.

Дия – 1) мыс на северном берегу острова Крита; 2) древнейшее название острова Наксоса в Эгейском море.

Длань – ладонь.

Днесь – сегодня.

Додона – святилище Зевса в Эпире со священным дубом, в шелесте листьев которого жрецам слышались предсказания о будущем.

Долион – раб Пенелопы.

Долоп – житель одноименной местности в Фессалии.

Дорийцы (доряне) – греческое племя.

Дорион – город в Северной Мессении, вблизи от кипариссы.

Досканец – ящичек.

Дриады – см. нимфы.

Дриас – один из лапифов.

Дулихий – мифический остров возле Итаки.

Европа – дочь Феникса и Перимеды, похищена Зевсом и родила от него сыновей Миноса и Радаманта.

Елена – дочь Зевса и Леды, жена Менелая, похищение которой Парисом вызвало троянскую войну.

Елисейские поля – см. Элизиум.

Закинф – остров в Ионийском море, у западных берегов Пелопоннеса.

Зам (Самос) – остров в Ионийском море.

Зевес (Зевс, Дий, Кронион. В римской мифологии – Юпитер) – сын Крона и Реи, бог неба, грома и молнии, верховное божество древних греков.

Зет – см. Цетос.

Зефир – сын Астрея и Эос, легкий западный ветер.

Иалмен – сын бога войны Арея и Астиохи, предводитель аспледонян в походе на Трои.

Иас – предводитель афинян в походе на Трои.

Ивик – мифический поэт древней Греции.

Ида – гора в Малой Азии, возле Трои.

Идоменей – сын Девкалиона, царь города Кноса, предводитель критян в походе на Троию.

Идофея – дочь Протея, богиня моря.

Иезавель – жена древнееврейского царя Ахава. За высокомерие и жестокость растоптана всадниками и растерзана собаками.

Икарий – брат Тиндарея, отец Пенелопы и Ифтимы.

Икелос Фоветор – Икел, по Овидию – бог сновидений, принимающий вид различных животных. Люди называли его Фоветором – «пугающим».

Ил – сын Троя, царь дарданов.

Илесий – город в Беотии.

Илион – другое название Трои, по имени основателя города Ила.

Илифия – дочь Зевса и Геры, богиня, помогающая роженицам.

Ино – см. Левкотея.

Иокаста – мать Эдипа.

Иолк – город в Фессалии.

Иолхос – древняя крепость в Фессалии.

Ир – см. Арнейон.

Ира – см. Гера.

Иракл – см. Геракл.

Ираклид – сын Геракла.

Ирида (Ириса) – дочь Фавманта и Электры, внучка Океана и Геи, богиня радуги, посланница богов.

Исмар – город киконов во Фракии, на одноименной горе; славился крепким вином.

Истм – Коринфский перешеек. Здесь находился храм Посейдона, в честь которого проводились Истмийские игры.

Итака – остров в Ионийском море, родина Одиссея.

Итона – город в Фессалии.

Иул – см. Асканий.

Ифест – см. Гефест.

Ификл (Ификлес) – 1) сын фессалийского царя Филака, участник похода аргонавтов, отец Протесилая и Подаркеса; 2) сын Амфитриона и Алкмены, брат Геракла, участник Калидонской охоты.

Ифит – сын Эврита, друг Одиссея, подаривший ему лук и стрелы, полученные отцом Ифита от Аполлона.

Кавконы – древнее греческое племя на западном побережье Пелопоннеса.

Кагул – приток реки Дуная.

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya
Кадм – сын Феникса, брат Европы, мифический основатель Беотийских Фив.

Калиднийские острова – возле острова Коса, у берегов Малой Азии.

Калидон – город в Южной Этолии.

Каликолона («Красивый холм») – местность у реки Симоиса, у Трои.

Калипсо – дочь Атланта, нимфа острова Огигии, семь лет державшая Одиссея в плену.

Каллиарий – город в Локриде.

Калхас – сын Фестора из Микен, жрец Аполлона, прорицатель и судья данайцев, сопровождавший их в походе на Трои.

Камены – римское название муз.

Камир – город доричан на западной стороне острова Родоса.

Капаней – царь Аргоса, участник похода Семерых против Фив, отец Сфенела.

Капище – языческий храм.

Карбункул – драгоценный камень.

Карист – город на острове Эвбея.

Кассандра – дочь троянского царя Приама и Гекубы, прорицательница. После взятия Трои досталась в награду Агамемнону и была убита вместе с ним Клитемнестрой и Эгистом.

Кастор – сын Леды от Тиндарея, совершивший вместе с братом Полидевком ряд подвигов.

Кентавры (центавры) – легендарные существа, полукони-полулюди, дети Иксиона и Нефелы.

Кера (Керы) – крылатая богиня смерти, схатывающая душу умирающего человека в момент, когда она покидает тело.

Керинф – город на острове Эвбея.

Кетейцы – племя в Мисии, в Малой Азии.

Кефалления (Кефаленская сторона) – область береговой полосы Итаки, всех смежных с ней островов (Дулихий, Зам, Закинф и др.) и берега на материке.

Кефисса – река в Беотии, впадающая в одноименное озеро.

Кидоны – племя на острове Крите.

Киклопы – см. циклопы.

Киконы – племя во Фракии.

Килленийский – прозвище Гермеса, родившегося на горе Киллене в Аркадии.

Киммерийцы – мифический народ, живший так далеко на крайнем севере, что их не достигали лучи солнца.

Кинос – город в Локриде.

Кипарисса – город в Мессении.

Кипр – остров в восточной части Средиземного моря, древнейший центр культа Афродиты (Киприды).

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya
Киприда – см. Афродита.

Китера (Кифера) – остров в восточной части Средиземного моря, рядом с Критом. Центр культа Афродиты (Китереи).

Кичка – старинный русский головной убор.

Клеония – город на пути из Коринфа в Аргос, основанный сыном Пелона – Клеоном.

Климен – царь Орхомена, отец Эвридики.

Клит – сын Мантия, которого похитила, влюбившись в него, богиня Эос.

Клитемнестра – дочь Тиндарея и Леды, жена Агамемнона, мать Ореста и Электры.

Клоний – один из вождей беотийцев в походе на Трою.

Клото – см. Мойра.

Колпица – цапля.

Ком (Комос) – бог веселого пира.

Копа – город в Беотии.

Коринф – город в Арголиде.

Коронея – город в Беотии.

Кос – остров у берегов Малой Азии.

Котейцы – племя в Малой Азии.

Коцит – река в подземном царстве теней, приток Стикса.

Кратеида – см. Скилла.

Кратейя – мать чудовища Скиллы.

Кратера – большой сосуд для вина.

Креон – царь Фив, отец Ликомеда и Мегары, жены Геракла.

Креуза – дочь Приама и Гекубы, жена дарданского царя Энея.

Крефей – сын Эола, муж Тиро, царь Фессалии.

Крисса – город в Фокиде, возле Дельф.

Крит – остров на Средиземном море.

Крокилея – остров рядом с Итакой.

Крон (Кронос, Хронос) – бог времени. Сын Урана и Геи, он отнял у отца власть и, боясь, что его постигнет такая же участь, пожрал своих детей – Деметру, Аиду, Геру, Гестию, Посейдона. Только младшего сына Крона – Зевса спасла мать. Возмужав, Зевс заставил отца изрыгнуть всех проглоченных им детей и низверг его в Тартар.

Кронид (Кронион) – сын Кроноса, Зевс.

Крузад – португальская золотая монета.

Круны – местность в Элиде.

Ксанф – река и город в Ликии.

Ктесий – сын Орменона, отец Эвмея, царь островов Сира и Ортигия.

Ктимена – сестра Одиссея.

Куфа – чан, кадка.

Лаас – город в Лаконике.

Лаиса – нарицательное имя греческих гетер – женщин, ведущих свободный образ жизни.

Лакедемон (Лаконика) – область в юго-восточной части Пелопоннеса.

Ламос – город в стране лестригонов.

Ламп («блистающий») – один из бессмертных коней богини утренней зари – Эос.

Лампетия («блистающая») – нимфа, дочь Гелиоса и Неэры.

Лаокоон – сын Антенора или Акета, жрец Аполлона в Трое, оскорбивший Афины тем, что пронзил копьем посвященного ей деревянного коня, и за это задушенный змеями вместе со своими сыновьями.

Лаомедонт – сын Ила, отец Приама и Тифона, царь Трои.

Лапифы – мифическое племя в Северной Фессалии, воевавшее с кентаврами.

Лары – в римской мифологии боги – покровители семьи и домашнего очага.

Латона (Летó) – жена Зевса (до Геры), родившая ему Аполлона и Артемиду.

Лаэрт – царь Итаки, сын Аркесия, отец Одиссея (Лаэртида).

Левкада («белая») – 1) мифическая скала у границы подземного мира; 2) остров близ Итаки.

Левкотейя (Ино) – дочь фиванского царя Кадма, бросившаяся в припадке безумия в море со своим сыном Меликертом и обратившаяся в богиню морских волн.

Леда – дочь этолийского царя Фестия, жена спартанского царя Тиндарея, мать Кастора, Клитемнестры. От Зевса она родила Елену и Полидевка.

Леит – сын Алектриона, один из вождей беотийцев в походе против Трои.

Лемнос – остров в Эгейском море, место культа Гефеста.

Лесбос – остров в Эгейском море.

Лестригоны – легендарное племя великанов-людоедов.

Ливия – северо-восточная часть Африки.

Лидия – область на западном берегу Малой Азии.

Ликаст – город на острове Крите, к востоку от Гносса.

Ликомед – сын Креона, один из предводителей беотийцев.

Лилея – местность в Фокиде у истоков реки Кефиссы.

Линд – город-гавань на острове Родосе, со святилищем Афины.

Лирнесс – город в Малой Азии, близ Фив.

Литы – дочери Зевса, олицетворяли угрызения совести и неотступно следовали за Атой (преступлением).

Локрида – область в Средней Греции, к северу от Фокиды, у Эвбейского пролива.

Лотофаги – легендарное племя, жившее в Ливии и питавшееся лотосом. Согласно мифу, человек, вкусивший цветок лотоса, забывает прошлое.

Люцифер – у римлян древнее название планеты Венеры. В христианской мифологии – повелитель ада.

Майя – нимфа гор, дочь Атланта, мать Гермеса.

Малея – горный мыс в южной части Пелопоннеса.

Мантий – сын Мелампа, предсказатель.

Мантинея – город в Аркадии.

Мараведис – старинная испанская монета.

Марафон – город на востоке Аттики, в 42 километрах от Афин. Во время олимпийских игр бегуны должны были покрыть это расстояние. Отсюда – «марафонский бег».

Марон – сын Эванфея, внук Диониса и Ариадны, жрец Аполлона в городе Исмаре, во Фракии.

Марс – см. Арей.

Масий (Мазес) – город-гавань в Арголиде.

Мая – см. Майя.

Мегапент – сын Менелая.

Мегара – дочь фиванского царя Креона, жена Геракла, мать трех сыновей, которых Геракл убил в припадке безумия.

Мегера – имя одной из фурий (эринний). В нарицательном значении – злая женщина.

Мегес (Мегит) – сын Филея, царь эпеев в Элиде. По Гомеру, он предводитель дулийцев в походе на Троию.

Медон (Мидея) – город в Беотии.

Медонт – итакиец, глашатай, преданный слуга Одиссея.

Мекистей – сын Талаона, отец Эвриала, царь Аргоса.

Меламп – сын Амифаона, прорицатель и врач. Он добыл для своего брата Бианта быков Ификла, которых царь Нелей требовал от того, кто захочет жениться на его дочери Перо.

Меланфий – сын Долиона, пастух, раб Одиссея, которому он изменил, служа женихам Пенелопы.

Мелеагр – сын калидонского царя Оинея и Алфеи, герой охоты на вепря, по велению Артемиды опустошавшего поля Калидона, потому что ей не принесли обычной жертвы. Мелеагр убил вепря.

Мелибея – город в Магнезии, в Фессалии, у подножия горы Оссы.

Мельпомена – дочь Зевса и Мнемозины, муза трагедии и печальной песни.

Мемнон – сын троянского царя Тифона и богини Эос, герой, пришедший на помощь троянцам. Убив Антилоха, он гибнет от руки Ахиллеса.

Менелай – сын Атрея, брат Агамемнона, муж Елены, царь Спарты.

Менестей – сын Петеона, предводитель афинян в походе на Троию.

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya
Менетий – участник похода аргонавтов, отец Патрокла.

Ментес – сын Анхиала, царь тафийцев, друг Одиссея. Афина посетила Телемаха, приняв облик Ментеса.

Ментор – сын Алкима, друг Одиссея, воспитатель Телемаха. В нарицательном значении – наставник.

Меония – древнее название Лидии.

Мерион – сын Мола, друг Идоменея – предводитель критян в походе на Трою.

Месса – город в Лаконии, у мыса Тенареса.

Мессена – главный город Мессении, области на крайнем юго-западе Пелопоннеса.

Метона – город в Магнезии, в Фессалии.

Мигдон – фригийский царь, сражавшийся вместе со своим братом Отреем и с Приамом против амазонок.

Мидея – см. Медеон.

Мизия – область в Малой Азии.

Микалесс – остров в Ионийском море, против острова Самоса.

Микена (Микены, Микины) – город в Арголиде, в северо-восточной части Пелопоннеса, названный так по имени дочери Инаха, царя Аргоса – Микены.

Милет – 1) город на острове Крите; 2) город в Малой Азии.

Мимант – горный мыс на западном побережье Малой Азии, против острова Хиоса.

Минеи – племя в Беотии.

Минерва – см. Афина.

Минос – сын Зевса и Европы, отец Девкалиона и Ариадны, мудрый и справедливый царь Крита, создатель лабиринта, построенного ему Дедалом. После смерти Миноса боги сделали его судьей в царстве мертвых.

Мирмидоны – племя в Фессалии, на родине Ахиллеса.

Мирсин – город в Элиде.

Мнемозина – дочь Урана и Геи, богиня памяти, мать девяти муз.

Мобед – жрец, хранитель преданий.

Мойра – рок, судьба. Мойры – три неумолимые сестры-богини, ведавшие судьбами людей и богов. Клото пряла нить человеческой жизни, Лахесис тянула ее, проводя через все превратности судьбы, Атропос обрезала нить, прерывая человеческую жизнь.

Морфей – сын бога сна, создатель сновидений.

Музы (в римской мифологии – камни) – девять богинь, дочерей Зевса и Мнемозины, покровительниц искусств и наук: Евтерпа, Каллиопа, Клио, Мельпомена, Урапия, Талия, Терпсихора, Полигимния и Эрато.

Навплий – царь Эвбеи, отец Паламеда. Мстя за казнь сына Одиссеем, Навплий зажег ложный маяк, и многие корабли греков, возвращавшиеся домой после войны с Троей, погибли на прибрежных скалах.

Навсикая – дочь Алкиноя и Ареты, полюбившая Одиссея, попавшего после кораблекрушения на остров феаков – Схерию, где царствовал ее отец.

Навсифой – сын Посейдона и Перибей, отец Алкиноя и Рексенора, царь феаков.

Наяды – см. нимфы.

Нейон – гора на Итаке, отрог Нерита.

Нектар – напиток богов. См. Амврозия.

Нелей – сын Посейдона, отец Нестора, царь Пилоса.

Неоптолем – по прозванию Пирр – сын Ахиллеса и Деидамии, муж Гермионы. Сражаясь в рядах ахейцев, убил Приама и его сына Полита.

Нептун – см. Посейдон.

Нереиды – см. нимфы.

Нерей – сын Понта и Геи, отец Амфитриты и nereид. Божество, олицетворявшее спокойное море.

Нерикон – город на острове Левкада против Акарнани.

Нерит (Нерион) – лесистый горный кряж на севере Итаки.

Нестор – сын Нелея и Хлориды, мудрый царь острова Пилоса.

Неэра – дочь Океана, жена Гелиоса, мать Фазтусы и Лампетии.

Никса – в германской мифологии – водяной дух.

Нимфы – юные богини, олицетворявшие явления природы. Различались нимфы морской воды (нереиды), источников и рек (наяды), долин (напей), гор (ореады), лесов (алсеиды), деревьев (дриады).

Ниоба – дочь Тантала и Тейгеты, гордая жена царя Фив Амфиона, родившая семь дочерей и семь сыновей и смеявшаяся над Латоной, у которой было только двое детей – Аполлон и Артемида. Мстя за эти насмешки над матерью, они убили всех детей Ниобы.

Нирей – сын царя Харопа и Аглаи, предводитель войск из Симы в походе на Трои.

Нис – дулихиец, сын Аретоса, отец Амфинома.

Ниса – город в Беотии.

Нисир – остров в Карпафском море, между Телосом и Косом.

Номады – скотоводы, кочующие племена.

Нортумбрия – графство в Англии.

Нот – сын Астрея и Эос, влажный южный ветер.

Нозмон – итакиец, сын Фрония, давший Афине корабль, на котором Телемах отправился в Пилос, к Нестору, чтобы узнать о судьбе отца.

Огигия – легендарный остров, которым владела нимфа Калипсо.

Оден (Один) – верховный бог в скандинавской мифологии.

Одесную – по правую руку.

Одиссей (Улисс) – сын Лаërта и Антиклеи, царь острова Итаки.

Оиклей – сын Антифата, отец Амфиарея, прорицатель.

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya
Оилей – отец Аякса.

Оиней – см. Эней.

Окалия – город в Беотии.

Океан – легендарная река, обтекающая землю, отделяя мир живых от мира мертвых. У Гомера Океан – родоначальник всех греческих богов.

Олена – город в Этолии, вблизи Плеврона, со святилищем Зевса.

Олизон – город в Фессалии.

Олимп – священная гора древних греков в северной Фессалии, на вершине которой обитали боги – «олимпийцы».

Онагр – дикий азиатский осел.

Онпол – противоположный берег.

Онхест – город в Беотии.

Опунт – главный город Локриды.

Оракул – жрец, прорицатель, гадатель.

Оратай – пахарь.

Ореады – см. нимфы.

Орест – сын Агамемнона и Клитемнестры, убивший мать, мстя за отца. Клитемнестра изменила мужу с Эгистом, вместе с которым умервила Агамемнона.

Орион – легендарный беотиец, великан-охотник, в которого влюбилась богиня зари Эос; после смерти превращен в звезду.

Оркан – ураган.

Оркус (Орк) – подземный мрак, ад.

Орнея – город в северо-западной Арголиде.

Ортигия – прозвище Артемиды, данное ей по древнему названию острова Делос, считавшегося родиной богини.

Орфей – сын Загра и Каллиопы, певец и музыкант, муж нимфы Эвридики.

Орхомен – город в Беотии, названный «минийским» (по имени населявшего его племени), в отличие от одноименного города в Аркадии.

Оры – богини времен года.

Осса – 1) гора в Фессалии, близ Олимпа; 2) молва, слух.

Отос (От) – сын Посейдона и Ифимедеи, великан, вместе с братом Эфиальтом замысливший взобраться на небо. Для этого они взгромоздили гору Олимп на Оссу, а на них Пелион. За это Отос и Эфиальт были убиты Аполлоном.

Отрей – сын Акмона, фригийский царь.

Паламед – герой послегомеровского цикла сказаний, сын Навплия и Климены, дочери Атрея, умерщвленный ахейцами по ложному обвинению Одиссея в том, что он предал их троянцам.

Паллада – см. Афина.

Палладиум – статуя Афины в Трое.

Пан (в римской мифологии – фавн) – сын Гермеса, бог лесов, покровитель пастухов и стад.

Пандарей – царь Эфеса, отец Аиды, Клеопатры и Меропы, взятых богами на небо после преждевременной смерти родителей.

Панопей – город в Фокиде, неподалеку от Дельф.

Панфой – сын Отрея, троянский старец.

Парис – сын Приама, похитивший Елену и убивший Ахиллеса.

Парки – в римской мифологии богини судьбы. См. Мойра.

Парнас – гора в Фокиде, на склоне которой находился дельфийский храм Аполлона. В мифах – место обитания Аполлона и муз.

Паррасия – город в Аркадии.

Пасифая – жена критского царя Миноса, мать Девкалиона.

Патрокл – сын Менетия, друг Ахиллеса, павший под Троей от руки Гектора.

Пафос – город на острове Кипре, в котором находилось святилище Афродиты – Киприды.

Пеан – бог врачевания.

Пегас – крылатый конь Зевса. От удара его копыта на горе Геликон забил источник Гиппокрена, вода которого давала поэтам вдохновение.

Пеласги – древнейшие обитатели Греции.

Пелей – царь мирмидонян в Фессалии, отец Ахиллеса.

Пелиас – сын Посейдона и Тиро́, брат Нелея, царь города Иолка в Фессалии.

Пелид – см. Ахилл.

Пелион – гора в Фессалии, близ Оссы и Олимпа.

Пеллен – город в Аттике со святилищем Афины.

Пелопс – отец Атрея и Фиеста, дед Агамемнона и Менелая.

Пенаты – в римской мифологии домашние боги.

Пенелей (Пенелеос) – сын Гиппалма, один из предводителей беотийцев в походе на Троию.

Пенелопа – дочь Икария, жена Одиссея, мать Телемаха. В нарицательном значении – верная жена.

Пеня – упрек, жалоба.

Пергам – крепость в Трое.

Периклимен – сын Нелея и Хлориды, брат Нестора, участник похода аргонавтов.

Перо́ – сестра царя Нестора.

Перса – дочь Океана, жена Гелиоса, мать Цирцеи и Ээта.

Персефона (в римской мифологии – Прозерпина) – дочь Зевса и Деметры, богиня плодородия, весеннего расцвета природы. Ее похитил Аид и унес в подземное царство. Деметра, тоскуя, разыскивала дочь, и Зевс, сжалившись над ней, определил, чтобы Персефона весной выходила на поверхность земли, а осенью

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyva
возвращалась к мужу.

Персть – пыль, прах, земля.

Перун – в славянской мифологии бог грома и молнии.

Пигмалион – царь острова Кипра и легендарный скульптор, создавший из слоновой кости статую девушки необычайной красоты и влюбившийся в нее. Афродита оживила статую, и Пигмалион женился на девушке.

Пиерия – область в Македонии у Фермейского залива, около Олимпа. Место, где, по мифам, обитали музы.

Пилена – город в Этолии.

Пилияне – пилосцы, жители города Пилоса.

Пилос – город на берегу моря в Мессении, в юго-западной части Пелопоннеса.

Пинд – горный хребет между Эпиром и Фессалией.

Пирас – 1) город в Фессалии; 2) имя троянца, убитого Аяксом.

Пирей – 1) сын Клития, друг Телемаха; 2) гавань в Афинах.

Пирифлегетон – река в подземном царстве, приток Ахерона.

Пирифой – вождь лапифов в Фессалии.

Пирр – см. Неоптолем.

Писистрат – сын царя Нестора, сопровождавший Телемаха в Спарту.

Пифий – прозвище Аполлона, дано по названию древнейшего дельфийского святилища в Фокиде – Пифийского храма близ города Парнаса. Пифия – жрица в святилище Аполлона.

Плак – гора у киликийских Фив.

Планкты – движущиеся скалы, грозившие гибелью кораблю Одиссея на пути от острова Сирен к Скилле и Харибде.

Платея – город в Беотии.

Плеврон – город в Этолии.

Плеяды – созвездие из семи звезд – дочерей Атланта и Плейоны.

Плутон – см. Аид.

Подаркес – сын Ификла, брат Протесилая, предводитель войск Филаки и Пираса в походе на Троию.

Подес – сын Гетиона, друг Гектора.

Полидевк (в римской мифологии Поллукс) – сын Леды от Зевса, совершивший вместе со своим братом Кастором множество подвигов. После смерти Кастора Полидевк упросил Зевса позволить ему разделить бессмертие с братом, сыном смертного Тиндарея. Зевс решил, чтобы братья проводили день на Олимпе, день в Аиде.

Полидор – младший сын Приама, убитый Ахиллесом.

Поликаста – нимфа, мать Пенелопы.

Поликсен – сын царя Агасфена, предводитель эпеян в походе на Троию.

Поликсена – дочь царя Приама и Уекубы.

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya
Поликтор – город в Итаке.

Полион – гора в северной Фессалии, возле Олимпа и Оссы.

Полифейд – отец Феоклимена, прорицатель.

Полифем – циклоп, сын Посейдона и нимфы Фоосы, ослепленный Одиссеем.

Посейдон (Посидон. В римской мифологии – Нептун) – бог морей, сын Крона и Реи, брат Зевса. Посейдон упорно преследует Одиссея за то, что тот ослепил его сына, циклопа Полифема.

Потир – церковная чаша с причастием.

Поянтид – Филоктет.

Праг – порог.

Приам – сын Лаомедонта и Стримо, последний царь Трои.

Прогна (Прокна) – сестра Филомелы, жена фракийского царя Терея.

Прозерпина – см. Персефона.

Прокрида – дочь царя Афин Эрехтея, охотница и жена охотника Кефала.

Протей – прорицатель; отец нимфы Эйдофеи.

Протесилай – сын Ификла, предводитель войск филаков в походе против Трои.

Профознор – сын Ареилика, предводитель беотийцев в походе против Трои.

Пруг – саранча.

Пря – спор, ссора.

Псира – островок в Эгейском море, недалеко от острова Хиос.

Психея – дочь Гелиоса, возлюбленная Эроса. Олицетворение человеческой души.

Птелеон – город и гавань в Фессалии.

Радамант – сын Зевса и Европы, брат Миноса, царь Окалеи в Беотии, прославленный своей справедливостью. После смерти Амфитриона он женится на Алкмене.

Рамена – плечи.

Реал – старинная монета в Испании.

Ретра – бухта на Итаке.

Рея – дочь Урана и Геи, сестра и жена Крона, мать Зевса, Посейдона, Аида, Гестии, Деметры и Геры.

Рипа – город в Аркадии.

Ритион – город на острове Кипре.

Сабинский уголок (Сабинум) – имение римского поэта Горация.

Саламин – остров у берегов Аттики.

Салмоней – сын Эола, царь одноименного города в Элиде.

Сам (Самос) – см. Зам.

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya
Самсон – легендарный библейский герой.

Сарацины – так называли мусульман в Европе в средние века.

Сарматы – название, данное древними греками племенам, населявшим в III–II вв. до н. э. область, расположенную за Доном, по берегам Азовского моря и на севере Кавказа.

Сатир – лесное божество.

Селена – богиня ночного неба, олицетворение луны, дочь Гипериона и Фейи, сестра Гелиоса и Эос.

Селлеэнт – приток реки Пеней в Элиде.

Сигей – мыс в Троаде, у входа в Геллеспонт.

Сидон – город в Финикии. Сидония – Финикия.

Сизиф – основатель Коринфа, разгласивший среди людей тайны богов и в наказание за это в подземном мире вкатывавший на гору каменную глыбу, которая скатывалась, едва достигнув вершины. Отсюда – «сизифов труд».

Сикания – Сицилия.

Сикелы – древнейшее племя в Сицилии, жившее в юго-западной части острова. В восточной части жили сиканы.

Сикион – город в северной части Пелопоннеса.

Сильван – в римской мифологии – бог лесов. См. Пан.

Сим (Сима) – остров у южных берегов Малой Азии, возле Родоса.

Симоис – река у Трои.

Синтии – племя на Лемносе, Лесбосе и в Самофракии.

Сирены – кровожадные птицы с женскими головами, пленительным пением привлекавшие мореходов, которых они убивали и пожирали.

Скальд – древнескандинавский певец.

Скамандр (по прозвищу Астианакс – «владыка града») – сын Гектора и Андромахи, назван по имени реки, протекавшей у Трои.

Скейские ворота – западные ворота города Трои.

Скилла – дочь Кратейи, морское чудовище, имевшее шесть голов и двенадцать лап, лаявшее, как собака.

Скиния – шатер.

Скирос – остров в Эгейском море, между Эвбеей и Хиосом.

Скол – местечко в Беотии, на берегу реки Асопа.

Скудель – глина, кувшин.

Сминтей – прозвище Аполлона.

Солимские высоты – горы в западной части Малой Азии, близ Ликии, в которых обитало племя солимов.

Спарта – главный город Лакедемона.

Сперхий – река в Фессалии.

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya
Стикс – «река ужаса» в загробном мире.

Стимфал – город в Аркадии.

Стира – город на острове Эвбее.

Стихарь – длинная, с широкими рукавами, одежда священников.

Стратия – город в западной Аркадии.

Стрибог – в славянской мифологии бог ветров.

Сфенел – сын Капанея, возница Диомеда.

Схедий – сын Ифита, предводитель фокеев в походе против Трои, убитый Гектором.

Схерия – легендарный остров феаков.

Схойний – город в Беотии.

Тавмакия – город в Магнезии.

Тайгет – горный кряж в Лаконике, на котором охотилась Артемида.

Талаон – царь Аргоса, отец Мекистея.

Талар – длинная, до пят, одежда судебных или духовных лиц.

Тантал – сын Зевса и Плуто (богини богатства), царь города Сипила, заносчивый, завистливый и коварный, отец Пелопса, которого он зарезал и мясо которого поднес на пире богам. Боги оживили ребенка, а Тантала в подземном мире обрекли на вечные муки голода и жажды среди окружающего его изобилия пищи и воды.

Тартар – часть подземного мира, где мучаются преступники.

Тарфа – город в Локриде.

Тафос – остров к северу от Итаки.

Твид – река в Шотландии.

Тевкры – троянцы, названы так по имени легендарного царя Тевкра, сына речного бога Скамандра и нимфы.

Тевтоны – древнее обозначение одного из германских племен. С VIII в. – вообще германцы.

Тегея – город в Аркадии.

Тезей (Тесей) – сын Эгея, легендарный царь Афин, совершивший ряд трудных подвигов.

Теламон – сын Эака, брат Пелея, отец Аякса, царь острова Саламина, участник похода аргонавтов.

Телем – сын Эвримея, старый циклоп, прорицатель.

Телемах – сын Одиссея и Пенелопы.

Телепил – город в мифической стране лестригонов.

Телеф – сын Геракла и Авгея, отец Эврипила, царь Мизии, показавший ахейцам путь к Трое.

Тенар – мыс Матапан на Пелопоннесе; у подножия мыса находилась пещера, в которой курился газ. Древние греки прозвали ее преддверием Аида.

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya
Тенедос – остров у берегов Трояды, в Эгейском море.

Терей – фракийский царь, муж Прогны. Решив овладеть ее сестрой Филомелой, он отослал жену в деревню, а Филомеле отрезал язык, чтобы она не могла рассказать о насилии. В отместку сестры убили сына Терея Итила и подали его мясо отцу. Терей погнался за ними с топором, и они стали молить богов превратить их в птиц. Боги превратили Прогну в ласточку, Филомелу – в соловья, а Терей – в ястреба.

Термин – в римской мифологии – бог межи.

Терсит – воин данаец, поносивший царя Агамемнона и избитый за это Одиссеем.

Тесей – см. Тезей.

Тидей – сын калидонского царя Оинея, царь Аргоса, отец Диомеда.

Тизба – город в юго-восточной Беотии.

Тиметос – троянец, предложивший ввести деревянного коня в город.

Тиндарей – царь Спарты, муж Леды.

Тиресий – слепой прорицатель в Фивах. После смерти, среди теней в Аиде, он один по воле Персефоны сохраняет разум.

Тиринф – город в Аργοлиде.

Тирó – жена фессалийского царя Крефея, мать Амифаона, Ферета и Эзона. Родила от Посейдона двух близнецов – Нелея и Пелия (Пелиаса).

Титаны – см. гиганты.

Титий – сын Геи, великан, убитый детьми Латоны – Аполлоном и Артемидой – за то, что покусился на ее честь.

Тифон (Титон) – сын троянского царя Лаомедонта, брат Приама, возлюбленный богини зари – Эос, по просьбе которой Зевс даровал ему бессмертие, но не дал вечной юности.

Тлеподем – сын Геракла и Астиохи, предводитель родосцев в походе на Трою.

Трахины – город в Аргосе пеласгийском, по мифу основанный Гераклом.

Трезена – город в Аργοлиде.

Тринакрия – мифический остров бога Гелиоса, где паслись его стада.

Тритогена – см. Афина.

Тритон («шумящий») – сын Посейдона и Амфитриты, глашатай отца, трубящий в витую раковину и этим волнуящий или успокаивающий море.

Тритона – см. Афина.

Трояда – область в Малой Азии.

Троя – главный город Трояды, расположен вблизи Геллеспонта, у подножия горы Иды, в долине реки Скамандра.

Тул – колчан для стрел.

Укруг – круг.

Улисс – см. Одиссей.

Ундина – «волна», в германской мифологии – русалка.

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya
Уран – бог неба, муж Геи, отец Крона, Реи, Прометея, Япета и других богов и титанов.

Ураниды – «небожители», небесные боги.

Фавн – см. Пан.

Файдим – см. Федим.

Фалпий – сын Эвритоса Акториада, один из предводителей эпейцев в походе на Трою.

Фальцграф (пфальцграф) – титул французских и немецких судей и высших сановников в средние века.

Фамирис – фракийский певец.

Фарос – остров в Средиземном море против дельты реки Нила.

Фаэтон – сын Гелиоса, умоливший отца разрешить ему править солнечной колесницей. Не сумев сдержать коней, он приблизился к Земле, на которой стали гореть леса и сохнуть реки. Зевс поразил Фаэтона молнией.

Фаэтуса – дочь Гелиоса и Неэры. Вместе с сестрой Лампетией она пасла стада отца на острове Тринакрия.

Феа (Феи) – приморский город в южной Элиде.

Феаки (феакийцы, феакияне) – легендарное племя, населявшее остров Схерию.

Феб – см. Аполлон.

Федим – царь города Сидона в Финикии.

Федон (Фейдон) – царь феспротов.

Федра – жена Тезея, влюбившаяся в своего пасынка Ипполита и покончившая с собой, когда он отверг ее любовь.

Фемида (в римской мифологии – Юстиция) – дочь Урана и Геи, богиня правосудия.

Фемий – сын Терпия, певец в доме Одиссея в Итаке.

Феникс – сын фессалийского царя Аминтора, воспитатель Ахиллеса.

Фенос – город в северо-восточной Аркадии.

Феоклимен – сын Полифейда, прорицатель.

Фера (Феры) – город на юго-востоке Фессалии, недалеко от горы Пелион.

Феспия – город в Беотии, на восточном склоне Геликона.

Феспроты – греческое племя на юге Эпира, дружественное итакийцам.

Фессал Ираклид – сын Геракла, отец Антифоса.

Фессалия – северная Греция.

Фест – город на западном побережье острова Крита.

Фестор – отец Калхаса.

Фетида – богиня моря, дочь Нерея, мать Ахиллеса.

Фиал – чаша.

Фивы – 1) город в Беотии (Семивратные Фивы); 2) город в Египте (Стовратные

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskya (Фивы).

Филак – 1) царь одноименного города в Фессалии, отец Ификлеса; 2) царь города Эфиры, отец Астиохи.

Филака – город в Фессалии.

Филойтий – раб Одиссея, пастух.

Филоктет – сын Поянта (Пеанта), вождь фессалийцев в троянской войне, обладавший луком Геракла.

Филомела – дочь царя Пандиона, сестра Прогны, превращенная богами в соловья.

Филомелид – легендарный царь острова Лесбоса.

Финикия – страна в прибрежной полосе восточной части Средиземного моря, на месте нынешних Сирии и Палестины.

Флегияне – легендарное беотийское племя потомков Флегия, сына Ареса.

Фоант (фоос) – сын Андремона, царь Плеврона и Калидона, вождь этолийцев в походе на Троию.

Фокида – область в средней Греции.

фооса – нимфа, мать циклопа Полифема.

форбант – предводитель племени флегийцев.

форк (форкин) – морской бог, отец нимфы фоосы.

фортуна – в римской мифологии богиня судьбы, удачи, счастливого случая.

фракия – страна к востоку от Македонии, по берегам Пропонтиды и Геллеспонта.

фрасимед – сын царя Нестора, участник похода на Троию.

фригия – область в Малой Азии.

фрия – город на берегу реки Алфея в Элиде.

фроний – 1) город в Локриде; 2) отец Ноэмона.

фтия (ффия) – родина Ахиллеса, город в Фессалии.

фурии – см. эриннии.

Халкас – город на острове Эвбея.

Халкида – город в Этолии.

Халкодонт – царь племени абантов на острове Эвбее, отец Эльпенора.

Хам – в библейском сказании сын патриарха Ноя, проклятый отцом за непочтительность.

Харибда – морское чудовище, поглощающее корабли. Олицетворение водоворота.

Хариты (в римской мифологии – грации) – три сестры – богини красоты. Олицетворение привлекательности и радости.

Харон – сын Эреба и Ночи – перевозчик душ умерших через реку Ахерон в подземное царство – Аид.

Хароп – царь города Симы, отец Нирея.

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya
Хиос – остров в восточной части Эгейского моря, к югу от острова Лесбоса.

Хирон – кентавр, сделавший царю Пелею копье, которое затем перешло к Ахиллесу.

Хитон – рубашка без рукавов или с короткими рукавами.

Хламида – короткий мужской плащ.

Хлорида – жена Нелея, мать Нестора, Периклимена, Хромия и Перо.

Хорев – сын фригийского царя Мигдона.

Хриса – мифический остров, на котором находилось святилище Аполлона.

Хрисеида – дочь жреца Аполлона в Фивах Хрисеса, пленница и наложница Агамемнона.

Хрисес – жрец Аполлона, дочь которого находилась в неволе у Агамемнона. Несмотря на богатый выкуп, предложенный Хрисесом, Агамемнон отказался ее отпустить и прогнал старика, чем вызвал гнев Аполлона.

Цевница – свирель.

Церера – см. Деметра.

Цетос (Зет) – сын Зевса и Антиопы, муж Аиды, царь Фив Семивратных.

Циана – василек.

Цикада – насекомое.

Циклопы (киклопы) – полудикие одноглазые великаны-людоеды.

Цирцея (Киркея) – дочь Гелиоса и океаниды Персы, злая волшебница, властительница острова Эи.

Цитера (Китерея) – см. Афродита.

Чесма (Чесме) – приморский город на западном берегу Малой Азии, против острова Хиоса, где в 1770 г. русские моряки разбили турецкий флот.

Шуйца – левая рука.

Эак – сын Зевса и Эгины, отец Пелея и Теламона, дед Ахиллеса.

Эванфид (Эвантид) – см. Марон.

Эвбея – остров в Эгейском море.

Эвен – 1) Селенид, царь Лирнеса, отец Минета и Эпистрофа; 2) царь Этолии; 3) река в Этолии.

Эвксинская пучина – Черное море (Понт Эвксинский).

Эвмей – сын царя Ктесия, свинопас у Одиссея.

Эвмел – сын фессалийского царя Адмета и Алкесты, муж Ифтимы, сестры Пенелопы.

Эвмениды – см. эриннии.

Эвпейт – итакиец, отец Антиноя.

Эвр – сын Астрея и Эос, утренний восточный ветер.

Эвриал – сын Мекистея, предводитель аргосских войск в походе против Трои.

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskya
Эврибат – итакиец, глашатай, друг Одиссея.

Эвридика – 1) дочь Климена, жена Нестора, мать Антилоха; 2) нимфа, жена Орфея.

Эвриклея – дочь Опса, рабыня Лаэрта, кормилица Одиссея.

Эврилох – друг и спутник Одиссея.

Эвримедонт – 1) царь гигантов, отец Перибей; 2) возница Агамемнона.

Эвринома – дочь Актора, служанка Пенелопы.

Эврипил – сын Телефа и Астиохи, царь кетеев, союзник троянцев; убит Неоптолемом.

Эврит – царь города Эхалии и Фессалии, получивший в дар от Аполлона лук и стрелы, которые перешли затем от его сына Ифита к Одиссею.

Эвритион – один из кентавров на свадьбе Пирифоя и Лаодамии, убитый лапифами.

Эвтресса – город в Беотии.

Эгей – легендарный царь Афин, отец Тезея.

Эгеон (Бриарей) – сторукий великан, сын Геи.

Эги – город в Ахайе, в котором находилось святилище Посейдона.

Эгида – щит с изображением головы Горгоны, повергающим людей в ужас. Его носили Зевс, Афина и Аполлон.

Эгилипа – скалистая местность на острове Итаке.

Эгина – 1) город на одноименном острове в Сароническом заливе; 2) нимфа, дочь Асона, родившая от Зевса Эака.

Эгист – сын фиеста, двоюродный брат Агамемнона. Сойдясь с его женой Клитемнестрой, Эгист убил Агамемнона, когда тот вернулся из похода на Трою. Через семь лет Эгист и Клитемнестра были убиты сыном Агамемнона Орестом.

Эгия – город в Арголиде.

Эдем – рай.

Эдип – фиванский герой. Сын Лая и Эпикасты (или Иокасты).

Эйдофея – дочь Протея, морская нимфа.

Эйона – гавань в Македонии.

Элевсин – город в Аттике, в котором ежегодно происходили празднества («элевсинские таинства») в честь богини Деметры.

Электрон – янтарь.

Элеон – город в Беотии.

Элефийская (Илифийская) скала – по имени илифии, богини, помогавшей при родах.

Элида – область в западной части Пелопоннеса.

Элизиум (Элисий, Елисейские поля) – часть подземного мира, в которой, после смерти героев и праведников, обитают их души.

Эллада (Геллада) – 1) город и область в южной Фессалии; 2) Греция в целом.

Эллиспонт (Геллеспонт) – пролив, соединяющий Мраморное море со Средиземным, теперь носящий название Дарданельского.

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya
Эльдон – гора в Шотландии.

Эльпенор – сын царя Халкодонта, предводитель эвбеян в походе на Трои.

Эндимион – прекрасный юноша, возлюбленный Селены, которая просила Зевса исполнить любое его желание. Эндимион испросил себе бессмертие и вечную юность.

Эней (Оиней) – 1) царь Дардании в Трое, сын царя Анхиза и богини Афродиты, предводитель дарданцев в троянской войне; 2) царь Калидона, в Этолии, отец Тидея и Мелеагра.

Энипей – бог одноименной реки в Фессалии.

Эниспа – город в Аркадии.

Эол – бог ветров.

Золия – легендарный плавучий остров, на котором обитают ветры, окруженный высокой медной стеной.

Зос (в римской мифологии – Аврора) – дочь Гипериона и Фейи, сестра Гелиоса и Селены, богиня утренней зари.

Эпей (Эпейос) – сын Панопея, построивший деревянного коня, внутри которого прятались осаждавшие Трои ахейцы.

Эпейцы (эпеяне) – древнейшие обитатели северной Элиды, происходившие, по преданию, от Эпея, сына Эндимиона.

Эпидавр – город в Арголиде.

Эпикаста – жена Лая, мать Эдипа.

Эпир (Апира) – мифическая страна на севере Греции, откуда феакійцы вывезли рабыню Алкиноя Эвримедусу.

Эпистроф – 1) сын Ифита, предводитель фокеев в походе против Трои; 2) сын царя города Лирнесса Эвена.

Эпит – мифический царь города Фесан в Аркадии.

Эпия – город в Элиде.

Эреб (Эрев) – покрытое мраком загробное царство мертвых.

Эрембы – мифическое племя, жившее, по Гомеру, близ Финикии.

Эретрия – город на острове Эвбее.

Эрехтей – сын Земли, питомец Афины, родоначальник афинян.

Эримант – гора в Аркадии, в Пелопоннесе.

Эриннии (эвмениды. в римской мифологии – фурии) – богини-мстительницы, карающие убийц, преследующие их по пятам и помрачающие их рассудок.

Эриуний – прозвище Гермеса.

Эрифил – прорицатель в стане греков под Троей.

Эрифилла – жена Амфиарея, уговорившая мужа принять участие в походе против Фив, хотя знала, что ему предсказана смерть в этом походе.

Эрифра – город в Беотии.

Эрмейский холм – холм Гермеса (Эрмия) на острове Итаке.

Эрмий – см. Гермес.

Эрос (Эрот) – бог любви.

Эсон – царь города Иолка в Фессалии, отец Ясона.

Этилос – приморский город в Лаконике.

Этолия – область в Западной Греции.

Эфиальт – великан, сын Посейдона и Ифимедеи.

Эфиопы (этеопы) – у Гомера племя, находившееся у последних пределов земли, близ Океана.

Эфира – город пеласгов в северной Элиде, на реке Селлеэнте.

Эхалия – город в Фессалии.

Эхеней – старейший среди племени феаков, мудрый советник царя Алкиноя.

Эхет – злой царь-людоед в Эпире.

Эхидна – кровожадное чудовище, змея.

Эхинадские острова – в Ионийском море, против берегов Этолии и Акарнани.

Ээт – см. Аэт.

Юнона – см. Гера.

Юпитер – см. Зевес.

Юс – буква славянской азбуки.

Ялисс – город на острове Родосе.

Япет – титан, отец Атланта и Прометея, сброшенный Зевсом в Тартар.

Ярдан – река на острове Крите.

Ясион – сын Зевса и Электры, которого полюбила богиня Деметра и который был убит Зевсом за то, что рассказал непосвященным о мистериях (обрядовых таинствах) Деметры.

Ясон (Язон) – сын Эсона, брат Пелия, предводитель похода аргонавтов в Колхиду за золотым руном.

Комментарии
Одиссея*

Впервые – 5-е издание «Стихотворений В. Жуковского», СПб., 1849, тт. VIII и IX.

Замысел перевода «Одиссеи» относится к концу 20-х гг. К этому времени Жуковским были переведены и опубликованы отрывки из «Энеиды» и «Илиады». И. В. киреевский в письме к родным из Петербурга от 20 января 1830 г. сообщает о намерении Жуковского перевести «Одиссею», однако это намерение удалось осуществить значительно позже. Работа над переводом началась в январе 1842 г. и с большими перерывами продолжалась до апреля 1849 г.

Жуковский придавал исключительное значение своей работе над «Одиссеей». Об этом свидетельствуют многочисленные письма 40-х гг. Развернутая характеристика гомеровской поэмы, метода ее перевода на русский язык дана в письме к С. С. Уварову, которое публикуется в настоящем издании (отрывок из этого письма был приложен в качестве предисловия к первому изданию «Одиссеи»).

Жуковский мечтал о распространении «Одиссеи» в широких читательских кругах, и,

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya для того чтобы облегчить ее восприятие, он начал в 1848 г. писать стихотворный пролог, некую «Сводную повесть о войне Троянской», которая бы вводила читателя в сюжет поэмы. Судя по письму к П. А. Плетневу от 20 декабря 1848 г., им было написано «стихов 200 гекзаметрами», однако работа над прологом была остановлена. Жуковский намеревался написать его в прозе ко второму изданию поэмы. Этот интересный замысел не был осуществлен.

В настоящем издании «Одиссеи» внесены некоторые изменения в транслитерацию древнегреческих имен и названий в соответствии с современными нормами. Так, например, «Посидон» исправлено на «Посейдон», «Телемак» – на «Телемах», «амврозия» – на «амвросия», «экатомба» – на «гекатомба» и т. д.

Объяснение мифологических имен, географических названий и устаревших слов, встречающихся в «Одиссее», дается в словаре, помещенном в конце данного тома.

Марьяна Роща*

Впервые с незначительными разночтениями – в журнале «Вестник Европы», 1809, №№ 2, 3.

Писатель в обществе*

Впервые – «Вестник Европы», 1808, № 22.

О басне и баснях Крылова*

Впервые с незначительными разночтениями – в «Вестнике Европы», 1809, № 9, под заглавием: «Критика. Басни Ивана Крылова. С.-Петербург. В типографии губернского правления. 1809 г.»

Непосредственным поводом для написания данной статьи явилось опубликование в 1809 г. первого сборника басен Ивана Андреевича Крылова (1769–1844). Это событие привлекло внимание Жуковского, выступавшего в редактируемом им журнале «Вестник Европы» не только как поэт и прозаик, но и как критик-публицист. В эти годы Жуковский сам писал басни и, анализируя сборник Крылова, высказал некоторые общие суждения о басенном жанре.

Напрасно приписывают изобретение басни рабству... – Древнеримский баснописец Федр (I в. н. э.) полагал, что басня была создана рабами, которые опасались свободно выражать свои чувства и были вынуждены пользоваться аллегориями. Эта мысль, политически заостренная французским философом-просветителем Вольтером (1694–1778), высказана в его статье о басне, которую цитирует Жуковский.

...басни... под именем Эзоповых... – Эзоп (VI–V вв. до н. э.) – полулегендарный древнегреческий баснописец.

...в наше время Лессинговы... – Имеются в виду три книги басен в прозе немецкого мыслителя и писателя Готхольда-Эфраима Лессинга (1729–1781), в которых на первый план выдвигались морально-воспитательные вопросы.

...Лафонтену... а в древности Горацию. – Жан Лафонтен (1621–1695) – французский баснописец; Квинт Гораций Флакк (65–8 до н. э.) – римский поэт.

...несмотря на Лессингово несколько натянутое разделение... – Имеется в виду трактат Лессинга «Рассуждение о басне». В нем подвергается критике стихотворная басня Лафонтена. По мнению Лессинга, басня, как специфический литературный жанр, занимает промежуточное место между поэзией и моралью, и нравственная идея баснописца должна быть выражена не в форме поэтической аллегории, а в сжатом и кратком прозаическом рассказе. Жуковский ценил басенное творчество Лессинга, но отдавал предпочтение Лафонтену, восторженно отзываясь о его стихотворных баснях.

...не ищите в баснях его морали – ее нет! – Жуковский несколько упрощает характеристику Лафонтена, творчеству которого были свойственны и морально-дидактические и критические мотивы.

Крылов, напротив, занял у Лафонтена... – Восхищаясь талантом Крылова, Жуковский недооценивает его самобытность и народность; он явно преувеличивает зависимость русского баснописца от Лафонтена. Это, однако, не мешает ему утверждать, что в некоторых баснях Крылова «подражание превосходит подлинник».

...«Невеста»... – Имеется в виду басня «Разборчивая невеста».

...почти столько же совершенную, как и басня Дмитриева... – В начале XIX в. басни поэта сентиментального направления И. И. Дмитриева пользовались большой популярностью и славой. Достоинства этих басен чрезмерно преувеличивались. Такой тонкий критик, как П. А. Вяземский, даже в 1823 г. отдавал предпочтение Дмитриеву перед Крыловым. Для Жуковского авторитет Дмитриева был вообще непререкаем, и, сравнивая его с Крыловым, он тем самым подчеркивал значение, которое им придавалось первому сборнику нового баснописца.

Лютейший бич небес... – Цитата из басни «Мор зверей».

Какая разница с переводом Княжнина... – Яков Борисович Княжнин (1742–1791) – драматург и поэт; его басни не отличаются художественными достоинствами.

Лягушки просили у Юпитера... – Имеется в виду басня «Лягушки, просящие царя».

Жил некто человек безродной... – Цитата из басни «Пустынник и медведь».

Крылов употребил слово одинакой... – Упрек Жуковского в неправильном употреблении слова «одинакой» (вместо «одинокой») неоснователен; в указанное слово вкралась опечатка.

О сатире и сатирах Кантемира*

Впервые с незначительными разночтениями – в «Вестнике Европы», 1810, №№ 3, 6, под заглавием «Критический разбор Кантемировых сатир, с предварительным рассуждением о сатире вообще».

Кантемир. – Антиох Дмитриевич Кантемир (1708–1744) – писатель и философ-просветитель, основоположник сатирического направления в русской литературе.

Во всех нам известных языках, говорит Адиссон... – Джозеф Аддисон (1672–1719) – английский писатель и журналист-просветитель.

По словам Сульцера... – Иоганн-Георг Сульцер (1720–1779) – немецкий эстетик, автор книги «Всеобщая теория изящных искусств».

Вольтеров «Кандид»... – «Кандид» – философская повесть Вольтера, насыщенная элементами социальной и антиклерикальной сатиры.

Эразмова «Похвала дурачеству»... – Эразм Роттердамский (1466–1536) – выдающийся гуманист эпохи Возрождения, автор сатиры «Похвала глупости».

Ботлеров «Гудибрас»... – Самуэль Батлер (1612–1680) – английский поэт, автор сатирической поэмы «Гудибрас», направленной против пуританства, религиозных фанатиков и ханжей.

Ювенал Децим Юний (60-е гг., умер после 127 г.) – древнеримский сатирик.

Эшенбург разделяет сатиры... – Иоганн-Иоахим Эшенбург (1743–1820) – немецкий историк литературы.

...Цицерон называет солью. – Марк Туллий Цицерон (106–43 до н. э.) – древнеримский государственный деятель, оратор и писатель.

Буало, Поп. – Никола́ Буало (1636–1711) – французский поэт и теоретик классицизма, автор сатирических поэм; Александр Поп (1688–1744) – английский поэт и переводчик, автор цикла сатир.

Ювенал имеет характер совсем противоположный Горациеву: он бич порочных и порока. – Жуковский, в соответствии с традицией, противопоставлял «смеющуюся» сатиру Горация «негодующей сатире» Ювенала. В эпоху буржуазных революций Ювенал воспринимался как пламенный обличитель тирании и деспотизма. Эту концепцию разделяли декабристы и Пушкин, для которого «Ювеналов бич» был синонимом «пламенной сатиры».

Он родился при императоре Калигуле... – Калигула – римский император (37–41), известный своей жестокостью, деспотизмом и бесчинствами.

...во времена Траяна или Адриана... – Траян – римский император (98–117); Адриан – римский император (117–138).

...Клавдиева, Неронова и потом Домицианова царствований... – Клавдий – римский император (41–54); Нерон – римский император (54–68), известный своей жестокостью и сумасбродством; Домициан – римский император (81–96), правление которого характеризовалось кровавым террором, конфискациями и вымогательствами.

Ювенал, воспитанный в спорах школы... – Цитата из второй песни «Поэтического искусства» Буало.

Сатиры его... писаны слогами, так же как и псалмы Симеона Полоцкого... – Имеется в виду силлабическое стихосложение, основанное на одинаковом количестве слогов в стихе; Симеон Полоцкий (Самуил Емельянович Петровский-Ситнианович, 1629–1680) – писатель и ученый. Его переложения псалмов были собраны в книге «Рифмотворная псалтырь», пользовавшейся большой популярностью.

Кантемир оставил нам восемь сатир. – Жуковский не знал о девятой сатире Кантемира «К солнцу» «принадлежность этой сатиры Кантемиру была впоследствии отклонена – В.Л.», которая осталась недоработанной и была впервые опубликована в 1858 г.

Сатирик обращается к уму своему. – Первая сатира Кантемира носит название «На хулящих учения. К уму своему».

Вот заключение пятой сатиры. – Эта сатира в окончательной редакции называется «На человеческие злонравия вообще. Сатир и Перьерг».

...некоторые мысли его должны быть аксиомами для всякого воспитателя. – Оценка Жуковского сатиры «О воспитании» совпадает с мнением Белинского, впоследствии писавшего: «Эта сатира исполнена таких здравых, гуманных понятий о воспитании, что стоила бы и теперь быть напечатанною золотыми буквами...»

...Никите Юрьевичу Трубецкому. – Седьмая сатира «О воспитании» обращена к Н. Ю. Трубецкому (1700–1767), президенту военной коллегии (впоследствии генерал-фельдмаршал).

Филарет и Евгений разговаривают о благородстве. – Имеются в виду действующие лица второй сатиры, носящей название: «На зависть и гордость дворян злонравных. Филарет и Евгений».

Следующее описание безрассудной заботливости некоторых стариков... – Дальше приводится цитата из пятой сатиры.

Вот характеры гордеца Иркана... – Дальше следует отрывок из третьей сатиры – «О различии страстей человеческих».

...и тот и другой жили у двора... – Имеется в виду близость Горация ко двору императора Августа и дипломатическая служба Кантемира при императрице Анне Ивановне.

Для первого стихотворство было занятием главным, для последнего было оно отдохновением. – Жуковский ошибается: поэзия была для Кантемира не «отдохновением», а гражданским долгом. Об этом он прямо говорит в предисловии к одной из своих сатир: «Все, что я пишу, – пишу по должности гражданина, отбивая все то, что согражданам моим вредно быть может».

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya
Письма к А.И. Тургеневу

1. <Август 1805, Белев>*

Впервые – журнал «Русский архив», 1895, № 1.

...о возвращении вашем из Липецка... – летом 1805 г. больной И. П. Тургенев ездил с семьей на курорт в г. Липецк.

О нашем путешествии вместе с Мерзляковым... – Жуковский предполагал в 1806 г. выехать за границу вместе со своим другом Алексеем Федоровичем Мерзляковым (1778–1830), поэтом, критиком, профессором Московского университета. В своем дневнике от 13 июня 1805 г. Жуковский писал: «Путешествовать три года, с половины 1806 до половины 1809 года». Однако этот план не был осуществлен.

...вместе с нами посылают Николая. – Имеется в виду Н. И. Тургенев, который отправился в Германию в 1807 г. и поступил в Геттингенский университет.

Что же моя трагедия «Эдип»? – Имеется в виду трагедия Владислава Александровича Озерова (1769–1816) «Эдип в Афинах», вышедшая из печати в 1805 г. и посланная автором Жуковскому в Москву. В следующем письме Жуковский просит А. И. Тургенева получить на московской почте «Эдипа в Афинах».

2. Сентября 11-е 1805-го. Белев*

Впервые – «Русский архив», 1895, № 1.

...восхищаюсь необыкновенно вояжем... – Речь идет о путешествии (от французского слова voyage), о котором мечтал Жуковский.

Иван Володимирович. – Имеется в виду И. В. Лопухин (1756–1816), известный масон, сенатор, друг семьи Тургеневых.

...тебе... Блудову... – Дмитрий Николаевич Блудов (1785–1864), ставший в царствование Николая I реакционным государственным деятелем, в молодости придерживался либеральных взглядов, был одним из основателей «Арзамаса».

...я не любил с такою привязанностию, как брата... – Имеется в виду Андрей Иванович Тургенев.

3. 24 декабря <1806, Москва>*

Впервые – «Русский архив», 1895, № 2.

Стихи напечатаны в «Вестнике»... – Имеется в виду стихотворение Жуковского «Песнь барда над гробом славян-победителей», напечатанное в журнале «Вестник Европы» (1806, № 24).

Кашин почти положил эту пиесу на музыку. – Даниил Никитич Кашин (1769–1841) – композитор, пианист и дирижер.

...чтобы Нарышкин дал приказание... ее сыграть... – Александр Львович Нарышкин (1760–1826) – директор императорских театров.

«Вечер» отдаю на твое расположение... – Имеется в виду элегия Жуковского, написанная летом 1806 г.

Вот хор, который я прибавил к «Барду»... – Жуковский дописал тринадцать строк к стихотворению «Песнь барда над гробом славян-победителей», которое переключивал на музыку композитор Д. Н. Кашин.

Пришли мне братнины стихи... – Имеются в виду стихотворения покойного Андрея Ивановича Тургенева.

4. <Начало июля 1807, Белев>*

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya
Впервые – «Русский архив», 1895, № 2.

...другое из Тильзита... – А. И. Тургенев находился в свите Александра I, отправившегося в июне 1807 г. в Тильзит для свидания с Наполеоном. В результате переговоров Россия заключила союз с Францией.

...к Костогорову и присланное мне Соковниным. – Михаил Дмитриевич Костогоров и Сергей Михайлович Соковнин – товарищи Жуковского по университетскому пансиону.

Хочу выдавать на будущий год «Вестника Европы». – Жуковский приступил к редактированию журнала «Вестник Европы» в 1808 г.; до этого времени журнал издавался историком, профессором Михаилом Трофимовичем Каченовским (1775–1842).

...прелиминарные условия с... Максимусом Ивановичем сделаны. – Предварительные условия с М. И. Невзоровым (1763–1827) – директором типографии при Московском университете, в которой печатался «Вестник Европы».

Теперь начинаю готовить пиесы... – Имеется в виду подготовка материала для журнала «Вестник Европы».

Ты теперь в таком месте, которое очень интересно... – Имеется в виду пребывание А. И. Тургенева в Тильзите, где происходили переговоры Александра I с Наполеоном.

...твое «Путешествие по Европе» не напечатано... – Имеются в виду записки А. И. Тургенева, которые он вел во время своего заграничного путешествия. Жуковский опубликовал отрывок из этих записок в «Вестнике Европы» (1808, № 22).

...записки Кантемира о его посольстве... – В «Вестнике Европы» (1808, № 4) Жуковский опубликовал письмо Антиоха Дмитриевича Кантемира из Лондона к императрице Анне Ивановне, в котором дана характеристика английского короля Георга II и его министров. Публикуемое письмо снабжено следующим примечанием: «Вероятно, что этот отрывок, нигде еще не напечатанный, будет приятен для читателей „Вестника“. Князь Кантемир, остроумный стихотворец, имел и дарования политика; был тонкий и глубокомысленный наблюдатель. Кто знает сатиры его, тот с удовольствием прочтет и следующие страницы, не многим известные: Донесение, присланное им из Лондона в 1738 г. к императрице Анне, в то самое время, когда он готовился оставить Англию и ехать в Париж в качестве полномочного министра».

Нет ли чего в бумагах братниных?... некоторые статьи из его журнала... – Имеется в виду дневник Андрея Тургенева. (От французского слова journal – дневник.) Вряд ли Жуковский мог опубликовать материал из этого дневника, вследствие антифеодальной и вольнолюбивой его направленности.

Проташинский. – Имеется в виду Василий Андреевич Проташинский, обучавшийся вместе с Н. И. Тургеневым в университетском пансионе. В 1804–1806 гг. выступал в печати как публицист и переводчик.

...Леман умер... – Иван Иванович Леман – воспитатель в университетском пансионе.

Поклонись от меня Гагарину. – Князь Григорий Иванович Гагарин (1782–1837) – дипломат, товарищ Жуковского по университетскому пансиону.

А тебе кланяется Лодер... – Христиан Иванович Лодер (1753–1832) – врач-анатом, профессор Московского университета.

5. Белев, 15-го сентября 1809*

Впервые – «Русский архив», 1895, № 2–3.

Я уже отпел панихиду политике... – Имеется в виду упразднение с сентября 1809 г. отдела политики в «Вестнике Европы» по требованию цензуры, получившей предписание правительства «не одобрять и не принимать к печатанию никаких артикулов, содержащих известия и рассуждения политические».

Издавать его буду не один... – В 1810 г. «Вестник Европы» выходил под совместной редакцией Жуковского и М. Т. Каченовского.

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya
План наш распространится... – В последнем номере «Вестника Европы» за 1809 г. издатели объявили о перестройке журнала, в котором вместо двух отделов («Литература» и «Политика») будет пять отделов: «Словесность», «Наука и искусство», «Критика», «Смесь», «Обозрение происшествий».

Nonny soit qui mal y pense – девиз английского ордена Подвязки.

Теперь слово о моем «Собрании». – Имеется в виду «Собрание русских стихотворений, взятых из сочинений лучших стихотворцев российских и из многих русских журналов, изданное Василием Жуковским». Первые две части вышли в 1810 г., 3, 4, 5 части – в 1811 г.

...порядочный quatrain... – Катрен – строфа, состоящая из четырех строк, четверостишие.

...до дистика. – Дистих – двустишие.

...не будут ли сердиться на меня некоторые матадоры нашей поэзии... – Предчувствие Жуковского оказалось не напрасным. На него действительно «рассердился» Гаврила Романович Державин, старейшина русских поэтов. Жуковский поместил в своем «Собрании русских стихотворений...» двадцать девять произведений Державина, получив через А. Тургенева согласие автора. Однако после выхода первого тома Державин в письме к А. Тургеневу от 18 марта 1811 г. выразил резкое неудовольствие Жуковским, который якобы нанес ему материальный ущерб и, помимо того, не посчитался с его престижем, напечатав его стихотворения рядом с произведениями второстепенных поэтов. А. Тургенев в письме к Державину от 11 апреля 1811 г. доказал несостоятельность этих обвинений, взяв под защиту Жуковского.

...портреты будут... Хераскова... Богдановича... – Михаил Матвеевич Херасков (1733–1807), Ипполит Федорович Богданович (1743–1803).

...ты не очень жалуешь Востокова. – Как явствует из данного письма, Жуковский с присущей ему пронизательностью верно оценил талант и художественное новаторство молодого поэта Александра Христофоровича Востокова (1781–1864), который впоследствии прославился главным образом как крупный ученый-филолог.

Я буду говорить об нем в своем журнале, ибо Каченовский говорил очень недостаточным образом... – Намерение Жуковского опубликовать статью о творчестве Востокова в журнале «Вестник Европы» осуществлено не было. В этом журнале (1806, № 1) была напечатана рецензия М. Т. Каченовского на сборник стихотворений Востокова.

...Лирические его опыты. – Имеются в виду «Опыты лирические и другие мелкие сочинения в стихах» А. Х. Востокова, вышедшие в 1805–1806 гг.

«Записки» И<вана> Вол<оdimировича> списываются для тебя... – Имеются в виду мемуары И. В. Лопухина, носящие заглавие: «Записки некоторых обстоятельств жизни и службы действительного тайного советника, сенатора И. В. Лопухина, сочиненные им самим». До посмертной публикации в печати (1860) мемуары И. В. Лопухина распространялись в списках.

...бюст Ивана Петровича... – Имеется в виду бюст покойного И. П. Тургенева.

Вышла ли «Поликсена»? – Трагедия В. А. Озерова.

По дурной критике, напечатанной в «Цветнике»... – Статья о «Поликсене» в связи с постановкой ее на сцене была напечатана в журнале «Цветник» (1809, № 5).

...перевел «Дон-Кишота»... – Жуковский перевел «Дон-Кихота» Сервантеса не с подлинника, а с французского языка в обработке баснописца и драматурга Жана-Пьера Флориана (1755–1794). Перевод вышел в 1804–1806 гг. (второе издание вышло в 1815 г.).

...примеры стихотворений Буниной... – Анна Петровна Бунина (1774–1828) – второстепенная поэтесса.

...«Les treize journées» de Gagarine. – По указанию известного библиографа И. А.
Страница 352

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya Бычкова, это сочинение, носящее заглавие «Les treize journées, ou la Finlande» («Тринадцать дней, или Финляндия»), написано князем Павлом Гавриловичем Гагариным, (1777–1850), сопровождавшим в 1809 г. Александра I в его поездке по Финляндии.

...твоего Сергея... – Имеется в виду брат А. И. Тургенева – Сергей Иванович.

...пишет ли Николай? – Имеется в виду Н. И. Тургенев, находившийся в Геттингене.

И что Андрей Сергеевич? – Имеется в виду А. С. Кайсаров (1782–1813), товарищ Жуковского по университетскому пансиону, профессор Дерптского университета, добровольно вступивший в армию и погибший в 1813 г. под Ганану.

Я получил от Петра Петровича Тургенева... – П. П. Тургенев – дядя братьев Тургеневых.

6. 1810-го, сентября 12 <Муратово>*

Впервые – «Русский архив», 1895, № 3.

...любезный мой Миллер... – Жуковский, имея в виду исторические изыскания, которыми занимался А. И. Тургенев, присвоил ему в шутку имя швейцарского историка Иоганна Миллера (1752–1809).

...письма Миллеровы... – Имеются в виду некоторые избранные письма Иоганна Миллера к швейцарскому писателю Карлу Бонштеттену (1745–1832), переведенные Жуковским.

...прислать мне Миллеровы письма. – По-видимому, речь идет о письмах Миллера к Бонштеттену, вышедших под заглавием: «Briefe eines jungen Gelehrten an seinem Freund» («Письма молодого ученого к своему другу»).

Что же касается до моего плана... – Имеется в виду план поэмы «Владимир» на древнерусский, сказочно-богатырский сюжет (этот план сохранился в бумагах Жуковского). В целом ряде писем, относящихся к 1810 г., Жуковский сообщает о сборе материала для написания поэмы «Владимир», однако этот замысел не был осуществлен.

...о доставлении мне Шлёцеровой книги... – Речь идет о книге немецкого историка Августа-Людвига Шлёцера (1735–1809) «Kritische Sammlung zur Geschichte der Deutschen in Siebenbürgen» («Сборник статей к истории немцев в Трансильвании»).

...за «Нестора» Шлёцера. – Имеется в виду фундаментальное исследование Шлёцера, вышедшее на немецком языке (1802–1809) и затем появившееся в русском переводе Д. Языкова под заглавием: «Нестор. Русские летописи на древле-славянском языке, сходные, переведенные и объясненные Августом-Людвиком Шлёцером» (1809–1816).

...я теперь... в другой деревне... – Имеется в виду деревня Муратово, Болховского уезда, Орловской губернии.

Лагарп Жан-Франсуа (1739–1803) – французский драматург и критик.

...сомневается в существовании песни Игоревым воинам... – Август Шлёцер одно время сомневался в том, что «Слово о полку Игореве» является подлинным памятником древнерусской литературы и относится к XII в.

...она давно напечатана... – Первое издание «Слова о полку Игореве» вышло в 1800 г.

...Нестора по Радзивилловскому списку... – Имеется в виду список русской летописи, относящийся к концу XV в. и получивший свое название по имени князей Радзивиллов, во владении которых этот список находился. Первое издание Радзивилловского списка вышло в 1767 г.

Никонову Летопись – летопись, получившая свое название по принадлежности одного из ее списков патриарху Никону. Первое издание Никоновской летописи начало выходить в 1762 г.

Софийский список Нестора. – Имеется в виду «Русская летопись по списку

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya Софийского Великого Новгорода...» Издана в 1795 г.

Величественный синопсис. – Имеется в виду первый учебник (синопсис – сборник материалов, подобранных в хронологическом порядке) по русской истории, составленный в 1674 г. в Киеве и являющийся компиляцией исторических хроник и летописей.

«Русская правда» – свод феодального права Киевской Руси XI–XII вв. Издана в 1792 г.

«Духовная Владимира Мономаха». – Имеются в виду «Поучения детям» великого князя Киевского Владимира Всеволодовича Мономаха (1053–1125). Издана в 1793 г.

...и Болтин, и Щербатов, и Хилков, и Штриттер... – Имеются в виду книги, посвященные русской истории. «Примечания на историю древняя и нынешняя России г. Леклерка» Ивана Никитича Болтина (1735–1792); «История Российская от древнейших времен» Михаила Михайловича Щербатова (1733–1790); «Ядро Российской истории» Алексея Ильича Манкиева (ум. 1723 г.) – эта книга до середины XIX в. ошибочно приписывалась князю Андрею Яковлевичу Хилкову (1766–1818). Штриттер Иоганн-Готлиб (1740–1801) – немецкий историк, написавший несколько исследований по древнерусской истории.

Герберштейн есть и на немецком. – Имеются в виду «Записки о Московитских делах» немецкого дипломата и путешественника Сигизмунда Герберштейна (1486–1566).

Разговоры о Новгороде... – Имеются в виду «Исторические разговоры о древностях Великого Новгорода» митрополита Киевского Евгения Болховитинова.

...Владимир есть наш Карл Великий... – Жуковский сравнивает Владимира Красное Солнышко, являющегося центральным образом Киевского цикла былин, с императором Карлом Великим (ок. 742–814), ставшим одним из героев французского народного эпоса.

...ни Ариосту, ни Виланду никто не поставил в вину, что они окружили Карла Великого рыцарями... – Имеются в виду поэма итальянского поэта Лодовико Ариосто (1474–1533) «Неистовый Роланд» и поэма немецкого писателя Кристофа-Мартина Виланда (1733–1813) «Оберон».

...перелистывает их рука... милой Грации... – Имеется в виду любимая племянница Жуковского Александра Андреевна Протасова (1795–1829), в замужестве Воейкова, которой посвящена баллада «Светлана».

...но выдам их я сам... – Первое издание стихотворений Жуковского в двух частях вышло в 1815–1816 гг.

Благодарю за доставление стихов Уварова. – Сергей Семенович Уваров (1786–1855), ставший в царствование Николая I министром просвещения и главным идеологом реакции, в молодости придерживался умеренно-либеральных взглядов, был деятельным членом «Арзамаса». Уваров писал стихи на французском языке.

...Василий Львович не имеет души... – Имеется в виду поэт В. Л. Пушкин (1767–1830), дядя А. С. Пушкина.

А стихов его я не поместил... – Имеется в виду полемическое «Послание к В. А. Жуковскому» В. Л. Пушкина, направленное против Александра Семеновича Шишкова (1754–1841) и его приверженцев по реакционной «Беседе любителей русского слова».

...Фоссов перевод. – Иоганн-Генрих Фосс (1751–1826) – немецкий поэт и переводчик.

...перевод был лучше Попова. – Имеются в виду «Илиада» и «Одиссея» в переводе английского поэта Александра Попа.

...тогда берегись. Гельмольд... – Гельмольд (1125–1177) – средневековый немецкий историк, автор «Хроники славян», написанной по-латыни.

...Виргилий и Гораций... до Тацита! – Вергилий (70–19 до н. э.) – римский поэт; Тацит Корнелий (ок. 55 – ок. 120) – римский историк.

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya
...послание Воейкова... – Александр Федорович Воейков (1778–1839) – поэт и журналист.

Не забудь о Гриневе. – Иван Никифорович Гринев – учитель в г. Белеве.

Твой Бонстеттен. – Называя А. И. Тургенева «Миллером», Жуковский в шутку подписывается именем швейцарского писателя Бонштеттена – друга и корреспондента Иоганна Миллера.

Замаранные мною строки... – См. текст данного письма; после слов: «в самом деле Грации» (Стр. 471), относящихся к А. А. Протасовой, Жуковский зачеркнул четыре строки.

7. 7 ноября <1810, Белев>*

Впервые – «Русский архив», 1867, № 5–6.

...на что мне нужен Герен... – Арнольд Герен (1760–1842) – немецкий историк.

...начинаю Гаттерером... – Иоганн-Христоф Гаттерер (1727–1799) – немецкий историк, автор «Всемирной истории во всем ее объеме».

...несколько карт (à la Schlötzer fils)... – Речь идет о картах, составленных по образцу карт Христиана Августовича Шлёцера – профессора Московского университета, сына Августа Шлёцера.

«Владимир» будет моим фаросом... – Имеется в виду задуманная Жуковским поэма, которая должна была стать его маяком в занятиях по истории (по названию острова Фарос, известного в древности своим маяком).

...получишь от меня «Послание о деятельности»... – Жуковский не осуществил свой замысел и такого послания не написал.

...двух тех, которые так много и так мало на меня действовали. – По предположению И. А. Бычкова, речь идет о покойных друзьях Жуковского – Андрее Ивановиче и Иване Петровиче Тургеневых.

...впереди готовит для нас судьба что-нибудь ужасное. – Быть может, в этих и последующих словах отразились опасения Жуковского, вызванные крестьянскими волнениями и слухами о реформах М. М. Сперанского, в которых дворянство усматривало влияние «революционного духа».

Вот мысль Горация... – Ниже Жуковский цитирует 2-е послание из I книги «Посланий» Горация («Лолий, пока у певца...»).

Милая переписчица... – Имеется в виду племянница Жуковского Александра Андреевна Протасова. (См. прим. на стр. 693.)

...баллада, которой главное действующее лицо диавол... – Имеется в виду первая баллада «Двенадцати спящих дев», носящая заглавие «Громобой».

И этот диавол посвящен будет милой переписчице... – Баллада «Громобой» посвящена А. А. Протасовой.

...увидеться с Севериным... – Дмитрий Петрович Северин (1791–1865) – дипломат; в молодости состоял членом «Арзамаса».

Антонский советует... – Антон Антонович Прокопович-Антонский (1762–1848) – профессор Московского университета.

...нашего министра юстиции. – Имеется в виду поэт Иван Иванович Дмитриев, назначенный в 1810 г. министром юстиции.

Он не Муравьев... – Имеется в виду писатель и историк Михаил Никитич Муравьев (1757–1807), отец будущего декабриста Никиты Муравьева. Он занимал должности попечителя Московского университета и товарища министра народного просвещения.

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya...снабдил меня и Эйхгорном... – Речь идет о присылке книг немецкого историка и филолога Иоганна-Готфрида Эйхгорна (1752–1827).

8. 4 декабря <1810, Белев>*

Впервые – «Русский архив», 1895, №№ 3–4.

...о деле Екатерины Афанасьевны. – Имеются в виду хлопоты по устройству материальных дел Екатерины Афанасьевны Протасовой (урожд. Бунина) – сводной сестры Жуковского.

Книгу Уварова я получил... – Имеется в виду «Проект Азиатской академии», написанный на французском языке С. С. Уваровым (см. прим. на стр. 693) – впоследствии идеологом реакционной теории «официальной народности». «Проект Азиатской академии», составленный двадцатичетырехлетним Уваровым, имел общественно-культурное и политическое значение. Академия, по мысли Уварова, должна была стать научным центром по изучению языков и культур стран Азии; в проекте предусматривалась организация кафедр восточных языков, издание словарей и т. д. Жуковский перевел «Проект Азиатской академии» и опубликовал его в «Вестнике Европы» (1811, №№ 1–2). Как явствует из данного письма, Жуковский упрекал Уварова не только за галломанию, но и за пренебрежение к самым насущным потребностям русского общества. В критике Жуковского, отличающейся известной односторонностью, звучит, тем не менее, благородная тревога о культурной отсталости современной ему России. Он иронизирует над Уваровым, нарисовавшим в своем «Проекте» фальшивую картину культурного «изобилия» и «пресыщения».

...план исторического курса. – Имеется в виду план, составленный Жуковским для самостоятельного изучения истории.

Я очень далек от грубого восхищения à la Glinka. – Имеется в виду писатель Сергей Николаевич Глинка (1776–1847), проповедовавший в своем журнале «Русский вестник» идеи национальной ограниченности и «квасной» патриотизм.

У нас заведено и «Общество историческое»... – В 1804 г. при Московском университете было учреждено «Общество истории и древностей российских».

...Миллотова всеобщая... – Имеется в виду книга «Основания всеобщей истории» французского историка Клода Милло (1726–1785), вышедшая в русском переводе в 1804–1806 гг.

Не думай, однако, чтобы я вел порядочный журнал... – Жуковский начал вести дневник (журнал) с юношеских лет, но в сохранившихся дневниковых записях имеются пробелы за целые годы.

...Лагарп – Блудов... – Жуковский, явно преувеличивая литературно-критическое дарование Д. Н. Блудова (см. прим. на стр. 687), сравнивает его с французским драматургом и теоретиком Жаном-Франсуа Лагарпом.

...эпистолы à la Senèque? – Здесь подразумеваются моралистические послания римского философа-стоика и писателя Луция Сенеки (ок. 3 г. до н. э. – 65 н. э.).

...прибытия Бредерова... – По указанию И. А. Бычкова, речь идет о латинской грамматике на немецком языке Брёдера.

Гердер Иоганн-Готфрид (1744–1803) – немецкий мыслитель и теоретик литературы.

И «Саконталу» желал бы прочитать. – «Шакунтала» («Сакунтала») – драма древнеиндийского поэта IV–V вв. Калидасы. Вероятно, Жуковский имеет в виду английский перевод этой драмы, сделанный Вильямом Джонсом.

...выручи у Андрея Сергеевича Шлёцеров манускрипт. – Имеется в виду А. С. Кайсаров, у которого, вероятно, находилась рукопись биографии Августа Шлёцера (см. прим. на стр. 691), написанная его сыном, Х. А. Шлёцером.

9. 9 апреля <1813, Муратово>*

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya
Впервые – «Русский архив», 1895, № 4.

...маленькое письмо с Ланцом... – В письме к А. И. Тургеневу от 20 мая 1813 г. Жуковский называет Ланца «иностранцем, ехавшим из Орла в Петербург».

...к Ив<ану> Владимировичу... – Имеется в виду И. В. Лопухин. (См. прим. на стр. 687.)

...чтобы я когда-нибудь очутился во фрунте... – Жуковский вступил в Московское ополчение 12 августа 1812 г.

Мне дали чин... – Жуковский получил военное звание штабс-капитана.

Он наша совесть!.. – Цитата из «Певца во стане русских воинов».

«Певца» ты напечатал в Петербурге. – Отдельное издание «Певца во стане русских воинов» вышло в феврале 1813 г.

...Чичагов, которого я выкинул... – Жуковский изъял из текста «Певца...» стихи, посвященные адмиралу Павлу Васильевичу Чичагову (1767–1849), который был осужден общественным мнением за то, что не сумел отрезать пути отступления за реку Березину остаткам французской армии.

10. 1815, февраля 1-е <Москва>*

Впервые – «Русский архив», 1895, № 5.

За твои хлопоты о моем «Послании»... – Имеется в виду послание «Императору Александру».

...ты был чтецом моего «Послания». – А. И. Тургенев читал это стихотворение Жуковского вдовствующей императрице Марии Федоровне.

...заставляете забывать тяжелое горе... – В данном письме излагаются некоторые подробности той душевной драмы Жуковского, источником которой была несчастливая любовь к племяннице – Марии Андреевне Протасовой (1793–1823), дочери сводной сестры поэта Екатерины Афанасьевны.

...я писал к Арбеновой, вообразив, что она, имея влияние на образ мыслей матери... – Екатерина Афанасьевна Протасова, называемая в письме «матерью», не давала согласия на брак Жуковского с ее дочерью Марией Андреевной по религиозным мотивам, запрещающим браки между родственниками. Жуковский обращался за помощью ко многим лицам, имевшим влияние на Екатерину Афанасьевну. С этой целью он обратился также к своей племяннице Авдотье Николаевне Арбеновой.

...потом монах все расстроил... – Имеется в виду иеромонах московского Новоспасского монастыря Филарет, с которым советовалась А. Н. Арбенева.

Воейков вошел в семью... – Летом 1814 г. А. Ф. Воейков (см. прим. на стр. 693) женился на сестре Марии Андреевны Протасовой – Александре Андреевне.

...не был розно с нею... – Имеется в виду М. А. Протасова.

Все они уехали уже в Дерпт... – Имеются в виду Е. А. Протасова с двумя дочерьми и зятем А. Ф. Воейковым, назначенным профессором Дерптского университета.

Поправки «Послания»... – Имеется в виду стихотворение «Императору Александру».

«Певца» я написал почти совсем... – Имеется в виду стихотворение «Певец в Кремле».

...поблагодарить от меня Юрия Александровича... – Имеется в виду поэт Нелединский-Мелецкий (1752–1828).

Дашкова обнимаю. – Дмитрий Васильевич Дашков (1788–1839) – литературный критик, один из основателей «Арзамаса»; в царствование Николая I – товарищ министра внутренних дел, а затем министр юстиции.

11. <в последних числах июня 1826, Эмс>*

Впервые – «Русский архив», 1895, № 9.

...Карамзина нет на свете. – Н. М. Карамзин скончался 22 мая 1826 г.

Но что сделалось с ними? – Имеется в виду семья Н. М. Карамзина.

12. 20 ноября (2 декабря) <1827, Петербург>*

Впервые – «Русский архив», 1895, № 10.

...твои письма с Хлюстиным... – Семен Семенович Хлюстин (1810–1844) – племянник графа Ф. И. Толстого («Американца»).

Жихарев Степан Петрович (1788–1860) – литератор и переводчик, член «Арзамаса», автор «Записок».

В отрывке, присланном тобою... – Имеется в виду отрывок из письма Н. И. Тургенева к брату Александру.

У него открылось... какое-то дружеское чувство ко мне... – Речь идет о Николае Тургеневе. Жуковский, осуждая декабрьское восстание, с глубоким уважением и симпатией относился к декабристу Тургеневу; в ряде писем он восторженно отзывался о его личных качествах.

...по письму графини... – Имеется в виду графиня Генриетта Разумовская (умерла в 1827 г.), связанная дружбой с братьями Тургеневыми, а в особенности с Николаем Ивановичем, в судьбе которого принимала горячее участие.

Я живу теперь для одного исключительно... – Имеются в виду обязанности по воспитанию наследника престола, великого князя Александра Николаевича. Жуковский придавал большое значение своей миссии, надеясь привить гуманные чувства будущему царю.

Видаю только Козлова... – Имеется в виду поэт Иван Иванович Козлов (1779–1840).

Манускрипт его лежит у меня. – Имеется в виду поэма И. И. Козлова «Княгиня Наталья Борисовна Долгорукая», вышедшая из печати в 1828 г.

...и также Слѣниным. – Иван Васильевич Слѣнин (1789–1836) – издатель и книгопродавец.

Отдал поэму Полетике... – Петр Иванович Полетика (1778–1849) – дипломат и сенатор; в молодости состоял в «Арзамасе» и был близок к литераторам-карамзинистам.

...и памяти по мертвом. – Имеется в виду скончавшийся в 1827 г. Сергей Иванович Тургенев.

Сапог... послал... – Жуковский посылал для Николая Тургенева, который был хромым, специальную (ортопедическую) обувь.

13. 27 ноября с<тарого> ст<иля> <1827, Петербург>*

Впервые (отрывок) – в «Письмах Александра Ивановича Тургенева к Николаю Ивановичу Тургеневу» (Лейпциг, 1872).

Отдано ли письмо мое Корфу? – Барон Модест Андреевич Корф (1800–1876) – литератор, лицейский товарищ Пушкина.

Третьего дня обедал у Строганова. – Григорий Александрович Строганов (1770–1857) – граф, член Государственного совета.

Третья часть «Онегина» вышла. – Пушкин публиковал отдельные главы «Евгения Онегина» до его окончательного завершения; III глава вышла в свет в октябре 1827

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya
г.

Доставлю ее тебе с Белизаром... (он заступил место Сен-Флорана). – Имеются в виду петербургские книгопродавцы.

...вышедшие недавно сочинения Баратынского. – В 1827 г. вышел сборник стихотворений Евгения Абрамовича Баратынского (1800–1844).

У Пушкина готовы и 4, 5 и 6 книги «Онегина». – IV и V главы «Евгения Онегина» вышли в феврале 1828 г.; VI глава – в марте 1828 г.

Козлова поэма все еще не вышла. – Имеется в виду поэма «Княгиня Наталья Борисовна Долгорукая».

...покажет ее Глазунову. – Иван Петрович Глазунов (1762–1831) – книгопродавец.

Он хочет, чтобы ты уговорил Толстого быть корреспондентом его журнала. – Речь идет о поэте Петре Андреевиче Вяземском, одном из руководителей журнала «Московский телеграф». Вяземский стремился через А. И. Тургенева привлечь к сотрудничеству в журнале Якова Николаевича Толстого (1791–1867), офицера и литератора, находившегося в 1827 г. в Париже.

Геро ему не нравится. – Э. Геро (Эро) – сотрудник парижского журнала «Энциклопедическое обозрение», на страницах которого он в октябре 1826 г. опубликовал статью о «Московском телеграфе».

Следующее о графине. – Имеется в виду Генриетта Разумовская.

...заемный акт... надписан и возвращен графу Орлову. – По указанию И. А. Бычкова, речь идет о Владимире Григорьевиче Орлове (1743–1831), которому были предъявлены долги его сына Григория, жившего за границей и скончавшегося в 1826 г.

Наш добрый Максим Иванович... – Имеется в виду директор типографии при Московском университете М. И. Невзоров.

Выписка из письма Жихарева о Корфе, которая находится в конце автографа данного письма, не публикуется.

14. 4 (17) декабря 1827, Петербург*

Впервые (отрывок) – в «Письмах Александра Ивановича Тургенева к Николаю Ивановичу Тургеневу» (Лейпциг, 1872). В дате описки Жуковского: вместо 4/17 надо 4/16.

От Саши я получил письмо... – Имеется в виду племянница Жуковского А. А. Протасова (в замужестве Воейкова).

...далек от всякой экзажерации... – Экзажерация – преувеличение (от французского слова *exagération*).

Против смерти Сергея... – Имеется в виду С. И. Тургенев, скончавшийся в 1827 г.

О будущем не смею ничего сказать. – Имеются в виду хлопоты Жуковского за Николая Тургенева, заочно присужденного к смертной казни (замененной пожизненной каторгой).

15. 2 (14) сентября <1828, Петербург>*

Впервые – «Русский архив», 1895, № 11.

...по тому ходу, который взяло наше дело... – Имеются в виду безуспешные хлопоты Жуковского об оправдании Николая Тургенева.

Пошли бог успех нашему оружию. – Имеется в виду борьба за оправдание Николая Тургенева.

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya
Меншиков Александр Сергеевич (1787–1869) – адмирал.

Место его заступил Воронцов... – Михаил Семенович Воронцов (1782–1856) – князь, генерал-фельдмаршал.

...наш Василий Перовский... – В. А. Перовский (1794–1857) был в приятельских отношениях с Жуковским и А. И. Тургеневым.

Перевожу для детей своих отрывки из «Илиады»... – Жуковский в 1828 г. перевел для своих воспитанников – великого князя Александра Николаевича и его сестер – отрывки из 6, 17, 18, 19, 20 песен «Илиады».

По незнанию Гомерова языка лажу с Фоссовым... заглядываю в Попа... – Жуковский пользовался немецким переводом «Илиады» Иоганна Фосса и английским переводом Александра Попа. В примечании к «Отрывкам из „Илиады“» Жуковский писал: «Сей опыт... не должен быть сравниваем и не может выдержать сравнения с переводом Н. И. Гнедича, который передает нам самого Гомера, вслушиваясь в природный язык его. Здесь, так сказать, отголосок отголоска».

Пушкины и Батюшков с сестрою возвратились. – Имеются в виду вдова А. М. Пушкина – Елена Григорьевна с дочерьми, вернувшиеся из Дрездена. Вместе с ними вернулся поэт К. Н. Батюшков, находившийся в 1824 г. в больнице для душевнобольных в Зонненштейне, близ Дрездена.

16. 23 августа <1831, Царское Село>*

Впервые – «Русский архив», 1895, № 11.

...найти предательство там, где надеялся найти дружбу. – Намек на С. П. Жихарева, злоупотребившего доверием А. И. Тургенева, поручившего ему вести свои денежные дела.

...письмо твое к Д... – Имеется в виду Д. В. Дашков.

...вместе проводим вечера у смуглой царскосельской невесты... – Летом и осенью 1831 г. Пушкин и Жуковский жили (вследствие эпидемии холеры) под карантином в Царском Селе. Они посещали фрейлину Александру Осиповну Россет (1809–1882), помолвленную с Н. М. Смирновым.

Я между дела пишу экзаметры... – Имеются в виду «Сказка о царе Берендее» и «Война мышей и лягушек», написанные гекзаметрами.

Манускрипт Ч. он давал мне читать... – Имеется в виду рукопись «Философических писем» Петра Яковлевича Чаадаева (1794–1856), посланная автором Русская виртуальная библиотека: А.С. Пушкин А. С. Пушкину.

...что делает наш слепец... Имеется в виду поэт И. И. Козлов.

Письма к А.С. Пушкину
1. 1 июня <1824, Петербург>*

Впервые – «Русский архив», 1889, № 9.

...Сверчок моего сердца... – «Сверчок» – арзамасское прозвище А. С. Пушкина.

Имя Сафианос... – Пушкин просил Жуковского оказать содействие в устройстве восьмилетней Родос Сафианос, дочери грека, погибшего в освободительной войне за независимость Греции.

Обнимаю тебя за твоего «Демона». – Имеется в виду стихотворение Пушкина, написанное в 1823 г. и напечатанное в «Мнемозине» (1824).

2. <12(?) ноября 1824, Петербург>*

Впервые – «Русский архив», 1889, № 9.

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya
...твое письмо привело бы в великое меня замешательство... – Имеется в виду письмо Пушкина из Михайловского от 31 октября 1824 г., в котором он рассказывает о своей ссоре с отцом, получившим распоряжение следить за перепиской ссыльного поэта.

...ехать к Паулуччи... предупредить его насчет твоего письма к Адеркасу... – Паулуччи Филипп Осипович (1779–1849) – генерал-губернатор Лифляндии, Курляндии и Эстляндии. Речь идет о письме Пушкина (от конца октября 1824 г.) к псковскому губернатору Борису Антоновичу Адеркасу, в котором он писал: «Неважные обвинения правительства сильно подействовали на сердце моего отца и раздражили мнительность, простительную старости... Решился для его спокойствия и своего собственного просить его императорское величество, да соизволит меня перевести в одну из своих крепостей». Это письмо, написанное после ссоры с отцом, не было отправлено.

...явился твой Лев... – Лев Сергеевич (1805–1852) – брат Пушкина.

Тургенева... нет в Петербурге... – Имеется в виду Александр Иванович. (См. прим. на стр. 685.)

Ты рожден быть великим поэтом; будь же этого достоин. – Жуковский в ряде писем настойчиво и упорно призывал Пушкина к созданию произведений, которые бы прославляли современную ему Россию и ее историческое прошлое. В этом смысле он возлагал большие надежды на «Бориса Годунова», который, по его мнению, примирит опального поэта с царем. Хорошо известно, что эти надежды не оправдались. Вместе с тем Жуковский, восхищаясь гением Пушкина, советовал ему отказаться от оппозиции к самодержавию, которая так ярко сказывалась в его вольнолюбивых и сатирических стихотворениях.

Читал «Онегина» и «Разговор»... – Стихотворение Пушкина «Разговор книгопродавца с поэтом» было впоследствии (в 1825 г.) напечатано в качестве предисловия при издании первой главы «Евгения Онегина».

3. <15 – начало 20-х чисел апреля 1825, Петербург>*

Впервые – «Русский архив», 1889, № 9.

...ты болен: правда ли это? – Версия о застарелой болезни ноги («аневризм») понадобилась Пушкину для того, чтобы получить разрешение на выезд в Дерпт, а оттуда бежать за границу. Жуковский, не зная об этом плане Пушкина, был серьезно встревожен слухами о болезни своего друга.

Но можно, надеюсь, сделать, чтобы ты переехал... в Ригу. – хлопоты о разрешении Пушкину выехать в Ригу окончились неудачей. Александр I заменил Ригу Псковом.

4. 9 августа 1825 <Петербург>*

Впервые – «Русский архив», 1889, № 9.

Оператор готов. Это Мойер... мой родня и друг. – В письме к Жуковскому (начало июля 1825 г.) Пушкин едко иронизирует над «монаршей милостью» (разрешение на поездку в Псков для операции) и попутно замечает: «Я справлялся о псковских операторах; мне указали на некоторого Всеволожского, очень искусного по ветеринарной части и известного в ученом свете по своей книге об лечении лошадей». Получив это письмо, Жуковский попросил отправиться в Псков Ивана Филипповича Мойера (1786–1858), профессора-хирурга Дерптского университета, мужа покойной М. А. Протасовой (племянницы Жуковского).

5. <Вторая половина (не позднее 23) сентября 1825, Петербург>*

Впервые – «Русский архив», 1889, № 9.

Ты... предал в руке мои только дух свой... – Пушкин начинает свое письмо к Жуковскому от 17 августа 1825 г. фразой: «Отче, в руке твои предаю дух мой».

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya
Бейрон на лире, а не Бейрон на деле: комментарий на эту фразу найдешь в письме Вяземского... – Жуковский рекомендует Пушкину соблюдать осторожность, не следовать примеру английского поэта Джорджа Байрона (1788–1824), общественного деятеля, активного борца за свободу. П. А. Вяземский в письме от 28 августа 1825 г. также призывал Пушкина к осторожности, имея в виду обстановку политической реакции, усилившейся в конце царствования Александра I: «Ты сажал цветы, не сообразясь с климатом. Мороз сделал свое, вот и все!» В этих аллегорических фразах Вяземский объясняет причину ссылки Пушкина и предостерегает его от грозящих опасностей.

Я было крепко рассердился на тебя за твое письмо к сестре и к Мойеру... – Пушкин в письме к сестре Ольге Сергеевне от 14–15 августа 1825 г. выражает неудовольствие своими друзьями, которые не поняли его намерений выехать за границу и принялись хлопотать о разрешении выезда в Псков. В письме от 29 июля 1825 г. Пушкин просил профессора И. Ф. Мойера не приезжать в Псков.

...но твоя библейская фраза... – Имеется в виду первая фраза из письма Пушкина от 17 августа 1825 г.

...слава победит обстоятельства. – Жуковский надеялся, что трагедия «Борис Годунов» будет одобрена царем и это обстоятельство будет способствовать освобождению Пушкина из ссылки.

6. 12 апреля <1826, Петербург>*

Впервые – «Русский архив», 1889, № 9.

Дай пройти несчастному этому времени. – Имеется ввиду следствие по делу декабристов.

...для чего ты написал ко мне последнее письмо свое. – Имеется в виду письмо Пушкина от 7 марта 1826 г., в котором излагается история его ссылки в село Михайловское и выражается надежда на то, что вступивший на престол Николай I предоставит ему свободу. Пушкин рассчитывал на то, что это письмо, формально адресованное Жуковскому, будет показано царю. Тем не менее Пушкин не собирался отречься от своих взглядов и капитулировать перед правительством. В январе 1826 г. он писал Жуковскому: «...но вам решительно говорю не отвечать и не ручаться за меня. Мое будущее поведение зависит от обстоятельств, от обхождения со мною правительства...»

Но в бумагах каждого из действовавших находятся стихи твои. – Имеются в виду декабристы, которые в своих показаниях называли стихотворения Пушкина в числе источников своего «свободного образа мыслей».

7. <Вторая половина июля 1831,*

Впервые – «Русский архив», 1874, № 2.

Напрасно сердись на «Чуму»... – Имеется в виду «Пир во время чумы».

На «Моцарта» и «Скупого»... – Имеются в виду «Моцарт и Сальери» и «Скупой рыцарь». Эти «маленькие трагедии» были написаны осенью 1830 г.

Сказку октавами... – Имеется в виду «Домик в Коломне», написанный октавами, то есть восьмистишными строфами.

8. <Первая половина августа 1831, Царское Село>*

Впервые – «Русский архив», 1889, № 9.

9. <24–27 августа 1831, Царское Село>*

Впервые – «Пушкин и его современники», вып. II, 1904.

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskya
10. <4-10 марта 1832, Петербург>*

Впервые – «Русский архив», 1889, № 9.

Посылаю тебе билет Эрмитажный. – Имеется в виду билет для входа в императорский Эрмитаж для ознакомления с библиотекой Вольтера, приобретенной Екатериной II.

...побеседовать о плане журнала... – Имеется в виду задуманное Пушкиным издание политического журнала или газеты. Летом 1832 г. разрешение на издание газеты «Дневник» было получено, однако это издание не состоялось.

...Смирдин... с Гречем и Булгариным. – Александр Филиппович Смирдин (1795–1857) – книгопродавец и издатель; Николай Иванович Греч (1787–1867), Фаддей Венедиктович Булгарин (1789–1859) – реакционные литераторы и издатели.

11. <22 марта 1833(?), Петербург>*

Впервые – «Русский архив», 1889, № 9.

Прошу принести «Онегина»... – Полное издание выходившего ранее отдельными главами «Евгения Онегина» появилось в марте 1833 г.

...отослать картину Шаховскому... – Александр Александрович Шаховской (1777–1846) – драматург.

12. <29 января 1834, Петербург>*

Впервые – «Русский архив», 1889, № 9.

...Историю господина Пугачева... – Пушкин послал Жуковскому рукопись «Истории Пугачева», вышедшую из печати в декабре 1834 г.

Семейство... Мещерских... – Имеются в виду князь Петр Иванович Мещерский и его жена Екатерина Николаевна (урожд. Карамзина).

...графы Вьельгорские – Михаил Юрьевич (1788–1856) – композитор и музыкальный деятель, и Матвей Юрьевич Виельгорские (1794–1866) – виолончелист и музыкальный деятель.

...попрошу Смирнову... – А. О. Смирнова-Россет. (См. прим. на стр. 700.)

...привлекательную Дубенскую... – фрейлина Варвара Ивановна Дубенская.

...домашнему твоему Льву. – Имеется в виду брат Пушкина – Лев Сергеевич.

13. <Февраль – март(?) 1834, Петербург>*

Впервые – «Русский архив», 1889, № 9.

Раевский будет у меня... – Вероятно, имеется в виду Николай Николаевич Раевский (1801–1843), которому Пушкин посвятил поэму «Кавказский пленник» и стихотворение «Андрей Шенье». Пушкин ценил строгий литературный вкус Раевского; этим можно объяснить шуточные слова Жуковского: «...или хоть прозу, если боишься Раевского».

14. <2 июля 1834, Царское Село>*

Впервые – «Русский архив», 1889, № 9.

...что побудило тебя взять отставку... – В мае 1834 г. Пушкин решил взять отставку от тяготившей его камер-юнкерской службы. 25 июня 1834 г. он официально попросил об отставке, не учитывая всех последствий этого шага. Жуковский, хорошо зная злопамятный и мстительный характер царя, потребовал от Пушкина взять обратно просьбу об отставке.

15. <3 июля 1834, Царское Село>*

Впервые – «Русский архив», 1889, № 9.

Вот экземпляр без галиматьи. – Жуковский, встревоженный размолвкой между царем и Пушкиным, стремился как можно скорее уладить дело об отставке. Он написал Пушкину два варианта письма, один из которых предлагал показать шефу жандармов Александру Христофоровичу Бенкендорфу (1783–1844).

16. <6 июля 1834, Царское Село>*

Впервые – «Русский архив», 1889, № 9.

Бенкендорф прислал мне твои письма... – Имеются в виду письма от 3 и 4 июля 1834 г., адресованные Бенкендорфу, в которых Пушкин под влиянием Жуковского просил считать недействительной свою просьбу об отставке.

...последнее... так сухо... – В ответ на упреки Жуковского в «сухости» письма от 4 июля Пушкин не без раздражения писал: «Теперь, отчего письма мои сухи? Да зачем же быть им сопливыми? Во глубине сердца своего я чувствую себя правым перед государем; гнев его меня огорчает, но чем хуже положение, тем язык мой становится связаннее и холоднее».

Пришли мне копию с того, что напишешь... – 6 июля 1834 г. Пушкин написал еще одно письмо к Бенкендорфу, в котором он по принуждению извиняется за свою просьбу об отставке. Резюмируя оскорбительное для себя дело об отставке, Пушкин записал 22 июля в своем «Дневнике»: «Прошедший месяц был бурен. Чуть было не поссорился я со двором – но всё перемололось. Однако это мне не пройдет».

17. <Первая половина марта 1836, Петербург>*

Впервые – «Русский архив», 1889, № 9.

С Вортсвортом постараюсь переведаться. – Жуковский, быть может по совету Пушкина, собирался сделать перевод из английского поэта Уильяма Вордсворта (1770–1850).

А ты мою пиесу унес... – Имеется в виду стихотворение Жуковского «Ночной смотр», которое Пушкин напечатал в I томе журнала «Современник» за 1836 г.

Завтра пошлю Карамзина статью к Е<катерине> А<ндреевне>. – Имеется в виду работа Н. М. Карамзина «Записка о древней и новой России», написанная в 1811 г., которую Пушкин намеревался напечатать в своем журнале «Современник». Отрывок из этой работы был опубликован лишь после смерти Пушкина, в 5 томе журнала «Современник» за 1837 г. Екатерина Андреевна – вдова Н. М. Карамзина.

18. <Январь – март 1836(?), Петербург>*

Впервые – «Русский архив», 1889, № 9.

У меня будут... Глинка, Одоевский и Розен... – Вероятно, на этом вечере у Жуковского, на котором присутствовали композитор Михаил Иванович Глинка (1804–1857), писатель и музыкальный критик Владимир Федорович Одоевский (1803–1869) и драматург Егор Федорович Розен (1800–1860), шел разговор о предстоящей постановке оперы «Иван Сусанин», либретто которой было составлено Розеном при участии Жуковского. Пушкин проявлял интерес к судьбе первой оперы Глинки.

У меня будет живописец... – Возможно, речь идет о художнике И. Л. Линева, написавшем в 1836 г. портрет Пушкина.

19. <Январь – март 1836(?), Петербург>*

20. <9 ноября 1836, Петербург>*

Впервые – журнал «Весы», 1909, № 1.

Еще я не дал никакого ответа старому Геккерну. – Данное письмо Жуковского, так же как и три последующие письма, датированные ноябрем 1836 г., посвящены дуэли Пушкина. Они пронизаны большой тревогой за жизнь Пушкина, горячим стремлением любыми средствами предотвратить дуэль. Жуковский по просьбе семьи Гончаровых взял на себя посредничество в переговорах между Пушкиным и бароном Людвигом Геккереном (1791–1884) – нидерландским посланником в Петербурге, приемным отцом Жоржа Дантеса (1812–1895). «Старый Геккерн» просил Жуковского содействовать устройству свидания между Пушкиным и Дантесом, надеясь на примирение обеих сторон. 9 ноября Жуковский посетил Пушкина и сообщил ему о предложении Геккерена, но оно было решительно отвергнуто. Потерпев неудачу, Жуковский, тем не менее, пишет вечером того же 9 ноября, из дома графа М. Ю. Виельгорского, письмо к Пушкину с просьбой согласиться на свидание с Дантесом.

21. <10 ноября 1836, Петербург>*

Впервые – журнал «Весы», 1909, № 1.

...то есть одна дама, Загряжская... – Имеется в виду тетка Натальи Николаевны Пушкиной – Екатерина Ивановна Загряжская (1779–1842).

Он был один из тех, кто получили безыменные письма... – Имеются в виду пасквильные анонимные письма, полученные Пушкиным, П. А. Вяземским, М. Ю. Виельгорским и др.

...молодой Геккерн. – Жорж Дантес в 1836 г. принял фамилию своего приемного отца, барона Геккерена.

...что было с первым твоим вызовом... – 5 ноября Пушкин отправил Дантесу вызов на дуэль, адресованный на квартиру Геккерена.

В день моего приезда... – По просьбе семьи Гончаровых Жуковский приехал из Царского Села в Петербург 6 ноября и отправился к Пушкину, у которого застал барона Геккерена, просившего об отсрочке дуэли.

...он лично не мог участвовать в том, что делал его бедный отец... – Жуковский стремился взять под защиту Дантеса, который якобы не знал о просьбе Геккерена отсрочить дуэль.

...попытка моя с письмом его не имела успеха. – Имеется в виду письмо Геккерена, в котором он просил об устройстве свидания Пушкина с Дантесом.

22. <11–12 ноября 1836, Петербург>*

Впервые – журнал «Весы», 1909, № 1.

Зачем ты рассказал обо всем Екатерине Андреевне и Софье Николаевне? – Имеются в виду вдова и дочь Н. М. Карамзина. Жуковский упрекает Пушкина за то, что он рассказал им о намерении Дантеса жениться на сестре Натальи Николаевны – Екатерине Николаевне Гончаровой, причем Пушкин рассматривал этот шаг как проявление трусости со стороны Дантеса, стремившегося таким образом избежать дуэли.

...если тайна сохранится... – Геккерен просил Пушкина до официальной отмены дуэли сохранять в тайне предстоящее бракосочетание Дантеса, ибо в противном случае оно могло быть истолковано в невыгодном для Дантеса свете.

...молод<ой> Гек<керен> с этой стороны совершенно чист. – Не поняв всю сложность драмы, переживаемой Пушкиным, Жуковский упрощал события, связанные с дуэлью. Он стремился лишь к одному: во что бы то ни стало предотвратить поединок. Вот почему он заклинал Пушкина хранить в тайне брачные планы Дантеса, опасаясь, что

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya их оглашение неминуемо приведет к поединку. Для этой же цели Жуковский всячески приукрашивал неприглядный облик Геккерена и Дантеса, старался вызвать к ним сочувствие со стороны Пушкина.

23. <14–15 ноября 1836, Петербург>*

Впервые – журнал «Весы», 1909, № 1.

Я знаю человека, написавшего анонимные письма, и через неделю вы услышите... о мести, единственной в своем роде. – Пушкин считал барона Геккерена автором анонимного пасквиля. План мести, по-видимому, состоял в написании письма, в котором Пушкин собирался разоблачить Геккерена, предать гласности его поступки, несовместимые с положением посла иностранной державы. Такое письмо было написано между 17 и 21 ноября 1836 г., но не было послано.

...громкие подвиги Раевского... – Александр Николаевич Раевский (1795–1868) – приятель Пушкина, офицер. Будучи в Одессе, он публично изобличил в распутстве жену новороссийского генерал-губернатора М. С. Воронцова.

...в присутствии твоей тетушки... – Имеется в виду тетка Наталья Николаевна Пушкиной – Е. И. Загряжская.

...тулупы и кеньги. – Кёньга – зимняя обувь, подшитая внутри мехом.

24. <15–20 ноября 1836, Петербург>*

Впервые – журнал «Весы», 1909, № 1.

Хотя ты и рассердил и даже обидел меня... – Жуковский был обижен тем, что Пушкин, вопреки его советам, проявлял резкую непримиримость во взаимоотношениях с Геккереном и Дантесом.

25. <Вторая половина ноября 1836,*

Впервые – «Русский архив», 1889, № 9.

26. <20–ые числа (не позднее 24) декабря 1836, Петербург>*

Впервые – «Русский архив», 1889, № 9.

Посылаю тебе манускрипт Блудова. – О какой рукописи Д. Н. Блудова, видимо предполагавшейся для напечатания в «Современнике», идет речь, установить не удалось. (См. о Блудове прим. на стр. 686.)

...«Уроки российской истории». – Вероятно, имеется в виду книга А. О. Ишимовой (1804–1881) «История России в рассказах для детей».

Манускрипт Карамзина достань у Сербиновича... – Имеется в виду «Записка о древней и новой России» Н. М. Карамзина, отрывок из которой был напечатан в 5 томе «Современника» за 1837 г. со следующим примечанием: «Во втором № „Современника“ (на 1836 год) уже упомянуто было о неизданном сочинении покойного Карамзина. Мы почитаем себя счастливыми, имея возможность представить нашим читателям хотя отрывок из драгоценной рукописи. Они услышат если не полную речь великого нашего соотечественника, то по крайней мере звуки его умолкнувшего голоса». Судя по письму Жуковского, сокращения в статье Карамзина сделал Константин Степанович Сербинович (1795–1874) – историк, журналист и переводчик.

Письма к Н.В. Гоголю
1. 2 (14) ноября 1842, Дюссельдорф*

Впервые – «Сборник общества любителей российской словесности на 1891 год». М., 1891.

Еще я не послал к вам критики на ваши «Души»... – Гоголь в нескольких письмах,

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya относящихся к лету и осени 1842 г., настойчиво просил Жуковского высказать свое мнение о первом томе «Мертвых душ», вышедшем в конце мая 1842 г.

...у меня... родилась дочка. – Александра Васильевна.

2. <Ноябрь 1843, Дюссельдорф>*

Впервые – «Русская старина», 1902, № 4.

...доехали ли вы в Ниццу... – Ответ Гоголя из Ниццы датирован 2 декабря 1843 г.

У меня дома все по-старому, как видели вы. – Гоголь осенью 1843 г. гостил у Жуковского в Дюссельдорфе.

А «Одиссея» идет вперед... – Имеется в виду работа над переводом «Одиссеи».

В Ницце ли Александра Осиповна? – Имеется в виду А. О. Смирнова-Россет. (См. прим. на стр. 700.)

3. <Май 1844, Франкфурт-на-Майне>*

Впервые – журнал «Москвитянин», 1853, кн. II.

...хорошо, что вы наконец откликнулись... – Имеется в виду письмо Гоголя из Баден-Бадена от 23 мая (н. с.) 1844 г.

Я во Франкфурте... – Имеется в виду переезд Жуковского из Дюссельдорфа на жительство во Франкфурт-на-Майне.

...пророк Даниил... – Так в шутку Гоголь называл слугу Жуковского – Даниила.

...а впереди Франкфурт и работа наша совокупная. – Гоголь принял приглашение Жуковского и провел у него во Франкфурте осенние месяцы 1844 г.

Я был должен великому князю наследнику 4 000 рублей. – От предложения Жуковского Гоголь сначала отказался, но потом его принял.

4. 20 июля (1 августа) 1844, Франкфурт-на-Майне*

Впервые – «Отчет императорской Публичной библиотеки за 1887 год». СПб., 1890.

Гр<афиня> Вьельгорская Луиза Карловна (урожд. принцесса Бирон) – жена Михаила Юрьевича Вьельгорского. (См. прим. на стр. 704.)

...и несколько №№ бесовского, то есть «Отечественных записок». – Эта полушутливая характеристика «Отечественных записок», тем не менее, свидетельствует о неприязненном отношении Жуковского к передовому журналу, руководимому в те годы В. Г. Белинским.

5. 12 августа <1844, Франкфурт-на-Майне>*

Впервые – «Отчет императорской Публичной библиотеки за 1887 год». СПб., 1890.

6. 13 (25) января <1845, Франкфурт-на-Майне>*

Впервые – «Отчет императорской Публичной библиотеки за 1887 год». СПб., 1890.

Вот вам письмо от Смирновой... – А. О. Смирновой-Россет. (См. прим. на стр. 700.)

То, что вы пишете о своем здоровье... – Имеется в виду письмо из Парижа от 12 января (с. с.) 1845 г, в котором Гоголь жалуется на то, что он «вновь расклеился».

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya
...Копп определил бы... – Иоганн-Генрих Копп, франкфуртский врач.

Тургенев – Александр Иванович. (См. прим. на стр. 685.)

7. 18 июля <1845, Франкфурт-на-Майне>*

Впервые (отрывок) – «Москвитянин», 1853, кн. II, полностью – «Отчет императорской Публичной библиотеки за 1887 год». СПб., 1890.

Наконец есть от вас известия... – Имеется в виду письмо Гоголя из Берлина от 14 июля (н. с.) 1845 г.

Едва ли не прав Карус! – Врач, у которого лечились Гоголь и Жуковский.

...ваша московская красавица Киреева. – Имеется в виду А. В. Киреева (1812–1891). В ее салоне собирались литераторы славянофильского направления.

...две рукописи поэтические Аксакова. – О каких рукописях Ивана Сергеевича Аксакова (1823–1886) идет речь, установить не удалось.

Рейтерн и вся его семья... – Гергард Рейтерн (1794–1865) – художник, тесть Жуковского.

8. 9 (21) августа 1845 <Франкфурт-на-Майне>*

Впервые – «Отчет императорской Публичной библиотеки за 1887 год». СПб., 1890.

9. 4 сентября <1845, Франкфурт-на-Майне>*

Впервые – «Сборник Общества любителей российской словесности на 1891 год». М., 1891.

...как проехал здесь Плещеев... – Александр Алексеевич (1778–1862) – композитор-дилетант, бывший член «Арзамаса», приятель Жуковского.

10. Франкфурт-на-Майне. 1845, 6 октября*

Впервые – «Отчет императорской Публичной библиотеки за 1887 год». СПб., 1890.

...я нашел здесь ваше письмо... – Письмо от 12 сентября (н. с.) 1845 г.

...я также получил вашу записочку. – Имеется в виду короткое письмо от 11 сентября 1845 г., в котором Гоголь уведомляет Жуковского, что ему будет послано подробное письмо.

Аполлинарий Петрович Бутенев (1787–1866) – русский посол в Риме.

Мальчишку Павла Васильевича... – Имеется в виду сын Жуковского.

С одной стороны послания Павла... – Имеется в виду работа Жуковского над переводом евангелия на русский язык.

...франкфуртским эрми́тажем. – Подразумевается уединение, отшельничество (от французского слова ermitage).

11. 5 (17) ноября 1845 <Франкфурт-на-Майне>*

Впервые (в сокращенном виде) – журнал «Москвитянин», 1853, кн. II; полностью – «Сборник Общества любителей российской словесности на 1891 год». М., 1891.

...наконец есть от вас известие... – Письмо Гоголя из Рима от 28 октября (н. с.) 1845 г.

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya...Смирнова, которая теперь губернаторствует в Калуге... – Муж А. О. Смирновой–Россет Николай Михайлович Смирнов был в 1845 г. назначен губернатором Калуги.

Сашка не в порядке... – Имеется в виду дочь Жуковского Александра (родилась в 1842 г.).

Авдотья Петровна Елагина – А. П. Елагина (Киреевская) – племянница Жуковского, с которой он дружил и постоянно переписывался.

...на Кате Мойер. – Екатерина Ивановна Мойер – дочь племянницы Жуковского М. А. Протасовой (в замужестве Мойер).

12. 24 декабря 1845 (5 января 1846), Франкфурт-на-Майне*

Впервые – «Отчет императорской Публичной библиотеки за 1887 год». СПб., 1890.

...письмо от Плетнева... – Петра Александровича. (См. прим. на стр. 745.)

...мой добрый Тургенев... – Александр Иванович. (См. прим. на стр. 685.)

...в доме своей двоюродной сестры... – Александры Ильиничны Нефедьевой.

...на Воробьевых горах... – А. И. Тургенев, бывая в Москве, посещал пересылочную тюрьму на Воробьевых горах, беседовал с заключенными, хлопотал за них, оказывал им материальную помощь.

13. 9 (21) февраля 1846 <Франкфурт-на-Майне>*

Впервые (отрывок) – журнал «Москвитянин», 1853, кн. II; полностью – «Сборник Общества любителей российской словесности на 1891 год». М., 1891.

...прилагаемое письмо от Плетнева... – П. А. Плетнев (см. прим. на стр. 745) в письме к Жуковскому от 6 января (н. с.) 1846 г. жалуется на хлопоты, связанные с пересылкой денег Гоголю из Петербурга.

14. 19 (31) марта 1846 <Франкфурт-на-Майне>*

Впервые – «Отчет императорской Публичной библиотеки за 1887 год». СПб., 1890.

...на вопрос ваш, заключающийся в последнем вашем письме... – Письмо Гоголя из Рима от 16 марта (н. с.) 1846 г.

От Аксакова получил я манускрипт для вас... – Вероятно, речь идет о «Зимней дороге» И. С. Аксакова.

И план ваш пуститься в путь одобряю. Только не советую на Восток... – Гоголь в письме от 16 марта 1846 г. сообщает Жуковскому о своем намерении предпринять путешествие по Европе, а также посетить Сирию и Иерусалим.

Отрывок перевода Крылова из «Одиссеи»... – Имеется в виду отрывок (двадцать семь стихов) из первой песни «Одиссеи», переведенный И. А. Крыловым и напечатанный посмертно в «Северной пчеле» № 203 за 1845 г. Этот перевод из «Одиссеи» был послан Жуковскому Гоголем.

15. <Июль 1846, Швальбах>*

Впервые – «Отчет императорской Публичной библиотеки за 1887 год». СПб., 1890.

16. 16 (28) августа 1846 <Франкфурт-на-Майне>*

Впервые – «Отчет императорской Публичной библиотеки за 1887 год». СПб., 1890.

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya
Сию минуту получил ваше письмо... – Письмо Гоголя из Остенде от 25 августа (н. с.)
1846 г.

...все пошло в ход. Не задерживайте продолжения. – Имеется в виду издание книги
Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями», порученное П. А. Плетневу.
(См. прим. на стр. 745.) Первую тетрадь «Выбранных мест» Гоголь отослал Плетневу
30 июля 1846 г.

Кланяйтесь... графу Толстому и Муханову. – Александр Петрович Толстой (1801–1867)
– реакционер, обер-прокурор Синода; Николай Алексеевич Муханов (1802–1871) –
сенатор, член Государственного совета.

17. 4 февраля н. с. 1847 <Франкфурт-на-Майне>*

Впервые – «Отчет императорской Публичной библиотеки за 1887 год». СПб., 1890.

Я еще не отвечал на последнее письмо ваше... – Письмо Гоголя из Неаполя от 24
ноября (н. с.) 1846 г.

Michel Вьельгорский – Михаил Михайлович Виельгорский (1822–1855), сын Михаила
Юрьевича Виельгорского.

Также был здесь и Барятинский... – Александр Иванович (1814–1879), впоследствии
фельдмаршал.

О книге вашей... – Имеется в виду книга Гоголя «Выбранные места из переписки с
друзьями», вышедшая в начале 1847 г.

18. 10 февраля 1847 <Франкфурт-на-Майне>*

Впервые (отрывок) – «Москвитянин» 1853, кн. II; полностью – «Отчет императорской
Публичной библиотеки за 1887 год». СПб., 1890.

...Языкова нет на свете. – Поэт Николай Михайлович Языков (1803–1846) – близкий
друг Гоголя и Жуковского.

Он умер 7 января... – Н. М. Языков умер 26 декабря (ст. стиля) 1846 г. – 7 января
(н. с.) 1847 г.

Теперь эта поэтическая душа, в последнее время столь очищенная верою... – Н. М.
Языков в молодости отличался религиозным вольнодумством, но, примкнув в
последние годы жизни к славянофилам, изменил свое отношение к религии.

...с письмом Смирновой и Шереметевой... – Имеются в виду А. О. Смирнова-Россет и
Надежда Николаевна Шереметева – тетка поэта Ф. М. Тютчева, близкий друг Гоголя и
Жуковского.

...через руки. Прокоповича. – Николай Яковлевич Прокопович (1810–1857) – товарищ
Гоголя по Нежинской гимназии, один из его близких друзей.

...Убриль советовал... – Петр Яковлевич Убри (1774–1847) – дипломат, русский
посланник во Франкфурте-на-Майне.

...через Ротшильда... – Речь идет о Франкфуртском банкире.

...нашему министру в Неаполе Потоцкому... – Лев Северинович Потоцкий, русский
посланник в Неаполе.

19. 6 (18) февраля 1847 <Франкфурт-на-Майне>*

Впервые (отрывок) – «Москвитянин», 1853, кн. II; полностью – «Отчет
императорской Публичной библиотеки за 1887 год», СПб., 1890.

...коротенькое письмецо твое... – Письмо Гоголя из Неаполя от 25 января (н. с.) 1847
г.

...выписки из письма от Шевырева... – Имеется в виду письмо славянофильского публициста и критика Степана Петровича Шевырева (1806–1864) от 30 декабря 1846 г., в котором сообщаются подробности о смерти Н. М. Языкова.

...твоя книга теперь в моих руках... – Речь идет о «Выбранных местах из переписки с друзьями».

...кроме двух последних статей, уже мне известных... – В статье Жуковского «О молитве», написанной в форме письма к Гоголю, говорится о том, что до появления в печати «Выбранных мест» автор читал Жуковскому главы «Завещание» и «Предисловие».

...я в ней нашел два письма ко мне... – Имеются в виду главы (статьи) из «Выбранных мест»: «О лиризме наших поэтов» и «Просвещение», написанные в форме писем к Жуковскому.

...прекрасному рассуждению о том, что такое слово... – Имеется в виду глава (статья) из «Выбранных мест» под названием «О том, что такое слово».

...по мере чтения буду писать к автору... – Как явствует из данного письма, Жуковский положительно оценил ложные и реакционные идеи, нашедшие свое выражение в книге Гоголя. Чтение «Выбранных мест» внушило Жуковскому мысль написать несколько статей на темы, заданные Гоголем. Этот план был частично осуществлен: Жуковский написал статьи (в форме писем) «О смерти», «О молитве», «О поэте и современном его значении».

...больны... Миа, Жатто... – Сестра и брат жены Жуковского.

20. 8 (20) февраля 1847 <Франкфурт-на-Майне>*

Впервые – «Отчет императорской публичной библиотеки за 1887 год». СПб., 1890.

А даешь прекрасные советы экономии дамам... – Имеется в виду глава (статья) в «Выбранных местах», под названием «Женщина в свете».

21. 20 февраля (4 марта) 1847 <Франкфурт-на-Майне>*

Впервые (с некоторыми сокращениями и редакционными изменениями) – «Москвитянин», 1848, № 4; полностью – «Отчет императорской публичной библиотеки за 1887 год». СПб., 1890. Приписка к данному письму, датированная 12/24 марта, частично напечатана в журнале «Русский вестник», 1888, № 11.

...прилагаемый здесь печатный листок. – Имеется в виду траурное объявление о смерти свояченицы Жуковского, Мии Рейтерн.

...кончил «Рустема и Зораба»... – Имеется в виду поэма, представляющая собой свободную обработку одной из частей эпической поэмы Фирдоуси (934–1020) «Шахнаме».

22. <Конец 1847, Франкфурт-на-Майне>*

Впервые – «Отчет императорской публичной библиотеки за 1887 год». СПб., 1890.

Теперь принялся за твою книгу... – Имеются в виду «Выбранные места из переписки с друзьями».

...Отрывки из писем к Гоголю... – Имеются в виду статьи Жуковского «О смерти», «О молитве», «О поэте и современном его значении», написанные в форме писем к Гоголю.

Полное издание моих сочинений... – Имеется в виду 5-е издание сочинений Жуковского, вышедшее в 1849 г. в девяти томах.

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya
23. Ганау, 7 (19) апреля 1848 года*

Впервые (отрывок) – «Москвитянин», 1853, кн. II; полностью – «Отчет императорской публичной библиотеки за 1887 год». СПб., 1890.

...получил я твое письмо из Иерусалима. – Письмо Гоголя от 28 февраля (н. с.) 1848 г.

...шумит возмутившийся Неаполь... – Жуковский имеет в виду революционные выступления в Неаполитанском королевстве, начавшиеся в феврале–марте 1848 г.

Твои неаполитанские смуты через Париж перебежали в Германию... – Имеются в виду февральская революция 1848 г. во Франции и революция в Германии, начавшаяся в марте 1848 г.

Я не отвечал тебе на твое длинное последнее письмо... – Письмо Гоголя из Неаполя от 10 января (н. с.) 1848 г., близкое по содержанию «Авторской исповеди»; в этом письме Гоголь откликается на полемику о его книге «Выбранные места из переписки с друзьями».

...но ответ написан... – Имеется в виду статья Жуковского «О поэте и современном его значении», напечатанная в «Москвитянин» (1848, № 4).

24. <31 октября (12 ноября) 1849, Баден–Баден>*

Впервые – «Сборник Общества любителей российской словесности на 1891 год». М., 1891.

...через Булгакова свои статьи об «Одиссее»... – Александр Яковлевич Булгаков – московский почт-директор. Жуковский просит переслать статью С. П. Шевырева о первой части «Одиссеи», напечатанную в «Москвитянин» (1849, №№ 1–3).

25. 20 января (1 февраля) 1850, Баден–Баден*

Впервые (отрывок) – «Москвитянин», 1853, кн. II; полностью – «Сборник Общества любителей российской словесности на 1891 год». М., 1891.

...я получил от тебя что-то похожее на письмо... – Вероятно, письмо Гоголя из Москвы от 14 декабря 1849 г.

Из Швейцарии, куда мы спасались от немецкого колбасного бунта... – В конце апреля или в начале мая 1849 г. Жуковский выехал из Баден–Бадена в Страсбург, а затем в Швейцарию, напуганный подготовкой революционного восстания, вспыхнувшего в земле Баден 11 мая 1849 г. Свое отрицательное отношение к революционным движениям Жуковский неоднократно высказывал в статьях и письмах.

Но, кончив свой большой труд... – Имеется в виду окончание работы над переводом «Одиссеи».

...хотелось бы написать моего «Странствующего жид»... – Имеется в виду задуманная Жуковским эпическая поэма на тему старинной церковной легенды о «вечном жиде – Агасвере». В течение 1851 г. были окончательно завершены «Введение» и первая часть. Работа над второй частью поэмы была прервана смертью Жуковского.

Мне нужны локальные краски Палестины. – Описания Палестины, которую посетил Гоголь, нужны были Жуковскому для поэмы «Странствующий жид». Однако Гоголь в письме к Жуковскому от 28 февраля 1850 г. писал, что современная Палестина никак не соответствует библейским и евангельским описаниям этой страны.

...об второй части «Одиссеи» не сказал мне ни слова... – На эту жалобу Жуковского Гоголь отвечает в своем письме от 28 февраля 1850 г. такой фразой: «А теперь вся оценка сливается в одно слово: прекрасно!» О первой части «Одиссеи» в переводе Жуковского Гоголь написал специальную статью («Современник», 1846, № 7), вошедшую затем в книгу «Выбранные места из переписки с друзьями».

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya
26. 1 (13) февраля 1851 г., Баден<-Баден>*

Впервые (отрывок) – «Москвитянин», 1853, кн. II; полностью – «Сборник Общества любителей российской словесности на 1891 год». М., 1891.

Кошелев Александр Иванович (1806–1883) – общественный деятель, публицист славянофильского направления.

...«Мертвые души» идут шибко вперед. – Имеется в виду работа над вторым томом «Мертвых душ».

...ты читал многое Хомякову. – Алексей Степанович Хомяков (1804–1860) – поэт и публицист, один из видных теоретиков славянофильства.

...я бы перевел всю «Илиаду»... – Первые опыты Жуковского над переводом «Илиады» относятся к концу 20-х гг. Им были переведены отрывки из разных песен поэмы. В 1849 г., после опубликования «Одиссеи», Жуковский приступил к переводу «Илиады», чтобы «оставить... полного собственного Гомера», но смерть помешала осуществлению этого грандиозного замысла.

...каталог кораблей сбросил с плеч... – Имеется в виду характеристика греческого войска, его вождей, вооружения и флота, данная во второй половине II песни «Илиады».

27. Баден, 4 (16) января 1852*

Впервые – «Отчет императорской публичной библиотеки за 1887 год». СПб., 1890.

...наконец ты откликнулся. – Письмо Гоголя из Москвы от 20 декабря 1851 г.

Булгаков. – Имеется в виду Александр Яковлевич Булгаков, с которым Жуковский часто переписывался. (См. прим. на стр. 746.)

...Смирнова от них в восхищении... – Гоголь, по всей вероятности, читал главы из II тома «Мертвых душ» А. О. Смирновой-Россет (см. прим. на Стр. 700), с которой он поддерживал дружеские отношения.

Письма к разным лицам

1. Г. Р. Державину. Генваря дня 1799 года, Москва*

Впервые – «Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота», т. VI. СПб., 1871. Данное письмо написано в период пребывания Жуковского в Московском университетском пансионе. Гаврила Романович Державин (1743–1816) – один из любимых поэтов юного Жуковского.

...победы Румянцевых. – Петр Александрович Румянцев (1725–1796) – генерал-фельдмаршал, одержавший ряд блестящих побед в период русско-турецкой войны 1768–1774 гг.

Семен Родзянка– Семен Емельянович Родзянко (род. в 1782 г.) – товарищ Жуковского по Московскому университетскому пансиону.

2. Ф. Г. Вендриху. 19 декабря 1805 <Белев>*

Впервые (с большими пропусками) – журнал «Пантеон», 1852, № 6. Федор Григорьевич Вендрих – помещик, сосед Жуковского по селу Муратово, глубокий почитатель и знаток немецкой литературы.

...нашему приятелю Киреевскому... – Имеется в виду Василий Иванович Киреевский (ум. в 1812 г.) – отец И. В. и П. В. Киреевских, впоследствии известных славянофилов; был женат на племяннице Жуковского А. П. Юшковой.

...принялся читать Виланда... – Кристоф-Мартин Виланд – немецкий писатель.

Читаю «Агатона»... – «Агатон» Виланда – один из первых образовательных романов в немецкой литературе XVIII века. В нем изображается воспитание, духовное развитие

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya и постепенное становление личности в борьбе с внешними и внутренними препятствиями. Идеал «совершенного человека» Виланд видит в гармоническом сочетании разума и страсти, мечтательности и активной деятельности. Молодой Жуковский в период самообразования и самоусовершенствования нашел в романе «Агатон» ответы на многие мучившие его вопросы. Об этом свидетельствуют письма к А. И. Тургеневу, перекликающиеся с анализом «Агатона».

3. Н. И. Гнедичу. <Конец 1814 – начало 1815>*

Впервые – журнал «Книжки недели», 1896, № 1. Николай Иванович Гнедич (1784–1833) – поэт и переводчик, с которым Жуковский познакомился в Москве, по всей вероятности в 1810 или 1811 г. Дружеские отношения между обоими поэтами укрепились во второй половине 10-х гг., после переезда Жуковского в Петербург.

...Россия будет вам благодарна за старика Гомера... – Имеется в виду перевод «Илиады», над которым работал Гнедич.

...я радуюсь... и старому гекзаметру... – В 1807 г. Гнедич начал переводить «Илиаду» александрийским стихом (шестистопным ямбом), но впоследствии отказался от этого размера, как не соответствующего духу и стилю древнегреческого эпоса. В 1812 г. Гнедич начал снова переводить «Илиаду» размером подлинника – гекзаметром.

...эпилог из Клопштоковой «Мессиады». – Имеется в виду эпическая поэма немецкого поэта Фридриха-Готлиба Клопштока (1724–1803).

...пошлю этот отрывок к Сергею Семеновичу... – Имеется в виду Уваров. (См. прим. на стр. 693.) В полемике о гекзаметре, развернувшейся в 10-х гг., Уваров отстаивал необходимость использования в переводах греческого эпоса античных размеров стихосложения. Он всячески поддерживал намерение Гнедича переводить «Илиаду» гекзаметром.

...на Пречистенке... – Улица в Москве, на которой жил Жуковский в 1808–1811 гг.

4. П. А. Вяземскому. 19 сентября 1815 <Петербург>*

Впервые публикуется полностью; отрывки – в журнале «Огонек», 1949, № 23, и «Литературном наследстве», т. 58 (М., 1952). Петр Андреевич Вяземский (1792–1878) – поэт, критик и журналист, близкий друг Жуковского и Пушкина.

Я получил твое милое письмо... и прекрасные стихи... – Имеется в виду стихотворение Вяземского «Вечер на Волге». Данное письмо дает возможность уточнить датировку стихотворения «Вечер на Волге», которое обычно относится к 1816 г. Публикуемое письмо Жуковского свидетельствует о том, что стихотворение написано не позже середины 1815 г.

Надежда сердцем жить в веках!.. – Цитата из стихотворения Жуковского «К Вяземскому. Ответ на его послание друзьям».

Посылаю мои замечания, написанные в поэтических стихах! – Имеется в виду послание к Вяземскому («Благодарю, мой друг, тебя за доставление»), в котором дается критический анализ «Вечера на Волге».

Сень благоухать может! – Имеется в виду строка из «Вечера на Волге»: «Благоухает древ трепещущая сень».

Переступившему светилу позволяется не трудить себя... – Жуковский иронизирует над Вяземским, написавшим в «Вечере на Волге» такие строки:

И яркое светило,
Спустившись в недра вод, уже переступило
Пылающих небес последнюю ступень.
Дремать в златых мечтах никак нельзя! – Вяземский, видимо, учел замечание Жуковского и исправил строку, которая в печатном тексте читается так: «Забывшись, наяву один дремать в мечтах».

...я сказал в «Кассандре»... – Имеется в виду баллада Жуковского.

Жду твоего вечера... – В сноске к слову «вечер» Жуковский пишет: «то есть утра». Быть может, здесь имеется в виду стихотворение «Весеннее утро», вышедшее из печати только в конце 1815 г.

...подле нашего Ливия... – Вероятно, имеется в виду Н. М. Карамзин, сравниваемый с римским историком Титом Ливией (59 до н. э. – 17 н. э.). Карамзин часто проводил летние месяцы в имении Вяземского Остафьево.

Грядущее – беспечно небесам!.. – Цитата из стихотворения Жуковского «Старцу Эверсу».

...обедал и ужинал у государыни. – Имеется в виду вдовствующая императрица Мария Федоровна.

Моим представителем был Нелединский. – Юрий Александрович Нелединский–Мелецкий, поэт, сенатор, близкий ко двору Марии Федоровны.

...моего послания... – Имеется в виду стихотворение «Императору Александру».

...я сам читал «Певца»! – Имеется в виду стихотворение «Певец в Кремле».

...ужасную «Старушку»... – Имеется в виду «Баллада, в которой описывается, как одна старушка ехала на черном коне вдвоем и кто сидел впереди».

С нашим молодым чудотворцем Пушкиным. – Замечательная по своей глубине характеристика, данная шестнадцатилетнему Пушкину, свидетельствует об острой проницательности Жуковского, безошибочно угадавшего в поэте–лицеисте гениальное дарование.

Он мне обрадовался и крепко прижал руку мою к сердцу. – Эта сцена свидания была в 1816 г. воссоздана Пушкиным в послании «К Жуковскому»:

Не ты ль мне руку дал в завет любви священный?
Могу ль забыть я час, когда перед тобой
Безмолвный я стоял и молнийной струей
Душа к возвышенной душе твоей летела...
Боюсь я... этого убийственного лица... – Жуковский в оценке лицейского образования явно преувеличивает его недостатки.

Он написал ко мне послание, которое отдал мне... – Это послание Пушкина до нас не дошло.

...обедали вместе у <князя> Гагарина... – Имеется в виду Григорий Иванович, товарищ Жуковского по Московскому университетскому пансиону.

...ты сказал Толстому... – Вероятно, имеется в виду граф Федор Иванович Толстой (1782–1837), прозванный «Американцем», с которым поддерживали дружеские отношения многие выдающиеся литераторы, в частности Вяземский, написавший в 1818 г. послание «Толстому» («Американец и цыган»).

Вера Федоровна Вяземская (1790–1856) – жена Петра Андреевича.

Машеньку целую. – Мария Петровна Вяземская (1813–1849) – дочь поэта.

Напомни обо мне Николаю Михайловичу и Екатерине Андреевне... – Имеются в виду супруги Карамзины.

Жив ли Пушкин? – Имеется в виду Василий Львович Пушкин, поэт и переводчик, дядя А. С. Пушкина.

Кокошкин Федор Федорович (1773–1838) – переводчик и драматург.

Княгиня Щербатова. – Вероятно, речь идет об Антонине Воиновне Щербатовой, теще Д. Н. Блудова.

5. И. И. Дмитриеву. 18 февраля 1816 <Петербург>*

Впервые – «Русский архив», 1866, №№ 11–12. Иван Иванович Дмитриев (1760–1837) – поэт и баснописец, сыгравший большую роль в формировании русского сентиментализма. Жуковский сблизился с Дмитриевым при посредстве Н. М. Карамзина.

...получить... вашу книгу. – Имеются в виду вышедшие в 1814 г. «Сочинения и переводы» Дмитриева.

Занимаюсь изданием книги своей... – Имеется в виду издание стихотворений Жуковского, ч. I, СПб., 1815; ч. II, СПб., 1816.

Здесь все жаждут его узнать... – Речь идет о Н. М. Карамзине, переехавшем в 1816 г. из Москвы в Петербург.

Он читал нам описание взятия Казани. – Этому описанию посвящена IV глава из 8 тома «Истории Государства Российского» Карамзина.

Какое сокровище для языка, для поэзии... – Литературные достоинства «Истории Государства Российского» были высоко оценены не только Жуковским, но также Пушкиным и писателями-декабристами.

6. Н. И. Гнедичу. <Начало 1816. Петербург>*

Публикуется впервые.

...благодарю любезного Гекзаметра. – Так Жуковский в шутку называет Гнедича, переведившего гекзаметром «Илиаду».

...буду у Е<катерины> Федоровны. – Имеется в виду вдова писателя и общественного деятеля Михаила Никитича Муравьева. (См. прим. на стр. 694.)

Послал тебе «Ольгу» Катенина. – Эта баллада П. А. Катенина (1792–1853), опубликованная в 1816 г., является вольным переложением баллады немецкого поэта Готфрида-Августа Бюргера (1747–1794) «Ленора», послужившей, в свою очередь, источником известной баллады Жуковского «Людмила» (1808). Интересно отметить, что Катенин послал «Ольгу» Жуковскому, с которым он вступил в соревнование и творческую полемику. Как видно из текста публикуемого письма, Жуковский в общем доброжелательно отозвался о произведении своего литературного противника.

7. Г. Р. Державину. Дерпт, 17 апреля 1816*

Впервые – «Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота», т. VI. СПб., 1871.

...студент дерптского университета г. Борг. – Карл-Фридрих фон дер Борг (1794–1848) – поэт, переводивший на немецкий язык произведения Державина, Крылова, Пушкина, Дмитриева, Языкова и др.

...за несколько счастливых часов, проведенных в беседе с вами. – Имеется в виду встреча Жуковского с Державиным в начале февраля 1816 г.

8. П. А. Вяземскому. 26 апреля <1816>, Дерпт*

Публикуется впервые.

Придется мне написать к Демиду... – Имеется в виду Демид Муромцев, ведавший хозяйственными делами П. А. Вяземского.

Лаврушка – слуга А. И. Тургенева.

...наш почтенный Староста «вот я вас» осрамил себя и «Арзамас» дурными стихами... – Жуковский ссылается здесь на заседание «Арзамаса», состоявшееся 20 апреля 1816 г., на котором разбирались «поносные стихи» В. Л. Пушкина, носившего арзамасское прозвище «Вот я вас». Эти стихи были написаны им по дороге из Петербурга в

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya
Москву, на станции Яжелбицы. Так как экспромт В. Л. Пушкина страдал погрешностями ритма и рифмы, арзамасские стилисты учинили над ним, по своему обыкновению, литературный суд, потешный по своей внешней форме, но строгий и придирчивый по критике недостатков стиха.

...переименован «вотрушкою»... – Об этом наказании, которому был подвергнут В. Л. Пушкин, в протоколе «Арзамаса» сказано: «Вместе с титулом Старосты отпадают от него все соединенные с оным преимущества... бывший Староста во все грядущие времена будет называться член Вотрушка».

...на съедение Эоловой арфы. – «Эолова арфа» – арзамасское прозвище Александра Тургенева. (См. прим. на стр. 685.)

Что Николай Михайлович? – Имеется в виду Карамзин.

...перевод Геца... – Имеется в виду Петер-Отто Геце (1793–1880) – литератор и переводчик.

...его исторического отрывка о мятежах при Ал<ексее> Мих<айловиче>... – Имеется в виду историческое исследование, написанное Карамзиным в 1803 г.

...перевода на немецкий язык своей истории... – К 1816 г. Карамзин написал восемь томов «Истории Государства Российского». Через несколько лет этот труд был переведен на многие иностранные языки.

Батюшков. – Поэт Константин Николаевич Батюшков (1787–1855) – близкий друг Жуковского.

Гагарин. – Имеется в виду Григорий Иванович Гагарин. (См. прим. на стр. 688.)

9. Г. Р. Державину. Дерпт, 29 июня 1816*

Впервые – «Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота», т. VI. Спб., 1871.

10. Гете. Петербург, 25 февраля (9 марта) 1822*

Впервые – «Русский архив», 1870, № 10. Оригинал на французском языке (перевод И. Д. Гликмана). Данное письмо является ответом на письмо Иоганна-Вольфганга Гёте (1749–1832) от 16 ноября 1821 г. Выехав осенью 1820 г. за границу, Жуковский мечтал о встрече с великим немецким поэтом и мыслителем. 29 октября 1821 г. в Иене состоялось свидание Жуковского с Гёте. Через шесть лет, будучи в Веймаре, Жуковский возобновил свое знакомство с Гёте и неоднократно с ним встречался.

...я ничего не мог сказать вам отчетливо... – Жуковский в письме к великой княгине Александре Федоровне рассказывал о необычайном волнении, охватившем его при свидании с Гёте: «Но свидание мое с ним было похоже на плавание мое по Рейну; оно было туманное, хотя он принял меня с ласкою».

И много милых теней восстает. – Цитата из посвящения к «Фаусту» Гёте.

11. Н. И. Гнедичу. <Май 1822, Петербург>*

Впервые – «Сочинения В. А. Жуковского», издание седьмое, т. VI. Спб., 1878, с цензурным искажением, устраненным в настоящем издании.

Что «Узник»? – Имеется в виду «Шильонский узник» Байрона в переводе Жуковского, изданием которого ведал Гнедич.

К тебе приехал... с Кавказа другой, прекраснейший узник... – Имеется в виду «Кавказский пленник», присланный Пушкиным. В письме из Кишинева от 29 апреля 1822 г. Пушкин просит Гнедича издать поэму: «...Вам предаю моего Кавказского Пленника... завещаю Вам скучные заботы издания».

...пришли мне... Виргилия Дидотова... – Имеются в виду произведения римского поэта

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya
Вергилия в издании парижской книгоиздательской фирмы Дидо.

И Иоанна попала в узники... – Имеется в виду «Орлеанская дева» Шиллера в переводе Жуковского, отданная в цензуру.

12. Н. И. Гнедичу. <Май 1822, Петербург>*

Впервые – журнал «Книжки недели», 1896, № 1.

...за присылку господина Марона. – Так Жуковский в шутку называет Вергилия Публия Марона, произведения которого он просил прислать в предыдущем письме.

Об «Иоанне» нам думать нечего: Кочубей не хочет ее пропустить... – Имеется в виду «Орлеанская дева», которая была запрещена для постановки на сцене министром внутренних дел Виктором Павловичем Кочубеем (1768–1834).

...жаль только тех стихов, которые достались бы в уста Екатерины. – Имеется в виду трагическая актриса Екатерина Семеновна Семенова (1786–1849), которая, по предположению Жуковского, должна была играть в «Орлеанской дева».

Об «Узнике» похлопочи... – Имеется в виду «Шильонский узник».

А «Узника» кавказского я в глаза не видел. – Жуковский сетует на то, что ему не удалось прочесть рукопись пушкинской поэмы.

Тургенев – Александр Иванович. (См. прим. на стр. 685.)

...попроси Уткина заказать для меня две доски медные... – Имеется в виду художник-гравер Николай Иванович Уткин (1780–1863), под руководством которого Жуковский занимался гравировкой на меди.

Нет ли у тебя «Энеиды» Петрова... – Имеется в виду перевод «Энеиды» Вергилия, сделанный поэтом-классицистом Василием Петровичем Петровым (1736–1799).

13. Н. И. Гнедичу. <Май–июнь 1822, Царское Село>*

Публикуется впервые.

...не написал тебе ни слова о «Узнике». – Имеется в виду «Кавказский пленник» Пушкина, прочитанный Жуковским в рукописи.

Из посвящения надобно выбросить замеченные стихи. – «Кавказский пленник» посвящен другу Пушкина, Николаю Николаевичу Раевскому (1801–1843), сыну генерала Н. Н. Раевского. Жуковский, познав на собственном опыте свирепость цензуры, вероятно советовал изъять из посвящения стихи о преследовании Пушкина: «Я рано скорбь узнал, постигнут был гоненьем...» и т. д.

...доставить генерал-адъютанту Бороздину... экземпляр без картинки. – Имеется в виду экземпляр «Шильонского узника».

Николай Михайлович Бороздин (1777–1830).

К письму Жуковского имеется приписка А. А. Воейковой, приглашающей Гнедича посетить Царское Село.

14. А. А. Бестужеву. 21 августа 1822*

Впервые – «Русская старина», 1888, № 11. Александр Александрович Бестужев (1797–1837); литературный псевдоним – Марлинский; декабрист, писатель и критик.

С удовольствием исполнил бы ваше лестное для меня желание... – Имеется в виду просьба о предоставлении литературного материала для альманаха «Полярная звезда» на 1823 г., издававшегося Бестужевым и К. Ф. Рылевым.

...доставить вам свою пиэсу. – В «Полярной звезде» на 1823 г. напечатано семь

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya произведений Жуковского.

«Альманах муз». – Имеется в виду альманах «Полярная звезда».

15. И. И. Дмитриеву. 11 февраля 1823 <Петербург>*

Впервые – «Русский архив», 1866, №№ 11–12.

...ваши стихи «Размышление по случаю грома»... – Имеется в виду стихотворение И. И. Дмитриева, являющееся вольным переводом философской оды Гёте «Границы человечества».

Все четверостишные басни прекрасны... – Имеются в виду четверостишные нравоучительные басни, так называемые «апологи», впоследствии опубликованные отдельным сборником. Данное письмо позволяет несколько уточнить датировку апологов Дмитриева; большинство из них, по всей вероятности, написано до 1826 г. – даты выхода первого сборника.

«Записки! Записки!» – Речь идет о мемуарах, впоследствии написанных Дмитриевым под заглавием «Взгляд на мою жизнь» и опубликованных посмертно.

...я принялся за новое издание старого... – Имеется в виду третье издание произведений Жуковского в трех томах. СПб., 1824.

Между тем грожусь на «Энеиду». – В 1822 г. Жуковский перевел отрывки из «Энеиды» Вергилия, однако план перевода всей поэмы не был осуществлен.

...приезд нашего канцлера... – Имеется в виду государственный деятель и дипломат граф Николай Петрович Румянцев (1754–1826). По табели о рангах канцлер – высший гражданский чин, соответствующий генерал-фельдмаршалу в табели военных чинов.

И граф Сергей Петрович здесь. – С. П. Румянцев (1755–1838), брат Николая Петровича, дипломат и государственный деятель.

16. Н. И. Гнедичу. <Осень 1823, Петербург>*

Впервые – «Русская старина», 1878, № 5.

Скажи Колосовой, что пиеса ее у меня. – Имеется в виду актриса Александра Михайловна Колосова (1802–1880), выбравшая для постановки пьесу французского драматурга Э. Скриба «Валерия, или Слепая».

Я обещал Милорадовичу... – Имеется в виду петербургский генерал-губернатор Михаил Андреевич Милорадович (1771–1825), состоявший членом Театрального комитета и оказывавший покровительство молодой актрисе А. М. Колосовой.

...мои грамматические хлопоты. – Имеется в виду подготовка к занятиям по русскому языку с великой княгиней Александрой Федоровной (будущей императрицей). В архиве Жуковского хранится большое количество таблиц и конспектов по русской грамматике. Еще в 1818 г. Жуковским была составлена русская грамматика на французском языке.

...уведомь меня о Батюшкове. – Имеется в виду поэт К. Н. Батюшков, страдавший психическим расстройством и привезенный из Крыма в Петербург.

Никите непростительно... – Имеется в виду родственник Батюшкова, будущий декабрист Никита Михайлович Муравьев (1796–1843).

17. Н. И. Гнедичу. <Осень 1823, Петербург>*

Впервые (с небольшими пропусками) – «Русская старина», 1878, № 5.

...прозвучал во услышание Медеи. – Имеется в виду актриса Екатерина Семеновна Семенова, игравшая роль Медеи в одноименной трагедии французского драматурга Лонжьера.

Итак, переведу пьесу. – Жуковский выполнил свое обещание, и 17 декабря 1823 г. состоялась премьера «Валерии» с участием А. М. Колосовой.

...квартиру, доступную Миллеру. – Имеется в виду петербургский врач Карл Яковлевич Миллер, лечивший больного К. Н. Батюшкова.

Их медлительность сердила меня... – Имеется в виду семья Муравьевых, заботящаяся о больном Батюшкове.

18. П. А. Вяземскому. <Декабрь 1823 – январь 1824, Петербург>*

Впервые печатается полностью; отрывок – в «Литературном наследстве», т. 58 (М., 1952).

...Сабурова получил. – Яков Иванович Сабуров (1798–1856) – офицер и литератор, приятель Пушкина и Вяземского.

Найдешь в ней свои пьесы. – В альманахе «Полярная звезда» на 1824 г. были напечатаны стихотворения Вяземского: «Петербург», «Давным-давно», «Воли не давай рукам», басня «Гвоздь и молот».

Каким образом познакомился ты с Зонтагом? – Егор Васильевич Зонтаг – морской офицер, женатый на племяннице Жуковского Анне Петровне Юшковой (1786–1864).

Он теперь в безопасности от самого себя... – Психически больной К. Н. Батюшков в 1822 г. трижды пытался покончить жизнь самоубийством.

С ним живет сестра... – Александра Николаевна Батюшкова.

Мы с Тургеневым опять сблизились. – Осенью 1823 г. между Александром Тургеневым и Жуковским произошла размолвка, для которой, по-видимому, не было серьезных причин. Об этом пишет Вяземский Тургеневу 1 октября 1823 г. следующее: «Не вхожу в ваши распри, хотя, признаюсь, из того, что видел, усматриваю одно ребячество, недостойное вас...»

«Бахчисарайский фонтан» – прелесть. – Жуковский прочел «Бахчисарайский фонтан» в рукописи через посредство Вяземского, которому Пушкин 4 ноября 1823 г. послал из Одессы свою поэму с просьбой издать ее и написать к ней предисловие.

Я думаю, надобно печатать у Семена. – Имеется в виду московский типограф Август Семен.

Обнимаю Кюхельбекера и прошу у него прощения. – Вильгельм Карлович Кюхельбекер (1797–1846) – поэт и декабрист. Неаккуратный в письмах, Жуковский, по-видимому, долго не отвечал Кюхельбекеру, переносившему в 1823 г. тяжелые невзгоды. Об этом Вяземский пишет Жуковскому 27 августа 1823 г.: «Кюхельбекер жалуется на твое невнимание к нему, и жалуется справедливо. Он несчастлив, и, следовательно, ты не прав».

19. В. К. Кюхельбекеру. <Конец 1823, Петербург>*

Впервые – «Русская старина», 1875, № 7. О своих взаимоотношениях с Жуковским В. К. Кюхельбекер незадолго до смерти писал следующее: «Ребенком я изучал его стихотворения: они согревали мое сердце, питали воображение. Наконец я покинул мирный приют, в котором вырос, – и первым моим желанием было увидеть самого поэта лицо к лицу, познакомиться, сблизиться с ним. В 1817 году привел меня к нему покойный Гнедич... И он полюбил меня, он удостоил меня своей дружбы. Потом... но зачем вспоминать то, за что заплатил я двадцатилетними страданиями? Жуковский не лишил меня своего сердечного участия и тогда, когда я пал в бездну злополучия» («Литературное наследство», т. 59). Публикуемое письмо Жуковского свидетельствует о глубокой симпатии, которую он испытывал к Кюхельбекеру. Из этого письма мы узнаем, что, затравленный, преследуемый, Кюхельбекер помышлял о самоубийстве. Характерно, что Жуковский, вопреки своей теории непротivления злу, призывает его к активной борьбе со злом, к стойкости и жизнелюбию.

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya
Дельви́г Анто́н Анто́нович (1798–1831) – поэт, близкий друг Кюхельбекера.

20. А. Н. Голицыну. 2 января 1824 <Петербург>*

Впервые – «Русский архив», 1863, № 1. Александр Николаевич Голицын (1773–1844) – князь, реакционный государственный деятель, министр духовных дел и народного просвещения при Александре I.

Я недавно получил письмо, тронувшее меня до глубины сердца... – Имеется в виду письмо поэта Евгения Абрамовича Баратынского, написанное в конце 1823 г. из Финляндии, где он служил в Нейшлотском полку. В этом письме, рассчитанном на то, что оно будет доведено до сведения Александра I, Баратынский в покаянных тонах рассказывает о своем пребывании в Пажеском корпусе, о шалостях и проказах, направленных против корпусного начальства: «...я задумал составить общество мстителей, имеющее целью сколько возможно мучить наших начальников...» Это, как писал Баратынский, привело к исключению его из корпуса, горькому раскаянию и поступлению в 1818 г. в армию рядовым.

...за то добро, которое вы мне самому сделали. – Жуковский намекает на пенсию, назначенную ему в конце 1816 г. якобы по ходатайству Голицына. Однако в письме к А. П. Зонтаг он писал: «Все сделала попечительная дружба Тургенева. Он без моего почти ведома заставил поднести кн. Голицына... государю экземпляр моих сочинений».

Государь в судьбе Баратынского был явным орудием промысла... – Баратынский был исключен из Пажеского корпуса по личному приказу Александра I. Это обстоятельство усложняло хлопоты за Баратынского, тем не менее они увенчались успехом: весной 1825 г. Баратынский, произведенный в офицеры, получил возможность вернуться в Москву.

...«еще ему далече сушу»... – цитата из евангельской притчи о блудном сыне. Перевод цитаты: «И когда он был еще далеко, увидел его отец его и сжалился; и, побежав, пал ему на шею, и целовал его».

21. П. А. Вяземскому. 22 сентября <1824>, Петербург*

Впервые печатается полностью; отрывок – в «Литературном наследстве», т. 58 (М., 1952).

Я получил приказание вашего сиятельства... – Несмотря на шуточный тон обращения, речь идет о серьезных вещах: о поручении Вяземского по делу об ущемлении авторского права А. С. Пушкина, выразившемся в том, что книгоиздатель Е. И. Ольдекоп перепечатал без разрешения автора «Кавказского пленника» вместе с переводом его на немецкий язык. Пушкин в письме к Вяземскому от 15 июля 1824 г. жаловался на «плутню» Ольдекопа и выразил желание «хлопотать о взыскании по законам».

...написать в Псков к Сергею Львовичу и решились взвалить хлопоты переписки на такого человека, который давно забыл, как пишутся письма... – Жуковский имеет в виду отца А. С. Пушкина, который мог отстаивать законные права сына, находившегося в ссылке. Однако Вяземский поручил переписку князю П. И. Шаликову, внесшему путаницу в дело.

...действовать в Москве через Оболенского. – Имеется в виду председатель Московского цензурного комитета.

...позаботься о моих трех томах... – Имеется в виду готовящееся издание стихотворений Жуковского в трех томах.

...что-нибудь сделаю по «Инвалиду». – Имеется в виду военная газета «Русский инвалид», при которой в качестве приложения издавались «Новости литературы».

22. П. А. Осиповой. 12 ноября <1824>, Петербург*

Впервые – «С.-Петербургские ведомости», 1866, № 146. Прасковья Александровна Осипова (1780–1859) – владелица села Тригорского, близкий друг Пушкина.

...я имел честь получить письмо ваше... – Имеется в виду письмо, в котором П. А. Осипова сообщала о столкновении А. С. Пушкина с отцом (см. примечание к письму № 2 Жуковского к Пушкину).

Лев Пушкин уверял меня, что письмо к Адеркасу остановлено... – Имеется в виду письмо к псковскому губернатору Б. А. Адеркасу, в котором Пушкин просил перевести его из села Михайловского в какую-нибудь крепость. Авторитетное свидетельство Льва Сергеевича Пушкина дает основание утверждать, что письмо к Адеркасу не было отправлено.

23. В. К. Кюхельбекеру. <Вторая половина 1825, Петербург>*

Впервые – «Русская старина», 1902, № 4.

Не имею времени заняться переводом «Макбета»... – Из текста данного письма явствует, что Кюхельбекер предложил Жуковскому совместно перевести «Макбета» Шекспира.

Примитесь один за этот подвиг. – Жуковский не мог предполагать, что Кюхельбекер через несколько лет действительно совершит такой подвиг. Он перевел «Макбета», находясь в тюремном заключении. В 1829 г. А. А. Дельвиг готовил издание этого перевода, которое, однако, не вышло.

24. Е. Г. Пушкиной. 1826 г. С. с. 24 февраля <Петербург>*

Впервые – «Деятнадцатый век. Исторический сборник, издаваемый Петром Бартеневым». М., 1872. Елена Григорьевна – жена, а с 1825 г. – вдова Алексея Михайловича Пушкина, переводчика и актера-любителя.

...напишите еще раз о Батюшкове. – К. Н. Батюшков с 1824 г. находился в больнице в Зонненштейне, неподалеку от Дрездена, в котором проживала Е. Г. Пушкина.

Все, что могло привязывать ее к жизни, разом рухнуло. – Имеется в виду арест двух сыновей Е. Ф. Муравьевой – декабристов Никиты Михайловича и Александра Михайловича.

Бедный наш друг! Для него теперь все это не существует! – Имеется в виду К. Н. Батюшков – родственник и близкий друг братьев Муравьевых.

Александра Николаевна. – Имеется в виду сестра К. Н. Батюшкова.

25. Н. И. Гнедичу. 14 (26) ноября <1826>, Дрезден*

Впервые – «Сочинения В. А. Жуковского», издание седьмое, т. VI. СПб., 1878.

Поздравляю с довершением великого подвига жизни. – Имеется в виду окончание работы над переводом «Илиады», которое датируется 15 октября 1826 г.

...не спешить являться с трудом своим в свет... – Гнедич внял этому совету: в течение двух лет он вносил поправки в свой перевод и опубликовал его лишь в 1829 г.

26. П. А. Вяземскому. 26 декабря 1826, Дрезден*

Впервые публикуется полностью; отрывки – в «Литературном наследстве», т. 58 (М., 1952).

...приняться за издание журнала... – Имеется в виду «Московский телеграф», начавший выходить в 1825 г. Одним из руководителей журнала был П. А. Вяземский.

Жаль только, что ты розно с Пушкиным... – Пушкин в письме от 9 ноября 1826 г. предлагал Вяземскому совместно издавать журнал, но Вяземский, связанный с «Московским телеграфом», не принял этого предложения.

Но демократия, с которой связался Пушкин... – Жуковский, вероятно, имеет в виду кружок молодых московских литераторов, задумавших издавать журнал «Московский вестник», который начал выходить с января 1827 г. под редакцией М. П. Погодина (1800–1875), сына крепостного крестьянина. Пушкин принимал деятельное участие в издании «Московского вестника». После восстания декабристов в мировоззрении Жуковского особенно усилились антидемократические тенденции.

...занят уроками детскими, таблицами, выписками... – Имеется в виду приготовление к занятиям с наследником престола. Жуковский придавал очень большое значение своей педагогической работе, твердо веря в то, что ему удастся воспитать просвещенного и гуманного монарха.

«Твой век принадлежит тебе!» – Верно понимая громадную общественную роль писателя, Жуковский пытался по-своему воздействовать на Пушкина; он призывал его если не к полному примирению с николаевской действительностью, то по крайней мере к отказу от протестующих и критических мотивов творчества.

Псылаю Миньетову «Историю французской революции»... – Имеется в виду книга французского историка Франсуа-Огюста Минье (1796–1884), вышедшая в 1824 г. и запрещенная в России.

По-настоящему, «Телеграфу» надобно бы быть просто телеграфом... – Вопреки этому совету Жуковского, редакция «Московского телеграфа» имела самостоятельную широкую программу, стремилась сделать свой журнал, по выражению В. Г. Белинского, «зеркалом современности».

«Annales des voyages». – Полное название этого французского периодического издания, выходившего с 1819 по 1870 г.: «Annales des voyages, de la géographie, de l'histoire et de l'archéologie» («Анналы путешествий, географии, истории и археологии»).

Греч напечатал мои сказки. – В журнале Греча и Булгарина «Детский собеседник» за 1826 г., № 2, были напечатаны шесть переводных сказок Жуковского: «Волшебница», «Рауль Синяя Борода», «Колючая роза», «Братец и сестрица», «Милый Роланд и девица ясный цвет», «Красная шапочка».

...сердце за тебя часто болит... – Имеется в виду семейное горе Вяземского, у которого в апреле 1826 г. умер трехлетний сын Петр.

Миньета послал... – Имеется в виду книга Минье «История французской революции».

В данном письме имеется приписка А. И. Тургенева, в которой он сообщает Вяземскому о посылке книг и журналов.

27. Н. И. Гнедичу. <Начало 1827, Дрезден>*

Впервые – «Сочинения В. А. Жуковского», издание седьмое, т. VI. СПб., 1878.

До сих пор она пересылала ему его жалованье. – К. Н. Батюшков, находившийся с 1824 г. в больнице для душевнобольных в Зонненштейне, числился на службе по министерству иностранных дел.

...с каким чувством разделяю все то, что у нее теперь на сердце. – Жуковский снова выражает свое сочувствие Е. Ф. Муравьевой, чьи два сына-декабриста были осуждены на каторжные работы. (См. прим. на стр. 729.)

Батюшкова беспокоится. – Имеется в виду сестра К. Н. Батюшкова – Александра Николаевна.

Жажду «Годунова». – «Борис Годунов» Пушкина, вопреки ожиданиям Жуковского, был под запретом в течение пяти лет и вышел из печати лишь в 1831 г.

...чтоб бросил дрянь и был просто великим поэтом... – Здесь варьируется мысль, высказанная Жуковским в письмах к Пушкину и Вяземскому.

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya
28. Е. Г. Пушкиной. <Июнь 1827, Париж>*

Впервые – «Деятнадцатый век. Исторический сборник, издаваемый Петром Бартеневым». М., 1872.

От Н. есть известие. – Имеется в виду Николай Тургенев, о котором Жуковский, несмотря на резкие политические разногласия, восторженно отзывался и после декабрьского восстания. Об этом ярко свидетельствует данное письмо.

...приготовить к ужасной потере... – Графиня Генриетта Разумовская отправилась к Николаю Тургеневу в Лондон, чтобы сообщить ему о смерти младшего брата Сергея, последовавшей 1 июня 1827 г. в Париже.

Александр мой также здоров... – Имеется в виду А. И. Тургенев. (См. прим. на стр. 685.)

Гудович. – Имеется в виду Андрей Иванович Гудович, московский губернский предводитель дворянства.

29. В. В. Измайлову. Ноября 27, 1827 <Петербург>*

Впервые – «Сочинения В. А. Жуковского», издание седьмое, т. VI. СПб., 1878. Владимир Васильевич Измайлов (1773–1830) – писатель, журналист и переводчик.

...литературный подарок. – Имеется в виду альманах «Литературный музей на 1827 год», изданный В. В. Измайловым.

Находя в других альманахах, например у Федорова... – Имеется в виду альманах «Памятник отечественных муз на 1827 год», изданный Борисом Федоровым.

...я слишком уважаю поэзию, чтоб пускать в свет такого рода дрянь. Мое отсутствие сочтено было смертью... – Эти слова Жуковского нельзя принимать всерьез; они выдержаны в том ироническом тоне, которым пронизано почти все письмо, за исключением строк, посвященных И. И. Дмитриеву и Н. М. Карамзину. Так, например, в альманахе «Памятник отечественных муз на 1827 год» было впервые напечатано одно из самых замечательных стихотворений Жуковского «Невыразимое»; в журнале «Московский телеграф» за 1827 г. впервые опубликовано «Воспоминание» и перепечатано «К портрету Гёте»; в журнале «Славянин» за 1827 г. впервые появилось «Явление богов» и перепечатаны «Жалоба пастуха» и «Утешение в слезах» и т. д.

...моей песни о Наполеоне. – В. В. Измайлов опубликовал в «Литературном музее на 1827 год» стихотворение Жуковского «На первое отречение от престола Бонапарте» под заглавием: «Стихи на случай первого отречения Бонапарте, петье на празднике, данном английским министром лордом Каткартом».

Если Иван Иванович мог найти ее стоящею напечатания... – Имеется в виду И. И. Дмитриев, передавший текст стихотворения «На первое отречение от престола Бонапарте» Измайлову, который не знал о том, что оно было напечатано в 1816 г. в журнале «Сын отечества».

Стихи его о нашем улетевшем ангеле Карамзине... – Имеются в виду строки, посвященные Карамзину, из послания «В. В. Измайлову». Это послание И. И. Дмитриева было напечатано в «Литературном музее на 1827 год».

...отрывок письма Карамзина... – В «Литературном музее на 1827 год» была напечатана «Выписка из письма» Карамзина, адресованного И. И. Дмитриеву.

30. Д. В. Давыдову. 1829, 10 декабря <Петербург>*

Впервые (с пропусками) – «Библиографические записки», 1858, № 7; полностью – «Огонек», 1952, № 17. Денис Васильевич Давыдов (1784–1839) – поэт, писатель, герой Отечественной войны 1812 г.

...получить от тебя весточку... – Имеется в виду письмо Давыдова от 20 ноября 1829 г.

...несмотря на возню около тебя четырех крикунов... – Давыдов писал Жуковскому, что у него «четыре сына, молодец к молодцу».

Ты шутишь, требуя, чтобы я поправил стихи твои. – В письме от 20 ноября 1829 г. Давыдов просил Жуковского исправить присланные им стихотворения: «Взгляни на сии стихи, исправь их и пришли ко мне исправленные, как ты дельвал в старину с моими поэтическими и прозаическими вздорами».

Не отдать ли их в «Северные цветы», то есть три первых... – «Северные цветы» – литературный альманах, издававшийся поэтом А. А. Дельвигом. «Три первых» стихотворения – это, вероятно, «Бородинское поле», «Душенька», «N. N.» («Вы хороши! Каштановой волной...»); они были напечатаны в 1830 г. в «Литературной газете», редактором которой был издатель «Северных цветов» А. А. Дельвиг.

...эпитафии не пропустят. – Возможно, речь идет об эпитафии «Под камнем сим лежит Мосальский тощий».

31. Николаю I. <Февраль 1832, Петербург>*

Впервые (с пропусками) – «Русский архив», 1896, № 1.

Письмо Жуковского к Николаю I было вызвано запрещением журнала «Европеец» после выхода первых двух номеров. Журнал начал выходить с 1832 г. под редакцией писателя и критика Ивана Васильевича Киреевского (1806–1856) – будущего славянофила, примыкавшего в 30-х гг. к пушкинскому лагерю. В «Европейце» сотрудничали Жуковский, Баратынский, Языков, к нему сочувственно относились Пушкин и Чаадаев. Запрещение «Европейца» произвело тяжелое впечатление в прогрессивных литературных кругах России. 11 июля 1832 г. Пушкин писал И. В. Киреевскому: «Запрещение вашего журнала сделало здесь большое впечатление; все были на вашей стороне, то есть на стороне совершенной безвинности. Донос, сколько я мог узнать, ударил не из болгаринской навозной кучи, но из тучи. Жуковский заступился за вас с своим горячим прямодушием». Пушкин дает понять Киреевскому, что журнал был запрещен по приказу самого царя. Тем не менее Жуковский заступился за Киреевского, написав два письма: одно – Николаю I, другое – шефу жандармов Бенкендорфу.

В первой статье «Девятнадцатый век»... – Статья И. В. Киреевского «Девятнадцатый век» послужила главным поводом для запрещения «Европейца». Николай I увидел в ней замаскированный призыв к революции. Он нашел, что «под словом „просвещение“» Киреевский «понимает „свободу“, что „деятельность разума“ означает у него „революцию“».

В замечаниях на комедию «Горе от ума»... – Имеется в виду статья Киреевского «„Горе от ума“ на Московском театре», в которой автор осуждал преклонение перед иностранцами. Эту статью Николай I истолковал как «самую неприличную и непристойную выходку на счет находящихся в России иностранцев», имея, конечно, в виду тех «иностранцев», которые занимали важнейшие государственные посты в России. Жуковский, хорошо понимая, о каких иностранцах идет речь, в своем письме сделал тактический ход, уверяя Николая I, что Киреевский якобы «не понимает тех достойных уважения иностранцев, кои употреблены правительством».

Его мать выросла на глазах моих... – Мать И. В. Киреевского Авдотья Петровна (по второму мужу Елагина) была племянницей Жуковского.

Проезжая через Петербург... – В январе 1830 г. Киреевский гостил у Жуковского.

Из Берлина поехал он в Мюнхен, к брату... – Имеется в виду Петр Васильевич Киреевский (1808–1856) – фольклорист, впоследствии славянофил.

Открывшаяся в Москве холера... – Эпидемия холеры началась осенью 1830 г.

Он имеет врагов литературных... которые и здесь, в Петербурге, и в Москве срамят русскую литературу... – Имеются в виду Булгарин и Греч, а также редактор «Московского телеграфа» Н. А. Полевой, занявший в начале 30-х гг. резко отрицательную позицию по отношению к Пушкину, Дельвигу, Баратынскому, Вяземскому.

Этим людям всякое средство возможно... – Жуковский здесь намекает на политические доносы, которыми был известен Булгарин.

...но уже на первом шагу дорога его кончена. – Киреевскому, отданному под надзор полиции, было запрещено выступать в печати.

32. И. И. Козлову. 27 января <8 февраля> 1833. Верне, близ Веве*

Впервые (с пропусками) – «Русский архив», 1867, № 5–6. Иван Иванович Козлов (1779–1840) – поэт и переводчик. Жуковский был одним из самых близких и заботливых друзей Козлова, пораженного слепотой и параличом.

...или Жилля от Мёрдера. – Флориан Антонович Жилль преподавал французский язык иаследнику престола, великому князю Александру Николаевичу; Карл Карлович Мердер, генерал-адъютант, – воспитатель наследника престола.

...напомнят тебе и Руссо и Юлию. – Жан-Жак Руссо родился в Женеве; Юлия – героиня романа Руссо «Новая Элоиза», действие которого происходит в Швейцарии.

В Шильоне, на Бониваровом столбе вырезано его имя... – Байрон в поэме «Шильонский узник» воссоздал образ женевского патриота и республиканца франсуа Бонивара, проведшего шесть лет (с 1530 по 1536 г.) в подземелье Шильонского замка.

...нет ничего скучнее «Новой Элоизы»... – Жуковский недооценивает художественное значение романа Руссо, оказавшего большое влияние на европейскую литературу второй половины XVIII в.

Он не принадлежит к поэтам – утешителям жизни. – Жуковскому, при всей его любви к Байрону, остался чужд бунтарский, революционный романтизм великого английского поэта.

Я был в Эмсе, когда умерла Радзивил Витгенштейн... – Имеется в виду Стефания Доминиковна Витгенштейн (урожд. Радзивилл) – жена сына фельдмаршала П. Х. Витгенштейна, умершая 26 июля 1832 г. в двадцатитрехлетнем возрасте.

...пожми за меня руку Муравьеву. – Андрей Николаевич Муравьев (1806–1874) – поэт и религиозный писатель, автор трагедии из времен крестовых походов «Битва при Тивериаде», отрывки из которой были напечатаны Пушкиным во 2 томе журнала «Современник».

По глупой критике, напечатанной в «Северной пчеле»... – Имеется в виду рецензия на спектакль «Битва при Тивериаде», поставленный в 1832 г. и не имевший успеха.

...сердечное почтение графине Лаваль и дружеский поклон Борху. – Софья Ивановна Лаваль (1809–1871), вышедшая в 1833 г. замуж за камергера, графа Александра Михайловича Борха (1804–1867).

Татьяна Семеновна Вейдемейер – близкий друг И. И. Козлова.

33. Н. А. Маркевичу. 24 февраля 1834, С.-П<етер>бург*

Впервые – «Москвитянин», 1853, № 12. Николай Андреевич Маркевич (1804–1860) – поэт, украинский этнограф и историк.

...ваших «Украинских мелодий»... – Имеется в виду сборник Н. А. Маркевича, вышедший в 1831 г.

Вы принялись разрабатывать богатую мину... – Мина – от французского слова mine – рудник, жила, неисчерпаемый источник.

...вы обогатили свои «Мелодии»... примечаниями... – В подробных примечаниях к «Украинским мелодиям» содержатся исторические и этнографические сведения об Украине.

Если вам неизвестно это собрание баллад... – Имеется в виду издание «Баллады и

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya повести В. А. Жуковского», вышедшее в 1831 г.

34. С. л. Пушкину. февраля 15 <1837, Петербург>*

Впервые (в другой редакции) – «Современник», 1837, № 5. В настоящем издании печатается черновик письма Жуковского к отцу поэта – Сергею Львовичу Пушкину, опубликованный П. Е. Щеголевым в его книге «Дуэль и смерть Пушкина», П., 1916. Предпочтение, которое отдается первоначальной, черновой редакции, объясняется тем, что в письме, напечатанном в «Современнике» под заглавием «Последние минуты Пушкина», Жуковский по цензурным соображениям изъясил все драгоценные подробности, связанные с дуэлью и теми фактами, которые ей предшествовали. В этом очищенном варианте письма отсутствует даже самое слово «дуэль», упоминать о которой было запрещено, и смерть поэта воспринимается как следствие неведомой и роковой болезни. Отсюда неизбежное искажение тех подлинных слов, которыми Пушкин обменивался с лечившими его врачами, искажение общей картины последних дней Пушкина.

Публикуемый черновик письма Жуковского представляет собой очень большой интерес богатством фактического материала, обилием остро схваченных и мастерски зафиксированных подробностей. Рассказчик, будучи близким другом Пушкина, стоял у его смертного одра, и читатель получает сведения о последних часах поэта из первых рук. Это придает некоторым страницам письма волнующую достоверность документа. Тем не менее, составляя в начале февраля 1837 г. свое письмо, Жуковский задался целью не только сохранить для современников и для потомства облик умирающего Пушкина. Он поставил перед собой и другую, более сложную задачу: реабилитировать в глазах царя крамольного поэта, защитить его творческое наследие, ибо неопубликованные пушкинские рукописи находились под надзором шефа жандармов Бенкендорфа. Это обстоятельство побудило Жуковского пренебречь исторической истиной и, вопреки хорошо ему известным фактам, изобразить Николая I благодетелем, исполненным отеческой нежности наставником и другом Пушкина. А в соответствии с этой вымышленной схемой умирающий Пушкин превратился под пером Жуковского в верноподданного и елейного христианина, проникнутого любовью и признательностью к царю. Стремясь во что бы то ни стало примирить Николая I с покойным поэтом, Жуковский не останавливался перед искажением некоторых фактов. Это, конечно, наносит ущерб его письму о последних днях Пушкина.

Валуев. – Петр Александрович Валуев (1815–1880), будущий министр внутренних дел, был женат на дочери П. А. Вяземского – Марии Петровне.

...граф Вьельгорский находится у великой княгини... – Имеется в виду Михаил Юрьевич Виельгорский (см. прим. на стр. 704), находившийся у великой княгини Елены Павловны – жены великого князя Михаила Павловича.

...докторов Арендта и Спасского... – Николай Федорович Арендт (1785–1859) – лейб-медик Николая I; Иван Тимофеевич Спасский (1795–1859) – домашний врач Пушкиных.

Князь Мещерский. – Имеется в виду Петр Иванович Мещерский, женатый на дочери Карамзина – Екатерине Николаевне.

Полковник Данзас. – Константин Карлович Данзас (1801–1870). В 1837 г. Данзас был в чине подполковника инженерных войск.

д'Аршиак Огюст – виконт, секретарь французского посольства, секундант Дантеса.

...письма, которое им было написано к министру Геккерну... – Имеется в виду письмо Пушкина к барону Геккерну от 25 января 1837 г., в результате которого последовал вызов со стороны Дантеса.

...написал письмо к Ишимовой (сочинительнице «Русской истории для детей», трудившейся для его журнала). – Книга А. О. Ишимовой, вышедшая в декабре 1836 г., называется: «История России в рассказах для детей». А. О. Ишимова (см. прим. на стр. 708) по просьбе Пушкина перевела для «Современника» пять драматических сцен английского драматурга Барри Корнуола (1787–1874).

...в этом письме, довольно длинном... – Письмо Пушкина к Ишимовой от 27 января 1837 г. не отличается большим размером (в печатном виде оно занимает около 10 строк),
Страница 387

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya но это последнее из написанных им писем, по верному замечанию Жуковского, «есть памятник удивительной силы духа».

...это был Геккерн... – Имеется в виду Дантес, принявший фамилию своего приемного отца, барона Геккерена. (См. прим. на стр. 706.)

«Карамзина? тут ли Карамзина?» – Имеется в виду вдова Н. М. Карамзина Екатерина Андреевна.

Скажи государю, что я желаю ему долгого, долгого царствования... – П. Е. Щеголев в своей книге «Дуэль и смерть Пушкина» путем сопоставления различных фактов и показаний современников доказывает, что вся эта фраза, приводимая Жуковским, не была произнесена Пушкиным, который на самом деле просто просил передать благодарность Николаю I, обещавшему оказать покровительство его семье.

Доктор Даль. – Владимир Иванович Даль (1801–1872) – писатель, этнограф и языковед, врач по образованию.

...это распоряжение поймешь из приложенного плана... – Жуковским был нарисован план последней квартиры Пушкина в доме на Мойке.

...великая княгиня, очень любившая Пушкина, написала ко мне несколько записок... – Имеется в виду великая княгиня Елена Павловна, осведомлявшаяся о ходе болезни Пушкина.

...я отдавал подробный отчет ее высочеству... – Эти письма Жуковского к Елене Павловне до нас не дошли.

Что думал этот почтенный Барант... – Гильом-Проспер Барант (1782–1866) – французский писатель, дипломат и историк, посол Франции в России.

Тургенев – Александр Иванович. (См. прим. на стр. 685.)

...Е. И. Загряжская, граф и графиня Строгановы. – Екатерина Ивановна Загряжская (1779–1842), Григорий Александрович Строганов (1770–1857) – родственники жены Пушкина.

...это был день моего рождения. – Жуковский родился 29 января 1783 г.

35. А. Х. Бенкендорфу. <Февраль–март 1837, Петербург>*

Впервые (отрывки) – в книге академика А. Н. Веселовского «В. А. Жуковский. Поэзия чувства и „сердечного воображения“», СПб., 1904; полностью – в книге П. Е. Щеголева «Дуэль и смерть Пушкина», П., 1916. В настоящем издании публикуется первоначальный черновик письма к Бенкендорфу без последующих исправлений, внесенных Жуковским в писарскую копию. До сих пор остается не выясненным, было ли оно послано адресату. Александр Тургенев находил его слишком резким и чреватым опасностью для Жуковского и его друзей.

Письмо к Бенкендорфу пронизано той же тенденцией, которая легла в основу письма к С. Л. Пушкину: любой ценой реабилитировать покойного поэта, снять с него обвинения в политической вражде к существующему режиму, вычеркнуть его из списка «героев 14 декабря», превратить в приверженца николаевского самодержавия. Все это, по мнению Жуковского, было необходимо для спасения литературного наследия Пушкина, которому, несомненно, угрожала опасность со стороны Николая I и Бенкендорфа. В противном случае не было никакой необходимости в защите Пушкина, ибо ему уже ничто не могло угрожать: он был мертв, но его бессмертные творения могли быть подвергнуты запрету и гонениям. Об этом Жуковский был осведомлен больше чем кто бы то ни было. Не случайно Жуковский разбирал пушкинские рукописи под наблюдением жандармского генерала Дубельта, ибо эти рукописи, по убеждению царя, таили в себе политическую крамолу.

Жуковский, по тактическим соображениям, отводит Николаю I исключительную роль в формировании мировоззрения Пушкина после освобождения из ссылки. С 1826 г. поэт под «благодарным» влиянием царя якобы отказался от оппозиционных настроений, от «заблуждений» молодости. Однако письмо Жуковского исполнено непримиримых противоречий: с одной стороны – идиллия во взаимоотношениях между

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya царем-благодетелем и «благонамеренным» Пушкиным, а с другой – картина травли гениального поэта, картина, нарисованная правдивым и негодующим пером. И хотя Жуковский старательно подбирал самые осторожные выражения и слова, но и в них звучит резкое осуждение Бенкендорфа и Николая I, мучивших Пушкина, глумившихся над ним. Это, конечно, свидетельствует о том, что Жуковский очень хорошо понимал жизненную драму Пушкина, над которым как дамоклов меч висело неусыпное «попечительство» царя и шефа жандармов. Поэтому страницы письма, посвященные прославлению Николая I, который якобы «присвоил» себе Пушкина, выглядят не только неубедительно, но нестерпимо фальшиво.

Генерал Дубельт донес... – Николай I поручил Жуковскому разобрать бумаги Пушкина. Однако это распоряжение было вскоре отменено, и к Жуковскому был приставлен в качества помощника, а на самом деле в качестве наблюдателя, начальник корпуса жандармов Леонтий Васильевич Дубельт (1792–1862). Эта мера, оскорбительная не только для памяти Пушкина, но и для Жуковского, раскрывает подлинное отношение царя к покойному поэту. Жуковский и Дубельт приступили к разбору пушкинских бумаг 7 февраля 1837 г.

Корбова рукопись, о коей писал граф Нессельрод... – Имеется в виду «Дневник поездки в Московское государство в 1698 году» Иоанна-Георга Корба, опубликованный в Вене в 1700 г. Пушкин, вероятно, пользовался рукописным переводом «Дневника». Рукопись была, по-видимому, получена Пушкиным через посредство министра иностранных дел, графа Карла Васильевича Нессельроде (1780–1862).

Приступая к напечатанию полного собрания сочинений Пушкина... – В марте 1837 г. Жуковский представил Николаю I проект издания сочинений Пушкина в семи томах, причем последний том предназначался для неизданных произведений в стихах и прозе и избранных писем. Резолюция Николая на ходатайстве Жуковского гласит: «Согласен, но с условием выпустить все, что не прилично, из читанного мной в „Борисе Годунове“ и строжайшего разбора еще не изданных сочинений». Первоначальный проект Жуковского подвергся изменениям: в 1838 г. вышли восемь томов, а в 1841 г. – три добавочных тома.

...на меня уже был сделан самый нелепый донос. – Бенкендорф через своих агентов обвинил Жуковского в похищении бумаг, компрометирующих Пушкина. Это понадобилось для того, чтобы оправдать вмешательство жандармов в разбор пушкинского наследия.

...между ними нашлось именно то письмо... – Вероятно, имеется в виду письмо Пушкина к жене от 20–22 апреля 1834 г., вскрытое на почте и доставленное царю. В этом письме Пушкин в язвительном тоне говорит о своих взаимоотношениях с Александром I и Николаем I.

...это особенно выразилось в его письме к Чаадаеву... – Имеется в виду письмо к П. Я. Чаадаеву от 19 октября 1836 г. Жуковский пытается на примере этого письма доказать перемену в общественных взглядах Пушкина. Но вот что в нем говорится: «Хотя лично я предан сердечно и <императору> – я далеко не восхищаюсь всем, что вижу вокруг себя; как литератор, я раздражен, как человек с предрассудками – оскорблен, но, клянусь честью, ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, какую дал нам бог... Приходится сознаться, что общественная жизнь у нас жалкая. Это отсутствие общественного мнения, это равнодушие ко всякому долгу, справедливости и истине, это циническое презрение к мысли и к человеческому достоинству воистину могут довести до отчаяния». Дискутируя с Чаадаевым, Пушкин во многом считал себя его единомышленником, об этом свидетельствует многозначительная надпись на письме: «Ворон ворону глаз не выклюнет».

...испытавшего заслуженный гнев государя. – За опубликование «философического письма» Чаадаев был объявлен сумасшедшим и отдан под надзор полиции; журнал «Телескоп» был закрыт, а его редактор Н. И. Надеждин выслан из Москвы.

Он сам про себя осудил свою молодость... – Этот домысел Жуковского ни на чем не основан.

Он написал «Годунова»... – Жуковский делает здесь сознательную ошибку, отнеся создание «Бориса Годунова» к периоду царствования Николая I. Ему было хорошо известно, что трагедия написана в 1825 г.

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya
«К клеветникам России». – Стихотворение называется: «Клеветникам России».

«На взятие Варшавы». – Имеется в виду стихотворение «Бородинская годовщина», напечатанное в брошюре «На взятие Варшавы».

...оду «К свободе», «Кинжал», написанный в 1820 году. – Жуковский, вероятно, имеет в виду оду «Вольность»; «Кинжал» написан в 1821 г. Оба эти стихотворения, не напечатанные при жизни Пушкина, широко распространялись в списках.

...несчастливыми стихами к Лукуллу, за которые... друзья его жестоко ему упрекали. – Имеется в виду «На выздоровление Лукулла», представляющее собой злую сатиру на министра народного просвещения С. С. Уварова. (См. прим. на стр. 693.) Стихотворение наделало много шума в литературных и светских кругах. Вопреки уверениям Жуковского, друзья Пушкина восхищались разящей силой этой сатиры. Так, например, Александр Тургенев в письме к Вяземскому от 21 марта 1836 г. писал: «...Пушкин заклеил его <Уварова> бессмертным поношением. Поделом вору и вечная мука!»

Заговорщики против Александра... – Имеются в виду декабристы.

Я сообщу... в немногих словах политические мнения Пушкина... – Жуковский в своем упорном стремлении оправдать в глазах Бенкендорфа «демагога» Пушкина доводит характеристику его мировоззрения до карикатуры. Это еще было пронзительно замечено академиком А. Н. Веселовским, писавшим в 1904 г., что характеристику, данную Жуковским, «легко заподозрить в преднамеренном шарже». Дело не меняется от того, что Жуковский пользуется отдельными высказываниями Пушкина, но, вырвав их из контекста, нарочито их заостряя, он шаржирует политические взгляды своего подзащитного.

По убеждению своему, он был карлист; он признавал короля Филиппа... – Карлисты – представители реакционного, клерикально-абсолютистского течения в Испании, группировавшиеся в 30-х гг. XIX в. вокруг претендента на престол дона Карлоса. Герцог Луи-Филипп Орлеанский, провозглашенный после Июльской революции 1830 г. королем Франции.

...а вы из сего покровительства сделали надзор... – Вся фраза, несмотря на изысканную, светскую вежливость, полна острой иронии по отношению к Бенкендорфу.

...Геккерну угрожают... – Имеется в виду Дантес.

...до самого министра Геккерна... – Имеется в виду приемный отец Дантеса, нидерландский посол барон Геккерен. (См. прим. на стр. 706.)

...более десяти тысяч человек прошло... – По другим сведениям, количество людей, пришедших проститься с Пушкиным, достигало тридцати – сорока тысяч.

Граф Строганов – Григорий Александрович. (См. прим. на стр. 738.)

36. И. И. Дмитриеву. Марта 12 1837. СПб*

Впервые – «Русский архив», 1866, № 11–12.

Я поручил г. Бартеневу доставить вам экземпляр нового издания моих сочинений и особенный экземпляр «Ундины». – Юрий Никитич Бартенев (1792–1866) – литератор. Под «новым изданием» подразумевается четвертое издание стихотворений Жуковского в девяти томах; восьмой том вышел в 1837 г. Повесть «Ундина» вышла отдельным изданием в 1837 г.

...вы будете меня бранить за мои гекзаметры. – Имеется в виду «Ундина», написанная гекзаметром.

Судьба, как и поэты, охотница до инверзии. – Имеются в виду превратности судьбы; инверсия – изменение обычного порядка слов в предложении.

...мое подробное письмо к С<ергею> Львовичу... – Имеется в виду письмо к С. Л. Пушкину, напечатанное в «Современнике», 1837, № 5.

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya «Медный всадник» и «Каменный гость»... будут напечатаны в «Современнике»... – «Медный всадник» был напечатан в «Современнике», 1837, № 5, а «Каменный гость» – в сборнике «Сто русских литераторов», СПб., 1839.

...причины страданий были все мелкие... – Это утверждение Жуковского противоречит той глубокой характеристике, которую он дал в письме к Бенкендорфу жизненной драме Пушкина.

37. Н. Н. Шереметева. 11 апреля <1837, Петербург>*

Впервые – «Сочинения В. А. Жуковского», издание седьмое, т. VI. СПб., 1878. Надежда Николаевна Шереметева (1775–1850) – близкий друг Жуковского, Гоголя и Языкова, тетка поэта Ф. И. Тютчева.

38. П. А. Вяземскому. 30 октября <1837>, Москва*

Впервые – сборник «Памяти В. А. Жуковского и Н. В. Гоголя. Выпуск первый». СПб., 1907.

Вот мы и в Москве, проглотив около 20 000 верст. – Имеется в виду путешествие по России наследника, великого князя Александра Николаевича, которого сопровождал Жуковский.

Здесь, в Москве, без Ивана Ивановича пусто. – Имеется в виду поэт И. И. Дмитриев, скончавшийся 3 октября 1837 г.

Проезжая через Тулу, где я начал жить... – В Туле Жуковский провел детские и отроческие годы, обучаясь в частном пансионе, а затем в народном училище.

...тот № газеты, где напечатана статья о нем Шевырева... – Имеется в виду газета «Московские ведомости» от 16 октября 1837 г., в которой напечатан некролог И. И. Дмитриева, написанный С. П. Шевыревым.

...я проехал в виду Астафьева... – Имеется в виду подмосковное имение П. А. Вяземского Остафьево.

Представитель лучшего старого времени в литературе и представитель лучшего нового времени сошли со сцены. – Имеются в виду И. И. Дмитриев и А. С. Пушкин.

...надежда для будущей генерации? – Для будущего поколения (от латинского слова generatio).

На Карамзине II, на Андрее... – Имеется в виду сын историка Андрей Николаевич Карамзин (1814–1854).

Как отец, начал он письмами... – Имеются в виду письма Андрея Карамзина к матери, написанные из-за границы в течение 1836–1837 гг. Хотя эти письма не были предназначены для печати, но они представляют собой несомненный литературный и общественный интерес. Жуковский сравнивает их с «Письмами русского путешественника» Н. М. Карамзина, что, конечно, является преувеличением.

Но черт побери пушки. – Андрей Карамзин был артиллерийским офицером.

...и не пушками застрелишь Булгариных... – Жуковский неоднократно отзывался с большой резкостью о Булгарине, опозорившем звание литератора доносами, интригами и плутнями.

Я просил Солнцева... – Матвей Михайлович Солнцов (1779–1847) – камергер, женатый на тетке А. С. Пушкина – Елизавете Львовне.

...в том виде, в каком он сам их в последний раз издал. – Имеются в виду «Стихотворения Ивана Ивановича Дмитриева», чч. I–II. СПб., 1823.

Я бы желал присоединить к старому: «Записки»... – Имеются в виду мемуары И. И. Дмитриева «Взгляд на мою жизнь».

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya
Ценные письма И. И. у Екатерины Андреевны. – Имеются в виду письма И. И. Дмитриева, находившиеся у вдовы Н. М. Карамзина.

Какое счастье, что он приехал в Москву дня за три до моего отъезда. – Жуковский виделся с Дмитриевым в первых числах августа 1837 г. в Москве, откуда он выехал 9 августа.

Поблагодари мою милую Иосифовну... – Имеется в виду Александра Осиповна (Иосифовна) Смирнова-Россет.

Иосиф. – Имеется в виду сын М. Ю. Виельгорского – Иосиф Михайлович (1817–1839).

Навести Козлова, он в ужасном положении. – Имеется в виду поэт И. И. Козлов, пораженный слепотой и параличом.

39. Ю. Ф. Барановой. <Апрель 1838>, Петербург*

Впервые – «Русская старина», 1902, № 4. Графиня Юлия Федоровна Баранова (1790–1864) – воспитательница дочерей Николая I.

Историческое обозрение... – Жуковский, выступающий под именем некоего Матвея, в юмористическом духе рассказывает историю выкупа из крепостной неволи поэта Тараса Григорьевича Шевченко (1814–1861), в судьбе которого он принимал горячее участие. В основе этого шуточного обозрения лежат подлинные факты. Помещик Энгельгардт запросил за Шевченко 2500 рублей. Для того чтобы собрать деньги, было решено разыграть в лотерею портрет Жуковского, написанный художником Карлом Павловичем Брюлловым (1799–1852). Таким образом, нужная сумма была собрана, и 22 апреля 1838 г. Шевченко получил отпускную.

Хотелось бы мне написать картину... – Т. Г. Шевченко, как известно, был одарен талантом художника, и его друзья, в том числе Брюллов и Жуковский, стремились определить его в Академию художеств.

...потому что достался государыне императрице. – В покупке лотерейных билетов принимала участие и царская семья.

...неподражаемой Тальони. – Мария Тальони (1804–1884) – итальянская балерина.

...Матвей скоро поедет за границу. – Жуковский выехал за границу в начале мая 1838 г.

40. И. И. Козлову. Венеция 4(16) ноября <1838>*

И. И. Козлову. Впервые (с пропуском) – «Русский архив», 1867, № 5–6.

Фельдъегерь ездил к нам поминутно. – Жуковский путешествовал вместе с наследником – великим князем Александром Николаевичем.

Тасс. – Имеется в виду итальянский поэт Торквато Тассо (1544–1595).

...вместо церкви Петра и Павла... – Имеется в виду Петропавловский собор в Петербурге.

...памятник осады Тиры... – Тир – город на малоазиатском побережье Средиземного моря, утраченный Венецией в XV в. в результате венециано-турецких войн.

Я был в Милане у Манцони! – Имеется в виду писатель Алессандро Мандзони (1785–1873), автор известного исторического романа «Обрученные».

...в Isola Bella за обедом у Борромея... – Живописный остров из группы Борромеиских островов на итальянском озере Лаго-Маджоре. Здесь Жуковский познакомился с графом Борромеи.

...этот слог напомнил мне Каподистрию... – Иоанн Каподистрия (1776–1831) – граф, греческий государственный деятель. В 1809 г. Каподистрия перешел на русскую службу в качестве дипломата.

Графиня Потоцкая. – Мария Александровна Потоцкая (1806–1845) – приятельница И. И. Козлова и Жуковского.

41. Н. Н. Шереметевой. <Март 1839, Вена>*

Впервые – «Библиографические записки», 1858, № 22.

...он в горе от потери жены своей. – Осенью 1838 г. у поэта Ф. И. Тютчева скончалась жена.

Он человек необыкновенно гениальный... – Эта столь высокая оценка Ф. И. Тютчева, по-видимому, совпадает с мнением Пушкина, опубликовавшего в 1836 г. в «Современнике» большой цикл стихотворений Тютчева, имя которого было тогда почти неизвестно.

Скажите мое сердечное почтение Екатерине Федоровне. – Имеется в виду Е. Ф. Муравьева.

42. П. А. Плетневу. 17 (29) июля 1840, Дармштадт*

Впервые – «Сочинения и переписка П. А. Плетнева», т. III. СПб., 1885. Петр Александрович Плетнев (1792–1865) – поэт и критик, ректор Петербургского университета, издатель журнала «Современник»; Плетнев был связан тесной дружбой с Пушкиным, Гоголем, Вяземским. С Жуковским он познакомился в середине 10-х гг. Их дружеская и деловая переписка, начавшаяся в начале 20-х гг., продолжалась вплоть до самой смерти Жуковского. Плетнев принимал деятельное участие в издании сочинений Жуковского.

...что вы скрутили в дугу Смирдина. – Имеется в виду издатель и книгопродавец А. Ф. Смирдин.

...определяю вас моим литературным палачом. – Жуковский поручил Плетневу наблюдение за изданием своих сочинений.

В нем находится письмо к Кюхельбекеру... – До своего отъезда в Германию Жуковский в конце ноября 1839 г. хлопотал через генерала Бенкендорфа о разрешении печатать произведения ссыльного Кюхельбекера, однако Николай I оставил без внимания это ходатайство. Так как корреспонденция, адресованная ссыльным декабристам, проверялась полицией, Жуковский отправил письмо и посылку Кюхельбекеру через начальника штаба корпуса жандармов генерала Дубельта. Кюхельбекер в письме из Баргузина от 10 ноября 1840 г. горячо благодарил Жуковского за дружеское внимание.

Радовиц Иосиф (1797–1853) – прусский генерал и государственный деятель, с которым Жуковский познакомился в 1827 г. в Берлине.

...нашего министра Убриля... – Имеется в виду русский посланник во Франкфурте-на-Майне Петр Яковлевич Убри.

Поручаю вам поклониться от меня Субботе Одоевского... – Имеются в виду литературные вечера и дружеские собеседования, устраиваемые по субботам в доме писателя и музыкального деятеля Владимира Федоровича Одоевского.

43. А. Я. Булгакову. 11(23) апреля 1843, Дюссельдорф*

Впервые – «Библиографические записки», 1858, № 18. Александр Яковлевич Булгаков (1781–1863) – московский почт-директор, любитель литературы и музыки, близкий приятель Вяземского, Александра Тургенева, Жуковского. Вяземский назвал Булгакова «членом-корреспондентом нашего кружка».

...нанять извозчика и съездить на Воробьевы горы. – См. примечание к письму Гоголю, № 12.

...твой приятный литературный подарок. – Имеется в виду статья А. Я. Булгакова

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya
«Воспоминания о 1812 годе».

Пушкин начал было по моему совету записывать рассказы Загряжской... – Пушкин начал в 1833 г. записывать рассказы, обрывки воспоминаний Натальи Кирилловны Загряжской (1747–1837), вошедшие в его «Застольные разговоры». По свидетельству П. А. Вяземского, «Пушкин заслушивался рассказов Натальи Кирилловны».

44. А. О. Смирновой. 4(16) января 1845. <Франкфурт-на-Майне>*

Впервые (с пропусками) – «Русский архив», 1871, № 11. Александра Осиповна (Иосифовна) Россет, в замужестве Смирнова (1809–1882), – фрейлина, дружившая с Пушкиным, Жуковским, Гоголем.

...приглашенный туда Толстыми... – Имеется в виду семья графа Александра Петровича Толстого.

45. А. Ф. Фон-дер-Бриггену. 18(30) июня 1845, Франкфурт-на-М<айне>*

Впервые – «Русский архив», 1867, № 5–6. Александр Федорович фон-дер-Бригген (1792–1859) – герой Бородинского сражения, декабрист, осужденный на каторжные работы в Нерчинские рудники. По отбытии наказания переселился в 1836 г. в Курган, Тобольской губернии. Жуковский познакомился с А. Ф. Бриггеном во время путешествия с наследником по России в 1837 г.

Сердечно благодарю... за желание ваше посвятить мне ваш перевод Кесаря... – Имеется в виду перевод «Записок о Галльской войне» Юлия Цезаря, сделанный в ссылке А. Ф. Бриггеном с посвящением Жуковскому. Несмотря на хлопоты Жуковского, этот перевод, высоко оцененный также и Кюхельбекером, опубликовать не удалось.

Тацит Корнелий (55–120) – древнеримский историк.

Живу анахоретом... – Анахорет – человек, живущий в уединении, отшельник.

...на следующий год перенесу свое уединение на берега Невы или Москвы-реки. – Это намерение не было осуществлено. После женитьбы Жуковскому так и не удалось побывать в России.

46. П. А. Плетневу. 1 июля 1845 <Франкфурт-на-Майне>*

Впервые – «Сочинения и переписка П. А. Плетнева», т. III. СПб., 1885.

...ко мне явился Эртель. – По-видимому, писатель Василий Андреевич Эртель (1793–1847).

...одну из таких сказок, во всех статьях русскую... – Имеется в виду «Сказка о Иване-царевиче и сером волке».

...я обещал вам «Капитана Боппа», а он попал к Соллогубу... – Имеется в виду повесть Жуковского, напечатанная в альманахе «Вчера и сегодня» на 1845 г. Альманах был издан писателем, автором повести «Тарантас», Владимиром Александровичем Соллогубом (1813–1882).

...для прочтения министру. – Имеется в виду министр народного просвещения С. С. Уваров. (См. прим. на стр. 693.)

Благодарю за список моего письма, переписанного бароном Розеном. – Имеется в виду статья Жуковского «О меланхолии в жизни и в поэзии», переписанная драматургом и переводчиком бароном Егором Федоровичем Розеном. (См. прим. на стр. 706.)

47. А. Я. Булгакову. 20 декабря 1845 (1 января 1846) <Франкфурт-на-Майне>*

Впервые (с пропусками) – «Русский архив», 1868, № 9.

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya
...в такую горькую для обоих нас минуту. – Имеется в виду смерть Александра
Тургенева, последовавшая 3 декабря 1845 г.

...проведенных под зимнею вьюгою... – Имеются в виду посещения А. Тургеневым
пересыльной тюрьмы на Воробьевых горах для оказания помощи заключенным.

Вчера я послал к его брату письмо... – Имеется в виду Николай Иванович Тургенев.

Александра Ильинишна. – Имеется в виду двоюродная сестра Тургенева А. И.
Нефедьева.

48. А. Я. Булгакову. 31 декабря 1845 (12 января 1846) <Франкфурт-на-Майне>*

Впервые (с сокращениями) – «Русский архив», 1868, № 9.

Благодарю тебя... за доставление статьи Погодина. – Имеется в виду статья М. П.
Погодина «Воспоминание об Александре Ивановиче Тургеневе», напечатанная в газете
«Московские ведомости» от 11 декабря 1845 г.

Но она, как все, что пишет Погодин, аляповата. В нем... нет никакого такту. – Эта
оценка Жуковского совпадает с суждениями Гоголя о М. П. Погодине, к
славянофильским взглядам которого он, тем не менее, относился сочувственно.

А тебя прошу передать приложенное письмо князю Щербатову. – Алексей Григорьевич
Щербатов – московский генерал-губернатор.

49. А. Ф. Фон-дер-Бриггену. 1(13) июня 1846. Франкфурт-на-М<айне>*

Впервые – «Русский архив», 1867, № 5–6.

Первый том вашего перевода я получил... – Имеется в виду перевод «Записок о
Галльской войне» Юлия Цезаря.

Но что такое теперешняя русская литература? – В литературе 40-х гг. Жуковский
ценил лишь одного Гоголя. После смерти Пушкина и Лермонтова он говорил об упадке
русской литературы, не замечая постепенно складывающейся школы критического
реализма, давшей к концу десятилетия ряд выдающихся произведений.

Саллюстия или Гиббона? – Гай Крисп Саллюстий (86–35 до н. э.) – древнеримский
историк; Эдуард Гиббон (1737–1794) – английский историк, автор «Истории упадка и
разрушения Римской империи».

...возьмитесь скорее за маленький волюм Монтескье... – Волюм – том (франц. volume);
имеется в виду «Рассуждение о причинах величия и падения римлян» французского
просветителя Шарля-Луи Монтескье (1689–1755).

...его бешеная ненависть к христианству мне противна. – Имеется в виду «История
упадка и разрушения Римской империи» Гиббона, которая носит резкий антицерковный
характер.

...возьмитесь за 24 книги «Всемирной истории» Иоганна Миллера... – Жуковский высоко
ценил труды швейцарского историка Иоганна Миллера, которые он штудировал в
молодости.

...письма Иоганна Миллера, особливо переписку его с Бонстеттенем. – См. письмо к
А. И. Тургеневу от 12 сентября 1810 г. и примечания к нему.

...письма Цицерононы... – Марк Туллий Цицерон – древнеримский писатель, оратор и
политический деятель. Его письма являются богатейшим источником для изучения
древнеримского общества I в. до нашей эры.

...Виландовом переводе Цицероновых писем. – Немецкий писатель Кристоф-Мартин
Виланд перевел и снабдил подробными примечаниями письма Цицерона.

50. С. С. Уварову. 12(24) сентября 1847. Франкфурт-на-Майне*

Впервые (отрывок с разночтениями) – «Стихотворения В. Жуковского», т. VIII. СПб., 1849; полностью – «Известия Академии наук по отделению русского языка и словесности», т. I. СПб., 1852.

...по поводу замышленного вами моего юбилея... – В 1847 г. П. А. Вяземский и П. А. Плетнев предполагали отметить юбилейными торжествами пятидесятилетие поэтической деятельности Жуковского, однако министр народного просвещения С. С. Уваров отменил юбилей, так как стало известно, что Жуковский не сможет приехать в Россию. Только 29 января 1849 г. (в день рождения Жуковского) был устроен скромный праздник в доме П. А. Вяземского, на котором юбиляр не присутствовал. Таким образом, слова благодарности, адресованные Уварову, имеют иронический смысл. Следует вообще заметить, что в письмах и дневниках Жуковского имеется немало критических отзывов об Уварове.

В Дюссельдорфе я нашел профессора Грасгофа... – Карл Грасгоф (1799–1874) – эллинист, автор нескольких исследований по критике текстов Гомера и Гесиода.

Вы можете слышать самого Гомера... – Уваров знал греческий язык.

...гиперборейским представителем... – Подразумевается русский переводчик Гомера; гиперборейцы в греческой мифологии – счастливый народ, живущий на Севере. На поэтическом языке Россию называли «гиперборейской страной».

Повторяю здесь то, что сказал о труде моем в другом месте. – Имеется в виду письмо к И. В. Киреевскому («О переводе „Одиссеи“»), напечатанное в «Москвитянине», 1845, № 1.

Предприняв сделать новое, полное... издание моих сочинений... – Имеется в виду пятое издание (1849).

Рейф Филипп Иванович – составитель словарей, живший долгое время в России.

Мне хотелось бы сделать два издания разом «Одиссеи». – Идея Жуковского о необходимости издания «Одиссеи» с купюрами, предназначенной для юношества, не была осуществлена. Чрезмерная щепетильность Жуковского не вызвала сочувствия даже у Уварова. В своем письме от 10 ноября 1847 г. он писал Жуковскому: «Что же касается до очищенного издания „Одиссеи“, то, по моему мнению, нет никакой нужды к оному приступать. Везде и всегда юношество читает Омера в полных изданиях, и нигде не замечено, чтобы это чтение производило соблазн малейший».

Я же ее нарядил в ее отечественные гекзаметры; а вы на Руси были первым возобновителем и распространителем этой эллинской выкройки... – В начале 10-х гг. Уваров был в числе тех, кто отстаивал необходимость использования гекzamетра в переводах греческого эпоса.

51. А. С. Стурдза. 10 марта н. с. 1849. Vade-vade, maison Kleinmann*

Впервые (с сокращениями) – «Одесский вестник», 1855, № 2. Александр Скарлатович Стурдза (1791–1854) – реакционный публицист и дипломат.

...желание знать ваше мнение о моей «Одиссее»... – Стурдза, владевший древнегреческим языком, сверял перевод Жуковского с оригиналом.

...в вашем письме к Северину... – Дмитрий Петрович Северин (1791–1865) – дипломат; в молодости состоял в «Арзамасе».

...великого князя Константина Николаевича... – Константин Николаевич (1827–1892) – второй сын Николая I.

...дав ему давно обещание приняться за «Одиссею» и... ему посвятить ее. – Это обещание было дано Жуковским в письме к Константину Николаевичу от 28 октября 1842 г.

...отзыв – от Фарнгагена... – Карл-Август Фарнгаген фон Энзе (1785–1858) – немецкий писатель, критик, историк и лингвист.

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya... между Лагарпами Германии... – Имеются в виду критики, по имени французского критика и теоретика классицизма Жана-Франсуа Лагарпа.

Ф. Г. – Имеется в виду Фарнгаген.

...у нас классическая поэзия... еще небывалый гость. – Это утверждение странно звучит в устах Жуковского, восторженно отзывавшегося об «Илиаде» в переводе Н. И. Гнедича.

Я не понимаю 97-го и 98-го стихов XVI песни. – Жуковский оставил без изменения эти два стиха.

52. П. А. Плетневу. 6 марта 1850 <Баден-Баден>*

Впервые (отрывки) – в книге П. А. Плетнева «О жизни и сочинениях Жуковского», СПб., 1853; полностью – «Сочинения и переписка П. А. Плетнева», т. III. СПб., 1885.

...написать своего последнего стихотворения... – Имеется в виду стихотворение «Царскосельский лебедь», в котором поэт как бы прощается с жизнью и творчеством. Оно было окончательно завершено в конце 1851 г. и принадлежит к лучшим произведениям Жуковского.

Он не купит продолжения и «Вечного жида» и «Фоблаза»... – Имеются в виду широко популярные романы: «Вечный жид» Эжена Сю (1804–1857) и «Любовные похождения кавалера фоблаза» Жана-Батиста Лувре де Кувре (1760–1797).

А мне капитал мой будет ассюрирован. – Обеспечен (от французского слова *assurer*).

...надобно быть или святым Августином, или развратным циником Руссо. – В молодости Жуковский ценил в творчестве Руссо культ чувства, природы и дружбы. Ему были близки и некоторые педагогические воззрения великого французского мыслителя. В 40-х гг., когда отчетливо выступили консервативные и реакционные черты в мировоззрении Жуковского, он резко изменил свое отношение к Руссо. В данном письме Жуковский несправедливо осуждает знаменитую «Исповедь», в которой с большой художественной силой изображена жизнь Руссо. «Исповеди» противопоставляются сочинения средневекового богослова-фанатика, епископа Августина (354–430).

...женевского софиста. – Имеется в виду Руссо, родившийся в Женеве.

Журнала я не вел... – Это не соответствует действительности. До нас дошли дневники Жуковского, но записи в них, как правило, отличаются крайним лаконизмом.

«Замогильные записки» Ламартина... – Жуковский оговорился: двенадцатитомные мемуары под этим заглавием написаны не Ламартином, а Франсуа-Рене де Шатобрианом (1768–1848), французским писателем и реакционным государственным деятелем.

Казанова Джованни Джакомо (1725–1798) – итальянский авантюрист, автор «Мемуаров», содержащих картину нравов высших сословий западноевропейских стран второй половины XVIII в.

Не так писали свои мемуары Сюлли, С<ен>-Симон... Рец... – Максимилиан де Бетюн Сюлли (1559–1641) – герцог, французский государственный деятель; его перу принадлежат мемуары о хозяйственной и политической жизни Франции при Генрихе IV; Луи де Рувруа Сен-Симон (1675–1755) – герцог, французский политический деятель и писатель, автор знаменитых «Мемуаров», насчитывающих 21 том; Франсуа-Поль де Гонди Рец (1613–1679) – французский политический деятель и кардинал, автор «Мемуаров», отличающихся значительными литературными достоинствами.

...принялся за детскую азбуку. – В 40-х гг. Жуковский составлял курс обучения и воспитания своих малолетних детей, иносказательно называя его «педагогической поэмой»; он создал азбуку с рисунками, арифметический задачник и другие пособия по собственному методу.

...не потерпев от того индигестии. – Буквально: несварения желудка (от

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskya (французского слова indigestion).

Родионов Ростислав Родионович – придворный чиновник, выполнявший деловые поручения Жуковского.

53. П. А. Плетневу. 1(13) сентября 1851 г. Баден<-Баден>*

Впервые (отрывок) – в книге П. А. Плетнева «О жизни и сочинениях Жуковского», СПб., 1853; полностью – «Сочинения и переписка П. А. Плетнева», т. III. СПб., 1885.

...оно почти успокоило меня насчет Вяземского... – Имеется в виду семейное горе П. А. Вяземского, у которого в 1849 г. скончалась дочь Мария Петровна (в замужестве Валуева).

...к сыну в Голландию... – Имеется в виду Павел Петрович Вяземский (1820–1888), дипломат, служивший в Гааге.

...я принялся за поэму... – Имеется в виду поэма «Вечный жид».

Скажите от меня Вьельгорскому... – Имеется в виду Михаил Юрьевич Виельгорский. (См. прим. на стр. 704.)

...это пишет мне жена Павла Вяземского... – Имеется в виду сын П. А. Вяземского Павел Петрович.

54. П. А. Плетневу. 5 (17) марта 1852 г. Баден<-Баден>*

Впервые (с сокращениями и разночтениями) – в книге П. А. Плетнева «О жизни и сочинениях Жуковского», СПб., 1853; полностью – «Сочинения и переписка П. А. Плетнева», т. III. СПб., 1885.

...какою вестью вы меня оглушили... – Имеется в виду известие о смерти Гоголя.

И вот уж его нет! – Гоголь умер 4 марта (н. с.) 1852 г.

...две старушки – Елагина и Зонтаг. – Имеются в виду племянницы Жуковского: Авдотья Петровна Елагина и Анна Петровна Зонтаг – популярная детская писательница.

Гоголь, стоящий четыре дня на коленях... – Плетнев в письме к Жуковскому от 7 марта (н. с.) 1852 г. сообщал, что Гоголь «двои сутки провел на коленях перед образами без питья и пищи».

Правда ль, что у графа Толстого? – Александр Петрович Толстой (1801–1874) – ханжа и мракобес, будущий обер-прокурор Синода. Гоголь перед смертью жил у Толстого, занимавшего дом Талызина на Никитском бульваре.

А вас прошу сообщить мне как можно более подробностей... – В письме Плетнева к Жуковскому от 29 марта (н. с.) 1852 г. сообщаются подробности о сожжении Гоголем второго тома «Мертвых душ».

Примечания

1

«Ныне мутная неглинная». (Прим. В. Жуковского.)

2

Il est vraisemblable que les fables, dans le goût de celles qu'on attribue à Esope et qui sont plus anciennes que lui, furent inventées en Asie par les premiers peuples subjugués; des hommes libres n'auraient pas eu toujours besoin de déguiser la vérité: on ne peut parler à un tyran qu'en paraboles, encore ce détour même est-il dangereux. Voltaire. Questions sur l'Encyclopédie. Art. Fable. (Прим. В. Жуковского.)

Перевод:

Правдоподобно, что басни в духе тех, что приписываются Эзопу и которые более древни, чем он, были изобретены в Азии первыми поработанными народами; свободные люди, пожалуй, не имели надобности маскировать правду, с тираном же можно говорить только притчами, да и эта уловка является опасной. Вольтер. Вопросы по Энциклопедии. Ст. Басня (франц.).

3

Сатира VI, книга II. (Прим. В. Жуковского.)

4

Какой-то повод породил спор
У птиц – но не у тех, которых весна
Приводит в свой дворец и которые под листвою
Своим примером и своими звонкими звуками
Пробуждают в нас Венеру
(франц.)

5

...Порода
С подвижной шеей, с нежным и верным сердцем
(франц.)

6

Здесь говорится о первом издании Крылова, в одной книжке, 1808 года. (Прим. В. Жуковского.)

7

Два голубя любили друг друга нежною любовью
(франц.)

8

...Как с облаков
Нагрянул в свой черед орел, распластав крылья
(франц.)

9

Голубь воспользовался раздором воров
(франц.)

10

Ювенал, воспитанный в спорах школы*,
Довел до крайности едкую гиперболу
(франц.)

11

Петр II. (Прим. В. Жуковского.)

12

Егор, славный сапожник в Москве, умерший в 1729 г., а Рекс также славный московский портной, немец. (Прим. В. Жуковского.)

13

Прощай! (франц.).

14

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyya
«История Америки», «Мемуары» Лекена, «Каталог» Лагарпа (франц.), «Собрание
примеров» (нем.).

15

Душа подобна пламени, которое гаснет, если оно не разрастается (франц.).

16

Да здравствует разум! (франц.).

17

Это редкость (франц.).

18

Зло сделано, мой дорогой друг! (франц.).

19

Nota bene – заметь хорошенько (лат.).

20

Да будет стыдно тому, кто дурно об этом подумает (франц.).

21

Попурри (франц.).

22

Катрен (франц.).

23

Шедевры (франц.).

24

Увы! Бедный Жак! Я слишком сильно ощущаю свою нищету (франц.).

25

«Тринадцать дней» Гагарина (франц.).

26

Кстати (франц.).

27

«Немцы в Трансильвании» (нем.).

28

Этот человек – мой закадычный друг (англ.).

29

Подлинность, достоверность (франц.).

30

Автобиографию (нем.).

31

«Опыт изучения русских летописей» (нем.).

32

По-немецки (франц.).

33

Героическое стихотворение в романтическом духе (нем.).

34

«О преимуществе ранней смерти» (франц.).

35

Будь здоров! (лат.).

36

Постоянство и твердость могут быть вами достигнуты лишь тогда, когда все ваше время будет распределено столь же регулярно, как в монастыре (лат. и нем.).

37

Между нами говоря (франц.).

38

По образцу Шлёцера-сына (франц.).

39

До света требуй подать тебе книгу с лампадою; если
Ты не направишь свой ум к делам и стремленьям высоким,
Будешь терзаться без сна ты любви или зависти мукой
(лат.) (Перевод Н. Гинцбурга.)

40

«Историей дипломатии» (франц.).

41

Всемирную историю Шлёцера (нем.).

42

Государственное право (нем.).

43

В духе Глинки (франц.).

44

И если справедливо, что мы наконец достигли до той эпохи (уже известной в истории просвещения), эпохи, в которую человеческий ум, ступивший на крайнюю степень изобилия творческого и не могущий удовлетворять собственному своему стремлению, обращается на самого себя, дабы, исчислив свои сокровища, приобрести новые силы: то неоспоримо, что возрождению наук восточных встретились самые счастливые обстоятельства. Стремление живое... (франц.) (Перевод В. А. Жуковского.)

45

Если мы достигли (франц.).

46

Стремление живое и творческая сила не могут быть признаны отличительным качеством нашего времени (франц.). (Перевод В. А. Жуковского.)

47

Белье, друг мой, начинайте сначала (франц.).

48

В духе Сенеки (франц.).

49

«Духа еврейской поэзии» Гердера (нем.).

50

Проект (франц.).

51

Это не значит однако, чтобы я был выбран от дворянства. У нас в Орле не было милиции; я сам записался в Московскую. (Прим. В. А. Жуковского.)

52

Буквально (франц.).

53

Это именно так (франц.).

54

Так называемым (франц.).

55

До востребования (франц.).

56

Искренний и великодушный образ действия – признак и в то же время гарантия могущества. Меры, предпринимаемые для сохранения спокойствия, чаще всего бывают подлинной причиной народных волнений; вместо того чтобы умиротворять, они возбуждают беспокойство (франц.).

57

Наконец (франц.).

58

Смутно, неясно (франц.).

59

По крайней мере мое.

60

Я приговорен к гильотине; я взываю к милосердию, если это не удастся – придется взойти на эшафот; и я взойду, ибо честь моего сына мне так же дорога, как и его жизнь (франц.).

61

Приблизительно (франц.).

62

Я знаю человека, написавшего анонимные письма, и через неделю вы услышите, как станут говорить о мести, единственной в своем роде*; она будет полная, совершенная; она бросит этого человека в грязь; громкие подвиги Раевского* – детская игра в сравнении с тем, что я намерен сделать (франц.).

63

До востребования (франц.).

64

В одну восьмую долю листа.

65

Умный понимает с полуслова (франц.).

66

Да здравствует моральная философия! Да здравствует ее влияние даже на самую безалаберную кухню! Я хотел бы однако, чтобы философия нашего друга Киреевского была бы немножко более материальной, дабы он мог заделать отверстия в своем долбинском доме, в котором гуляет ветер, замораживающий пальцы у порядочных людей. Это уж, пожалуй, слишком цинично! (франц.)

67

То есть утра. Не забавно то, что я, читавший и критиковавший твою пьесу, забыл, что в ней описывается вечер, а не утро. Это, может быть, служит доказательством, что ты <несколько слов неразборчиво> выпустил из поля <?> зрения предмет твой, то есть вечер.

68

У него прекрасная душа! (франц.)

69

И много милых теней восстает*(нем.).

70

Неоднократные «добро пожаловать» и «прощайте» (нем.).

71

Кстати (франц.).

72

Буквально: чистый лист; полную свободу действий (франц.).

73

Неопределенно (франц.).

74

В «Эдинбургском обозрении», «Трехмесячном обозрении» (англ.), «Анналах путешествий» (франц.), Литературных газетах (нем.).

75

Посмертное творение (франц.).

76

Я ранен (франц.).

77

Не трогайтесь с места; у меня еще достаточно сил, чтобы сделать свой выстрел (франц.).

78

Не входите (франц.).

79

Благодарю вас, вы поступили по отношению ко мне как честный человек (франц.).

80

Надо устроить мои домашние дела (франц.).

81

Высокого полета (франц.).

82

И компанию (франц.).

83

Человек хорошего тона, полный обаяния; изысканность, соединенная с сердечной простотой; подлинное, не показное благородство в сочетании с пленительной безыскусственной скромностью, свойственной душе возвышенной и чистой (франц.).

84

Автор всегда будет считать своим счастливейшим днем тот день, когда ему удалось познакомиться с Г. Жуковским (итал.).

85

Предварительно (франц.).

86

Баден-Баден (франц.).

87

В прежнем положении (лат.).

88

«Замогильные записки» (франц.).

89

Казанова (итал.).

90 Мифологические имена и географические названия даются в написании, принятом В. А. Жуковским.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

е сочинений в четырех томах. Том 4. Одиссея. Проза. Статьи. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyva
<http://zhukovskyvasily.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,
недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!